

Белорусский государственный университет
Факультет социокультурных коммуникаций
Кафедра культурологии

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НОВАЯ ПАРАДИГМА ОХРАНЫ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ)**

**Сборник научных статей
по материалам IV Международной
научно-практической конференции**

(Минск, 11–12 апреля 2019 г.)

Минск
2019

УДК [008+316.77](082)

ББК 71я43

Н35

Рекомендовано
Советом факультета социокультурных коммуникаций БГУ
28 октября 2019 г., протокол № 3

Редакционная коллегия:

Т. С. Супранкова, Э. А. Усовская, Е. В. Борисевич (ответственные редакторы);
С. В. Снапковская, Г. В. Синило; С. Ю. Лебедев; И. В. Воробьева;
М. Ю. Шода; Е. К. Сельченко; Т. В. Зайдаль

Рецензенты:

декан факультета культурологии и социокультурной деятельности
Белорусского государственного университета культуры и искусств,
кандидат культурологии, доцент
Воронович Ирина Николаевна (Минск, Беларусь);
доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы
Ереванского государственного университета
Симян Тигран Сержикович (Ереван, Армения)

Национальные культуры в межкультурной коммуникации (Новая парадигма охраны культурного и природного наследия) : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск (11–12 апреля 2019 г.) / ред.-кол.: Т. С. Супранкова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2019. – 574 с.
ISBN 978-985-596-494-1.

В сборник вошли статьи, подготовленные по результатам выступлений на IV Международной научно-практической конференции «Национальные культуры в межкультурной коммуникации (Новая парадигма охраны культурного и природного наследия)». Конференция была проведена 11–12 апреля 2019 г. кафедрой культурологии факультета социокультурных коммуникаций БГУ. В статьях, вошедших в сборник, рассматриваются актуальные проблемы межкультурного взаимодействия в историческом, региональном, глобальном, социально-педагогическом, художественном, лингвистическом и других аспектах.

Рекомендовано студентам, преподавателям и всем интересующимся проблемами межкультурного взаимодействия.

УДК [008+316.77](082)

ББК 71я43

ISBN 978-985-596-494-1

© БГУ, 2019

© Оформление. ООО «Колорград», 2019

Секция 1. НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА И СТИЛЬ ЖИЗНИ

А. Х. Мустафаев

Институт философии Национальной Академии Наук
Азербайджана, отдел социальной философии,
пр. Г. Джавид, 115, AZ1073, Баку, Азербайджан
e-mail: mustafayev.azer54@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые аспекты национальной самобытности Азербайджана, компоненты его национальной культуры и образа жизни. Также отмечается, что современное этнокультурное развитие зависит от динамики развития и образа жизни общества. Указанные процессы рассматриваются на примере Азербайджана, отмечается, что высокая скорость социальных процессов сильно влияет на изменения приоритетов и ценностей, впечатления и обстоятельства, а также культурный фон и стиль жизни людей.

Ключевые слова: стиль жизни, современная культура, национальная культура, глобализация, образ жизни, общество, образование.

MODERN CULTURE AND LIFESTYLE

A. Kh. Mustafayev

Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Department of Social Philosophy, H. Javid ave. 115, AZ1073,
Baku, Azerbaijan
e-mail: mustafayev.azer54@gmail.com

The article discusses some aspects of the national identity of Azerbaijan, the components of its national culture and lifestyle. It is also noted that modern ethnocultural development depends on the analysis of the social structure and dynamics of the way of life of the society. Considering these processes on the example of Azerbaijan, it is noted that the high speed of social processes strongly influences changes in priorities and values, impressions and circumstances, as well as the cultural background of people's lifestyle.

Key words: lifestyle, modern culture, national culture, globalization, society, education.

Стиль жизни – присущий лишь кому-то уклад жизни, то, что отличает жизнь одного человека, семьи, социальной группы, этно-

са, цивилизации. Он связан с определенной организацией работы и быта, свободного времени, всех этапов жизненного пути в целом. Умение правильно организовать свою жизнь в неповторимое и прекрасное существование под красивым названием «стиль жизни» связано с воспитанием в человеке многих навыков и умений. В совокупности это следует называть культурой.

Считается, что «теоретическая и практическая ценность категории «стиль жизни» обусловлена тем, что она дает целостную картину жизни индивидов в определенных конкретно-исторических условиях, раскрывает макросоциальные закономерности на уровне их проявления в жизнедеятельности людей, тем самым делает возможным переходы от проблематики общества к проблематике личности и наоборот» [1, с. 66]. Через анализ данной категории можно проследить эволюцию социальных форм жизни на протяжении всего исторического периода развития человечества. М. Вебер, П. Бурдьё, Т. Веблен, Г. Зиммель напрямую связывали стиль жизни с экономической жизнью общества.

Стиль жизни, по мнению М. Вебера, это особенности субкультуры статусных групп, проявляющиеся в наборе черт, принципов, навыках поведения, на основании которых воздаются почести на уровне общества в целом, а также происходит дистанцирование статусных групп [2].

Заложенная Вебером традиция изучения стиля жизни в контексте социальной стратификации по сей день остается наиболее влиятельной. Предметом изучения Т. Веблена стали демонстративные практики потребления, именно в этом контексте он обратился к стилю жизни [3]. Таким образом, Т. Веблен стал основоположником традиции изучения стиля жизни в контексте потребительского поведения.

Благодаря Г. Зиммелю сформировалось третье направление интерпретации жизненных стилей. Проблематика жизненных стилей актуализировалась автором в контексте изучения идентификационных процессов в условиях прогрессирующей стилиевой дифференциации культуры. Поиск личностью собственной идентичности путем достижения баланса между общественными и внутренними импульсами и представляет собой, по версии Зиммеля, стиль жизни [4].

Стоит отметить, что традиция изучения стиля жизни нашла свое применение в различных направлениях социальных знаний, таких как социология, психология, культурология и т. д. Они часто пере-

секаются, дополняя друг друга. Поэтому говорить о последователях идей того или иного автора можно с определенной долей условности.

Отмечая важность всех этих подходов, можно прийти к выводу, что именно в сформировавшихся группах и слоях складывается характерный для данного общества уклад, а затем и стиль жизни. Он определяется также бытовыми особенностями, характером семейных отношений, духовными ценностями.

Различаются городской и деревенский стили жизни, стиль жизни богатого человека и бедноты, богемный стиль жизни, здоровый стиль жизни и т. д. [5, с. 9].

Принимая во внимание разнообразие национальной идентичности в многонациональной Республике Азербайджан, следует учитывать тот факт, что изучение культуры и образа жизни каждого его компонента является важной государственной задачей. Изучение современного этнокультурного развития нашего народа в первую очередь необходимо начинать с анализа социальной структуры и динамики развития общества, образа жизни разных социальных групп. На фоне последних международных мероприятий, проводимых государством с целью сохранения и развития национальных традиций и культурных ценностей, еще раз подтверждается важность материальных и моральных составляющих для понимания образа жизни населения страны.

Глобальная трансформация различных национальных культур человечества связана с развитием образа жизни городов, в которых сосредоточена основная культурная жизнь общества. В современном мире происходят процессы, сопровождающиеся распространением городского образа жизни и урбанизацией.

Несмотря на расширяющееся влияние урбанизации, в Азербайджане еще четко прослеживается различие сельского и городского образа жизни. Помимо господствующих в сельском образе жизни самобытности, естественности, гармонии с природой, здорового образа жизни, еще очень большое значение имеют годами складывающиеся кровнородственные отношения их жителей. А в городском образе жизни преобладает урбанизированная культурная инфраструктура, которая аккумулирует в себе множество традиций, индивидуальных характеров граждан, приехавших из различных регионов, специфический образ жизни представителей различных национальностей, этнических групп и т. д. В связи с этим городской образ жизни резко отличается от сельского уклада.

Здоровый образ жизни является одним из важных компонентов для развития современной культуры и общества. «Таким образом, когда мы говорим о здоровом образе жизни, надо полагать, во-первых, включает ли он в себя изначально нормально функционирующее единение телесных, психологических и духовных пластов самого индивида, его отличительных черт, привычек, правил поведения и стремлений в жизни, ...будучи взятыми в совокупность, определяют неповторимую картину существования индивида. А во-вторых, здоровый образ жизни немислим без существенного постоянного позитивного влияния на его формирование у отдельного индивида во множестве индивидов, со стороны такого же позитивного социального бытия, ...родовых, национальных и народных традиций, общественного строя, медицины и правопорядка» [6, с. 55]. Как видно, традиционная и современная национальная культура оказывают существенное влияние на формирование и развитие здорового образа жизни.

В наши дни под влиянием все более растущих возможностей коммуникационных процессов идет слияние тенденций, традиций, принципов в культурном развитии каждого народа или этнической группы. Помимо региональных процессов, следует особо выделить проникающие возможности западноевропейской цивилизации, ценности которой удачно вписались в историческое развитие многих народов. Речь идет о географических открытиях, о развитии техники, технологий на основе этих открытий и удачного использования материальных и духовных достижений других регионов мира, в том числе и восточного.

Говоря о стиле жизни, необходимо учитывать сочетание компонентов как восточного, так и западного образа жизни. В связи с глобализацией сближение приоритетов, ценностей идет во всем мире с невиданной скоростью.

Изменения социально-политического устройства, формировавшиеся в последнее столетие, в том числе распад СССР, положили конец советскому образу жизни, связанному с уже сложившимся укладом, основанным на принципах единой идеологии и централизованной системы управления. Державшийся годами «железный занавес» способствовал тому, что у каждого народа были крепкие, здоровые и самобытные основы развития, вместе с тем никакая «уровнировка» не смогла противостоять общечеловеческим ценностям, заложенным в самосознании народа. Не помешали этому процессу необдуманные, чрезмерно противоречивые решения, а также

политические шаги высшего руководства. Здравый смысл подсказывал им предел давления на сознание людей с целью сохранения гражданского мира.

Однако низкий уровень жизни, характерный для 20-х и 30-х годов XX столетия, избыток сельского населения, слабый уровень развития производительных сил диктовал обществу определенный стиль жизни.

На формирование стиля жизни большое влияние оказывает существующая система образования. Открытый, интегративный, демократический стиль обучения, осуществляющийся в большинстве стран мира, способствует ускоренному развитию общечеловеческой культуры, приобретению общечеловеческих качеств. Присоединение Азербайджана к Болонскому процессу, хоть этот факт, на наш взгляд, может быть неоднозначным, также может благоприятно воздействовать на изменения в организации учебного процесса. Так, в школах начали применять интеллектуальные системы учебного программирования на основе новейших технологий обучения и методики интерактивных подходов.

Вместе с тем структурные изменения в управлении и потребность в улучшении качества обслуживания населения в налаживании эффективных экономических и социально-культурных связей с другими странами требуют существенных изменений в обучении. Это в первую очередь касается качественной подготовки кадров в системе образования. В связи с возрастающими требованиями к высокоспециализированным кадрам во многих перспективных сферах экономики появляется необходимость пересмотреть традиционные формы подготовки и переподготовки кадров. Для осуществления этой задачи необходимым фактором становится постоянное и непрерывное повышение уровня подготовки профессорско-преподавательского состава системы образования, изменение традиционного подхода к оцениванию и мониторингу получаемых знаний.

В Азербайджане с 2000 года начался процесс повсеместного реформирования всей образовательной системы, были достигнуты определенные успехи. Вузы начали осуществлять международную аккредитацию специальностей, по которым ведут подготовку кадров [5]. Например, Бакинский Славянский Университет, где готовятся специалисты со знанием русского, белорусского, украинского и других славянских языков, стал своеобразным методологическим центром на постсоветском пространстве.

Важным направлением формирования стиля жизни являются и те качества и характеристики, которые достались нам от наших предков. Это самобытный уклад, национальные обычаи и традиции. В совокупности они составляют ментальность людей и характеризуют их этническое самосознание. Данные составные элементы не остаются стабильными. Они меняются как под влиянием объективных обстоятельств (времени, пространства), так и в связи с изменениями личностных характеристик каждого отдельного человека. Социальная среда, включающая сегодня высокую мобильность и информационную насыщенность, отражается на способности человека воспринимать окружающий мир, общаться с ним, формируя тем самым стиль жизни.

Как отмечают исследователи (А. Адлер, П. Бурдьё, М. Вебер, Т. Веблен, С. Костес, Ф. Тоффлер, В. Уорнер и др.), собственно стиль жизни личности сравнительно недавно стал предметом изучения западных и отечественных исследований. Для западной социологической школы характерными являются взгляды, связывающие понимание стиля жизни с особенностями социальной структуры общества, в первую очередь принадлежность личности к той или иной социальной группе, классу, страте (П. Бурдьё, М. Вебер, Т. Веблен). Другие ученые акцентировали свое внимание на понимании стиля жизни в контексте целостности личности, ее внешних и внутренних проявлений, процесса ее формирования и жизненного пути (А. Адлер, Х. Ансбахер, Г. Олпорт) [7, с.75]. Данная категория играет существенную роль в анализе исследуемой проблематики.

Отметим также еще одну характерную черту современного стиля жизни – это высокая скорость влияния современных информационных технологий на социальные процессы. Меняются приоритеты и потребности, впечатления и обстоятельства. В итоге культурный фон стиля жизни людей получается более динамичным и неустойчивым. Видимо, наступило время перехода к более общим ценностным основаниям, которые характерны для человеческого сообщества. Коммуникативные возможности средств массовой информации растут изо дня в день. Интеллектуальные и общедоступные социальные сети становятся важным составным элементом формирования современной культуры человека, его адаптации к меняющимся социальным обстоятельствам. Учитывая это, можно сказать, что культурный компонент в стиле жизни каждого общества составлен также из того социального капитала, который нажил себе человек. В этом смысле социальные сети дают великолепную возможность

виртуально создать образ той или иной личности, показать его статусные качества и место, которое он занимает в социальной нише.

Психологи связывают «формирование клипового мышления с развитием информационного пространства, которое сопровождается увеличением информационной активности, постоянным информационным взаимодействием. Быстрыми темпами идет информатизация образования, что влечет за собой процесс изменения содержания, методов, организационных форм общеобразовательной подготовки школьников на этапе перехода школы к жизни в условиях информационного общества» [5].

Стиль жизни, таким образом, включает в себя самую подвижную часть – социальную мобильность, конечный показатель которой – социальная стратификация. Но вместе с тем здесь не следует забывать и о пространственном расположении людей. Как было уже отмечено, городской и сельской образы жизни кардинально различаются в пространственно-временном разрезе. Мы знаем, что города формировались как своеобразные пункты культурно-материального обмена регионов. В процессе обмена участвовали жители сельской местности, которые поставляли в города продукты питания и сырье для промышленности, и жители городов, которые сырье перерабатывали. Это давало толчок для изменения стиля жизни как одних, так и других. Так как в настоящее время в городах проживает больше населения, чем в деревнях, это приводит к ментальным изменениям всего населения страны, формируются своеобразные черты их уклада и образа жизни.

В качестве примера можно взять крупные, средние и небольшие города страны. Города с давней историей имеют городскую прослойку, более укоренившуюся в своих традициях, со своеобразным жаргоном, отношением к жизни и т. д. Приезжие, то есть переехавшие в город в разные годы (можно их назвать «волнами миграции»), адаптируются к городской среде, но воспринимают ее по-разному. Это сразу можно увидеть по одежде, манерам, привычкам, потребностям. Нужно, чтобы несколько поколений сменило друг друга, и тогда социальная среда городской жизни может стать однородной. Современные культурные показатели стиля жизни – это мобильность, городской класс, непрерывное образование, широкая коммуникативная база. Можно сказать, что человечество идет к новой цивилизации, основанной на общегуманистических ценностях и технотронной культуре [9].

На сегодняшний день идет углубление интеграционных процессов в сфере культуры. Об этом говорится на самых высоких форумах

и ассамблеях: «мультикультурализм является составной частью демократических процессов, идущих сегодня в Азербайджане. Мероприятия, проводимые в этих рамках, подтверждают наличие уже сформированных в нашей стране интеллектуальных показателей мультикультуральной безопасности» [8].

В заключение, подытоживая вышеуказанные аспекты данной темы, можно прийти к выводу, что современное азербайджанское общество, как и другие общества постсоветского пространства, характеризуется некоторой нетрадиционной неустойчивой социальной стратификацией, неоднозначностью образцов идентификации. В такой социальной ситуации ученые обязаны использовать самые разные парадигмы как для описания наличной социальной структуры, так и для решения возникающих социальных проблем. Мы становимся свидетелями поведения людей разных профессиональных групп и социокультурных страт, не укладывающегося в традиционные социальные схемы. В этих условиях объективно возрастает значимость и эффективность методологии, учитывающей в полной мере индивидуальные социальные действия. Источником ее является парадигма, описываемая в разных терминах: постмодернизм, постнеоклассическая эпистемология, акционизм, акционализм, неоинституционализм и др.

Например, применение парадигмы акционизма позволяет нам построить концепцию стиля жизни, которая отражает реальные поведенческие акты, фиксируя их своеобразие. Эвристическая ценность категории стиля жизни состоит в том, что она способствует изучению широкого круга проблем, не связанных напрямую с проблемами внешнего оформления жизненных практик.

Литература

1. Киселев, Е. А. Основные подходы к исследованию стиля жизни в социологии / Е.А. Киселев // Вестник Пензенского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 63–66.
2. Вебер, М. Класс, статус и партия [Электронный ресурс] // М. Вебер // Социальная стратификация. – Вып. 1. – М.: ИНИП РАН, 1992. – Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-issledovaniyu-stilya-zhizni-v-sotsiologii>. – Дата доступа: 01.07.2019.
3. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 368 с.
4. Ярычев, Н.У. Образ жизни как социальный характер поколения / Н.У. Ярычев // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-4. – С. 876–883.
5. Виленский, М.Я. Общее и особенное в педагогических категориях «здоровый образ жизни» и «здоровый стиль жизни» / М.Я. Виленский // Вест-

- ник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Филология, педагогика, психология. – 2006. – Выпуск 11. – С.8–18.
6. Гусейнова, Г. Здоровый образ жизни подрастающего поколения – основная потребность современности [Электронный ресурс] / Г. Гусейнова, Н.С. Мари // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2013. – № 1 (16). – С. 52–55. – Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article\(n\)zdoroviy-obraz-zhizni](https://cyberleninka.ru/article(n)zdoroviy-obraz-zhizni). – Дата доступа: 09.06.2018.
 7. Барышева, Е.И. Соотношение понятий стиль жизни и субъективное жизненное пространство личности / Е. И. Барышева // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2015. – № 3. – С.75–78.
 8. Европейское признание Азербайджанского государственного университета нефти и промышленности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://1news.az/news>. – Дата доступа: 07.06.2019.
 9. Президент Ильхам Алиев: Мультикультурализм – образ жизни в Азербайджане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azertag.az/https://cheloveknauka.com/sovremennyy-obraz-zhizni-azerbayana> 17/01/2016 – Дата доступа: 07.06.2019.

БУРЖУАЗИЯ БЕЛАРУСИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

В. А. Карпиевич

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: karpievich68@yandex.by

В статье рассматривается процесс формирования буржуазии Беларуси в конце XIX – начале XX вв. Владея значительными капиталами, новый социальный класс оказывал сильное влияние на различные общественные процессы. Особое внимание буржуазия белорусских губерний уделяла благотворительности.

Ключевые слова: буржуазия, капитал, новый социальный класс, предпринимательство, благотворительность, социальные процессы.

THE BOURGEOISIE OF BELARUS OF THE END OF 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY AND ITS ROLE IN THE SOCIETY

V. A. Karpievich

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: karpievich68@yandex.by

The article discusses the formation of the bourgeoisie of Belarus in the late 19th – early 20th centuries. Possessing significant capital, the new social class had a strong influence on various social processes. The local bourgeoisie paid special attention to charity.

Key words: bourgeoisie, new social class, entrepreneurship, capital, charity, social processes.

На рубеже XIX–XX вв. в белорусском обществе происходят значительные перемены. Важную роль начинают играть представители нового класса – буржуазии. И хотя в Беларуси в данный период времени буржуазия не имела таких капиталов и возможностей, как, например, московская, петербургская буржуазия или буржуазия крупных промышленных центров империи, в белорусских губерниях также происходит процесс становления нового социального класса. Владея значительными капиталами, представители нового класса оказывали сильное влияние на различные общественные процессы. По сути, буржуазия становилась полноправным элементом жизни белорусских земель.

Отношение к данному феномену было и остается неоднозначным в научной литературе XX – начала XXI вв. В марксистской интерпретации наблюдается крайне негативное отношение к данному классу. Несмотря на то, что марксистская парадигма уже перестала доминировать в исторических исследованиях, в работах авторов постсоветского пространства данный термин практически не используется. В научной литературе можно часто встретить вместо термина «буржуазия» такие понятия, как «промышленники», «средний класс», «предприниматели» и др. [1, с. 127].

В европейской историографии в настоящее время наблюдается тенденция ухода от употребления понятия «буржуазия». Так, настольная энциклопедия «Britannica» определяет буржуазию как общественный строй с доминирующим классом собственников. При этом авторы утверждают, что термин практически исчез из политического словаря писателей и политиков к середине XX в. [2, с. 290–291]. В этом видится стремление современной западной науки отойти от политизированности данного понятия.

Большая Российская энциклопедия определяет буржуазию как общественный класс, владеющий капиталом и занятый предпринимательской деятельностью [3, с. 363]. Существуют и другие схожие определения данного понятия: буржуазия – общественный класс

собственников капитала, получающих доходы в результате торговой, промышленной, кредитно-финансовой и другой предпринимательской деятельности [4, с. 153]. В энциклопедии истории Беларуси авторы определяют буржуазию как «грамадскі клас, які валодае сродкамі вытворчасці, ідэямі і навыкамі для арганізацыі рынкавай гаспадаркі і жыве за кошт інвестыцыі капіталаў» [5, с. 135].

Все указанные источники определяют буржуазию как собственников капиталов, занятых предпринимательской деятельностью. При этом еще одной характерной чертой буржуазии является инвестирование своих капиталов. В связи с этим следует отметить, что термины «буржуазия» и «предприниматели» не являются полными синонимами. Предпринимательство как явление возникло в глубокой древности. Ремесло, различные предприятия по обмену товарами (включая торговлю) и многое другое являются формами предпринимательства, но людей, занимающихся этими видами деятельности, еще нельзя назвать буржуазией. Буржуазия как социальное явление стала формироваться в ходе модернизации традиционных обществ, т. е. в ходе становления индустриального общества. О возникновении буржуазии следует говорить лишь в том случае, когда появляется новый слой общества, не связанный с прежней аристократией, который помимо экономического господства начинает стремиться и к политическому лидерству. При этом у буржуазии возникают совершенно иные качества, которые отличают ее от социальных групп предшествующего традиционного общества. На это явление указывает российски исследователь А. С. Хоцей в работе «Теория общества». Среди качеств, присущих буржуазии, А. С. Хоцей выделяет социальную и политическую сплоченность, мобильность и индивидуальность [6, с. 153–154]. Кроме того, для буржуазии характерны такие свойства, как информированность и образованность, наличие таких черт характера как рационализм, критичность, свободомыслие и т. д. Все это, по мнению А. С. Хоцея, «рыхлит почву для большей консолидации данного класса, лучшего осознания им своих специфических интересов и своей общности как класса» [6, с. 155]. Все это в значительной степени повышает его организованность и силу.

Во всех странах буржуазия оказывала влияние на социальные процессы. Она способствовала техническому прогрессу, поощряя конструкторскую мысль, поддерживая изобретателей. Строительство промышленных центров и развитой системы коммуникаций и инфраструктуры также было во многом ее заслугой. Во многих странах

буржуазия занималась благотворительностью и меценатством. В белорусских губерниях также имели место подобные явления.

Буржуазия на белорусских землях формировалась в течение продолжительного времени. Этот процесс охватил практически весь XIX в. и чуть менее двух десятилетий XX в., хотя предпосылки к этому появились значительно раньше. Предпринимательская деятельность возникла, по сути, с момента зарождения общества и развития экономических отношений. Говорить о становлении буржуазных отношений мы можем с момента зарождения промышленности и связанной с ним частной собственности на средства производства. Данный процесс начался на белорусских землях в XVIII в.

Первыми, кто занялся промышленной деятельностью на белорусских землях, были местные магнаты. Одними из первых промышленных предприятий стали заводы по производству стекла в Налибоках и Уречье во владениях Анны Радзивилл – представительницы богатейшего рода Радзивиллов. В 1751 г. была основана мануфактура в Слуцке, известная своими поясами. В 1752 г. виленский воевода Михаил Казимир Радзивилл основал в Несвиже суконную мануфактуру. В последней четверти XVIII в. возникает ряд мануфактур во владениях Огинских, Сологубов, Сапегов, Хрептовичей и др.

Однако все эти и другие мануфактуры, возникшие на белорусских землях в первой половине XIX в., были лишь эпизодами в развитии промышленности. Они не были настоящими капиталистическими предприятиями, их владельцев можно только условно отнести к буржуазии. Существенные изменения произошли только с отменой крепостного права в 1861 г. и с последовавшими за ней буржуазными реформами.

Следует отметить, что основным ядром крупной буржуазии в Беларуси в конце XIX – начале XX вв. были местные помещики, которые активно занимались промышленным производством, были богатыми промышленниками. Среди них следует назвать Радзивиллов, Паскевичей, Скирмунтов, Чапских, Хрептовичей и др. К крупной и средней местной буржуазии также можно отнести и успешных купцов, промышленников и финансистов еврейского происхождения, таких как Шерешевский, Гальперин, Лурье, Поляк, Гиршман, Рабинович, Добкин, Каценельсон, Коган и др.

Представители зарождавшегося класса буржуазии стремились не только к личной выгоде. Прибыль, несомненно, была для них важнее всего. Но следует отметить, что богатые люди в белорус-

ских губерниях, как и по всей империи, не отказывались от участия в жизни общества.

Участвовать в общественной жизни можно по-разному: вкладывать деньги в промышленность и создавать рабочие места; создавать благоприятные условия для рабочих, занятых на производстве; повышать уровень образования населения; поддерживать людей искусства и осуществлять культурно-просветительскую деятельность; заниматься благотворительностью, помогая в том числе сиротам, неимущим, создавать лечебные заведения; оказывать влияние на умы людей, участвуя в политической жизни, и т. д.

В конце XIX – начале XX вв. в белорусских губерниях стали активно возникать культурно-просветительские общества. Представители местной интеллигенции и буржуазных кругов понимали необходимость внедрения культуры и знаний в широкие массы населения. Такую работу и должны были выполнять различные по направленности общества. Целью таких организаций, в основном, являлось развитие самодеятельного и профессионального искусства, содействие эстетическому воспитанию населения [7, л. 4]. Инициаторы создания культурных обществ, среди которых были и представители местной интеллигенции, обращались с соответствующим ходатайством к губернатору. После разработки устава общества окончательное утверждение происходило в Министерстве внутренних дел.

Первым из таких культурных обществ, которые появились на белорусских землях, было созданное в 1880 г. в Минске Музыкальное общество. Его устав предусматривал организацию спектаклей, концертов, издание нот произведений лучших русских композиторов, открытие музыкальной школы и библиотеки. В его музыкальных классах велось обучение игре на фортепиано, скрипке, пению, теории музыки. В 1888 г. общество было переименовано в Музыкально-драматическое, а в 1898 г. стало музыкальной секцией Общества любителей изящных искусств, которое просуществовало семь лет, было довольно многочисленным по составу и более разносторонним в своей деятельности по сравнению с Музыкальным обществом [8, с. 149].

Для культурного просвещения горожан были организованы литературные чтения, ставшие с конца 1899 г. регулярными. Чтобы привлечь внимание широких слоев горожан, часть бесплатных билетов рассылалась в чайные городского комитета попечительства о народной трезвости, в книжные магазины, на фабрики и заводы [8, с. 150]. В целом деятельность Общества любителей изящных ис-

куств была успешной и пользовалась поддержкой горожан. Его мероприятия всегда положительно принимались публикой.

Всего в конце XIX в. в белорусских губерниях действовало около 600 добровольных организаций и учреждений, подавляющее число которых были частными, т. е. существовали на собственные средства и пожертвования частных лиц. В 1901 г. их число возросло почти в два раза и достигло 1066 [9, с. 163–164].

В белорусских губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. главными направлениями деятельности частных добровольных организаций были медико-социальная помощь, работа в сфере образования и профессиональной подготовки, просветительская и национально-культурная работа. Наибольшее участие в этой деятельности принимали представители дворянства, особенно те, кто осуществлял успешную предпринимательскую деятельность. Среди них следует назвать княгиню И. И. Паскевич-Эриванскую, владелицу крупного предприятия «Добрушская бумажная фабрика» и заводов в Гомельском уезде.

В 1874 г. княгиней был учрежден в Гомеле приют для малолетних девочек, на содержание которого она ежегодно выделяла 2800 руб. В 1878 г. было учреждено Гомельское общество вспомоществования учащимся. На средства княгини 1 августа 1892 г. было торжественно открыто здание Гомельской богадельни, заведения, известного под названием «Приют для престарелых женщин». Во многом благодаря княгине Гомель обзавелся водопроводом. В 1907 г. она пожертвовала на его постройку 30 тыс. руб. и, кроме того, для этой же цели приобрела на 99 тыс. руб. облигаций городского пятипроцентного займа. В 1907 г. в дар Гомельскому мужскому приходскому училищу передается каменное здание стоимостью 8 тыс. руб. для размещения ремесленных классов. Постоянно несколько десятков гомельских учащихся были стипендиатами княгини. В 1912 г. на средства княгини в Гомеле развернулось строительство гинекологической больницы и родильного дома [10]. Этим благотворительная деятельность княгини Паскевич-Эриванской не ограничивалась. На ее средства функционировали различные организации, оказывалась помощь многим людям.

Паскевичи были заинтересованы в улучшении положения рабочих на своих предприятиях. Так, в 1894 г. на «Добрушской бумажной фабрике» был введен 8-часовой рабочий день при сохранении предыдущей заработной платы. По сути, это было сделано впер-

вые в Российской империи. При фабрике были открыты больница, аптека, работал духовой оркестр. В начале XX в. на фабрике были введены трехсменный график работы и обязательное страхование рабочих. Во многом это было сделано благодаря стараниям управляющего фабрикой А. Стульгинского.

Еще одним представителем дворянско-предпринимательского сословья, активно занимавшимся благотворительной деятельностью, была княгиня М. М. Радзивилл. Будучи богатым промышленником и землевладельцем, имея лесопилки и винокурни, она активно занималась благотворительностью. М. М. Радзивилл большое внимание уделяла сиротам, открывала школы для белорусских детей, поддерживала деньгами белорусских студентов, которые учились в Санкт-Петербургском, Киевском, Варшавском и других университетах. Проникшись идеей национального белорусского возрождения, М. М. Радзивилл стала оказывать финансовую помощь организованному в Санкт-Петербурге белорусскому обществу «Загляне сонца і ў наша ваконца», Белорусскому издательскому товариществу в Вильне. На ее деньги были напечатаны первые книги классиков белорусской литературы, а также выходили газеты «Наша Ніва» и «Віефарус». Благодаря помощи княгини были напечатаны первые произведения Я. Коласа, М. Горецкого, М. Богдановича и других белорусских авторов [11, с. 56–57].

Минский градоначальник и предприниматель граф К. Э. Чапский был инициатором создания первого в Беларуси Общества покровительства спорту. Также по его инициативе было создано и Общество защиты женщин. Граф К. Чапский активно занимался работой по медицинскому обеспечению жителей. Благодаря его материальной поддержке в Минске была открыта больница для венерических больных в 1898 г., а в 1895 г. – бесплатная амбулатория для бедных и родильный приют.

Если говорить о благотворительности других представителей буржуазии Беларуси конца XIX–начале XX вв., то их участие в общественной жизни было более скромным и в большей степени зависело от личной мотивации. Например, председатель правления акционерного общества Гродненской табачной фабрики И. Л. Шерешевский, имея несколько предприятий с производством на них товаров на сумму свыше 2,2 млн руб., выделил в 1912 г. на благотворительность 265 руб. [9, с. 167]. Помощь он оказывал только в том случае, если это было выгодно для его дела. Так как гродненская фа-

брика И. Л. Шерешевского была в конце XIX – начале XX вв., по сути, градообразующей, то большинство жителей Гродно так или иначе были связаны с работой на ней. И. Шерешевский часто помогал с трудоустройством малолетних, обучал их в специальном училище, но это было выгодно и ему самому, так как для работы на фабрике нужны были грамотные рабочие.

В целом можно отметить, что в начале XX в. частная благотворительность на белорусских землях получила широкое распространение. Среди лиц, жертвовавших значительные суммы денег, по-прежнему лидирующие позиции сохранялись за представителями магнатских родов. Тем не менее в начале века деньги на помощь бедным стали выделять и представители купечества. Так, в 1909 г. активную помощь беднякам оказывало Полоцкое общество пособия бедным, в составе учредителей которого 2/3 составляли купцы [12, л. 103–108.]. Также в различных источниках сохранились сведения о купцах, которые не только жертвовали значительные суммы денег на благотворительность, но и передавали для этих целей недвижимость.

Таким образом, буржуазия белорусских губерний в конце XIX – начале XX вв. хотя и не была многочисленной, в значительной степени состоящей из обуржуазившейся части помещиков, а также купцов и финансистов, большей частью представленной еврейским населением, внесла существенный вклад в развитие общества. Они стремились оказывать помощь самым бедным слоям населения, открывали лечебные заведения, помогали выходцам из бедных слоев получить образование. Также их деятельность в определенной степени была направлена на улучшение условий труда рабочих. Большой вклад представители буржуазии белорусских земель внесли и в сферу культурно-просветительской деятельности. Благотворительность становилась популярным делом, благодаря чему могли содержаться различные благотворительные заведения и общества, в бюджете которых частные пожертвования составляли от 50 до 100 процентов.

Литература

1. Карпиевич, В. А. Исследование проблемы буржуазии в постсоветской исторической науке / В. А. Карпиевич // Управление в социальных и экономических системах: м-лы XXVII научно-практической конференции, г. Минск, 17 мая 2018 г. / редкол.: Н. В. Суша (предс.) и др.; Минский инновационный ун-т. – Минск: Минский инновационный университет, 2018. – С. 127–128.
2. Britannica: настольная энциклопедия. – Т. 1. Аалто – Медуза. – М.: АСТ Астрель, 2006. – 1160 с.

3. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / председатель науч.-ред. совета Ю. С. Осипов. – Т. 4. Большой Кавказ – Великий канал. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2006. – 751 с.
4. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 1456 с.
5. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. – Т. 2. Беліцк – Гімн. – Мінск: БелЭн, 1994. – 537 с.
6. Хоцей, А. С. Теория общества: в 3 т. / А. С. Хоцей. – Т. 3. Кн. 2. Генезис буржуазии. Феномен СССР. – Казань: Дом печати, 2002. – 621 с.
7. НИАБ. – Ф. 2001. – Оп. 1. – Д. 1792.
8. Симакова, О. А. Минские культурно-просветительские общества и их роль в развитии русско-белорусских культурных связей в XIX – начале XX в. / О. А. Симакова // Российские и славянские исследования: сб. науч. статей. Вып. 1 / редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. – Минск: БГУ, 2004. – С. 149–156.
9. Полетаева, Н. И. Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX – начало XX вв. / Н. И. Полетаева; науч. ред. М. П. Костюк. – Минск: Наука и техника, 2004. – 247 с.
10. НИАБ. – Ф. 3013. – Оп. 1. – Д. 1221. – Л. 8 об.; Д. 1527. – Л. 25, 27, 32–33 об., 47; Д. 2151. – Л. 1, 7; Д. 2153. – Л. 8 об., 10, 17.
11. Григорьев, А. Д. Социальная работа на Беларуси: история, опыт, проблемы / А. Д. Григорьев. – Минск: Дизайн ПРО, 2000. – 239 с.
12. НИАБ. – Ф. 2649. – Оп. 1. – Д. 273.

РОССИЯ И КИТАЙ В ПЕРИОД РЕФОРМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Т. А. Арташкина

Дальневосточный федеральный университет,

Департамент искусств и дизайна

Школы искусств и гуманитарных наук, ул. Суханова, 8, 690091,

Владивосток, Российская Федерация

e-mail: tam.artand@gmail.com

Предметом исследования является генезис проблемы сохранения национальной культуры в России и Китае. Материалом для исследования послужили литературные источники на русском и китайском языках. Автор считает, что опыт обеспечения культурной безопасности в КНР в целом заслуживает внимания и подробного анализа.

Ключевые слова: Россия, Китай, национальная культура, культурно-исторический подход, становление проблемы сохранения национальной культуры.

RUSSIA AND CHINA IN THE PERIOD OF REFORMS: A COMPARATIVE ANALYSIS

T. A. Artashkina

Far Eastern Federal University,
Department of Arts and Design of the School of Arts and Humanities,
Sukhanov st. 8, 690091, Vladivostok, Russian Federation
e-mail: tam.artand@gmail.com

The subject of the research is the genesis of the problem of preserving the national culture in Russia and China. Literary sources in Russian and Chinese have been used as the material for the study. The author believes that the experience of ensuring cultural security in China in general deserves attention and detailed analysis.

Key words: Russia, China, national culture, cultural and historical approach, formation of the problem of preserving national culture.

В настоящее время три державы – Россия, Китай, США – стали объектом пристального внимания всего мира. При этом Запад сосредоточен на политике и экономике России и Китая. Но это вовсе не означает, что национальная культура этих стран находится на периферии западных интересов.

Целью нашего исследования стало изучение специфики генезиса проблемы сохранения национальной культуры в России и Китае. Наше исследование проводилось в рамках культурно-исторического подхода, основным методом исследования стал компаративистский анализ, позволивший осуществить сопоставительное сравнение специфики генезиса указанной проблемы.

В истории России можно выделить по крайней мере пять исторических периодов, когда российская культура переживала процессы, по своим масштабам и признакам совпадающие с модернизацией: христианизация Руси; татаро-монгольское иго; реформы Петра I; XIX век, особенно вторая его половина; 1990-е гг. XX столетия. В трех случаях из пяти (христианизация Руси; реформы Петра I; 1990-е гг. XX столетия) модернизационные процессы обладают двумя существенными характеристиками: модернизация культуры была инициирована правительством, то есть была направлением государственной политики. Одним из результатов такой политики было разрушение уже сложившегося уклада жизни и замена культурных универсалий. Все эти процессы модернизации содержат явные признаки, позволяющие считать, что в это время наблюдался процесс аккультурации, подчиняющийся следующим закономерностям: усвоение принципов

альных элементов иной культуры в ходе непосредственных контактов с носителями этой культуры; передача элементов культуры от одного поколения к другому в рамках одной культуры. Именно эти характеристики являются ведущими в процессе взаимодействия русской культуры с любой другой культурой.

Напротив, китайская культура на протяжении всей своей истории была объектом внимания представителей Запада. В XIX в. Запад применяет специальную социальную технологию (Опиумные войны), чтобы подчинить правительство Китая своим интересам. Во второй половине XIX в. в Китае зародилось движение за использование достижений западной экономики, промышленного производства и западной культуры. Однако оно не смогло изменить традиционное китайское мышление и традиционную культуру. Китайское правительство не просто охраняло традиционную культуру, но и «консервировало» ее, стараясь сохранить феодальные обычаи в неизменном виде. Тем не менее, начиная с периода Опиумных войн, западная культура непрерывно вплеталась в ткань китайской национальной культуры. Этот процесс не был равномерным ни по своей интенсивности, ни по содержанию. К настоящему моменту национальная китайская культура содержит четыре составных своих части, три из которых были названы Си Цзиньпином: традиционная культура, революционная культура и социалистическая (марксистская) культура [1]. Кроме того, в состав современной национальной китайской культуры необходимо включить элементы западной культуры. Процесс инкорпорирования западной культуры в ткань китайской культуры был долгим и трудным, наблюдался в диапазоне от полного ее отрицания до полного принятия без критических возражений.

Истоки проблемы сохранения национальной культуры в России и Китае следует отнести к 1980-м гг.

Культурный контекст 1980-е гг.

Масштабные перемены в идеологии, экономической и политической жизни СССР второй половины 1980-х гг., вызванные перестройкой (1985–1991), освободили художественное творчество от цензурного гнета, одновременно творческий процесс сразу же оказался под гнетом экономическим. Разные учреждения культуры (театры, филармонии, цирки, концертные организации, библиотеки, издательства и т. д.) и различные группы авторов (художники, писатели, архитекторы, скульпторы, музыканты и др.) оказались в неравном положении.

В Китае в 1966–1977 гг. проходила культурная революция, нанесшая большой урон китайской национальной традиционной культуре. С началом политики реформ и открытости (1978) начался период восстановления китайской национальной культуры. 26 июля 1980 г. в официальном печатном издании ЦК КПК «Женьминь жибао» была опубликована статья, основным тезисом которой стало утверждение, что литература и искусство должны служить народу и обществу [2, с. 110].

Культурный контекст 1990-е гг.

Проблема сохранения национальной культуры отчетливо возникла в России в самом начале 1990-х гг., после развала Советского Союза, стремительного перехода к рыночной экономике и резкого сокращения бюджетного финансирования образования, культуры и медицины. К. Э. Разлогов, С. В. Шишкин, И. А. Бутенко утверждают: «В 90-е гг. государство, отказавшись от монополии на власть над умами, стремится дать возможность расцвести “всем цветам” <...>. Однако все сферы культуры вместе и поочередно становятся заложниками бюджетных трудностей страны, жертвами, порой, катастрофического недофинансирования» [3, с. 13].

Китайские исследователи фиксируют тот факт, что начиная с 1990 г. в Китае начался быстрый экономический рост, и многие иностранные компании вышли на рынки Китая. Это способствовало быстрому развитию экономики и культурному росту городов. Однако пренебрежение нуждами деревень стало непосредственной причиной медленного развития сельских поселков и китайских деревень [4, с. 49]. Ван Сяодун и Суо Чжилин отмечают, что формы и содержание культурной жизни в городских и сельских районах Китая сильно различаются [5, с. 23].

Самым разрушительным последствием социокультурной революции 1990-х гг. в России стала потеря идентичности, как индивидуальной, так и коллективной. Основная проблема, порожденная идентификационным кризисом, заключалась в том, что были разорваны коммуникации между социальными слоями и стратами. Социокультурные локусы, появившиеся на развалинах советского государства, начали развиваться изолированно друг от друга. Российское государство оставалось той политической скрепой, которая соединяла эти не обладающие органическим единством части. В области культуры потеря идентичности и фундируемый ею кризис культуры в постсоветском обществе непосредственно связывались

со стремительным распространением на постсоветском пространстве массовой культуры западного происхождения. И, как следствие, нарушился механизм социальных эстафет, позволяющий транслировать духовные ценности как по вертикали (из прошлого в будущее), так и по горизонтали (между общественными слоями и стратами).

После начала политики реформ и открытости в Китае и по мере развития экономических, политических и культурных отношений с зарубежными странами существенно возросло количество контактов между Китаем и Западом. В культурную ткань Китая стали активно проникать западные культурные элементы. В праздничную культуру Китая проникли такие западные праздники, как День холостяка, День святого Валентина, Хэллоуин. После 1994 г. по всему Китаю стали быстро распространяться голливудские фильмы. По этому поводу Цзя Хуэйминь пишет: «Под воздействием глобализации и в результате политики реформ и открытости, проводимой руководством Китая, в Китае усилился натиск западной культуры. Попав из одной модернизации в другую, не все китайцы успели адаптироваться к переменам. Молодые современные китайцы считают, что китайская традиционная культура отстала от современной жизни. В Китае возникла опасность появления депрессивных и деструктивных социальных групп» [6, с. 3].

Россия в 2000-е гг. – по настоящее время

Осознание проблемы сохранения национальной культуры в России в полном ее объеме пришло на переломе 1990–2000-х гг. Практический опыт функционирования культуры в России 1990-х гг. детерминировал развитие этой проблемы и поиски ее решения в двух как бы параллельных направлениях: практическом и идейно-теоретическом. Практическое направление решения проблемы оказалось тесно связанным с поиском средств для существования и функционирования учреждений и институтов культуры, а также средств для осуществления творческой деятельности различных групп авторов. Идейно-теоретическое направление решения проблемы обусловило появление дискуссий на эту тему: идеологических, политических, теоретических, философских. Идейно-политические дискуссии нередко апеллировали к тем или иным фактам русской или российской истории. При этом забывалось, что история есть свершившийся факт. Ее невозможно ни отрицать, ни изменить. Следовательно, дискуссионными являются интерпретации исторических событий и фактов и их набор для экспликации конкретных интерпретаций.

Еще в 1990-е гг. проблема сохранения национальной культуры в России обрела зримые черты национальной идеи. Потребность в национальной идее парадоксальным образом проявилась именно в демократическую эпоху развития российского государства. Представители разных точек зрения сходились и сходятся в одном: общенациональная консолидация особенно необходима в кризисных ситуациях, когда различные политические и социальные силы должны поступиться своими узкогрупповыми интересами в пользу общих целей нации и государства. Первоначальные действия были направлены на поиск национальной идеи, способной противостоять коммунистической морали. Однако эта идея была встречена в обществе весьма неоднозначно. Постепенно национальная идея трансформировалась в русскую национальную идею. Несмотря на серьезную критику, русская национальная и православная идея частично приобретает нормативную модальность и с большим трудом реализуется на практике. Позже в дискуссиях о путях развития российской государственности родился другой вариант национальной идеи: «евразийство как антипод атлантизма». Поиск национальной идеи сменяет проблема общечеловеческих ценностей. Преобладание деструктивных процессов в политике, дезинтеграция социальных институтов, девальвация моральных ценностей и поиск вариантов цивилизованного социокультурного выбора приводят к тому, что проблема общечеловеческих ценностей становится актуальной. Отношение к понятию общечеловеческих ценностей в российском обществе варьировалось от полного отрицания их существования до постулирования конкретного списка. В российском обществе, сначала медленно, но постепенно увыстряясь, снова стали возвращаться к культурным ценностям России, сложившимся исторически.

Современная русская культура, как и другие национальные культуры России, не просто сосуществует с культурами других народов, она интенсивно взаимодействует с ними. Современная российская культура – это множество самобытных культур, находящихся в диалоге и во взаимодействии друг с другом. Такое межкультурное взаимодействие идет и по оси настоящего времени, и по оси «прошлое – будущее». Стремление социокультурных ареалов сохранить автохтонный характер, активные попытки адаптироваться в мультикультурной среде – все это является признаками формирования новой идентичности, которая уже не будет удовлетворять единству всего социокультурного пространства страны, как это было в годы советской власти.

Китай в 2000-е гг. – по настоящее время

К решению проблемы сохранения национальной культуры в Китае подошли прагматически. Основные усилия КПК и правительства Китая были и остаются направленными на сохранение сплоченности китайской нации. В 2007 г. на XVII съезде КПК председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнул, что культура все больше становится важным источником национальной сплоченности и одним из важных факторов в конкурентной борьбе. А для этого необходимо стимулировать культурное творчество и способствовать действию мягкой силы страны [7]. Как известно, понятие мягкой силы впервые появилось в США, но, по мнению некоторых китайских исследователей, в докладе Ху Цзиньтао слова «мягкая сила» впервые прозвучали в официальной речи китайского руководителя. Одним из элементов мягкой силы Китая стала система государственных праздников.

Российские исследователи полагают, что необходимость использования мягкой силы китайским правительством обусловлена более сложными проблемами, с которыми столкнулся Китай. Так, М. В. Казанин отмечает: «Определенная угроза социальной, а, следовательно, и культурной безопасности КНР заключается в организации США регулярных действий, имеющих целью осуждение внутренней политики китайских властей, в том числе через распространение ежегодных докладов о несоблюдении прав человека. <...> Угроза китайскому обществу состоит и в насаждении западной культуры быта. <...> власти КНР предпринимают определенные усилия по обеспечению культурной безопасности, однако к реализации стратегии “сильного культурного государства” официальный Пекин приступил сравнительно недавно, только в 2013 г. под руководством Си Цзиньпина» [8, с. 151].

Национальная культура современного Китая опирается на конкретную идеологическую основу. Так, председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул: «Нужно четко понимать, что исторические традиции, культурные особенности, накопленные в течение продолжительного периода времени, основная государственная специфика каждой страны и нации – все это формировалось по-разному, и эти пути развития обязательно имеют свои особенности. <...> необходимо четко сказать, что социализм, имеющий китайские особенности, может существовать только на основе китайской культуры, выражает желания китайского народа, адаптирует требования современного прогресса и современной эпохи к развитию Китая» (цит. по: [9, с. 78–79]). Вместе с тем китайская культура не так свободна, как это есть во многих западных странах. Например, в Китае

существует запрет на использование многих западных социальных сетей: Facebook, Twitter, YouTube и др. Я. С. Меркушина считает, что «данные меры вызваны опасением правительства Китая о негативном влиянии западной культуры и глобализационных процессов на китайское общество, которые могут подорвать целостность культурной идентичности страны» [10, с. 75].

Проблемы сохранения национальной культуры в современном ее понимании в России и Китае различаются не только своими предпосылками и генезисом. Не следует забывать, что российское общество и русский мир также сталкиваются с аналогичными угрозами и вызовами, как и Китай. Поэтому опыт обеспечения культурной безопасности в КНР в целом заслуживает внимания и анализа.

Литература

1. 习近平. 在庆祝中国共产党成立95周年大会上的讲话 [Электронный ресурс] // 人民网. – 2016年7月2日. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0702/c64093-28517655.html>. – Дата доступа: 27.11.2018. (Си Цзиньпин. Выступление на конференции, посвященной 95-й годовщине со дня основания Коммунистической партии Китая // Информационное агентство Жэнь Минь NEWS. – 2 июля 2016 года).
2. 胡惠林. 当代中国文化政策的转型与重构-20年文化政策变迁与理论发展概论 // 上海交通大学学报. – 1999. – № 1. – 第110–115页. (Ху Хуэйлинь. О трансформации культурной политики современного Китая – введение в теоретический анализ культурной политики в течение 20 лет // Вестник Шанхайского транспортного университета. – 1999. – № 1. – С. 110–115).
3. Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему / отв. ред. И. А. Бутенко, К. Э. Разлогов. – М.: Либерея, 1998. – 96 с.
4. 张崑. 改革开放三十年政府支出对城乡居民生活水平影响效应分析 – 基于TVP模型的实证研究 / 张崑, 王青, 杨帆 // 华东经济管理. – 2010. – № 7. – 第48–53页. (Чжан Янь. Анализ влияния государственных расходов на уровень жизни сельских и городских жителей в течение тридцати лет политики реформ и открытости – эмпирическое исследование на основе модели TVP / Чжан Янь, Ван Цин, Ян Фань // Управление экономикой Восточного Китая. – 2010. – № 7. – С. 48–53).
5. 王晓冬. 城乡文化强弱差距与新农村建设 / 王晓冬, 索志林 // 东北农业大学学报. – 2007年. – 第5卷. – 第5期. – 第23–26页. (Ван Сяодун. Разрыв между городской и сельской культурой и новым сельским национальным строительством / Ван Сяодун, Суо Чжилинь // Вестник Северо-Восточного сельскохозяйственного университета. – 2007. – Вып. 5. – № 5. – С. 23–26).
6. Цзя Хуэйминь. Традиционная китайская культура в период реформ и открытости (1980–2010 гг.): автореф. дис. канд. культурологии / Цзя Хуэйминь. – Владивосток, 2017. – 29 с.

7. 胡锦涛. 在中国共产党第十七次全国代表大会上的报告 // 人民网NEWS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/64093/67507/6429849.html>. – Дата доступа: 30.04.2018. (Ху Цзиньтао. Доклад на XVII съезде КПК. – 25.10.2007 // Информационное агентство Жэнь Минь NEWS).
8. Казанин, М. В. Культурная безопасность КНР: некоторые угрозы и способы обеспечения / М. В. Казанин // Дальний Восток России и Китай: диалог культур стран-соседей [Электронный ресурс]: междунар. научно-практич. конф.: материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – С. 151–153. – 1 CD-ROM.
9. Цзя Хуэйминь. Традиционная китайская культура в период реформ и открытости (1980–2010 гг.): дис. канд. культурологии / Цзя Хуэйминь. – Владивосток, 2017. – 303 с.
10. Меркушина, Я. С. «Мягкая сила» как инструмент формирования национально-культурной идентичности Китая / Я. С. Меркушина // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2013. – № 5. – С. 74–76.

МЕХАНИЗМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. Ю. Большова

Кубанский государственный университет,
филологический факультет, ул. Ставропольская, 149, 350040,
Краснодар, Российская Федерация
e-mail: bol_ann@mail.ru

В статье анализируются механизмы языковой концептуализации действительности в индивидуальном дискурсе художника слова. Современный поэтический дискурс позволяет рассмотреть возможности системной организации компонентов смыслов в сознании современного человека.

Ключевые слова: концептуализация, когнитивный уровень дискурса, пропозициональная семантика, фрейм, модель мира.

MECHANISMS OF CONCEPTUALIZATION OF REALITY IN MODERN POETIC DISCOURSE

A. Yu. Bolshova

Kuban State University, Department of Philology,
Stavropolskaya st. 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation
e-mail: bol_ann@mail.ru

The article analyzes the mechanisms of language conceptualization of reality in the artist's individual discourse of the word. Modern poetic discourse allows us to consider the possibilities of the systemic organization of the components of meanings in the consciousness of a modern man.

Key words: conceptualization, cognitive level of discourse, propositional semantics, frame, model of the world.

Явление этнической и национальной идентичности наглядно представлено прежде всего в коммуникативном поведении представителей данного времени и данной культуры. Современный поэтический дискурс в силу особенностей жанра – многомерной символичности, метафоричности и эмоциональности – в полной мере позволяет рассмотреть возможности системной организации компонентов смысла в сознании современного человека. Реконструкция языковой картины мира с позиций системного подхода к анализу заложенного в произведение содержания непосредственно связана с раскрытием сущности языковой концептуализации действительности в индивидуальном сознании художника слова.

Поэтический дискурс как символическая система организует семантическое пространство. «Субъектом символической игры выступает человек играющий (*Homo ludens*). И эта игра отражает сущность человеческого бытия» [4, с. 16]. Художественная коммуникация как вид коммуникативной активности демонстрирует эмоциональную игру, которая задает тексты, где репрезентируются индивидуальные, личностные качества человека, его эмоциональные состояния и чувства [4, с. 16]. Поэтический текст может быть рассмотрен как воплощенная индивидуальным сознанием семиотическая реальность в соответствии с доминирующим смыслом бытия художника слова. Эмоциональная игра, воплощенная в поэтическом дискурсе, демонстрирует концептуализацию действительности посредством языковых средств на когнитивном уровне дискурса, где «ценностные образования представлены в виде информационных пространств с набором связанных в них определенным образом языковых конструкторов» [4, с. 21].

Поэтические тексты Веры Полозковой демонстрируют склонность автора к определенному способу реализации речевого общения, которое характеризуется экспрессивностью, эмоциональной окрашенностью и может пониматься как система речевых действий контакта, направленных на партнера. Ассоциативность тематической организации дискурса приводит к сближению и духовному объ-

единению участников коммуникативного процесса. Стихотворение «Настанет день, когда я упаду...» вызвало в сети множество позитивных эмоциональных откликов (у стихотворения в Instagram отмечено 6 260 отметок «Нравится»). Когнитивное основание оценки стихотворения в большинстве отзывов: обладающее чудодейственной силой, очаровательное, пленительное, превосходящее ожидания.

настанет день, когда я упаду
у дерева в черешневом саду
и лягу там, среди стрекоз и ягод,
и солнечные пятна рядом лягут –
и листья станут будто бы в меду –

я лягу там, как поздняя роса,
под самые большие небеса.
я стану облака читать как книгу,
и будто в тайну древнюю проникну,
узнаю, как бывают чудеса:

они не происходят, как гроза:
к ним нужно долго приучать глаза,
зато душа не остается прежней:
и вдруг тогда над каждой черешней
прозрачная восходит бирюза.

Стихотворение «Настанет день, когда я упаду...» отличается своеобразной поэтикой, обращенной к повседневной действительности: поэтизация будничных событий основана на использовании разговорной лексики, посредством которой происходит категоризация положения дел в картине мира поэта. Механизмы концептуализации действительности могут быть рассмотрены на когнитивном уровне поэтического дискурса прежде всего в аспекте процессов номинации явлений реальной и фантазийной действительности. Предметные слова обеспечивают идентификацию наблюдаемых в окружающем мире предметов и явлений: обозначение природных явлений и предметов: *дерево, черешня, черешневый сад, солнечные пятна, ягоды, стрекозы, листья, роса, небеса, облака, бирюза*; обозначение наиболее важных атрибутов человека – конкретное существительное *глаза* и абстрактное *душа*; присутствуют номинации артефактов – *книга* и абстрактных

понятий – *тайна, чудеса*. Таким образом, концептуализация действительности в стихотворении осуществляется посредством предметных слов, которые в ономаσιологическом аспекте обозначают в основном конкретные реалии, представляющие мир живой природы; представлены также три лексемы с абстрактным значением.

В семасиологическом аспекте лексемы-имена существительные представляют собой первообразные имена, непроизводные, немотивированные, возникшие в далеком прошлом в результате т. н. первичной номинации.

В денотативном плане лексемы обозначают реалии повседневной жизни, окружающие человека с детства и часто встречающиеся в окружающей действительности. В сигнификативном плане лексемы использованы в прямом значении с исключительно позитивной коннотацией. Выбор номинаций для обозначения предметной сферы представляется коммуникативно значимым для рассматриваемого поэтического дискурса и обусловлен его прагматикой: несимволическое использование слов обладает значительным семиотическим потенциалом, последовательно «доставая» ассоциации из опыта читателя.

Образные средства, участвующие в концептуализации поэтического пространства, могут быть отнесены к «безобразной» образности: *поздняя роса, большие небеса, древняя тайна, прозрачная бирюза*; метафоричность представлена сравнениями, основанными на привлечении разных модальностей внутреннего опыта: *листья станут будто бы в меду* (вкусовая и осязательная модальность), *облака читать как книгу* (визуальная модальность), *в тайну древнюю проникну* (логическая модальность), *чудеса... не происходят, как гроза* (аудиальная модальность), *к ним [чудесам] нужно долго приучать глаза* (визуальная модальность). Необычность авторского видения мира выражается в когнитивных основаниях метафор: облака подобны книге, и поэтому их можно читать, и узнать из них древнюю тайну о том, что чудеса бывают, но они не внезапны, их можно увидеть, если тренировать определенным образом зрение.

Основной уровень концептуализации действительности в сознании мыслящего субъекта – пропозициональный, через пропозиции развертывается фрейм как познавательная структура.

Когнитивные процессы, протекающие в сознании автора стихотворного текста, могут быть представлены и объяснены с помощью фреймовой модели. Фреймовая организация знаний, хранящих-

ся в памяти, позволяет решать проблемы, связанные с пониманием и восприятием информации: обработанные языком познавательные структуры включаются в целостную систему знаний – языковую картину мира, локализирующуюся в сознании индивида в качестве компонента целостной картины мира, не обладая внутри нее жесткими границами.

Фрейм как способ организации опыта разворачивается, в свою очередь, через логические структуры пропозиции, сцепление которых является жестко детерминированным.

В логических структурах ментального пространства субъекта получают репрезентацию отношения и свойства предметов – признаки, выражению которых служат предложения (И. П. Сусов, С. А. Сухих). Эти базовые логические структуры инвариантны и имеют различные формы реализации в языке. Они образуют пропозициональные структуры как начальный способ «упаковки» информации, которая подлежит передаче посредством высказывания [3].

Когнитивная, или концептуальная, внеязыковая сфера, локализуемая в сознании человека, образует базу для разных языковых – семантических и прагматических – значений. Здесь располагаются отражающие внешний мир и формирующие картину мира концепты как обобщенные образы, фреймы как схемы организации знаний. Языковые значения представляют в этом случае связанные (или, по И. П. Сусову, «схваченные») языковыми знаками элементы и структуры когнитивной сферы.

Художественные символы активно стимулируют сознание, и благодаря художественной образности может актуализироваться любой компонент фрейма – в этом заключается развитие потенциала сознания человека. Как только созданный автором художественный образ попадает в сферу внимания читателя-реципиента, его мышление включается в активную работу по поиску ассоциаций.

В тексте стихотворения В. Полозковой обобщение многообразия жизненных ситуаций представлено в следующих языковых формах реализаций.

Категоризация положения дел в первой конструкции стихотворения имеет аллюзивный характер и соотносится с аналогичным началом стихотворения М. Цветаевой: «Настанет день – печальный, говорят!»

У М. Цветаевой актантная семантема день проявляется в двух семантических конфигурациях и сочетается с двумя ядерными семанте-

мами – *настанет* и *печальный*: в первом случае актант день стремится к фактитиву (результативу), во втором – является перцептивом. У В. Полозковой семантический предикат *настанет* создает свое окружение при помощи актантной семантемы *день*, при которой формируется следующая пропозициональная структура, *когда я упаду*, которая для читателей, знакомых с прецедентным проявлением первой пропозиции в стихотворении М. Цветаевой, является неожиданной, создающей эффект разрыва шаблона. Предикат *упасть* (в тексте – *упаду*) – *падать* – в денотативном аспекте значит «непроизвольным движением резко опускаться сверху вниз; валиться на землю, книзу» [2, с. 488]. Сигнификативный же аспект слова связан с отрицательной коннотацией в значении «терять равновесие, устойчивость, перестать осуществлять движение вперед». Поэтому первая строка стихотворения для читателя связана с внеязыковой ситуацией, имеющей негативную семантику: наступит время, когда субъект дискурса потеряет возможность двигаться вперед. Однако во второй строке стихотворения: *у дерева в черешневом саду* – появляется на пропозициональном уровне совершенно неожиданная ситуация. И здесь тоже можно говорить о разрыве шаблона, поскольку организованная в виде пропозиций информация – поэтическое представление действительности – способствует формированию в сознании читателя своеобразного фрейма, нюансы конструирования которого человек извлекает из собственной памяти. Фрейм задает ожидания, «подсказывает», какое информационное звено еще отсутствует. Третья строка развивает позитивную эмоциональную настроенность автора, как бы дорисовывая складывающуюся картину: *и лягу там, среди цветов и ягод, и солнечные пятна рядом лягут*. В денотативном плане предикат *лечь* значит принять лежачее положение; семантический актант *солнечные пятна* реализует семантическую функцию перцептива, а предикат *лягут* представлен в сигнификативном плане со значением «расположиться, разместиться ровно, гладко» [2, с. 325]. Структурирование фрейма завершается строкой *и листья станут будто бы в меду*. В денотативном плане актантная семантема *листья* (результатив) соотносится с предикатом *станут будто бы в меду* и имеет значение – станут липкими и душистыми, как будто смазанными сладким густым медом. Сигнификативный аспект этой пропозиции – указание на лето, тепло, когда возможно безмятежное, расслабленное состояние отдыха.

Семантическая конфигурация *я лягу там, как поздняя роса, под самые большие небеса* с предикатом *лягу* и агентивом *я* метафориче-

ски разворачивается через сравнение, где *поздняя роса* денотативно связана с обозначением полудня, сигнификативно можно наблюдать уступительную семантику: хотя время уже полуденное, роса все-таки есть. *Лечь под самые большие небеса* – сигнификативно предполагает увидеть высокое голубое летнее небо, огромное в своей необъятности.

Метафорическая поэтизация высокого летнего неба с облаками и мечтаниями о чудесах приводит поэта к лексеме *душа*, которая, соприкасаясь с красотой природы, *не остается прежней*, меняется, живет, и тогда мир преобразуется и наполняется чудесами, когда *над каждую черешню прозрачная восходит бирюза*. Предикатная семантема *восходит* имеет при себе актанта *бирюза (прозрачная)*. *Восходить* в денотативном плане может солнце над землей, над горизонтом. В стихотворении *бирюза* – цвет высокого летнего неба – своим восходом охватывает каждую черешню: гиперболизация связана с семантикой восторга перед красотой летнего дня, с восторгом перед всеохватностью синего, с облаками, летнего неба (хотя синева в тексте присутствует имплицитно, вербально не обозначена).

Поскольку предложение как конструктивный знак соотносится с внеязыковой ситуацией (реальной или фантазийной) как своим денотатом, вычлняя в действительности определенный ее фрагмент, а денотатом является совокупность – ансамбль (термин И. П. Сусова) – отдельных элементов опыта, постольку стихотворение В. Полозковой не членится на предложения, не имеет знаков препинания. Не предполагается формальное членение опыта на фрагменты, границы между ситуациями внеязыковой действительности размыты, поэтические краски смешаны, и – появляется эффект импрессионистского видения мира, легкого, светлого, оставляющего впечатление волшебной фантазии. Художник фиксирует «самые мгновенные проявления душевной жизни», «тончайшие, мгновеннейшие световые явления». И тогда «пейзаж передает уже не природу, какой она бывает всегда, а старается уловить прелесть данного мгновения, тех мгновений, когда солнце, великий небесный музыкант, играет свои самые прекрасные и необыкновенные мелодии» [1, с. 856]. Импрессионистский подход к изображению действительности в стихотворении проявляется в том, что нет точности в изображении предметов и их контуров (лягу в саду среди стрекоз и ягод; солнечные пятна; листья будто бы в меду; лягу под самые большие небеса; будто в тайну древнюю проникну; прозрачная восходит бирюза); присутствует воздух (события происходят в саду, и хотя нет вербализа-

ции обонятельной модальности, запах цветов и ягод присутствует в дискурсе как впечатление от созданного образа); свежие, сияющие краски природы подтверждают, что в природе царит вечное движение и вечная смена явлений.

В поэтическом дискурсе В. Полозковой концептуализация действительности сопровождается обращением к цветописю. Цветовая гамма стихотворения состоит из светлых тонов: солнечные пятна, большие небеса (небо высокое, когда нет туч, и значит – голубое), облака, прозрачная бирюза; стрекозы и ягоды – летом, когда кругом зеленая трава и липкие молодые листья, будто бы в меду, черешни в черешневом весенне-летнем саду). Ведущей является визуальная модальность: художник полагается на свои глаза. Глаз воспринимает свет, меняющиеся краски, воздух, заглушающий, стирающий очертания предметов – в стихотворении изображено все, что можно видеть, категоризация действительности осуществляется посредством зрительных возможностей.

Восприятие природы как источника эмоций и фантазии ставит человека в центр поэтической образности, демонстрируя романтическое мировосприятие. В духе импрессионизма в стихотворении в целом фрейм – отдых в саду – представлен как эпизод жизни. Изображение мира представлено в дискурсе как впечатление; стихотворение передает восторг вечно волнующейся, вечно изменчивой жизни – в импрессионизме «художники стали переходить от реалистического воспроизведения получаемых от природы впечатлений к свободным симфоническим композициям на основе вновь открытых красочных ценностей» [1, с. 858].

Аксиологическая составляющая поэтического дискурса рассмотренного стихотворения может быть соотнесена с принципами гармонии, когда присутствие «чуждых» компонентов в мире принципиально невозможно. Принцип недосказанности, отсутствие рационалистического начала в постижении бытия, в осознании себя как части Вселенной придают поэтическому дискурсу стихотворения В. Полозковой особый смысл, посредством которого происходит формирование духовной реальности, особой структуры сознания, когда текст предполагает способность адресата выходить за рамки повседневного опыта, обращаясь к глубинам собственного «Я», к нераскрытой тайне бытия, привлекающей своей скользящей неоднозначностью и многогранностью. Модель мира, которая предопределяет поведение человека, в том числе и его коммуникативное поведение, обусловлена в стихот-

ворении В. Полозковой пониманием мироздания как динамической системы, разворачивающейся вокруг человека. Человек запечатлевает в дискурсе свое внутреннее состояние, свои эмоции, интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру.

В современном поэтическом дискурсе опора на форму сменяется опорой на содержание, на применение языка для выражения смысла. В статье использован феноменологический подход к исследованию закономерностей интенциональной организации дискурса.

Литература

1. Мутер, Р. Всеобщая история живописи / Р. Мутер. – М.: Эксмо, 2008. – 960 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 тысяч слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
3. Сусов, И. П. Введение в теоретическое языкознание / И. П. Сусов. – М.: Восток-Запад, 2006. – 382 с.
4. Сухих, С. А. Коммуникативная компетентность личности в общении: учеб. пособие / С. А. Сухих. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – 248 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И ЗНАЧЕНИЕ СОХРАНЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ИМ ЦЕННОСТЕЙ

М. С. Джафарова

Бакинский Университет Бизнеса, ул. Г. Зардаби, 88 а,
AZ1122, Баку, Азербайджан
e-mail: mehseti.ceferova@inbox.ru

В статье рассматриваются вопросы сохранения ценностей национальных культур. Утверждается, что в настоящее время в мировой политике, в мировой культуре к решению глобальных, региональных и локальных проблем, проблеме глобализации и культурной интеграции формируется новое отношение. Благодаря синтезу и развитию национальных и общечеловеческих ценностей становится возможным развитие социальной, культурной и экономической сфер всего миропорядка.

Ключевые слова: культура, глобализация, интеграция, национальные ценности, национальное наследие, взаимосвязанность.

NATIONAL CULTURES AND THE IMPORTANCE OF PRESERVING THEIR VALUES

M. S. Dzhafarova

Baku University of Business, Zardabi st. 88 a, AZ1122,

Baku, Azerbaijan

e-mail: mehseti.ceferova@inbox.ru

The article deals with the issues of preserving the values of national cultures. It is argued that at present in world politics, in world culture, a new attitude is being formed towards solving global, regional and local problems, the problem of globalization and cultural integration. Thanks to the synthesis and development of national and universal values, the development of the social, cultural and economic spheres of the entire world order becomes possible.

Key words: culture, globalization, integration, national values, national heritage, mutual relation.

Люди принимают участие в процессе происходящей в мире глобализации независимо от их желания. На современном этапе имеет большое значение возникновение различных культурных связей между народами и странами. Подобные культурные связи в отношениях между народами приобретают международную значимость. В этом процессе народы:

- ближе узнают друг друга, глубже изучаются отдельные культуры, выявляют богатство традиций и обычаев;
- осуществляют межкультурное взаимодействие, а значимость интеграции превращается в потребность.

Межкультурная интеграция способствует интеграции и в других сферах взаимодействия между народами, в результате интеграции происходит процесс глобализации, интернационализации культур. Наиболее отчетливо проявляется влияние культурного богатства при интернационализации. Для этого народы должны еще глубже оценить свои национальные духовные ценности, определить направление, способное дать толчок развитию мировой культуры.

Межкультурный обмен способствует сближению культур, в результате исчезает ряд специфических факторов, свойственных национальным культурам. Некоторые мыслители (Т. Парсонс и С. Ф. Хантингтон) отмечают, что в этом процессе происходит столкновение религий.

В процессе глобализации, интернационализации культур может произойти частичное или полное растворение национальных куль-

тур в составе других культур. Для сохранения и защиты национального наследия народы должны:

- беречь и пропагандировать историчность культур;
- ценить и активировать характерные черты национальных ценностей, отличающихся от национальных ценностей других народов;
- определить факторы национальных ценностей, влияющих на национальное самосознание; создать механизм сохранения национального наследия и передачи его новым поколениям.

Интерпретировать эту проблему целесообразно в контексте Восток-Запад. В процессе глобализации во взаимоотношениях между восточной и западной культурами появляются противоречия. Подобные противоречия бывают двусторонними: во-первых, народы как Востока, так и Запада сохраняют и обогащают свои национальные культуры. Во-вторых, народы Запада и Востока пользуются благами как своей культуры, так и культуры противной стороны, то есть Запад заимствует элементы культуры Востока, Восток – Запада. Как следствие, обе стороны обогащают мировую культуру, и процесс этот постепенно набирает обороты.

Вместе с тем нельзя не учитывать факторы, умножающие противоречия между Востоком и Западом. По утверждению ученых, страны Востока обладают неисчерпаемыми запасами сырья и энергоресурсов. Западные же страны интенсивно развивают современные технологии. Таким образом, в процессе глобализации появляется и формируется механизм для извлечения выгоды в межкультурных отношениях как для Запада, так и для Востока. Целенаправленное выстраивание отношений приносит успех обеим сторонам. Каждая из сторон получает возможность пользоваться достижениями или возможностями другой стороны. В процессе интернационализации такая целенаправленная деятельность обеих сторон приводит к постепенному обогащению мировой культуры.

В процессе глобализации особенности развития национальных культур могут проявиться по одному из трех направлений:

- 1) сохраняется все богатство национальной культуры;
- 2) определенная часть национальной культуры частично поглощается другими культурами;
- 3) национальная культура полностью воспринимает другие культуры, поэтапно теряя собственную специфику, что приводит к растворению национально-духовных ценностей, в том числе традиций и обычаев этого народа, в культурах других народов. Как

следствие, происходит трагедия гибели национальной культуры. Восстановление или возрождение подобных «исчезнувших культур» либо невозможно, либо происходит лишь после подтверждения результатов фундаментальных научных исследований.

В работах ученых-исследователей В. С. Степина, Э. Б. Тайлора, А. Дж. Тойнби, Э. Фромма, М. Фуко, М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Д. А. Чекалова, В. А. Кондратьева и О. Шпенглера межкультурные взаимоотношения и разнообразие свойств, присущих национальным культурам, имеют проблемную значимость.

Культуролог И. Гусейнов утверждает, что взаимоотношения, возникающие в рамках материальных и духовных ценностей разных народов в процессе глобализации, преодолевают национальные границы и распространяются по всему миру. Различия в этом процессе объединяются под названием «единение» [1, с. 294].

Различные аспекты культур и разные воззрения в мировой культуре рассмотрены в исследованиях В. Руднева, В. Н. Торопова и Ю. М. Лотмана под разными ракурсами [2, 3, 4]. Исследователь Ж. Бодрийяр, отметивший весомое значение эстетического богатства в развитии культурного мировоззрения, считал, что оно стало важнейшей ценностью мировой культуры [5, с. 23–31].

В исследованиях говорится также о модернизации и об этапах обновления в культурах Востока и Запада, в том числе о воздействии этого процесса на национальные культуры. В настоящее время принятие чуждых нашим национально-нравственным ценностям элементов под видом модернизации в Азербайджане вовсе не может считаться положительным явлением, ибо слепое принятие подобных новшеств приводит к негативным последствиям. Иногда современная молодежь отдает предпочтение культурам, привнесены с Запада, чуждым имеющей древнюю историю национальной культуре, рассматривая наши обычаи и традиции как устарелые, что вызывает раздражение у старшего поколения. К тому же национальная культура не утратила присущие восточной культуре положительные нравственные ценности, высокие моральные качества, сумев сберечь свою испытанную временем оригинальность. Следовательно, жизненно важно разрешить противоречия и преодолеть противостояние между культурами Востока и Запада. Подобные противоречия оказывают влияние и на другие сферы деятельности. Развитие современных технологий также способно оказывать значительное влияние на изменения, происходящие в сфере культу-

ры. То есть посредством инструментария технологического прогресса стало возможно вмешиваться в мировоззрение людей достаточно легко и за довольно короткий срок. В то же время ни одна сфера экономической деятельности не в состоянии пройти мимо обновляющихся изо дня в день технологических возможностей, созданных глобализацией.

Отметим, что национальные обычаи и традиции занимают важное место в ряду духовных ценностей. У каждого народа они выступают как важный показатель культурного развития. Национальные обычаи и традиции народов, утвердившись в исторической памяти, становятся ключевым фактором в развитии культуры и передаются от одного поколения другому. Таким образом, они оказывают свое мощное влияние на общество. По мере происходящих в обществе изменений и изменения самого общества, сформировавшиеся обычаи и традиции продолжают совершенствоваться, сберегая образцы художественного творчества народа для передачи грядущим поколениям. Во всех этих процессах народы обретают новые духовные ценности. Эти ценности, в свою очередь, появляются как наследие традиций отдельных исторических эпох. Поэтому необходимо исследовать новшества, произошедшие в обычаях и традициях, относящихся к разным эпохам, систематизировать полученные результаты с философской точки зрения.

В Азербайджане в советскую эпоху большинство национальных обычаев и традиций были насильственно вытравлены из богатейшего наследия духовных ценностей, но в устной форме остались в памяти народа. Наш народ, утратив независимость, попал под гнет господствующей коммунистической идеологии. Большевистский режим запретил национальные обычаи и традиции, передачу их из поколения в поколение, отправление религиозных обрядов. На базе социалистического правопорядка в жизнь общества был внедрен чуждый для народа идеологический механизм в форме «новых традиций и обычаев». Но нельзя забывать, что азербайджанский народ и народные умельцы в тот период не отступили от принципа исторической преемственности, сохранили и модернизировали национально-духовные качества, веками существовавшие в национальных обычаях и традициях. Таким образом, наша национальная культура, искусство, в том числе образцы художественного творчества, не утратили своеобразие и художественно-эстетического значения. Это имеет громадное значение для изучения и применения древней культуры.

Древняя, богатейшая культура Азербайджана, его искусство, начиная с каменного века и во все последующие исторические эпохи, и сегодня занимает важное место в мировой культуре. В отдельные исторические периоды к национальной науке, культуре, искусству существовало необъективное отношение, что, естественно, затрудняло изучение национальной культуры и прикладной сущности культурной сферы. Поэтому в настоящее время в Азербайджане существует большая потребность в научных исследованиях художественно-эстетического характера национальных обычаев и традиций, отвечающих современным требованиям философии, что способствовало бы практическому применению межкультурного взаимодействия.

Богатейшая культура и искусство Азербайджана, его национальные обычаи и традиции, взращенные на древнейших исторических корнях, имеют и для будущих поколений неоценимое значение. Поэтому в контексте научного анализа ставка на отдельные исторические этапы развития нашей культуры и нашего искусства, на обычаи и традиции, на образцы художественных ремесел и народного творчества, созданные в разные исторические эпохи, имеет громадное значение. Обычаи и традиции, будучи во все исторические периоды одним из показателей культурного и духовного роста общества, отражают в себе эволюцию человечества.

Известные философы древности – Платон, Аристотель, Демокрит, Эпикур и Нового времени – Дидро, Гельвеций и другие в своих исследованиях высказывали мысли о нравственных ценностях. Например, Платон видел в праздниках инструмент сохранения стабильности в государстве. Аристотель же отмечал, что люди имеют право на празднование, и никто не сможет у них это право отнять.

Исследования показывают, что у традиций и обычаев имелись свои предшественники – элементарные правила общежития еще в пору первобытнообщинного строя. Они создавались, в частности, как основа религиозного и художественного сознания и регулировали деятельность людей. Существовало много племенных правил, которые должен был соблюдать каждый член общины.

В соответствии со спецификой общественных формаций модернизировались и обычаи, и традиции. Изменялись формы религиозных понятий. В этом контексте имели место случаи сохранения, консервации анимистических понятий, обычаев, традиций и обрядов.

В азербайджанских обычаях и традициях выдвигаются на передний план борьба добра со злом, право преемственности, патри-

отизм, героизм, вера в святых, в сверхъестественные силы, желание творить добрые дела по воле Аллаха.

Исследования показывают, что традиции условно можно разделить на три группы. Во-первых, обычаи и традиции, связанные с социально-историческими, патриотическими традициями общества. Сюда относятся официальные государственные, исторические праздники, дни памяти, дни рождения выдающихся личностей и прочее.

Во вторую группу входят производственные традиции, ритуалы, обряды, праздники труда. К третьей группе относятся семейно-бытовые обычаи, обряды, традиции. Свадьбы также имеют древнюю историю. Свадебные традиции разных народов являются средством культурно-воспитательного воздействия. Траурные церемонии отличаются песнопениями с причитаниями, сопровождаются плачем плакальщиц. Эстетические отношения в таких ритуалах проявляются в своеобразной форме.

В Азербайджане на праздниках труда, семейно-бытовых, религиозных праздниках, праздниках времен года обращаются к художественным образам, что стимулирует развитие художественного творчества. Фольклорное творчество, изобразительное художественное творчество, искусство ремесленников, мастеров рукоделия и декоративно-прикладного искусства, хоровое пение, праздник ашугской музыки, художественное чтение и другие сферы творчества воспринимаются людьми с большим интересом.

Таким образом, мировоззрение человека, воспитание и нормы поведения формируются при посредстве обычаев и традиций.

В целом роль отдельных личностей в развитии национальных культур превращается в важный фактор, и личность творчески справляется с исторической миссией в деле созидания, формирования, совершенствования и передачи духовной культуры грядущим поколениям. На всех этих этапах культура каждого народа наряду с отображением прогрессивных идей, образа жизни, чувств и волнений людей в той или иной форме становится достоянием народа и цивилизации. Таким образом, мировая культура становится богаче, формируется, прогрессирует.

В настоящее время в мировой политике, в мировой культуре формируется новое отношение к решению глобальных, региональных и локальных проблем, проблеме глобализации и культурной интеграции. Таким образом, благодаря синтезу и развитию наци-

ональных и общечеловеческих ценностей становится возможным развитие социальной, культурной, экономической сфер всего миропорядка. Для этого становится необходимым расширение связей в области культуры и ведения грамотной культурной политики.

Исследования показывают, что национальные культуры всегда тяготеют к духовно близким культурам. С этой точки зрения азербайджанская культура, являющаяся частью восточной культуры, несомненно, больше тяготеет к духовно близким, родственным национально-духовным ценностям, культурно-социальной среде. В этом процессе национальная культура может натолкнуться на определенное сопротивление.

Сохранение национальных ценностей напрямую связано с ростом национального благосостояния. Повышение национального благосостояния всегда должно находиться в центре внимания. Для интенсивного развития национальных культур необходимо создать соответствующий механизм. Целесообразно проведение планомерных и системных реформ. Модернизация должна быть проведена лишь на основе национальных ценностей. Поэтому сохранение ценностей национальных культур имеет первостепенное значение. Для достижения этой цели необходимо изучить и систематизировать исторические этапы пройденного пути, периоды процветания национальных культур, оценить способы, методы и средства сбережения, сохранения и передачи материально-нравственных ценностей национальных культур грядущим поколениям. Работы должны быть выполнены с использованием современных технологий.

Литература

1. Гусейнов, И. История культурологии: учебник / И. Гусейнов, Т. Эфендиев. – Баку: Mars-Print NPF, 2012. – 876 с.
2. Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – СПб.: Изд. группа «Азбука-Аттикус», 2017. – 864 с.
3. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М.: Изд. группа «Прогресс-Культура», 1995. – 624 с.
4. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
5. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – 5-е изд. – М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2014. – 260 с.

**НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

А. А. Легчилин

Белорусский государственный университет,
факультет философии и социальных наук, ул. Кальварийская, 9,
220004, Минск, Республика Беларусь
e-mail: liahchylin@bsu.by

В статье дается обзор философских работ, опубликованных в XIX веке на территории Северо-Западной части Российской империи, в которую входили земли современной Беларуси. Прежде всего рассматриваются работы, в которых прослеживаются элементы рецепции философских взглядов ведущих немецких мыслителей И. Канта, Г. Гегеля, Ф. Ницше и др.

Ключевые слова: Северо-западный край, Беларусь, немецкая философия, рецепция идей, И. Кант, Г. Гегель, Ф. Ницше.

**GERMAN PHILOSOPHY IN THE INTELLECTUAL CULTURE
OF THE NORTHWESTERN REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE:
A HISTORIOGRAPHIC REVIEW**

A. A. Liahchylin

Belarusian State University, Faculty of Philosophy and Social Science,
Kalvariyskaya st. 9, 220004, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: liahchylin@bsu.by

The article provides an overview of the philosophical works that were published in the 19th century on the territory of the Northwestern part of the Russian Empire, which included the lands of modern Belarus. First of all, the works are considered in which elements of the reception of the philosophical views of the leading German thinkers I. Kant, G. Hegel, F. Nietzsche and others are traced.

Key words: Northwestern region, Belarus, German philosophy, reception of ideas, I. Kant, G. Gegel, F. Nietzsche.

В европейской философии XIX век ассоциируется с немецкой философией. Именно она задавала интеллектуальные тренды после французской философии Нового времени. И. Кант, немецкий романтизм, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, К. Маркс и др. немецкие мыслители завораживали умы восточных европейцев.

Рецепция немецкой философии в Беларуси XIX века изучена недостаточно, хотя во всех отношениях представляет собой интересное и оригинальное явление в духовной жизни белорусского общества. Уместно указать и на трудность, с которой неизбежно сталкивается всякий, кто берется за изучение данной проблемы. Периодические издания и отдельные философские произведения, выходявшие в то время, сохранились в небольшом количестве экземпляров (некоторые в единичных экземплярах) и относятся к числу исключительно редких и малодоступных изданий. Они рассредоточены в крупнейших научных библиотеках Литвы, России, Польши, Украины. Попытаемся проследить основные тенденции процесса восприятия немецкой философии на землях современной Беларуси на протяжении столетия, т. е. попытаемся дать библиографический обзор. Детально эта проблема может быть представлена в более объемном исследовании.

После последнего раздела Речи Посполитой территория нынешней Беларуси вошла в состав Российской империи, образовав территориальную единицу «Северо-Западный край».

В первой половине XIX века в этом регионе было два неординарных высших учебных заведения – Виленский университет (1803–1832) и Полоцкая иезуитская академия (1812–1820), где учились и работали в том числе и наши соотечественники. В Вильно и Полоцке трудились известные ученые из различных государств Европы, представители различных национальностей – русских, поляков, немцев, итальянцев, французов др. На высоком уровне преподавались философия и смежные с ней учебные дисциплины. Виленскими и полоцкими учеными был подготовлен и опубликован ряд значительных философских трудов, преимущественно, в силу сложившихся исторических традиций, на латинском и польском языках.

В Полоцке и Вильно выходили два различных по своей идейной направленности периодических научных журналов «Miesięcznik Połocki» («Полоцкий ежемесячник») и «Dziennik Wileński» («Виленский дневник»), на страницах которых затрагивались и оценивались различные аспекты философии немецких мыслителей.

Наиболее популярным в начале XIX века в Европе было учение кёнигсбергского мыслителя И. Канта. Идеи Канта как в Германии, так и за ее пределами были неоднозначно восприняты в научных кругах. Как всегда, мнения разделились диаметрально противоположно.

Наиболее последовательным эпигоном кантовской философии и одним из первых адептов и пропагандистов ее в данном регионе был

И. Г. Абихт (1762–1816). Он был приглашен в качестве профессора философии из Эрлангенского университета в Виленский университет. И. Г. Абихт был известен в Германии как издатель журнала «Новый философский иллюстрированный журнал по разъяснению системы Канта» [1, с. 196] и работы, получившей премию Берлинской Академии наук, «Прогресс метафизики от Лейбница до Вольфа» (1796), написанной в духе трансцендентального идеализма И. Канта. В 1804 году И. Г. Абихт прибыл в Вильно. На протяжении двенадцати лет он преподавал здесь логику, метафизику, этику, психологию, введение в философию. Свои лекции он читал на латинском языке. Его работа «Введение в философию», где высоко оценивалась философия Канта, была издана в 1814 году в Вильно на латинском языке [2].

Из числа слушателей И. Г. Абихта вышел ряд философов, сыгравших известную роль в пропаганде духовного наследия И. Канта в Беларуси и Литве, среди них – выпускник Виленского университета Я. Бобровский (1777–1823). В 1819 году он перевел и издал в Вильно известную работу И. Канта «О педагогике», в которой немецкий мыслитель проводил идею смягчения влияния церкви на воспитательный процесс, находясь под значительным влиянием идей Ж-Ж. Руссо.

Непосредственным учеником И. Г. Абихта был также магистр философии Л. Розвадовский. После окончания Виленского университета (1817) он трудился в гимназии города Слуцка (Минская область), посвятив значительную часть своей жизни изучению и комментированию философии И. Канта. Есть сведения, что после его смерти (1869) осталось несколько рукописей, важнейшей из которых была «Философская система Канта». До 1905 года рукопись хранилась в библиотеке Слуцкой гимназии. Дальнейшая ее судьба остается пока неизвестной.

Одним из оппонентов кантовской философии выступал ректор Виленского университета (1756–1830) Я. Снядецкий. Начиная с 1806 года он постоянно обращался к анализу философии И. Канта, часто полемизировал с ним в ряде своих публикаций. Он написал ряд философских работ, таких как «О метафизике», «О философии», «Философия человеческого ума» и др. [3]. Будучи сторонником сенсуализма французских просветителей XVIII века, он выступил противником априоризма и трансцендентализма И. Канта.

К числу критиков И. Канта относился и уроженец Могилевщины А. Довгирд (1776–1835), сменивший И. Г. Абихта на кафедре философии Виленского университета. Он является автором фунда-

ментального труда «Трактат о присущих мышлению правилах или логика теоретическая и практическая» [4], который вышел в Полоцке в 1828 году. В нем дан последовательный анализ работы И. Канта «Критика чистого разума», ее основных частей – трансцендентальной эстетики, трансцендентальной аналитики и трансцендентальной диалектики.

Критиковали И. Канта и профессора Полоцкой иезуитской академии, прежде всего за то, что он опроверг онтологическое доказательство бытия Бога. Наиболее ярким оппонентом был профессор философии Полоцкой академии, один из первых и видных представителей неосхоластики XIX века, итальянец И. Анджиолини (1747–1814). В своих лекциях, прочитанных для студентов академии, и изданном в 1819 году в Полоцке произведении (после смерти автора), И. Анджиолини неоднократно полемизировал с И. Кантом [5].

Против философии И. Канта выступил и другой известный профессор Полоцкой академии, уроженец Беларуси В. Бучинский (1789–1853). Его доводы отражены в трехтомном труде «Основы философии» [6], изданном на латинском языке в Вене в 1843 году. В основу произведения были положены лекции, прочитанные студентам иезуитской академии в Полоцке.

Известно, что со второй половины XIX века в западноевропейскую философию вновь начинают проникать идеи Канта, но выраженные в новой, специфической форме, соответствующей духу данного времени, которая получила название «неокантианство». Так, тезис Отто Либмана «Назад к Канту!» (1865) послужил отправной точкой для публикации ряда статей европейских последователей Канта. Не оставило без внимания данную проблему и интеллектуальное пространство нашего региона.

Значительную роль в популяризации философии И. Канта во второй половине XIX столетия сыграли наши соотечественники. В частности, выпускники Минской мужской гимназии (1803–1919), известные в свое время ученые – юрист В. Д. Спасович (1829–1906), философы А. Марбург (1855–1913), М. Массониус (1862–1945), теоретик и философ права Л. И. Петражицкий (1867–1931). Однако труд Л. И. Петражицкого, подводивший итог его исследовательской деятельности в области изучения философии И. Канта, бесследно исчез в издательстве Ягеллонского университета в 20-е годы XX века, «куда был отдан для печати» [7].

К числу менее известных исследователей и популяризаторов философии И. Канта в Беларуси того времени относится А. П. Аргамаков (1842–1931). Его работа «Сознание, самоочевидные истины и мыслимые пространства по Канту и по воззрению современных философов и математиков» [8] вышла в Полоцке в 1895 году.

Появились и другие публикации. Так, в Минске, в газете «Северо-Западный край» от 12 февраля 1904 года вышла статья под названием «Учение Канта [К столетию со дня его кончины]» [9]. Автор материала – Зимнев, редактор газеты. Это взятая из немецкого издания и переведенная на русский язык статья известного немецкого кантианца, писателя-фантаста Курда Лассвица (1848–1910) «Der kritische Gedanke (zur Erinnerung an die 100-e wiederkehr von Kants Todestag). Von prof. Kurd Lasswitz. Gotha, 1904». Данная публикация отражает общий дух того времени, определенного рода пиетизм к философскому наследию Канта в Европе, и в том числе, на территории тогдашней Беларуси. Эти малоизвестные материалы – актуальная тема исследования для современных историков белорусской философии.

В начале 20-х годов XIX века в нашем регионе началось знакомство с немецким романтизмом и философией Ф. Шеллинга, а также философскими идеями Г. Гегеля. Глашатаем этих идей выступил Ю. Голуховский (1797–1858), непосредственный ученик Шеллинга. В 1822 году в Эрлангене на немецком языке вышло его сочинение «Философия и ее отношение к жизни целых народов и отдельных людей», посвященное Шеллингу. В 1834 году работа Ю. Голуховского была переведена русским шеллингианцем Д. М. Велланским на русский язык [10]. Эта работа послужила основанием для приглашения Ю. Голуховского на кафедру философии в Виленский университет, где его преподавательская деятельность продолжалась весьма недолго (с осени 1823 по февраль 1824 года).

Рецепция философских взглядов Г. Гегеля в нашем регионе была также вполне в духе того времени, диаметрально противоположной: правогегельянцы оппонировали левогегельянцам.

Ректор Петербургской римско-католической духовной академии и одновременно Могилевский митрополит Игнатий Головиньский (1807–1855) выступил против философии Гегеля. Он считал последнюю особенно опасной, потому что она якобы выступала в форме пантеизма. В своем сочинении «Об отношении непосредственной философии к религии и нашей цивилизации» (1846) И. Головиньский критикует философию Гегеля и его сторонников за то, что по-

следние стремятся познать истину, минуя естественное и сверхъестественное откровение. Подобные же идеи излагал бывший учитель латинского языка Свислочской гимназии, а затем профессор сначала Киевского, а потом Московского университетов М. Якубович (1785–1853) в работе «Христианская философия жизни в сравнении с пантеистической философией нашего времени» (1853).

Диалектические идеи гегелевского учения, проникнутые уважением, пониманием, нашли свое выражение в журнале «Атенеум», выходившем в Вильно в 1841–1851 гг. На его страницах появился ряд публикаций, посвященных философии Гегеля, а также печатались отрывки из работ самого классика немецкой философии.

Одним из первых сторонников гегелевской философии был Т. Щеневский (1808–1860). Уже в первых номерах «Атенеума» выходят его статьи, популяризирующие гегелевские диалектические идеи: «О философии» (1841, т. 4), «О необходимости» (1842, т. 6), а также «Парафразы Гегеля из его введения в историю философии» (1842, т. 1, 2, 5), излагавшие гегелевскую концепцию историко-философского процесса.

Известную роль в пропаганде гегелевского учения сыграл основатель и редактор виленского журнала «Атенеум» Ю. И. Крашевский (1812–1897). Он перевел и опубликовал ряд работ, посвященных Гегелю, в частности, один из разделов книги французского ученого А. Отта «Гегель и немецкая философия» (Париж, 1844) под названием «Идея гегелевской системы». В переводе Крашевского раздел был сначала опубликован на страницах журнала «Атенеум», а затем вышел отдельным оттиском (Вильно, 1845).

Своеобразную позицию в философской мысли XIX века занимал несвижский адвокат Флориан Бохвиц (1799–1856), автор ряда философских сочинений, в которых предпринята попытка специфически трактовать немецкий идеализм и религию. В своих трудах Ф. Бохвиц часто высказывал идеи, неадекватные гегелевской интерпретации философии религии. Это вызывало негативную реакцию его оппонентов – Г. Ржевуского (1791–1866), И. Головиньского и др. «Признаю, что в трудах Бохвица можно заметить способность к глубокой рефлексии, – писал И. Головиньский, – однако мысль его лишена всякой опоры». В своем произведении «Литературные вечера» Г. Ржевуский язвительно осмеял работу Ф. Бохвица «Очерк моих мыслей».

В конце XIX – начале XX века в Беларуси появляются первые отклики на популярную тогда философию Ф. Ницше. В газете «Севе-

ро-Западный край» в 1903 году публикуется доклад Д. М. Мейчика «Фр. Ницше и “любовь к дальнему”» [11], где излагаются ницшеанские размышления о сути человека. Альтернативную точку зрения представляет богослов Д. В. Скрынченко (1874–1947), который с 1903 по 1912 год работал учителем истории и латинского языка в Минской духовной семинарии, был редактором «Минских епархиальных ведомостей». Он опубликовал в 1908 году работу «Ценность жизни по современному философскому и христианскому учению» [12]. В ней с религиозных позиций дается критическая оценка философии Ф. Ницше. С тех же мировоззренческих позиций представил взгляды Ф. Ницше богослов А. Юрашкевич в «Минских епархиальных ведомостях» в 1905 [13] и 1908 [14] годах.

Таким образом, основные философские идеи представителей немецкой философии XIX века нашли творческое отражение в среде интеллектуалов нашего региона. Все это свидетельствует о включенности их в культурный трансфер европейской философской мысли.

Таков краткий итог восприятия и влияния немецких мыслителей, который стал важным моментом в развитии философской мысли и духовной культуры в Восточной Европе.

Литература

1. Виндельбанд, В. От Канта до Ницше: История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / В. Виндельбанд. – М.: Канон-Пресс; Кучково-поле, 1998. – 496 с.
2. Abicht, J. H. *Initia philosophiae proprie sic dictae* / J. H. Abicht. – Vilnae, 1814.
3. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. – М.: Госизд-во полит. литературы, 1956. – Т. 1. – С. 629–640.
4. Dowgird, A. *Wykład przyrodzonych myślenia prawideł, czyli logika teoretyczna i praktyczna* / A. Dowgird. – Połock, 1828.
5. Angiolini, J. *Institutiones Philosophicae. Ad usum Studiosorum Academiae Polocensis* / J. Angiolini. – Polociae, 1819.
6. Buczynski, V. *Institutiones Philosophicae* / V. Buczynski. – Viennae, 1843.
7. Kojdera, A. *Petrażycki Leon* / A. Kojdera // *Encyklopedia Socjologii*. – Т. 3. – Warszawa: Oficyna Naukowa, 2000. – S. 102.
8. Аргмаков, А.П. Сознание, самоочевидные истины и мыслимые пространства по Канту и по воззрению современных философов и математиков / А.П. Аргмаков. – Полоцк, 1895. – 27 с.
9. Учение Канта (К столетию со дня его кончины) // Северо-Западный край. – 12 февраля 1904 года.

10. Голуховский, И. Философия, относящаяся к жизни целых народов и каждого человека / И. Голуховский. – СПб., 1834. – 217 с.
11. Фр. Ницше и «любовь к дальнему» // Северо-Западный край. – 14 марта 1903 г. – № 11.
12. Скрынченко, Д.В. Ценность жизни по современному философскому и христианскому учению / Д.В. Скрынченко. – СПб., 1908. – 163 с.
13. Юрашкевич, А. «Ясное в науке» «неясное в религии» / А. Юрашкевич // Минские епархиальные ведомости. – 1905. – № 17. – С. 297–314.
14. Юрашкевич, А. Чтения в «Русском религиозном кружке» в г. Минске. 1-е чтение / А. Юрашкевич // Минские епархиальные ведомости. – 1908. – № 10. – С.262–282.

ИДЕИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н. А. Гусейнова

Азербайджанский Университет Языков, факультет международных отношений и управления, кафедра регионоведения,
ул. Р. Бехбудова, 134, AZ1014, Баку, Азербайджан
e-mail: huseynova_nigar@yahoo.com

В статье исследуется социально-философский аспект воплощения идей толерантности в межкультурных отношениях. Отмечено, что взаимоуважение, бесконфликтное спокойное проживание рядом, культурная терпимость, обогащение во взаимодействии культур являются необходимым факторами, обеспечивающими их интеграцию в мировое культурное пространство. Также исследуются особенности азербайджанской модели толерантности, отличающейся своей демократичностью, открытостью к мировой культуре.

Ключевые слова: идеи толерантности, межкультурные отношения, культурное разнообразие, многонациональность, поликонфессиональность, догматизм, пристрастное отношение, взаимопонимание, обогащение, уважение.

IDEAS OF TOLERANCE IN INTERCULTURAL RELATIONS

N. A. Huseynova

Azerbaijan University of Languages, Faculty of International Relations and Management, Chair of Region Studies, R. Behbudov st. 132, AZ1014,
Baku, Azerbaijan
e-mail: huseynova_nigar@yahoo.com

The article explores the peculiarities of the embodiment of the ideas of tolerance in intercultural relations within the socio-philosophical aspect. It was noted that mutual respect, conflict-free, quiet living nearby, cultural tolerance, enrichment in the interaction of cultures are necessary factors ensuring their integration into the global cultural space. The article also explores specific aspects of the Azerbaijani model of tolerance, which is distinguished by its democratic nature and openness to the world culture.

Key words: ideas of tolerance, intercultural relations, cultural diversity, multinationality, multireligiousness, dogmatism, biased attitude, mutual understanding, enrichment, respect.

Как известно, человечество идет путем расширения взаимозависимости и взаимоотношений разных стран, народов, культур. Эта связь проходит через симбиозную конфликтную ситуацию, процессы модернизации против традиционности и синтеза. Укрепление доверия, уверенности и толерантности в межкультурных отношениях превратилось в жизненную необходимость. «С этой целью негуманистические идеи о превосходстве одной культуры над другой, попытки принужденного принятия чужих культурных ценностей, о предвзятом отношении и заблуждении к представителям других культур должны быть решительно отвергнуты» [1, с. 213]. Следовательно, понимание идей толерантности с философской точки зрения является главным фактором, показывающим разрешение противоречий в межкультурных отношениях. В философском смысле основу толерантности составляет акт восприятия «понимание». Проблемы понимания, осознания связаны с интерпретацией, толкованием в методологическом плане. Толерантность в межкультурных отношениях – это сохранение специфики своей культуры, в то же время – уважение к богатству культур и принятие поликультурности.

Межкультурные отношения прежде всего создаются на основе терпимости к культурным традициям своего народа, историческому прошлому и этнокультуре других народов. Идеи толерантности являются необходимым условием бесконфликтного проживания рядом представителей разных культур. Формирование правил толерантного сознания, поведения и культурной терпимости приобретает актуальность в современном обществе. Эта актуальность обуславливается тем, что в современном мире происходит процесс развития и освоения межкультурного многостороннего пространства.

В XXI веке идеи толерантности отличаются особой актуальностью в условиях глобальной трансформации культур, национальных идентичностей и цивилизаций разных народов.

Иногда толерантность пытаются отождествлять с терпимостью, хотя толерантность – определенный тип терпимости. Поэтому толерантность – это не только покорная терпимость, но и активная духовная жизненная позиция и психологическая подготовка в отношениях между культурами, народами, этносами. Они, в свою очередь, составляют основные компоненты толерантности.

В целом специфическая сторона толерантности в межкультурных отношениях как особый тип отношений заключается в том, что она выступает как своеобразная особенность человека и форма саморефлексии. Толерантность – это путь к диалогу в условиях существования чужих, других культур. Культура толерантности, являющаяся составной частью общей культуры личности, будучи философским феноменом, приобретает более широкое понятие, чем «терпимое отношение». Азербайджанская исследовательница, профессор Р. Асланова специфические стороны идей толерантности в межкультурных отношениях характеризует следующим образом: «Толерантность означает принятие форм самоконтроля и проявления, правильного понимания и уважения человеческой личности, богатых, ярких культур нашего мира. Знание, ясность, общение, мысль, совесть и свобода идеи служат толерантности. Толерантность – это единство многообразного общения» [3, с. 178]. Здесь автор рассматривает толерантность как особый тип терпимого отношения, помогающего установлению культурного плюрализма. По ее мнению, толерантность – это также понимание и уважение различных культур человечества.

Толерантность как философское мировоззрение наряду с готовностью к диалогу для культурного обмена, взаимного обогащения и двустороннего согласования является специфическим культурным защитным механизмом, предотвращающим ненависть к духовным ценностям других. Таким образом, толерантность определяет подход с позиции моральной ценности не только к культурной принадлежности людей, но и к их социокультурным группам – этническим, религиозным. Здесь, несомненно, главное место занимает уважение к моральным установкам, идентичности, национальным ценностям других, их языку, нормам поведения.

Анализ мультикультуральной среды показывает, что в межкультурных отношениях идеи толерантности являются одним из главных факторов формирования гуманистической, достойной, ответственной, уверенной в себе личности. Российский ученый Н. А. Медушев-

ский, затронув вопрос культуры толерантности, называет следующие компоненты, составляющие ее ядро:

- гуманизм;
- мир, терпимость;
- гармония взглядов;
- принятие других;
- терпимость, воспитание, эмоциональная степень развития;
- взаимоуважение;
- взаимная ответственность;
- уравнивание интересов конфликтующих сторон;
- принятие разнообразия культур;
- доброта, мудрость;
- открытость культуры общения;
- спокойное проживание рядом;
- право жить в соответствии со своим мировоззрением [5, с. 175–176].

Автор утверждает, что все эти понятия и компоненты, объединяясь, формируют культурную толерантность. Комплекс названных компонентов доказывает, что толерантность как ценность социокультурных систем – это реальное равенство между представителями разных народов и культур, доброжелательное, терпимое отношение к представителям разных культур в общественной жизни, членам другого общества, различным социальным, культурным группам, а также взаимоуважение. Компоненты толерантности предоставляют гражданам равные возможности для участия в культурной жизни, обеспечивают сохранение и развитие языков, культурное своеобразие национальных меньшинств, свободу вероисповедания, сотрудничество, реализацию национальной солидарности, а также избегание негативных стереотипов в межкультурных отношениях.

Идеи толерантности выражают уважение к различным культурам и составляют основу взаимных социокультурных отношений. По этой причине диалог культур в формировании толерантных принципов занимает основное место. В условиях межкультурного взаимодействия толерантность выступает как необходимое условие оптимизации отношений молодого поколения и как форма разрешения культурных противоречий. Она также является важным фактором спокойного проживания рядом разных народов, нахождения точек соприкосновения разных культур, мировоззрений.

В демократических обществах межкультурный диалог, толерантный стиль мышления, совместное существование культурного разнообразия считаются основными принципами межкультурных отношений. Идеи толерантности являются феноменом, тесно связанным с уверенностью в себе, гуманизмом, человечностью, свободолобием, ответственностью. Именно благодаря этим идеям любая национальная культура может быть интегрирована в мировое культурное пространство без конфликта. В многонациональных обществах формируется планетарное мышление, которое образует единство с национализмом. Именно посредством определения национальной идентичности, процессов самоидентификации формируется межкультурная толерантность. Такое отношение является многосторонним социальным явлением и носит аксиологический характер. Доктор философских наук Л. С. Перевозчикова показывает сущность толерантности как принципа ценности следующим образом: в общефилософском, аксиологическом аспекте толерантность является средством, отражающим в себе позитивное восприятие разнообразия, выражающим принципы гармоничности, спокойного существования рядом [8, с. 86].

Следовательно, культурная толерантность, избегая догматизма, жестокости, конфликта, воплощает в себе эмпатию – интерес к другим культурам, понимание особенностей чужих культур и неосуждение их. Толерантность как философская категория содержит в себе противостояние пристрастному отношению и интолерантности, понимание принадлежности к своей национальной культуре и взаимосоглашение чужих культур.

На сегодняшний день идеи толерантности в межкультурных отношениях в Азербайджане имеют свои особенности. Идея национальной толерантности, сформированная веками, является одним из наиболее ценных факторов, которые повышают репутацию нашей страны среди народов мира. «Толерантность в Азербайджане, отличающаяся исторически терпимым подходом к различным культурам, другим народам и религиям, возникает из национально-нравственных ценностей народа, особенностей его мышления» [7, с. 181]. Исходя из выше изложенного, можно отметить, что толерантность в Азербайджане является неотъемлемой частью жизни, исторически существовавшим социально-философским событием, объединяющим в современном периоде национальное и общечеловеческое, локальность с универсальностью.

В нашей республике модель толерантности в межкультурных отношениях характеризуется привязанностью к своей националь-

ной культуре, историческим корням, защитой национально-нравственных ценностей, открытостью к другим культурам, созданием свобод окружающей среды, предотвращением дискриминации в отношении культур.

Взаимопонимание и обмен, уважение, равенство, обогащение, диалог, национальная солидарность и культура мира в межкультурных отношениях являются основными чертами азербайджанской модели толерантности. Именно на основе этой модели в нашей стране предотвращаются проблемы, конфликты, создается стабильность, безопасность. Азербайджанский исследователь М. Гасанов считает необходимым достижение следующих важных целей для дальнейшего развития модели толерантности Азербайджана:

- делиться мировоззрением, спокойно принять тот факт, что весь мир не находится в том же культурном развитии, что и мы, отличается своим мышлением;

- выявить сходные и отличительные черты среди разных национальных обычаев и традиций;

- урегулировать споры путем достижения консенсуса, а не насилия;

- внести важные изменения в социальные и политические взгляды общества, в демократической форме управлять культурным разнообразием;

- создать общение между сторонами, которые воспринимают разнообразие как угрозу;

- поделиться опытом межкультурного диалога, управления социальным разнообразием и развитием;

- осуществлять проекты в этой области [9, с. 181].

Становится ясно, что азербайджанская модель толерантности проявляется как принятие культурного разнообразия, отрицание пристрастного отношения, интолерантности, идеологий радикализма, экстремизма.

Модель толерантности Азербайджана выражается не только в уважении к другим культурам, но и в принятии обогащения новыми культурными ценностями. Политика толерантности в многонациональном азербайджанском обществе занимает ведущее место в развитии нашей национальной культуры. Идеология толерантности как теоретически, так и практически влияет на гармоничное развитие общества, играет важную роль в поддержании этнокультурных ценностей в нашей стране. По мнению Первого вице-пре-

зидента Азербайджана М. Алиевой, толерантность в нашей стране превратилась в стиль жизни: «В Азербайджане, многонациональной, многоконфессиональной стране, представители разных религий и этнических групп являются равноправными гражданами. Религиозная и этническая толерантность, принятая в качестве важной опоры демократии в мире, стала нормой в азербайджанском обществе» [10]. В Азербайджане развивается не только религиозная, этническая, но и культурная толерантность, которая играет решающую роль в межкультурных отношениях. Помимо толерантности, богатого культурного потенциала и национальной идентичности, интеграция в мировое культурное пространство является одной из неотъемлемых частей национальной политики Азербайджана.

Ссылаясь на вышеизложенное, требования азербайджанской модели межкультурной толерантности можно классифицировать следующим образом:

- необходимость межкультурного и межцивилизационного диалога;
- взаимосвязь и обогащение культур;
- плюрализм, ценность человеческого достоинства.

Таким образом, толерантность в современных поликультурных обществах – это феномен, который является универсальным богатством, основанным на равенстве культур, диалоге и взаимопонимании. Альтернативы толерантности в современном глобализирующемся мире нет.

Литература

1. Əhədova, S.A. Müasir dünyada mədəniyyətərlərarası münasibətlər / S.A. Əhədova. – Bakı: Elm, 2014. – 348 s.
2. Проблема толерантности в межкультурном взаимодействии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiler.net/peviem/2789474/>. – Дата доступа: 26.03.2018.
3. Aslanova, R. Qloballaşma və mədəni müxtəliflik / R. Aslanova. – Bakı: Elm, 2004. – 264 s.
4. Шуманская, Т.З. Воспитание толерантности – основа эффективных межкультурных коммуникаций / Т.З. Шуманская // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 4. – С. 148–152.
5. Медушевский, Н.Ф. Культура толерантности и ее социальная интерпретация / Н.Ф. Медушевский // Theories and Problems of Political Studies. – 2016. – № 4. – С. 168–181.

6. Жаркунгулова, З.Д. Толерантность как принцип межкультурного взаимодействия / З.Д. Жаркунгулова // Теоретические и обзорно-аналитические исследования. – 2016. – №4. – С. 24–29.
7. Vəliyev, İ. Sabitlik və rifah naminə siyasət / İ. Vəliyev. – Bakı: Təhsil, 2018. – 627 s.
8. Перевозчикова, Л.С. Толерантность как базовая социокультурная ценность современного общества / Л.С. Перевозчикова // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2010. – № 2. – С. 85–98.
9. Həsənov, M. Azərbaycanın mədəniyyətlərarası dialoq və mədəni dəyərlərin təbliğində oynadığı rol / M. Həsənov // İdentiklik, multikulturalizm, dialoq fəlsəfəsi. – Bakı: Elm və təhsil, 2018. – С. 177–193.
10. BMT-nin Sivilizasiyalar Alyansının VII Qlobal Forumunun II plenar iclasında Mehriban xanım Əliyevanın çıxışı // "Respublika" qəzeti, 28 aprel 2016-cı il.

БАЗОВЫЙ ПАТТЕРН БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: СТРУКТУРА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Т. В. Зайдадь

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: gghoyden@gmail.com

Статья посвящена проблеме трансформации паттерна белорусской культуры. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения процесса проникновения в общественное сознание либерально-демократических, посттрадиционных ценностей, размытостью ценностных ориентаций, что приводит к возникновению моделей поведения на границе традиции и постсовременности, к попыткам выстроить универсальную идентичность и к социальному напряжению в обществе.

Ключевые слова: паттерн, традиция, структура ценностных ориентаций, ценности, постсовременность.

BASIC PATTERN OF BELARUSIAN CULTURE: STRUCTURE OF VALUE ORIENTATIONS

T. V. Zaidal

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: gghoyden@gmail.com

The article examines the problem of transformation of the pattern of Belarusian culture. The relevance of the study is caused by the speed of penetration of liberal democratic, post-traditional values, by blurring of value orientations, which causes the emergence of patterns of behavior on the border of tradition and post-modernity, and results in attempts of building a universal identity and in social tension in the society.

Key words: pattern, tradition, structure of value orientations, values, postmodernity.

Одна из основных проблем, с которой сталкивается национальная культура в глобализованном информационном обществе, – трансформация паттерна как базовой ценностно-смысловой и материальной структуры, лежащей в основе культуры и придающей ей идентичность. Ценностные структуры всегда подвержены изменениям благодаря смене поколений, однако скорость современного процесса трансформации может вызывать опасения и даже характеризовать данный этап как кризисный.

В нашем понимании «паттерн»/«конфигурация»/«гештальт»/«этос» культуры – конфигурация-взаимосвязь черт культуры, проявленная в ценностно-смысловом содержании, установлениях, нормах, эстетических приоритетах, идеологических критериях, по которым оцениваются действия человека и его связи с окружающим миром, отбираются социально оправданные алгоритмы поведения, приемлемый социокультурный опыт для межпоколенной трансляции посредством воспитания, образования и обучения.

Знание базового паттерна белорусского народа облегчит понимание социокультурного потенциала, поможет выявить сильные стороны самобытной культуры и ментальности, позволяющие достичь экономического и социального благополучия, самореализоваться в мировом сообществе, вовремя отвечать на множественные вызовы и риски.

Соответствующий паттерн разрабатывается в каждой культуре индивидуальным образом в ходе деятельного проживания истории. Кроме исторического фактора, на формирование паттерна белорусской культуры повлияло геополитическое расположение на стыке западного и восточного культурных полюсов, в центре Европы. Это определило диалоговый характер белорусской культуры. При этом, как отмечает Э. А. Усовская, «белорусская культура не превратилась в культуру маргинальную, сохранила самостоятельный статус, оказа-

лась готовой к взаимодействию с иными культурами, но не их копированию. Абсорбировав опыт национальных культур, она сохранила свое ментальное ядро, собственный “дух”, репрезентированный в менталитете нации» [7, с. 262]. Присваивалось и перерабатывалось то, что было наиболее приемлемым для белорусского паттерна. Активный межэтнический и межконфессиональный диалог содействовал развитию таких ментальных черт, как терпимость, отсутствие мессианского сознания, отсутствие чувства исключительности, превосходства над другими нациями. Существование этноса в эпицентре постоянных конфликтов и войн предопределило неприязненное отношение к насилию, войне, отказ от радикального решения проблем, ориентацию на стабильность и безопасность, даже путем снижения ценности личностной свободы, прагматизм и рациональность.

Влияние оказали также языческие и иудео-христианские ценности. Язычество повлияло на экоцентричность культуры, прочную связь природы и человека, интуитивное и созерцательное отношение к миру. Белорусский фольклор и декоративно-прикладное искусство получили выразительные художественные образы, темы и топосы. С принятием христианства и возникновением двоеверия (компромиссного сосуществования иудео-христианских и языческих элементов) в паттерн встраивались гуманность и милосердие, восприятие Бога как культурного героя, иерархичность и патернализм. По мнению Э. А. Усовской, «с православием на белорусскую землю была принесена идея соборности, под которой обычно понимается коллективное жизнетворчество и согласие как антитезы индивидуализму. Здоровый практицизм, умение жить настоящим, рассудительность, как нам представляется, во многом являются следствием воздействия католицизма и протестантизма (кальвинизма)» [7, с. 263]. Ренессансные гуманистические ценности и просветительские идеи внесли вклад в виде уважения к личности, доверия к «естественному» человеку с многообразием его склонностей, возможностей и интересов, поисков личного счастья и благополучия, права на свободу. Все перечисленное сочетается с трудолюбием, заботой о собственном «клочке земли» и хозяйственностью, работоспособностью и выносливостью.

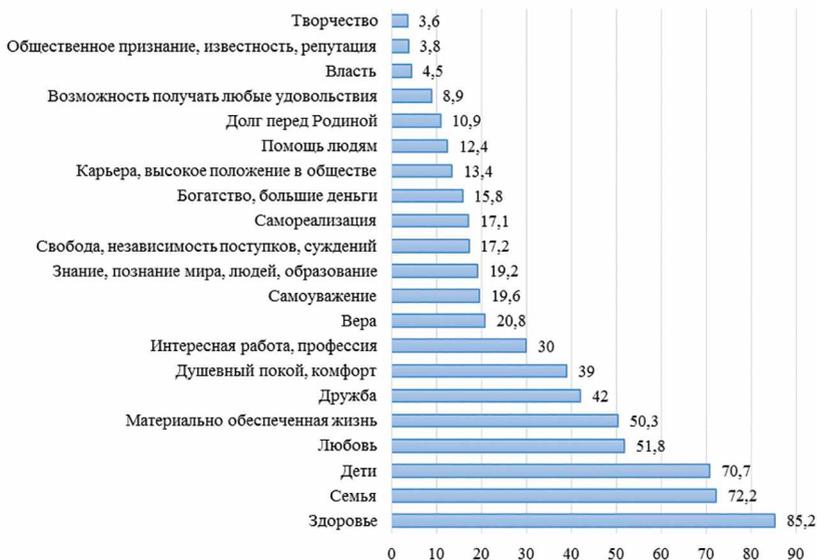
Вместе с тем, система ценностных ориентаций белорусов пронизана конформизмом, апатичностью и инертностью. Отношение к Другому выражается в одновременной готовности к диалогу, но с осторожностью и опасливостью. Э. А. Усовская отмечает, что на это повлиял социально-политический опыт, накопленный белорусами.

Он также привел к тактике консервации традиций как ядра этнической культуры, привязанности к локальному, местному, к проверенным временем и опытом предков ценностям [8, с. 78].

Приведем результаты социологического исследования «Социокультурные факторы и механизмы консолидации белорусского общества», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2016 году по Национальной выборке, репрезентативной по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта и региону проживания (выборочная совокупность составила 1502 респондента).

В качестве эмпирического индикатора базовых ценностей респондентам был предложен список из 21 ценности (рис. 1), из которых они должны были выбрать 7 наиболее значимых (вопрос с формулировкой «Ради чего Вы живете?») [2, с. 131].

Рис. 1. Структура базовых ценностных ориентаций белорусского общества (в %).

Как следует из приведенных данных, белорусское общество в значительной степени является традиционным, поскольку лидирующие позиции занимают такие ценности, как «здоровье», «семья», «дети». Это обеспечивает высокую степень социальной интеграции,

вовлечения индивида в процессы общественного воспроизводства, но ограничивает его запросы и устремления, не позволяя им выходить за рамки семьи. Об этом говорит и низкое положение в иерархии ценностей, относящихся к сфере социальной активности: «творчество»; «общественное признание, известность, репутация»; «власть»; «помощь людям»; «карьера»; «самореализация».

Аналитика структуры ценностных ориентаций имеет еще одно конструктивное направление, определяющее тренд формирования личности в недалекой перспективе. Для изучения воспитательных приоритетов семьи в рамках исследования «Изучить механизмы проявления и воспроизводства цивилизационного кода в современном обществе и его влияние на развитие белорусской экономики» (декабрь 2016 г., объем выборки – 2100 человек), проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, респондентов просили ответить на вопрос о качествах, которые они считают необходимыми воспитывать в детях [2, с. 258–259].

Результаты исследования показали, что среди воспитательных приоритетов белорусов доминируют традиционные ценности. Самые верхние строки занимают «любовь и уважение к родителям» и «доброта, душевность, отзывчивость» (табл. 1). (Сумма процентов больше 100, так как каждый из опрашиваемых имел возможность выбрать не один, а несколько из предлагаемых вариантов ответа.)

Любовь и уважение к старшим, доброту, трудолюбие исследователи относят к патриархальным ценностям. Они отражают стремление к достижению мира внутри семьи и способствуют воспроизводству традиционного семейного уклада. Надо отметить, что несмотря на высокое значение гармоничных отношений, данные качества не ориентированы на развитие способностей ребенка и адаптацию личности в широком социальном контексте. Стремление к формированию данных качеств доминирует во всех возрастных группах белорусского общества (табл. 1). Но гораздо выше ценится среди респондентов от 61 года и старше.

Паттерн непрерывно воплощается в социальности, посредством реализации жизненных стратегий социокультурного поведения, материализуется в устойчивых взаимодействиях и связях людей друг с другом, с предметной и природной средой, в артефактах, символах и других материальных феноменах, несущих на себе их отпечаток.

Таблица 1

Качества, которые необходимо воспитывать у детей в семье, %

Качества	Возраст				Разница между старшей и младшей группами	Среднее
	до 25 лет	26-40 лет	41-60 лет	61 год и старше		
Любовь и уважение к родителям, к старшим	65,1	78,3	78,9	82,2	17,1	76,8
Доброта, душевность, отзывчивость	59,3	64,0	67,4	71,3	12	65,6
Самостоятельность, умение самостоятельно решать жизненные проблемы	56,1	55,2	49,9	41,5	-14,6	51,2
Порядочность, честность	51,9	52,6	54,1	58,3	6,4	53,9
Целеустремленность	51,2	42,3	30,6	26,8	-24,4	37,2
Трудолюбие	47,2	55,3	65,7	72,7	25,5	60,4
Стремление к знаниям, образованию	41,6	40,9	32,5	27,5	-14,1	35,8
Общительность, коммуникабельность	38,9	37,5	29,5	16,1	-22,8	31,3
Ответственность, чувство долга	36,9	37,3	41,4	47,2	10,3	40,3
Инициативность	34,1	27,0	26,9	20,8	-13,3	27,2
Предприимчивость	28,7	27,2	18,2	11,7	-17	21,7
Законопослушность	23,4	31,5	34,0	29,6	6,2	30,6
Умение приспосабливаться к ситуации	22,4	23,1	17,8	12,3	-10,1	19,3
Бескорыстие, неэгоистичность	21,0	25,9	22,9	26,2	5,2	24,1
Патриотизм, любовь к Родине	14,6	18,6	24,5	31,8	17,2	22,2
Экономность, бережливость	15,0	19,7	19,2	21,8	6,8	19,0
Религиозность	10,5	9,9	13,1	13,8	3,3	11,8
Толерантность, терпимость к другим людям	15,7	11,3	11,3	9,5	-6,2	11,8
Затрудняюсь ответить	6,4	3,0	1,2	1,2	-	2,7

События, разворачивавшиеся в информационном поле Беларуси во второй половине 2018 – начале 2019 гг. вокруг концепции закона «О противодействии домашнему насилию», выявили конфликтное соотношение белорусского паттерна и глобальных процессов. Напомним, концепция закона «О противодействии домашнему насилию» вызвала возмущение представителей религиозных организаций, а также светских носителей традиционных ценностей.

Глава католической церкви Беларуси архиепископ Тадеуш Кондрусевич обратился с открытым письмом к Президенту страны А. Г. Лукашенко. Он отметил, что «принятие проекта Концепции Закона РБ “О противодействии домашнему насилию” (далее “Концепция”) следует из принятого “Плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 годы” и является продолжением наступления на традиционные ценности; на целостность семьи, традиционные роли членов семьи, а также дальнейшим размыванием самого понятия семьи. <...> Реализация Концепции приведет к подрыву авторитета родителей, разрыву кровнородственных связей, преобразованию педагогов в семейных контролеров. Дети без надлежащего воспитания будут вырастать эгоистичными, не захотят создавать семьи и рожать детей» [1].

Митрополит Минский и Заславский Павел, Патриарший Экзарх всея Беларуси высказался в интервью порталу TUT.BY: «В обсуждавшемся законопроекте о противодействии домашнему насилию были обнаружены очень серьезные недостатки, которые и вызвали беспокойство не только у верующих людей. Я уверен, что белорусскому народу этот закон совсем не нужен. Он принесет людям больше вреда, чем пользы. В нем больше уделяется внимания правам детей, ставя на задворки родителей и лишая их родительских прав и обязанностей. А до совершеннолетия, как вы знаете, за детей отвечают родители. Ребенок еще не знает жизни и еще, извините, не знает, как зарабатывать деньги, а уже знает свои права и начинает “качать их” своим родителям. Обратите внимание: нашу жизнь кто-то хочет перевернуть с ног на голову» [5].

Наконец 5 октября Президент раскритиковал инициативу, и в итоге Министерство внутренних дел отказалось от разработки этого законопроекта. «Все это дурь, взятая прежде всего с Запада. Вы можете не переживать, и народ пусть не волнуется – мы будем исходить исключительно из собственных интересов, наших белорусских, славянских традиций и нашего жизненного опыта», – поделился с журналистами БЕЛТА А. Г. Лукашенко [4].

В рамках международной кампании «16 дней активных действий против гендерного насилия» общественное объединение «Радислава» (Убежище для женщин и их детей, пострадавших от насилия) провело выставку «Традиционные ценности» в Галерее «Ў» в Минске (с 26 ноября по 3 декабря). Авторы концепции выставки считают, что понятие «традиционные семейные ценности» относится к традиционной культуре и устройству традиционной семьи, в основе такой культуры лежат кровное родство, патриархат и иерархические отношения. «Привилегия трактовать общечеловеческие понятия (уважение, трудолюбие, честность, верность, добро, совесть, любовь, вера, доверие) принадлежит только тому, кто стоит на ее вершине. В случае семьи это отец, муж. Остальные члены семьи занимают подчиненное положение, и потому часто перечисленные понятия становятся односторонними обязательствами для тех, кто занимает более низкое положение в иерархии семьи и общества. Отсюда и четкие предписания ролей в семье “женщина-хранительница очага”, муж “защитник и добытчик”, “дети, выполняющие волю родителя”. Попытки критически относиться к традициям порицаются, а следование правилам наоборот» [3]. Кураторы отмечают, что современное общество в большинстве стран (и Беларуси) уже не является однозначно традиционным. Оно давно начало трансформироваться и меняться. Именно поэтому сегодня в демократических странах работают с понятием «посттрадиционной культуры», где отношения строятся на договоре и взаимоуважении, когда учитываются мнения всех.

В декабре 2018 г. ECLAB (Европейский колледж Liberal Arts в Беларуси) организовал открытую дискуссию «Есть ли жизнь после традиционных ценностей?». На тему насилия в семье появился документальный спектакль «Родные люди?». Активисты создали коллективное обращение с требованием к правительству разработать и принять закон против домашнего насилия (на данный момент петицию подписали 3842 человека).

Ситуация получила продолжение. На заседании Совета безопасности 12 марта 2019 г., на котором рассматривался проект Концепции информационной безопасности Беларуси, Президент А. Г. Лукашенко отметил, что «информационными потоками размывается национальный менталитет, самобытность стран и народов. Существенно меняются социальные связи человека, стиль мышления,

способы общения, восприятие действительности. Всему этому следует противопоставить принципы гуманизма и справедливости, приоритеты крепких семейных отношений и здорового образа жизни» [6]. Государственный секретарь Совета безопасности Беларуси С. В. Зась высказался о необходимости принятия отдельной программы по сохранению традиционных ценностей и устоев белорусского общества.

Таким образом, противоречивое состояние современной белорусской культуры обозначено двумя направлениями: проникновением либерально-демократических, посттрадиционных ценностей, попытками выстроить «универсальную» идентичность, с одной стороны, и противодействием этому процессу, выраженному в стремлении переработать заимствованные черты, не соответствующие паттерну, остаться в русле традиционных ценностей, с другой. В результате мы отмечаем отсутствие связности и согласованности в картине мира белоруса. Трансформация структуры ценностных ориентаций приводит к возникновению моделей поведения «на границе традиции и постсовременности» (А. И. Смолик).

Литература

1. Арцыбіскуп Кандрусевіч прэзідэнту Беларусі: Каталіцкі Касцёл гатовы прымаць удзел у абмеркаванні заканадаўчых праектаў [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://catholic.by/3/news/belarus/8264-artsybiskup-kandrusevich-prezidentu-belarusi-katalitski-kastsjol-gatovy-prymats-udzel-u-abmerkavanni-zakanada-chykh-praekta>. – Дата доступа: 27.10.2018.
2. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2017. – 392 с.
3. Выставка «Традиционные ценности» [Электронный ресурс] // ECLAB. – Режим доступа: <https://eclab.by/news/vystavka-tradicionnye-cennosti>. – Дата доступа: 02.02.2019.
4. Лукашенко жестко раскритиковал законопроект о противодействии домашнему насилию [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-zhestko-raskritikoval-zakonoproekt-o-protivodejstvii-domashnemu-nasiliju-320484-2018>. – Дата доступа: 02.02.2019.
5. Митрополит Павел о том, как встречает Рождество, о своей семье, Филарете, ситуации в Украине и не только [Электронный ресурс] // TUTBY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/621268.html>. – Дата доступа: 02.02.2019.

6. Президент: необходима эффективная деятельность по обеспечению информационной безопасности Беларуси [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/prezident-neobhodima-effektivnaja-dejatelnost-po-obespecheniju-informatsionnoj-bezopasnosti-belarusi-339614-2019/>. – Дата доступа: 13.04.2019.
7. Усовская, Э. А. Особенности ментального поля белорусской культуры / Э. А. Усовская, Н. Е. Шелупенко // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы I Международной научной конференции, посвященной 86-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2007 г. / редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. – Минск: БГУ, 2007. – С. 262–265.
8. Усовская, Э. А. Межкультурные различия как условие межкультурного понимания / Э. А. Усовская // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2015. – № 2 (18). – С. 75–79.

Секция 2. НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ И ПРАКТИКИ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

А. Б. Сташкевич

Фонд «Культурное наследие и современность»,
ул. Я. Купалы, 4, Минск 220030, Республика Беларусь
e-mail: as.belicom@gmail.com

В статье рассматриваются традиционные знания и практики как часть нематериального культурного наследия, специфика их охраны в контексте парадигмы устойчивого развития, а также в рамках законодательных и этических норм.

Ключевые слова: традиционные знания и практики, нематериальное культурное наследие, устойчивое развитие, биоразнообразие, этические принципы.

TRADITIONAL KNOWLEDGE AND PRACTICES AS THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

A. Stashkevich

Foundation «Cultural Heritage and Modernity»
Yanka Kupala st. 4, Minsk 220030, Republic of Belarus
e-mail: as.belicom@gmail.com

The article deals with traditional knowledge and practices as a part of the intangible cultural heritage, the specifics of their safeguarding in the paradigm of sustainable development, as well as in the framework of legal and ethical standards.

Key words: traditional knowledge and practices, intangible cultural heritage, sustainable development, biodiversity, ethical principles.

Традиционные знания и практики – это знания, умения и опыт, являющиеся результатом использования человеком традиционных понятий культуры. Они передаются из поколения в поколение, развиваются и воссоздаются в пределах заинтересованных в них местных сообществ. В силу своего происхождения и существования традиционные знания способствуют сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия.

Живой характер традиционных знаний и практик делает их уязвимыми для внешних факторов и угроз, среди которых – глоба-

лизация, ведущая к унификации всех жизненных процессов, и как следствие – к деконтекстуализации этих знаний (утрате архетипов, культурных смыслов). Чрезмерная коммерциализация, неконтролируемый туризм, демографические проблемы, эксплуатация носителей, включая незаконное присвоение результатов их труда, – все эти нежелательные воздействия свидетельствуют, что традиционные знания и практики нуждаются в соответствующей защите не только на уровне законодательства, но и в рамках этических норм.

На международном уровне охрана традиционных знаний и практик является целью двух Конвенций – Конвенции ООН о биологическом разнообразии (1992 г.) (далее – Конвенция о биоразнообразии) [5] и Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (2003 г.) (далее – Конвенция 2003 г.) [6]. В первом случае они рассматриваются как результат деятельности человека на основе щадящего использования генетических ресурсов природы. Такая деятельность не только не наносит вреда окружающей среде, а наоборот – способствует ее развитию и экологическому равновесию. Во втором случае традиционные знания и практики классифицируются в системе парадигмы культурного наследия человечества, являясь частью нематериального культурного наследия, которое «создается и постоянно воспроизводится» его носителями (сообществами, группами и отдельными лицами) «в зависимости от окружающей среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека» [6, с. 5].

Рассмотрим традиционные знания и практики как нематериальное культурное наследие (далее – НКН). В соответствии с Конвенцией 2003 г. оно проявляется в следующих областях (ст. 2, п. 2) [6, с. 5–6]:

- устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- исполнительские искусства;
- обычаи, обряды, празднества;
- знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;
- знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.

Очевидно, что диапазон распространения НКН в общей системе наследия и культуры в целом достаточно широк и охватывает области, которые ранее не рассматривались в рамках таких понятий, как «фольклор», «традиционная культура», «духовное наследие».

В современном понимании НКН объединяет в целостном восприятии такие смысловые категории, как «традиционные выражения культуры» (traditional cultural expressions) и «традиционные знания и практики» (traditional knowledge and practices).

В 2018 г. ЮНЕСКО презентовал новый электронный ресурс – «Dive into ICH» (Погружайся в НКН) [11], представляющий собой базу данных нематериального культурного наследия, включенного в охранные списки Конвенции 2003 г. В ней находится информация о более чем 500 элементах НКН, среди которых 337 можно отнести к традиционным знаниям и практикам. В Национальный инвентарь НКН Беларуси «Живая спадчына Беларусі» включено около 40 элементов, которые относятся к данной категории [1]. Среди них – «Лесное бортничество Беларуси», «Неглюбская традиция ткачества», «Ажурное ткачество Городокского района Витебской области», «Шаповальство Дрибинского района Могилевской области» и др.

Зачем и как нужно сохранять традиционные знания и практики? Согласно Конвенции о биоразнообразии, они взаимодействуют с окружающей средой, поэтому помогают сохранять, поддерживать и приумножать жизненно важное биологическое разнообразие на протяжении многих веков. Традиционные знания также являются значимым источником информации по применению генетических ресурсов, которые могут принести пользу всему человечеству [3]. Скажем, знания о некоторых видах лекарственных растений, используемые в народной медицине, могут с успехом применяться в медицине современной.

Конвенция 2003 г. также направлена на сохранение традиционных знаний и практик как части нематериального культурного наследия человечества. Статья 2.3 определяет охрану НКН как «обеспечение его жизнеспособности», которое можно рассматривать как обеспечение непрерывной практики и передачи НКН при сохранении его ценностных функций для соответствующих сообществ, групп и отдельных людей. Меры по охране должны создавать общие благоприятные условия, при которых НКН будет устойчиво развиваться¹. В Кодексе Республики Беларусь о культуре, как мы уже отмечали, эта же цель выражена как «недопущение существенного

¹ В западной практике для определения понятия «сохранение» в отношении НКН применяется «safeguarding», что в буквальном смысле можно перевести как «обеспечение защиты» в противовес консервации как «замораживания» существующего состояния, препятствия изменениям.

изменения условий или создания препятствий для бытования, развития и передачи нематериальных историко-культурных ценностей» (ст. 103, гл. 16) [5].

Таким образом, в основе парадигмы охраны НКН (включая традиционные знания и практики) лежит идея не консервации, а развития, которая невозможна без поддержки основных носителей данного типа наследия, являющегося по своей природе «живым», а поэтому изменяющимся и приспосабливающимся к окружающей действительности. Эти изменения, тем не менее, не должны затрагивать сущностные характеристики НКН, его архетипы (чаще применяется термин «контекст»), равно как и окружающая среда (культурный и природный ландшафт, экологическая ситуация), не должны быть разрушены в угоду коммерческой или иной целесообразности.

Поскольку жизнедеятельность НКН непосредственным образом связана с сообществами, группами или отдельными людьми, которые его создали и продолжают воспроизводить, то государства-участники Конвенции 2003 г. должны поддерживать данные сообщества и помогать им в сохранении их НКН, а именно:

- идентифицировать и определять НКН, имеющееся на его территории, составлять списки;
- обеспечивать участие сообществ в мероприятиях по охране и привлекать их к управлению своим НКН;
- обеспечивать признание, уважение и повышение роли НКН в обществе;
- определять риски и оценку опасностей, угрожающих НКН.

Кто же такие эти сообщества, группы и отдельные люди, от которых зависит сохранение нематериального культурного наследия, включая традиционные знания и практики? Сама Конвенция 2003 г., как и Конвенция о биоразнообразии не дают четкого определения данным понятиям. Однако в марте 2006 г. в Токио (Япония) была организована специальная экспертная встреча с целью внести ясность в понимание этих терминов. Результатом этой встречи стали приведенные ниже определения [14, с. 58–59].

Сообщества – объединения людей, связанные между собой общей идентичностью, историей, которые нашли отражение в практике и передаче их нематериального культурного наследия.

Группы – объединения людей внутри или вокруг сообщества, которых связывают общий опыт, умения, специальные знания, опре-

деляющие их специфические роли в настоящей и будущей практике, воссоздании и передаче НКН (хранители, практикующие и ученики).

Отдельные лица – люди внутри или около сообществ, обладающие выдающимися умениями, навыками, знаниями и характеристиками (чертами), которые позволяют им играть важные роли в создании, воссоздании и передаче НКН.

Чтобы противостоять вызовам и угрозам в отношении НКН, необходимо обеспечить его охрану не только на законодательном, но и на этическом уровне, с точки зрения человека или культуры. В Оперативном руководстве к Конвенции 2003 г. (п. 103) государствам-участникам «рекомендуется разрабатывать и принимать этические кодексы на основе положений Конвенции... с целью обеспечения “надлежащих способов повышения осведомленности о нематериальном культурном наследии на их территориях”» [10, с. 59]. В ст. 7. Нагойского протокола к Конвенции о биоразнообразии также говорится, что стороны протокола должны принимать соответствующие меры, чтобы доступ к традиционным знаниям и практикам, связанным с генетическими ресурсами, осуществлялся с предварительного и обоснованного согласия или одобрения и при участии их носителей, прежде всего – коренных и местных сообществ и “чтобы были установлены взаимосогласованные условия”» [11].

В 2015 г. на своей 10-й сессии Межправительственный комитет по охране нематериального культурного наследия в Виндхукке (Намибия) одобрил 12 этических принципов в отношении защиты прав носителей нематериального культурного наследия и поощрения этического аспекта Конвенции 2003 г. (решение 10.COM 15.a). Как сказано в Преамбуле к данному решению, «они представляют собой комплекс всеобъемлющих желательных принципов, которые широко признаны в качестве передовой практики для правительств, организаций и отдельных лиц, прямо или косвенно затрагивающих нематериальное культурное наследие, с целью обеспечения его жизнеспособности и, тем самым, признания его вклада в мир и устойчивое развитие» [10, с. 139–141].

В основу разработки этических принципов был положен ряд ценностных ориентаций, среди которых:

- защита прав носителей нематериального культурного наследия (в том числе традиционных знаний и практик), без которых оно просто не существует;

- совместимость с существующими международными нормами по правам человека, а также с требованием взаимного уважения. Охрана НКН должна осуществляться при максимально возможном участии, свободном, предварительном и осознанном согласии вышеупомянутых сообществ, групп и отдельных лиц. Это взаимное уважение распространяется в том числе и на «культурное разнообразие и самобытность сообществ», а также на «гендерное равенство»;

- уважение к принятым ограничениям на доступ к нематериальному культурному наследию. Это связано с ситуациями, когда посторонние люди, не являющиеся членами местного сообщества, проводят исследования, сбор данных, делают репортажи для СМИ или приезжают в качестве туристов, проявляют неуважение к местным жителям, искажают информацию или манипулируют фактами в своих интересах. Следовательно «общепринятые практики, определяющие доступ к нематериальному культурному наследию, должны соблюдаться, даже в том случае, если они ограничивают доступность этого наследия для общественности» [10, с. 139–141].

Подводя итог вышесказанному, можно, таким образом, утверждать, что традиционные знания и практики, передаваемые с помощью нематериального культурного наследия, являются ценным ресурсом развития, накопленным поколениями людей. Зачастую в местных системах знаний и практик мы находим решения проблем, стоящих перед человечеством в современном обществе, – от сохранения биоразнообразия, изменения климата, управления землей и водными ресурсами до защиты от стихийных бедствий, бедности, конфликтов или даже насилия. Эти знания являются ценным ресурсом для поиска путей достижения желаемого баланса между окружающей средой и человеком. Таким образом, практика определенных элементов НКН может способствовать устойчивому социальному и экономическому развитию человечества в целом и отдельных народов в частности.

Литература

1. Жывая спадчына Беларусі. Інтернет-партал Нацыянальнага інвентарыя нематэрыяльнага культурнага наследдзя Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <https://www.livingheritage.by>. – Дата доступа: 11.04.2019.
2. Ідэнтыфікацыя і інвентарызацыя нематэрыяльнай культурнай спадчыны Беларусі: практычнае кіраўніцтва /А. Сташкевіч і інш. – Мінск: Інстытут культуры Беларусі, 2013. – 164 с.

3. Информационный портал традиционных знаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbd.int/tk/>. – Дата доступа: 11.04.2019.
4. Имплементация Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия на национальном уровне: руководство для тренинга (IMP-WM) / НАН Беларуси, ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Минск: Право и экономика, 2012. – 194 с.
5. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры. – Мінск: Нацыянальны цэнтр прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь, 2016. – 272 с.
6. Конвенция о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г. // Национальное законодательство в области сохранения биологического разнообразия и использования генетических ресурсов. – Минск: Право и экономика, 2018. – С. 11–34.
7. Международная Конвенция об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] // Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. ЮНЕСКО, 2018. – С. 1–22. – Режим доступа: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-2018_version-RU.pdf. – Дата доступа: 11.04.2019.
8. Михайлец, М.А. Ключевая роль сообществ в охране нематериального культурного наследия согласно Конвенции 2003 г. / М.А. Михайлец // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – Мінск: Права і эканоміка, 2018. – С. 292–298.
9. Михайлец, М.А. Охрана культурного наследия на международном уровне / М.А. Михайлец. – Минск: БГУ, 2017. – 231 с.
10. Оперативное руководство по выполнению Конвенции об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] // Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. ЮНЕСКО, 2018. – С. 23–143. – Режим доступа: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-2018_version-RU.pdf. – Дата доступа: 11.04.2019.
11. Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод и применения к Конвенции о биологическом разнообразии / Национальное законодательство в области сохранения биологического разнообразия и использования генетических ресурсов. – Минск: Право и экономика, 2018. – С. 155–174.
12. DIVE into ICH [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ich.unesco.org/en/launch-of-dive-into-ich-project-01032>. – Дата доступа: 11.04.2019.
13. Lenzerini, F. Intangible Cultural Heritage: The Living Culture of Peoples [Electronic resource] / F. Lenzerini // European Journal of International Law. – 2011. – Volume 22, Issue 1. – P. 101–120. – Режим доступа: <http://>

ejil.oxfordjournals.org/content/22/1/101.shortAccessed 1.09.2015. – Дата доступа: 11.04.2019.

14. Santova, M. To Capture the Elusive. Intangible Cultural Heritage / M. Santova. – Sofia: Prof. Martin Drinov Academic Publishing House, 2014. – 116 p.
15. UNESCO / Culture / Intangible Heritage / About Intangible Heritage / What is Intangible Heritage [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00002>. – Дата доступа: 01.09.2015.

РОДИНА КАК ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Т. А. Чикаева

Московский художественно-промышленный институт,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
ул. Давыдовская, д. 6, стр.1, Москва, 121352, Российская Федерация,
e-mail: umoi@rambler.ru

В статье на основе анализа различных источников доказывается то, что Родина как объективный духовный феномен является общечеловеческой ценностью, которую личность познает через национальную культуру. Понимание сущности Родины является основанием для плодотворного взаимодействия личностей и социальных групп.

Ключевые слова: Родина, общечеловеческая ценность, национальная культура, мать, единство.

MOTHERLAND AS A SOCIAL HUMAN VALUE OF NATIONAL CULTURE

T. A. Chikaeva

Moscow Art and Industry Institute,
Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines,
Davydkovskaya st. 6, b.1, Moscow, 121352, Russian Federation,
e-mail: umoi@rambler.ru

Based on the analysis of various sources, the article proves that the Motherland as an objective spiritual phenomenon is a universal value that a person learns through the national culture. Understanding the essence of the Motherland is the basis for fruitful interaction of individuals and social groups.

Key words: Motherland, social human value, national culture, mother, unity.

Современные реалии диктуют необходимость объединения всех позитивных сил человечества перед лицом разнонаправленных опасностей, предстающих в качестве глобальных проблем. Национальные культуры поэтому являются не только основанием для различения этносов, народов и наций, но и утверждением их плодотворного длительного взаимодействия. Предпосылкой к этому являются общечеловеческие, надличностные, наднациональные ценности. Они находят свое творческое преломление в национальной культуре, через них человек приходит к осознанию важности тех объектов, которые не связаны с получением материальных благ и комфорта, формирует собственное представление о значимости себя и других.

На наш взгляд, одной из таких ценностей является Родина. Проводимое нами социально-философское исследование категории «Родина» позволяет дать следующую ее дефиницию: Родина – это объективный духовный объект, являющийся источником, порождающим духовное и материальное бытие человека, социальной группы как особого субъекта культуры, сохраняющий и транслирующий из поколения в поколения его базовые ценности, святыни [19, с. 29]. Необходимо также принять во внимание то, что человек воспринимает Родину через совокупность материальных и духовных образов, как естественных, так и созданных творчеством, в число которых входит государство.

Следует согласиться с М. Г. Церцвадзе, указывающим, что концепт Родины присутствует в любой этнической культуре, является универсальным, что придает ему статус одного из наиболее интересных ключевых концептов культуры [18, с. 217].

О значимом месте Родины в культуре различных народов свидетельствуют многие источники, в первую очередь мифы и произведения народного творчества. Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» Русь выступает носителем и защитником абсолютных, общечеловеческих ценностей, таких как святая церковь и православное христианство. Героика во имя родной земли является одновременно и абсолютной. Мы присоединяемся к точке зрения, усматривающей в этом слияние отечественных, родных, освященных домашним очагом ценностей и универсальных, общих для всего человечества [4, с. 58–89]. Здесь мы видим понимание этих ценностей в неразделимом единстве, когда общечеловеческое воспринимается как свое, родное, близкое, не только рационально признаваемое в качестве значимого объекта, но и вызывающее положительные эмоции, во-

одушевление, способность к творчеству. Патриотическая идея Древней Руси, по мнению Р. Л. Райхлиной, заключается «в моральной заповеди человеколюбия и делания добра как основного стремления человека к общему благу Отечества» [13, с. 97].

Е. Бартминьский свидетельствует о святости для поляков Родной земли, указывая на то, что это явление имеет корни еще в архайке. Земля понимается как живое существо, дарящее жизнь, она земля-мать, святая земля. «Земля внушает ощущение преемственности продолжения традиции» [2, с. 216].

Родина для человека обладает большей ценностью, чем собственная жизнь. Для славянского эпоса характерно предание о патриотическом поступке человека, который, спасая свой народ, заводит врагов в лес или болото и губит их ценой собственной жизни [9, с. 58].

Для менталитета многих народов свойственно рассмотрение Родины как особой ценности, святыни, святого места. Отечество понимается как источник жизни и счастья, без которого человек не может существовать. В пользу данного вывода говорят следующие пословицы и поговорки: «Без глаз прожить можно, а без родины не проживёшь» (абхаз., азерб.); «В родном краю, как в раю» (морд.); «Всяк родину любит, как святое место» (абхаз.); «Если даже варить только землю и пить только воду, родина дороже всего» (агульская) [14, с. 214]; «И сожженная родина лучше рая» (азерб.) [14, с. 215]; «У кого нет родины, у того и Бога нет» (абхаз.); «Человек без родины, что земля без семени» (амхар.); «Теряющий родину теряет все» (абхаз.) [14, с. 217]; «Человек без родины хуже бездомной собаки» (кор.); «Без любимой родины и солнце не греет» (шорцы, Алтае-Саянское нагорье); «Человек без родины – соловей без сада» (тадж.); «Человек без родины, что птица без крыльев» (курд.); «Человек без родины, что земля без семени» (амхара); «Чем отказать от родины, лучше лишиться жизни» (турк.) [10, с. 536].

Основная функция Родины – материнская, рождающая. Изначально ее понимание связано с архетипом Великой Богини Матери или Матери-сырой земли, которая носит субстанциональный характер. Древнейший его пласт составляет архетип Матери – сырой земли, которая является единственным источником, рождающим все существующее. Необходимо подчеркнуть, что первоначально понятие «Мать-Земля» не нуждается в мужском начале, ее оплодотворяющем, представления об этом относятся к более позднему периоду [15, с. 100–101].

Миф о Матери-Земле есть у маори [16, с. 154] и туземных американских племен [16, с. 156], Матери-Земле поклоняются бигахские племена в Сеони, в Индии [16, с. 406].

Платон называет землю Матерью и утверждает, что граждане «должны и поныне заботиться о стране, в которой живут, как о матери и кормилице, и защищать ее, если кто на нее нападет, а к другим гражданам относиться как к братьям, также порожденным землей» [17, с. 48].

О том, что ассоциация Родины и матери в национальном не является чем-то исключительным, свойственным только некоторым культурам, свидетельствуют пословицы и поговорки народов, проживающих на больших расстояниях друг от друга и имеющих длительный исторический период весьма скромные связи и отношения. Это следующие пословицы: «Мать и земля родная должны быть дороже рая» (хинди) [12, с. 215]; «Родина – как мать, чужбина – мачеха» (абхаз.); «Родина – родная мать, чужбина – мачеха» (к. татар.); «Своя родина – мать родная» (коми) [12, с. 216]. К аналогичному выводу можно прийти, если рассмотреть следующие пословицы: «Родина – мать, чужбина – мачеха» (осет.); «Родина – матушка родная, чужая страна – мачеха» (чуваши, татар.) [10, с. 536].

С образом матери Родину связывают в разных национальных культурах. Мы можем в качестве аргументов привести пословицы и поговорки, отражающие данный тезис. Среди русских пословиц к таким можно отнести следующие: «Родимая сторона – мать, чужая – мачеха»; «Родина – мать, умей за нее постоять»; «Береги землю родную, как мать любимую» [7].

Г. Д. Гачев доказывает, что болгарским менталитетом Родина воспринимается как мать. Философ находит подтверждение этому в образе «Сына Мати Болгарии», используемом в литературном творчестве [5, с. 148–149]. Е. Бартминьский пишет о наличии в польской культуре архетипа матери-родины, матери-Польши [2, с. 206].

Архетип Родины-матери присутствует и в сознании арабов, что подтверждается эмпирическими исследованиями в отношении арабских студентов. Одновременно с этим Родина понимается ими как достояние и сокровище, самое дорогое, что есть у человека [8, с. 8].

Значимость Родины в различных национальных культурах подтверждается тем, как люди выражают свои патриотические чувства, какими качествами они наделяют Родину. Исследователь О. В. Рябов отмечает, что если для русского человека основным атрибутом Роди-

ны будет святость, то для немца – верность, а для француза – красота, прекрасное [15, с. 73]. Все эти характеристики подтверждают духовно-нравственную ценность Родины. Н. В. Сабуркина отмечает использование русскими в отношении Родины прилагательных «единственная», «любимая», «родная», белорусами – «дарагая» [14, с. 29].

С. В. Ананьева делает вывод о восприятии Родины как высшей ценности в культуре Казахстана. Она отмечает, что в стихах казахского поэта В. Михайлова по отношению к Родине используются этикетные «блистающая чистотой», «непостижимая», «ненаглядюлюбая» [1, с. 64–66]. Это свидетельствует о том, что Родина воспринимается как высшая ценность, воплощение которой конкретно, но не идеализировано. Все эти характеристики подтверждают духовно-нравственную ценность Родины.

Ценность Родины и ценность национального государства не тождественны. Личность может, а иногда и обязана выступить против политического аппарата, решения властей, но это не является основанием для снижения ценностного потенциала Родины. Она предпочтительнее всего, поскольку является источником всех прочих ценностей. Даже если в данный момент те образы, с которыми Родина ассоциируется, не могут быть оценены высоко положительно, ценность ее не умаляется. Пословицы и поговорки народов мира показывают, что Родина не теряет своей ценности даже тогда, когда уровень комфорта и материального благополучия в государстве невысок. Об этом свидетельствуют русские пословицы: «Лучше есть хлеб с мякиной, чем жить на чужбине»; «За морем веселье – да чужое, а у нас и горе – да свое»; «Глупа та птица, которой гнездо свое немило» [3, с. 58]. В. И. Даль отмечает, что Родина противопоставляется чужбине как нечто более ценное, значимое: «Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома» [6, с. 267]. Чужбина может создавать лучшие условия жизни, там может быть комфортно, но предпочесть необходимо свою Родину. «Всякому мила своя сторона. Любит и нищий свое хламовище», «На чужбинке, словно в домовинке» [6, с. 268].

О приоритете Родины, связи с ней говорят аварские пословицы: «Чем быть ханом на чужбине, лучше быть узденем на родине»; «Чем бросить родину, лучше умереть – сказала даже змея»; «Чем серебро, получаемое со стороны, лучше олово, полученное дома» [7].

Пословицы и поговорки народов мира утверждают преимущества Родины перед чужбиной даже в том случае, когда материальные условия чужой земли лучше. «В своей стороне и зима милее» (лит.);

«Везде хорошо, а на родине лучше» (гагауз.); «Дым отечества лучше, чем огонь на чужбине» (греч.) [12, с. 214]; «За морем тепло, а дома теплее (карел.); «Каждому в родном краю лучше (кум.); «Лучше быть в своем ауле подошвой, чем на чужбине султаном» (кумык.); «Лучше быть на Родине бедняком, чем в Каире царем» (ногай.); «Не ищи обетованные края, они там, где родина твоя» (турк.) [12, с. 215]; «Половина у себя дома лучше, чем целое на чужбине» (хинди) [12, с. 216].

Важно особо подчеркнуть, что, отдавая предпочтение Родине, народная мудрость вовсе не призывает уничтожить чужбину или чужаков, напротив, признаются их достоинство и положительные качества.

О ценности Родины, недопустимости ее уничтожения свидетельствуют английские поговорки: «В родном углу все по нутру», «Сухой хлеб дома лучше, чем жареное мясо на чужбине», «Плоха та птица, которая пачкает свое гнездо» [7]. Можно сделать вывод о том, что даже в западной культуре, открыто провозгласившей индивидуализм ключевой ценностью, Родина занимает значимое место, и народная мудрость требует уважительного отношения к ней, отводя ей место среди ключевых ценностей. В. С. Полосин развивает эту идею, утверждая, что образ Родины-Матери является фактом общественного сознания [11, с. 78], находя его воплощение даже в американской статуе Свободы [11, с. 81].

Анализ различных источников позволяет утверждать, что идея Родины как высшей сакральной ценности, предпочтительной всему иному, является одной из основополагающих в разных культурных системах. Также необходимо отметить, что использование потенциала категории «Родина» как ценности характерно практически для всех государств мира.

Мы можем объективно прийти к выводу о том, что через категорию «Родина» преодолеваются идеологизация и политизация общественного бытия, создаются условия для неформального объединения человечества, сохранения его единства в многообразии, предотвращения национально-культурной изоляции и недопущения унификации личностей.

Литература

1. Ананьева, С.В. «Навyleт родина сквозит...» поэтический образ России в творчестве Валерия Михайлова / С.В. Ананьева // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2015. – № 20. – С. 63–68.

2. Бартми́нский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартми́нский; сост. и отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 527 с.
3. Баско, Н.В. Русские пословицы и поговорки о Родине как отражение национальной ментальности (лингвистический и методологический) аспекты / Н.В. Баско // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 77. – С. 57–59.
4. Бычков, В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica: в 2 т. / В. Бычков. – Т. 2. Славянский мир. Древняя Русь. Россия. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 527 с.
5. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: общие вопросы: русский, болгарский, киргизский, грузинский, армянский / Г.Д. Гачев. – М.: Советский писатель, 1988. – 445 с.
6. Даль, В.И. Пословицы русского народа: сборник В. И. Даля / В.И. Даль. – М.: Рус. яз. Медиа, 2009. – 814 с.
7. Исаева, Э.М. Репрезентация понятия «любовь к родине» в языковом сознании аварского, русского и английского народов [Электронный ресурс] / Э.М. Исаева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/representatsiya-ponyatiya-lyubov-k-rodine-v-yazykovom-soznanii-avarskogo-russkogo-i-angliyskogo-narodov>. – Дата доступа 05.08.2017.
8. Кечина, Е.А. Исследование национально-культурной специфики языкового сознания носителей русской и арабской культур на основе сравнительного анализа образа Родины / Е.А. Кечина // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 6-2. – С. 6–9.
9. Кравцов, Н.И. Славянский фольклор / Н.И. Кравцов.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 352 с.
10. Пермяков, Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока: Систематизированное собрание изречений двухсот народов / Г.Л. Пермяков. – М.: Книжные дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 672 с.
11. Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии / В.С. Полосин. – М.: Ладомир, 1999. – 440 с.
12. Пословицы и поговорки народов мира / сост. М.П. Филиппенко. – М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ; СПб.: Сова, 2008. – 381 с.
13. Райхлина, Е.Л. Патриотизм и патриотическое воспитание подрастающего поколения: к теории и истории проблемы / Е.Л. Райхлина // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 2. – С. 92–103.
14. Русское слово в русском мире – 2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян: сборник научных статей / под ред. Ю.Н. Караулова, О.В. Евтушенко, И.В. Ружицкого. – М.: ООО «Издательский центр “Азбуковик”», 2006. – 448 с.
15. Рябов, О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историографии / О.В. Рябов. – М.: Ладомир, 2001. – 202 с.

16. Тайлор, Э. Первобытная культура / Э. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
17. Три эпохи государства и власти: Платон, Макиавелли, Сталин / сост. и коммент. Р.Р. Оганяна. – М.: Грифон, 2006. – 190 с.
18. Церцвадзе, М. Г. Концепт «Родина» в разносистемных языках / М.Г. Церцвадзе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 7 (336). – С. 217–220.
19. Чикаева, Т.А. Дефиниция понятия Родина / Т.А. Чикаева // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. Материалы II Международной научной конференции. Москва, 20 апреля 2018 года. – М.: МХПИ.– С. 25–31.

ПАРАДИГМА ОХРАНЫ ПРИРОДНОГО ДОСТОЯНИЯ БЕЛАРУСИ

В. Ф. Кулеш

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: victor_kulesh@tut.by

В. В. Маврищев

Белорусский государственный педагогический университет
им. Максима Танка, ул. Советская, 18, 220030,
Минск, Республика Беларусь
e-mail: victormavr@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы организации и особенности функционирования особо охраняемых природных территорий Беларуси, которые являются ключевым звеном по охране национального природного достояния.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, заповедники, национальные парки, заказники, памятники природы.

PARADIGM OF SAFEGUARDING THE NATURAL RICHES OF BELARUS

V. F. Kulesh

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: victor_kulesh@tut.by

V. V. Mavrishchev

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Sovetskaya st. 18, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: victormavr@gmail.com

The authors consider the ways of organizing and the peculiarities of work of the natural reserves in Belarus, which are the key elements in the system of safeguarding the national natural riches.

Key words: protected natural areas, natural reserves, national parks, game reserves, natural sites of historical importance.

Важнейшая экологическая проблема, занимающая особое место и связанная с жизнеобеспечивающими механизмами нашей планеты, – сокращение биоразнообразия видов и природных экосистем. К началу XXI века оказалось, что многие природные экосистемы трансформированы и полностью изменены на пятой части суши. Более 30 тыс. видов растений и животных находятся на грани вымирания [1].

В сохранении природных экосистем и популяций живых организмов непосредственно в местах их обитания успешно развиваются два направления:

- развитие сети особо охраняемых территорий (ООПТ);
- охрана видов на преобразованных деятельностью человека природных территориях.

Для нашей страны особо охраняемые природные территории (ООПТ) являются ключевым звеном по сохранению большого числа природных ландшафтов, видов растений и животных и их воспроизводству.

Прежде всего, необходимо дать определение (ООПТ). Это, во-первых, часть территории Республики Беларусь с уникальными, эталонными или иными ценными природными комплексами и объектами, имеющими особое экологическое, научное и (или) эстетическое значение, в отношении которых установлен особый режим охраны и использования.

Во-вторых, природные территории, подлежащие специальной охране:

- курортные зоны;
- зоны отдыха;
- водоохранные зоны, прибрежные полосы рек и водоемов;
- зоны санитарной охраны водных объектов, типичные и редкие природные ландшафты и биотопы;
- места обитания диких животных и места произрастания дико-растущих растений, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, и др. [2].

Законодательство в области особо охраняемых природных территорий включает Закон Республики Беларусь «Об особо охраняемых природных территориях» от 20 октября 1994 года в ред. от 04.01.2014 г., а также целый ряд подзаконных актов и нормативно-технических документов.

Категории и виды ООПТ:

- заповедники;
- национальные парки;
- заказники (ландшафтные или комплексные, биологические, водно-болотные, гидрологические, геологические);
- памятники природы (ботанические, гидрологические, геологические).

При выборе природных территорий для объявления их особо охраняемыми применяются следующие критерии, утвержденные Советом Министров Республики Беларусь:

- наличие мест обитания редких и находящихся под угрозой исчезновения видов;
- видов диких животных и дикорастущих растений, включенных в Красную книгу Республики Беларусь, и видов, подпадающих под действие международных договоров Республики Беларусь;
- наличие мест регулярного гнездования, зимовки или остановки в период миграции водно-болотных и других видов мигрирующих птиц в количестве, превышающем 1 % от численности национальной или европейской популяции вида;
- наличие мест ежегодной концентрации в период сезонных миграций не менее 10 000 особей мигрирующих водно-болотных птиц (кулики, утки, гуси), более 500 особей серых журавлей;
- наличие мест нереста, нагула и миграции видов рыб, включенных в Красную книгу Республики Беларусь;
- наличие природных территорий, являющихся элементами национальной экологической сети.

Для объявления природных территорий заповедниками, национальными парками и заказниками применяется ряд дополнительных критериев, среди которых:

- площадь типичных и редких ландшафтов и биотопов (80, 60 и 50 % территории соответственно);
- наличие мест обитания видов диких животных и (или) дикорастущих растений, включенных в Красную книгу Республики Беларусь (50, 30 и 10 видов соответственно);

- степень антропогенной трансформации экосистем;
- наличие рекреационного потенциала, эстетических, бальнеологических и иных ценных качеств природных комплексов и объектов [2].

Характеристика и особенности функционирования ООПТ Республики Беларусь приведены в табл. 1.

По состоянию на 1 апреля 2016 г. система особо охраняемых природных территорий Республики Беларусь включает 1275 объектов, в том числе 2 заповедника (Березинский биосферный заповедник, Полесский радиационно-экологический заповедник), 4 национальных парка (Беловежская пуца, Припятский, Браславские озера, Нарочанский), 98 заказников республиканского значения (35 ландшафтных, 38 биологических, 17 гидрологических, 8 водно-болотных), 275 заказников местного значения, 329 памятников природы республиканского и 568 – местного значения. Общая площадь особо охраняемых природных территорий составляет 1826,7 тыс. га, или 8,8 % от площади страны (таблица). В том числе площадь особо охраняемых природных территорий республиканского значения составляет 1423 тыс. га, или 6,9 % от площади страны [2].

Как видно из табл. 2, больше всего по количеству (336) ООПТ образовано в Витебской области, минимальное значение этого показателя (126) характерно для Брестской области, но по площади она выходит на первое место.

Таблица 1

Характеристика особо охраняемых природных территорий

Категория	Цель объявления	Зонирование
Заповедник	Сохранение эталонных и иных ценных природных комплексов и объектов, изучение животного и растительного мира, создание условий для обеспечения естественного течения природных процессов.	Отсутствует: земли изымаются из хозяйственного оборота и передаются в постоянное пользование заповеднику.

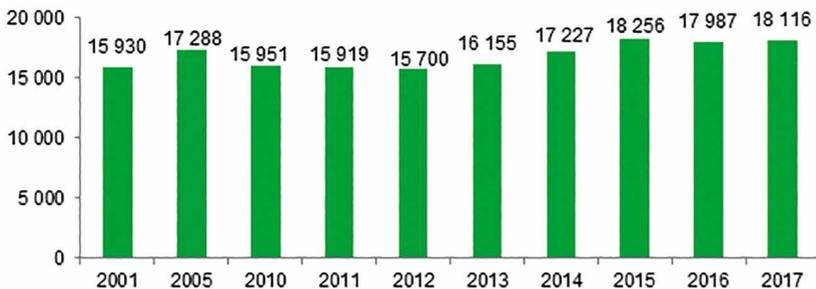
Категория	Цель объявления	Зонирование
Национальный парк	Восстановление и (или) сохранение уникальных, эталонных и иных ценных природных комплексов и объектов, их использование в процессе природоохранной, научной, просветительской, туристической, рекреационной и оздоровительной деятельности.	Заповедная зона: земли изымаются из хозяйственного оборота и предоставляются в постоянное пользование нац. парку.
		Зона регулируемого использования: земли не изымаются из хозяйственного оборота и предоставляются в постоянное пользование нац. парку.
		Рекреационная зона: земли не изымаются из хозяйственного оборота и предоставляются в постоянное пользование нац. парку или остаются в пользовании у других землепользователей.
		Хозяйственная зона: земли не изымаются из хозяйственного оборота и остаются в пользовании у прежних землепользователей.
Заказник	Восстановление, сохранение и (или) воспроизводство природных комплексов и объектов, природных ресурсов одного или нескольких видов с ограничением использования других природных ресурсов.	Отсутствует: земли не изымаются из хозяйственного оборота и остаются у прежних землепользователей. На территории заказника устанавливается единый или территориально дифференцированный режим, когда на его отдельных участках устанавливаются дополнительные ограничения хозяйственной деятельности.
Памятник природы	Сохранение уникальных, эталонных и иных ценных природных объектов.	Отсутствует: земли не изымаются из хозяйственного оборота и остаются у прежних землепользователей.

Таблица 2

**Распределение особо охраняемых природных территорий
в разрезе административных областей**

Область	Количество, ед.	Площадь, тыс. га	% территории области
Брестская	128	464,1	14,2
Витебская	336	381,2	9,5
Гомельская	120	299,7	7,4
Гродненская	266	249,5	9,9
Минская	267	303,6	7,6
Могилевская	160	126,9	4,4
Минск	4	0,6	1,7
Итого в Республике Беларусь:	1275	1826,7	8,8

Надо отметить, что площадь ООПТ в течение последних 17–18 лет не просто увеличивалась с некоторой постоянной скоростью, а постоянно оптимизировалась (границы уточнялись и изменялись) (рис. 1). Например, в 2001 г. площадь ООПТ составила 15 930 км², в 2005 г. она увеличилась до 17 288 км², в 2012 г. снизилась до своего минимального показателя (15 700 км²) и к 2015 г. достигла своего максимума [3].

*Рисунок 1. Площадь особо охраняемых природных территорий
Республики Беларусь за 2001–2017 годы (км²)*

Отдельно следует остановиться на такой форме особо охраняемых территорий, как Рамсарские угодья. В Беларуси они имеют статус заказника. В 1971 в г. Рамсар (Иран) была подписана Рамсарская конвенция («Конвенция о водно-болотных угодьях»), о территориях («Рамсарские угодья»), которые имеют международное значение, главным образом как места проживания водоплавающих птиц. Позднее конвенция расширила сферу действия и охватила все аспекты охраны и использования водно-болотных угодий, выделяя их в качестве экосистем, имеющих чрезмерную важность для сохранения биоразнообразия и поддержания общебиологического баланса. Беларусь присоединилась к Рамсарской конвенции в 1999 г., образовав первое Рамсарское угодье – заказник «Споровский» (Брестская область).

Уникальность этой территории состоит в том, что здесь гнездятся несколько сотен пар вертлявой камышовки (*Acrocephalus paludicola*) – вида, которому грозит исчезновение в глобальном масштабе. В «Споровском» обитает около 9 % мировой популяции, и именно там отмечена самая высокая в мире плотность гнездования этого вида. Заказник представляет собой один из крупнейших в Европе комплексов пойменных низинных болот, сохранившийся в естественном состоянии. Болото Споровское стало своеобразной визитной карточкой национальной природоохраны на международном уровне и обеспечивает существование популяций целого ряда редких и исчезающих видов птиц, из которых 20 занесены в Красную книгу Беларуси. Заболоченная пойма характеризуется уникальным составом растений, из них 18 видов охраняются [4].

Исключительно велика роль особо охраняемых природных территорий в охране природы в широком смысле и, прежде всего, в охране человека как части природы, охране окружающей его среды, природных ландшафтов, хозяйственно-технических и других объектов, поддержании экологического равновесия в различных физико-географических зонах.

Заповедники. Высшей формой охраны природы в нашей стране являются заповедники. Это не только замечательные эталоны данной географической зоны ландшафта, но и учреждения, где проводятся комплексные биоценологические исследования, важнейшим направлением которых является постоянное круглогодичное наблюдение за функционированием и сохранением природных экосистем. Заповедники призваны сыграть важную роль в сохранении и изучении природных богатств. Они имеют исключительное зна-

чение в деле сохранения в естественном состоянии типичных или уникальных для конкретной зоны территорий со всей совокупностью их компонентов. Неоценима роль заповедников в деле воспитания любви к природе, пропаганде основ охраны и рационального использования природной среды, содействию в подготовке научных кадров по проблеме охраны природы.

На территории заповедника запрещается любая деятельность, противоречащая задачам заповедника и прямо либо косвенно нарушающая естественное течение природных процессов или создающая угрозу вредного воздействия на природные комплексы и объекты. На территории заповедника допускается деятельность, направленная на: сохранение в естественном состоянии природных комплексов и объектов и предотвращение изменения их состояния в результате антропогенного воздействия; поддержание условий, обеспечивающих санитарную и противопожарную безопасность заповедника:

- предотвращение стихийных бедствий;
- осуществление мониторинга окружающей среды;
- выполнение научно-исследовательских работ;
- ведение эколого-просветительской работы;
- осуществление контрольно-надзорных функций.

Особая роль в сохранении эталонов природных экосистем и генфонда растений и животных принадлежит биосферным заповедникам, предназначенным для исследований в области глобальной экологии, главным образом для специального изучения антропогенного воздействия на природные процессы.

Национальные парки. Очевидно, в нашей стране большое будущее в решении проблемы охраны и использования природных экосистем будет принадлежать государственным природным национальным паркам, которые образуются для сохранения природных комплексов, имеющих особую экологическую, историческую и эстетическую ценность благодаря удачному сочетанию культурных и естественных ландшафтов, а также использованию их в рекреационных, просветительных и научно-культурных целях. Наряду с этим на государственные национальные парки возлагается задача обеспечения туризма и отдыха, ознакомления с природой и достопримечательностями парка, а также разработка и внедрение научных методов и способов сохранения природных комплексов в условиях использования территорий в рекреационных целях.

Режим охраны и использования здесь устанавливается с учетом сохранности природных комплексов, характера ландшафта, состояния объектов растительного и животного мира, культурной и эстетической ценности отдельных объектов и природных участков:

- *в заповедной зоне* запрещаются все виды деятельности, кроме проведения научных исследований и мероприятий по охране;

- *в зоне регулируемого использования* ограничиваются отдельные виды хозяйственной и иной деятельности и использование природных ресурсов;

- *в рекреационной зоне* устанавливается режим, обеспечивающий охрану и устойчивое использование рекреационных ресурсов. Специальные территории отводятся для обслуживания туристов, отдыхающих и других посетителей, размещают кемпинги, палаточные лагеря, турбазы, предприятия питания и торговли, экскурсионные бюро и информационные центры, объекты культурно-бытового обслуживания и др.

- в хозяйственной зоне действует режим, установленный Положением для всей территории национального парка.

Организация государственных национальных парков позволяет сохранить уникальные природные комплексы, организовать отдых населения, а также предотвратить вред, причиняемый антропогенной деятельностью особо ценным природным ландшафтам.

Заказники. Важную роль в охране окружающих природных ландшафтов играют заказники. Государственные заказники предназначены в основном в своей совокупности выполнять функции сохранения, воспроизводства и восстановления компонентов природы и поддержания общего экологического баланса:

- *ландшафтные (или комплексные)* государственные заказники создаются для сохранения и восстановления особо ценных природных ландшафтов и комплексов;

- *биологические (ботанические и зоологические)* – для сохранения и восстановления ценных, а также редких и исчезающих видов флоры и фауны;

- *гидрологические (речные, болотные, озерные и др.)* – для сохранения и восстановления ценных водных объектов и комплексов.

В границах заказника с учетом специфики расположенных на его территории особо охраняемых природных комплексов и объектов Положением о заказнике устанавливается единый или территориально дифференцированный режим его охраны и использования

с ограничением отдельных видов деятельности и природопользования.

Как правило, на территории заказника запрещаются следующие виды деятельности:

- проведение гидромелиоративных работ, размещение отходов, выжигание сухой растительности;
- забор воды из водоемов и водотоков для промышленного водоснабжения и орошения;
- уничтожение или повреждение древесно-кустарниковой растительности, отдельные виды рубок леса, промышленная заготовка дикорастущих растений;
- разведение костров, размещение мест отдыха и стоянка транспортных средств вне установленных мест.

Ограничивается движение механических транспортных средств вне дорог, а также строительство зданий и сооружений, объектов туристической инфраструктуры, инженерных и транспортных коммуникаций. В зависимости от объектов охраны на территории заказника могут также запрещаться или ограничиваться другие виды деятельности, в частности, охота и рыбная ловля, выпас скота, сенокосение, распашка земель, использование водных транспортных средств с моторами и др.

Памятники природы. Устанавливается охранным свидетельством. Запрещается любая деятельность, угрожающая сохранности памятника природы.

ООПТ Беларуси имеют и международное значение. Березинский биосферный заповедник, национальный парк «Беловежская пуща» и заказник республиканского значения «Прибужское Полесье» имеют статус биосферных резерватов ЮНЕСКО. Национальный парк «Беловежская пуща» включен в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. 18 особо охраняемых природных территорий (Березинский биосферный заповедник, национальный парк «Припятский» и 16 республиканских заказников) включено в список водно-болотных угодий международного значения (Рамсарских угодий) [2].

17 республиканских заказников и 5 заказников местного значения имеют статус территорий, важных для птиц. Данные ключевые орнитологические территории – наиболее важные в мире места гнездования и концентраций птиц, охраняемые в соответствии с международной программой.

9 особо охраняемых природных территорий имеют статус ключевых ботанических территорий. Это территории, отличающиеся исключительным богатством растительности, их сохранение имеет значение мирового масштаба.

На основе системы особо охраняемых природных территорий формируется национальная экологическая сеть, которая представляет собой систему природно-территориальных комплексов со специальными режимами природопользования, играющую важную роль в поддержании экологического равновесия и устойчивого развития территорий (региона, страны, континента), сохранении естественных экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия.

Литература

1. Стратегия по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия / Постановление Совета Министров Республики Беларусь 19.11.2010, № 1707 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь 03.09.2015 № 743). – 11с.
2. Особо охраняемые природные территории Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lidaleshoz.by/wp-content/uploads/2017/01/Lida_OOPT.pdf. – Дата доступа: 01.02.2019.
3. Особо охраняемые территории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/d-1-osobo-ohranyaemye-prirodnye-territorii>. – Дата доступа: 01.02.2019.
4. ТОП-10 самых интересных природных территорий Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://greenbelarus.info/articles/22-05-2015/top-10-samyh-interesnyh-prirodnih-territoriy-belarusi>. – Дата доступа: 01.02.2019.

ЗМЕНА МУЗЕЙНАЙ ПАРАДЫГМЫ Ў ЗАХАВАННІ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ Д. У. Філіпчык

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
гістарычны факультэт, вул. Чырвонаармейская, 6, 220030,
Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: fdv91@mail.ru

У артыкуле разгледжана эвалюцыя падыходу музеяў да работы з нематэрыяльнай культурнай спадчынай. Паказана змяненне класічнай музейнай парадыгмы, у якой нематэрыяльная спадчына

разглядалася ў якасці кантэкстнай інфармацыі аб музейным прадмеце, новай музейнай парадыгмай, дзе нематэрыяльная спадчына пачала разглядацца як вартая асобнай увагі з'ява культуры. У тэксце артыкула прыведзены прыклады работы беларускіх музеяў з нематэрыяльнай спадчынай у рэчышчы новай музейнай парадыгмы.

Ключавыя словы: нематэрыяльная культурная спадчына, новая музейная парадыгма, беларускія музеі, захаванне нематэрыяльнай культурнай спадчыны.

MUSEUM PARADIGM CHANGE IN SAFEGUARDING OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

D. Philipchik

Belarusian State University,
Faculty of History, Krasnoarmeyskaya st. 6, 220030,
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: fdv91@mail.ru

The article covers the evolution of museum approach to work with intangible cultural heritage. It indicates the change from a classical museum paradigm that considered intangible cultural heritage as contextual information about a museum subject to a new museum paradigm, which started to perceive intangible heritage as a noteworthy cultural phenomenon. Examples of Belarusian museums' work with intangible heritage in the framework of the new museum paradigm are given in the article.

Key words: intangible cultural heritage, new museum paradigm, Belarusian museums, preservation of intangible cultural heritage.

Захаванне культурнай і прыроднай спадчыны ва ўмовах інтэнсіфікацыі гаспадарчага і культурнага жыцця з'яўляецца вельмі важнай задачай для беларускага грамадства. У справу захавання спадчыны ўключаюцца розныя ўстановы культуры, адукацыі, недзяржаўныя арганізацыі і зацікаўленыя супольнасці. З другога боку, само разуменне спадчыны таксама змяняецца, эвалюцыянуе. Пасля прыняцця ў 2003 г. Канвенцыі ЮНЭСКО «Аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны» (далей Канвенцыя 2003 г.) міжнародная навуковая супольнасць усё часцей пачала звяртацца да паняцця нематэрыяльнай культурнай спадчыны (далей НКС). Паводле Канвенцыі 2003 г. да НКС адносяцца «звычаі, формы прадстаўлення і ўяўлення, веды і навыкі, а таксама звязаныя з імі інструменты, прадметы, артэфакты і культурныя прасторы, якія прызнаюцца су-

польнасцямі, групамі і, у некаторых выпадках, асобнымі людзьмі ў якасці часткі іх культурнай спадчыны» [1]. З увядзеннем у навуковы ўжытак паняцця НКС і ратыфікацыяй Канвенцыі 2003 г. 178 дзяржавамі (на 2018 г.) паўстала неабходнасць вызначыць месца і ролю музеяў у працэсе захавання НКС, пераасэнсаваць класічную музейную парадыгму, у якой нематэрыяльная спадчына разглядалася як кантэкстная інфармацыя аб музейным прадмеце.

Музеі па ўсім свеце, асабліва этнаграфічнага профілю, працавалі з НКС і да з'яўлення Канвенцыі 2003 г. Але нематэрыяльнай спадчынай у сучасным разуменні музеі пачынаюць займацца асабліва актыўна ў XXI ст. Адна з першых публікацый, дзе разглядаюцца тэарэтычныя і практычныя аспекты працы музеяў з НКС, з'яўляецца ў 2000 г. Гэта «ICOFOM Study Series» («Даследаванні ІКАФОМ») – міжнародны часопіс для спецыялістаў-музеёлагаў і навукоўцаў, якія даследуюць актуальныя праблемы музейлогіі. Часопіс выдаецца Міжнародным камітэтам па музейлогіі, які дзейнічае пры Міжнародным Саўеце музеяў (далей ІКОМ), і тэма 32-га выпуска гучала як «Музейлогія і нематэрыяльная спадчына». Былі прадстаўлены публікацыі даследчыкаў з Аргентыны, Аўстраліі, Беніну, Бразіліі, Германіі, Кітая, Францыі, Індыі, Канады, Харватыі, а таксама кароткія справаздачы ўдзельнікаў з іншых краін. У матэрыяле даследчыка з Індыі В. Х. Бедэкар быў прадстаўлены досвед працы па стварэнні музеяў-супольнасцей, якія б галоўным чынам займаліся захаваннем і прэзентацыяй НКС, а не класічных калекцый [2, р. 18]. Артыкул кітайскага даследчыка А. Лаішун асвятляе ў музейлагічным кантэксце пытанні рэгулявання заканадаўства аб культурнай спадчыне ў Кітаі [3, р. 78]. І. Мараевіч разглядае магчымасці прэзентацыі НКС у музеі, паказвае неабходнасць успрымаць нематэрыяльную спадчыну не толькі як кантэкстную інфармацыю, але і як вартую асобнай увагі і музейнай прэзентацыі [4, р. 85]. З публікацый вынікае, што даследчыкі па-рознаму разумелі сутнасць НКС, але ў той жа час яны імкнуліся асэнсаваць магчымасці музеяў працаваць з дадзенай спадчынай.

Удзельнікі сёмай Азіяцка-Ціхаакіянскай рэгіянальнай асамблеі ІКОМа пад назвай «Музеі, нематэрыяльная спадчына і глабалізацыя» (Шанхай, 2002), прынялі так званую «Шанхайскую хартыю» адносна ролі музеяў у захаванні НКС. У тэксце дакумента была адзначана: «Важнасць творчасці, адаптыўнасці і самабытнасці народаў, месцаў і супольнасцяў, як межаў, у якіх каштоўнасці, традыцыі, мовы, вусная гісторыя, народнае жыццё і г. д. прызнаюцца і папулярныя ва ўсім

музеязнаўчых практыках і практыках спадчыны» [5]. Тэкст «Шанхайскай хартыі» заклікаў таксама разглядаць музеі як «пасрэднікі канструктыўнага партнёрства ў ахове гэтай спадчыны чалавецтва» [5].

Пасля прыняцця Канвенцыі 2003 г. у міжнароднай музейнай супольнасці актывізавалася дыскусія аб уключэнні НКС у музейную дзейнасць. Міжнародны дзень музеяў у 2004 г. прайшоў пад дэвізам «Музеі і нематэрыяльная спадчына». Пад такой жа тэмай праходзіла 20-ая Генеральная канферэнцыя ІКОМа ў Сеуле. Вынікам работы канферэнцыі з'явілася «Сеульская дэкларацыя ІКОМа аб нематэрыяльнай спадчыне», у якой усе адпаведна падрыхтаваныя музеі заклікаліся да «ўдзелу ў зборы, захаванні і папулярызацыі нематэрыяльнай спадчыны» [6].

Тэматыка НКС знайшла сваё адлюстраванне ў 4-м нумары часопіса «ICOM News» (2004 г.), дзе нават уздымалася пытанне аб пераглядзе дэфініцыі «музей» і ўключэнні ў яе азначэння нематэрыяльнай спадчыны, новых перспектывах для музеяў пасля прыняцця Канвенцыі 2003 г. і інш. [7].

Навуковы часопіс «Museum International» («Міжнародны музей») тэме НКС прысвяціў цалкам № 1–2 за 2004 г. Матэрыялы часопіса характарызаваліся глыбокім тэарэтычным асэнсаваннем праблемы, спробай удакладніць тэрміналагічны апарат, пошукам новай метадалогіі ў дакументаванні, апісанні і захаванні НКС, выпрацоўкай спосабаў узаемадзеяння музеяў з нематэрыяльнай спадчынай на навуковай аснове, вывучэннем шляхоў перадачы НКС і інш. [8, р. 108].

У выніку тэарэтычнага асэнсавання праблемы ўзаемадзеянняў музеяў з нематэрыяльнай спадчынай былі ўнесены змены ў само азначэнне паняцця «музей». У рэдакцыі 2007 г. гэта азначэнне мела наступны выгляд: «музей – гэта пастаянная некамерцыйная ўстанова, закліканая служыць грамадству і спрыяць яго развіццю, даступная шырокай публіцы, якая займаецца набыццём, захоўваннем, даследаваннем, папулярызацыяй і экспанаваннем матэрыяльнай і *нематэрыяльнай* спадчыны чалавецтва і асяроддзя яго пражывання з гэтай вывучэння, адукацыі, а таксама для задавальнення духоўных патрэбаў» [9]. Уключэнне паняцця НКС у дадзенае азначэнне пашырае сферу дзейнасці музеяў, дадаючы туды і нематэрыяльную спадчыну. Але абмежавацца простым пераносам усіх аспектаў музейнай дзейнасці з матэрыяльнай спадчыны на НКС было б не зусім правільна. Таму праблемы выпрацоўкі новай музейнай парадыгмы ў адносінах да НКС застаюцца актуальнымі і надалей, а падчас работы музеяў з НКС паўстае цэлы шэраг пытанняў.

Паводле даследавання, якое было прадстаўлена на Генеральнай канферэнцыі ІКОМа ў Шанхаі (2010 г.) Н. Крофтсам, музейныя ўстановы, што працуюць з НКС у класічнай парадыгме, сутыкаюцца з пэўнымі цяжкасцямі [10]. Нематэрыяльная спадчына імі ўспрымаецца як кантэкстная інфармацыя, карысная настолькі, наколькі яна паведамляе аб прадмеце, калекцыі і г. д. Традыцыйна музеі збіралі ўнікальныя альбо асаблівыя аб'екты, а не імкнуліся да захавання характэрнага, тыповага, як таго патрабуе Канвенцыя 2003 г. І галоўнае, што музеі (за выключэннем музеяў сучаснага мастацтва) імкнуліся захаваць, – артэфакты культур, якія ў разуменні Канвенцыі 2003 г. нельга назваць «жывымі». Музеі найперш дакументавалі звычаі, традыцыі, традыцыйныя веды, якія ўжо страцілі магчымасць перадавацца з пакалення ў пакаленне. Гэтыя сцвярджэнні, безумоўна, прымняльныя не да ўсіх музеяў, але з падобнымі праблемамі сутыкаліся шмат якія з іх. З'яўляецца небяспека кансервацыі НКС, стварэння яго эталонных узораў, іерархій, што катэгарычна не адпавядае духу Канвенцыі 2003 г. Падобную думку выказвалі і беларускія навукоўцы. Даследчык А. А. Суша адзначае, што музейная функцыя НКС патрабуецца не заўсёды, а пры музейна-эфектыўнай функцыі НКС існуе небяспека яе кансервацыі, якая можа прывесці нават да знікнення жывой традыцыі [11, с. 35]. Таму музейныя спецыялісты павінны ўдзяляць значную ўвагу не проста фіксацыі традыцыйнай культуры, а менавіта працы з НКС у духу Канвенцыі 2003 г. і арыентуючыся на новую музейную парадыгму.

Беларускія музеі не заставаліся ў баку ад агульнасусветных тэндэнцый, імкнуліся выкарыстоўваць найноўшыя падыходы ў працы з нематэрыяльнай спадчынай. Гэта тэндэнцыя была ўласціва розным бакам музейнай дзейнасці. Так, спецыялісты *Калінкавіцкага краязнаўчага музея* арганізавалі музейныя экспедыцыі з мэтай вывучэння рэгіёну, дакументавання НКС. Адметна тое, што ў 1995 г. пры музеі былі створаны адмысловыя групы, што складаліся з настаўнікаў гісторыі і географіі, краязнаўцаў, а таксама носьбітаў нематэрыяльнай спадчыны, якія дапамагалі ў экспедыцыйнай і пашуковай дзейнасці [12, с. 267]. Стварэнне такіх груп зключэннем у іх носьбітаў НКС спрыяла самадакументаванню спадчыны лакальнай супольнасцю, што адпавядае апошнім сусветным тэндэнцыям у накірунку музейнага дакументавання НКС.

Музейныя ўстановы імкнуліся не толькі дакументаваць НКС, але і ўключалі яе ў экспазіцыйную прастору. Прыкладам удалага адлюстравання НКС у музейнай прасторы з'яўляецца экспазіцыя *Музея*

традыцыйнай культуры Браслаўскага раённага аб'яднання музеяў (1997 г.). Падчас яе праектавання быў выкарыстаны тэматычны падыход, але музейныя прадметы не проста згрупавалі адпаведным чынам і прадставілі ў вітрынах, а спалучылі іх з дзеючымі майстэрнямі. Атрымалася, што носьбіты элементаў НКС упісаліся ў экспазіцыйную прастору, з'явіліся яе арганічнай часткай. Майстры дэманстравалі характэрныя для рэгіёна рамёствы: пляценне, разьбу па дрэве, ткацтва, ганчарства. Музейныя прадметы адбіраліся так, каб яны не толькі адлюстроўвалі гісторыю рамяства і саму тэхналогію, але каб паказвалі непарыўную сувязь рамяства з сучаснасцю, яго запатрабаванасць [13, л. 5]. Таму побач з прадметамі XIX – пач. XX стст. знаходзіліся таксама сучасныя вырабы мясцовых рамеснікаў. Уключэнне ў экспазіцыйную прастору дзеючых майстэрняў не толькі адпавядае духу Канвенцыі 2003 г., але і з'яўляецца спосабам прадстаўлення НКС у экспазіцыйнай прасторы без скажэння сутнасці і зместу самой нематэрыяльнай спадчыны.

У выставачных праектах таксама назіраліся прыклады ўключэння музеяў у папулярызацыю НКС. З 2010 г. супрацоўнікі *Чэрыкаўскага гісторыка-краязнаўчага музея* арганізавалі штогадовыя выязныя паказы прадметаў народнай творчасці і этнаграфічнай калекцыі на свяце «Бразгун», якое праводзілася ў в. Наркі. Абрад «Бразгун» і традыцыя ўшанавання абраза святых Пятра і Паўла в. Наркі Чэрыкаўскага раёна Магілёўскай вобласці як элемент НКС унесены ў Інвентар НКС Беларусі [14]. Выязныя выставы, што знаёмілі з традыцыйнай культурай і НКС, арганізаваліся музеем на свяце «Дажынкi» і на мерапрыемстве «Фестываль талентаў Магілёўшчыны» [15, л. 35].

У культурна-адукацыйнай дзейнасці музеі рэалізавалі праекты, якія спрыялі захаванню НКС, павышэнню асведомленасці аб гэтай спадчыне сярод лакальных супольнасцей. Напрыклад, супрацоўнікі *Касцюковіцкага краязнаўчага музея* распрацавалі музейна-педагагічную праграму пад назвай «Вытокі». Яна складалася з трох раздзелаў, адзін з якіх («Быццё») знаёміў удзельнікаў з традыцыйнай культурай рэгіёну і НКС. Музейна-педагагічныя заняткі былі прысвечаны традыцыйнаму жыллю, адзенню, традыцыйнай кухні, рамёствам і промыслам, а таксама абрадам і звычаям рэгіёну. Адзін з заняткаў пад назвай «Традыцыі і абрады жыхароў в. Саматэвічы Касцюковіцкага раёна» знаёміў наведвальнікаў з нематэрыяльнай спадчынай асобнай вёскі, папулярываваў НКС дадзенай супольнасці [16, с. 305].

Бачна, што ў XXI ст. сусветная музейная супольнасць імкнулася выпрацаваць новую музейную парадыгму для працы з НКС. Пасля прыняцця Канвенцыі 2003 г. праца ў дадзеным кірунку актывізавалася, а яе лагічным завяршэннем стала пашырэнне ў азначэнні ІКОМа дэфініцыі «музей» і ўключэнне туды паняцця «нематэрыяльная спадчына».

Перанос прынцыпаў, якімі музеі карысталіся ў рабоце з матэрыяльнай спадчынай, на спадчыну нематэрыяльную не прыводзіць да захавання апошняй. Таму музейныя спецыялісты імкнуцца рэалізоўваць новую музейную парадыгму ў сваёй дзейнасці, накіраванай на захаванне і прэзентацыю НКС. Яна прадугледжвае перанос увагі ў рабоце музея з калекцый і фондаў на працу з супольнасцямі, якія з'яўляюцца носьбітамі НКС. Музеі заклікаюцца да рэалізацыі прынцыпаў самадакументавання і інфармаванай згоды супольнасці ці асобных носьбітаў. У экспазіцыйна-выставачнай дзейнасці музеі павінны рэалізоўваць праекты, накіраваныя на павышэнне дасведчанасці аб НКС, папулярызацыі носьбітаў пэўных элементаў нематэрыяльнай спадчыны, ствараць інтэрактыўныя выставачныя прасторы. Культурна-адукацыйную дзейнасць, звязаную з НКС, у межах новай музейнай парадыгмы неабходна накіроўваць на забеспячэнне практыкі непарунасці перадачы нематэрыяльнай спадчыны.

Беларускія музеі не засталіся ўбаку ад агульнасусветных тэндэнцый у сферы НКС і паказалі прыклады працы з нематэрыяльнай спадчынай у духу Канвенцыі 2003 г. у навукова-фондавай, экспазіцыйна-выставачнай і культурна-адукацыйнай дзейнасці.

Літаратура

1. Text of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage [Electronic resource] // Official website of The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. – Mode of access: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00006>. – Date of access: 13.03.2019.
2. Bedekar, V.H. Problems of Intangible Heritage in Indian Community Museums / V.H. Bedekar // ICOFOM International Committee for Museology, Museology and the Intangible Heritage, edited by H. K. Vieregge and A. Davis. Preprints ICOFOM Study Series – ISS 32. Munich/Germany and Brno/Czech Republic. November 26 – December 5, 2000. – P. 18–21.
3. Laishun, An. Museology and Policies Concerning Heritage in China / An. Laishun // ICOFOM International Committee for Museology, Museology and the Intangible Heritage, edited by H. K. Vieregge and A. Davis. Preprints ICOFOM Study Series – ISS 32. Munich/Germany and Brno/Czech Republic. November 26 – December 5, 2000. – P. 77–79.

4. Maroevic, I. Museology and the Intangible Heritage together against the Traditional Museum or Are we Returning to the Original Museum / I. Maroevic // ICOM International Committee for Museology, Museology and the Intangible Heritage, edited by H. K. Viereggs and A. Davis. Preprints ICOM Study Series – ISS 32. Munich/Germany and Brno/Czech Republic. November 26 – December 5, 2000. – P. 84–91.
5. Shanghai Charter [Electronic resource] // Official website of ICOM. – Mode of access: http://archives.icom.museum/shanghai_charter.html. – Date of access: 13.03.2019.
6. Seoul Declaration of ICOM on the Intangible Heritage [Electronic resource] // Official website of ICOM. – Mode of access: <http://icom.museum/the-governance/general-assembly/resolutions-adopted-by-icoms-general-assemblies-1946-to-date/seoul-2004/>. – Date of access: 13.03.2019.
7. ICOM News 2004 [Electronic resource] // Official website of ICOM. – Mode of access: <http://icom.museum/media/icom-news-magazine/icom-news-2004-no4/>. – Date of access: 10.03.2019.
8. Yoshida, K. The Museum and the Intangible Cultural Heritage / K. Yoshida // Museum International. – 2004. – Vol. 221–222. – P. 108–112.
9. ICOM Statutes [Electronic resource] // Official website of ICOM. – Mode of access : <http://archives.icom.museum/statutes.html#2>. – Date of access : 13.03.2019.
10. Crofts, N. Grasping the intangible. How should museums document intangible heritage? / N. Crofts. – China: CIDOC, 2010. – 16 p.
11. Суша, А. Праблемы музеефікацыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны / А. Суша // Аўтэнтычны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання: зборнік навуковых прац удзельнікаў V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 29 крас. – 1 мая 2011 г.) / рэдкал.: М. А. Мажэйка (старшыня), В. В. Калацэў, С. К. Канановіч. – Мінск: БДУКіМ, 2011. – С. 35–36.
12. Купрэва, Ю. С. Роля музеяў Гомельшчыны ў захаванні і папулярызацыі традыцыйна-бытавой культуры беларусаў у канцы XX – пачатку XXI ст. / Ю. С. Купрэва // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., 26 сак. 2004 г., Мінск: у 3 ч. – Мінск: БДПУ ім. М. Танка, 2004. – Ч. 2. – С. 266–269.
13. Матэрыялы анкетнага апытання па тэме: «Дзейнасць музеяў Рэспублікі Беларусь па ахове і папулярызацыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў 1991–2016 гг. Віцебская вобласць» // Архіў ІМЭФ НАН Беларусі. – Фонд 9. Воп. 5. Спр. 37. А. 54.
14. Абрад «Бразгун» [Электронны рэсурс] // Сайт «Жывая спадчына Беларусі». – Рэжым доступу: <http://livingheritage.by/nks/1054/>. – Дата доступу: 18.02.2019.
15. Матэрыялы анкетнага апытання па тэме: «Дзейнасць музеяў Рэспублікі Беларусь па ахове і папулярызацыі нематэрыяльнай культурнай спадчы-

ны ў 1991–2016 гг. Магілёўская вобласць» // Архіў ІМЭФ НАН Беларусі. – Фонд 9. Воп. 5. Спр. 40. А. 41.

16. Тымонюк, С. С. Из опыта участия Костюковичского краеведческого музея в воспитании подрастающего поколения: музейно-педагогическая программа «Истоки» / С. С. Тымонюк // Магілёўшчына: з гісторыі краю і лёсу людзей: метадычныя парады / Установа культуры «Магілёўская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна», Аддзел маркетынгу і бібліятэказнаўчай работы. – 2014. – №12. – С. 304–307.

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА БАЗЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕТСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

О. И. Кокорева, Ю. М. Васина, О. А. Асмаловская

Тульский государственный педагогический университет
имени Л. Н. Толстого,

факультет специальной психологии, пр. Ленина, 125, 300026,

Тула, Российская Федерация

e-mail: j_m_vasina@mail.ru

В статье рассматривается культурно-образовательное пространство детского музея, предполагающее создание условий для целостного художественно-педагогического процесса, интегрирующего познавательную, ценностно-ориентационную и творческую направленность в развитии детей. В основе культурно-образовательной деятельности детского музея определяются принципы адаптивности образовательных программ, тематический принцип, принцип цикличности и синкретизма.

Ключевые слова: культурно-образовательное пространство, коррекционное образование, эстетическое воспитание, дети с ограниченными возможностями здоровья.

PRINCIPLES OF THE CREATING CULTURAL-EDUCATIONAL SPACE ON THE BASIS OF SPECIAL CHILDREN'S EDUCATIONAL INSTITUTIONS

O. I. Kokoreva, Yu. M. Vasina, O. A. Asmalovskaya

Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy,

Faculty of Special Psychology, Lenin ave. 125, 300026,

Tula, Russian Federation

e-mail: j_m_vasina@mail.ru

The article discusses the cultural and educational space of the children's museum, which involves the creation of conditions for a holistic artistic-pedagogical process, integrating the cognitive, value-orientation and creative orientation in the development of children. The basis of the cultural and educational activities of the children's museum defines the principles of adaptability of educational programs, thematic principle, cyclicity and syncretism.

Key words: cultural and educational space, correctional education, aesthetic education, children with disabilities.

Проектирование культурно-образовательных центров на современном уровне развития общественного воспитания, интегрирование усилий педагогов-дефектологов, психологов и специалистов в области культуры является актуальной задачей теории и практики коррекционного образования и связано с обновлением содержания художественно-эстетического воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья. Главной идеей музейно-педагогического центра на базе учреждения культуры, в том числе и специальной библиотеки для слепых, должно стать усвоение ребенком культурных ценностей, выступающее как потенциальная возможность развития личности человека с нарушениями зрения, реализуемая в наше время довольно редко. Причины этого кроются прежде всего в содержании образования, в семейном воспитании и обусловлены недостаточной разработанностью действенных образовательных технологий приобщения детей с нарушениями в развитии к ценностям культуры. Создание музейно-педагогического пространства в городе или районе является одной из возможностей социокультурной реабилитации таких детей.

Рассогласованность содержания эстетического воспитания в различных культурно-образовательных учреждениях (детский сад, общеобразовательная школа, музеи, библиотеки), ограниченность сферы деятельности каждого такого учреждения не создают условия для комплексного решения проблемы формирования эстетической культуры личности ребенка с ограниченными возможностями здоровья [1]. Детский музей может создать условия для целостного художественно-педагогического процесса, интегрирующего познавательную, ценностно-ориентационную и творческую направленность в развитии детей.

В мировой культурной практике открытие детского музея впервые имело место в 1899 г. в Бруклине (США). В отечественной исто-

рии появление детских музеев датируется первой третью XX века, однако политические реалии того времени не способствовали их массовому развитию. Только с 90-х годов прошлого века детские музеи стали появляться на базе учреждений культуры и дополнительного образования детей [3, с. 83].

Актуальность создания культурно-образовательного пространства обусловлена, с одной стороны, необходимостью раннего приобщения к миру культуры, с другой стороны – возможностью сотрудничества в рамках музея педагогов, деятелей культуры, работников музеев города, общественных организаций, родителей и других взрослых, призванных решать проблемы духовного развития личности [2, с. 77].

Атмосфера искусства, реализуемая в повседневной жизни детей, искусство как жизнетворчество, приближенность ценностей культуры к миру детства – это решающее условие формирования начал духовной культуры и социокультурной реабилитации ребенка с проблемами в развитии. Известно, что соответствующий возрасту объем культуры дети перенимают в семье, в образовательных учреждениях (детский сад, школа) и посредством деятельности социально-общественных институтов (средства массовой информации, музеи, библиотеки, детские театры и пр.). Уровень сознания ребенка, определяющий уровень его эстетической и духовной культуры, во многом зависит от эффективности взаимодействия данных социальных факторов.

Культурно-образовательное пространство открытого типа «Детский музей» может создать условия для интегрирования усилий педагогов, родителей, деятелей культуры в решении следующих задач: разработка путей обновления содержания эстетического образования, ориентированных на гармонизацию познавательной, ценностно-ориентационной и творческой деятельности детей; создание условий для внедрения новых программ и методических разработок в области музейной педагогики в образовательную работу с детьми, имеющими проблемы в развитии; стимулирование творческой эстетической активности, развитие художественных способностей и основ культуры у маленьких детей; создание общественного культурного центра, объединяющего творческий потенциал детства и усилия различных специалистов в области искусства.

В основу культурно-образовательной деятельности детского музея должны быть положены принципы адаптивности образовательных программ: тематический, цикличности, синкретизма.

Принцип адаптивности образовательных программ предполагает гибкое применение содержания и методов культурно-эстетического развития в зависимости от возрастных, индивидуальных и психофизиологических особенностей детей с нарушением зрения. Данный принцип реализуется с учетом тесного взаимодействия всех участников воспитательного процесса: детей, педагогов, психологов, работников учреждений культуры, родителей.

Тематический принцип позволяет раскрыть специфику разных видов искусства в тесной взаимосвязи с окружающей жизнью. Данный принцип является системообразующим при реализации программ эстетического воспитания в рамках деятельности культурно-образовательного пространства музея (экскурсии, тематические выставки, творческие встречи, концерты, вечера досуга, коллективные творческие занятия, семинары-практикумы и т. п.).

Принцип цикличности предполагает повторяемость тематики мероприятий с целью углубления и расширения восприятия эстетической деятельности. Это способствует формированию оценочного отношения, применению эстетических навыков в разных видах художественной деятельности.

Принцип синкретизма культурно-образовательных программ определяет взаимосвязь разных видов эстетической деятельности дошкольников. Общение с искусством предполагает выявление отношения детей к разным его видам, формирование ценностных ориентаций, эстетического восприятия, творческой активности. Познание многообразия мира культуры посредством включения игры, самостоятельной творческой деятельности выступает важным условием эффективности работы в области музейной педагогики.

Содержанием работы детского музея должны стать искусство и творческая, созидательная деятельность человека: соприкосновение с произведениями искусства и историей создания культурных шедевров; приобщение к культурно-историческим традициям региона; знакомство с музыкантами, художниками, мастерами народных художественных промыслов.

Центром воспитательной системы детского музея должен стать ребенок с его индивидуальными особенностями. Сама система должна быть направлена на пробуждение у детей с ограниченными возможностями здоровья разнообразных форм эмоционально-ценностного отношения к культуре, формирование у них активной творческой направленности при общении с произведениями ис-

куста, что будет способствовать их более успешной социокультурной реабилитации.

Культурно-образовательная система детского музея предполагает вариативность форм организации деятельности детей, которые могут быть классифицированы как внутренние и внешние. Нетрадиционные условия воспитания в музее, а также повышение уровня культуры родителей и популяризация искусства среди населения требуют инновационных подходов к организации воспитательного процесса. К внутренним формам следует отнести регулярные занятия музыкой, художественной, театральной деятельностью в виде тематических, комплексных, интегрированных игровых занятий, экскурсий, познавательных бесед и развлечений, викторин, конкурсов, художественных мастерских. Музейное пространство выполняет в данном случае интерактивную образовательную функцию и может выступать в качестве учебной аудитории, мастерской, лаборатории, филиала городского музея, концертного зала, музея-театра, музея как игровой площадки. Приоритетным является создание экспозиций, позволяющих детям свободно общаться с экспонатами и творчески осваивать музейное пространство.

Внешние формы организации деятельности детей предполагают проведение совместно с родителями систематических встреч, экскурсий в музеи города, посещение выставок картин и коллекций, творческих мастерских художников, творческих отчетных мероприятий учащихся художественных школ и училищ культуры.

Кроме того, деятельность музея должна быть направлена на организацию на его базе выставок и тематических экскурсий, музыкальных праздников, творческого досуга. В этом случае детский музей выполняет традиционные функции (организаторскую, информативную, познавательную, эмоционально-эстетическую и коммуникативную), создавая условия для развития общественных форм объединения детей. Внешние формы культурно-образовательной деятельности музея реализуются на принципах адаптивности и синкретизма в содержании эстетического воспитания и создают условия для взаимообогащения членов разновозрастных групп – старшего поколения, родителей, детей. Возможность передачи музыкального, художественного, познавательного, игрового опыта от старших к младшим оказывает наибольшее развивающее действие. В этом случае дети перенимают опыт деятельности и знания не только от педагогов и работников библиотеки, но и от других значимых взрослых (родителей, бабушек и дедушек, музыкантов, ху-

дожников, старших детей и др.), что способствует установлению духовных связей поколений, ведет к овладению ценностями культуры.

Организация детского музея на базе специальной библиотеки будет оправдана в том случае, если его основой является подход к эстетическому воспитанию как к способу саморазвития личности ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Содержание работы музея и его организационные формы должны быть определены педагогами, психологами, родителями, работниками культуры в совместном поиске, а сам музей должен представлять открытую систему, настроенную на постоянный приток новых идей, на самообновление. Развивающийся характер такой системы будет обеспечиваться новой практикой воспитания, реализуемой на уровне образовательных программ и педагогических технологий, постоянным совершенствованием форм взаимодействия педагогических коллективов, работников культуры и творческой интеллигенции.

Литература

1. Гильмутдинова, Г.М. Детский музей как фактор формирования исторического мышления детей в контексте современных проблем музейной педагогики (зарубежный и отечественный опыт) [Электронный ресурс] / Г.М. Гильмутдинова // Сайт Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Режим доступа: <http://www.tataroved.ru/institut/>. – Дата доступа : 18.03.2019.
2. Кокорева, О.И. Развитие социального взаимодействия детей с нарушением зрения в виртуальном музейном пространстве / О.И. Кокорева, А.В. Прошкина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2015. – № 4 (16). – С. 75–82.
3. Макарова-Таман, Н.Г. Детские музеи в России и за рубежом / Н.Г. Макарова-Таман, Е.Б. Медведева, М.Ю. Юхневич. – М.: Наука, 2001. – 128 с.

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭДДИЧЕСКИХ МИФОВ В БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СКАЗАНИЕ ОТ ГЕЙМАНА И «ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛОКИ»

Н. Г. Шпаковская

Белорусский государственный университет,
факультет международных отношений,
ул. Ленинградская, 20, 220030,
Минск, Республика Беларусь
e-mail: nina.shpakouskaya@gmail.com

В статье анализируется современная интерпретация эддических мифов в британской литературе (на примере книги «Скандинавская мифология» Н. Геймана и романа «Евангелие от Локи» Дж. Харрис). Характеризуется взаимосвязь данной интерпретации с прочтением эддических мифов в популярной культуре.

Ключевые слова: эддические мифы, скандинавская мифология, современная литература, популярная культура.

**A CONTEMPORARY INTERPRETATION OF THE EDDIC MYTHS
IN BRITISH LITERATURE: N. GAIMAN'S "NORSE MYTHOLOGY"
AND J. HARRIS' "THE GOSPEL OF LOKI"**

N. H. Shpakouskaya

Belarusian State University, International Relations Department,
Leninhradskaya st. 20, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: nina.shpakouskaya@gmail.com

The article considers a contemporary interpretation of Sæmundar Edda and Snorri's Edda in British literature (on the example of N. Gaiman's "Norse Mythology" and J. Harris' "The Gospel of Loki"). A connection between this interpretation and explications of the eddic myths in the broader context of popular culture is examined.

Key words: eddic myths, Norse mythology, modern literature, popular culture.

Введение. Эддические эпосы традиционно рассматриваются как один из важнейших источников сведений о дохристианских верованиях скандинавов. Сегодня сложно определить, в какой именно период возникли составляющие основу «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды» мифы, как они развивались и с какими ритуальными практиками были связаны. С какой целью они были записаны, тоже не ясно: довольно трудно понять мотивы людей, посвятивших себя систематизации историй о богах-асах, в то время как другие христиане пытались уничтожить язычество.

Мы не можем воспринимать «Эдды» вне контекста Средневековья. Многие в их содержании говорят о том, что их авторы уже не осознавали ритуальное значение нарративов и воспринимали мифы как фольклорные повествования в жанре хоррор, основная цель которых была развлечь аудиторию. Таким образом, эддические песни и сказания можно рассматривать не только (и не столько) как религиозный текст, а как художественный текст культуры Средневековья.

Сегодня скандинавская мифология – один из самых плодотворных источников для интерпретаций в рамках популярной культуры, что позволяет говорить о глобализации феномена. В этом отношении представляется интересным проанализировать трактовку эддических мифов в современной британской литературе.

Цель статьи – охарактеризовать интерпретацию эддических мифов в книге «Скандинавская мифология» Н. Геймана и романе «Евангелие от Локи» Дж. Харрис.

Сказание от Геймана. Нил Гейман известен своей серией комиксов «Песочный человек» и романами «Звездная пыль» и «Коралина». За свое полное тонкого юмора творчество Гейман получил многочисленные призы и награды, поэтому, когда мастер взялся за эддические мифы, многие ожидали шедевра. Однако интерпретация Геймана, в большинстве своем, повторяет эддические сюжеты. Согласно самому автору, он старался максимально точно соответствовать оригиналу. Несмотря на это, можно заметить некоторые детали, говорящие о модернизации фабулы.

Гейману свойственна попытка охарактеризовать поступки героев с позиции сегодняшней морали, что невозможно, т. к. во многих случаях речь идет не о конкретном действии, а о метафоризированном ритуале. Например, в мифе о сотворении мира автор пишет, что боги Один, Вили и Ве убили великана Имира, потому что у них не было другого выбора. В знаменитом мифе о золотых волосах Сив Гейман утверждает, что Локи вырвал волосы Сив с корнями, потому что он был пьян, и ему казалось это веселой шуткой. Мировой змей Ёрмунганд плюет черным ядом, именно поэтому его голову связали с хвостом (в итоге получив известный во многих мифологиях уроборос). Волк Фенрир кричит Одину, когда его заковывают в цепи, что он был бы другом богам, но страх Одина предал его, подтолкнув его к решению заточить Фенрира. Во время последней битвы Фенрир борется именно с Одним. Таким образом, Гейман предлагает определенное логическое объяснение сюжетным сюрпризам скандинавской мифологии.

Интересно также, что автор следует современной интерпретации общества викингов, основанной на археологических находках. Так, когда Тора наряжают Фрейей в мифе о свадьбе Трюма, его жена Сив вешает ему на пояс свои ключи. Ключи от хозяйственных построек и ларцов считаются символом власти женщины-хозяйки в пределах ее дома, о чем еще в к. XIX века заявил археолог Ханс Хильдебранд [1, с. 47]. Позднее он, правда, опроверг эту теорию, основываясь

на том, что многие из найденных ключей не имели функциональной составляющей, а значит, были ритуальными предметами.

Основываясь на мифе о построении стены вокруг Асгарда и упомянутой в нем способности бога лукавства Локи менять свой образ, Гейман пишет, что Локи, сопровождавший Тора на свадьбу, не переоделся в служанку, а превратился в нее. Таким образом, автор закрепляет идею о гендерной двойственности бога-трикстера.

Бог Тор в интерпретации Геймана в целом не самый сообразительный персонаж, что можно связать с влиянием на восприятие образа этого героя других текстов популярной культуры, закрепивших образ заносчивого атлета, не склонного к витиеватым рассуждениям.

Интересную интерпретацию получает миф о снах Бальдра. Чтобы растолковать сны сына, Один в образе странника отправляется к мертвой прорицательнице, которая рассказывает ему о грядущем. Один узнает в старухе Ангрбоду – ведьму, породившую с Локи хтонических существ, впоследствии определивших исход финальной битвы во время Рагнарёка. Таким образом, Гейман связывает образы прорицательницы-вельвы и великанши Ангрбоды, хотя к первым, согласно мифам, относились с уважением, вторая ассоциировалась со злом. Согласно «Эддам», вельвами были и Фрейя, и жена Одина Фригг, которая знала все, что грядет. В версии Геймана Фригг не верит, что кто-то хочет причинить ее сыну Бальдру зло.

Для Геймана также характерно проецирование современного описания чувств героев на чувства богов. Например, Фрей решает искать невесту, ощутив пустоту в себе.

Таким образом, Гейман следует сюжету эддических мифов, существенно не меняя ход событий и не наполняя образы новым содержанием. Однако он придает мифам логическую последовательность, намечает причинно-следственные связи и пользуется современным вокабулярием в описании эмоционального состояния персонажей (что может восприниматься как проявление юмора автора).

Евангелие от Локи. Трактровка Джоанн Харрис более далека от оригинальной версии и представляет собой не пересказ мифов, а самостоятельный роман, главным героем которого является трикстер Локи.

Харрис намеренно вводит в текст современную лексику, которой не существовало в первобытные времена в силу отсутствия обозначаемых понятий. Например, описывая лорда Сурта, Локи утверждает, что «ксенофобия не отражает полностью того, как он презира-

ет чужестранцев» [3, с. 20]. Формулировка из английского сленга «chillax» приписывается богу Бальдру, который пытался сделать Локи «своим парнем» среди богов. Сообщество асов напоминает созданное американскими сериалами для подростков представление о школьной команде футболистов, в которую закрыт вход для неудачников. Локи становится чужаком, которого успешные ребята не принимают в свою компанию.

Анахронизмы функционируют в тексте в качестве стилистических тропов. Локи вопрошает о презумпции невинности, когда его обвиняют в похищении волос богини Сив. Читателю он признается, что решил отрезать волосы Сив в сумасшествии раннего утра, чтобы отметить свою победу, заполучив трофей в форме волос спящей дамы. Нельзя не заметить юмористическую аллюзию на романтическую традицию XIX века дарить возлюбленному локон. Локи оставил волосы на подушке, так как «возможно, я мог заставить Сив поверить, что сей вред стал результатом использования слишком большого количества перекиси» [3, с. 51].

В мифе о путешествии в Утгард Локи напоминает Тору, что убийство его верных фанатов вряд ли поможет его публичному имиджу, когда Тор приходит в гнев, заметив, что кто-то из членов крестьянской семьи, у которой боги остановились на ночь, ослушался его.

Богиня подземного мира Хель рисует палочкой на песке сердечко с рунами Хагаль для Хель и Бьяркан для Бальдр, написанными внутри (подростковая влюбленность Хель в Бальдра становится, по версии Харрис, мотивом для убийства Бальдра).

В мифе о возведении стены вокруг Асгарда предложивший свои услуги строителя великан сравнивается с ковбоем; в отношении его Локи изрекает следующий оборот: «День, когда строителю-ковбою удастся провести Локи, будет днем, когда поросята полетят над Радужным мостом, и Лорд Сурт прибудет в Асгард, чтобы выпить чая с пирожными, одетый в бальное платье из тафты и поющий меццо-сопрано» [3, с. 47] (Лорд Сурт – повелитель огненного хаоса, уничтожающий Асгард в Рагнарёк).

Волк Фенрир в версии Харрис – оборотень Фенрис, который, обращаясь человеком, превращается в анархичного подростка, разговаривающего на молодежном сленге и не понимающего значение «умных» слов.

Оказавшись в Асгарде, оборотень дурно влияет на сыновей-близнецов Локи. Вали и Нарви, близкие с ним по возрасту, попадают под

очарование плохого парня и начинают ему подражать, опустив волосы на глаза и переняв его презрительную волчью усмешку.

Для Харрис характерно свободное истолкование гендера в отношении мифологических персонажей. Копье Одина Гугнир обозначено в тексте как она. Женский род присвоен также кораблю Скидбладнир и кольцу Драупнир. Любопытно, что гораздо более известный благодаря популярной культуре атрибут, молот Мьельнир, обозначен как оно (неодушевленный предмет), несмотря на наличие в слове того же самого окончания *-ir*, которое в современном исландском языке может быть показателем как мужского, так и женского рода.

Вороны Одина в интерпретации Харрис тоже могут превращаться в людей – в мужчину и женщину. В отличие от Геймана, Харрис переодевает Локи в служанку в мифе о свадьбе Трюма, а не акцентирует его способность принимать женскую ипостась.

Интересна трактовка образа богини Фрейи, которая показана в романе инфантильной дивой. Согласно Локи, Фрейя постоянно плачет и бьется в истерику, чтобы заставить других поступить так, как она хочет. В определенный момент Один дает (в качестве наказания) богине новый аспект руны Фе – гибельную страсть к крови и жестокости, превращая тем самым богиню в демона битвы. «Ты будешь настраивать людей друг против друга, будешь лгать, будешь использовать свои чары, чтобы обманывать, предавать, и люди все равно будут поклоняться тебе», – обращается к Фрейе Один [3, с. 84]. В качестве богини любви образ Фрейи закрепился в эпоху романтического национализма, когда литераторы и художники подчеркивали ее связь с семьей и женственностью. Согласно эддическим мифам, однако, образ Фрейи намного сложнее и многограннее, в частности, она, как и Один, принимала души умерших. Как пишет Бритт-Мари Нэсстрём, автор книги «Фрейя – великая богиня Севера», функция Фрейи выходит за рамки традиционно приписываемой ей роли богини плодородия [4]. Харрис формулирует связь Фрейи со смертью посредством обращения к записанным в древней Исландии и Англии руническим поэмам, в которых руна Фе (которую Фрейя, по мнению Харрис, олицетворяет) описывается как золото, которое порождает распрю. Многие исследователи отождествляют образ Фрейи с алчной Гулльвейг (этимология имени связана со словом «золото»), разжегшей войну между богами-ванами и богами-асами. По версии Харрис, именно Гулльвейг ответственна за гибель богов, однако писательница не связывает ее с Фрейей.

Интересно, что Харрис приписывает черты воительницы и богине Сив, которая традиционно не рассматривается в контексте сражения, но предстает в романе в своем аспекте воина, почти такая же устрашающая, как Тор. Здесь, возможно, идет речь о влиянии популярной культуры, склонной к созданию образов дев щита. Подобное воздействие заметно и в описании Ангрбоды, когда та прибывает в лагерь Гульвейг: «Она выглядела шестнадцатилетней. Одета в черную кожу, с большими глазами, обведенными толстой черной линией, в косы вплетена серебряная нить» [3, с. 264].

У Одина появляется повязка на отсутствующем глазу, что напоминает об интерпретации в фильмах Marvel. У Тора, по мнению Локи, «борода больше, чем мозг» [3, с. 34], что тоже не противоречит созданному комиксами образу.

Харрис, так же, как и Гейман, предлагает логическое обоснование поступкам богов, в большей мере, однако, основываясь на психологическом анализе действий героев. Художественный вымысел органично вплетается в известную фабулу и делает скандинавскую мифологию намного более понятной и менее алогичной для современного читателя. Интрига романа основывается на пророчестве Мимира, которое сбывается в силу того, что узнавшие о нем неосознанно позволяют ему сбыться, хотя, как становится ясно позже, оно было выдуманно мстительным Мимиром, чтобы погубить богов-асов. Такой подход к интерпретации пророчества интересен, учитывая веру древних скандинавов в предначертанность судеб.

Особого внимания заслуживает трактовка образа самого Локи, который представлен как демон огня. В своем человеческом облике он зеленоглазый юноша с рыжими волосами и особым шармом (в эддических мифах нет описания внешности Локи).

Один выманивает Локи из огненного хаоса, так как ему нужен кто-то, кто будет нарушать правила вместо него самого, когда это будет необходимо: «Законы порядка слишком ригидные... Грядет стагнация. Мое королевство погрузится во тьму. Я не могу быть тем, кто нарушает собственные правила» [3, с. 23]. В романе подчеркивается, что Один и Локи – братья «по трикстерству и по плутовству» [3, с. 25], что совпадает с мнением тех исследователей, которые причисляют Одина к трикстерам.

Локи становится антигероем: отверженный и не вписывающийся в нормы, установленные большинством, он близок по духу многим современным героям популярной культуры. «Что бы я ни де-

лал, чем бы ни рисковал, как бы сильно не старался стать своим, я никогда не буду одним из них» [3, с. 75]. Харрис делает Локи ответственным абсолютно за все невзгоды, даже в тех мифах, в которых изначально Локи не упоминается. Например, согласно мнению писательницы, в мифе о сватовстве Фрея именно Локи подталкивает Фрея посмотреть на все миры с трона Одина, откуда он видит прекрасную Герду (в мифах – Герд). Локи притворяется слугой по имени Скирнир и отправляется к великанам, чтобы посватать Фрея к Герде. Он обещает девушке «лютни, цветы, парфюм» [3, с. 113] и подсказывает ее отцу-великану просить у Фрея в качестве свадебного дара его рунический меч. Интересно также, что, по мнению Харрис (или по мнению Локи), люди посвящали трикстеру песни и жертвы, хотя следов культа Локи не найдено.

Таким образом, «Евангелие от Локи» представляет собой художественный роман, базирующийся на скандинавской мифологии, но предлагающий альтернативную трактовку определенных событий и персонажей. Стиль произведения отмечают создающие юмористический эффект анахронизмы.

Заключение. Версия эддических мифов Нила Геймана очень близка по содержанию к оригинальному источнику. Практически нейтральный стиль произведения позволяет рассматривать книгу «Северная мифология» как авторский пересказ сюжетов, существующих в немного различных версиях. Роль Геймана может быть сравнима с ролью Стурлусона, он адаптирует скандинавскую мифологию для современного читателя. Адаптация проявляется в создании логических связей и проецировании чувств современников на чувства богов.

Роман Джоанн Харрис, несмотря на то, что композиционно он выстроен так же, как «Эдды» (т. е. каждая глава рассказывает один из мифов), предлагает альтернативную версию скандинавской мифологии. Причинно-следственные связи, созданные писательницей, превращают книгу из пересказа мифов в авторский текст, вдохновленный мифологией. На первый взгляд, интерпретация Харрис приобретает смысл расшифровывающего ключа, с помощью которого можно объяснить все загадочные символы и нестыковки в скандинавской мифологии. Однако подобное объяснение действует, только если мы рассматриваем скандинавские мифы как повествования развлекательного характера, не учитывая их ритуальной основы. Харрис декодирует определенные сюжетные повороты, как если бы это были метафоры в современном тексте (анархичные подростки –

волки; луна и солнце, которые строитель стены вокруг Асгарда просит в награду, – волшебные щиты и т. д.). Подобный прием позволяет современному читателю идентифицировать себя с персонажами и спроецировать описанные ситуации на сегодняшний день. Однако, с другой стороны, это отдаляет нас от изначального смысла, вложенного в мифологический сюжет.

Оба писателя (в разной мере) адаптируют сюжеты скандинавской мифологии, делая ее более понятной и захватывающей для современного читателя. Учитывая то, что уже в XIII веке мифы в значительной степени утратили свою связь с ритуалом и воспринимались как художественное произведение, подобная модернизация может рассматриваться как своего рода ремейк, в котором не стоит искать следов дохристианских культов.

Литература

1. Arwill-Nordbladh, E. Genuskonstruktioner i nordisk vikingatid. Förr och nu / E. Arwill-Nordbladh. – Göteborg: Göteborgs universitet, 1998. – 280 s.
2. Gaiman, N. Norse Mythology / N. Gaiman. – NY: W.W. Norton & Company, 2017. – 304 p.
3. Harris, J. The Gospel of Loki / J. Harris. – L.: Gollancz, 2014. – 302 p.
4. Näsström, B.-M. Freyja – the great goddess of the North / B.-M. Näsström. – Lund: University of Lund, 1995. – 202 p.
5. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – 751 с.
6. Младшая Эдда. – М.: НИЦ Ладомир, 1994. – 256 с.

ВИДЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ

Чжэн Чао

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108,
Минск, Республика Беларусь
e-mail: 1020822cc@gmail.com

В статье представлены основные виды ценностей нематериального культурного наследия Автономного района Китая – Внутренняя Монголия. Впервые анализируется его художественная значи-

мость и эталонная ценность для современного искусства на основе художественных характеристик, обогащенных уникальными национальными эстетическими концепциями и вкусами.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, нематериальное культурное наследие, народное искусство, художественная ценность.

TYPES OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF INNER MONGOLIA AS AN ARTISTIC VALUE

Zheng Chao

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk,
Republic of Belarus
e-mail:1020822cc@gmail.com

The article presents the main types and values of the intangible cultural heritage of the Autonomous Region of China – Inner Mongolia. For the first time, its artistic significance and reference value for contemporary art is analyzed on the basis of artistic characteristics enriched with unique national aesthetic concepts and tastes.

Key words: Inner Mongolia; intangible cultural heritage; folk art, artistic value.

Автономный район Внутренняя Монголия является одной из колыбелей китайской цивилизации. На этой обширной территории жили представители разных национальностей: монголы, ханьцы, эвенки, дауры, ороконы, маньчжуры и др. В течение тысячелетий жители степи своими самобытными методами создавали богатое натуральное нематериальное культурное наследие, тесно связанное с их способами производства и образом жизни. Они не только обогатили сокровищницу степной культуры, но и совершили выдающийся вклад в объединение многообразной китайской национальной культуры.

Накопленные в течение продолжительного периода культурные ресурсы нематериального культурного наследия Внутренней Монголии отличаются глубиной и разнообразием форм. Практически все они входят в категории проекта по сохранению нематериального культурного наследия в современном Китае. В соответствии с «Конвенцией об охране нематериального культурного наследия», принятой ЮНЕСКО в 2003 году, а также «Временными мерами по объявлению и оценке выдающихся произведений нематериального культурного наследия», принятыми Государственным советом Китая, нематериальное

культурное наследие Внутренней Монголии разделяется на четыре категории: народная литература (мифология, поэзия, народные сказки, хвалебные речи и т. д.), народное сценическое искусство (музыка, танцы, театр, песни и т. д.), народные обычаи (бытовые обряды, медицина, верования и т. д.), народное искусство (ремесла, игры и т. д.). По состоянию на 2018 год во Внутренней Монголии имеется «Перечень нематериального культурного наследия автономного округа» из 587 пунктов, 89 из которых включены в общекитайский «Перечень нематериального культурного наследия государственного значения» [1]. Также три сокровища монгольского народа входят в культурное наследие мирового уровня. Это горловое пение хоомей, песни чандяо и струнно-смычковый инструмент моринхур.

Художественная ценность нематериального культурного наследия Внутренней Монголии – это те важные функции и роль, которую данное наследие играет в развитии цивилизации. Существование этой ценности определяется взаимоотношениями между нематериальным культурным наследием и человечеством. Ценность может быть как базовой, так и временной и характеризуется разнообразием, динамичностью и системностью [2, с. 56]. Базовая ценность, как правило, включает в себя историческую, художественную, научную и социальную ценности. Они существуют и имеют значение для различных видов нематериального культурного наследия на протяжении всех исторических периодов, в различных географических районах и в различных этнических группах. Это ядро, ключевой элемент системы ценностей нематериального культурного наследия. В данной статье в основном рассматривается художественная составляющая базовой ценности.

Художественная ценность – это уникальная эстетическая ценность всех тех законов развития искусства, которые нематериальное культурное наследие раскрывает для нашего познания. Нематериальное культурное наследие Внутренней Монголии несет в себе культурные гены и духовные качества различных народностей. Многие его произведения отражают самобытный образ мышления и возвышенность эстетического восприятия, отличаются непревзойденным мастерством и уникальностью форм, являясь квинтэссенцией художественного и эстетического мастерства и творческой мудрости человечества [3, с. 118]. Ядром художественной ценности нематериального культурного наследия служит эстетическая ценность, которая в основном относится к уникальным художественным особенностям

и притягательной силе нематериального культурного наследия, к его способности дарить людям художественное просветление и эстетическое наслаждение из самых глубин прекрасного [4]. ЮНЕСКО придает большое значение художественной ценности нематериального культурного наследия, а в «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» четко обозначено: проекты культурного наследия, включенные в «Перечень всемирного наследия», утверждены в соответствии с несколькими критериями, в том числе «Произведение искусства представляет собой уникальное художественное достижение, шедевр творческого созидательного гения» [5].

25 ноября 2005 года ЮНЕСКО была объявлена третья партия «выдающихся произведений устного и нематериального наследия человечества». Китай и Монголия совместно объявили о почетном включении в эту партию монгольской народной песни «чандяо». Характерной особенностью «чандяо» является то, что малое количество слов звучит очень долго, песня исполняется мощно, протяжно, неторопливо, свободно. Эти песни прекрасно подходят и для повествования, и для выражения чувств. Содержание песен – это в большинстве своем описания пастбищ, лошадей, верблюдов, быков, овец, голубого неба, белых облаков, рек, озер и т. д. Монгольские песни «чандяо» при помощи ярко выраженных особенностей кочевой культуры и уникального способа пения повествуют представления монгольского народа об истории, культуре, обычаях, нравственности, философии и искусстве. Именно поэтому эти песни называют «живыми ископаемыми степной музыки». Невероятная сила художественного творчества монгольского народа проявляется в идеальном единстве природы и души.

20 мая 2006 года в первую партию общекитайского «Перечня нематериального культурного наследия государственного значения» по отдельности были включены монгольский «моринхур», ритуал поклонения «обо» и праздник «надам». «Моринхур» является типичным образцом монгольской музыкальной культуры. Будь то его форма, материал, из которого он изготовлен, или качество звука, стиль музыкального исполнения и способ игры на нем – все это в равной степени воплощает внутренние качества монгольского характера, полностью раскрывает историческую форму кочевой жизни, выражает мысли и идеи монгольского народа о природе и устройстве мира. В настоящее время «моринхур» широко используется в современной музыке и имеет высокую художественную ценность. «Обо» – монголь-

ское слово, означает «куча» или «выступ». Поклонение «обо» является одним из главных ритуалов монгольского народа. С его помощью выражают почтение небу и земле, просят у них мира и счастья для людей. Кроме того, это один из способов демонстрации стремления степных народов к природному, естественному типу мышления. Слово «надом» означает «радость, игра». Это название праздника символизирует чувство радости богатому урожаю. «Надом» – традиционный монгольский праздник, который занимает важное место в жизни монгольского народа. «Надом» отмечают ежегодно в течение 5 дней в июле-августе. Празднование «надома» включает такие традиционные народные забавы, как борьба, скачки, стрельба из лука, зааркаивание коня, монгольские шахматы и т. д.

7 июня 2008 года Государственным советом Китая во вторую партию общекитайского «Перечня нематериального культурного наследия государственного значения» были включены искусство приготовления блюд из говядины и баранины, искусство монгольской вышивки, монгольское искусство производства конной упряжи, а также монгольская народная песня. Монгольская вышивка – тип рукоделия, сформированный монгольским народом в течение длительной истории производства. Вышивка выполняется не только на мягких тканях, она также предполагает использование нитей из верблюжьей шерсти, сухожилий и других материалов для вышивания на войлоке, кожаных сапогах и других твердых тканях. Монгольское искусство вышивки покоряет своей простотой и искренностью. Аппликации на больших кусках ткани, ровные размашистые стежки, а также яркие цветовые контрасты дарят людям ощущения богатства и удовлетворения. Монгольское искусство производства конной упряжи, технология ее изготовления, отбор сырья, красочность отделки, удобство в использовании – все эти элементы обладают своеобразными характеристиками в сравнении с подобными элементами у других народов и регионов. Уздечки, кнуты, повозки и другие части упряжи изготавливаются с использованием конского волоса, кожи, холщовой ткани, а также нефрита, металлов и т. д. Это монгольское народное искусство, сочетающее в себе такие уникальные ремесла, как обработка дерева и металла, вышивание, плетение из кожи и др.

Монгольские народные песни делятся на две основные категории: обрядовые и буколические. Они также отличаются богатством содержания: песни о любви, женитьбе и замужестве; песни, восхваляющие лошадей, степи, горы и реки; песни, славящие геро-

ев степей. Все они отражают местные условия и обычаи Внутренней Монголии.

1 октября 2009 года горловое пение «хоомей» стало частью всемирного нематериального культурного наследия. Это уникальное монгольское сценическое искусство, в котором один человек поет как бы несколькими голосами, т. е. один человек при помощи горланного низкого протяжного звука извлекает сразу две ноты одновременно, образуя таким образом своеобразное двухголосное соло. Этот вид пения исполняется прозрачно и чисто, с присутствием высоких металлических звуков, что позволяет ему достигать несравненно прекрасного звукового эффекта.

В тот же год искусство вырезания из бумаги уезда Хорингер под названием «степной цветок» вместе с другими проектами вырезания из бумаги были объявлены ООН представителями «Перечня всемирного нематериального культурного наследия» [6]. Народное искусство вырезания из бумаги уезда Хорингер во Внутренней Монголии отличается наиболее типичными и характерными культурными реликвиями среди искусств вырезания из бумаги на севере Китая. В процессе передачи из поколения в поколение формы его выражения вобрала в себя от эстетической сути гравюры и декоративной живописи все наиболее характерное. Также мастерски заимствовали черты художественной экспрессии, плоскую композицию и другие положительные факторы из традиций китайского народного искусства вырезания из бумаги. Кроме того, данному виду искусства удалось тесно соединить в себе материалы различных эпох: обогатить древнее искусство вырезания из бумаги современной свежестью и яркостью. В результате непрерывной преемственности и нововведений хорингерское вырезание из бумаги постепенно превратилось в новый отдельный вид искусства, которое идет в ногу со временем и полно художественной силы. Инновации – это источник культурного развития и жизненной силы культуры.

В ноябре 2014 года в четвертую партию общекитайского «Перечня нематериального культурного наследия государственного значения» был включен монгольский национальный костюм [7], который обладает ярко выраженными чертами степного стиля и занимает важное место в обычаях монгольского народа. Главным элементом костюма является длинный халат, удобный для верховой езды. Зимняя одежда в скотоводческих районах изготавливается в основном из гладкой кожи, иногда с шелковой и хлопковой лицевой стороной.

Летняя одежда производится из самых разнообразных тканей. Халаты просторные, с длинными рукавами, в основном красного, желтого и темно-синего цветов. Подол и мужских, и женских халатов не имеет разреза. Пояса изготавливаются из красного и зеленого шелка. Национальный костюм не только правдиво документирует монгольскую мудрость и историю, но и наглядно демонстрирует эстетические устремления монгольского народа.

Нематериальное культурное наследие – это бестелесное, неосязаемое культурное наследие человечества, это древнейшие и в то же время самые живые культурно-исторические традиции, это важнейший ресурс и арсенал силы государства и национальной культуры, а также органичная часть и существенная характеристика национального духа, национальных чувств, национальной истории, национального характера и национального единства. Нематериальное культурное наследие Внутренней Монголии обладает яркой спецификой, местным колоритом и большим разнообразием. В данной статье были описаны лишь наиболее характерные примеры. В них переданы яркие, полные жизни художественные образы, отточенность мастерства, а также прекрасные, трогательные страницы искусства. Они представляют собой накопления интеллектуальной и художественной реализации всех этнических групп и имеют высокую художественно-эстетическую и исследовательскую ценность, а также высокую ценность в области заимствования и использования творческого опыта. Это наследие бесценно и при этом неосязаемо и невозобновляемо. Понимание художественной ценности нематериального культурного наследия данного региона не только способствует развитию и возрождению искусства Внутренней Монголии и китайской национальной культуры в целом, но также имеет позитивное значение для повышения осведомленности населения об охране нематериального культурного наследия и обеспечения его постоянной преемственности и развития.

Литература

1. 88 новых проектов нематериального культурного наследия во Внутренней Монголии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinanews.com/cul/2018/05-29/8525506.shtml/>. – Дата доступа: 29.05.2018.
2. 王文章. 非物质文化遗产概论[M]. 北京: 教育科学出版社, 2008, С. 56. (Ван Вэньчан. Обзор нематериального культурного наследия / Ван Вэньчан. – Пекин: Наука и образование, 2008. – 56 с.)

3. 王文章.非物质文化遗产概论[M].北京: 教育科学出版社, 2008, С. 56. (Ван Вэньчжан. Обзор нематериального культурного наследия / Ван Вэньчжан. – Пекин: Издательство «Наука и образование», 2008. – 118 с.)
4. 鲍展斌.历史文化遗产之功能和价值探析 [J].绍兴文理学院学报, 2002(03). С. 18–21. (Бао Чжанбинь. Анализ функций и ценностей историко-культурного наследия / Бао Чжанбинь // Научный вестник Шаосинской Академии искусств и наук. – 2012. – № 3. – С. 18–21).
5. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/test/2006-05/23/content_288352.htm/. – Дата доступа: 23.05.2006.
6. «Список наследия» ЮНЕСКО: введение в избранные проекты Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinafolklore.org/forum/redirect.php?fid=230&tid=9091&goto=nextoldset/>. – Дата доступа: 11.10.2009.
7. Государственный совет об издании четвертой партии национального уровня уведомления о списке представительных проектов нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-12/03/content_9286.htm/. – Дата доступа: 03.12.2014.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. А. Телюк

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
tsialiuk@bsu.by

В статье рассматривается роль культуры безопасности жизнедеятельности в структуре общей культуры человека и проблемы ее формирования в системе высшего образования.

Ключевые слова: культура безопасности жизнедеятельности, личная, общественная, национальная безопасность.

PROBLEM ASPECTS OF THE FORMATION OF LIFE SAFETY CULTURE

N. A. Tsialiuk

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: tsialiuk@bsu.by

The article discusses the place and role of the culture of life safety in the structure of the general culture of a person and the problems of its formation in the system of higher education.

Key words: life safety culture, personal, public, national security.

Культура – это комплекс материальных и духовных ценностей, созданных человечеством за всю историю его существования. Если исходить из этого самого общего определения культуры, под материальными ценностями следует понимать достижения техносферы, изобразительного искусства, ремесел. Под духовными ценностями понимается комплекс психологических и моральных качеств, лежащих в основе коммуникации членов общества с естественным и искусственным миром, окружающим человека.

Культура – образование комплексное, многоэлементное. По сути, любой грани взаимодействия человека с миром соответствует своя культура: отношение человека к биосфере определяет экологическая культура, ведущей в области коммуникации людей является культура общения, на уровне национальной общности важное значение имеет национальная культура, в век постиндустриального общества не обойтись без информационной культуры и т. д.

Какая составляющая культуры является основополагающей? Без постижения какой культуры все другие ее составляющие теряют смысл? Безусловно, это культура безопасности жизнедеятельности и в первую очередь культура личной безопасности человека. Без постижения этой культуры любая деятельность человека сопряжена с высоким уровнем риска травмирования и потери здоровья, потому что жизнь человека сопряжена с самыми разными опасностями. «...Жизнь “без опасностей” является некорректной идеализацией, а термин “безопасность” следует понимать как систему мер по защите от опасностей, как возможность управления опасностями, умение предупреждать и предотвращать опасные ситуации» [1]. Именно культура, и в первую очередь, культура безопасности, способна обеспечить согласование интересов человека и техносферы, человека и природы.

«Содержание понятия “безопасность” характеризует способность объекта к сохранению целостности, стабильности, способности к эффективному функционированию и устойчивому развитию,

а на их основе – возможность надежной защиты всех ее элементов (подсистем, сфер, объектов) от любых деструктивных внутренних и внешних действий. По объекту обеспечения безопасности выделяют системную, общественную и личную безопасность» [2]. Культура безопасности личности – это совокупность норм, взглядов и установок, характеризующих отношение индивида к природе, личной, общественной и национальной безопасности.

Целью данной работы является анализ проблем, связанных с формированием культуры безопасности жизнедеятельности у студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений.

Безопасность личности является необходимым условием безопасности общества и государства. Поэтому, согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, она считается приоритетной стратегией в сфере безопасности жизнедеятельности: «...именно человек определяет состояние национальной, общественной и личной безопасности, а ценность безопасности находится в ряду общечеловеческих ценностей, таких как добро, истина, красота, поскольку имеет значение для многих поколений людей, несмотря на то, что в разные эпохи ее содержание и значение понимались по-разному. Именно безопасность создает оптимальные условия для поддержки гармоничного состояния бытия и устойчивого развития общества. Личную безопасность можно рассматривать как состояние благополучного самочувствия людей, которое порождается уверенностью (интуитивной или той, которая базируется на достоверных знаниях) в том, что никаких угроз нет или что для их нейтрализации есть адекватные средства» [2].

Вопросу формирования культуры безопасности жизнедеятельности уделяется значительное внимание со стороны системы образования. Так, согласно инструктивно-методическому письму Министерства образования Республики Беларусь «О преподавании “Основ безопасности жизнедеятельности” в 2015/2016 учебном году» «обязательное изучение всеми учащимися «Основ безопасности жизнедеятельности» (далее – ОБЖ) осуществляется в следующем объеме учебных часов в год по классам:

№	Раздел	Класс								Всего часов
		II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	
1	Правила дорожного движения	7	7	7	10	10	10	10	10	71
2	Правила пожарной безопасности	7	7	7	10	10	10	10	10	71
3	Защита населения от чрезвычайных обстоятельств	-	-	-	8	8	8	10	10	44
4	Охрана жизни и здоровья	2	2	2	7	7	7	5	5	37
Всего		16	16	16	35	35	35	35	35	223

В учреждениях общего среднего образования, расположенных на территории радиационного загрязнения, проводятся занятия по радиационной безопасности в следующем объеме: в I–IV классах – по 4 занятия, в V–IX классах – по 8 занятий.

Несмотря на то, что изучению, например, основ правил пожарной безопасности в школе отводится 71 час, на первом курсе вуза многие студенты затрудняются назвать поражающие факторы пожара. На изучение темы радиационной безопасности в школе отводится в общей сложности 56 часов, но большинство студентов-первокурсников не имеют представления об ионизирующих излучениях и о механизмах их действия на организм. Вероятно, это обусловлено тем, что основы радиационной безопасности изучаются только в школах, расположенных на территории радиационного загрязнения. Вместе с тем в связи с миграцией радионуклидов в окружающей среде практически всю территорию Республики Беларусь можно считать пострадиационной, а выпускники высших учебных заведений, в том числе и гуманитарного профиля, могут работать на всей территории республики. Вышеозначенное приводит к необходимости уделять значительное время в вузе на изучение тех областей обеспечения безопасности жизнедеятельности, на которые и в школе отводится значительное время. Это создает у студентов иллюзию повторения школьного материала в вузе.

Во многих школах курс «Основы безопасности жизнедеятельности» рассматривается как факультативный, по данному предмету

ту не предусмотрено выполнение домашних заданий, что формирует представление о его меньшей значимости в сравнении с другими изучаемыми предметами.

В вузе на изучение основ безопасности жизнедеятельности отводится 68 аудиторных часов в семестр, при этом тематика курса значительно расширена по сравнению со школьной. Она включает основы экологической безопасности, основы энергосбережения, охрану труда и элементы производственной санитарии, защиту от действия электромагнитных полей и электрического тока. Последнее обуславливает значительную интенсификацию и увеличение информационной нагрузки на студента, формирует у него неоправданное представление о завышении требований преподавателя.

Согласно типовой учебной программе по «Безопасности жизнедеятельности человека» для учреждений высшего образования, одной из важнейших академических компетенций, предъявляемых к выпускникам, является необходимость владеть междисциплинарным подходом при решении задач безопасности (АК-4), а также уметь использовать в практической деятельности новые знания и умения, в том числе в новых областях знаний, непосредственно не связанных со сферой профессиональной деятельности (ПК-6). В то же время в связи с переходом на четырехлетний срок получения высшего образования из образовательных стандартов большинства гуманитарных специальностей исключены такие курсы как «Основы современного естествознания» и «Основы экологии», которые позволяли системе высшего образования развить у студента определенные компетенции. К сожалению, приходится констатировать, что школьные курсы физики, химии, биологии не сформировали у выпускников, поступающих на гуманитарные специальности, системных представлений об окружающем мире, о принципах взаимосвязи и взаимозависимости в нем, об ответственности человека за состояние биосферы и техносферы. А без понимания этих принципов человек, как нам кажется, не может понять свое место и свою роль ни в природной, ни в социальной, ни в технической средах.

На естественных факультетах студенты в цикле предметов специальных дисциплин изучают и постигают эти принципы, знакомятся с ограниченным объемом предметов цикла социально-гуманитарных дисциплин. В образовательных стандартах гуманитарных специальностей предметы цикла естественнонаучных дисциплин

полностью отсутствуют. Такая ситуация ведет к углублению разрыва между естественнонаучной и гуманитарной культурами, вредит «целостному развитию культуры как таковой с учетом всех ее составляющих: науки, искусства в широком понимании (включая технологии и профессиональную инфраструктуру обеспечения жизнедеятельности), различные типы мировоззрения» [3]. К сожалению, феномен «двух культур» сохраняет свои представления и в XXI веке, несмотря на предупреждения об его опасности виднейшими учеными и общественными деятелями («Природа и греки» Эдгара Шредингера, курс публичных лекций Чарльза Сноу и др.), а система существующего высшего образования фактически не препятствует этому негативному явлению, а усугубляет его. Вероятно, предполагается, что студент самостоятельно может развивать эти компетенции, и он обязательно к этому придет, но, к сожалению, не в вузе и не в ближайший период после его окончания.

Полагаем, что существует потребность в изменении такой ситуации в преддверии разработки новых образовательных стандартов. Существует насущная потребность возврата в учебный процесс таких дисциплин, как «Основы современного естествознания», «Социальная экология» или «Философские основания современной науки», хотя бы в виде спецкурсов на 3–4 году обучения.

Еще одной насущной проблемой в формировании культуры безопасности жизнедеятельности является необходимость создания и расширения приборной и предметной базы для проведения практических занятий по дисциплине «Безопасность жизнедеятельности человека». Приходится с сожалением констатировать, что такая база практически отсутствует на гуманитарных факультетах БГУ.

Таким образом, одной из основных проблем формирования культуры безопасности жизнедеятельности является низкая социальная и психологическая значимость данного учебного курса как в школе, так и в вузе. Современные образовательные стандарты не учитывают насущную потребность в создании условий для сокращения существующего и углубляющегося разрыва между естественнонаучной и гуманитарной культурами и обеспечения целостности культуры для дальнейшего развития науки и практики. Недостаточная обеспеченность материальной базы гуманитарных факультетов является препятствием в постижении студентами культуры личной и общественной безопасности.

Литература

1. Гребенникова, Е.В. Современные аспекты культуры безопасности жизнедеятельности [Электронный ресурс] / Е.В. Гребенникова, А.А. Айол // Педагогика высшей школы. – 2016. – №3.1. – С. 56–58. – Режим доступа: <https://moluch.ru/th/3/archive/43/1452/>. – Дата доступа: 22.03.2019.
2. Жук, А.И. Место и роль образования в обеспечении процессов устойчивого развития [Электронный ресурс] / А.И. Жук. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/5100/1/%D0%9A%D0%B0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2.%20%D0%BE%D0%B1%D1%80>. – Дата доступа: 22.03.2019.
3. Лукьянец, В.Г. Интеграционные тенденции в развитии естественных и гуманитарных наук / В.Г. Лукьянец. – Минск: РИВШ, 2006. – 68 с.

ОСНОВНЫЕ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «СИМВОЛИКА ОГНЯ»

Е. И. Наймушина

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108,
Минск, Республика Беларусь
e-mail: K2465790@yandex.ru

В статье рассматриваются теоретико-методологические аспекты понятия «символика огня», показаны его основные дефиниции, раскрывается его многогранность во взаимодействии с внутренними и внешними культурно-историческими факторами. Характеризуется становление и динамика процесса символизации огня в культурном пространстве.

Ключевые слова: огонь, символ, культурная символика, духовная культура, культ огня.

BASIC DEFINITIONS OF THE CONCEPT “SYMBOLISM OF FIRE”

E. Naimushina

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: K2465790@yandex.ru

The article discusses the theoretical and methodological aspects of the problem of “symbolism of fire”. The basic definitions of this concept are shown, its versatility in interaction with internal and external cultural

and historical factors is revealed. The formation and dynamics of the process of symbolization of fire in the cultural space is characterized.

Key words: fire, symbol, cultural symbolism, spiritual culture, cult of fire.

Огонь является одним из наиболее значимых культурных символов, выполняющих функцию первоэлемента мироздания. Символика огня, которая на протяжении тысячелетий обогащалась новыми смыслами, сегодня воспринимается во всем богатстве и многообразии своего внутреннего содержания, пронизанного магическим потенциалом.

Применение огня является одним из элементов адаптации человека к окружающей среде. В процессе культурогенеза формировались и улучшались способы его использования, огонь стал неотъемлемой частью культуры. Употребление огня на самых ранних этапах создания и развития культуры значительно повлияло на антропогенез. Сформированные в процессе освоения мира знания закреплялись в наиболее функциональных явлениях, придавая им высокую семиотическую ценность. Использование огня на протяжении всей истории человечества включает его в круг наиболее архаичных символов.

В результате развития культуры огонь приобретает не только бытовую значимость, но и ценность в духовной сфере. Огонь находится рядом с человеком на протяжении всего его существования. Становление культуры и развитие архаического сознания нашли отражение в многообразии интерпретаций наиболее древних знаков, которые являются универсальными. Изучение первичных образов, с помощью которых человек сохраняет и репрезентирует полученное знание, включает огонь в круг наиболее архаичных и наполненных смыслом символов.

Масштаб и порядок использования огня выводит его на уровень ментальных образований, воплощающих семантический образ и задающих модель, принцип решения семиотических задач. Использование символики огня для описания картины мира фиксируется в мифологии. Универсальные смыслы архаичных символов, сформированные в процессе смыслогенеза, создают семиотическую модель, которая наследуется в культуре и определяет их восприятие. Укорененная в сознании модель активно взаимодействует с совре-

менным культурным опытом, в процессе которого создаются новые смыслы и образцы поведения. Изучение универсальной модели огня дает возможность для интерпретации его символики, проявленной в литературе, изобразительном искусстве, кино, в современных традициях его использования.

С общеисторической точки зрения, огонь – это форма опосредствования человеческих отношений, их взаимоотношения и взаимотталкивания, форма размежевания трудовой деятельности женщин и мужчин, сплочения родовых групп, затем семьи. Родовые и семейные группы ограничивали себя строгими правилами несмешивания огня. Огонь замыкал собой кольцо родственников и членов семьи. Высокая практическая значимость огня в культуре включила его в сферу идеологических представлений. Восстановить роль огня в духовной жизни можно по более поздним ритуалам и обрядам, отражающим представления и культы. В специальных действиях и запретах выявляется ценностный статус огня в культуре. Половина имущественных запретов народов Евразии упоминает о запрете передачи огня в другую семью, род. Иногда не только огонь отмечается как объект имущественных запретов. Они распространялись и на вещи, семантически связанные с огнем: угли, пепел, золу, бытовые предметы. Культы огня (возведенные в ранг всеобщего религиозного поклонения) были распространены более широко, чем нам представляется сейчас, возможно, в силу того, что тяга к огню изначально генетически заложена в сознании человека.

Огонь, как один из архаичных компонентов культуры, включен в универсальный код и является в сознании человека феноменом, посредством которого происходит познание мира. Сумев подчинить огонь и приспособить его к своим нуждам, человек приобрел главное, возможно, единственное превосходство над прочим животным миром.

Структура символики огня является очень многоплановой и часто состоит из элементов, взаимоисключающих друг друга. Так, например, **огонь достаточно могущественная стихия, но в то же время достаточно уязвимая**. Имея дело с Водой или Воздухом, неконтролируемый Огонь, являющийся одним из наиболее опасных явлений, гибнет при участии большого количества Воды и при отсутствии участия Воздуха.

Особенный интерес представляет сочетание огня с другими стихиями. Огонь живет смертью Земли, важным элементом здесь яв-

ляется пепел, который не менее символичен, чем сам Огонь. Выражение «посыпать голову пеплом», означающее безутешное горе, отражает невозможность возврата пепла в первоначальную структуру объекта до его контакта с Огнем. В то же время смертью Огня живет Воздух, т. е. Огонь живет за счет того, что уничтожает материальные предметы, которые являются олицетворением стихии Земли. А вот за счет Огня живет Воздух, ведь именно за счет Воздуха усиливается Огонь, без существования Воздуха Огонь существовать не будет. Как только Воздух решит оставить пламя, оно тут же угаснет без него. Поэтому Воздух можно считать контролирующим Огонь элементом. Вода, являясь противоположной Огню стихией, способна либо полностью уничтожить его (если ее сила выше силы Огня), либо, наоборот, погибнуть от него (когда сила Огня больше).

Огонь и Вода являются двумя великими, активной и пассивной, стихиями Вселенной, которые находятся в постоянном конфликте, но в то же время в виде жара и влаги они необходимы для всякой жизни.

Сила огня может быть «положительной» и «отрицательной». Есть огонь в печи, который согревает дом и является помощником человека в приготовлении пищи, а есть пламя пожара, которое несет в себе разрушение и уничтожение всего на своем пути. Огонь может согреть и в то же самое время уничтожить все дотла. Главной составляющей огня является пламя, которое тоже условно можно разделить на свет и жар, они, в свою очередь, несут в себе глубокие символические черты. Свет символично отвечает за интеллект, эмоции, жар – за тепло, уют и благополучие.

Пламя и свет обнаруживают связь в определенных важных моментах. В своем исследовании «Психоанализ огня» французский искусствовед и философ Г. Башляр отмечает: «Пламя символизирует трансцендирование как таковое, в то время как свет обозначает его воздействие на окружающую среду» [2, с. 62].

Огонь – символ жизни и любви, но в то же время страданий и смерти. Эту двойственность обычные люди могли не воспринимать в таких сложных терминах, но оба этих образа присутствовали глубоко в их сознании. Огонь был прежде всего угрозой пожара, вызванного молнией, лавой или кознями маленьких «духов огня».

Но пугающий огонь мог быть и благодеянием. Прежде всего потому, что он горел в очаге, варил в котле, освещал закоулки общего

зала. В замке или монастыре его бережно сохраняли в специальном помещении, предназначенном для детей или больных, для очищения желудков или массажа. В хижине золу с раскаленными угольками хранили так долго, сколько могли. Это он вдыхал жизнь в гончарную печь, кузнечный горн, ювелирную мастерскую.

Важным примером, выступающим уже результатом укоренения на ментальном уровне людей двойственности символики огня, является идея об Адском и Небесном огне. Адский огонь вырвался из преисподней в день грехопадения и таким образом обосновался на земле (общеизвестный огонь, который мы используем в быту, как раз и относится к этому виду). Но кроме этого огня существует и другой вид – Небесный огонь. Этим огнем сжигались жертвы при жертвоприношениях богам, а также производилось очищение.

Огонь считается одушевленной, живой силой: он движется, сжигая все живое на своем пути, питается и растет, превращаясь в гигантское пламя. При кремации огонь выступает элементом, обладающим способностью отделить тело человека от его души. Будучи красного цвета, он сравнивается с человеческой кровью, а тепло огня сходно с теплом человеческого тела. По своему происхождению огонь может быть как небесным, так и земным: он сходит на землю в виде молнии и в то же время «живет» в вулканах под землей.

Считалось, что огонь выступает посредником между рождающимися и исчезающими формами. Разжигание огня равносильно рождению, воскресению, а тушение огня – смерти. Он является символом преобразования и перерождения. Раскрывается духовное содержание огня в мифологии и фольклоре: его называют «живым». Русский исследователь-фольклорист А. Н. Афанасьев обратил внимание на специфику интерпретации огненной символики в народной культуре: «Народ дает огню эпитет “живой” и видит в нем, как ясно свидетельствуют различные предания, существо вечно голодное и всепожирающее» [1, с. 79].

В каждую культурную эпоху огонь выступал и продолжает выступать связующим и трансформирующим началом, занимая достойное место среди прочих символов. В большинстве культур он выступает символом торжества света и жизни над мраком и смертью. Во многих культурах священный огонь – это источник силы и власти, символизирующий ее честь и достоинство. Также он является символом религиозного горения. Так, пламенное сердце в руке

является атрибутом святого Антония Падуанского, а язык пламени на лбу у каждого апостола символизирует сошествие Святого Духа. Важным является то, что в христианстве огонь является не только священным, но и адским. Двойственная природа огня является его главной чертой и пронизывает все этапы формирования символики огня. Огонь одновременно является и символом созидания, и символом разрушения.

Таким образом, зарождение и становление символики огня прошло долгий историко-культурный путь. Зародившееся в древности первичное представление об огне как о безудержной силе, которую сложно, но возможно направить во благо людей и без которой невозможно все человеческое существование, сформировало двойственную природу символики огня. С одной стороны, это сила, разрушающая все на своем пути, с другой стороны – элемент, который выполнял ведущие социальные роли в жизни первобытных людей. С течением времени символика огня пополнялась дополнительными смыслами, впитывала в себя главенствующие тенденции той эпохи, в которой она функционировала, в таком виде она дошла до наших дней, вобрав в себя всю глубину своих смысловых интерпретаций.

Литература

1. Афанасьев, А.Н. Древо жизни / А.Н Афанасьев. – М.: Современник, 1983. – 464 с.
2. Башляр, Г. Психоанализ огня / Г. Башляр. – М.: Прогресс, 1993. – 176 с.
3. Голан, А. Миф и символ / А. Голан; 2-е изд. – М.: Руслит; Иерусалим: Тарбут, 1994. – 371 с.
4. Дробижева, Л.М. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / Л.М. Дробижева. – М.: Институт этнологии и антропологии Российской Академии Наук, 1994. – 236 с.
5. Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
6. Кассирер, Э. Философия символических форм: в 3 т. / Э.Кассирер; пер. с нем. С.А. Ромашко. – М.: Университетская книга, 2002. – Т. 2. – 280 с.
7. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис. Семиотика: антология / изд. 2-е, перераб. и доп. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97.
8. Рикер, П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: Медиум, 1995. – 415 с.

**МАТЕМАТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ**

В. А. Прокашева, Н. А. Телюк

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
tsialiuk@bsu.by

В статье рассматривается роль и место математики при изучении курса безопасности жизнедеятельности человека и использование задач безопасности при преподавании математики в системе высшего образования.

Ключевые слова: математика, безопасность, риск, системный подход.

**MATHEMATICS AND SAFETY OF LIFE AS AN ACADEMIC
SUBJECT: INTERDISCIPLINARY ASPECT**

V. A. Prokashava, N. A. Tsialiuk

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: tsialiuk@bsu.by

The article discusses the role and place of mathematics in the study of human life safety and the use of safety problems in teaching mathematics in the higher education system.

Key words: mathematics, safety, risk, systematic approach.

Часто девизом математики в любой сфере считают слова известного русского ученого Д. И. Менделеева: «Математика начинается там, где начинают считать». В качестве девиза безопасности жизнедеятельности можно привести слова выдающегося русского писателя А. П. Чехова: «Солнце не всходит два раза в день, а жизнь не дается дважды...»

Безопасность жизнедеятельности человека – основа развития общества и цивилизации в целом. По сути, все величайшие достижения человечества так или иначе направлены на улучшение и защиту жизни человека, не считая, разумеется, разработки оружия, хотя и винтовку можно рассматривать двояко: в руках, например, охотника – это не приспособление для уничтожения себе подобных, а средство добычи пропитания.

Безопасность жизнедеятельности связана со всем комплексом существующей науки, так как опасности, окружающие человека, имеют самую разную природу. Понимание механизмов их действия на организм и возникновения условий для их реализации, разработка соответствующих средств защиты требуют использования достижений и методологий самых разных наук.

А какова связь математики и безопасности жизнедеятельности? И существуют ли подходы к объединению этих двух предметов в системе высшего образования?

Целью настоящей работы является анализ роли различных направлений математики в обеспечении безопасности жизнедеятельности и поиск путей интегрированных форм обучения по данным дисциплинам.

Безопасность жизнедеятельности человека – это интегрированная дисциплина гуманитарно-технического направления. Она является методологической основой таких учебных дисциплин, как «Охрана труда», «Защита населения и окружающей среды», «Гражданская оборона» и др., которые изучают конкретные опасности и методы защиты от них. Безопасность жизнедеятельности – это состояние окружающей среды, при котором с определенной вероятностью исключено причинение вреда существованию человека.

Поскольку математика наряду с такими дисциплинами, как логика, философия, кибернетика, синергетика и др. может быть отнесена к областям знания, выполняющим интегрирующие функции по отношению ко всем существующим разделам современной науки, и может выступать в роли методологической основы научного познания вообще, положительный ответ на поставленный выше вопрос не вызывает сомнения. Особенно сильна ее связь с циклом естественнонаучного и технического знания. «Книга природы написана на языке математики», – утверждал Г. Галилей. «В каждом знании столько истины, сколько есть математики», – вторил ему И. Кант.

Опасности мира, окружающего человека, присутствуют в потенциальном, реальном и реализованном виде. Потенциальная опасность существует вне привязки к определенной точке пространства и времени. При переходе опасности из потенциального состояния в реальное возникает угроза объекту, положение которого совпало с конкретной координатой пространства, где в данный момент скла-

дывается комплекс условий, при котором начинают действовать поражающие факторы – возникают аварии, катастрофы, стихийные бедствия, они и представляют собой реализованную опасность. Для упреждения данного перехода опасности из потенциального состояния в реальное и реализованное очень важно рассчитать риск развития этого процесса. Расчет риска требует различных подходов, так как необходим учет конкретных ситуаций.

Наиболее часто риск (R) определяется как отношение количества событий с нежелательными последствиями (n) к максимально возможному их количеству (N) за конкретный период времени:

$$R = n/N.$$

Эта формула позволяет рассчитать размеры общего и группового риска. При расчете риска возникновения летальных исходов при реализации опасности применяют другое соотношение:

$$R = P_n N^m,$$

где m положительное число, зависящее от конкретных условий; P_n – вероятность числа летальных исходов; N – число летальных исходов.

Риск возникновения чрезвычайных ситуаций (ЧС) может быть представлен различными функциями:

$$R = F(P_1 P_{12} C),$$

где F – оператор функции; P₁ – вероятность возникновения ЧС; P₁₂ – вероятность возникновения неблагоприятных последствий ЧС; C – вероятность внешних по отношению к ЧС факторов.

При расчете рисков, связанных с разрушением техники, используют формулу:

$$R = UP,$$

где P – вероятность ЧС; U – размер последствий ЧС.

Если любому i-событию, происходящему с вероятностью P_i, поставлен в соответствие ущерб U_i, то риск рассчитывают как ущерб:

$$R = U^* = \sum_{i=1}^n P_i U_i.$$

Таким образом, одной из важнейших задач в безопасности жизнедеятельности является поиск соответствующих математических формул для расчета риска в различных условиях природной и техногенной среды. Часто довольно сложную математическую задачу

представляет расчет приемлемого риска, так как приемлемый риск объединяет технические, экономические, социальные и политические аспекты и является определенным компромиссом между уровнем безопасности и возможностями его достижения. Размер приемлемого риска можно определить, используя затратный механизм бюджета, который позволяет распределить затраты общества на достижение заданного уровня безопасности между природной, техногенной и социальной сферами.

Любой объект нашего мира является системой, и оценка его безопасности требует системного подхода. При этом широко используется математический аппарат теории вероятности, специальные логические операторы и различные элементы системного анализа безопасности эргостических систем (анализ дерева ошибок, анализ потоков и препятствий энергий, анализ причин поломок техники и др.).

Человеческий организм воспринимает многие опасности благодаря органам чувств, в основе работы которых лежит деятельность анализаторных систем, от вида и состояния которых зависит реакция организма, направленная на защиту. При расчетах защитных возможностей организма широко применяются наработки алгебры. Например, установлено, что для большинства анализаторных систем интенсивность ощущения пропорциональна десятичному логарифму интенсивности раздражения, а для болевого анализатора эта зависимость является прямо пропорциональной. Последнее имеет важное защитное значение, так как боль мобилизует защитные реакции организма.

Действие многих поражающих факторов подчиняется закону нормального распределения в пределах минимального и максимального порогов чувствительности организма к действию поражающих факторов. За пределами этих порогов реакция организма на действие фактора невозможна, так как организм перестает генерировать защитные механизмы. Поиск вида функции зависимости реакции организма от действия различных поражающих факторов и установление точек экстремумов этих функций – также математическая задача из области интегро-дифференциального исчисления.

Особое место занимает дифференциальное моделирование, так как при прогнозировании возможных чрезвычайных ситуаций следует учитывать допустимое время для принятия решений, следовательно, в составляемые модели необходимо вводить понятия ско-

рости, изменения и ускорения поведения изучаемой функции. Для вычисления данных параметров необходимо рассчитывать первую и вторую производные искомой функции.

С развитием компьютерной техники появилось еще одно направление использования математики в области безопасности жизнедеятельности. Мы имеем в виду компьютерное моделирование развития чрезвычайных ситуаций (развитие пожара, наводнения, зоны катастрофических разрушений при смерчах и ураганах и др.). При этом широко используется как реальное моделирование, так и идеальное (в виде символов и знаков). Идеальное моделирование может быть концептуальным, когда моделируемая система представляется в виде графиков, таблиц и др., и математическим, при котором система представляется как набор цифр (численное моделирование) или в виде формул (аналитическое моделирование). В целом модели могут быть самыми разными: дискретными и непрерывными, детерминированными и недетерминированными, точечными и пространственными, статическими и динамическими. Моделирование позволяет проводить различные расчеты, осуществлять инженерное проектирование, прогнозировать работу и поведение объекта защиты в условиях расчетного изменения параметров и факторов.

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением Н. В. Михайловой: «Специфика математического знания проявляется в том, что математические идеи оказывают огромное влияние не только на человеческое мышление в целом, но и на практическое мышление» [1]. Полученные на их основе умения думать, сформированные мыслительные операции способствуют формированию математической компетентности.

А с другой стороны, математика вне конкретных задач может казаться студенту скучной и сухой. Актуализация математического знания на основе разработки конкретных практических задач может стать возможностью повышения эффективности образовательного процесса. Полагаем, что безопасность жизнедеятельности, представляющая собой основу пирамиды всех жизненных ценностей человека, является удобным партнером актуализации математических задач. Составление задач, затрагивающих личную заинтересованность студента (касающихся личной безопасности и здоровья в различных жизненных ситуациях), позволит преподавателю отойти от шаблонных способов обучения, а студенту погрузиться и вникнуть в учебный материал.

«Успешное выполнение практико-ориентированных заданий может быть обеспечено только при ориентации учебного процесса на решение подобных задач. Умение решать практико-ориентированные задания будет способствовать повышению уровня математической компетентности» [2], следовательно, увеличивать качество профессиональной подготовки не только будущих специалистов в области безопасности жизнедеятельности, но и всех выпускников высших учебных заведений.

Литература

1. Михайлова, Н.В. Загадка «непостижимой эффективности математики» и математический платонизм / Н.В. Михайлова // Матэматыка: праблемы выкладання. – 2007. – № 1. – С. 12–18.
2. Усова, Л.Б. К вопросу об актуализации математических знаний в профессиональной подготовке будущего инженера безопасности жизнедеятельности [Электронный ресурс] / Л.Б. Усова // Теория и практика образования в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 375–378. – Режим доступа: URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/21/1686>. – Дата доступа: 22.03.2019.

POLIGLOSJA LITURGICZNA JAKO FENOMEN RELIGIJNO-JĘZYKOWO-KULTURALNEJ SPOŁECZNOŚCI “PAX SLAVIA GRAECO-LATINA”

D. V. Skivitski

Institucja Naukowa «Centrum badań białoruskiej kultury, język
i literatury przy Narodowej Akademii Nauk Białorusi»,
ul. Surganowa 1, blok 2, 220072, Mińsk, Republika Białorusi
e-mail: tarich25081982@yandex.by

В статье рассматривается проблема становления литургической полигlossии в богослужебной практике униатской Церкви в ареале «**PAX SLAVIA GRAECO-LATINA**» XVIII–XIX вв. Определяется межъязыковой баланс в религиозном функционировании униатской Церкви и влияние литургических языков на развитие национальных языков славян, особенно в сфере сакрум.

Ключевые слова: «**SLAVIA ORTODOXA**», «**SLAVIA ROMANA**», «**PAX SLAVIA GRAECO-LATINA**», литургия, религиозная практика.

**LITURGICAL MULTILINGUALISM AS A PHENOMENON
OF RELIGIOUS, LINGUISTIC AND CULTURAL COMMUNITY
“PAX SLAVIA GRAECO-LATINA”**

D. V. Skivitski

Scholarly Institution «Centre for Research on Belarusian Culture,
Language and Literature at the National Academy of Science of Belarus”,
Surganov st. 1, b. 2, 220072 Minsk, Republic of Belarus
e-mail: tarich25081982@yandex.by

The article considers the problem of formation of liturgical multilingualism in a worship service of the Ruthenian Uniate church in “**PAX SLAVIA GRAECO-LATINA**” area in the 18th – 19th century. The interlanguage balance in a liturgical practice of the Ruthenian Uniate church is determined, as well as the influence of the liturgical languages on the development of national Slavic languages, especially in a sacrum sphere.

Key words: “**SLAVIA ORTODOXA**”, “**SLAVIA ROMANA**”, “**PAX SLAVIA GRAECO-LATINA**”, the Ruthenian Uniate church, liturgy, religious practice.

Na początku lat 60. XX wieku włoski sławista Riccardo Picchio wprowadził do obiegu naukowego nowe określenia: “**SLAVIA ORTODOXA**” oraz “**SLAVIA ROMANA**” stosowane do opisu wspólnych rozwojowych cech kulturalno-historycznych Słowian w epoce średniowiecza [6, c. 3]. Te określenia otrzymały uznanie w środowisku naukowców. Riccardo Picchio używał tych definicji w odniesieniu do rozwoju literatur narodów słowiańskich w przeszłości i nie należał na absolutną słuszność tych określeń. Następnie tezę o istnieniu dwóch słowiańskich obszarów cywilizacyjno-kulturowych przejął sławista radziecki – Nikita Illicz Tołstoj, który rozciągnął wyżej wymienione określenia również na kształtowanie się języków literackich i narodowych obszarów “**SLAVIA ORTODOXA**” i “**SLAVIA ROMANA**” [7, c. 26]. Rozważając istnienie w średniowieczu i czasach nowożytnych tych dwóch słowiańskich obszarów cywilizacyjnych w sposób nieco głębszy, można stwierdzić, że poza uwagą badaczy pozostały pewne tereny o charakterze przejściowym co do rozwoju religii, języka i kultury wśród Słowian, czyli obszar “**SLAVIA GRAECO-LATINA**”.

Przy końcu XVI wieku – w 1596 roku została zawarta unia religijna. Wydarzyło się to na terenie Rzeczy Pospolitej. W Królestwie Węgier unia została zawarta w 1646 roku [5, c. 27]. Część hierarchów prawosławnych postanowiła podjąć się tego kroku politycznego. Można stwierdzać, że nawet w dniu dzisiejszym da się zaobserwować jego konsekwencje. Kościół

Unicki, w nieco zmienionym kształcie, ciągle kontynuuje własną egzystencję w Europie Środkowo-Wschodniej.

Już na początku XVIII wieku Cerkiew Unicka pozostawała suwerennym organizmem organizacyjnym na pograniczu trzech wielkich kultur: łacińskiej, bizantyjskiej i muzułmańskiej. Ta sytuacja religijno-językowo-kulturalna była obecna między tymi prądami cywilizacyjnymi. Nowopowstała społeczność reprezentowała specyfikę tranzytową [9, c. 79]. Społeczność umownie nazywana **“SLAVIA GRAECO-LATINA”**, t.j. obszar geograficzny, zamieszkiwany przeważnie przez ludność słowiańską o podobnych cechach religijnych, kulturalnych oraz językowych, zaczęła się kształtować pod koniec XVII wieku. Liczba wiernych Kościoła Unickiego na terytorium Korony i Wielkiego Księstwa Litewskiego wynosiła pod koniec XVIII wieku ponad 4 miliony osób, zamieszkujących powyżej 10000 parafii w trzech arcybiskupstwach i sześciu biskupstwach [8, c. 7].

Jeżeli nalega się na istnienie **“PAX SLAVIA GRAECO-LATINA”**, to najgłówniejszą cechą wyodrębniającą ten obszar była wspólna religia i Kościół Unicki. W okresie od XVII do połowy XIX wieku większość ludności słowiańskiej w Europie Środkowo-Wschodniej identyfikowała się według własnej religii [13, c. 59]. Większość ludności **“PAX SLAVIA GRAECO-LATINA”** uznawała się za ludność słowiano-ruską albo też słowiańską, ze wspólną tradycją historyczną, wiarą, językiem liturgicznym – cerkiewno-słowiańskim, oraz wspólnymi cechami życia gospodarczego i wspólnym językiem narodowym [4, c. 34].

Język mówiony Unitów i język pisany w XVII wieku znajdowały się pod znaczącym wpływem religii. Kościół towarzyszył człowiekowi od urodzenia i do śmierci. Język nabożeństwa wpływał na rozwój języka mówionego i odwrotnie. Jeżeli język nabożeństwa transformował się pod wpływami zewnętrznymi, język mówiony też przeżywał te zmiany. Językiem dominującym w dziedzinie społeczno-kulturalno-religijnej w Rzeczypospolitej w XVII wieku był język polski. Już od XIV wieku języki narodowe w Wielkim Księstwie zaczęły odczuwać znaczne wpływy polszczyzny na różne aspekty własnej egzystencji. Co prawda, polonizacja odbywała się głównie wśród warstw oświeconych, arystokracji i szlachty średniej [14, c. 170]. Fenomen dyglosji polsko-ruskiej na Wschodzie Rzeczypospolitej w społeczeństwie był faktem oczywistym, ale wśród większości ludności wyznania unickiego język polski nie zdobył dużego uznania. Unicy pozostawali przeważnie chłopami i byli raczej monojęzyczni [13, c. 170]. Sytuację analogiczną można było obserwować i na Węgrzech [4, c. 18].

Wspólna wiara i język liturgiczny były w tym czasie zasobem konsolidacyjnym dla ludności wymienionego obszaru. Liturgia – tajemnica uniwersalna, zawierająca „narodowe” oraz regionalne cechy wyróżniające [3, c. 124]. Jeżeli na początku własnej egzystencji liturgia Kościoła Unickiego niczym się nie różniła od liturgii Kościoła Prawosławnego, to już od końca XVII wieku, gdy w 1695 roku został wydany w Klasztorze Bazylianów w Supraślu (rozpoczęto wydanie w Wilnie) nowy liturgikon unicki „ΛΕΙΤΟΥΡΓΙΚΟΗ”, nabożeństwa unickie zaczęły nabliżać się do tradycji łacińskiej [11, c. 58]. Liturgikon wydany został przy wsparciu finansowym księcia Karola Stanisława Radziwiłła, pod zwierzchnictwem Cypryana Żochowskiego metropolity kijowskiego i arcybiskupa płockiego unickiego nakładem ponad trzy tysiące egzemplarzy [3, c. 126].

Liturgikon unicki z lat 1693–1695 jest źródłem unikatowym dotychczas pozostającym wśród naukowców incognito [3, c. 124]. Badacze podejmowali pewne próby prowadzenia badań nad tekstem liturgikonu unickiego, lecz te próby nie miały charakteru systematycznego. Jest to źródło bardzo interesujące m. in. pod względem lingwistycznym [1, c. 168].

Wydany cyrylicą, pierwszy liturgikon unicki mieścił w sobie dużo informacji dla badaczy z dziedziny sławistyki, i przede wszystkim dla białorusistów. W tekście można znaleźć liczne cechy charakterystyczne dla narodowego języka starobiałoruskiego z XVII wieku [2, c. 261]. Korpus liturgicznych i paraliturgicznych tekstów unickich stanowi ciekawy obiekt dla badań naukowych, aczkolwiek istniejąca dotychczas sytuacja społeczno-polityczna nie sprzyjała prowadzeniu wszechstronnych i niezależnych badań nad tymi tekstami. Podstawą analizy są teksty unickie ze zbiorów Biblioteki Narodowej w Mińsku.

Po Soborze w Zamościu głębokich zmian doznała też praktyka liturgiczna Unitów [11, c. 277]. Jeżeli przed tym Soborem Kościół Unicki był bliższy w obrzędach liturgicznych Kościołowi Prawosławnemu, po Soborze praktyka religijna Unitów stała się już bliższa Kościołowi Katolickiemu. Nabożeństwa liturgiczne zezwolono prowadzić nie tylko w języku cerkiewnosłowiańskim, ale już po polsku i po łacinie [12, c. 4]. Kościół unicki prowadził szeroką działalność w zakresie szkolnictwa szerokich warstw społecznych [15, c. 359].

Na terenie zaboru rosyjskiego, nawet po ostatecznej kasacji Kościoła Unickiego, liturgiczne teksty unickie pozostawały w obiegu do początku XX wieku [3, c. 136]. Ale jeżeli skupimy się na analizie porównawczej cech językowych, w ujęciu diachronicznym, tekstów liturgicznych cerkiewno-

słowiańskich z XVII–XVIII wieków z terenów całej “PAX SLAVIA GRAECO-LATINA”, możemy dojść do wniosku, że wpływów na rozwój języków narodowych doznała głównie fonetyka i słownictwo i w mniejszym stopniu składnia języków narodowych Słowian.

Pod wpływem języków liturgicznych powstają nowe spółgłoski w językach narodowych, np. [g]: *мноГрафіа, Гвалтовне, Гды, Гарнецъ, фигура*; [f] *Шафоване, оферовати, трафиль, трефунок, инфамеса, фалшивый, строовати, фхндушь, февруарій*. Zachodzi substytucja nosówek [ɛ] [a] przez dwuznaki [он], [ен]: *вонтпливый, опентаный, окрентъ, охендозтво, бленкитный, бенкарт*. Obecność twardych dźwiękowych spółgłosek przedniojęzykowych przed głoskami wąskimi realizuje się na piśmie w sposób dwojaki, ale w wymowie występuje tylko jako głoska [y] (*созиданіе-созыданіе, гвоздика-гвоздыка, присланый-присланный, риза-рыза, Римский-Рымский, пелgrim-пелгрым, пати-на-патына, еретицкій-еретыцкій, крик-крык, стригаль-стрыгаль, визит-визыт, патриархъ-патрыархъ, инквизицыа-инквизыцыа, артикулъ-атыкулъ, прескрипцыа-пресрыпцыа*). Stosowanie cyrylickich liter *с-* i *ш-* uzyskuje stabilność na piśmie w pozycji inicjalnej w słowach zapożyczonych (*шпеный – спеный, Сатана – шатанъ, спиталь – шпиталь, скло – шкло*) (Tabela 1).

Tabela 1

Zjawiska fonetyczne

Zjawisko fonetyczne \ Źródło liturgiczne	Katechizm supraski 1722 roku	Katechizm poczajewski 1756 roku	Katechizm trnawski J. De Kamilisa 1698 roku
Substytucja nosówek [ɛ] [a] przez dwuznaki [он], [ен]	+	+	-
Powstanie zwartej tylnopodniebiennej spółgłoski [g]	+	+	+
Zachowanie spółgłoski [f] w słowach zapożyczonych	+	+	+
Twarde przedniojęzykowe spółgłoski przed głoskami wąskimi w realizacji na piśmie w sposób dwojaki, ale w wymowie występujące jako głoska [y]	+	+	+
Stosowanie cyrylickich liter <i>с-</i> i <i>ш-</i> na piśmie w pozycji inicjalnej w słowach zapożyczonych	+	+	+

Podsumowując wyżej wymienione cechy fonetyczne i graficzne da się stwierdzić, że od drugiej połowy XVII wieku te procesy w coraz większy sposób wpływały na rozwój języka tekstów liturgicznych Cerkwi Unickiej. Do początku XVIII wieku pisownia języka liturgicznego w "PAX SLAVIA GRAECO-LATINA" doznała dość znacznych zmian pod wpływami obcymi, przede wszystkim, pod wpływem języka łacińskiego, polskiego oraz węgierskiego, zarówno pisanego jak też mówionego. Wielka liczba zapożyczeń językowych nie pozwalała na szybką adaptację zapożyczeń do reguł gramatycznych ówczesnych języków narodowych. Umożliwiło to jednak intensywniejszy rozwój języków narodowych słowiańskich w przyszłości.

Fleksja języków obcych nie uzyskała szerszej popularności wśród użytkowników języków "prostych". Wpływy obcej fleksji, zgodnie z tekstami liturgicznym i paraliturgicznymi, ograniczone zostały do zapożyczeń łacińskich, które nie doznały pełnej adaptacji w językach niemieckim, polskim i węgierskim, co z kolei wpłynęło na język liturgiczny i mówiony Słowian.

Zachowanie bez zmian końcówek **-a**, **-um** w poszczególnych rzeczownikach pochodzenia łacińskiego w językach polskim i niemieckim spowodowało wystąpienie tego samego zjawiska w języku liturgicznym Unitów. Liczne przykłady można odnaleźć w tekstach liturgicznych: *Привилѣа, семинаріа, сакрамента, сѣбсидіѣмъхаритативѣмъ, семинарыѣмъ, плагіѣмъ, катедратикѣмъ, сакрѣм, сакра*. Zachowanie końcówki **-usz** w liczbie pojedynczej w rzeczownikach łacińskich zapożyczonych za pośrednictwem języka polskiego zaczęło przedostawać się do języka liturgicznego: *Юбилѣишѣ, фондуишѣ, новицыѣшѣ, нѣнцыѣшѣ*. Również da się odnotować tworzenie czasowników strony wzajemnej za pomocą niestabilnej partykuły akcentującej **са** zgodnie z regułami języków zachodniosłowiańskich: *Абысапытавъ, которыйсаволочать, самисаошѣкѣютъ, презѣоушисапроникали, вамсасповедала, жемсадаладотыкати, ежелисаневстыдалъ, повиннисавстримати, абысакелихъневывернѣвъ, нехайсастараетъ, признаюса* (Tabela 2).

Po dokonaniu analizy wpływów fleksji obcej na język liturgiczny można stwierdzić, że nie były te wpływy na tyle wyraźne, jak to było w wypadku fonetyki. Tłumaczy to się tym, że ze wszystkich systemów językowych właśnie fleksja jest najmniej narażona na wpływy obce.

Zjawiska fleksyjne

Zjawiska fleksyjne \ Źródło liturgiczne	Katechizm supراسki 1722 roku	Katechizm poczajewski 1756 roku	Katechizm trnawski J. De Kamilisa 1698 roku
Zachowanie końcówek -um w liczbie pojedynczej i -a w liczbie mnogiej rzeczowników łacińskich	+	+	+
Zachowanie końcówki -usz w liczbie pojedynczej rzeczowników łacińskich zapożyczonych za pośrednictwem języka polskiego	+	+	+
Tworzenie czasowników strony wzajemnej za pomocą niestabilnej partykuły akcentującej ca zgodnie z regułami języków zachodniosłowiańskich	+	+	+

W procesie rozwoju słownictwa języka liturgicznego w XVIII–XIX wieku znaczącą rolę odgrywały zapożyczenia obce. Były niezbędne do nominacji nowych pojęć religijnych. Największą liczbę zapożyczeń stanowiły rzeczowniki [1, c. 169]. W sferze sakrum od XIV do końca XVIII wieku dużą część stanowiły germanizmy, łacinizmy oraz polonizmy. Pod względem liczebności słownictwa, leksykon religijny jest jednym z najbardziej rozbudowanych w słowiańskich językach narodowych XVIII wieku. Do początków XVIII wieku Kościół Unicki jeszcze nie zdążył stworzyć własnej terminologii sakralnej.

Podsumowując analizę fenomenu poliglosji liturgicznej wspólnoty **“PAX SLAVIA GRAECO-LATINA”** da się stwierdzić, że jeden z najbardziej znaczących wpływów na rozwój języka liturgicznego Unitów w XVIII–XIX wieków wywarły ówczesny język polski, oraz języki węgierski, cerkiewnosłowiański i łaciński. Przykłady takich to wpływów są związane z rozwojem fonetyki i słownictwa słowiańskich języków narodowych. Zmiany w słownictwie są tłumaczone otwartością słownictwa na włączanie nowych pojęć zwłaszcza w dziedzinie sakralnej. Głównymi cechami charakterystycznymi słownictwa religijnego Unitów były: powstanie dupleatów monosemantycznych pod wpływem języków obcych: *Служитель – каплан, крестъ – крижъ, литургия – набожен’ство, мъка – покъта, жалъ – скръха, споведъ – исповедъ, парохїа – парафіа, змъй – смокъ, церковь – костелъ, испытаніе – еѣзаменъ, монахъ – законникъ, жена –*

малжорка, искъшеніе – покусѧ. Zapożyczeń bezpośrednich dokonywano z łaciny, języków węgierskiego i polskiego: некло, чистецъ, фортеца, каплица, келихъ, аппаратъ, ланцугъ, коптъ, индулгенцыѧ, процессіѧ, ѡлмъжна, пыѧ, декретъ, кламца, скарбъ, діецезый, юристъ, блазнъ, катедра, презентацыѧ, презентъ, патентъ, отпуста, тестаментъ, трибугалъ, министеръ, кварта, жезнати.

Leksykon tekstów liturgicznych był głównym źródłem wzbogacania i urozmaicenia terminologii religijnej Kościoła Unickiego. Innymi źródłami były łacina i język polski, przede wszystkim jako źródła pierwotne, czyli jako pośrednik między językami zachodnioeuropejskimi a językiem liturgicznym Unitów. Z innej strony, neologizmy religijne nie miały w społeczeństwie słowiańskim XVIII i XIX wieku dużego potencjału derywacyjnego [1, c. 169]. Nowe terminy prawie nigdy nie przekraczały granic sfery religijnej, pozostając rzeczownikami monosemantycznymi.

Patrząc na ten problem pod względem istniejących warunków pozajęzykowych, na podstawie tekstów liturgikonów unickich da się odnotować, że atrakcyjność społeczna wyrafinowanego języka liturgicznego, który istniał wyłącznie w literaturze religijnej, już na początku XVIII wieku prawie nie istniała [10, c. 33]. Od połowy XVIII wieku nabożeństwa już częściowo były odprawiane w innych językach. Spowiadać się w kościołach Unicy mogli po polsku również jak i w innych językach przez tłumaczy „той зась который неоумее по Полскѧ, или по Рускѧ, можетъ сповѣдатисѧ презъ тлумачѧ”. W przedśłowiu słownika cerkiewnosłowiańskiego-polskiego trafnie zauważono, że „поставляемыхъ въ ѿреѣство Людей, ѡко сотный ѿреѣ, едва Славенскій разъумеетъ ѡзыкѧ”. Języki narodowe ulegały wpływowi językowo-kulturalnym narodów sąsiednich. Największą rolę w kształtowaniu języków słowiańskich wyżej wymienionej wspólnoty religijnej odegrał liturgiczny język cerkiewnosłowiański.

Bibliografia

1. Булыка, А. М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А. М. Булыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 254 с.
2. Карский, Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е. Ф. Карский. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – 712 с.
3. Лабынцев, Ю.А. Некоторые обстоятельства и средства поддержания белорусско-украинской униатской литургической практики в XVII–XIX веках / Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2000. – № 2. – С. 124–136.

4. Неменский, О.Б. Конфессиональная и этническая идентичность автора в полемических сочинениях Михаила Оросвиговского Андреллы / О. Б. Неменский // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2010. – № 1 (7). – С. 33–56.
5. Петровъ, А. Материалы для истории Угорской Руси / А. Петровъ. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – Вып. 4. – 71 с.
6. Пиккио, Р. *Slavia Ortodoxa: Литература и язык* / Р. Пиккио; отв. ред. Н.Н. Запольская, В.В. Калугин; ред. М.М. Сокольская; предисл. В.В. Калугина. – М.: Знак, 2003. – 720 с.
7. Толстой, Н.И. Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация / Н.И. Толстой. – М.: Языки русской культуры, 1998. – Т. 2. – 544 с.
8. Wereda, D. *Biskupi unickiej metropolii kijowskiej w XVIII wieku* / D. Wereda. – Siedlce-Lublin: Werset, 2013. – 375 s.
9. Kościoły a państwo na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim: źródła i stan badań / red. M. Kietlińskiego, K. Sychowicza, W. Śleszyńskiego. – Białystok: Prymat, 2005. – 531 s.
10. Kryciński, S. *Łemkowszczyzna: czas wojny i pokoju* / S. Kryciński. – Rzeszów: Libra, 2018. – 334 s.
11. Ks. Likowski, E. *Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku* / Ks. E. Likowski; red. i wyd. Ks. Z. Chelmicki. – Warszawa: Skład główny w Księgarni Gebethnera i Wolfa, 1906. – Cz. I. – 315 s.
12. *Synod Prowincjalny Ruski w Mieście Zamoyściu*. – Wilna: Drukarnia Bazylianów, 1785. – 81 s.
13. Žeňuch, P. *K dejinám cyrilskej písomnej kultury na Slovensku* / P. Žeňuch. – Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2015. – 175 s.
14. Walczak, B. *Język polski wśród języków Europy dawniej i dziś* / B. Walczak. – Szczecin: Studia językoznawcze, 2009. – 170 s.
15. *Unia brzeska: geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów słowiańskich* / pod red. R. Łuznego, F. Ziejki, A. Kępińskiego. – Kraków: Drukarnia Un-tu Jagiellońskiego, 1994. – 558 s.

FEATURES OF CULINARY CODES OF KAZAKH AND CHINESE LINGUACULTURES

F. N. Daulet

Kazakh National University named after Al-Farabi, Chinese Department,
Al-Farabi ave. 71, 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan
e-mail: fatima-dauletova@mail.ru

The article focuses on the linguocultural description of metaphorical words and phrases with culinary semantics. The author examines the culinary concepts, which participate in modeling and characteristics processes in different aspects in life of Kazakh and Chinese people: physical, emo-

tional, moral, mental, verbal, and social. The research enables us to look at the Kazakh and Chinese linguaculture through the prism of culinary codes.

Key words: cultural codes, culinary connotations, linguistic worldview, comparative linguaculturology, phraseological units, Chinese language, Kazakh language.

ОСОБЕННОСТИ КУЛИНАРНЫХ КОДОВ КАЗАХСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Ф. Н. Даулет

КазНУ им. Аль-Фараби, кафедра китайской филологии,
пр. Аль-Фараби, 71, 050040, Алматы, Республика Казахстан
e-mail: fatima-dauletova@mail.ru

Статья посвящена лингвокультурологическому описанию фразеологических единиц с кулинарной семантикой в китайском и казахском языках. Теоретическая значимость исследования заключается в разработке и уточнении научных представлений о характеристиках кулинарных кодов и их способах вербализации, определении специфической дискретности, которую фразеологизмы реализуют в китайской и казахской языковой картинах мира. Проведенный семантический анализ фразеологических единиц с кулинарной тематикой показывает, что данные единицы активно участвуют в процессах моделирования и представления различных сфер жизнедеятельности казахов и китайцев: физиологической, эмоциональной, нравственной, ментально-речевой и социальной.

Ключевые слова: культурные коды, кулинарная коннотация, языковая картина мира, сравнительная лингвокультурология, фразеологические единицы.

Chinese civilization can be called a civilization of food, the cult of food plays an important role in this culture [1, p. 24]. This can be easily seen by considering only the vocabulary of the Chinese language. You can find hardly hidden, sometimes sophisticated love for food and everything that is related to it. "You live in the mountains – eat what is on the mountain, you live near the water, eat what is in the water;" – an ancient Chinese proverb says. Another saying "There is nothing inedible, there are only bad cooks" clearly highlights the lack of food taboos, and the tradition of adding into the food absolutely all the gifts of nature.

Chinese people's love for food reaches fanaticism. Proverb says: "you can pacify Heavenly Empire, but it is impossible to pacify Chinese cui-

sine”, “it is better to collect the grain than to hoard gold”, “a piece of the field is worth a piece of heaven”, “flat cakes, painted on the wall are easy to see, but it is difficult to eat them”, “a good next day does not replace a good dinner”, “a thousand deaths could be borne, one hunger is difficult to endure” [2, p.12].

The national language is closely related to the international prestige and reputation of the country. Engrafting an interest in a particular national culture generates interest in the language. The increasing interest of linguists and methodologists in the cultural identity of linguistic content makes it relevant to appeal to a variety of fragments of national linguistic world. Each of these fragments indicates the identity and richness of ethnic cultures, as well as the specific features of the national consciousness in its own way and reflects surrounding reality.

Different aspects of system of figurative structure of the language are described in works focusing on linguistic metaphor, figurative vocabulary and phraseology, cognitive and linguistic means of linguistic and cultural world modeling [3, p.155]. Under figurative structure of the language we understand the enshrined usage in national, cultural and historical due to the image system, metaphorically realized in the semantics of lexical and phraseological units of language, regularly reproduced in acts of communication and forming a linguistic world of native speakers [3, p.155].

The minimum unit of the conceptual figurative structure of the language is the standard for a particular culture’s figurative representations. These secondary mental images are based on the “combination of two pictures”: primary sensible way of characterizing the nominated concept, and the very concept of figurative nomination on the basis of their real or perceived common characteristics. For example, Chinese words «甜言蜜语» [tiányánmìyǔ] (about a man, his manner to communicate), «嘴甜» [zuǐtián] (sirenic), «笑/长得很甜» [xiào/zhǎng de hěntián] (overly affectionate), «生活甜美» [shēng huó tián měi] (fig. thrive) express the figurative representation associating impressions produced by voice, manner of speech, lifestyle and behavior with flavors from sweet products.

The minimum units of linguistic explication of standard visual images are figurative words and expressions. Complex units of shaped structure of the language are represented by different types of figurative paradigms that researchers often interpret as figurative or metaphorical field, united on the basis of semantic generality of certain elements of visual images [4, p. 122].

Figurative vocabulary and phraseology as a special class of linguistic units have repeatedly been a multidimensional object of linguistic and cultural research based on the data of different languages [5, p. 232]. The researchers note the qualities of figurative means of language such as metaphor, motivation and idiomaticity semantics; the availability of sensual component; the expression of emotional and evaluative attitude towards the phenomenon nominated by the speaker. Because of these qualities, figurative vocabulary has the highest national specificity and constitutes a transmission system of cultural values, reflected in the language.

Figurative lexical resources traditionally include:

1. Words with transference-figurative secondary importance, or linguistic metaphors – «食粮» [shíliáng], “azyk” (food) – something that serves as a source for anything; «精神食粮» [jīngshénshíliáng] spiritual food, «akylazygy» – food for mind; «嚼» [jiáo] (chew) in the meaning of spend, «zhynykainau» (lit. spirit is boiled) with the meaning of to reach the boiling point, very angry.

2. Words with primary figurative meaning, arising out of the metaphorical word derivation, or actually figurative words – «toidyru» (bored, to lose attractiveness), «tis kairau» (lit. sharpen the teeth, fig. dislike anyone for anything, the desire to cause harm); «吃食堂» [chī shí táng] (to eat in the canteen), «吃官司» [chī guān si] (lit. eat a lawsuit, fig. 1) to get to court; 2) legal proceedings; 3) be sentenced to criminal punishment), «吃闭门羹» [chī bì mén gēng] (lit. eat soup from a closed door, fig. get away with anything), «吃鸭蛋» [chī yā dàn] (lit. eat duck's egg, fig. get a bad grade, to receive a zero score) [6, p.186].

3. Figurative expressions presented by stable figurative comparison, idioms, proverbs and set expressions: «tisi shykkan balaga shainap bergen as bolmas» (chewed food for the child with teeth – is not food); «一口吃不胖子» [yī kǒu chī bù chéng pàng zi] (lit. you will not become thick if you bite off ones, fig. success – is always the result of a long work).

Figurative language means implement in their meaning associative convergence of diverse objects and phenomena of reality on the basis of their real or imagined associative similarity. They embody the cognitive metaphorical language model: name and describe a conceptual area “in terms of” another conceptual domain [6]. For example: “tilemizu” (lit. nourish the tongue, fig. make promises without fulfilling), “kanishu” (lit. drink the blood, fig. annoy someone), “kamyrshaileu” (lit. knead the dough, fig. scold severely); «啃书本» [kěnsūběn] (lit. gnaw books, fig. to

pore over books), «吞并» [tūnbìng] (lit. swallow someone next to you, fig. absorb, assign) «噎人» [yērén] (lit. choke, fig. shout over others).

The study of culinary culture in the terms of the code words and expressions semantics, and of high cultural significance makes a certain research interest.

Both in the Kazakh and Chinese language, a lot of figurative words, names of food, as well as figurative symbols identifying the various phenomena of the world through the culinary metaphor are found. This confirms the essential meaning of the gastronomic sphere of human life and cultural significance of the national cuisine as a symbolic (figurative, ceremonial, ritual) code of culture [7, p. 21].

The very fact of metaphorical nomination indicates a special relationship between the subject of language and an object of the resulting figurative interpretation underlying the name or sensually expressive valuation.

The usage of this kind of phraseology assimilation is often associated with modeling spheres of life, inaccessible to sense perception: physiological, emotional, moral, mental-verbal, intellectual, social, abstract categorical – the image of the phenomena of the objective world. So, culinary images can be involved in characterizing:

1) the appearance of the man: “tabak” (a dish) → “beti tabaktai” (flat-faced), “kazan” (a large cooking pot) → “kazan bas” (big-headed), “橘子皮» [jú zi pí] (orange peel) → “脸像橘子皮” [liǎn xiàng júzi pí] (pimple-faced), “豆芽菜” [dòu yá cài] (salad of bean sprouts) → thin and tall man.

2) emotional states and expressions of emotion: “maltasyn yezu” (to flactuate), “zhyny kainau” (to get angry); “装蒜” [zhuāng suàn] (pretend to be a fool).

3) moral qualities of man: shiki (inexperienced); 闷葫芦 [mèn hú lu] (lit. corked calabash, fig. taciturn), 滚刀肉 [gǔn dāo ròu] (brawler, schemer, trickster).

4) events related to different spheres of human life: interpersonal relationships, social activities, etc.: “arasyna otsalu” (fig. to sow the seeds of strife), “otalugakelu” (to rush), “dam-tuzy zharasu” (live in harmony); “揩油” [kāi yóu] (lit. skim the cream, fig. to profit at the expense of others).

Groups of figurative words and expressions, implementing similar figurative representations in the context of sustainable metaphoric models constitute figurative lexical and phraseological paradigm, which, depending on the semantic proximity of figurative base units with similar paradigms, can be combined into larger linguistic structures – figurative lexical

and phraseological fields [3, p. 141]. For example, all figurative language that expresses basic figurative ideas about cooking and national dishes, can make extensive lexical and phraseological field of culinary connotations. Thus, the idea of culinary dishes or foods, including knowledge of their shape, size, taste, smell, structure, etc., is also associated with the procedural situations of cooking certain foods and absorption of the subject, taking into account all possible circumstances of these processes.

Making a vital human need, the food is, on the one hand, a fixture of everyday life, and on the other – a significant object in an ordinary picture of the world. Of course, it was showed and fixed in a language picture of the world:

1. Culinary lexicon is often figuratively derivative and motivated, keeps alive the inner form of the word: «蚂蚁啃骨头» [mǎ yǐ kěn gǔtǒu] (ant bone wears away, fig. to succeed with tenacity and perseverance).

2. Culinary lexicon is often a source of imaginative names and characteristics of different figurative facts and phenomena of reality: «kazannyn kuyesindei kap-kara» (black as soot); «吃醋» [chī cù] (to drink vinegar, fig. to be jealous), «油条» [yóu tiáo] (lit. strips of dough, fig. experienced, grown wise).

3. Culinary lexicon is a part of phraseologisms and comparisons: «kur-gak kasyk auyz zhyrtady» (lit. dry spoon cuts your lips, fig. to help), «uyi bolgan son, shyny-ayak syldyrlamai turmaidy» (lit. there is no home without rattling dishes, fig. it's only a lovers' quarrel); «备尝艰辛» [bèi cháng jiān xīn] (fig. to go through suffering), «饱食终日, 无所用心» [bǎo shí zhōng rì, wú suǒ yòng xīn] (live without worries; to live in idleness and satiety).

Culinary vocabulary and phraseology as a direct source and the transference-figurative usage has a bright national color, in accordance with “linguistic and cultural theory of speech” (V.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov) contains the so-called “cultural” or “regional studies” component.

Many names of national dishes served as a source of imaginative naming and characterization are non-equivalent. They have no semantic analogues in other languages and are borrowed in the case of the spread of the dish or food, as it happened with the borrowing from Kazakh to Chinese (皮仔子 [píyázi] → piyaz (onion), 囊 [náng] → nan (bread), 纳仁 [nàrén] → naryn. In the system of everyday notions about the world, the image of a particular ethnic community (national or state) is inextricably linked with traditional native culture in sustainable socio-cultural

stereotypes, which include traditional food and ethnic dishes. They are the sort of “markers” of national identity and self-identity, involved into figurative means of language and paremiological fund (part of the folklore formulas, proverbs): “arpa-bidai as eken, altyn-kumis taseken” (barley and wheat – food, gold and silver – stones); «生米煮成熟饭» [sheng mǐzhǔchéngshúfàn] (already cooked rice porridge, fig. done is done; turn out to be). Food in general is a symbol of wealth, abundance, happy life, that is connected with a lot of tradition during the holidays, weddings, at the wake.

Nevertheless, there is a category of roughly equivalent sayings between the Kazakh and Chinese languages. For example: the Kazakh language has such proverbs as «as kadirin tok bilmes» (**the well-fed don't understand the hungry**), «as bala tok balamen oinamady, tok bala ash balany olamady» (the fed child does not play with hungry child, well-fed child does not think about the hungry child) → in Chinese «饱汉子不知饿汉子饥» [bǎo hàn zi bù zhī è hàn zi jī] (a full man is no friend to a hungry man); also «ittin basyn altyn tabakka salsa, shorshyp tusedi» (cast one's pearls before swine) → «对牛弹琴» [duì niú tán qín] (lit. play the harp before the bull, fig. cast one's pearls before swine), «对驴说经» [duì lǘ shuō jīng] (lit. read a donkey about Buddhist canon, fig. cast one's pearls before swine) has the same meaning.

Consequently, the names of food, dishes and their quality, as well as processes of cooking them and their usage have a distinct cultural identity, and in their imaginative functioning reflect the peculiarities of the national worldview and understanding of the world, are a clear example of figurative reflection of reality in language, which forms the metaphorical fragment of the national picture of the world. Lexical and phraseological field explicate a system of figurative and symbolic meanings associated with traditional cuisine, as well as their functioning in everyday life and sacral levels, embody the «culinary code» of national culture, which can be considered as means of national identity and self-identification.

In conclusion, the learning process must take into account the cultural identity of culinary images that reflect an important piece of ethnic culture, as well as the peculiarities of national perception of the world. When comparing the cuisine terminology of Chinese and Kazakh languages we revealed not only the life of the unique features of Chinese and Kazakh peoples, but also the features of various visions similar to each culture, which should to be taken into account when creating teaching materials, textbooks and dictionaries.

References

1. Daulet, F.N. Chinese worldview in culture and language / F.N. Daulet. – M.: Triumph, 2018. – 216 p.
2. Baranov, A.N. Russian political metaphor: materials for a dictionary / A.N. Baranov, Y.N. Karaulov. – M.: Triumph, 1991. – 193 p.
3. Yurina, E. A. Imagery language / E.A. Yurina. – Tomsk: Tomsk University Press, 2005. – 155 p.
4. Sklyarevskaya, G. N. Metaphor in the language system / G.N. Sklyarevskaya. – St. Petersburg: Nauka, 1993. – 151 p.
5. Yang Defeng. Chinese language and culture communication / Yang Defeng. – Beijing: Shangyin chubanshe, 2012. – 280 p.
6. Baranov, A. N. Essay of cognitive theory of metaphors // Russian political metaphor: materials for a dictionary / A. N. Baranov. – M.: Triumph, 1991. – P. 185–189.
7. Bankova, T. B. Culinary code of Siberian family rituals: objectification in language / T. B. Bankova // Bulletin Vol. Reg. Zap: Bull. oper. scientific. Inform. Ritual word as linguistic and cultural phenomenon: status and regional specificity. – 2006. – № 112. – P. 20–33.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ БЕЛАРУСИ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Д. С. Михайлова

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: totoshka-i-alisa@mail.ru

На территории Республики Беларусь находятся многочисленные памятники истории и культуры. Однако многое из того, что является ценным свидетельством исторической действительности, лишено должного контекстуального окружения и помещено в эстетику так же уходящей в историческую даль эпохи социализма. Вместе это все рождает взаимодействие культурных нарративов, но в какой-то момент частные истории сливаются в один голос культуры белорусского народа.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, памятник архитектуры, урбанистика, визуальная антропология.

HISTORICAL ARCHITECTURAL MONUMENTS OF BELARUS IN THE MODERN CULTURAL CONTEXT

D. S. Mikhailava

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: totoshka-i-alisa@mail.ru

There are a lot of historical and cultural monuments on the territory of the Republic of Belarus. However, much of what is valuable evidence of historical reality is deprived of the proper contextual environment and placed in the aesthetics of the socialism era as well. Together, this all gives rise to the interaction of cultural narratives, but at some point private stories merge into one voice of the culture of the Belarusian people.

Key words: historical and cultural heritage, a monument of architecture, urban planning, visual anthropology.

Культура народа формируется в процессе взаимодействия различных исторических контекстов. Каждая эпоха наполнена уникальными артефактами духовного, интеллектуального и физического труда человека. Архитектура – один из феноменов, заключающий в себе сразу множество культурных аспектов. Более того, архитектура открыта человеку, она не прячется на книжных страницах и не скрыта в нотных партитурах. Человек окружен визуальным архитектурным контекстом, наличие которого он не может игнорировать в процессе собственной аккультурации. Однако современный гражданин в Беларуси воспринимает архитектурное пространство скорее как данность, в то время как это ценный источник знания и важный ресурс в развитии государства.

В данной статье мы ставим перед собой задачи выявить место архитектурного наследия в контексте современной культуры, определить характерные черты трансформации исторического контекста положения сооружений, а также рассмотреть актуальные в Республике Беларусь пути использования архитектурного наследия.

Центральной проблемой статьи является теория о том, что архитектурное наследие лишено должного контекстуального окружения. Потенциал места по многим причинам не используется и в течение времени теряет свою актуальность. Однако ввиду напластований происходит взаимодействие культурных нарративов, частные истории разных эпох сливаются в единый голос белорусского народа.

Наиболее распространенный случай, характерный для архитектурного историко-культурного наследия Беларуси, – это деревня или агрогородок, где доминантой является церковь или костел XVII–XIX вв. Примером являются такие населенные пункты, как Сарья, Камаи, Будслав, Гервяты, Забычанье, Илья, Рубежовичи, Дерковщина, Вишнево, Новый Свержень, Крайск, Жупраны и т. д. Еще один наиболее распространенный тип объекта наследия – заброшенные или выкупленные усадьбы: дворец Пусловских в Коссово, усадьба Тышкевичей в Рудне, Резиденция Монюшко–Ваньковичей в Смилевичах, поместье Михаила Огинского в Залесье и т. д. Менее распространенные, но при этом и более востребованные туристами замки или, как правило, их руины расположены также преимущественно в сельской на сегодня местности в качестве историко-культурной доминанты: Смоляны и Крево.

Большинство из этих архитектурных объектов объединяет гордое одиночество среди сельского быта местного населения. При посещении описанных выше достопримечательностей возникает закономерный вопрос: какие должны были быть условия для возведения таких монументальных сооружений в скромных и малочисленных на сегодняшний момент поселениях. Например, храм Рождества Пресвятой Богородицы в деревне Свеча Витебской области. Церковь была выстроена в конце XIX века. Ходят истории, что на освящение храма собралось несколько тысяч верующих. Казалось бы, прошло не так много времени, немногим более столетия, но как кардинально поменялось окружение. В соседней деревне Слободка находится еще один православный храм XIX века – церковь Николая Чудотворца. Однако если в Свече рядом со старой церковью выстроен небольшой деревянный храм, в котором сегодня проходят службы, то есть община живет, то церковь в Слободке одиноко возвышается над старыми деревянными домами с резными наличниками. Закрывались церкви, вероятно, из-за нехватки денег и прихожан, а также политики советской власти. Теперь они стоят как столпы памяти в маленьких поселках, где все вместе как будто отживает свое время.

Однако история архитектурных объектов складывается по-разному. Какие-то постройки выкупают, как усадьбу Ленских (в результате чего теперь действует парк Сула), где-то находятся спонсоры, способствующие реконструкции памятников. Показательным примером можно назвать фестиваль места «Sprava», который проходит на полуострове Белая церковь. Здание разрушенной церкви теперь является

ярким визуальным образом, а жители Черей получили возможность показывать своих мастеров в рамках фестиваля. Таким образом, фестиваль может быть одним из вариантов поддержки памятников архитектуры и способом вписать их в культурный контекст.

Более сложным конструктом является город. Архитектура любого города состоит из ряда напластований. Как правило, это дореволюционный период, 20–30-е годы, послевоенное время (к. 40–60-е гг.), 70–80-е годы и современная эпоха. Соответственно, создается сложное поле стилевых и исторических сплетений.

Доминирующим визуальным вливанием в общий архитектурный фон являются постройки советского периода. В повседневной культуре мы еще не придаем им такого важного исторического значения, как, например, усадьбам или храмам XIX века, однако в действительности это тоже уникальные объекты, свидетели своей эпохи. Минск – город, в котором визуализация идей коммунизма является доминантным элементом. На всей территории Советского Союза предпринимались попытки реализовать проект Города Солнца, однако только в Минске это получилось сделать не фрагментарно, а цельным городским полотном. Проспект Независимости считается наиболее хорошо сохранившимся образцом послевоенной неоклассической застройки советской традиции. Таким образом, на сегодняшний день ценность советских застроек, образцов конструктивизма, неоклассики, сталинского ампира и т. д. ничем не меньше, чем возрастных застроек, окутанных шармом старины. Минск – пример монументальный, но осколки советской эстетики мы можем находить и в более мелких городах. Как правило, администрация города расположена именно в таких постройках (Заславль, Витебск). Отметим, что использование существующих исторических построек в качестве общественных мест более рационально, чем постройка для этого новых зданий и забрасывание, в свою очередь, зданий исторических, представляющих ценность. Таким образом, формируется диалог между архитектурой различных эпох, а современная культура выступает в качестве механизма, возвращающего архитектурное наследие к полноценной жизни.

Таким образом, обратим теперь внимание на проблему использования архитектурных памятников. В первую очередь необходимо отметить, что у архитектурного сооружения всегда имеется утилитарная цель постройки, ее визуальный облик или возникающая с годами культурная ценность являются лишь атрибутами. Однако из-за отсутствия реконструкции, ремонта, который поддерживал бы при-

годность постройки к функциональному использованию, архитектура превращается в вещь в себе или в немногословный памятник. Но есть и другой путь использования: объекты выкупаются, в результате чего их реконструируют и находят выгодное применение. Крайностью здесь является такой феномен, как новоделы – сильно перестроенные или выстроенные по выдуманному плану здания. Как отмечает редактор газеты «Культура» Илья Свирин, оба процесса, разрушения и новостроя, существуют сегодня параллельно [3].

В начале 2019 года Белорусский комитет ICOMOS стал организатором конкурса «Спадчына ў дзеянні». В центре внимания оказались проекты, нацеленные на сохранение и использование историко-культурного наследия. В номинации «лучшая реализованная (либо в процессе реализации) реставрация/ревитализация/консервация/реадаптация архитектурного наследия» победу одержал проект по реставрации усадебного дома на территории Лошицкого усадебно-паркового комплекса в Минске. Призыв конкурса и номинированных проектов – братья за заброшенные объекты, исследовать их, превращать в полноправную часть современного пространства. К тому же, наследие – это то, о чем нужно как минимум говорить, формировать сферу дискурса, собирать окружение осведомленных людей.

Теперь рассмотрим описанные тезисы в контексте практической ситуации на примере города Витебска. Если обратиться к архитектурному облику Витебска, то увидим, что многое из наследия на сегодняшний день утрачено: Верхний, Нижний и Взгорский замки, большое число храмов. Основная причина – войны, сопровождавшиеся пожарами. Интересно отметить, что в Новогрудке Замок хотя и был разрушен в н. XVII века шведами, но сохранившиеся и законсервированные руины и основания крепостных стен остаются свидетелями не только истории местности, но и символом разрушительного для культуры и наследия действия войны. Таким образом, объект приобрел дополнительный контекст. В Витебске же система замков трансформировалась в систему площадей. Сохранились дореволюционные фотографии Витебска, сделанные Прокудиным-Горским. На них запечатлены архитектурные памятники, которые впоследствии будут уничтожены. Этой участи не миновало даже старейшее здание города – Благовещенский храм XII века. Соответственно, такие объекты, как Ратуша, Воскресенская церковь, Успенский собор – новоделы. Однако их облик максимально приближен к разрушенным постройкам. Таким образом, в городе имеется исторический центр, представляющий собой комплекс

зданий XVIII–XIX веков, восстановленные церкви, Ратуша. Улица Суворова – жилая, в некоторых домах находятся магазины и кафе. В здании бывшего банка сегодня расположена художественная школа, а в прилегающем корпусе на Маяковского, 1 – дирекция фестиваля «Славянский Базар». В рамках исторического центра также расположена галерея «Толстого, 7», арт-центр Марка Шагала, Драматический театр им. Якуба Коласа, Музыкальное училище им. Соллертинского, Духовная семинария. Таким образом, сегодня исторический центр города является еще культурным и духовным средоточием. На улицах устанавливаются памятники, в которых находят отражение различные аспекты истории города: памятник князю Ольгерду, «Витебский великан» – памятник самому высокому человеку в мире, памятник напротив Театра кукол «Лялька» автору сказки «Старик Хоттабыч» Лазарю Лагину.

За границами исторической части мы оказываемся уже в окружении советской эстетики. В 20-х гг. создаются первые проекты зданий культурно-бытового назначения, строятся рабочие клубы, дома-коммуны. Напротив Ратуши расположен Концертный зал «Витебск», к которому протянут мост, продолжающийся высокой лестницей, ведущей к дверям своего рода сакрального для культуры города здания. Недалеко расположена гостиница «Витебск», здание Универмага и так называемый в народе «Синий дом». Так историческая часть оказывается окружена архитектурой советского периода, которая протягивается вплоть до спальных жилых районов. В 2012 году на площади Свободы, напротив Летнего Амфитеатра, появляется ТРК «Марко-сити», который представляет собой здание в виде стеклянной пирамиды и оказывается необычным вкраплением современной архитектуры в общее урбанистическое полотно.

В качестве вывода хочется отметить, что Беларусь обладает богатым архитектурным историко-культурным наследием. Однако судьба памятников зависит от множества факторов, вследствие чего сооружения либо вписываются в современный контекст и получают возможность функционального использования, либо оказываются на обочине культуры в качестве мемориалов для особо любопытных путешественников. Однако, даже исчезнувшие объекты могут послужить источником для создания идеи места (открытие музеев, брендинг кафе, стилизация улицы и т. д.). В процессе жизни поселений, городов различные памятники вступают в диалог, что может послужить материалом для осмысления исторического пути местности и анализа дальнейших вариантов развития.

Литература

1. Витебск: Энциклопедический справочник / гл. редактор И.П. Шамякин. – Минск: БелСЭ им. П. Бровки, 1988. – 408 с.
2. Кравченко, И.Г. Памятник как социальный феномен: автореф. дис... канд. филос. наук / И.Г. Кравченко. – Волгоград, 2008. – 22 с.
3. Свірын, І. В. Навадзел навадзелу розніца / І. В. Свірын // Культура. – 2019. – № 7. – С. 3.
4. Чарняўская, Т. І. Архітэктура Віцебска: 3 гісторыі планіроўкі і забудовы горада / Т.І. Чарняўская. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 112 с.

ФРЕСКИ И ГРАФФИТИ ПОЛОЦКОГО СПАСО-ПРЕОБРАЖЕННОГО ХРАМА К. И. Козлова

Белорусский государственный университет,
Институт теологии, пр. Независимости, 24, 220030
Минск, Республика Беларусь
e-mail: xristina.kozlova@gmail.com

Данная статья посвящена рассмотрению настенных росписей и граффити Спасо-Преображенского храма Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря. Они являются важным источником для изучения истории не только Полоцкого монастыря, но и всей Полоцкой епархии.

Ключевые слова: Полоцк, Спасо-Преображенский храм, фрески, граффити, искусство, роспись.

FRESCOS AND GRAFFITI OF TRANSFIGURATION CHURCH IN POLOTSK K. I. Kozlova

Belarusian State University, Institute of Theology,
Nezalezhnasti ave. 24, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: xristina.kozlova@gmail.com

This article considers the wall paintings and graffiti of the Savior Transfiguration Church of the Polotsk Savior Euphrosyne Monastery. They are important source for studying the history not only of the Polotsk monastery, but also of the entire Polotsk diocese.

Key words: Polotsk, Transfiguration Church, frescos, graffiti, art, painting.

Спасо-Преображенская церковь Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря – один из наиболее сохранных памятников домонгольского периода Полоцкой земли. Несмотря на свои малые размеры, она является архитектурной доминантой монастырского комплекса, его историческим центром и главной святыней, с этим храмом связаны многие события в жизни Полоцка, его истории и культуры [11, с. 5]. Уникальные по сохранности фрески и граффити могут рассказать многое об истории не только храма и монастыря, но и самого Полоцка.

Иконографическая программа фресок Спасо-Преображенской церкви, построенной и расписанной по инициативе преподобной Евфросинии Полоцкой, обладает рядом редких сюжетов, отличающихся усложненной иконографией, тематическим разнообразием и богословской глубиной [10, с. 105].

Образы полоцкой церкви имеют различия, что обусловлено, в первую очередь, участием в росписи храма нескольких мастеров, чья индивидуальность особенно проявилась в написании ликов. Однако, несмотря на индивидуальные отличия, все основные изображения святых обладают общими свойствами и характеристиками, определяющими облик всего ансамбля храма [9, с. 140]. Вероятно, что работавшие здесь художники составляли смешанную артель, в которую входили местные мастера. Возглавлялась же она приглашенным из Византии мастером фресок, который был связан со столичной художественной средой. Если принять во внимание династические и церковные связи полоцкого княжеского рода и самой преподобной Евфросинии с Константинополем, то такой вывод будет вполне закономерным. Несмотря на византийское влияние, состав росписей был обусловлен традициями, характерными для Древней Руси, и получил реализацию благодаря непосредственному участию в создании фресок самой преподобной Евфросинии, определившей состав иконографической программы своего храма [9, с. 146].

Участие в росписи храма нескольких мастеров проявилось прежде всего в написании ликов. Так, лики Христа и апостолов в композиции «Евхаристия» отличаются большим устремлением к классическим образцам, в их пропорциях ощущается та мера, которая была свойственна работе константинопольских мастеров.

Фигуры основного объема храма отличаются исключительными пропорциями и выразительностью ликов. Благодаря использованию очень крупного масштаба иконописцы создали яркую и выразитель-

ную программу росписи, построенную на символическом и смысловом сочетании избранных сюжетов. Мастерство живописцев особо проявилось в умении гармонично сочетать внутренний объем храма с объемом композиций. Поскольку росписи имеют большой масштаб, в сравнительно небольшом храме нет ощущения тесноты, а все его внутреннее пространство легко обозревается [12].

Особое место в программе росписей занимают образы монахов. Они изображаются в различных ипостасях святости: столпники, аскеты, учителя, пророки-промыслители, борцы с ересями. Один из главных акцентов сделан на учительской миссии монашества, что, конечно же, находило полное созвучие в личности самой преп. Евфросинии, которая почиталась во все времена как просветительница Полоцкой земли, занимавшаяся переписыванием книг, создавшая скрипторий при своем монастыре и в целом постигшая книжную премудрость [8].

В связи с проведением реставрационных работ в Спасо-Преображенской церкви были открыты не только фрески, но и многочисленные граффити.

В научной литературе граффити называют надписи, прочерченные на поверхностях различных предметов, не предназначенных специально для письма, в том числе и на стенах зданий. Появившаяся в Древнем мире традиция сохранилась и в Средневековье. Так, известны граффити на стенах древнейших храмов Средневековой Руси – Киевского и Новгородского Софийских Соборов. Не является исключением и Полоцкая Спасо-Преображенская церковь – единственная хранилища разновременных граффити в Полоцке [1, с. 107]. Граффити Спасо-Преображенской церкви охватывают период с середины XII в. до 1832 г. и являются источниками, позволяющими определить имена исторических личностей, неизвестных по другим источникам, установить даты ремонтов храма, составить палеографические таблицы почерков [7, с. 245].

Время написания граффити можно разделить на несколько периодов. От начала возникновения храма и до 1579 г. – времени прихода в Полоцк войск Польского короля Стефана Батория. К этому периоду относятся граффити, связанные с постройкой и освящением храма, поминальные, бытовые, молитвенные, автобиографические, нанесенные кириллицей, записи о смерти того или иного лица. После 1579 г. большинство надписей – автографы на латинице. В 1579 г. их оставляли посетители церкви, а после этого года

и до 1584 г. – военные горнизна, который, по-видимому, находился на территории монастыря. Граффити после 1584 г. и до 1820 г. в основном оставляли ученики Полоцкого иезуитского коллегиума. Сохранилось несколько надписей 1820–1830 гг., сделанных до капитального ремонта храма [6, с. 17].

Граффити как более «демократичный» в отличие от летописей вид исторических источников сообщает не только новые имена полочких епископов и игумений, но также имена простых служителей церкви, которые могли упоминаться в белорусских летописях, но до нас не дошли. В «классической» поминальной части приводится дата или праздник, когда умер человек. Однако иногда сообщаются и дополнительные сведения о человеке. Так, мы узнаем, что священника Иоанна убил разбойник, игумен Гавриил когда-то пел на клиросе Спасской церкви, а в день смерти игумении случилось чудо [5, с. 90].

Самую информативную часть граффити храма составляют поминальные записи, которые исследователями разделяются на несколько групп. В первой группе надписи строятся по одному принципу: «месяца... в день... преставился раб Божий... на память святого...». Вторая группа представляет собой поминальные списки, включающие от одного до нескольких имен в винительном падеже. Третья интересная группа условно названа синодиками. Синодик – список людей, поминаемых в частной молитве либо за богослужением. О том, что имена действительно поминались во время молитвы, свидетельствуют черточки, стоящие рядом с именами. Они соответствовали количеству поминаний данного человека [4, с. 228].

Также на стенах Спасской церкви встречаются надписи, содержащие молитвенные прошения, записывавшиеся обычно однотипно: «Господи, помози рабу (рабе) своему (своей) имя». В отличие от поминальных записей, которые наносились в память умершего человека, молитвенные надписи являлись прошением о помощи живым людям. В большинстве случаев молитву записывал тот человек, который просил помощи, однако встречаются надписи с просьбой и за другого человека. Интересен тот факт, что молитвенные надписи алтаря храма остаются практически неизменными вплоть до XVII века. Даже когда церковь не действовала по своему прямому назначению, люди продолжали оставлять в ней свои молитвенные прошения, поскольку православными верующими людьми храм, несмотря на от-

сутствие богослужений, продолжал восприниматься как дом Божий [3, с. 32, 35].

Интересную часть граффити составляют и рисунки, которые наносятся по всему периметру храма. Среди них встречаются рисунки различной тематики: благословляющие руки, различных видов кресты, изображения людей, животных и растений. Также встречаются геральдические знаки – гордые шляхтичи, вероятнее всего, ученики иезуитского коллегиума, которым мало было запечатлеть на стене свое имя и фамилию, глубоко прорезали свой герб – знак принадлежности к сословию [2, с. 25, 31].

Таким образом, раскрытие фресок и граффити в Спасо-Преображенской церкви дало возможность составить более полное представление об истории храма и монастыря, а также о тех исторических процессах, которые происходили на территории Полоцкой епархии в период с XII по XIX вв.

Литература

1. Залилов, И.З. Граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке XII–XVII вв. / И.З. Залилов. – Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь, 2014. – 108 с.: ил., 12 с. цв. ил., 64 с. табл.
2. Калечиц, І. Людзі і пачвары, кошкі і птушкі: рысункі-графіцы ў Полацкай Спаса-Праабражэнскай царкве / І. Калечиц // Беларускі гістарычны часопіс. – № 5. – 2013. – С. 25–31.
3. Калечиц, І. Малітоўныя надпісы-прашэнні ў алтары Полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы / І. Калечиц // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – №8 – С. 31–36.
4. Калечиц, И.Л. Надписи-синодики алтаря Спасо-Преображенской церкви Полоцка / И.Л. Калечиц // Образование и наука Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI веке: сб. науч. ст. – Минск: БГПУ, 2011. – С. 227–230.
5. Калечиц, И. Духовные лица средневекового Полоцка: неизвестные имена в граффити / И. Калечиц // Гістарычна-археалагічны зборнік / Інстытут гісторыі, Нацыянальная акадэмія навук Беларусі. Беларуская навука. – 2014. – Вып. 29. – С. 85–90.
6. Калечиц, І.Л. Графіцы выхаду на паўднёвую галерэю ў Полацкай Спаса-Праабражэнскай царкве / І.Л. Калечиц // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – №7. – С. 17–22.
7. Калечиц, И.Л. Граффити Спасо-Преображенской церкви г. Полоцка как комплекс исторических источников / И.Л. Калечиц // Гістарыяграфія і крыніцы вывучэння гісторыі Беларусі: традыцыі і навацыі. – Минск : Беларуская навука, 2018. – С. 245–252.

8. Сарабьянов, В. Д. Образ монашества в росписях Спасской церкви Евфросиньева монастыря [Электронный ресурс] / В.Д. Сарабьянов // История и археология Полоцка и Полоцкой земли: материалы VI Международной научной конференции (24–25 октября 2007 г.). – Режим доступа: http://spas-monastery.by/library/articles_and_publications.php?id=7891. – Дата доступа: 27.02.2019.
9. Сарабьянов, В.Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески / В.Д. Сарабьянов. – М: Северный Паломник, 2007. – 176 с.
10. Сарабьянов, В.Д. Сцены «Источников Божественной Премудрости» в иконографическом замысле росписей Спасской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке / В.Д. Сарабьянов // История и археология Полоцка и Полоцкой земли: материалы VI Международной научной конференции (1–3 ноября 2012 г.): в 2 ч. – Ч. 2. Спасо-Преображенская церковь в Полоцке: История. Архитектура. Живопись. – Полоцк: Полоцк, 2013. – С. 104–116.
11. Сарабьянов, В.Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески / В.Д. Сарабьянов // История и археология Полоцка и Полоцкой земли: материалы VI Международной научной конференции (1–3 ноября 2012 г.): в 2 ч. – Ч. 2. Спасо-Преображенская церковь в Полоцке: История. Архитектура. Живопись. – Полоцк: Полоцк, 2013. – С. 228.
12. Фрески Спасо-Преображенского храма [Электронный ресурс]. – Режим доступа :http://spas-monastery.by/the_architectural_complex_of_the_monastery/saviour_transfiguration_church/frescoes.php. – Дата доступа: 27.02.2019.

Секция 3. КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ И МЕНЕДЖМЕНТ КУЛЬТУРЫ

СИСТЕМА МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ ПРИ ПРОДВИЖЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ УСЛУГИ

И. В. Воробьева

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: ingavorobyova@mail.ru

В статье рассматриваются понятие и специфика культурной услуги, тенденции в развитии сферы культурных услуг в Беларуси, а также процесс организации и основные инструменты маркетинговых коммуникаций при продвижении культурной услуги.

Ключевые слова: культурный продукт, культурная услуга, маркетинговые коммуникации, целевая аудитория, стратегия, каналы коммуникации.

THE SYSTEM OF MARKETING COMMUNICATIONS AT ADVANCE OF CULTURAL SERVICE

I. V. Vorobyova

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: ingavorobyova@mail.ru

In the article, the concept and specifics of cultural service, a trend of development of services sector of Belarus and also a process of the organization and the main instruments of marketing communications at advance of cultural service are considered.

Key words: cultural product, cultural service, marketing communications, target audience, strategy, communication channels.

Для того чтобы эффективно выстраивать маркетинговые коммуникации при продвижении услуг, необходимо понимать, что представляет собой услуга, видеть ее отличительные черты в сравнении с товарами, а также необходимо понимать саму сферу услуг, степень ее развитости в Беларуси. В настоящее время существует множество определений понятия «услуга». Изучением этой терминологической основы занимались многие авторы: Д. Белл, Т. Д. Бурменко, Ф. Котлер, К. Лавлок, Б. А. Райзберг, В. Н. Соловьев, Э. Тофлер, Л. В. Шемякина и другие.

В «Большой экономической энциклопедии» понятие услуги рассматриваются как «специфический продукт труда, не имеющий вещественной формы, потребительская стоимость которого в отличие от вещественного продукта труда заключается в полезном эффекте живого труда» [1, с. 698]. В «Современном социоэкономическом словаре» под редакцией Б. А. Райзберга услуги оцениваются «как блага, предоставляемые не в виде вещей, а в форме деятельности» [2, с. 357]. Ф. Котлер подразумевает под услугой любую «деятельность, которую одна сторона может предложить другой. Неосязаемое действие, не приводящее к владению чем-либо» [3, с. 30].

Все эти определения концентрируют внимание на неосязаемости услуг и невещественном их характере. До того как услуга будет предоставлена и осуществлена, очень трудно ее представить. Специфичными чертами услуг являются нематериальный характер, невозможность владения, неспособность к хранению, сложность оценки качества, неразрывность производства и потребления, сложность заменяемости. Все эти специфичные черты услуг усиливают риски потребительских ожиданий. Все многообразие услуг образует специальный сектор в экономике – сферу услуг. Это обосновывается широтой служебной деятельности и присутствием услуги практически во всех организациях и предприятиях.

Рассмотрим подробнее сущность культурной услуги. К этой категории можно отнести услуги, оказываемые музеями, театрами, художественными галереями и другими объектами культуры. Большинство объектов культуры находятся на государственном обеспечении, так как очень часто они не в состоянии сами себя финансировать в полном объеме. Однако доля коммерческих организаций в этой нише стремительно увеличивается. В связи с этим появляется необходимость в привлечении маркетинговых коммуникаций для их продвижения. С изменениями в сфере культуры появляется новый термин «культурное производство». Исследователь Матецкая отмечает: «Применение термина “производство” по отношению к созданию культурных ценностей означает переосмысление самого понятия творчества. “Культурное производство” срastaется с “материальным производством”. “Культурный продукт” (идея, песня, книга, компьютерная игра, картина и т. д.) превращается в товар, объект потребления. Производство “культурного продукта”, точно так же, как производство материальных благ, ориентировано на рынок. Творческая деятельность становится элементом экономиче-

ских отношений и воспринимает логику этих отношений» [4]. Таким образом, культурная услуга представляет собой сложный симбиоз творческого начала и направленности на удовлетворение запросов потребителя.

При реализации культурной услуги обязательным условием является постоянное наличие потребителя этой услуги. Иначе вся деятельность организации не имеет смысла. Сфера культуры удовлетворяет потребности самых разных групп населения, что делает ее целевую аудиторию очень многогранной. Таким образом, культурные организации могут специализироваться на работе с определенным сегментом аудитории или же сразу с несколькими. Здесь все будет зависеть от специфики организации.

Рассмотрев отличительные особенности сферы услуг и понятие культурной услуги, мы можем перейти к анализу ее развития и современному состоянию в Республике Беларусь.

Практически во всем мире сфера услуг получает все большее развитие. Лидирующими странами по удельному весу в сфере услуг (в добавленной стоимости) являются Франция, США, Латвия и Великобритания. Стремительно развивается сфера услуг и в Беларуси. Высокая эффективность производства услуг обусловлена высоким удельным весом добавленной стоимости в валовом выпуске, который в сфере услуг существенно выше, чем в товарном производстве.

Сейчас одной из главных задач является активизация роста сферы услуг в Республике Беларусь. Об этом свидетельствует несколько десятков программных и прогнозных документов. Перспективы развития сферы услуг обозначены в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь и Комплексной программе развития сферы услуг в Беларуси.

Однако развитие сферы услуг в Беларуси сталкивается с некоторыми препятствиями. Среди основных недостатков развития сферы услуг в Республике Беларусь выделяют отсутствие современной инфраструктуры, недостаточное развитие услуг в малых городах и сельской местности, ограниченный спектр оказываемых услуг, медленное развитие малого и среднего бизнеса в данной сфере, свидетельствующие о недостаточном развитии сферы услуг относительно потребностей национальной экономики [4].

Тем не менее, сфера услуг растет и развивается, количество людей, занятых в этой сфере, стремительно растет с каждым годом: «Одновременно в сфере услуг (к ней относятся остальные отрас-

ли экономики, например, ИТ, оптовая и розничная торговля, банковская сфера) количество работников с 2010 по 2015 выросло на 45 тыс.» [5].

Большее количество людей, работающих в сфере услуг, сосредоточено именно в Минске: «После 2014 во всех регионах сектор услуг стал основным работодателем. Наибольший его удельный вес сложился в Минске – больше 70 % работников в столице заняты в секторе услуг» [5].

В силу своего выгодного географического положения Республика Беларусь может активно и успешно развивать коммуникационные, транспортные и компьютерные услуги. Для того чтобы наши услуги могли конкурировать на мировом рынке, они должны быть качественными и правильно выведенными на этот рынок. Сфера услуг, как и сфера производства, так же «играет» по рыночным правилам. «Сфера услуг занимает в ВВП страны чуть меньше половины – 48%. В сфере услуг предприниматели всегда работали в рыночных условиях. Предприниматели – это носители рыночного сознания, рыночной культуры», – отметил Владимир Колтович [5].

Экономический аналитик Владимир Колтович выделил следующие тенденции в развитии сферы услуг в Беларуси:

1. Кризисные явления в меньшей степени отражаются на секторе услуг.

2. При общем дальнейшем сокращении занятых в экономике число работников в сфере производства будет уменьшаться быстрее, чем в сфере услуг.

3. Регионы будут отставать от столицы по степени развитости сферы услуг, поскольку основные денежные потоки сконцентрированы в Минске.

4. Уровень развития сектора услуг в регионах на сегодня ограничен размером заработных плат населения.

5. Государству, очевидно, нужно пересмотреть подходы в поддержке секторов экономики. Основные ресурсы продолжают выделяться на сферу производства, которая уже не является основной в формировании добавленной стоимости и не является основным работодателем. Причем очевидно, что удельный вес производства в экономике продолжит сокращаться.

Перед тем как мы поэтапно разберем организацию эффективных маркетинговых коммуникаций (МК), дадим им определение. «Маркетинговые коммуникации – это средства, с помощью которых

фирмы пытаются информировать, убеждать и напоминать потребителям, напрямую или косвенно, о своих товарах и торговых марках. Маркетинговые коммуникации можно назвать “голосом” торговой марки и средством налаживания диалога и взаимоотношений с потребителем» [6, с. 527].

Для эффективного продвижения недостаточно просто запустить рекламный ролик в интернет или написать хорошую статью в подходящем блоге. Эффективное продвижение – это намного более сложный процесс. Это тщательно выстроенная поэтапная система контакта со своей целевой аудиторией. Необходима слаженная работа всех инструментов. «Маркетинговые коммуникации должны быть интегрированными, чтобы согласованно обращаться к потребителям и обеспечивать стратегическое позиционирование» [6, с. 530]. Согласно разработкам признанного эксперта в сфере маркетинга Филипа Котлера, существует определенный процесс разработки эффективных коммуникаций. Он включает в себя 8 этапов: определение целевой аудитории (ЦА), постановку целей коммуникации, разработку сообщения, выбор каналов коммуникации, определение размера бюджета, составление комплекса маркетинговых коммуникаций, оценку результатов, управление интегрированными маркетинговыми коммуникациями. Мы познакомимся с каждым из этих этапов.

Итак, этап номер один – определение целевой аудитории. Необходимо сформировать четкие представления о целевой аудитории, которая может включать в себя потенциальных потребителей продукта или услуги, существующих покупателей, лиц, принимающих решение о покупке или влияющих на это решение. Составленный портрет ЦА помогает принять решение о том, когда, где, как и к кому будет обращаться организация, и в чем будет заключаться обращение. Стоит отметить, что не всегда будет достаточно составить один портрет целевой аудитории. Очень часто одной и той же услугой или продуктом могут пользоваться совершенно разные люди. В таком случае необходимо будет сегментировать целевую аудиторию и разработать уникальное обращение для каждого сегмента.

После того как ЦА определена и сегментирована, можно приступить ко второму этапу – постановке целей коммуникации. Согласно Ф. Котлеру, их может быть четыре:

1. Потребность в товарной категории – утверждение товарной категории продукта или услуги как необходимости для ликвидации или удовлетворения воспринимаемого несоответствия между

текущим мотивационным состоянием и желательным эмоциональным состоянием.

2. Осведомленность о торговой марке – способность идентифицировать (узнавать или воспринимать) марку в данной категории, причем в подробностях, достаточных для совершения покупки.

3. Отношение к торговой марке – это оценка торговой марки с точки зрения ее воспринимаемой способности удовлетворять актуальную на данный момент потребность. При этом актуальные потребности в марке могут быть отрицательно ориентированы (устранение проблемы, уклонение от проблемы, неполное удовлетворение, истощение запасов) или положительно ориентированы (сенсорное удовлетворение, интеллектуальный стимул или общественное одобрение).

4. Намерение совершить покупку – решение потребителя приобрести марочный товар или предпринять связанные с покупкой действия. Стимулирующие покупки предложения, такие как купоны на скидки или продажа двух единиц товара по цене одной, побуждают потребителей принять решение совершить покупку.

После того, как цель коммуникации определена, можно приступить к следующему этапу – разработке сообщения. Процесс создания сообщения для достижения желаемой реакции на него предполагает получение ответов на 3 вопроса: что сказать (стратегия сообщения), каким образом это сказать (творческая стратегия) и кто должен это говорить (источник сообщения) [6, с. 535].

Стратегия сообщения должна разрабатываться в связи с позиционированием бренда/торговой марки. Это помогает установить точки сходства и точки отличия марки. Одно из главных условий успешного сообщения – его эффективность. Она может зависеть от формы выражения сообщения, а также от его содержания. Неэффективная коммуникация может означать, что либо было использовано неправильное сообщение, либо правильное сообщение было плохо выражено. Для того чтобы избежать подобных проблем, маркетологи используют творческие стратегии, которые делятся на два типа: «информационные» призывы и «трансформационные» призывы. Рассмотрим их подробнее.

Информационные призывы развивают тему характеристик или выгод товара или услуги. Это рекламные объявления, подчеркивающие решение проблемы, демонстрирующие товар, сравнивающие товары, а также представляющие собой рекомендации от лица неиз-

вестных или знаменитых людей. Информационные призывы также предполагают в высшей степени рациональную обработку коммуникации со стороны потребителя. Главенствующая роль принадлежит логике и здравому смыслу.

На данный момент проведено огромное количество исследований, направленных на изучение эффективности рекламных обращений. Мы обратимся к исследованию, проведенному в Йельском университете. Оно проливает свет на особенности содержания обращения и их связь с принятием решений. В нем сопоставляется односторонняя и двусторонняя аргументация, а также изучается порядок предоставления информации. Исследование подтвердило, что эффективная реклама не должна отвечать на вопросы, а скорее задавать их, чтобы потребитель сам смог найти на них ответ. Теперь рассмотрим, когда следует прибегать к односторонней аргументации, а когда следует использовать двустороннюю. Двусторонняя аргументация должна использоваться в случаях, когда рекламодателю необходимо преодолеть некоторые негативные ассоциации, связанные с его товарами и услугами. Односторонние же обращения наиболее действенны, когда аудитория положительно относится к товару. Наконец, не менее важен и порядок предоставления доводов. «В случае одностороннего обращения наиболее сильный довод лучше предоставлять первым – он привлечет внимание аудитории и заинтересует ее (это касается, прежде всего, рекламы в газетах и других медиа, которую аудитория воспринимает не полностью). Для заинтересованных в товаре потребителей, напротив, более эффективным может стать обращение, построенное по принципу кульминации. Двустороннее обращение к негативно настроенной аудитории целесообразно начинать с предполагаемых контрдоводов потребителей и заканчивать наиболее убедительными собственными аргументами» [6, с. 536].

Перейдем к следующему этапу – источнику сообщения. Во многих коммуникациях нет иных источников, кроме самой компании. В других случаях сообщение исходит от лица неизвестных или знаменитых людей. Понятно, что сообщение, исходящее из популярного или привлекательного источника, сильнее притягивает к себе внимание аудитории и лучше запоминается. Именно поэтому рекламодатели часто привлекают известных актеров и других знаменитостей. Данный прием особенно эффективен, если приглашенные знаменитости отождествляются с ключевыми качествами товара или услуги.

Вместе с этим очень важно, чтобы источник сообщения вызывал доверие у потребителя. Есть несколько факторов, которые обычно определяют восприятие источника сообщения: компетентность, достоверность и возникновение симпатии. Компетентность – это специальные знания, которыми обладает источник обращения и которые позволяют ему что-то утверждать. Достоверность означает восприятие источника обращения как объективного и честного. Фактор симпатии состоит в привлекательности источника для аудитории (искренность, чувство юмора, ответственность). Наряду с доверием к источнику выделяется его репутация. Она имеет огромное значение.

Сейчас мы рассмотрим один из самых сложных этапов – выбор каналов коммуникации. «Выбор эффективных каналов коммуникации становится все труднее, поскольку каналы коммуникации становятся все более фрагментированными и перенасыщенными информацией» [6, с. 539]. Для того чтобы подтвердить данное высказывание, мы приведем статистику сейлз-хауса WebExpert, где даются следующие статистические данные за 2017 год, сколько миллионов долларов было потрачено на: ТВ-рекламу – 37 млн, Интернет-рекламу – 18,3 млн, ООИ – 8 млн, пресса – 4,2 млн и радио – 3,8 млн. Неудивительно, что телевидение и интернет лидируют по инвестициям в рекламные обращения и кампании. Их по праву можно назвать самыми фрагментированными и перенасыщенными информацией каналами [7].

В основном выделяют два типа каналов коммуникации – личные и неличные. Они, в свою очередь, могут делиться на большее число разновидностей. Под личными каналами коммуникации понимается общение двух и более человек, причем общение может проходить в форме диалога, обращения одного человека к аудитории, телефонной беседы, обмена информацией по электронной почте и т. д. Эффективность личных каналов коммуникации определяется индивидуальностью презентации и обратной связью.

Личные каналы делятся на пропагандистские, экспертные и социальные. Первые используют торговые представители компании, которые связываются с представителями целевой аудитории. Экспертные каналы образуют независимые эксперты, которые делают заявления для представителей целевой аудитории. Социальные каналы – соседи, друзья, родственники и коллеги, которые общаются с представителями целевой аудитории.

Рассмотрим неличные каналы коммуникации. Каналы неличной коммуникации – это средства распространения информации, пере-

дающие обращение в условиях отсутствия личного контакта и обратной связи. Таковыми являются средства массового и избирательного воздействия: радио, телевидение, интернет, газеты, журналы, вывески, плакаты и т. д. Также к неличным каналам коммуникации относят специфическую атмосферу. Под специфической атмосферой понимается специально созданная среда, способствующая возникновению или укреплению предрасположенности покупателя к приобретению или использованию товара. И наконец, к неличным каналам коммуникации относят специальные события и мероприятия, рассчитанные на донесение до целевых аудиторий каких-то конкретных обращений. Специальные мероприятия могут привлечь внимание, но будут ли они оказывать продолжительный эффект на осведомленность, во многом будет зависеть от качества товара или услуги, от программы мероприятия и от ее реализации.

У личных и неличных каналов коммуникации есть свои преимущества и недостатки. Для того чтобы использовать их наиболее эффективно, можно прибегнуть к их интеграции. Идеи, передаваемые с помощью неличных каналов коммуникации, транслируются населению лидерами мнений. Влияние СМИ на общественное мнение является немного переоцененным и непрямым, так как информация проходит через «посредников», которые доносят ее до целевой аудитории.

Следующий этап – определение размера бюджета маркетинговых коммуникаций. Определение размера бюджета – один из самых сложных вопросов при разработке эффективной кампании коммуникаций. Размер бюджета сильно варьируется в зависимости от отрасли и самих компаний. «В косметических компаниях бюджет продвижения товара составляет 40–45 % от выручки, а у производителей промышленного оборудования – от 5 до 10 %» [6, с. 540].

Традиционно выделяют четыре метода формирования бюджета: метод доступности, процента от объема продаж, конкурентного паритета и метод целей и продаж.

Заключительный этап – это оценка результатов и подведение итогов. На этапе подведения итогов необходимо сопоставить полученный результат с первоначальными целями и ожиданиями. Мы уже делали акцент на том, что все показатели измерить совершенно точно просто невозможно, но существуют показатели, которые поддаются количественной оценке: количество просмотров, звонков, заказов, посещений и т. д. Их необходимо измерить и занести

в специальный отчет, который впоследствии должен быть изучен специалистами организации.

Сейчас мы рассмотрим, какие инструменты помогают организовать и осуществить эффективные маркетинговые коммуникации. Для того чтобы осуществить все этапы, которые мы рассмотрели выше, существует ряд необходимых инструментов: реклама, стимулирование сбыта, спонсорство и связи с общественностью.

«Успех организации сферы услуг на рынке достигается решением комплекса задач. Отличный дизайн рекламы услуг, качественное оказание услуг, рациональная цена услуг, продуманное продвижение услуг – необходимые элементы для достижения успеха на целевом рынке. Маркетинговая задача информирования целевого рынка об организации, месте предоставления услуг, заключается в убеждении максимального количества людей в существовании достоинств организации сферы услуг» [8, с. 450].

Комплекс маркетинговых коммуникаций включает в себя 4 основных инструмента:

1. Реклама – любая оплачиваемая известным заказчиком форма неличного представления и продвижения идей, товаров или услуг.

2. Стимулирование сбыта – разнообразные краткосрочные побудительные приемы, призванные ускорить или увеличить приобретение товаров или услуг.

3. Спонсорство – финансируемые компанией мероприятия и программы, имеющие целью создание повседневных или специальных контактов потребителей с торговой маркой.

4. Связи с общественностью (публик-релейшнз, PR) – разнообразные программы, целью которых является продвижение или защита имиджа компании или отдельных ее товаров.

Для того чтобы выстроить качественные маркетинговые коммуникации, необходимо пройти следующие этапы:

1. Определение целей. С помощью МСО можно достигнуть самых разных целей: повысить уровень осведомленности об услуге, укрепить доверие, сократить расходы на продвижение и т. д. Необходимо выбрать для себя основное направление и дальше выстраивать кампанию по достижению необходимой цели.

2. Выбор обращений и их носителей. На данном этапе необходимо создать хороший информационный повод и определить, через какой канал о нем лучше будет рассказать: статья в прессе, специальный выпуск на телеканале, заметка в блоге, видеоролик на YouTube

и т. п. Хорошая PR-кампания сразу может обращаться к нескольким аспектам бренда, поэтому подходить к ее подготовке нужно со всей серьезностью.

3. Реализация планов и оценка результатов. Результаты PR-кампании особенно трудно измерить. Наиболее простой показатель эффективности маркетинговых коммуникаций – это число контактов, осуществленных через средства информации. Однако этот показатель трудно назвать объективным, так как измерить, какое количество людей удалось охватить, практически невозможно. Еще один критерий оценки – оценка имиджа. «Мониторинг PR-имиджа организации сферы услуг представляется постоянным контактом с субъективным мнением общественности, а также работа с объективными данными (материалами рекламных кампаний, аналитикой действий конкурентов)» [9, с. 452].

Связи с общественностью сейчас распространены практически во всех сферах услуг. Ярче всего сейчас они представлены в здравоохранении, сфере образования, армейской деятельности (особенно на Западе), в банковской сфере и т. д.

При выводе новой услуги на рынок разумно будет начинать именно со связей с общественностью, а не с рекламы. Часто PR-кампания может оказаться дешевле рекламной кампании, а эффект будет более ощутимым и продолжительным.

При организации эффективных маркетинговых коммуникаций будет мало подключать какой-то один инструмент, вряд ли результат окажется хотя бы удовлетворительным. Необходимо интегрировать разные инструменты, учитывая задачи, стоящие перед организацией, чтобы добиваться положительного эффекта.

Подводя итог, мы можем сказать, что система маркетинговых коммуникаций представляет собой сложную поэтапную систему, где каждый шаг взаимосвязан и определяет возможность достижения поставленной цели. СМК имеет свои специфические особенности при продвижении культурной услуги, так как культурная услуга представляет собой сложный симбиоз творческой деятельности и направленности на удовлетворение запросов аудитории. При продвижении культурной услуги будут использоваться следующие инструменты: реклама, связи с общественностью и стимулирование сбыта. Для организации СМК необходимо будет проанализировать и сегментировать целевую аудиторию, определить цели коммуникации, разработать сообщение, выбрать каналы коммуникации и определить бюджет.

Литература

1. Большая экономическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2007. – 816 с.
2. Райзберг, Б.А. Современный социоэкономический словарь / Б.А. Райзберг. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 629 с.
3. Котлер, Ф. Основы маркетинга: учебник / Ф. Котлер. – М.: Прогресс, 1990. – 256 с.
4. Сфера услуг становится определяющей в белорусской экономике – выводы Дмитрия Ивановича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://probusiness.io/statistics/2858-sfera-uslug-stanovitsya-opredelyayushchey-v-belorusskoy-ekonomike-vyvody-dmitriya-ivanovicha.html>. – Дата доступа: 15.06.2019.
5. Сколько дать на рекламу? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://marketing.by/mnenie/skolko-dat-na-reklamu/> – Дата доступа: 30.11.2018.
6. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К.Л. Келлер. – 14-е изд. – СПб.: Питер, 2015. – 800 с.
7. Доля сферы услуг в ВВП Беларуси составляет 48% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/economics/view/dolja-sfery-uslug-v-vvp-belarusi-sostavljaet-48-219973-2016/>. – Дата доступа: 29.11.2017.
8. Беквит, Г. Четыре ключа к маркетингу услуг / Г. Беквит; пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 252 с.
9. Котлер, Ф. Маркетинг от А до Я: 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер / Ф. Котлер; пер. с англ. – 7-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 211 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИА: МЕХАНИЗМЫ ТРАНСМЕДИЙНОГО ПЕРЕНОСА

А. В. Зезюлевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
факультет истории, коммуникации и туризма, ул. Октябрьская, 5,
230023, Гродно, Республика Беларусь
e-mail: zezulevich_av@grsu.by

Рассматривается феномен трансмедийного сторителлинга и предпринимается попытка выявить трансмедийный потенциал художественной литературы. Определены возможные способы организации трансмедийных текстов на основе литературных произведений.

Ключевые слова: трансмедийность, трансмедийный сторителлинг, трансмедийный текст, медиатекст, литературный текст.

LITERATURE TEXT IN MEDIA SPACE: MECHANISMS OF TRANSMEDIA TRANSFER

A. V. Zezyulevich

Yanka Kupala State University of Grodno,
Faculty of History, Communication and Tourism, Oktiabrskaya st. 5,
230023, Grodno, Republic of Belarus
e-mail: zezulevich_av@grsu.by

The phenomenon of transmedia storytelling is considered and an attempt to reveal the transmedia potential of fiction is made. The possible ways of organizing transmedia texts based on literary works are identified.

Key words: transmedia, transmedia storytelling, transmedia text, media text, literary text.

В последнее время в исследованиях по медиалингвистике все чаще звучит мысль о возникновении нового формата медиатекста, главной особенностью которого является синкретизм воспроизведения действительности. Процесс создания нового типа медиатекстов определяется термином «transmedia storytelling» («трансмедийный сторителлинг»), который восходит к работам американского философа и культуролога, профессора коммуникации, журналистики и киноискусства Южно-Калифорнийского университета Генри Дженкинса (Henry Jenkins). Понятие «transmedia storytelling» Г. Дженкинс ввел в научный оборот в 2003 г. в одноименной статье, опубликованной в журнале Массачусетского технологического института «MIT Technology Review». «Трансмедийный сторителлинг представляет собой такой тип повествования, при котором связанные между собой элементы одной истории особым образом распределены между разными медийными каналами с целью создания единого медиапродукта <...> В идеальном случае трансмедийного сторителлинга медиа выполняют те задачи, которые способствуют наилучшему восприятию данного продукта: одна и та же история может быть представлена в художественном фильме, расширена с помощью средств телевидения, продолжена в романах или в комиксах, а ее мир может быть изучен и испытан в компьютерной игре» [2]. В монографии «Культура конвергенции: столкновение старых и новых медиа» (2006) Г. Дженкинс, развивая концепцию трансмедийного сторителлинга, отмечает, что каждый новый текст, созданный на отдельной медиаплатформе, становится уникальным и ценным

дополнением к целому повествованию [3, с. 95–96], поскольку приносит новые детали и смыслы в исходную историю, тем самым обеспечивая ее непрерывность. При этом исследователь называет технологии трансмедийного сторителлинга «сердцем» культуры конвергенции [3, с. 129], тем самым определяя эстетический характер данного явления.

Важно отметить следующее: разрабатывая концепцию трансмедийного сторителлинга, Г. Дженкинс исследует в основном современные массмедиа, чаще затрагивает сферу кинематографа. Указывая на тесную взаимосвязь и взаимовлияние современных медиаплатформ друг на друга, исследователь, однако, практически оставляет «за кадром» художественную литературу (примеры литературных произведений, вовлеченных в трансмедийные проекты, в работах Г. Дженкинса единичны), игнорируя тем самым ее мощный «сторителлинговый» потенциал и оставляя без рассмотрения весь комплекс проблем, связанных с механизмами и закономерностями трансмедийного переноса художественных текстов.

В настоящее время художественная литература развивается и функционирует в тесной связи с процессами, характерными для медиасферы в условиях цифровой и социокультурной глобализации. Литературные тексты, как и медиатексты, подвержены влиянию постоянно ускоряющегося информационного обмена, вовлечены в сложные механизмы коммерциализации и монетизации контента, зависимы от развития электронных средств массовой коммуникации, вынуждены постоянно адаптироваться к запросам целевой аудитории, которые стремительно изменяются под влиянием общих тенденций жизни современного социума. Для литературного процесса последних десятилетий характерно появление новых тем, жанровых форм и форматов существования художественного текста. Безусловно, развивается и наука о литературе, перечень современных литературоведческих работ, касающихся таких вопросов, как, например, специфика сетевой литературы, фанфикшен или экранизация литературного произведения, весьма обширен, однако и сетевое творчество, и фанфики, и фильмы, снятые по мотивам художественных произведений, изучаются в основном как самостоятельные социокультурные феномены, вне контекста трансмедийности и трансмедийного сторителлинга. На наш взгляд, представляется интересным рассмотреть явления современной литературы в парадигме связей «литературный текст – медиатекст – трансмедийный текст».

Одним из способов конструирования трансмедийного текста является выстраивание связей между литературным произведением и компьютерной игрой. Указанный вид трансмедийного переноса может быть назван вторым по популярности после сцепки «литература – кинематограф». Компьютерная игра дает огромные возможности для развития художественного произведения в трансмедиа: виртуальный мир игры может развивать литературный текст в самых разных плоскостях – от повторения основных фабульных элементов до создания автономных от книги сюжетных ответвлений, а также игра позволяет модифицировать исходный хронотоп и систему персонажей. Кроме того, компьютерным играм присуща высокая степень вовлеченности пользователя в создаваемый мир благодаря механизму самоидентификации игрока и игрового персонажа. Также большое влияние на трансмедийные связи литературных текстов и компьютерных игр оказывает развитие компьютерной индустрии в целом: речь идет о технологиях создания виртуальной и дополненной реальности.

Примером трансмедийного текста, выстроенного на взаимодействии книги и компьютерной игры, может быть назван проект «Ведьмак» («The Witcher»). Литературной основой проекта послужил цикл книг «Сага о ведьмаке» (1986–2013) польского писателя А. Сапковского о Геральте из Ривии – ведьмаке-мутанте, охотнике за монстрами. Произведения А. Сапковского написаны в поджанре темного фэнтези, сочетающем признаки готической и фэнтезийной литературы, и, в соответствии с жанровым канонem, посвящены актуальным для современного читателя проблемам: философское осмысление выбора из двух зол, прогресс и плата за него, негативное влияние цивилизации на природу, столкновение культур, нетерпимость и геноцид. По мотивам книг польской студией CD Projekt RED была разработана мультиплатформенная компьютерная ролевая игра, состоящая из трех частей: «Ведьмак» (2007), «Ведьмак 2: Убийцы королей» (2012) и «Ведьмак 3: Дикая Охота» (2015). Заключительная часть игровой трилогии была высоко оценена геймерами во всем мире, собрала ряд наград «Лучшая игра года», присуждаемых специализированными изданиями и организациями. В плане сюжета игровая трилогия повествует о событиях, которые происходят после завершения событий книжной серии, при этом игра (в особенности третья часть) дает возможности пользователю «прожить» альтернативные варианты развития вселенной «Ведьмака»: разра-

ботчиками предусмотрены более 30 различных состояний игрового мира, к которым могут привести действия пользователя, и три варианта эпилога игры.

Необходимо отметить и тот факт, что трансмедийный проект «Ведьмак» не ограничен только книгами и компьютерной игрой, к нему примыкают серия комиксов (сюжет М. Паровского, иллюстрации Б. Польха), рок-опера «Дорога без возврата», поставленная в 2009 г. российской симфо-рок-группой «ESSE», и два сериала (польский сериал режиссера М. Бродского, вышедший в 2001 г., и сериал кинокомпании Netflix, съемки которого были начаты в 2018 г.), а также «Ведьмак» имеет многочисленные сетевые фанатские сообщества.

Трансмедийный перенос литературного произведения в мир компьютерной игры может осуществляться разными способами. В частности, одним из инструментов трансмедиа может выступать персонаж.

С точки зрения теории литературы, персонаж выполняет в художественном тексте двойную функцию. Как отмечает В. Е. Хализев, «персонаж имеет как бы двоякую природу. Он, во-первых, является субъектом изображаемого действия, стимулом развертывания событий, составляющих сюжет <...> Во-вторых, и это едва ли не главное, персонаж имеет в составе произведения значимость самостоятельную, независимую от сюжета (событийного ряда): он выступает как носитель стабильных и устойчивых (порой, правда, претерпевающих изменения) свойств, черт, качеств» [4, с. 185–186].

Такое свойство литературного персонажа является ключевым для трансмедийного переноса: на другой медийной платформе возможно изменение статуса (движение по оси «второстепенный – главный» или наоборот), развитие связанной с персонажем сюжетной линии или создание новой, не имеющейся в исходном тексте, создание ретроспекций (например, предыстория персонажа) и других дополнительных деталей по отношению к сюжету основной истории (расширение характеристики, углубление психологических мотивировок и т. п.), в том числе и введение в сюжет новых персонажей, созданных специально для медийной части истории. Все эти приемы дают возможность автору трансмедийного текста укрепить в сознании реципиента связи между известным ему исходным литературным текстом и новым произведением, создаваемым на медийной платформе, а в случаях, когда реципиент не знаком с книгой,

положенной в основу трансмедийного проекта, креативное переосмысление персонажа решает еще одну задачу: восполняет пробелы в знаниях реципиента и поясняет отдельные моменты, которые могут быть ему непонятны, поскольку каждый из составных элементов трансмедийного текста должен «прочитываться» не только в комплексе, но и по отдельности, вне зависимости от других частей.

В цикле произведений о Геральте из Ривии представлена разветвленная система персонажей: мир саги населен людьми, чародейками, ведьмаками, фантастическими существами; одни персонажи (Геральт, Лютик, Йеннифер, Цирилла и др.) действуют постоянно, с ними связаны основные события цикла, другие появляются в отдельных эпизодах, как, например, чародейка Трисс Меригольд. Она помогает главным героям в противостоянии с антагонистом в романе «Кровь эльфов». При этом автор наделяет Трисс интересной судьбой, но история героини проговаривается вскользь, воссоздается из отдельных диалогов: читатель узнает, что в прошлом чародейка принимала участие в битве на Содденском холме (это важный эпизод для вселенной «Ведьмака»: одна из генеральных сюжетных линий цикла связана с войной, которую ведет против других королевств мира агрессивная империя Нильфгаард; на Содденском холме состоялось главное сражение с нильфгаардцами, когда чародеи и волшебники, объединив усилия, дали отпор общему врагу). Бой был очень жестоким, и многие маги погибли. Трисс получила в этой битве тяжелые ранения, ее сочли погибшей, и на памятном знаке, поставленном на холме, имя Трисс Меригольд оказалось среди имен других погибших волшебников. Девушка чудом выжила, однако ее стали называть «Четырнадцатая с холма» – по числу павших на поле боя магов. Также читатель узнает, что у Трисс и Геральта была романтическая связь, однако развития эти отношения в книге не получили – по замыслу А. Сапковского Трисс и Геральт остаются хорошими друзьями.

Образ Трисс привлек внимание создателей компьютерной игры по мотивам книги. Во-первых, героиня обладает достаточным бэкграундом, чтобы читатель, решивший познакомиться с компьютерной версией «Ведьмака», вспомнил и узнал книжного персонажа. Во-вторых, предыстория Трисс дает широкий спектр возможностей для развития образа и продолжения истории. В частности, разработчики «сделали ставку» на классический сюжет любовного треугольника: по сюжету первых частей игры Геральт утратил память, забыв в том числе и о своей возлюбленной Йеннифер, и встретил

Трисс, с которой начал развивать романтические отношения. Затем к персонажу возвращается память и игрок, управляющий Геральтом, оказывается вовлеченным в непростые отношения ведьмака и двух чародеек. В заключительной части трилогии сюжет развивается таким образом, что игрок может выбрать, с кем в итоге останется Геральт: с Йеннифер или с Трисс. Возможен также вариант, когда игрок выбирает холостяцкую независимость или пытается развивать отношения с обеими героинями одновременно. От выбора игрока зависит концовка истории, поэтому для получения конкретного сценария игрок может многократно проходить отдельные квестовые линии игры. При этом в игре действует система, когда, выполняя квест определенным способом, игрок может получить скрытую награду («ачивку»). Так, например, если Геральт выбирает Йеннифер, Трисс уезжает и не принимает участие в финальном сражении с Дикой охотой – главным противником ведьмака в игре. Если же Геральт выбирает отношения с Трисс или остается в одиночестве, то в решающей исход игры битве участвуют обе чародейки, а игрок получает «ачивку» – отметку об определенном достижении в собственном игровом профиле.

Книги и компьютерные игры о ведьмаке спровоцировали появление огромного количества фанатского контента. Например, после выхода третьей части компьютерной игры на YouTube-канале пользователя Fenix Fatalist (М. Карпенко) появился анимированный клип на авторскую песню «Czternaście» (<https://youtu.be/IYfzNb7yEiU>). Текст песни написан от лица Трисс: героиня ведет диалог со своей соперницей Йеннифер и переживает разлуку с Геральтом. Художественные достоинства текста невелики, он очень простой и несложный для восприятия, но содержит отсылки к книгам («могильный камень я имею, будучи живой»), которые может не понять слушатель, знакомый только с игрой и не читавший сагу. Визуальный ряд клипа выполнен в стилистике компьютерной игры, отдельные кадры воспроизводят некоторые игровые сцены. В целом и песня, и клип органично вписываются в массовую культуру современности.

Внимания заслуживают комментарии, оставленные пользователями под видеороликом. Приведем некоторые из них (орфография и пунктуация исходного текста сохранена):

Иван Теллин: *Это... великолепно. Даже я, отдающий предпочтение Йен* (здесь и далее подчеркивание наше. – А. З.), *не могу не выразить свое глубочайшее уважение создателям данного ролика.*

Captain Candy: Всегда был за Йен, и при этом всегда было ужасно жаль Трисс в этой ситуации...

Вадим Фаткуллин: Конечно, глупо звучит т.к это персонаж из книг и игр, но я желаю найти Трисс того с кем она будет чувствовать себя также хорошо, как и с Геральтом. Очень жаль девушку она не достойна таких душевных терзаний из-за полюбившегося ее ведьмака.

Гюнтер О'дим: Все-таки мне жалко Трисс... Но Йеннифэр, Геральт и Цири-это одна семья. Семья, которая слишком много пережила, чтобы ее разрушить...

DANILKA97: Замечательная песня! <...> Если же просто говорить об игре и о личном опыте, то я так и не смог выбрать между Трисс или Йеннифэр...

Mary Cry: Лайк однозначно. Так грустно за Трисс, по игре выбираю Йеннифэр жалко Трисс, выбираю Трисс жалко Йеннифэр, просто сердце разрывается...

Евгений Игнатенко: ...Трисс – живая и жизнерадостная, с ней хорошо...

Приведенные комментарии свидетельствуют о том, что сюжетная линия Трисс и Геральта воспринимается пользователями как история из настоящей жизни, т. е. как альтернативная часть реальности, а значит трансмедийный перенос между художественным литературным текстом, компьютерной игрой и любительским контентом осуществился: история ведьмака начинает функционировать в пространстве культуры как самостоятельное смысловое образование без привязки к определенному носителю информации.

Таким образом, становится очевидным, что экстраполяция концепции трансмедийности на область художественной литературы не только позволяет в значительной степени расширить понимание актуальных тенденций литературного процесса и особенностей современной социокультурной ситуации, но и дает возможность выявить специфику соотношения действительности и современного искусства. Следовательно, изучение трансмедийности как свойства художественной литературы и выявление ее механизмов и закономерностей может стать продуктивным направлением литературоведческих исследований и внести серьезный вклад в теорию литературы и культуры в целом.

Литература

1. Пильгун, М. А. Transmedia Storytelling: перспективы развития медиа-текста / М. А. Пильгун // Медиаскоп : электронный научный журнал [Электронный ресурс]. – 2015. – Вып. № 3. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/1773#22>. – Дата доступа: 10.01.2019.
2. Jenkins, H. Transmedia Storytelling [Electronic resource] / H. Jenkins // MIT Technology Review. – 15.01.2003. – Mode of access: <https://www.technology-review.com/s/401760/transmedia-storytelling/>. – Date of access: 12.01.2019.
3. Jenkins, H. Convergence culture: where old and new media collide / H. Jenkins. – NY.; L.: New York University Press, 2006. – 316 p.
4. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2004. – 405 с.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЯХ

А. А. Касперук

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220030 Минск, Республика Беларусь
e-mail: bekon@tut.by

В статье рассматриваются актуальные бизнес-модели кросс-культурного менеджмента.

Ключевые слова: кросс-культурные коммуникации, кросс-культурный менеджмент.

CROSS-CULTURAL MANAGEMENT AND CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN MODERN BUSINESSES

A. Kasperuk

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220030 Minsk, Belarus
e-mail: bekon@tut.by

The article discusses current business models of cross-cultural management.

Key words: cross-cultural communication, cross-cultural management.

Аксиомой кросс-культурного менеджмента является сравнение культур. В современных глобальных бизнес-организациях областями,

где происходит коммуникация и взаимодействие разных культур, их сравнение, являются традиционные сферы жизнедеятельности компании. Как правило, это развитие организационной культуры и ценностей, межкультурная коммуникация и взаимодействие с внешней средой, маркетинг и реклама, развитие и карьера персонала и другие. Это видимые маркеры. Вместе с тем существуют и невидимые, но ощущаемые. Эффективность бизнес-организаций зависит от уровня коммуникаций и взаимодействия персонала, а также состояния и эффективности основных элементов бизнес-среды, взаимодействующих друг с другом: гордость, влияние, поведение, ценности и результат.

По определению В. С. Библера, «культура собственной территории не имеет... каждый культурный атом существенно живет на границах... культура живет на этой границе, живет этой границей». В этом контексте поиск и изучение собственно организационной культуры компании представляется добровольным самоограничением менеджмента.

Современная бизнес-среда характеризуется тем, что значительная часть компаний работает в условиях межкультурных различий сотрудников, клиентов и пользователей, в условиях удаленного доступа и географических расстояний. Эти и другие препятствия преодолеваются или, по крайней мере, минимизируются интеграцией и инновациями, технологиями кросс-культурного менеджмента. Очевиден вопрос о факторах, препятствующих либо способствующих сплочению персонала в единое целое. Поиск решения проблем занимаются как теоретики менеджмента, так и практики бизнеса.

Так, например, анализируя виртуальные глобальные интегрированные предприятия, ученые С. Лоджески и Р. Рейли пришли к выводу, что расстояние и география становятся фактором, препятствующим сплочению коллектива. Для характеристики невидимых барьеров между людьми, порожденных различиями культур, причем не важно, где находятся сотрудники – в помещении одного офиса или региональных представительствах по всему миру – в научный оборот ими введено понятие «affinity distance». Вторым обнаруженным фактором стала психологическая разобщенность при «совместном» решении повседневных задач. Увеличение численности персонала приводит к снижению сплоченности и ответственности. В качестве методов минимизации влияния данных факторов авторы предложили в виртуальных коллективах решать проблемы доверия, инноваций и новаторства, а также менеджмента.

Актуальные модели менеджмента сегодня выражаются через такие понятия и категории, как устойчивость, инновации, стратегии и позиционирование культурного разнообразия, клиенты, HR, бенчмаркинг, лидерство, внедрение. Основное содержание современных исследований кросс-культурного менеджмента определяется в парадигме данного проблемного поля. При этом акцент на кросс-культурный менеджмент, учитывающий культурные различия, позволяет топ-менеджерам решать проблемы персонала глобальных организаций, фиксации процессов трансформации формальных и неформальных структур жизнедеятельности людей в кросс-культурном поле.

Эксперт по кросс-культурному менеджменту Ф. Тромпенаарс и автор концепции социального маркетинга и дилеммы инноваций П. Х. Кеберг в своей работе «Сто ключевых моделей и концепций управления» рассмотрели известные модели бизнеса от стратегии голубого океана до трех уровней культуры по Э. Шейну, а также семи измерений деловой культуры по Ф. Тромпенаарсу. Авторы разработали собственную типологию корпоративной культуры. Они считают, что влияние ценностей культуры на конкурентоспособность организации является значимым и актуальным для современного менеджмента [1].

Практика и опыт деятельности современных компаний свидетельствуют о том, что технологии кросс-культурного менеджмента позволяют им при реализации стратегии и целей быть высокопродуктивными и эффективными организациями. Результаты последних исследований показывают, что движение в сторону эффективности увеличивает риск утраты устойчивости бизнес-модели. В связи с данным обстоятельством Р. Мартин предлагает бизнесу при достижении целей эффективности одновременно добиваться целей устойчивости компании [2]. Межкультурные различия преодолеваются развитием корпоративной адаптированности.

Перспективным направлением представляется решение проблем уровня доверия сотрудников. Результаты новых исследований в этой области выявили корреляцию между целями компании и уровнем корпоративного обмана. Так, Р. Каруччи установил, что «вероятность сокрытия или искажения правдивой информации в 2,83 раза выше, когда в компании нет согласованности между заявленной миссией, целями и ценностями и тем, что сотрудники и рынок видят в реальности» [3]. Эту диалектику любви точно выразил А. С. Пушкин в стихотворении «Признание»: «Ах, обмануть

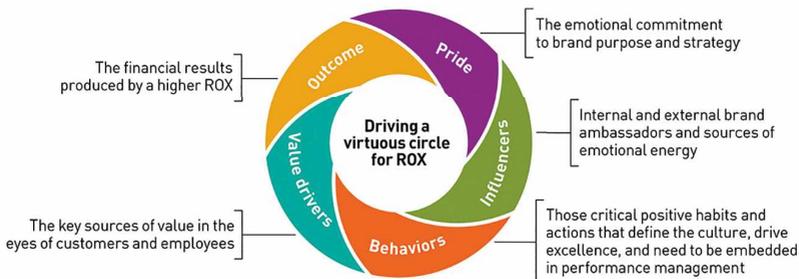
меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!». Иными словами, недостаток корпоративной культуры и любви вызывают ложь и обман, а содержание действий руководителей компании зеркально отражается в поведении со стороны сотрудников. В качестве технологий развития доверия и вовлеченности персонала международная консалтинговая компания McKinsey, специализирующаяся на решении задач, связанных со стратегическим управлением, предлагает правильную постановку целей в организации [4].

Компания Google первой внедрила систему OKR, к которой перешли Intel, Twitter и десятки тысяч других компаний. Термином OKR (objectives and key results) обозначают цели и ключевые результаты. Основной идеей OKR является публичность целей компании для всех сотрудников, групп и команд, что при известных условиях способствует развитию механизмов координации и самореализации [5].

Наряду с «апробированными» методиками ведущими предприятиями в бизнес-среде активно используются и новые метрики, связывающие эффективность, результативность деятельности со стратегией, культурой и управлением талантами. Мировые компании активно изучают метрику ROX, которая связывает и объединяет инвестиции в организационную культуру с инвестициями в технологии и аналитику, также позволяя менеджменту переоценивать эффективность систем управления, оперируя такими маркерами, как результат, гордость, влияние, поведение, ценности.

Исследование MIT 2017 года показывает, что компании, которые обеспечивают отличный опыт сотрудников, на 25 процентов более прибыльны, чем компании, которые этого не делают.

Building ROX metrics reinforces a virtuous circle and amplifies value

Source: PwC, Global Consumer Insights Survey 2019

Таким образом, анализ тенденций развития кросс-культурного менеджмента и межкультурных коммуникаций в современных бизнес-организациях свидетельствует о тенденциях перехода от изучения межкультурных различий, корпоративной культуры организации к исследованию механизмов обеспечения устойчивости организаций, а также к поиску приемлемых культурных технологий управления в условиях многообразия культур.

Литература

1. Букина, В.Г. Кросс-культурный менеджмент и межкультурная коммуникация / В.Г. Букина. – М.: ГУУ, 2008. – 67 с.
2. Высокая цена эффективности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hbr-russia.ru/management/upravlenie-personalom/794814>. – Дата доступа: 29.01.2019.
3. Четыре признака корпоративной лжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hbr-russia.ru/management/korporativnyu-opyt/795727>. – Дата доступа: 29.01.2019.
4. How effective goal setting motivates employees [Electronic resource] / Sabrine Chowdhury, Elizabeth Hioe, 27.12.2017. – Mode of access: http://www.ycsg.yale.edu/core/forms/Reforming_un.pdf. – Date of access: 20.01.2019.
5. OKR objectives and key results [Electronic resource]. – Mode of access: <https://weekdone.com/resources/objectives-key-results>. – Date of access: 25.01.2019.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУР В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Л. В. Рычкова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
факультет истории, коммуникации и туризма,
ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь
e-mail: l.v.rychkova@mail.ru

Современное коммуникативное пространство демонстрирует интенсификацию взаимодействия языковых кодов, что проявляется в распространенности в текстах СМИ различных видов иноязычных вкраплений. Явления такого рода рассматриваются в статье в аспекте взаимодействия лингвокультур.

Ключевые слова: лингвокультура, СМИ, межкультурное взаимодействие, языковые контакты, переключение кодов, иноязычные вкрапления, взаимодействие лингвокультур.

THE INTERACTION OF LINGUOCULTURES IN THE TEXTS OF MODERN MASS MEDIA

L. V. Rychkova

Yanka Kupala State University of Grodno,
Faculty of History, Communication and Tourism,
Ozheshko st. 22, 230023, Grodno, Republic of Belarus
e-mail: l.v.rychkova@mail.ru

Modern communicative space demonstrates the intensification of interaction of language codes, which, in particular, is manifested in the prevalence of different types of foreign language inclusions in media texts. In the article such phenomena are considered in the aspect of interaction of linguocultures.

Key words: linguoculture, mass media, intercultural communication, language contacts, codes switching, the foreign inclusions, the interaction of linguocultures.

Глобализация и интенсификация интеграционных процессов обуславливают рост языковых контактов и, как следствие, расширение сферы взаимодействия языковых кодов в межкультурной коммуникации. Взаимодействие языков в аспекте межкультурной коммуникации проявляется в смешении и переключении языковых кодов в речи индивидов, а также в активном использовании иноязычных номинаций в рамках определенного языкового кода. Под «кодом», вслед за Т. И. Маркеловой [8], мы понимаем систему правил употребления и комбинирования определенных знаков и присвоения им значений для передачи сообщения. Одним из важнейших свойств любого кода принято считать его способность передавать значения разного уровня с помощью одной системы знаков. Выступая не только как система знаков, снабженная правилами их употребления, но и как система символов, понимание которых возможно только при определенных знаниях о культуре той языковой общности, в которой он используется, код становится не только средством коммуникации, но и инструментом репрезентации культурных концептов, отражая таким образом определенную лингвокультуру.

Понятие лингвокультуры, несмотря на частотность употребления самого термина, остается пока неопределенным. Наиболее адекватным нашим целям представляется определение лингвокультуры, предложенное М. А. Федоровым, который под лингвокультурой понимает «всю совокупность массива информации и культуры, полу-

чившей объективацию в языке» [12, с. 85], а «к содержанию лингвокультуры» относит «значимые единицы языка, рассматриваемые в аспекте функций культуры». Таким образом, «будучи представлены в речевой деятельности, единицы лингвокультуры являются объективными феноменами» [12, с. 86].

Часто смена кода используется как средство стратегии общения для передачи и донесения определенной информации в аудитории, владеющей этими кодами: «Многие исследования иллюстрируют смену кода как вербальное умение, требующее обширной компетенции в более чем одном языке. При высокой степени владения разными кодами или субкодами, когда использование их в значительной мере автоматизировано, сам процесс кодового переключения может не осознаваться говорящим, особенно в тех случаях, когда другой код используется не целиком, а во фрагментах» [13, с. 140].

Переключение кодов тесно связано, но не тождественно таким явлениям, как заимствование языковых единиц и иноязычные вкрапления в речь. В современной микросоциолингвистике различия между этими явлениями поясняются следующим образом: переключаясь на другой код (например, на иной язык), говорящий использует его элементы в полном соответствии с фонетическими, грамматическими и иными свойствами этих элементов; при заимствовании слово или какая-либо другая единица подчиняется (хотя бы частично) фонетике и грамматике заимствующего языка; при вкраплении сохраняется иносистемный облик вкрапливаемого элемента, но этот элемент употребляется в некоем «застывшем» виде, не изменяясь в соответствии со словоизменительными моделями или с моделями синтаксическими, принятыми в языке происхождения [9]. Считается, что, сохраняя фонетические и грамматические признаки, свидетельствующие об их иносистемном характере (принадлежности к другому языку, диалекту), иноязычные вкрапления обладают способностью воссоздавать «местный колорит» [10].

Тем не менее, Т. И. Маркелова считает, что «языковые единицы, представленные в текстах в виде иноязычных вкраплений различной протяженности, являются результатом действия одного и того же когнитивного механизма – переключения языкового кода» [7, с. 131–132].

Л. П. Крысин рассматривает иноязычные вкрапления в качестве одного из типов иноязычных слов наряду с заимствованиями и экзотической лексикой, отмечая, что между этими типами существу-

ют «структурные и функциональные различия». Сами иноязычные вкрапления разделены исследователем на две группы:

1. Слова и словосочетания, которые «имеют интернациональный характер и могут быть употреблены в текстах любого культурного языка». Эти слова представляют собой «межъязыковой словесно-фразеологический фонд» и могут употребляться как в разных стилях книжной речи, так и в разговорной речи.

2. Иноязычные элементы, которые не могут быть названы устойчивыми или интернациональными. Очень часто они используются в связи с художественно-стилистическими задачами, а также для отражения индивидуального словоупотребления [5, с. 47–49].

Наиболее подробная типология самих иноязычных вкраплений представлена в работе И. Н. Гераниной, которая, обобщив данные научных публикаций, выделила следующие типы иноязычных вкраплений:

1. Полное иноязычное вкрапление – отрезок текста на иностранном языке (самостоятельные предложения или их сочетание, междометие, обращение, часть сложного предложения, вставная или вводная конструкция), включенный в текст без каких-либо изменений.

2. Частичное иноязычное вкрапление – слово, словосочетание, предложение или даже отрывок иностранного текста, которые частично (фонетически или морфологически) ассимилированы в языке или включены в синтаксические отношения с членами предложения.

3. Контаминированное вкрапление, так называемое явление «ломаной речи», представляющее собой слово, словосочетание или предложение (или отрывок текста), употребленное по законам другого языка или с нарушением закона данного языка.

4. Нулевое вкрапление. Нулевые вкрапления даются в одном ряду с полными, частичными и контаминированными вкраплениями, также как и те и другие используются в текстах для передачи иностранной речи или речи иностранцев, нередко заменяя или дополняя друг друга, т. е. выполняют те же стилистические функции, что и другие типы вкраплений [1].

В любом случае «включение элемента иноязычного кода в дискурс, независимо от его прагматической, а значит и стилистической ценности, всегда является выразительным средством в силу вызываемого им столкновения разных языковых систем» [8, с. 190]. Включение и употребление инокодовых элементов в иной системе знаков может быть обусловлено разными факторами и использоваться в самых

разных целях. Однако во всем многообразии функций иноязычных элементов в дискурсе можно отметить их принципиальную общность: она проявляется в их неразрывной связи с культурой, и, как только эта связь утрачивается или становится менее ощутимой, иноязычное вкрапление уже не воспринимается как чужеродный элемент и обретает свое место в данной языковой системе [8].

Таким образом, иноязычные вкрапления используются прежде всего для номинации инокультурных концептов или реалий, что приводит к неизбежному в подобных случаях взаимодействию лингвокультур. Выполняя номинативную функцию, давая номинации тем явлениям и предметам, которые не отражены в данной лингвокультуре, иноязычные вкрапления, являясь прагматически маркированными словами, неразрывно связаны и с такими гранями широко понимаемой прагматической функции, как сжатие текста (компрессирующая функция) и/или привлечение внимания (аттрактивная функция) (подробнее об этом см., например, [4]).

Принято выделять два подхода к введению иноязычных вкраплений в текст:

1. Иноязычное слово, незнакомое или малознакомое читателю, воспроизводится без какого-либо комментария, перевода и т. п. Такой тип ввода иноязычных слов предполагает, что читатель сам определяет значение используемого элемента, опираясь на контекст или иконический компонент сообщения, который зачастую способствует раскрытию содержания иноязычных лексических единиц.

2. К незнакомому иноязычному слову прилагается комментарий, поясняющий его значение [2, с. 4].

В связи с активизацией межкультурной коммуникации проникновение иностранных слов в ту или иную лингвокультуру является распространенным и закономерным явлением. Иноязычные вкрапления на сегодняшний день крайне часто используются в дискурсе, что, естественно, приводит к взаимодействию кодов различных языковых систем и к взаимодействию лингвокультур. Так, в узусе многих современных языков наблюдается экспансия англицизмов, но и «английский язык, превращаясь в язык мирового сообщества, стремительно обогащается новыми заимствованиями и названиями инокультурных реалий на фоне всеобщей глобализации» [8, с. 190].

Независимо от типа, иноязычные вкрапления относятся к неассимилированной лексике и не принадлежат к системе использу-

ющего их языка, они не закреплены в толковых словарях, а также в словарях иноязычных слов. Их смысловая нагрузка может заключаться в том, чтобы подчеркнуть специфическую иностранную атмосферу, без чего понимание замысла автора невозможно. Как справедливо отмечает С. И. Манина [6], иноязычные вкрапления играют важную роль в создании особых коммуникативно-прагматических характеристик текста.

Как отмечает А. Л. Стрижак, «одно из главных условий успешности газетного издания – его многогранность – заключается в обращении к самым разнообразным сторонам современной жизни» [11, с. 18]. Соответственно, тексты СМИ не только отражают сам факт интенсификации межкультурного взаимодействия, но и заведомо должны отражать взаимодействие лингвокультур в тех случаях, когда, информируя об инокультурных реалиях или транслируя инокультурные концепты, используют для этого иноязычные вкрапления.

Е. Б. Коломейцева в своей статье, посвященной функционированию иноязычных вкраплений в различных стилях речи, отмечает, что часто в публицистическом стиле ведущую роль играет оформление вкрапления: графика, кавычки или их отсутствие, шрифт и цвет. В публицистическом стиле одинаково часто встречаются вкрапления в чужой графике и в графике принимающего языка, выступающие в различных функциях. Таким образом, в публицистическом стиле иноязычные вкрапления, скорее, выполняют аппелятивную и аттрактивную функции, нежели информативную [3].

Для подтверждения факта взаимодействия культур в текстах СМИ мы обратились к газетному модулю Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Объем всего корпуса составляет 433 373 документа, 16 669 748 предложений, 228 521 421 слово. На запрос а* (такой запрос позволяет найти все слова на латинице, которые начинаются с буквы а) было выдано 95 960 вхождений из 35 808 документов; по запросу b* (позволяет найти все слова на латинице, которые начинаются с буквы b) было найдено 32 993 документа, 79 708 вхождений; по запросу с*, соответственно, было найдено 12 630 документов, 83 948 вхождений. Отметим, что лишь в ответах по запросу с* наблюдался информационный шум, поскольку ряд контекстов содержали слова на кириллице, которые начинались с аналогичной по начертанию буквы. Тем не менее, полученные данные, а нами в запросах были исполь-

зованы только три первые буквы латинского алфавита, убедительно свидетельствуют о том, что современные СМИ демонстрируют массовые примеры взаимодействия лингвокультур и, очевидно, могут служить доказательным источником изучения различных рядов иноязычных вкраплений.

Литература

1. Геранина, И.Н. К определению понятия «Иноязычное вкрапление» / И.Н. Геранина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Языкознание. – 2007. – № 4. – С. 38–40.
2. Иноязычные вкрапления [Электронный ресурс] // Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия». – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=c&course=3&raz=4&pod=4> – Дата доступа: 10.03.2019.
3. Коломейцева, Е.Б. Функционирование иноязычных вкраплений в различных стилях речи / Е.Б. Коломейцева // Вестник Омского университета. Языкознание. – 2014. – № 4. – С. 185–187.
4. Коломиец, С.В. Иноязычные вкрапления в текстах русских рекламных сообщений / С.В. Коломиец // Вестник Кемеровского государственного университета. Языкознание. – 2012. – № 4. – С. 268–272.
5. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
6. Манина, С.И. Прагматические функции иноязычных вкраплений [Электронный ресурс] / С.И. Манина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/pragmaticheskie-funktsii-inoazychnyh-vkrapleniy>. – Дата доступа: 05.04.2019.
7. Маркелова, Т.И. Стилистическая значимость иноязычных вкраплений в английском публицистическом тексте / Т.И. Маркелова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. – 2012. – № 17. – С. 131–139.
8. Маркелова, Т.И. Стилистический аспект переключения кода в англоязычном дискурсе СМИ / Т.И. Маркелова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. – 2010. – № 17. – С. 187–199.
9. Переключение и смешение кодов [Электронный ресурс] // Основные понятия социолингвистики. – Режим доступа: <http://s0ci0.ru/osnovnyyeponyatiya-sociolingvistiki/64-pereklyuchenie-i-smeshenie-kodov.html>. – Дата доступа: 10.04.2019.
10. Словарь социолингвистических терминов [Электронный ресурс] // Коллекция словарей и энциклопедий. – Режим доступа: <http://www.endic.ru/sociolinguistics>. – Дата доступа: 10.04.2019.

11. Стрижак, А.Л. Новые слова и их значения в современных газетных текстах / А.Л. Стрижак. – Гомель: Барк, 2012. – 177 с.
12. Федоров, М.А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры / М. А. Федоров // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 6 (2). – С. 83–86.
13. Эбзеева, Ю.Н. Проблема переключения кодов и языковые контакты / Ю.Н. Эбзеева, Е.В. Тутова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 3. – С. 138–142.

**РЕГЕНЕРАЦИЯ, БРЕНД И ТУРИЗМ
В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ
(СЕВЕРНАЯ АНГЛИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ)**

Д. Н. Караваяева

Институт истории и археологии УрО РАН,
лаборатория междисциплинарных гуманитарных исследований,
ул. С. Ковалевской, 16, 10078, Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: dina.karavaeva@bk.ru

Статья посвящена исследованию основных направлений регионального брендинга, социокультурной и экономической регенерации (политика, реализация, общественные настроения) в бывшем промышленном монорегионе с исторически масштабной иммиграцией и «геттоизацией» – Северной Англии в Великобритании. Работа основана на историографических, политических, музейных, медийных источниках, а также полевых этнографических материалах.

Ключевые слова. Северная Англия, Великобритания, региональная/ локальная/ национальная идентичность, регенерация, постиндустриализм, мультикультурализм, региональный брендинг, бренд, туризм.

**REGENERATION, BRAND AND TOURISM
IN POSTINDUSTRIAL MULTICULTURAL REGIONS
(NORTHERN ENGLAND, UK)**

D. N. Karavaeva

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Kovalevskaya st. 16, 10078, Ekaterinburg, Russian Federation
e-mail: dina.karavaeva@bk.ru

The paper focuses on the research of the main directions of regional branding, socio-cultural and economic regeneration (policy, implementation, public discussions) in the former industrial monoregion with his-

torically large-scale immigration and “ghettoization” – Northern England in the UK. The work is based on historiographic, political, museum, media sources, as well as field ethnographic materials.

Key words: Northern England, UK, regional/local identity, regeneration, postindustrialism, multiculturalism, regional branding, brand, tourism.

Когда мы говорим о культуре или политике Англии в пределах Великобритании, в России принято иметь в виду Юго-Восточную Англию, а именно Лондон и предместья. Однако Англия является очень разноликой в культурном отношении территорией. Одной ее части, наиболее отличной от «иконического» стандарта – Северной Англии, – посвящена эта статья.

Региональный (северный) вариант национального, английского, имеет свои особенности, подчас делающие невозможным его сопоставление с «классическими» вариантами английскости. Здесь первостепенную роль играют такие факторы, как специфика развития региона Северная Англия и его локальных сообществ, разделение Севера и Юга, региональное брендингирование.

Регион Северная Англия относится к категории бывших индустриальных монорегионов. И если в XVII и XIX вв. маргинальный прежде Север превратился в экономически развитый регион, флагман индустриализма в Великобритании, то в XX в. он стал местом упадка, а также изменения своих прежних ролей после приватизации производства во времена правления М. Тэтчер в 1980-е гг. Отдельные попытки лейбористского и консервативного правительств в 1990–2000-е гг. создать условия для регенерации регионов путем развития сферы услуг, восстановления части или организации новых производств существенно не исправили положения дел. И сегодня эта промышленная вотчина рабочего класса превращается в постиндустриальный «зал ожидания». Опыт бывшего «промышленного гиганта» Северной Англии является примером сложного сочетания, с одной стороны, успехов в решении проблем кризиса постимперской и постиндустриальной идентичности, с другой – проявлений деструктивной ностальгии, расизма, имперского национализма, межэтнических конфликтов, преступности, социальной фрустрации, разрыва отлаженных производственных отношений и социальных связей. Общие тенденции развития британского общества 1940–1980-х гг. (мультикультурализм, феминизм, молодежная «революция») также сформировали специфический облик региональной северной культуры.

Исторически северные города и индустриальные регионы привлекали туристов своими достижениями. Примером является Манчестерская выставка искусств 1857 г., призванная продемонстрировать возможности региона в производстве предметов роскоши и быта. В условиях упадка производства конца XX в. новые стратегии туризма ставили задачей обеспечить возможность выживания.

Новый подход берет начало в 1950–60-х гг., когда в ответ на бурное послевоенное строительство и снос георгианских и викторианских зданий в обществе стали появляться волонтерские сообщества, призванные сохранить культурное наследие [6, с. 80–81]. Это сопровождалось ростом интереса к истории и культуре рабочего класса, а также к проблемам традиционного производства, что, в свою очередь, привело к возникновению туристического и исследовательского движения индустриальной археологии и росту музейного строительства. В это время Н. Торольд писал о «современном индустриализме», пронизывающем северные территории, и о наличии там множества памятников конца XVIII – начала XIX вв., «невероятно интересных, драматических и идиократических» [19]. В 1989 г. в популярном гиде заявлялось, что «туристические вкусы изменились и расширились, и сегодня туристы посещают индустриальные места и викторианские городские центры наряду с традиционными соборами, замками и живописными деревеньками» [14].

В 1980–2010-е гг. большинство городов Северной Англии использовали урбанистический туризм как средство экономического роста и городской регенерации: бывшие индустриальные здания переделывались под офисные и жилые помещения, торговые центры, помещения для музейных экспозиций, художественных галерей и пр. Результатом подобной «политики» стало создание, например, музейного комплекса Альберт-Док в Ливерпуле в 1984 г., Исторического музея причала Уигана в 1986 г., а также Парка индустриального наследия Кастлфилдса в Манчестере и Салфорде в 1982 г. – в него вошли музеи индустриальных и научных достижений и повседневности, памятники римского периода, телевизионные студии, модные бары и др.

Последовавшие реформы музейного самоуправления (музеи начали самостоятельно распоряжаться своими финансовыми и проектными делами и стали тяготеть к совмещению экспонирования, обучения, производства, маркетинга) и возможности частных фондов позволили еще больше развиваться городскому туризму. Были реализованы такие проекты, как Национальный центр стек-

ла в Сандерленде в 1998 г., Национальный центр народной музыки в Шеффилде в 1999 г., Научно-приключенческий центр Магна в Ротерхаме в 2000 г., Центр Лоури в 2001 г., Национальный музей футбола в 2001 г. в Престоне и в 2012 г. в Манчестере, Балтийская фрахтовая биржа в Гейтсхеде Ньюкасла в 2002 г. и т. д. К 2000 г. из 24 национальных музеев на Север было перенесено 14 [4, с. 12–16, 26].

Данные проекты оживили социальную атмосферу в городах, внесли вклад в преодоление депрессии, изменили культурный баланс «Юг – Север» в пользу последнего. Однако политика переноса музеев осуждалась основным («метропольным») культурным сообществом, и происходила некая маргинализация музеев. Развитие туризма не стало панацеей и от экономических проблем (Бредфорд, уделяющий развитию туризма большое внимание, остается на шестом месте списка наиболее депрессивных регионов в Англии и Уэльсе [8, с. 629–636]), хотя, возможно, дело в качественной реализации туристических стратегий и специфике различных территорий.

На Севере существуют различные интерпретации урбанистического наследия. Среди лидеров статусной иерархии городов к середине 1990-х гг. выделялись Манчестер и Лидс с развитой культурой клубов, баров и ресторанов, музыкальным движением, а также Ньюкасл с высокоорганизованной индустрией развлечений (в 2008 г. город даже боролся за статус европейской культурной столицы). О Ливерпуле в туристических гидах пишется как об увядающем промышленном городе, главной достопримечательностью которого является музей группы *The Beatles* [18]. После приобретения Ливерпулем статуса европейской культурной столицы в 2008 г. был построен ряд музеев и отреставрирована часть городских объектов на основании концепции актуализации индустриального наследия. В поддержку подобных инициатив было издано множество проектов, посвященных истории города, с акцентом на истории жизни обычных ливерпульцев (воспоминания, фотографии) [10, 13, 14]. Однако этот факт не воспринимается жителями города как символ новой идентичности: «Ну стали мы культурной столицей и получили деньги ЕС – это действительно, но и что? Мы все те же» [2].

Бредфорд оказался еще более неудачной площадкой для туристических инвестиций. В конце 1970-х гг. город столкнулся с экономическими трудностями, а также имиджевыми проблемами, связанными с сексуальным и детским насилием, расизмом и проблемами интеграции азиатских иммигрантов [16]. Частью политики регио-

нального брендинга стало проведение ряда акций, подчас лишь закрепляющих стереотипы: привлечение внимания к образам йоркширских сельских пустошей и мест, связанных с жизнью сестер Бронте, открытие Национального музея кино, фотографии и телевидения (1983), запуск индустриальной деревни Салтейер (одна из экспозиций которой получила статус мирового наследия ЮНЕСКО в 1991 г.), организация тура «Ароматы Индии» в рамках работы по интеграции азиатской общины [8, с. 629–636].

Север Англии в силу расположения здесь больших анклавов иммигрантов оказался в центре дебатов о мультикультурализме. Документальный проект «Сделать Бредфорд британским» (2012) телеканала *BBC 4* посвящен одному из самых разделенных в этническом и расовом отношении городов. Бредфорд на сегодня является частью массы государственных программ по мультикультурализму, экспериментальной площадкой для социальной деятельности множества общественных организаций, связанной с тем, что в городе компактно проживает большое количество иммигрантов из мусульманских территорий (например, кашмирцев) и регулярно происходят столкновения с английским коренным населением на расовой почве. Считается, что в Бредфорде проживает и значительная часть электората крайне правых. Кинопроект вызвал горячие дискуссии в обществе. Руководитель городского совета назвал происходящее «несправедливой картиной города» и заявил, что сегодня сообщество здесь гораздо более объединенное, тогда как выходцы из иммигрантских общин активно высказывались противоположным образом насчет расовой и этнической сегрегации в городе [11].

Олдем в Большом Манчестере является подобным примером сгустка иммиграционных и расовых проблем. Отчеты местных комиссий и полицейских служб по поводу беспорядков 2001 г., данные архива муниципального совета за 2001–2011 гг. и материалы полевых исследований подтверждают факт сильнейшей сегрегации в регионе, обусловленной рядом причин. Иммигранты из Пакистана и Бангладеш, прибывавшие сюда в 1960–1970 гг. в качестве рабочих ночных смен фабрик (куда местные жители не хотели идти работать), вместо того, чтобы ждать строительства муниципальных домов для своих семей, строили дешевое жилье в отдельных районах (где им разрешало правительство). Население росло за счет высокой рождаемости и иммиграции, и в результате возникли густонаселенные этнические «гетто». Затем, когда в 1980–90-х гг. фабрики

закрылись, иммигранты не смогли переселиться в другие места, поскольку уже привыкли к проживанию здесь, не имели другой квалификации и достаточных знаний языка (особенно жены рабочих, которых они привезли из своих стран). Эти дома никто не покупал из-за их некомфортности и близости к мусульманским общинам (несмотря на отдельные попытки городского совета модернизировать жилье) [3, 12].

Встретившаяся нам во время полевой работы в деревне Аппермил в районе Олдем пожилая англичанка заявила, что не узнает свою деревню и свою страну: церкви наводнены чуждыми ей мусульманами (они ассоциируются в ее представлениях с малолетней преступностью, наркотиками, хулиганством) [1]. Район Олдема Глодвик как раз является таким местом компактного проживания выходцев из других стран. По словам сопровождавшего нас британца бангладешского происхождения М. Чоудхари, «белые журналисты даже не рискуют сюда соваться». Во избежание межэтнических конфликтов и столкновений между представителями англичан и иммигрантов каждую пятницу и субботу летом 2012 г. в Олдеме огораживались улицы [3].

В СМИ в 1990–2000-е гг. публиковались различные материалы с саркастическими оценками туристических и культурных претензий Бредфорда. Например, в 1999 г., когда был объявлен конкурс на культурную столицу Европы, Observer напечатал материал с ироничным заголовком «Культура? На это есть Париж, Венеция и... Бредфорд». В статье были опубликованы фото, созданные Советом Бредфорда в рамках рекламной кампании, где мэр позировал в дорожном кафе за порцией черного пудинга (традиционное северное блюдо), из одежды на нем была красный галстук-бабочка, и перед собой он держал в руке с отставленным в сторону мизинцем чашку чая. Подчеркивалось, что подобное является примером северной пародии на самое себя (отсылка к Северу, подражающему Югу) [5]. Таким образом, город в отношении брендинга обречен на неудачу, т. к. в попытках отказаться от старых образов и создать новые он обращается к давно существующим и обросшим различными коннотациями. Из-за страха оказаться в поле зрения всех таблоидов, Бредфорд в 2002 г. для этого же конкурса не смог сформировать шорт-лист своих культурных символов [15, с. 66].

Работа Р. Хьюисона «Индустрия наследия» открыла полемику 1980–90-х гг. относительно жизнеспособности проектов по актуализации индустриального культурного наследия. Автор упрекает брен-

дмейкеров в создании экономически выгодных образов, имеющих мало общего с исторической реальностью и не обеспечивающих условий для трезвой оценки реальной ситуации и преодоления проблем. Автора беспокоили и объемы трат на создание новых центров, впоследствии себя не оправдывающих [7]. Убедительность аргументов и волна подобных выступлений посеяли тревогу в рядах сообщества, занимающегося актуализацией наследия [9]. Беспокойство общества вызывает и тот факт, что при широком распространении глобализирующей потребительской культуры разделение Севера и Юга «предстает очередным старым британским мифом» [17, с. 138–139]. И действительно, туристические стратегии актуализируют зачастую не собственно «северное» наследие. Примером является Музей кино, фотографии и телевидения Бредфорда: его могли расположить где угодно в Британии, ведь презентует он мировые феномены. Успех Манчестера и Лидса как городов с лучшими кафе, барами и клубами также основывается на мировом феномене клубной культуры.

Итак, на протяжении последних десятилетий Север и отдельные его субрегионы с помощью туристических стратегий пытаются разрешить проблему деиндустриализации и кризиса региональной идентичности. Жизнеспособность и перспективы развития туризма Севера вызывают споры среди общественности. Туризм помогает преодолеть регионам ряд деструктивных тенденций в само- и внешнем восприятии, но в то же время закрепляет негативные стереотипы, что разрушительно сказывается на культурном климате региона. Региональное распределение сил на сегодня таково, что Север остается периферийной территорией. Общественность Севера склонна считать, что альтернативой Югу в туристическом отношении могут стать такие области культуры, как язык, литература, музыка, развлекательная телевизионная культура и спорт. Дискурс идентичности в данных областях открывает широкие перспективы для развития культурного регионализма.

Литература

1. Полевые материалы экспедиции автора в Аппермил, графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. (информанты: пенсионерка Д. Робертсон, 1919 г.р.) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 35.
2. Полевые материалы экспедиции автора в Ливерпуль, графство Мерсисайд, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. (информант: исполнитель танцев Морриса Д. Кларк 1978 г.р.) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 36.

3. Полевые материалы экспедиции автора в Олдем, графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. (информанты: домохозяйка, жена выходца из бангладешской общины Дж. Хопкинс 1982 г.р., выходец из бангладешской общины М. Чоудхари (Musa Chowdhury) 1979 г.р. // Архив ИИИА УрО РАН. Ф1. А1. 33.
4. Babbidge, A. UK Museums: Safe and Sound? / A. Babbidge // *Cultural Trends*. – 2000. – Issue 10 (37). – P. 1–35.
5. *Bradford Telegraph and Argus*. – 1999. – 25 August.
6. Gibbons, G. Yorkshire. Britain's Biggest Country / G. Gibbons. – L.: Geographia Ltd, 1969. – 128 p.
7. Hewison, R. The Heritage Industry. Britain in a Climate of Decline / R. Hewison. – L.: Methuen, 1987. – 160 p.
8. Hope, C.A. Tourism and Difficult Areas Revisited: the Case of Bradford / C.A. Hope, M.S. Klemm // *Tourism Management*. – 2001. – № 22. – P. 629–636.
9. Howard, P. Heritage: Management, Interpretation, Identity / P. Howard. – L.: Continuum-3PL, 2002. – 292 p.
10. Leeson, P. Goodbye Scottie Road. The Photography of Peter Leeson / P. Leeson. – L.: Continuum-3PL, 2008. – 120 p.
11. Make Bradford British Documentary is “Unfair Image” of City [Electronic resource] // *BBC News*. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-england-leeds-17211995>. – Date of access: 11.04.2019.
12. Oldham Beyond: a Vision for the Borough. A Report for Oldham Local Strategic Partnership and Northwest. – Manchester: Northwest Development Agency, 2004. – 56 p.
13. *Our Liverpool: Memories of Life in Disappearing Britain* / J.P. Dudgeon (ed.). – L.: Headline Publishing Group, 2010. – 416 p.
14. Ousby, I. *Blue Guide. England* / I. Ousby. – L.: A&C Black, 1995. – 822 p.
15. Russell, D. Selling Bradford: Tourism and Northern Image in the Late Twentieth Century / D. Russell // *Contemporary British History*. – 2003. – № 2. – Vol. 17. – P. 49–68.
16. Schmid, S. Exploring Multiculturalism: Bradford Jews and Pakistanis / S. Schmid // *Journal of British Culture*. – 1997. – Issue 4. 1–2. – P. 163–169.
17. Taylor, P.J. Which Britain? Which England? Which North? / P.J. Taylor // *British Cultural Studies* / D. Morley, K. Robbins (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 127–144.
18. *The Rough Guide to England 8* / R. Andrews, J. Brown, Ph. Lee, R. Humphreys (eds.). – NY: Rough Guides, 2008. – 992 p.
19. Thorold, H. *County Durham. Shell Guide* / H. Thorold. – L.: Faber and Faber, 1980. – 192 p.
20. Trevor, P. *You've Never Been Away* / P. Trevor. – L.: Bluecoat Press, 2008. – 112 p.

КУЛЬТУРНАЯ ГЕГЕМОНИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

А. Д. Кривалап

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, фінансава-эканамічны факультэт,
вул. Блахіна, 29, 211440 г. Наваполацк, Рэспубліка Беларусь

e-mail: a.krivolap@psu.by

Тэкст прысвечаны разгляду праблемы выкарыстання канцэпцыі культурнай гегемоніі, якая была прапанавана А. Грамшы, у сённяшніх умовах станаўлення крэатыўных індустрыяў у Беларусі. Трансфармацыя культуры адбываецца асіметрычна і нераўнамерна, калі новая практыка, якая не ўспрымаецца як пагроза, на першы погляд, здольна радыкальным чынам ўплываць на змены ў сферы культуры. Ідэя культурнай гегемоніі А. Грамшы як фактара культурнай дынамікі пераклікаецца з ідэяй асіметрычнасці Н. Талеба. Хуткасць трансфармацый залежыць ад наяўнасці групы, якая асабіста і глыбока зацікаўлена ў магчымых трансфармацыях.

Ключавыя словы: культурная гегемонія, крэатыўныя індустрыі, культурная ідэнтычнасць, практыка.

CULTURAL HEGEMONY OF CREATIVE INDUSTRIES

A. Krivolap

Polatsk State University, Department of Finance and Economy,
Blakhin st. 29, 211440, Navapolatsk, Republic of Belarus

e-mail: a.krivolap@psu.by

The text examines the problem of the use of the concept of cultural hegemony, which was proposed by Antonio Gramsci, in today's conditions of formation of creative industries in Belarus. Cultural transformation occurs asymmetrically and irregularly when the new practice, which is not perceived as a threat at first glance, can dramatically affect the change in culture. The idea of cultural hegemony by Gramsci, as a factor of cultural dynamics, is being modified today into the idea of asymmetric by N. Taleb. Transformation rate depends on the presence of the group, which is personally and deeply interested in the possibility of transformation.

Key words: cultural hegemony, creative industries, cultural identity, practice.

Механізмы ўваходжання ў культурную прастору даўно з'яўляюцца аб'ектамі для вывучэння сацыяльна-гуманітарнымі дысцыплінамі, у тым ліку і культуралогіяй. Пры гэтым практыка засваення культурных норм успрымаецца як вынік індывідуальнай працы

над сабой, а сам факт наяўнасці культурных норм не ўспрымаецца як праблема, варта дадатковага разгляду і аналізу. Тым не менш культурныя нормы варта разглядаць не толькі як вынік культуратворчай дзейнасці індывідаў, але і як сацыяльны кантэкст, у якім дзейнічаюць прадстаўнікі той ці іншай культуры.

Антонію Грамшы дакладна нічога не ведаў і не пісаў пра крэатыўныя індустрыі, але ж прапанаваная ім канцэпцыя культурнай гегемоніі і сёння застаецца актуальнай для таго, каб паказаць схаваныя дзейсныя механізмы магчымага трансфармавання сацыяльна-культурнай сферы. Таксама варта адзначыць, што філасофская спадчына А. Грамшы – гэта ў першую чаргу пераклады яго «Турэмных сшыткаў». Але праблема ў тым, што іх змест і кампіляцыя лістоў з-за кратаў пры кожным выданні перафарматаваліся і трансфармаваліся. Таму неабходна дакладна пазначаць, выданне якога года ўзгадваецца і цытуецца.

Мэта дадзенага тэксту – прапанаваць варыянт тлумачэння таго, якім чынам нязначныя і неістотныя па колькасных паказчыках формы культурнай дзейнасці ў выглядзе крэатыўных індустрыяў здольны істотна ўплываць на фарміраванне новых культурных практык інкультурацыі.

Для А. Грамшы поле барацьбы за ўладу са сферы палітыкі пераносіцца ў сферу культуры. Сітуацыя культурнай гегемоніі для А. Грамшы ўзнікае, калі малая група стварае прывабную для большасці стратэгію культурнага спажывання і перамагае ў сацыяльна-палітычнай барацьбе каштоўнасцей, што вядзе да падпарадкавання большасці гэтай малой групе. Іншымі словамі, без фармальнага падпарадкавання і фізічнага прымусу можа быць зменена культурная практыка грамадства, калі ў ім будзе створана новая мадэль культурнага спажывання.

Сітуацыя культурнай гегемоніі «выяўляецца не толькі ўнутры адной нацыі, паміж сіламі, складнікамі, яе, але і ў міжнародным і сусветным маштабе: паміж комплексамі нацыянальных і кантынентальных цывілізацый» [1, с. 50]. У часы Асветніцтва культурнае і эканамічнае дамінаванне Еўропы над іншымі кантынентамі было неад’емнай часткай працэсу каланізацыі, які быў упакаваны ў ідэю прагрэсу. Фактычна гэта гегемонія еўрапейскай культуры ў дачыненні да ўсёй сусветнай культуры захоўваецца і сёння, нягледзячы на тое, што ўжо магчыма разважаць пра небяспечнасць наступстваў еўропацэнтрызму ва ўмовах посткаланіяльнага свету.

Для А. Грамшы прагрэс – гэта перш за ўсё пэўным чынам абраны шлях мыслення, узнікнення якога залежыць ад гісторыі і які культурна дэтэрмініраваны. «Прагрэс прадугледжвае магчымасць колькаснага і якаснага вымярэння: больш і лепш. Яно прадугледжвае, такім чынам, нейкую “ўсталяваную” меру, якая абумоўлена мінулым ці пэўнай фазай мінулага, некаторымі яго вымяральнымі аспектамі і г. д.» [1, с. 57]. Аднак залежнасць ад дэтэрмінізму мінулага можа быць звязана амаль што да мінімуму, калі ў грамадскай свядомасці будзе трансфармавана ўяўленне пра норму. На прыкладзе маралі А. Грамшы адзначае: «Калі ўдаецца ўкараніць новую мараль, якая адпавядае новаму светапогляду, гэта прыводзіць да таго, што ўкараняецца таксама і гэты светапогляд; іншымі словамі, укараненне новай маралі цягне за сабой цэлую філасофскую рэформу» [1, с. 64–65].

Творчасць А. Грамшы была скіравана на асэнсаванне магчымасцей класавай барацьбы і рэвалюцыйных пераўтварэнняў па ўсім свеце. Але калі перанесці прапанаваны ім механізм сацыяльных трансфармацый у мірнае рэчышча, то бок без крывавага рэвалюцый, то канцэпцыя культурнай гегемоніі можа дапамагчы зразумець тое, якім чынам адбываюцца напрыканцы ХХ ст. – пачатку ХХІ ст. сацыяльна-культурныя трансфармацыі па ўсім свеце. Выкарыстанне сродкаў камунікацыі для распаўсюду і папулярызавання новых культурных каштоўнасцей і практык прыводзіць да таго, што радыкальна мяняецца культурны ландшафт у розных грамадствах. Звычайна гэта тлумачыцца наступствамі глабалізацыі і слабасці лакальных культурных практык таго ці іншага грамадства. Але выкарыстанне ідэі культурнай гегемоніі дазваляе глыбей зразумець гэты працэс. Адна з найбольш важных сацыяльных функцый дзяржавы і грамадства палягае ў тым, «каб падымаць шырокія масы насельніцтва да пэўнага культурнага і маральнага ўзроўню, які адпавядае патрэбам развіцця вытворчых сіл і, такім чынам, адказвае інтарэсам пануючых класаў. У гэтым сэнсе асабліва важную ролю ў дзяржаве адыгрывае школа, якая выконвае пазітыўную выхавальную функцыю. Аднак у рэчаіснасці на дасягненне гэтай мэты скіравана мноства іншых відаў дзейнасці і ініцыятыў, якія носяць прыватны характар і якія ўтвараюць у сукупнасці апарат палітычнай ці культурнай гегемоніі пануючых класаў» [2, с. 241]. Сёння істотна змяніўся парадак доступу да каналаў камунікацыі для распаўсюду сваіх поглядаў і каштоўнасцей на шырокую аўдыторыю. Фактычна кожная сацыяльная група, якая нават можа не ўяўляць сябе як клас, можа ствараць і папулярны-

заваць свой уласны і непаўторны лад жыцця, са сваімі практыкамі спажывання, светапоглядам і каштоўнасцямі. Адносіны дамінавання і падпарадкавання ўзнікаюць не толькі паміж сацыяльнымі класамі. Адным з такіх прыкладаў культурнай гегемоніі можа быць няроўнасць у доступе да культурных каштоўнасцей жыхароў гарадоў і вёсак. Як толькі ў грамадстве ўзнікае шмат розных прыватных ініцыятыў, то можна бачыць як «ажыццяўляецца пастаянная гегемонія гарадскога класа над усім насельніцтвам краіны» [2, с. 218]. Пры гэтым варта адзначыць формы і механізмы, якія дазваляюць ствараць і падтрымліваць у працаздольнай форме механізм культурнай гегемоніі. З пункту гледжання А. Грамшы, гэта ажыццяўляецца з дапамогай «індывідуальнай, малекулярнай, прыватнай ініцыятывы, а не на падставе нейкай партыйнай праграмы, якая была створана і вызначана паводле плану яшчэ да пачатку практычнай і арганізацыйнай працы» [2, с. 346]. Гэта дзейнасць на ўзроўні «мікрафізікі ўлады» ў разуменні М. Фуко, калі з дробных штодзённых практык выбудоваецца агульная дысцыплінарная рамка кантролю і падпарадкавання культурным і сацыяльным нормам.

А. Грамшы задаецца пытаннем культурнага спажывання на прыкладзе тагачаснай медыясферы, калі друкаваныя выданні канкурыравалі з радыё за ўвагу чытачоў, пра тэлебачанне і інтэрнэт не было і размовы. «Што значыць тая акалічнасць, што італьянскі народ чытае пераважна замежных пісьменнікаў? Гэта значыць, што народ адчувае інтэлектуальную і маральную гегемонію замежнай інтэлігенцыі, што ён адчувае сябе звязаным ў большай ступені з замежнай інтэлігенцыяй, чым з “мясцовай”, гэта значыць, што ў духоўным і маральным дачыненні ў краіне не існуе нацыянальнага адзінага цэлага – іерархічнага і, тым не менш, раўнапраўнага» [2, с. 520–521]. Безумоўна, ў пачатку XXI ст. магчыма дапоўніць гэты спіс культурнай залежнасці новымі высакотэхналагічнымі прыкладамі, якія чарговы раз падкрэсліваюць залежнасць спажываючых культурнага прадукту ад знешніх, а не нацыянальных творцаў. І гэта датычыцца не толькі і не столькі тэхналагічнага ўзроўню, колькі размова, ў першую чаргу, ідзе пра ўзровень ідэй. Калі «ўвесь “адукаваны клас” са сваёй інтэлектуальнай дзейнасцю адарваны ад народа-нацыі <...> Перад абліччам народа-нацыі мясцовы інтэлектуальны элемент з’яўляецца ў большай меры замежным, чым самі замежнікі» [2, с. 521].

Калі звярнуцца да нашага даследчага пытання пра сувязь культурнай гегемоніі і крэатывных індустрыяў, то варта адзначыць на-

ступнае. Для эканамістаў унёсак крэатыўных індустрыі непараўнальна малы, але гэта не значыць, што на крэатыўныя індустрыі не варта звяртаць увагу. Сучасная гарадская культура ў Беларусі актыўны абжываецца ў прасторах будынкаў былых прамысловых гігантаў і стварае не толькі прывабны для жыхароў гораду культурны прадукт, але і папулярызуе (не навязвае) новы лад жыцця. Менавіта сучасная гарадская культура грамадства спажывання з яе кавярнямі, лофтамі і шматлікімі культурнымі прасторамі імкнецца да стварэння новых практык культурнага спажывання і стварыць новы лад жыцця ў сучасным горадзе, які ўключаны ў глабальныя інфармацыйныя патокі сеткавага грамадства, пра якія так пераканаўча пісаў М. Кастэльс. Беларуская мова крэатыўных індустрыі з аднаго боку з'яўляецца патрабаваннем часу ва ўмовах глабальных змен. З іншага – гэта спроба зразумець сябе, замест таго, каб прыдумаць новы міф, выкарыстаць наяўныя культурныя адметнасці, сярод якіх першаснай з'яўляецца мова, а ўсё астатняе ёсць вынік яе наяўнасці. Для пабудовы механізму культурнай гегемоніі «пытанне аб нацыянальнай мове з'яўляецца толькі часткай пытання аб духоўным і маральным адзінстве нацыі і дзяржавы, якое знаходзіцца ў адзінстве мовы. Але адзінства мовы з'яўляецца толькі адной з вонкавых праяў і прытым зусім не адзінай неабходнай праявай нацыянальнага адзінства: ва ўсякім разе, гэта следства, а не прычына» [2, с. 521–522]. Крэатыўныя індустрыі як тэхналогіі пераасэнсавання мінулага і фарміравання новай эстэтыкі, новага густу выкарыстоўваюць мову, але не настойваюць на яе дамінуючай ролі.

Самі па сабе крэатыўныя індустрыі не могуць трансфармаваць грамадства і радыкальным чынам змяніць культуру. І тут можна прывесці новы аргумент ад Насіма Талеба, які, не звяртаючы ўвагу на спадчыну А. Грамшы, нават аўтаномна ад яго прыходзіць да ідэі, што «эвалюцыя маральных каштоўнасцяў у грамадстве вызначаецца не змяненнем кансэнсусу. Не, рухавіком зменаў выступае канкрэтная асоба, якая ў сілу сваёй нецярпімасці пачынае патрабаваць ад свайго атачэння асабліва дабрачынных паводзін» [3, с. 104]. Глабальныя трансфармацыі ў грамадстве пачынаюцца з дзейнасці ўпартай і заклапочанай меншасці, якая гатова да доўгатэрміновага адстойвання ўласных каштоўнасцей. «Рэвалюцыі бяспрэчна рухомы апантанай меншасцю. І ўвесь рост грамадства эканамічны або маральны зыходзіць з боку невялікай колькасці асоб <...> Грамадства не развіваецца на падставе кансэнсусу, галасавання, большасці, камітэтаў,

шматслоўных сустрэч, навуковых канферэнцый, гарбаты і агурковых сэндвічаў альбо праз апытанні грамадскай думкі; толькі некалькі людзей дастаткова, каб непарцыйна перавесці “стрэлкі”. Усё, што трэба, – гэта асіметрычнае правіла дзесьці – і хтосьці з душой у гульні. А асіметрыя прысутнічае практычна ва ўсім» [3, с. 110]. Фактычна Н. Талеб па свайму пераказвае ідэю культурнай гегемоніі, якая дазваляе актыўнай меншасці ў грамадстве стварыць новую дамінантную культурную практыку. І такім чынам змяніць грамадства.

Структурная антрапалогія таксама прапануе дадатковы аргумент на карысць патэнцыялу культурнай гегемоніі. «Культура – гэта носьбіт сэнсаў, з дапамогай якіх людзі інтэрпрэтуюць свой жыццёвы досвед і накіроўваюць свае дзеянні, сацыяльная структура – форма, якую прымаюць гэтыя дзеянні, рэальная наяўная сетка сацыяльных адносін. Культура і сацыяльная структура, такім чынам, – не што іншае, як розныя абстрактныя выразы адных і тых жа з’яў. Адна абстракцыя разглядае сацыяльнае дзеянне з пункту гледжання яго сэнсу для тых, хто яго ажыццяўляе, іншая – з пункту гледжання яго ўкладу ў функцыянаванне пэўнай сацыяльнай сістэмы» [4, с. 171]. Фактычна стварэнне новых культурных практык дазваляе асэнсаванасць і новыя формы сацыяльнай структурацыі, арганізацыі грамадства.

Такім чынам, магчыма зрабіць некаторыя папярэднія вынікі. Перафарматаванне сацыяльнай структуры грамадства магчыма праз культурную гегемонію далёка не самых буйных сацыяльных груп, якія маюць патэнцыял для стварэння новай культурнай практыкі, якая можа прывесці да істотных трансфармацый ў сферы культуры. І ў значнай ступені гэтыя трансфармацыі будуць мець асіметрычны характар. Прапанаваная А. Грамшы канцэпцыя культурнай гегемоніі ва ўмовах камунікацыйных тэхналогій першай паловы ХХ ст. працягвае працаваць ва ўмовах звыш насычанага камунікацыйнымі тэхналогіямі медыя-ландшафту пачатку ХХІ ст.

Крэатыўныя індустрыі ў Беларусі сёння сваёй папулярнасцю ў чарговы раз сцвярджаюць культуру як сферу вытворчасці, а не другасную надбудову ў дачыненні да эканамічнага базісу. Прадуктам дзейнасці креатыўных індустрыяў з’яўляецца лад жыцця, той самы *life-style*, які і прыводзіць да сацыяльна-культурных трансфармацый грамадства. Прадстаўнікі креатыўных індустрыяў не працуюць над пераменамі ў грамадстве, як прафесійныя рэвалюцыянеры. На-

адварот, яны спрабуюць упісацца ў наяўную эканамічную сістэму, прапанаваўшы новыя культурныя практыкі спажывання, а фактычна існавання, якія будуць больш прывабнымі і простымі для засваення. Креатыўныя індустрыі ў Беларусі не спрабуюць пазбавіцца ад савецкага мінулага, а хутчэй спрабуюць пераазначыць яго, надаўшы новыя сэнсы добра вядомым знакам і сімвалам.

Літаратура:

1. Грамши, А. Тюремные тетради в 3 частях. Часть 1 / А. Грамши. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
2. Грамши, А. Избранные произведения в трех томах. Том третий. Тюремные тетради / А. Грамши. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 566 с.
3. Taleb, N.N. Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life / N.N. Taleb. – NY: Random House, 2018. – 318 с.
4. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 560 с.

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ И КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ Т. Е. Алексо

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
факультет культурологии и социокультурной деятельности,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь
e-mail: tatiana.alekso.25@mail.ru

Культурные и креативные индустрии играют одну из ведущих ролей в развитии городов, не только в культурном, но и в экономическом плане. Они раскрывают культурный потенциал городов, позволяют создать индивидуальный образ городов, а также трансформироваться согласно вызовам современного мира в условиях глобализации.

В статье акцентируется внимание на одной из форм сохранения материального историко-культурного наследия городов – ревитализации, которая положительно влияет на развитие современной городской культуры.

Ключевые слова: городская культура, культурные и креативные индустрии, ревитализация, город.

THE ROLE OF CULTURAL AND CREATIVE INDUSTRIES IN THE FORMATION OF MODERN URBAN CULTURE

T. E. Alekso

Belarusian State University of Culture and Arts,
Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Activities
Rabkorovskaya st. 17, 220007, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: tatiana.alekso.25@mail.ru

Cultural and creative industries play a leading role in the development of cities, not only culturally, but also economically. They reveal the cultural potential of cities and allow to create an individual image of cities, as well as to transform according to the challenges of the modern world in the context of globalization.

The article focuses on one of the forms of preserving the material historical and cultural heritage of cities – revitalization, which has a positive effect on the development of modern urban culture.

Key words: urban culture, cultural and creative industries, revitalization, city.

Современные города – носители духа индустриальной эпохи, заключенной в архитектурном наследии в виде заводов, промзон и особой инфраструктуры города. Современная тенденция такова, что общество, становясь на тропу постиндустриального или, как его еще называют, урбанистического общества, отличается ориентацией на личность, а не машины. «Переход к экономике знаний, которая тесно связана с креативностью и инновациями, сделал города центрами производства и возможностей» [2].

К концептуальным основаниям «культурных и креативных индустрий» мы относим следующие теории:

- теория постиндустриального общества Д. Белла;
- теория сетевого «информационного общества» М. Кастельса;
- теория «креативного класса» Р. Флориды;
- теория креативного города Ч. Лэндри.

Особый интерес для нашего исследования представляют концепции Р. Флориды и Ч. Лэндри, которые одними из первых заговорили о креативности городов.

Р. Флорида в своей книге: «Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства» атмосферу или «энергию» городов связывал с творческим потенциалом населяющих его людей: «место действительно имеет личностные характеристики, свою личность

<...> Региональные лидеры должны осознавать, что коллективная личность каждого региона формирует виды экономической деятельности, которые могут успешно развиваться в нем. Они должны понимать также и то, каковы типы людей, которых регион может привлечь, сделать счастливыми и удержать. Для каждого индивида главное – найти соответствие между личностью и местом» [8, с. 232]. Сочетание трех «Т»: талант, технологии, толерантность привлекает креативный класс, представители которого стремятся попасть в это место, работать и проводить там свободное время.

Концепция «креативного города» предполагает, что фактором развития современных городов является креативность, позволяющая им реагировать на перемены, внедрять инновационные подходы в решении городских задач, переосмысливать свое культурное наследие. Важную роль в реализации этой концепции играют публичные пространства города, позволяющие свободно самовыражаться, совершенствоваться и обучаться. Они доступны для всех категорий людей, туда удобно добираться и легко передвигаться. В таких местах живет и развивается городская культура. Ч. Лэндри отмечает, что благодаря деятельности творческих объединений и кластеров происходит «оживление» заброшенных территорий в городе [3].

С развитием города создаются новые территории, а старые, используемые еще поколением назад, ветшают и постепенно разрушаются. Увядание исторических мест в городе связано в первую очередь с тем, что они не находятся в постоянной эксплуатации. К таким относятся, например, жилые дома прошлых веков, а также территории бывших заводов и промзон.

Мы чувствуем «дух места», погружаемся в историю города, прогуливаясь по улицам, заходя в переулки. Однако желание городских властей и бизнеса увеличить площади коммерческого и жилого фонда для получения экономической выгоды нередко приводит к тому, что исторические здания и пространства, несущие в себе дух времени, идут под снос либо полную перестройку, уменьшая таким образом историческую ценность города в целом. Более того, «новодель» не всегда вписываются в архитектурную композицию «старой» застройки. Поэтому для сегодняшних городов ревитализация – это актуальное направление в переосмыслении неиспользуемых пространств.

Появление ревитализации обусловлено тенденциями деиндустриализации городов: крупные и средние промышленные предприятия переносились за черту города, в свою очередь, в городах

остались старые и обветшалые производственные помещения. В результате происходила деградация городской среды, характеризующаяся упадком некогда успешного района, его запустением, загрязнением и формированием криминогенного положения на его территории. Подчеркнем, что деградация городской среды также сопровождается оттоком населения и общим социально-культурным и социально-экономическим упадком города. Наиболее действенным решением в такой ситуации становится ревитализация старых объектов и территорий, которая тесно связана с культурными и креативными индустриями.

Одним из актуальных способов по сохранению наследия считается адаптивное приспособление, другими словами, поддержание постоянного активного использования историко-культурного наследия города. Незначительные изменения и трансформации, которые реализованы в рамках современного критического и творческого подхода, добавляют городу энергии и самобытности. Однако реконструкция в «духе эпохи» и копий прошлого не всегда идет на пользу архитектурному образу города, тогда как свежие идеи положительно влияют на историческую часть города [4].

В этом смысле ревитализация, нацеленная на сохранение самобытности и аутентичности неиспользуемых зданий и территорий, способна раскрыть новые функциональные возможности этих пространств. Следовательно, происходит «оживление» территории: она снова включается в городской контекст и участвует в развитии городской культуры.

Доказано, что «сохранение исторической среды и приспособление зданий к новым функциям обеспечивает устойчивый экономический рост в регионе, способствует развитию туристического бизнеса, притоку налогов, развитию рынка недвижимости, созданию новых рабочих мест, возрождению и развитию старинных ремесел» [5].

В результате ревитализации появляются культурные центры, кварталы и хабы, насыщающие социокультурное пространство города, влекущие за собой формирование новых сообществ и субкультур, разнообразие которых положительно влияет на развитие городской культуры и города в целом. Именно к таким пространствам, предполагающим свободу действий для человека, тяготеет культурный и креативный класс города. Таким образом, формируются незаурядные места с собственной атмосферой, притягивающие горожан и туристов.

Приведем пример московского дизайн-квартала «Flacon». Возникнув на месте бывшего хрустально-стеклянного завода, он стал площадкой для развития молодых проектов, самовыражения творческих личностей и реализации социокультурных проектов [6]. Сегодня команда дизайн-завода «Флаконт» занимается развитием следующих проектов:

- деревня креативных сообществ – пространство для экспериментов, где можно жить, работать и посвящать свое время творчеству, находясь за городом;
- проект «Flacon X», который заключается в помощи команды дизайн-завода в реализации своих проектов, а также трансформации бывших промзон в социокультурные центры и кластеры;
- развитие креативного сообщества «Falcon family», которое нацелено на объединение творческих людей в сфере культурных и креативных индустрий [7].

Еще один пример соединения креативных индустрий и ревитализации – это культурный хаб ОК16 в белорусской столице. Бывшие площади станкостроительного завода по адресу Минск, улица Октябрьская, 16 теперь стали площадками для театральных постановок и перформансов, конференций, фестивалей, выставок и музыкальных событий. Одним из ярких проектов культурного хаба является Минская арт-резиденция, которая служит площадкой для генерации идей, взаимодействия творческих личностей и профессионалов, связанных с новыми технологиями и современными подходами в искусстве [1]. Принимая во внимание, что в Беларуси проживает большое количество как творческой, так и технической интеллигенции, представляется интересным подобное междисциплинарное взаимодействие науки и искусства, которое положительно влияет на общий образ страны на международной арене.

Таким образом, ревитализация включает в себе средовой и социальный, культурный и экономический аспекты, выражающиеся в сфере культурных и креативных индустрий. Важную роль в развитии концепции «креативного города» играют публичные пространства. С развитием общественных пространств повышается качество городской среды, предоставляется место для взаимодействия людей, что способствует переосмыслению и созданию истории и культуры города.

«Исторические здания – такой же “исчерпаемый ресурс”, как нефть, газ или вода, только каждое из них по-своему уникально. Исчезновение одного вида растения или животного приводит к неизбежному дисбалансу в экосистеме. Исчезновение “слоя” наследия безвозвратно обедняет качество городской среды, снижает ее разнообразие и, тем самым, снижает качество нашей жизни» [5]. Поэтому сохранение историко-культурного наследия необходимо для того, чтобы чувствовать преемственность и ощущать принадлежность к месту и времени.

Литература

1. Арт-резиденция [Электронный ресурс] // ОК16. – Режим доступа: http://ok16.by/art_residence. – Дата доступа: 05.05.2019.
2. Культура в фактах [Электронный ресурс] // Культура и креативность. – Режим доступа: <https://www.culturepartnership.eu/article/culture-in-facts>. – Дата доступа: 20.04.2019.
3. Лэндри, Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – М.: Классика-XXI, 2011. – 399 с.
4. Манифест для Саванны [Электронный ресурс] // Strelka Mag. – Режим доступа: <https://strelkamag.com/ru/article/manifest-for-savan>. – Дата доступа: 30.04.2019.
5. Марина Хрусталёва: «Мы все заслужили вот эту небольшую горстку старинных зданий» [Электронный ресурс] // Strelka Mag. – Режим доступа: <https://strelkamag.com/ru/article/marina-hrustaleve-heritage-shcool>. – Дата доступа: 30.04.2019.
6. О «Флаконе» [Электронный ресурс] // FLACON дизайн-завод. – Режим доступа: <http://flacon.ru/about/>. – Дата доступа: 05.05.2019.
7. Проекты «Флакона» [Электронный ресурс] // FLACON дизайн-завод. – Режим доступа: <http://flacon.ru/about/projects/>. – Дата доступа: 05.05.2019.
8. Флорида, Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Р. Флорида; пер. с англ.: Е. Лобкова. – М.: Strelka Press, 2014. – 367 с.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И МИФОЛОГИЗАЦИЯ В АМЕРИКАНСКИХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ФИЛЬМАХ

А. Б. Беловская

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: Kult16@mail.ru

В данной статье рассматривается феномен мифологизации на примере американских фантастических фильмов. Выявляется

мифологическое основание самых популярных в массовой культуре кинокартин и анализируются их герои.

Ключевые слова: массовая культура, мифология, фантастические фильмы.

MASS CULTURE AND MYTHOLOGY IN AMERICAN SCIENCE FICTION FILMS

A. B. Belovskaya

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: Kult16@mail.ru

This article discusses the phenomenon of mythologization on the example of American films. The mythological basis of the most popular films in mass culture is revealed and their characters are analyzed.

Key words: mass culture, mythology, science fiction films.

За последние несколько десятков лет намечена тенденция, суть которой заключается в том, что большинство самых коммерчески успешных представителей современного массового кинематографа имеют мифологическую основу. Это и серии фильмов киностудии «Marvel», такие как «Железный человек», «Тор», «Халк» и их кроссовер «Мстители», а также «Перси Джексон», «Вспомнить все», «Звездные войны», и самый популярный сериал современности «Игра престолов».

Каждый из этих проектов, кроме коммерческого успеха, обладает большой популярностью у зрителей по всему миру. Это выражается в создании целых фанатских вселенных – фандомов, где популяризируется все, связанное с проектом, начиная от самих персонажей и заканчивая мерчем (одежда, посуда, аксессуары с символикой фандома).

Нет единого мнения по поводу времени и источников возникновения массовой культуры. Популярные точки зрения рассматривают появление этого феномена одновременно с возникновением человечества либо с возникновением христианства, или же еще позже – с появлением книгопечатания. Некоторые ученые называют отправной точкой 1870 год и связывают появление массовой культуры с законом о всеобщей грамотности в Англии.

Наиболее влиятельными считаются теория массовой культуры как культуры «массового общества», теории Франкфуртской школы,

теория феминизма. В каждой из них массовая культура получила негативные коннотации. Положительное мнение о данном феномене начало складываться с середины XX века в трудах современных авторов, таких как К. Т. Теплиц, Д. Белл, Е. Н. Шагинская.

Культурологи выделяют три уровня массовой культуры: кич-культура, мид-культура, арт-культура. Иногда к этому делению предлагают добавлять поп-культуру и рок-культуру. Отличительными характеристиками массовой культуры можно назвать следующее: ориентированность на широкую аудиторию, опора на бессознательное, эскейпизм, быстродоступность, быстрозабываемость, традиционность и консерватизм, оперирование средней языковой семиотической нормой, занимательность, космополитичность.

Миф в современном обществе играет весьма противоречивую роль, иногда ему даже приписывают негативные коннотации. Поэтому принято разделять мифы традиционные и мифы современные (в основном, идеологические). Отношения мифа и традиции образуют четыре основных позиции: миф как основа культурной традиции; миф как основа всех сфер жизни; миф как способ коммуникации поколений; миф как человеческая универсалия.

Существует разница между современными, архаичными и первобытными мифами. Однако Р. Барт предпочел построить свою собственную мифологическую теорию, исключив упор на исследования в области классической мифологии. В своих рассуждениях о том, что такое современный миф, он отметил: «Что же такое миф сегодня? На этот вопрос я сразу же дам простой ответ, точно согласующийся с этимологией: миф – это слово. Разумеется, это не какое угодно слово: чтобы язык стал мифом, он должен обладать некоторыми особыми качествами – чуть ниже мы увидим, какими. Однако с самого начала необходимо твердо заявить, что миф представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение. Отсюда явствует, что это не может быть ни вещь, ни понятие или идея; это форма, способ обозначения» [1, с. 233].

У традиционных и современных мифов есть несколько общностей: объяснение существующей реальности, избрание прошлого как объекта мифологизации, воздействие на массы. Но также существуют и различия: объекты мифологизации (боги и выдающиеся люди), цель создания (для объяснения мира и для формирования определенной идеологии), способы распространения (устный, письменный и через СМИ).

Так, изучение мифов помогает лучше понимать механизмы массовой культуры, определять ориентиры и ценности общества и использовать это для удовлетворения культурных потребностей. Рассуждая о психологии мифа, А. Л. Топорков отмечает: «Своеобразный конфликт внешнего и внутреннего восприятия мифа обусловлен тем, что сторонний наблюдатель видит несоответствие мифа реальности, носитель же традиции не сравнивает миф с реальностью, а стремится воплотить его в ней; миф для него более важен и обладает большей ценностью, чем реальность. Последней еще предстоит уподобиться мифу; она еще просто недостаточно совершенна для этого. В пределе миф упраздняет реальность и создает на ее место новую, куда более совершенную и привлекательную» [2, с. 4].

Американская массовая культура до сих пор задает своеобразные тренды для всего мира. Как и любая другая, она имеет свои мифологические основания. В силу исторических причин, США не имеют собственной древней мифологии, но при этом активно заимствуют и комбинируют мифологемы из других культур. В результате образовался особый мифологический синтез, который является основой современной массовой культуры в целом и популярного кино в частности.

Наиболее востребованными типами мифов в современной массовой культуре являются: космогонические, эсхатологические, мессианские, героические, хронологические, фаталогические и мемориальные.

Для любой коммуникации используются коды. В мифологии современной массовой культуры таким кодом является запрос, сформированный на основе потребностей коллективного бессознательного. Ответом на этот запрос служит получившийся в итоге образ героя, описанный с помощью мифологической символики. Так образованность, сила, тяга к самопознанию, взаимоуважение, сообразительность, верность, умение ценить жизнь являются наиболее востребованными качествами у героев.

Показательнее всего рассмотреть образ героя будет на персонажах Тони Старка (Железный человек) из серии фильмов «Железный человек» режиссера Джона Фавро и Тора из одноименной серии фильмов. Тони Старк весьма показательно объединяет в себе черты человека, культурного героя и демиурга. Каждая из этих ипостасей раскрывается постепенно, и мы можем наблюдать за эволюцией образа. О человечности Тони Старка говорит его включенность в систему отношений с предками.

Немаловажно отметить, что и отец Тони Говард Старк имеет несколько ипостасей, которые меняются. Например, в фильме «Железный человек 2» он из обычного человека превращается в мифологизированного предка-создателя, когда конструирует новый мир «Мир будущего – Старк Экспо». Когда мы можем пронаблюдать, как этот мир выражается в материи, становится очевидным, что это одновременно и новый закодированный элемент. Так микрокосм и макрокосм объединяются в данном акте творения.

Выходит, что Говард Старк замыслил новый элемент, его сын Тони создал его, при этом сделав и научное открытие, и средство для спасения собственной жизни. Интересно, что, исходя из мифологических закономерностей, сам акт спасения состоит из нескольких обязательных частей: физической, нравственной и этапа перерождения. Последнее являет собой инициацию, когда герой проходит точку невозврата, переживает своеобразную смерть и обретает себя заново. У Тони Старка инициация прошла в плену, где после смерти друга, который послужил жертвой, он становится Железным человеком. Теперь персонаж обрел новые, сверхчеловеческие способности (умение летать, практически полную неуязвимость).

Теперь основными обязанностями Тони Старка в качестве демиурга и культурного героя становятся установление и поддержание порядка, а также контролирование Вселенной (в прямом и переносном смысле). Если говорить проще, он, как и культурные герои традиционной мифологии, борется с порождениями Хаоса, чтобы установить Космос. Во всех развитых мифологиях хаос олицетворяет мировое зло. Во «Вселенной Марвел», мире, в котором живет Тони Старк и большинство рассматриваемых нами героев, злом являются всевозможные безликие боевики, монстры из других миров и даже некоторые скандинавские боги (Локи).

Важно заметить, что боевики, в которых мы часто видим в качестве «проходных» злодеев низшего звена, не обладают какими-либо этническими, национальными, религиозными особенностями. Они просто олицетворяют зло, как отринувшие общественные нормы и правила и ставшие маргиналами безликие наемники.

С каждым фильмом зло эволюционирует, каждый злодей на голову выше предыдущего. Сначала мы видим Локи, обиженного на свою судьбу бога, который нападает на Землю из-за жажды признания, а убивает от скуки. Затем оказывается, что за Локи стоят Читаури, гораздо более жестокие существа. Эти монстры с другой планеты не

содержат в себе абсолютно никаких моральных качеств, не следуют этическим нормам, им чуждо сострадание. Как раз Читаури в полной мере отражают представления о чудовищах Хаоса из традиционной мифологии, которых должен победить герой для всеобщего блага.

В отличие от Тони Старка, Тор из одноименного фильма Кеннета Брана уже был снабжен мифологическим бэкграундом. Его образ, а также фабулу, позаимствовали из германо-скандинавской мифологии. Допущением для массового зрителя стало наделение Тора человеческими качествами, но ровно настолько, чтобы он стал понятнее зрителю, не утратив при этом своей божественной сущности.

Этот фильм, как и практически все на киностудии «Marvel», является экранизацией серии комиксов. В комиксах о Торе происходит типичное для массовой культуры перемещение популярных героев из традиционной мифологии в современное общество. Как правило, такой прием позволяет сблизить персонажа и зрителя, а также формирует отличную площадку для комического или драматического развития событий. Фильм «Тор» все же акцентирует внимание на космогонии из традиционной мифологии, но подход к ней иной. Авторы фильма попытались соединить науку и миф, объяснив тем самым происхождение нашего мира и остальных.

К примеру, когда Тор разговаривает со своим братом Локи, который также является популярным персонажем германо-скандинавской мифологии, в их беседу как бы само собой вводится понятие «темной материи». Главными «земными» персонажами этого фильма становятся ученые-астрофизики Джейн Фостер и Эрик Селвик, которые и обнаруживают Тора, объясняя его появление с помощью теории моста Эйнштейна-Розена.

Мост Эйнштейна-Розена также часто называют «червоточинной» или «кротовой норой». Если опустить все астрофизические формулировки, то этим понятием обозначают своеобразные пространственно-временные порталы в черных дырах. Так создатели фильма попытались научно обосновать свойства Биврёста – моста между мирами в германо-скандинавской мифологии, через который Тор и попал на Землю (Мидгард).

Для выражения американских ценностей был создан персонаж Капитан Америка, он же Стивен Роджерс. Его история, показанная в серии фильмов «Первый мститель» режиссера Джо Джонстона, началась задолго до появления Тора на Земле и становления Тони Старка как Железного человека. Стивен Роджерс пролежал во льдах

со Второй мировой войны и, оказавшись в современном мире, резко контрастирует со всеми персонажами.

Стив Роджерс – образец чести, отваги, истинного патриотизма. Родина для него всегда на первом месте, при этом он верит в Бога, старается жить по правилам, совершает благородные поступки, прямолинейно говорит правду и успевает воспитывать остальных Мстителей, так как чувствует за них ответственность. Немаловажно отметить, что судьба Капитана Америки тесно связана с Говардом Старком, который и был человеком, сделавшим из Стивена Роджерса первого суперсолдата. Таким образом, все герои так или иначе связаны между собой и объединены общей целью – спасением мира от порождений Хаоса.

Еще один яркий персонаж из плеяды героев – это Брюс Бэннер, он же Халк. Его история продолжает уже ставшую архетипической борьбу света и тьмы в человеке. Брюс Бэннер является гениальным ученым, разработавшим гамма-бомбу. Когда испытания выходят из-под контроля, он, спасая жизнь невинного ребенка, получает ударную дозу радиации. С тех пор его «альтер эго» Халк, огромный, непобедимый зеленый монстр, вырывается на свободу всякий раз, когда нервная система Брюса Бэннера подвергается напряжению.

Далеко не все типы мифов могут восприниматься массовым зрителем, а значит и быть востребованными в массовой культуре. Жанр экшена или боевика уже несколько десятков лет не теряет своей популярности у зрителя. Это можно объяснить широкими возможностями для демонстрации ярких спецэффектов, которые приковывают к себе внимание. Поэтому эсхатологические мифы (мифы о конце света) являются наиболее популярными для экранизации.

Конец света в американском кино всегда символизирует конец американского образа жизни. Недаром создателей фильма упрекают в том, что места действий всегда разворачиваются на территории США. Стоит отметить, что киностудия «Marvel» прислушивается ко мнению своих зрителей, отчего до сих пор только набирает популярность. Например, место действия в фильме «Тор 2: Царство тьмы» было перенесено в Лондон, а во второй части «Мстителей» основная угроза ждала вымышленную страну Заковию.

Если раньше «Marvel» выпускали фильмы с символическим «концом света», то в 2017 году вышла третья часть истории Тора «Тор: Рагнарёк», где, исходя из названия, эсхатология была очевидна. Как и в традиционной германо-скандинавской мифологии, Рагнарёк означает гибель богов.

Как представитель типичной массовой культуры, данный фильм далек от древних сказаний о Рагнарёке и заимствует лишь фабулу. В конце погибают не боги, а разрушается их дом Асгард, при этом все жители были эвакуированы на космическом корабле. Так мы можем в очередной раз пронаблюдать мастерское соединение традиционной мифологии и научной фантастики, характерное для фильмов о Торе.

Логично, что мифы о конце света в современной мифологии принято соединять с мифами о спасителях. Для достижения максимально эпического накала страстей с каждой новой частью зло делают сильнее предыдущего, но в конце концов любая смерть отступает перед объединившимися героями. Мифологический герой не создает мир, он может только сделать его лучше для людей. Спасители как раз выступают в роли таких культурных героев, побеждая своим светом тьму.

Ученые-астрофизики из серии фильмов о Торе связаны с еще одним типом мифов о времени и вечности. А ранее упомянутые Халк, Капитан Америка и Железный человек являются олицетворением древнейших мифов о перерождении и возрождении. Каждая из этих историй несет в себе инициацию и последующую трансформацию, с которой и связаны все дальнейшие эмоциональные переживания и поступки героев.

Мифы о воспоминании и забвении – особая часть традиционной современной мифологии, поэтому такой тип мифов очень часто используют в современном массовом кинематографе. В развитых мифологических системах, где много мифов основаны на идее перерождения, важное место занимают воспоминания о своих прошлых жизнях. И, как правило, чем больше жизней ты помнишь, тем сильнее ты в нынешней ипостаси, создается эффект накопления (нечто подобное мы можем встретить, например, в мифах Древней Индии).

В фильмах «Вспомнить все» Пола Верховена (1990 г.) и «Вспомнить все» режиссера Лена Уайзмана (2012 г.) мы можем увидеть общий сюжет о забвении, но возвращение воспоминаний происходит постепенно с помощью современных технологий. Однако фильм 2012 года сильно отличается визуальной составляющей: неожиданно зрителю демонстрируют антураж восточной культуры, который отражает колониальное строение мира. Например, огромная голова Будды, которая украшает помещение «Total Recall», намекает нам на внутренний символизм фильма, ведь по легенде Будда – один из тех, кто вспомнил все свои жизни, находясь в глубочайшей медитации.

Для еще одного доказательства гипотезы о том, что в основе самых популярных в современной массовой культуре кинопроектов лежит архаический миф, рассмотрим легендарную серию фильмов Дж. Лукаса «Звездные войны». Сам режиссер не скрывал, что позаимствовал некоторые идеи из книги Дж. Кэмбелла «Тысячеликий герой».

Интересно, что и сама эта книга по невероятному стечению обстоятельств стала интересна массовому читателю. Один из самых знаменитых рэперов на территории СНГ Оксимирон в своем баттле с представителем андеграунда рэпером Гнойным построил весь третий раунд на основе идей из книги «Тысячеликий герой».

Исходя из этого понятно, что так же, как герои из мифологии проходят испытания и в процессе приобретают новые качества своей личности, персонажи современного кино обретают популярность в глазах зрителя, пройдя по той же схеме.

Если сделать мониторинг всех топов по сериалам прямо сейчас, то, скорее всего, на первом месте будет проект Д. Бениоффа, Д. Б. Уайсса «Игра престолов». Этот сериал, снятый по книгам Дж. Мартина «Песнь льда и огня» в 2011 году, с каждым годом набирает все большую популярность. Его действия тоже происходят в вымышленном фантастическом мире. Вселенная сериала состоит из большого количества персонажей и существ, так или иначе связанных с традиционной мифологией. Сам бренд «Игра престолов» за время своего существования бьет рекорды по своей монетизации, что делает его одним из самых массовых за всю историю кинематографа.

Но если в «Звездных войнах» традиционные мифы были переосмыслены, то в «Игре престолов» наблюдается практически прямое заимствование, о чем неоднократно говорил и сам автор книг Дж. Мартин. Он собрал в своем творчестве легенды Византии, Монголии, историю Войны и германо-скандинавскую мифологию. В его книгах невероятно органично переплетаются все эти разнохарактерные культурные черты, делая их невероятно популярными по всему миру. Такое положение вещей многие сравнивают со способом цитирования в постмодернизме.

Бестиарий Игры престолов состоит из множества существ, привнесенных как из самых популярных мифов, так и из малоизвестных. Драконов и лютоволков знают многие, потому что они одни из первых мифологических существ вошли в массовую культуру. Однако мы можем встретить кракенов, ледяных пауков, мантикор и еще более редких обитателей этого фэнтези-мира.

Таким образом, первую часть серии фильмов «Звездные войны» и первую серию «Игры престолов» разделяет более тридцати лет. За это время в культуре много чего изменилось, и здесь мы говорим не только об изменениях технологического плана, но и о сознании людей. С помощью вышерассмотренных примеров мы можем отметить тенденцию к коммерциализации мифологем. Это значит, что и сорок лет назад, и сейчас потребность в мифе для современного человека все еще высока. И мы можем заметить, что внедрение мифологем в массовую культуру (в кинематограф, в частности) практически гарантирует коммерческий успех.

Литература

1. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 2004. – 286 с.
2. Топорков, А.Л. Мифы и мифология XX века: традиции и восприятие [Электронный ресурс] / А.Л. Топорков. – Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm. – Дата доступа: 03.03.2019.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОКОЛЕНИЯ X В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «ПОКОЛЕНИЕ “П”»

К. С. Ващилко

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: kseniya989472@gmail.com

В данной статье рассматривается отражение ценностных установок поколения X в романе В. Пелевина «Поколение “П”». Уделяется внимание лексике, которая проникала в то время в русский язык, что удачно запечатлено автором романа. Также осуществляется рассмотрение конкретных примеров сленга.

Ключевые слова: поколение, сленг, поколение X, В. Пелевин, «Поколение “П”», постмодернизм.

REPRESENTATION OF GENERATION X IN V. PELEVIN'S NOVEL «GENERATION “P”»

K. S. Vashchylka

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: kseniya989472@gmail.com

This article deals with the reflection of the values of generation X in V. Pelevin's novel "Generation «P»". Attention is paid to the vocabulary which penetrated at that time into the Russian language, and that was successfully imprinted by the author of the novel. Furthermore, the concrete examples of slang are considered.

Key words: generation, slang, generation X, V. Pelevin, "Generation «P»", postmodernism.

Поколение в социологии – общность членов некоторого общества по времени рождения, это социально и классово определенные социально-демографические группы, находящиеся в неразрывной преемственности и связи друг с другом и различающиеся между собой возрастными границами, психофизиологическими особенностями, степенью освоения социального опыта, а вследствие этого и положением в социальной системе. Если одинаковый возраст членов данного сообщества является признаком их принадлежности к одному поколению, то из принадлежности людей к одному поколению еще нельзя делать вывод о равенстве их возраста. Общность возраста здесь скорее понимается как приблизительное равенство его у лиц, составляющих поколение. И эта общность здесь скорее говорит о возможном причастии их или непосредственной близости к тому или иному историческому событию [6, с. 13–14].

В социологии это скорее не рожденные в одном году, а те, кто родился в определенный временной промежуток. Люди естественным путем дифференцируются по возрастному признаку, именно он может быть основой разделения на поколения. Но различное социально-экономическое положение нарушает возрастные границы поколений, создавая неодинаковые условия для их формирования в разные исторические периоды. Одной из наиболее распространенных теорий, отражающих периодизацию поколений, является теория Н. Хоува и В. Штрауса, объединивших отдельные элементы социологического исследования и проблемы поколений. Экономист и специалист в области демографии Н. Хоув и историк, писатель и драматург В. Штраус создали свою теорию поколений в 1991 г. Их внимание привлек известный «конфликт поколений», не связанный с возрастными противоречиями. По их мнению, история развивается циклами, продолжительность которых приблизительно равна продолжительности человеческой жизни, т. е. 80–90 годам, состоящими при этом из четырех периодов, отличающихся друг от друга

превалирующими в обществе настроем и ценностями. Авторы дают подробное описание коллективного (собирабельного) образа представителя поколений Америки со времен Великой депрессии вплоть до наших дней, куда вошли так называемые потерянное поколение, строители, молчаливое поколение, беби-бумеры, поколение икс, поколение миллениалов [7, с. 36–40].

В XX веке можно выделить 7 разных поколений, которые имеют свои определенные характеристики и названия. Практически у каждого из них есть определенный автор или исследователь, который первым обозначил данный феномен. Иногда поколение выделяет не какой-то определенный автор, а журнал, например, «молчаливое поколение» получило свое название в статье журнала Time. Эти 7 поколений XX века таковы: 1) 1880–1900 – Потерянное поколение; 2) 1901–1924 – Величайшее поколение; 3) 1925–1945 – Молчаливое поколение; 4) 1946–1964 – Поколение Бэби-бум; 5) 1965–1982 – Поколение X; 6) 1983 – конец 1990-х – Поколение Y; 7) 2000–2020-е – Поколение Z (см.: [8, с. 112–120]).

В любом случае, как бы не была точна эта классификация поколений, сказать, что рожденные в данный промежуток времени будут мыслить одинаково и вообще будут похожи, нельзя. Люди, имеющие в истории ничего не значащую разницу в 5 лет, будут иметь разное мировоззрение, воспитание и так далее. А 30-летний разрыв – это и вовсе люди с разными парадигмами сознания и набором социально-технологических навыков. Новые поколения и отвлечение от них не формируются сразу, а получают свои характеристики и название спустя какое-то время. Так что понять, что стало тупиком для этого поколения, а что переросло в новую генерацию, можно через несколько лет, а то и через несколько десятков лет.

Поколение X – это рожденные в 1965–1982 годах. Термин предложили британский исследователь Джейн Дэверсон и голливудский репортер Чарльз Хамблетт, а закрепил писатель Дуглас Коупленд. У каждого поколения определены события, которые повлияли на его развитие, на сформировавшееся мышление и его паттерны. Для поколения X такими событиями были Афганская война, операция «Буря в пустыне», начало эры персональных компьютеров, первая чеченская война. Декада 1970-х годов вошла в американскую историю как период студенческих волнений, негритянских бунтов, распространения наркотиков и сексуальной революции. Одновременно состоялась высадка астронавтов на Луну, разворачивалась

разрядка между СССР и США, состоялись визиты Никсона и Брежнева. Поколение 13 потеряло связь с бэби-бумерами. Но связано это не только с появлением телевидения и интернета. Здесь имеет смысл обратиться к парадигмам предыдущего поколения. Бумеры считали, что чем лучше ребенок научится справляться с трудностями, тем проще ему будет жить. Поэтому они не облегчали жизнь своим детям и могли даже усложнять. Это так называемое поколение с ключом на шее, дети, которые приучались к ранней самостоятельности, сами делали уроки, умели разогревать себе обеды, оставленные на плите. На иксов пришелся также бум разводов, который пошатнул семейные ценности растущего поколения. Многие женщины потянулись не к семье, что было привычно для предыдущего поколения, а к бизнесу, к самостоятельности и независимости.

Их отличительными особенностями являются умение рассчитывать только на себя, альтернативное мышление, информированность о том, что происходит в мире, готовность выбирать и меняться. По большому счету, люди этой возрастной категории являются одиночками, которые нацелены на упорный труд и достижение индивидуального успеха. Они двигаются по карьерной лестнице на протяжении долгих лет, придерживаясь одного направления. Если сравнивать их с поколением родителей, они предпочтут индивидуальный вид спорта, такой как большой теннис. На работе очень важно иметь альтернативу, их больше привлекает труд, где можно показать свой творческий потенциал и есть свобода выбора. Иксы будут полагаться на свой собственный опыт, на личное мнение. Им важно постоянно реализовывать себя. Для икса родина – это в первую очередь малая родина или очень малая: семья, близкий круг друзей, тот, который он сам считает своим. Представители этого поколения живут в эпоху постмодернизма, что также оказывает влияние на формирование их ценностей.

В. В Бычков пишет: «К началу XXI века феномен постмодернизма достаточно хорошо ощущается эстетическим сознанием и “продвинутой” философской мыслью» [1, с. 249]. Этот феномен до сих пор не имеет точного вербального выражения. Пока это обобщенное и расплывчатое понятие, фигурирующее в гуманитарных науках, начиная с конца XX века. Во всем мышлении и сознании, созданном постмодернизмом, формируется образ принципиально игровой, ироничной ностальгии по всей ушедшей культуре. Лейтмотивом деятельности модернистов была неудержимая устремленность куда-то вперед,

к чему-то принципиально новому, то есть деятельность, направленная на свержение чего-то устаревшего и утверждение инноваций. Для постмодернизма все эти устремления не имеют никакого смысла, постмодернисты хотят описывать, они не имеют никаких ценностей, никакой веры в разум, прогресс или истину, им интересно одно – наслаждение от игры во всех сферах жизни, или же в том, что еще недавно называлось культурой. Многие литературоведы связывают возникновение постмодернизма в культуре и литературе на рубеже XX–XXI вв. с политико-экономическим фактором последних десятилетий: переходом от индустриального общества к постиндустриальному в 1960-е годы, всеохватывающей информатизацией, разочаровании в возможности насильственного переустройства мира, согласно проектам Карла Маркса и Че Гевары. Некоторые, в том числе американские исследователи, трактуют сегодня русский постмодернизм как постмодернизм историчности, исследующий постмодернистское пространство в поисках потерянного времени.

В. Пелевин является одним из ярких представителей постмодернизма. Он стал автором культовых текстов 90-х годов. У Виктора Пелевина очень своеобразный творческий стиль, он использует мифологию в своих текстах, как будто так делают все и постоянно, будто это не что-то необычное, при этом соединяет ее с бандитизмом из 90-х, что вполне характерно для литературы постмодернизма. Одним из примеров его постмодернистских романов может быть «Поколение “П”». Это произведение о поколении россиян, которое взрослело и формировалось во времена политических и экономических реформ 1990-х годов. Действие его разворачивается в Москве 1990-х годов. Главный герой – Вавилен Татарский, интеллигентный юноша, выпускник Литературного института, свое необычное имя он получил от отца, поклонника Василия Аксенова и Владимира Ленина. Татарский – собирательный образ «поколения П», поколения X.

Благодаря случайности он попадает в мир рекламы и открывает у себя талант сочинять рекламные слоганы. Таким образом он становится сначала копирайтером, затем «криэйтором». Задачей Вавилена является адаптация рекламы зарубежных товаров к сознанию отечественного потребителя. Затем Татарский становится творцом телевизионной реальности, замещающей реальность окружающую.

Главная проблема, поднятая в романе В. О. Пелевина «Поколение “П”», – это проблема идеологии потребления, установившейся в стране с падением тоталитарного режима и крушением Совет-

ского Союза. Если определять хронотоп романа – это Россия 90-х, когда на постсоветское пространство приходят ценности запада, в том числе и постмодернистские. Большинство исследователей рассматривают роман В. О. Пелевина «Поколение “П”» в русле постмодернизма, выделяя следующие черты: неоднозначность трактовки названия, смешение жанров в рамках одного произведения, многоплановость восприятия содержания, интертекстуальность, обилие цитат из других произведений, нарочитая перевернутость изображаемого мира [2, с. 16–17].

Хорошо показан психологический склад людей того времени (девяностых годов), который, в принципе, и сейчас остается почти неизменным в плане символики. Роман В. Пелевина «Поколение “П”», лейтмотивом которого является отрицание идеологии потребления, представляет в этом смысле большой интерес. Произведение Пелевина о поколении, жизненные ориентиры и идеалы которого сформировала телереклама. Накопления культуры, технические достижения, труд, интеллект и талант используются для утверждения главной ценности массовой цивилизации – потребления, обеспечивающего стабильный круговорот товаров и денег. Это история карьерного роста «невостребованного эпохой» выпускника Литературного института по имени Вавилен Татарский, становящегося тружеником рекламы, а затем и творцом телевизионной реальности. Это история мутации от человека в мире литературы к производителю низкопробной, совсем не литературной рекламы, которую «пипл схавает». В романе Пелевина новую реальность, новый мир, строят новые русские, это новые герои своего поколения. Без особых навыков, умений и знаний у них получилось пробиться на самую верхушку, и они теперь хотят показать, что способны спустить целый мешок «зеленых» на какую-то никому не нужную рекламу. На поставленный когда-то в «Преступлении и наказании» вопрос о том, кто человек, «тварь дрожащая» или «право имеющий», очень точно ответил один из героев романа Морковин, он утверждает, что человек «тварь дрожащая, у которой есть неотъемлемые права», точно тем самым описав новую прослойку общества, которая появилась в 90-е, строила и меняла этот мир не для всех и каждого, а опираясь на свои желания и свое удобство, они променяли литературу на рекламный слоган, который приносил не эстетическое, а денежное удовлетворение. В финале романа Татарского спрашивают, зачем же он создал этот ужасный мир, но он и не понимает, о чем вопрос, неужели он

приложил руку к созданию ужасного мира, который способен прожевать и выплюнуть человека, не моргнув и глазом.

Девяностые – поистине необычайное время, когда ценности формировались максимально нестандартным образом, когда привычные категории для человека, который хочет, чтобы его называли «всеобщим авторитетом», стерлись и были написаны заново. Он больше не писал стихов, потому что они потеряли смысл и ценность. В. Пелевин пишет: «Сказать, что мир стал иным по своей сущности, тоже было нельзя, потому что никакой сущности у него теперь не было. Во всем царила страшноватая неопределенность» [5, с. 15]. Получается, что стихи Вавилена, как люди после развала СССР – у них отобрали основное, во что они верили, к чему стремились, что знали. И что же остается им делать после этого? Искать выход, создавать себя самим. Вот что так сильно отличает это поколение от всех остальных, их мир поменялся не за десять или за пятнадцать лет, вокруг выстроился абсолютно новый мир за пару лет. Причем не изменились здания, скамейки или дорожки, они лишь немного потускнели, потому что кому есть дело до скамеек, когда речь идет о целой стране. Изменился устой и поменялась реальность, а с реальностью был вынужден поменяться человек. Теперь главный не тот, кто знает томик Пастернака наизусть и может вам зарифмовать перевод с любого союзного языка, а тот, кто «шарит», как «наварить» бабла на пустом месте, и, несомненно, тот, кто обманывает людей, создавая их желание что-то купить без наличия оного. Татарского занимала не проблема морали и вопросы о том, что же будет дальше, его интересовал вопрос выживания, ведь он совершенно не знал, как вести себя в этом новом мире, который выстроился внезапно, за время учебы в институте.

Очень яркой отсылкой к поколению X в романе является использование лексики различных субкультур и заимствований из других языков, а также из лексикона маргинальных прослоек. То есть языковая оболочка играет не последнюю роль в создании полноценной картины мира поколения X. До сих пор длится горячий спор между исследователями жаргона, идет ли его развитие на пользу языку, развивает ли это его многогранность, или же наоборот, заставляет язык уходить в более простые формы, что не всегда хорошо. Для поколения X было несколько основных типов жаргона, например, такой как военный. Но основным временем формирования военного сленга была Великая Отечественная война, а в остальное время он пополнялся какими-то подсистемами за счет отражения того,

что происходит в обществе. Так же, как и во всех поколениях, одним из основных был молодежный жаргон. А в частности, студенческий, ведь студенты были всегда, вне зависимости от политических или экономических факторов, так что их жаргон никогда не прекращал развиваться. Но стоит помнить, что сленг молодежи в 90-е получил больше заимствований из наркосленга, чем из специального языка другой прослойки. Если сравнивать с 70-ми, то там заимствование шло больше внутри Советского Союза и гораздо реже из иностранных языков. А вот в 90-е это было двойное проникновение: из иностранных языков и из наркосленга. В романе очень много примеров заимствований из иностранных языков, например, названия денег. Мани, манюшки, зеленые, лэвэ – все это имеет одно значение, но по-разному пришло. У Пелевина читаем: «А ты не знаешь случайно, откуда это слово взялось – “лэвэ”? Мои чечены говорят, что его и на Аравийском полуострове понимают. Даже в английском что-то похожее есть...» «– Случайно знаю, – ответил Морковин. – Это от латинских букв L и V. Аббревиатура liberal values» [5, с. 52].

Подводя итоги, можно сказать, что своим романом Пелевин выразил общее состояние и духовные проблемы общества после развала Советского Союза, а также состояние целого поколения, которое формировало свои ценности и вставало на ноги именно в 90-е, что сыграло не последнюю роль в формировании самого поколения и его ценностей. Конечно, «Поколение “П”» у Пелевина немного жестче и отчасти гиперболизировано, но нельзя не отметить схожие черты двух поколений. Поколение X не отличается в ценностном плане от предыдущих поколений, у него яркая смена авторитетов и попытка поменять свою жизнь в лучшую сторону любыми способами. Это поколение людей, которые умеют рисковать и умеют ставить свою выгоду, а не выгоду страны на первое место. Роман описывает все пороки и преимущества того поколения, которому пришлось собраться с силами и выстоять в такой период, а также какие изменения пришлось претерпеть для этого. Актуальность произведения не ослабевает, видимо, проницательность Виктора Пелевина сильнее, чем сиюминутное происходящее в мире.

Литература

1. Бычков, В.В. Эстетика / В.В. Бычков. – М.: Гардарики, 2004. – 280 с.

2. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.
3. Корнев, С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной авантюре Виктора Пелевина / С. Корнев // Новое лит. обозрение. – 1997. – № 28. – С. 22.
4. Курицын, В.В. Русский литературный постмодернизм / В.В. Курицын. – М.: ОГИ, 2000. – 282 с.
5. Пелевин, В.О. Поколение «П» / В.О. Пелевин. – СПб.: Азбука, Азбука – Аттискус, 2019. – 320 с.
6. Семенова, В.В. Социальная динамика поколений. Проблема и реальность / В.В. Семенова. – М.: РОССПЭН, 2009. – 218 с.
7. Coupland, D. Generation X / D. Coupland; пер. В. Ярцева, С. Силаковой. – М.: Иностранная литература, 1998. – 208 с.
8. Strauss, W. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendez-vous with Destiny / W. Strauss, N. Howe, 1997. – NY.: Broadway Books. – 452 p.

**Секция 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

КАНСТРУКЦЫЯ ІДЗЕЦЦА АБ/ПРА Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

С. А. Важнік

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: waznik@yandex.by

У артыкуле аналізуецца канструкцыя *ідзецца аб N loc/пра N acc* і сінанімічныя ёй варыянты, распаўсюджаныя ў сучаснай беларускай літаратурнай мове. Аўтар паказвае магчымыя крыніцы запазычання гэтых канструкцый і ўнутраныя механізмы беларускай мовы, якія спрыялі іх з'яўленню і распаўсюджванню. Вылучаюцца семантычныя адценні, што адрозніваюць прааналізаваныя канструкцыі, а таксама даецца характарыстыка стылістычнага размеркавання розных структурных варыянтаў гэтай канструкцыі ў сучаснай беларускай літаратурнай мове з выкарыстаннем багатага ілюстратыўнага матэрыялу.

Ключавыя словы: канструкцыя *ідзецца аб N loc/пра N acc*, інавацыя, сучасная беларуская літаратурная мова, польская мова, кандэнсацыя.

**THE STRUCTURE *ІДЗЕЦЦА АБ/ПРА*
IN THE BELARUSIAN LANGUAGE**

S. A. Vazhnik

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: waznik@yandex.by

The article focuses on the analyses of the structure *ідзецца аб N loc/пра N acc* and its syntactic synonyms, widely used in the modern Belarusian literary language. The author points out the eventual sources of these structures and inner mechanisms of the Belarusian language which could have caused their appearance and frequent usage. The distinguishing semantic features of each type of structure are revealed and their stylistic distribution in the modern Belarusian literary language is depicted based on the well-elaborated quotations database.

Key words: the structure *ідзецца аб N loc/пра N acc*, innovation, modern Belarusian literary language, Polish language, condensation.

Актыўнае ўжыванне канструкцыі *ідзецца аб N loc/пра N acc* распачалося ў беларускай літаратурнай мове ў 90-я гады ХХ ст. Некаторыя блогеры яшчэ ў 2010 годзе выказваюць сваю «раздражнёнасць» адносна высокай частотнасці асобных «новых» слоў у беларускай мове (у тым ліку і адносна «ідзецца»), бо «даводзіцца сутыкацца з гэтымі словамі на працы ледзь не штодня» (<https://by-mova.livejournal.com/682676.html>).

У нас раздражнёнасць, аднак, выклікае не сам дзеяслоў, а тое, як «інтэрпрэтуюць» яго значэнне. Так, у гэтым жа допісе на by-mova.livejournal, які называецца «Шчырыя знаўцы шчырай мовы шчыра радзяць шчыра падпарадкавацца», падаецца наступнае тлумачэнне семантыкі дзеяслова «ідзецца»: «маецца на ўвазе». Як паказваюць прааналізаваныя прыклады, такая інтэрпрэтацыя не зусім дакладная.

1. Пастаноўка праблемы. Гіпотэза.

Можа падавацца, што *ідзецца аб N loc/пра N acc* – гэта **інавацыя** сучаснай пары (**сіntaxічны неалагізм**), што ўзнікла пад уплывам польскай або чэшскай мовы (параўн. польск.: *chodzi o N acc/o to, że...*). Аднак прыклады з тэкстаў класікаў беларускай літаратуры канца ХІХ ст. – пачатку ХХ ст. сведчаць пра тое, што падобная сіntaxічная структура была вядома беларускай мове і раней. Праўда, даўней дзеяслоў у гэтай канструкцыі не меў зваротнай формы. Параўн.:

(1) *Мне перш за ўсё ідзе аб тое, каб выказаць, што я хачу, каб пачулі мысль маю і каб словы карэнныя беларускія пры помачы нашай літаратуры атрымалі як найшырэйшае абывацельства. І дзеля гэтага я не сцясняю свайго дыялекту, ужываючы словы і звароты агульнабеларускія. Гэтак паступаючы, я кладу ў літаратуру свой прыродны дыялект беларускай мовы, даючы найлепшае з яго. У канцы невядома яшчэ, каторы дыялект беларускі пераможа... Гэта трэба памятаць і нашым літаратарам і пурытанізмам не забяўляцца!* [2].

(2) *І гэта зразумела, бо пры палітыцы рэальнай і дэмакратычнай, якая ня хоча лавіць жураўлёў ў небе, заўсёды ідзе аб скурных клясавых інтарэсах, аб скарыстаньні абавязкавага, прымусовага стану рэчаў у гаспадарстве* [1, с. 30];

(3) *Праўда, трэба ўзяць пад увагу, што тут ідзе аб клясе прыгнечанай, абрабаванай...* [1, с. 32].

Звяртае на сябе ўвагу **вінавальны склон імя** (як у польскай мове) пры дзеяслове ідзе ў А. Абуховіча: гл. прыклад (1), і **месны склон** – у І. Абдзіраловіча: прыклады (2)–(3).

2. Семантыка і сінтаксіс прэдыката «ідзеца».

Вывяўлены тры варыянты безасабовай канструкцыі з дзеясловамі *ідзе, ідзеца*.

1) **стары варыянт** з незваротнай формай дзеяслова і з неўсталяванай формай выражэння дэлібератыўнага аб'екта: *ідзе аб N асс/ аб N Іос* (гл. прыклады вышэй). Адзначым таксама фанетычны варыянт *ідзе – йдзець*: (4) *Мне йдзець аб дасьледжаньне* (вінавальны склон – С. В.) *літуанізмаў у беларускай мове й з слушных... заўвагаў у гэтай праблеме я ахвотна скарыстаю* (А. Станкевіч // *niva.bialystok*).

У сказах (1)–(3) ідзе разумеца як: *'гутарка (размова, гаворка) ідзе (вядзеца)'*. Паказальны ў гэтым плане прыклад з Прадмовы Сяргея Дубаўца да выдання працы Ігната Абдзіраловіча «Адвечным шляхам»: *Гутарка ідзе пра іншую якасьць нацыянальнае сьведомасьці...* [1, с. 5]. У значэнні 'гутарка, гаворка' аўтар «Дасьледзінаў беларускага сьветагляду» ўжывае слова *справа*: (5) *Тут справа не ідзе аб усім сьвеце, аб усіх славянах...* [1, с. 17].

2) **сучасны варыянт** са зваротнай формай дзеяслова і з варыятыўнай формай выражэння дэлібератыўнага аб'екта: *ідзеца аб N Іос/пра N асс*. У фактычным матэрыяле дастаткова часта дзеяслоўную пазіцыю займае фанетычны «двайнік» *ідзеца – йдзеца*. Розніцы ў значэнні паміж ідзеца і йдзеца не выяўлена. Параўн.:

(6) *...Не былі выкарыстаны вусныя крыніцы (найперш ідзеца аб занатаваных успамінах членаў дэпутацкай групы...)* (*arche.by*);

(7) *Спадарства, як адэкватна перакласьці выраз «отделочные работы», калі ідзеца пра кватэру?* (*by-mova.livejournal*);

(8) *Тут не йдзеца аб вялікім прыбытку* (*dziejaslou*);

(9) *За кожным з гэтых словаў стаяць апакаліптычныя падзеі, нават калі йдзеца пра такую мірную справу, як меліярацыя* (В. Акудовіч).

У сказах (6)–(9) ідзеца (йдзеца) гэтаксама варта разумець як: *'гутарка (размова, гаворка) ідзе (вядзеца)'*. Параўн.: (10) *Для «Крыніцы» чарговы раз шукаюць інвестара. Гаворка пакуль ідзеца аб продажы блакавальнага пакету...* (*belsat*); (11) *Калі ідзеца пра нацыянальнае гутарка, як вядома, можна лёгка сарвацца з ланцугу ветлівасці і спакойнага абмеркавання* (*zbsb.org*); (12) *Але гаворка ідзеца пра ранейшы стан, цяпер, як мне вядома, лаюцца рознымі там польскімі фішкамі, а ўвогуле запытаю сябрука, ён там жыве* (*forum.grodno*).

Часам *ідзеца* ўжываецца са «старым» варыянам іменнага пашырэння з прыназоўнікама *аб* – з формай *аб* + *акузатыў*. Намі зафіксаваны такі прыклад «адхілення» ад сучаснай нормы: (13) *Нягледзячы на правідловасьць падобнага сьцьверджаньня, паўстае дылемат: аб якія менавіта цывілізацыі ідзеца?* (bzh.kamunikat.org/litva). Мяркуючы па ўжытай лексіцы, пераход на «старую» форму адбыўся тут пад уплывам польскай мовы.

Адкуль узятася *зваротнасць* у сучасным варыянце? Мажліва, яна узнікла ў выніку *кандэнсацыі*. Навідавоку кандэнсаваная канструкцыя *гутарка* (*размова, гаворка*) + *ідзе* = *ідзеца*.

Аналогія з *гаворыца* (*пішаца, наведамляецца* і г. д.) тут таксама актуальная.

3) *Індывідуальна-аўтарскі варыянт* з дзеясловам *вядзеца*. Мажліва, гэта ўплыў «свайго прыроднага дыялекта» аўтара. Параўн.: (14) *Матэматыкаў – і ўвогуле навукоўцаў – не так шмат, тут не вядзеца пра астранамічныя сумы!* (tut.by).

У значэнні зваротнага дзеяслова *ідзеца* (*йдзеца*) маюць месца быццёвыя і дэлібератыўныя складнікі.

«Быццёнасьць» суадносіцца з суб'ектна-лакатыўным актантам гэтага прэдыката. Маецца на ўвазе канкрэтнае месца, дзе *адбываецца* (*дзеецца*) нейкая падзея. Гэтаксама як і ў сказах тыпу (15) *У Забалоцці днее*; (16) *Вечарэе*; (17) *Імжыць*; (18) *Марозіць*, у якіх, паводле інтэрпрэтацыі падобных сінтаксічных структур у рэчышчы *семантычнага* і *функцыянальнага сінтаксісу* (гл., напрыклад, працы В. У. Мартынава і Г. А. Золатавай), ёсць *суб'ект-лакатыў*. Гэты актантам вылучаецца ў глыбіннай структуры мадэлі, якую ўтвараюць быццёвыя «атмасферныя» прэдыкаты. Лакатыў можа быць выражаны: як у сказе (15) – у *Забалоцці*. А можа і не выражацца фармальна, але пры гэтым месца на ўвазе: як у сказах (16)–(18).

Лакатыўны суб'ект дастаткова часта выражаецца ў канструкцыях з *ідзеца*: (19) *А тут ідзеца аб «прыватных» будынках фізічных ці юрыдычных асобаў* (mitrander.livejournal); (20) *Тутака ня ідзеца аб тым, каб згладжваць патрабаваньні эпістэمالёгіі...* (knihi.com); (21) *Ільготы для ліквідатараў (тут ідзеца пра тых, хто ня мае інваліднасьці) вызначаныя ў законе «Аб сацыяльнай абароне грамадзян...»* (horki.info); (22) *Так, Фрэд сьвярджае, што кожны раз ува сьне ідзеца аб выкананні...* (old.belcollegium.org).

«Займеннікавы» дзейнік, як у англійскай мове, адзначаны намі ў фактычным матэрыяле толькі адзін раз: (23) *Што тычыцца сейфа,*

дык **тое ідзеца** аб будынку музея, вы самі аб гэтым пісалі (chausy. info). Параўн. з англійскімі прыкладамі тыпу: (24) *It's raining; It's snowing; It's getting late now.*

«Дэлібератыўнасць» непасрэдна звязана з **дэлібератыўным аб'ектам**, які можа быць выражаны або праз *акузатыў* з прыназоўнікамі *пра*, або праз *форму меснага склону* з прыназоўнікамі *аб*.

Быццёвы і дэлібератыўны складнікі ў значэнні ідзеца цудоўна «бачныя» пры перакладзе асобных польскіх прыкладаў на беларускую мову. Параўн.: (25) *O co chodzi?* – *Што дзееца / адбываецца?* // *Пра што ідзеца / ідзе гаворка?* Ключавое слова тут дзееца. Параўн. іншыя кантэксты з гэтым дзеясловам: (26) *Рэч дзееца ў беларускай вёсцы – над родным, дарагім кожнаму з нас Нёманам...* [4, с. 62]; (27) *Музыка дзееца на сцэне, калі ўсе слухачы і выканаўцы аб'ядноўваюцца ў адзін творчы паток...* (instytutpolski.wminsku).

(28) *O co chodzi w tym tekście?* – *Пра што ідзеца (гаворыцца, ідзе гаворка) у гэтым тэксце?* А можна, з улікам быццёвага складніка, і так: *Што адбываецца ў гэтым тэксце? Што самае важнае? У чым справа (рэч)?*

Апошняе пытанне вынікае з тлумачэння, што даецца ў «Сінтаксічна-генератыўным слоўніку польскіх дзеясловаў». Параўн.:

chodzi o co – 'coś jest ważne'

chodzi – N dat + o N acc // o to, że Sent // o to, żeby Sent

Chodzi mu nie o dziewczynę, ale jej posag; Adamowi chodzi tylko o ten dom i o konie...; Chodzi nam o to, że ten człowiek nigdy nie daje nam spokoju; Chodzi jej tylko o to, żeby zarobić dużo pieniędzy [5, с. 74].

Узнікае лагічнае пытанне: **калі ідзеца ўжываецца з пра**, а **калі з аб?** Нельга выявіць тут нейкай заканамернасці. Маём справу з цалкам дублетнымі формамі выражэння дэлібератыва, якія беларуская літаратурная мова выпрацавала на працягу свайго шматвяковага развіцця.

У беларускіх граматыстаў ёсць пэўныя назіранні адносна ўжывання гэтых прыназоўнікаў. Так, напрыклад, прыназоўнік *пра*, які лічыцца натуральным для беларускай мовы і ўжываецца ва ўсіх функцыянальных стылях, часцей спалучаецца з *канкрэтнымі назоўнікамі*, *аб* – з *абстрактнымі назоўнікамі*. Хоць, вядома ж, заўважаюцца і адваротныя выпадкі.

Спалучэнні з прыназоўнікамі *аб* пераважаюць у тэкстах афіцыйна-справавога і навуковага стыляў (напрыклад, *Закон аб мовах*) [3, с. 337–338].

Аднак пры спалучальнасці з *ідзе (йдзець)/ідзеца (йдзеца)* сэнсавай ці стылёвай розніцы паміж *пра + N і аб + N* не выяўлена. Параўн.:

(29) *ідзеца пра ўзмацненне санкцыяў; трансфармацыю; спробу зарабіць; падтрымку; чалавека; від Homo Sapiens; захаванне рэпутацыі; дамовы; Скарыну і праскія традыцыі; праектную працу; сонца; «першачаргавікоў»; дзяцей; кватэру; сусветнае дрэва; тэксты; дамову; 5 мільёнаў чалавек; даклад; ахвяраў Берасьцейскага гэта; ранейшы стан...;*

(30) *ідзеца аб скарзе; прыстойнасці і маральнасці; продажы; працэсе; занатаваных успамінах; аб праве бязьвязавага руху; самаліквідацыі; адносінах; мове; будынку музея; семінарах; выкананні абавязкаў; духовых дарах; абразгах і шкодах; казацкім батальёне; беларусафобіі ў Іспаніі; KB-2; паездках; разуменні працэсу; прыбытку; разнастайнасці ацэнак; публіцыстыцы; свабодзе і адказнасці... Прыклады знойдзены праз Гугл-пашукавік метадам «суцельнай выбаркі» з захаваннем арфаграфіі арыгіналаў.*

3. Высновы.

У выпадку канструкцыі *ідзеца аб N loc/пра N acc* можна казаць пра сучасную сінтаксічную інавацыю. Калі стары (*незваротны*) варыянт канструкцыі з дзеясловам *ідзе (ідзе аб N acc/аб N loc)*, відавочна, узнік пад уплывам польскай мовы, на што ўказвае таксама форма аказатыва з прыназоўнікам *аб*, то сучасны (*зваротны*) варыянт – гэта вынік далейшага развіцця і адаптацыі («натуралізацыі», «беларусізацыі») гэтай структуры ў рэчышчы беларускай мовы.

У якасці дзеяслоўнага прэдыката *ідзеца* ўтварае безасабовую канструкцыю з быццёна-дэлібератыўным значэннем. Раней у беларускім сінтаксісе такая структура не апісвалася.

Канструкцыя *ідзеца аб N loc/пра N acc* зафіксавана ў сучасных тэкстах, напісаных «тарашкевіцай», дзе адметная не толькі арфаграфія, але, як бачым, і сінтаксіс. У «наркамаўскім» варыянце СБЛМ структуры з *ідзеца* ёсць адпаведнікі: *гаворыца аб/пра...; гаворка (гутарка, размова) ідзе/вядзеца* і г. д. Гэта прыклад так званай «сацыякультурнай» маркіраванасці сінтаксічных адзінак.

Літаратура

1. Абзіраловіч, І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду / І. Абзіраловіч, прадмова С. Дубаўца. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.

2. Абуховіч, А. Мемуары [Электронны рэсурс] // А. Абуховіч. – Рэжым доступу: https://be.wikisource.org/wiki/%D0%97_%D0%BF%D0%B0%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%9E_%D0%90%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%B4%D0%B0_%D0%90%D0%B1%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D1%96%D1%87%D0%B0. – Дата доступу: 05.05.2019.
3. Жаўняровіч, П. Даведнік па літаратурнай праўцы: арфаграфічны, пунктуацыйны, лексічны, марфалагічны, сінтаксічны, тэхнічны ўзроўні / П. Жаўняровіч; пад. рэд. В. Іўчанкава. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2017. – 448 с.
4. Калубовіч, А. Крокі гісторыі: Дасьледаваньні, артыкулы, успаміны / А. Калубовіч. – Беласток; Вільня; Менск: Гамакс – Наша ніва – Мастацкая літаратура, 1993. – 286 с.
5. Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich. Tom I. A–M / Pod red. K. Polańskiego. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wyd-wo PAN, 1980. – 408 s.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Т. Г. Дементьева

Минский государственный лингвистический университет,
кафедра интенсивного обучения иностранным языкам № 2,
ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Республика Беларусь
e-mail: tania-dementieva@rambler.ru

В статье рассматривается методика преподавания иностранных языков, основанная на аутентичных материалах в условиях коммуникативно-ориентированного обучения; выявляется эффективность культурологического подхода к обучению специалистов иностранным языкам в процессе формирования социокультурной компетенции и подготовки к межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: культурологический подход, иностранный язык, аутентичные материалы, межкультурная коммуникация.

EFFICIENCY OF THE CULTUROLOGICAL APPROACH TO TRAINING SPECIALISTS IN FOREIGN LANGUAGES

T. G. Dementieva

Minsk State Linguistic University,
Department of Intensive Training in Foreign Languages №2,
Zacharov st. 21, 220034, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: tania-dementieva@rambler.ru

The article discusses the methodology of teaching foreign languages, based on authentic materials in terms of communication-oriented learning. The effectiveness of the cultural approach to training specialists in foreign languages in the process of formation of socio-cultural competence and preparation for intercultural communication is revealed.

Key words: culturological approach, a foreign language, authentic materials, inter-cultural communication.

Целью обучения иностранным языкам в системе дополнительного образования взрослых является овладение навыками и умениями межкультурной коммуникации. Компетентностный подход предполагает, что основной акцент делается не просто на получение обучающимися некоторой суммы знаний и умений, но и на формирование системного набора компетенций. Источником формирования такого подхода являются объективные требования современной «экономики знания», в которой более значимыми и эффективными для успешной профессиональной деятельности являются не разрозненные знания, но обобщенные умения, проявляющиеся в умении решать жизненные и профессиональные задачи, способности к иноязычному общению.

Дополнительное языковое образование выполняет социальный заказ на высококвалифицированных специалистов, способных активно использовать иностранные языки в своей профессиональной деятельности и осуществлять эффективную межкультурную коммуникацию [2]. Иностранный язык является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки специалистов. Без знания иностранных языков невозможен ни один вид деятельности в современном обществе, так как иностранный язык дает возможность специалисту-профессионалу изучать и использовать новейшие достижения мировой практики, а также вносить свой вклад в разработку тех или иных проблем с учетом имеющегося отечественного и зарубежного опыта.

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции специалистов, то есть формирование практических навыков и умений, которые обеспечивают развитие этнокультурной восприимчивости индивида, его способности к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных этнокультурах – одна из главных задач, стоящих перед преподавателем системы последипломного образования. Достаточный уровень коммуникативной компетенции позволит осуществлять

общение в большинстве ситуаций, возникающих во время пребывания в стране изучаемого языка. Обучающиеся смогут адекватно реализовать коммуникативное намерение посредством диалогических и монологических высказываний на достаточно знакомую тему.

Социокультурная компетенция подразумевает знание слушателями национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этики, социальных стереотипов, истории и культуры страны, а также умение осуществлять свое речевое поведение в соответствии с ними. Включение социокультурной компетенции в программы в значительной степени расширило объем и содержание практического аспекта за счет культуроведческой составляющей. Оно стало увязываться с умением участников коммуникации вступать в равноправный профессиональный диалог с носителями изучаемого языка с позиции не только языковой адекватности средств, но и знания культурных реалий, что не менее важно для успешной коммуникации.

Основой развития межкультурной компетенции является культурологический подход, в контексте которого актуализируются педагогическая и культурная антропология, изучающая способность человека развивать культуру через межличностное общение, диалог культур и профессиональные контакты.

Взрослые обучающиеся с интересом относятся к истории, культуре, искусству, нравам и обычаям, традициям, укладу повседневной жизни другого народа, его взглядам на жизнь, то есть ко всему тому, что связано со страной изучаемого языка. Лингвострановедческие знания, которыми овладевает взрослый обучающийся при изучении иностранных языков, являются предпосылкой и гарантией его будущей успешной межкультурной коммуникации.

Иностранный язык дает возможность свободного приобщения к истории, культуре, традициям другого народа. Речь идет о необходимости более глубокого и тщательного изучения мира носителей языка в широком смысле слова, их образа жизни, национального характера и менталитета, так как культурно-национальное мировоззрение воплощается в лексике, а также в грамматическом строе ответствующего языка.

Аутентичные материалы не только усиливают мотивацию обучающихся, но являются богатым источником для изучения иностранного языка. В качестве аутентичных документов могут выступать аутентичные тексты; записанные на диск диалоги, ситуации

общения, теленовости, видеофильмы-репортажи, учебные видеофильмы, художественные фильмы.

В качестве примера приведем опыт работы по теме «Париж». Изучение лексического материала темы проходит с опорой на диалог и тексты аутентичного учебника французского языка «Страноведение в диалогах» [3], грамматического материала – с опорой на систему упражнений и диалоги аутентичного учебника французского языка «Грамматика в диалогах» [4].

Изучение темы продолжается просмотром фильма «Paris la nuit» из учебного видеокурса «Bienvenue en France» и заканчивается ролевой игрой «Путешествие по Парижу».

Социокультурный фон аутентичных материалов реализуется через продуктивный словарный запас, в который входят наиболее коммуникативно-значимые лексические единицы, распространенные в типичных ситуациях общения, в том числе оценочная лексика для выражения своего мнения, разговорных клише, а также слов с национально-культурным компонентом: фоновая и безэквивалентная лексика; реалии повседневной жизни. [1, с. 117–118]. Аудиодиалоги учебника «Civilisation en dialogues» выполняют именно такую функцию: они позволяют обучающимся проникнуть в иную национальную культуру, овладеть повседневной лексикой носителя языка. Грамматические упражнения из учебника «Grammaire en dialogues» ориентированы на распознавание в аудиодиалоге, в учебном видеофильме и текстах учебника того или иного грамматического явления, на выделение его отличительных признаков; на употребление различных грамматических конструкций, которое соответствовало бы грамматической и орфоэпической норме французского языка.

Отличительной чертой видеоматериалов является то, что они представляют процесс коммуникации в звуковом и визуальном формате, кроме того, при необходимости возможно и текстовое сопровождение видеоряда. При работе с видеоматериалами обучающиеся имеют возможность восприятия как лингвистических, так и паралингвистических аспектов: выражения лиц, жестыкуляции, сопровождающих акт коммуникации.

Видеокурс «Bienvenue en France» включает фабульные фильмы, раскрывающие определенную тему и одновременно демонстрирующие языковой материал. Каждый урок видеокурса представлен в учебнике А. Монри-Гоарен [5] в виде досье, которое включает: 1) иллюстрированную транскрипцию эпизодов фильма; 2) рубрику

Savoir Dire, представляющую лексико-грамматический комментарий к коммуникативным ситуациям фильма; 3) рубрику Savoir Vivre, включающую лингвострановедческую информацию, а также полезные практические советы по теме урока и фильма; 4) рубрику Tests, имеющую целью проверку усвоения лексического материала урока.

Работа с видео строится так, чтобы наилучшим образом подготовить обучающихся к восприятию данного видеоматериала. Комплекс заданий и упражнений из рубрики Savoir Dire, предлагаемый перед просмотром видеофильма, обеспечивает подготовку к восприятию лексического наполнения видеоряда, обусловленного его основным тематическим содержанием. На преддемонстрационном этапе объясняются лингвострановедческие реалии, даются общие сведения о содержании видеосюжета. Просмотр предваряется общим вопросом о содержании фильма, обучающимся предлагается предугадать ответ на него, что стимулирует их интерес, нацеливает на поиск необходимой информации. Такой подход помогает и мотивирует восприятие материала.

Демонстрационный этап подразделяется на два подэтапа: после первого просмотра следует обсуждение ответов на поставленный вопрос; после второго просмотра задаются более детальные вопросы, уточняющие содержание сюжета, предлагается озвучить видеоряд при выключенном звуке или стоп-кадре.

После демонстрации фильма выполняются упражнения из рубрики Tests, направленные на закрепление языкового материала, представленного в видеосюжете. На заключительном этапе работы слушатели могут прочитать тексты, содержащие дополнительную информацию по теме в учебнике «Civilisation en dialogues»; обсудить лингвострановедческую информацию из рубрики Savoir Vivre. Содержание работы на последемонстрационном этапе может включать беседу или сообщение по просмотренному сюжету с выражением отношения обучающихся к сюжету, драматизацию сюжета и/или ролевое озвучивание с переносом на повседневную жизнь обучающихся и их профессиональную деятельность. На данном этапе возможно заключительное обсуждение всей темы в формате «круглого стола».

В каждом фильме видеокурса происходит «живой» диалог в обстановке максимально приближенной к реальным условиям иноязычного общения, что делает работу с данными фильмами чрезвычайно эффективной при обучении правилам иноязычного речевого этикета и помогает знакомить с обычаями и традициями страны

изучаемого языка, ее культурой и историей, что способствует формированию и совершенствованию социокультурной компетенции обучающегося.

Ролевая игра «Путешествие по Парижу» проводится на завершающем этапе изучения данной темы. Дидактическая ценность использования игровой деятельности взрослых обусловлена тем, что в игре сочетаются такие принципы оптимальной технологии обучения, как активность, динамичность, занимательность, коллективность, моделирование, проблемность, самостоятельность, обратная связь. Игра вовлекает всех участников в совместную коллективную деятельность, способствует формированию учебного сотрудничества и партнерства, так как охватывает всю группу слушателей, которые должны взаимодействовать, точно учитывая реакции и помогая друг другу.

Участники осуществляют речевое взаимодействие в рамках строго предписанного ролевого поведения. Во многих случаях исход ролевой игры не важен, ее условия не содержат элемента проблемности, установки на разрешение «конflikта», решение речемыслительной задачи, сами ролевые отношения комплементарны. В фокусе внимания находится процесс проигрывания роли, а не поиск разрешения проблемы. Основная задача, стоящая перед участниками, – смоделировать речевые высказывания, приемлемые в заданной ситуации общения.

Культурологический лингвострановедческий подход признается ведущим и обязательным при обучении иностранному языку и подготовке обучающихся к межкультурной коммуникации. Его эффективность неоспорима, так как успешное освоение основ речевого этикета и понимание национального характера народа, являющегося носителем изучаемого языка, существенно облегчает изучение иностранного языка, укрепляет интерес к нему со стороны учащихся и способствует более успешной подготовке к межкультурной коммуникации.

Литература

1. Савинова, Н.А. Аутентичные материалы как составная часть формирования коммуникативной компетенции / Н.А. Савинова, Л.В. Михалева // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 116–119.
2. Тригубова, Л.А. Стратегия дополнительного языкового образования / Л.А. Тригубова // Непрерывное дополнительное образование в государ-

ствах – участниках СНГ: опыт, приоритеты и перспективы развития: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 37–41.

3. Grand-Clément, O. *Civilisation en dialogues (Niveau débutant)* / O. Grand-Clément. – Paris: CLE International, 2007. – 128 p.
4. Miquel, C. *Grammaire en dialogues (Niveau débutant)* / C. Miquel. – Paris: CLE International, 2009. – 128 p.
5. Monnerie-Goarin, A. *Bienvenue en France* / A. Monnerie-Goarin, F. Husse-not-Jakubowski, M. Goarin. – Paris: Les éditions Didier, 1991. – 159 p.

С ЧЕМ АССОЦИИРУЮТ СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ БЕЛОРУСЫ, РУССКИЕ И АНГЛИЧАНЕ? (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

Д. О. Сидорович, А. О. Долгова

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: 1sidorovichdiana@gmail.com, ad@tut.by

В статье рассматриваются концепты «счастье» и «несчастье», представленные во фразеологизмах (идиомах) русского, белорусского и английского языков. На основе анализа фразеологизмов, отображающих культуру и мышление нации, сделан вывод, что в трех языках (и культурах) существуют как универсальные (*цветы, небо, звезды*), так и сугубо национальные образы-символы счастья (*черешня, эль, птица*) и несчастья (*гром, молния*).

Ключевые слова: фразеологизм, концепт, счастье, языковая картина мира, русский язык, белорусский язык, английский язык.

WHAT DO THE BELARUSIANS, RUSSIANS AND BRITISH ASSOCIATE HAPPINESS AND UNHAPPINESS WITH? (ON THE MATERIAL OF IDIOMS)

D. O. Sidarovich, A. O. Dolgova

Belarusian State University,
Sociocultural Communications Faculty,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: 1sidorovichdiana@gmail.com, ad@tut.by

The article considers the concepts of “happiness” and “unhappiness” presented in the phraseologisms (idioms) of the Russian, Belarusian and English languages. Based on the analyses of phraseologisms which re-

flect the culture and mentality of a nation, the conclusion is drawn that there are universal images (*flowers, heaven, stars*) and national symbols of happiness (*cherry, ale, bird*) as well as unhappiness (*thunder, lightning*).

Key words: phraseologism, concept, happiness, language world picture, Russian language, Belarusian language, English language.

1 Фразеологизмы как универсальные языковые единицы, отражающие особенности менталитета каждой нации. Очевидно, что каждый человек, а тем более нация обладает своим особым восприятием каждого отдельного концепта, а тем более, отличаются их картины мира. Именно в этом отличии и проявляется индивидуальность каждого менталитета. Так, концепт «интеллигентность» распространен исключительно в странах постсоветского пространства, и его можно считать отличительным национальным концептом. К универсальному концепту «время» почти у всех наций свое особое отношение, которое диктуется культурными традициями, природными условиями и правилами этикета. Например, пунктуальные немцы приходят на встречу за 15 минут до начала, опоздания для них неприемлемы. Но для испанцев вполне допустимо прийти на полчаса – час позже условленного времени, и это считается вполне нормальным. Такие особенности менталитетов важно знать и учитывать для того, чтобы избежать возможного недопонимания.

Исследование особенностей любого менталитета стоит начинать с исследования языка, так как именно он отображает все культурные коды народа. Язык – это самый простой и распространенный способ выражения мыслей, понятий, концептов, более того, он не только выражает то, о чем человек думает, но и непосредственно влияет на формирование его мыслей. Некоторые фразы и выражения настолько соответствуют менталитету, что проходят сквозь столетия и закрепляются в языке, оставаясь популярными, например, так называемые фразеологические единицы. Профессор В. А. Маслова пишет: «Язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного язы-

ка» [3, с. 62]. Язык является одним из самых эффективных способов выражения представлений как отдельной личности, так и всего народа о действительности. Таким образом, языковая картина мира – это переданный с помощью языковых средств образ окружающей действительности, который сформировался в сознании носителей языка под влиянием культурного и исторического опыта. В. Н. Телия определяет языковую картину мира как «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире» [5, с. 179]. Наиболее подробное и доступное определение языковой картины мира, на наш взгляд, дает В. А. Маслова: «Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется «языковой промежуточный мир», либо «языковая репрезентация мира», либо «языковая модель мира», либо «языковая картина мира»» [3, с. 64].

Фразеологизмы (идиомы) – это одна из форм универсальных (присущих каждому языку) устойчивых выражений; они существуют в сознании носителя языка в виде готовых конструкций, отличаются особой образностью, отображают наиболее яркие особенности менталитета. Языковая картина мира представлена во фразеологизмах, так как они относятся к языку и каждая фразеологическая единица выражает один концепт, вне зависимости от того, сколько слов входит в ее состав. «*Быть на седьмом небе*», «*родиться под счастливой звездой*» являются языковым выражением концепта «счастье». Очевидно, что восприятие и осмысление действительности определяют языковую картину мира. Например, англичане получают удовольствие от простых, как правило, материальных, вещей: еда, деньги, животные, дом. Очевидная особенность английского менталитета – любовь к дому и саду, также находит отражение в фразеологии: «*Everything in the garden is lovely*». С одной стороны, эта пословица отражает многовековые ценности народа, с другой стороны, она прививает и определяет ценности нового поколения.

Все люди мечтают о счастье. Понятие «счастье» относится к универсальным концептам, то есть присущим каждой нации. Анализируя его, можно выявить общие и отличительные черты в восприятии

одних и тех же понятий, таким образом, определяя самобытность каждой нации. Из-за всеобщего стремления к глобализации, которое может привести к потере самоидентификации стран, такие лингвокультурологические исследования становятся особенно **актуальными**.

Таким образом, **цель исследования** – сравнить лингвокультурологический концепт «счастье» в языковой картине мира белорусов, россиян и англичан. Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. сравнить отображение (образы, символы) счастья в белорусском, русском и английском языках (на материале фразеологизмов);
2. описать и сравнить концепт «счастье» для трех языках.

2 Отражение семантики «счастье» в английской, русской и белорусской фразеологии. Для проведения анализа была произведена сплошная выборка фразеологических единиц из 4 словарей объемом от 5000 до 7000 единиц. Для белорусского и русского языков единицы отбирались по принципу наличия морфем -счасть- (-шчасц-), -удач- (-удач-), -успех-/-ш- непосредственно в самом фразеологизме или в пояснении к нему (в дефиниции). Для английского языка использовался тот же принцип наличия морфем -happi-/-у-, -luck-, а также были взяты все фразеологизмы из разделов «Happiness, pleasure, and enjoyment» и «Unhappiness and disappointment». Для русского языка было отобрано 35 единиц (из «Фразеологического словаря современного русского языка» Ю. А. Ларионовой [1]) и 82 единицы (из «Фразеологического словаря русского языка» Е. Н. Телии [6]), для белорусского – 57 фразеологизмов (из «Фразеалагічнага слоўніка беларускай мовы» И. Лепешева [2]), для английского – 58 идиом (из «Oxford Dictionary of English Idioms» [8]).

Стоит отметить, что фразеологизмов с позитивной коннотацией в каждом языке оказалось значительно больше, чем с негативной. Это нетипично для фразеологии, так как обычно люди склонны фокусироваться больше на отрицательных событиях и явлениях. Однако это несоответствие можно объяснить тем, что концепт «несчастье» чаще выражается словами – «беда» (рус.), «горе» (рус.), «бьяда» (бел.), «гора» (бел.), «grief» (англ.), «misfortune» (англ.), а они не учитывались в выборке.

Все фразеологизмы в любом из языков можно разделить на мотивированные (*баловень судьбы; зямны рай; a golden age*), значение которых очевидно, образ понятен носителю языка, и немотивиро-

ванные, значение которых неясно, не выводится из значения компонентов, входящих в состав фразеологизма. Например, русский фразеологизм «ни пуха, ни пера» возник еще среди охотников, когда «пухом» называли дичь, а «пером» – птицу. Человеку, который отправлялся на охоту, давали именно это напутствие (*пуха и пера*), а не в современном значении, чтобы не сглазить. Английское выражение «*mark something with a white stone*» берет свое начало еще в древних временах, когда белый камень устанавливали как символ счастливого события. В рассмотренном материале мотивированных фразеологизмов оказалось больше, в них есть как универсальные образы, так и присущие только конкретному народу.

Одним из самых значимых образов в славянской фразеологии является Бог. Бог предстает в образе защитника от несчастий, покровителя, который ниспосылает людям счастье и удачу (*с Богом; слава Богу; Бог в помощь; з Богом; ёсьць Бог на свеце*). С религиозной точки зрения, неудачливые, обделенные люди чем-то прогневали творца, тем самым лишились его поддержки (*Богом обиженный; Богом накрыўджаны*). Для белорусского языка характерно также использование термина Аллах наравне с Бог (*хвала Алаху; хвала Богу*), что можно объяснить исторически присутствием различных наций и конфессий на территории современной Беларуси и, соответственно, терпимостью белорусов. Для английской фразеологии религиозные образы, в том числе образ бога, не типичны и не используются в сочетании с образом счастья. Многие немотивированные фразеологизмы у славян на самом деле носят религиозный характер (*обетованная земля, посыпать голову пеплом*). Например, последний корнями уходит в библейское предание о еврейском обычае посыпать голову пеплом, оплакивая горе или несчастье. Пепел и прах являются образами гибели, разрушения и несчастий и в других фразеологических единицах во всех рассматриваемых языках (*идти прахом; dust and ashes; ісці прахам*).

Значимым универсальным образом, выражающим счастье, является небо, часто в сочетании с числительным 7 (*на седьмом небе; на сёмом небе; in seventh heaven; on cloud nine*). Это можно объяснить тем, что в большинстве религий отождествляются небо и рай, поэтому оно является для людей образом счастливой, беззаботной жизни, а цифра 7 имеет мистическое значение, является символом мира и достатка в христианстве. Интересно, что в английской куль-

туре, как и в китайской, в отличие от славянских культур и языков, счастье также ассоциируется с цифрой 9: *on cloud nine* [7]. Небесные светила также являются универсальными символами счастья (*родиться под счастливой звездой; в зените; зорка узыходзіць; сонца зайшло; ray of sunshine; over the moon*), так как играют в жизни людей важную роль. Так, например, солнце часто выступает образом жизни как таковой (*на заре жизни; на закате жизни*). В белорусском языке появляются дополнительные образы несчастья – гром и тучи, которые могут застилать небо, тем самым «перекрывая» счастье (*хмары згушчаюцца над галавой; хмары расейваюцца; як гром сярод яснага неба*). В целом непогода (гром, молния) часто отождествляется с бедой, горем, несчастьем.

Для россиян негативную коннотацию имеет образ воды и водоемов, выражая моральное падение или неудачу (*идти ко дну, садиться в лужу, везет как утопленнику*). Очевидными образами несчастья, горя и беды являются также раны и физические увечья (*бередить старые раны; сломать (свернуть) шею (голову); a slap in the face; a kick in the teeth*). Для сдержанных белорусов излишние вспыльчивость и самоуверенность, которые могут привести к ранам и физическим увечьям, это уже повод для несчастья (*лезці на ражон; перці на ражон; перці супраць ражна*). Как правило, счастье живет в сердце или душе человека, вне зависимости от его национальности (*разбіваць сэрца; душа радуецца; warm the cockles of one's heart; сердце ликует*). Слезы, которые, казалось бы, очевидный универсальный образ несчастья (*счастье с горем – слеза с улыбкой пополам; vale of tears; end in tears; раса вочы выядае*), могут выражать также счастье в высшем его проявлении (*сладкие слезы; слезы радости, счастья*).

Все три народа передают ощущение счастья как полет или невесомость (*на крыльях счастья; ляцець на крылах; не чуць ног пад сабою; walk on air*), хотя англичане прекрасно себя чувствуют и в менее возвышенных условиях – на полу, например (*on the tiles – 'having a lively night out'*). Они вообще умеют наслаждаться простыми радостями жизни (*beer and skittles; wine, women, and song*), поэтому счастье в понимании англичан очень тесно связано с едой (*a bowl of cherries; cakes and ale; the cherry on the cake*) и с цветами (*everything in the garden is lovely; roses, roses, all the way*). Последние, кстати, очень символичны и для русского человека (*устилать жизнь, путь, до-*

рогу цветами, розами; в самом цвету счастья, надежды; розы счастья, блаженства).

Общим символом счастья для славянских и германских народов является «синяя птица» как что-то редкое, недостижимое. Образ синей птицы первоначально был известен германским народам, в славянских языках он приобрел популярность после публикации пьесы «Синяя птица» М. Метерлинка [4]. Если говорить о животном мире, то определенным символом счастья для англичан является собака, точнее ее хвост (*like a dog with two tails; with one's tail up*), хотя «*a dog's life*», напротив, сулит жизнь полную проблем и неприятностей. Другие животные у англичан тоже могут символизировать счастье (*be a box of birds; happy as a pig in clover*), что не свойственно для двух других языков. Неожиданным оказался очень целеустремленный подход россиян: для достижения существенных успехов человек должен прикладывать значительные усилия, поэтому логичные образы успеха – это движение и дорога (*далеко пойти, пробивать себе дорогу*).

3 Универсальность и национальная специфичность концептов «счастье» и «несчастье» в русской, белорусской и английской фразеологии. На основе анализа фразеологизмов можно сделать вывод, что существуют как универсальные (*цветы, небо, звезды*), так и сугубо национальные образы-символы счастья (*черешня, эль, птица*) и несчастья (*гром, молния, рожон*). Для белорусов и россиян характерно присутствие образа Бога во многих фразеологизмах, что нетипично для англичан. Более того, в белорусских фразеологизмах часто встречается Аллах, что предположительно объясняется исторической многоконфессиональностью и терпимостью белорусского народа. Образы природы выступают универсальными символами, и в каждом языке несут один и тот же смысл. Однако существует и немало символов, присущих только одному менталитету. Например, вода – это символ несчастья и морального упадка для россиян. Что касается англичан, то для них счастье носит не только возвышенный, но и земной характер, что находит отражение в присущих только им символах: еда, свинья, вино, женщины, пиво. А отличительной чертой белорусов являются воля и свобода как обязательные элементы счастья. Как видно, национальные символы действительно отображают черты менталитета: прагматичность англичан, излишнюю возвышенность белорусов и некоторую промежуточную неопределенность россиян.

Литература

1. Ларионова, Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка: 7 000 выражений и словосочетаний / Ю.А. Ларионова. – М.: Аделант, 2014. – 512 с.
2. Лепешаў, І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: каля 6 тысяч фразеалагізмаў: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2008. – Т.1. А–Л, Т.2. М–Я.
3. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова; под ред. Н.С. Касюк – М.: Академия, 2001. – 204 с.
4. Синяя птица [Электронный ресурс] // Крылатые фразы, афоризмы: Очень познавательный ресурс. – Режим доступа: <https://www.otrezal.ru/catchwords/400.html>. – Дата доступа: 01.05.2019.
5. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в сознании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1998. – С 173–204.
6. Телия, Е.Н. Фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Е.Н. Телия. – М.: АСТ-Пресс книга, 2006. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm>. – Дата доступа: 01.05.2019.
7. Цинжун, М. Лингводидактическое описание цифр «семь» и «девять» в русском и китайском языках [Электронный ресурс] / М. Цинжун. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskoe-opisanie-tsifr-sem-i-devyat-v-russkom-i-kitayskom-yazykah.pdf>. – Дата доступа: 01.05.2019.
8. Oxford Dictionary of English Idioms / ed. John Ayto; 3 ed. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 416 p.

ВОСПИТАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ТРАДИЦИЯМ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В МУЗЫКАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. А. Михасёва

Государственное учреждение образования
«Ясли-сад № 94 г. Могилёва», ул. Краснозвёздная, 41,
212039, Могилёв, Республика Беларусь
e-mail: lenysik010880@yandex.ru

В статье рассматриваются формы приобщения детей старшего дошкольного возраста к национальным традициям в музыкальной деятельности. Определяются роль и качества музыкального руководителя в нравственном воспитании ребенка.

Ключевые слова: качества музыкального руководителя, национальные традиции, нравственность, цель воспитания.

TEACHING THE ATTITUDE TO THE NATIONAL TRADITIONS AS A VALUE TO CHILDREN OF SENIOR PRESCHOOL AGE IN MUSICAL EDUCATION

A. A. Mikhasiova

Public Institution of Education

«Nursery and Kindergarten No. 94 in Mogilev»,

Krasnozvezdnaya st. 41, 212039, Mogilev, Republic of Belarus

e-mail: lenysik010880@yandex.ru

The article considers the forms of familiarizing children of preschool age to the national traditions in musical activities. The role and qualities of a music teacher in the moral education of a child are determined.

Key words: qualities of the music teacher, national traditions, morality, the purpose of education.

С переходом экономики на рыночные отношения рушатся прежние культурные устои общества. Кумиры прежних лет, знаменитые люди эпохи, на которых равнялось подрастающее поколение, признаны не имеющими культурной и исторической ценности. Переименовывают улицы, площади и города. Превозносятся те, кого считали врагами и недругами. Все это способствует зарождению неприязни между народами, не только нарушая элементарные нормы взаимоотношений между людьми, но и создавая напряженность и противостояние между нациями. Именно ценностное отношение человека к национальным традициям становится регулятором его поведения.

Первый уровень основного образования в нашей стране – дошкольное образование. Согласно Кодексу об образовании Республики Беларусь от 13 января 2011 года, целью воспитания является «формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося» [1, с. 17]. Воспитание включает следующие составляющие: гражданское и патриотическое, идеологическое, нравственное, эстетическое, гендерное, семейное, трудовое и профессиональное, воспитание культуры безопасной жизнедеятельности, здорового образа жизни. Нравственное воспитание направлено на приобщение обучающегося к общечеловеческим и национальным ценностям [1, с. 18]. В дошкольном возрасте у детей расширяется и перестраивается система взаимоотношений со взрослыми и сверстниками, усложняются виды деятельности, возникает потребность в совместной деятельности. Таким образом, создаются наиболее благоприятные условия для нравственного развития ре-

бенка. По определению Н. К. Степаненкова, нравственность представляет собой совокупность исторически сложившихся принципов, норм, правил поведения людей, которые поддерживались и поддерживаются силой общественного мнения, традициями, привычками, системой воспитания и личными убеждениями [2, с. 47].

Нравственное воспитание дошкольника осуществляется комплексно. Оно интегрирует сферу моральных знаний, суждений, представлений. Дети осваивают различные компоненты общественного духовного сознания, понимают и принимают моральные требования и общественную оценку. Овладевая установками стереотипного поведения, ребенок параллельно постигает понятия причины и следствия собственных поступков и действий. Сфера морально ценностных отношений формируется у ребенка в процессе одобряемой или осуждаемой оценки его словесных выражений, поступков или действий окружающими, особенно авторитетными в его представлениях людьми (родителями, воспитателями, сверстниками-лидерами).

С учетом целей и задач содержание учебной программы структурировано по пяти направлениям: физическое, социально-нравственное и личностное, познавательное, речевое, эстетическое развитие воспитанника [3, с. 6]. Содержание направления «Социально-нравственное и личностное развитие воспитанника» реализуется в образовательной области «Ребенок и общество» и предполагает формирование у него стремления к самопознанию, позитивного отношения к себе, взрослым и сверстникам. В этот период жизни у детей появляются первоначальные представления о личной гигиене и культуре питания, основах безопасной жизнедеятельности, мире и родном крае, формируется личностное отношение к ним. Эти факторы обуславливают педагогические условия воспитания основ нравственности, патриотических чувств, трудолюбия, приобщения к общечеловеческим ценностям, национальным культурным традициям, сопричастности к современным событиям.

В существующих социокультурных условиях музыка остается одним из наиболее действенных средств совершенствования личности. Она в большей степени, чем другие виды искусства, обращена к базисным истокам духовности человека. Поэтому весьма важным представляется рассмотрение психолого-педагогических предпосылок непрерывного музыкально-эстетического самовоспитания личности. От этой концептуальной установки во многом зависит методология педагогической деятельности музыкального

руководителя учреждения дошкольного образования. Педагог должен уметь эмоционально и доступно, художественно и интересно приобщать детей к национальной культуре, искусству, воспитывая любовь к родному краю, доброжелательность, бережное отношение к окружающей среде, желание активно участвовать, приумножать и передавать национальное культурное наследие своей страны. Таким образом, музыкальный руководитель должен быть наделен определенными качествами:

- личностными: способность к самопознанию, самореализации, самооценке;
- культурными: духовность, нравственность;
- коммуникативными: позитивные взаимоотношения с воспитанниками и их опекунами, с коллегами;
- профессиональными: потребность в самосовершенствовании, освоении передовых достижений педагогической науки, развитии музыкальных навыков и умений.

Большое значение в активизации музыкальной деятельности дошкольников приобретает позиция музыкального руководителя к подбору художественного репертуара. От этого зависят стартовые условия и результаты занятия. В процессе систематизации музыкальных произведений наиболее актуальным и прогрессивным становится принцип, при котором учитывается соответствие художественного содержания музыки витальному (жизненному) и эстетическому опыту детей. Первые позитивные чувства от музыкального творчества позволяют развивать его дальше уже в контексте педагогического моделирования и воплощения личностного целеполагания ребенка.

В старшей группе целью музыкальной деятельности становится формирование обобщенных способов музыкального мышления и деятельности в процессе творческого освоения музыки. Дети учатся размышлять о музыке, ее характере, средствах выразительности, сравнивать музыкальные произведения контрастные и близкие по эмоциональному содержанию: «Простодушие» М. Глинки, «Детский альбом» П. Чайковского, симфоническая сказка «Петя и волк» С. Прокофьева, «Лядкоўская кадрыля» Г. Левкодимова и др. Развиваются умения сопереживать музыкальному образу песни, передавать характер в своем пении, моделировать образ в движениях, оценивать свое пение и пение сверстников: «Выхвацелька», муз. С. Галкиной, сл. Н. Галиновской; «Дзіцячы сад», муз. и сл. С. Галкиной, «Куточак зямлі», муз. и сл. Я Жабко и пр. Продолжают развиваться умения перевоплощаться

в художественный образ с помощью танцевальных движений в белорусских фольклорных играх: «Жабка», «Журавель», «Грушка» и др. Координация рук развивается при игре на музыкальных инструментах. Дети знакомятся с тембрами музыкальных инструментов симфонического оркестра, их выразительными возможностями, чему во многом способствует знакомство с такими произведениями, как «Рондо в турецком стиле» В. А. Моцарта, «Итальянская полька» С. Рахманинова; музыкально-дидактические игры, такие как «Кто поёт?», «Угадай инструмент», «Что звучит?»; сюжетные дидактические игры: «Передай привет», «Музычные саборніцтва» и др. [3, с. 330].

Анализ задач музыкального развития, репертуара позволяет выявить возможности для воспитания ценностного отношения к национальным традициям, сопутствующим формированию нравственных качеств белоруса. Воспитанники знакомятся с произведениями композиторов разных эпох и национальностей, групповые и подгрупповые формы занятий; совместные игры и мероприятия дают возможность сплачивать коллектив, регулировать и корректировать взаимоотношения детей, развивать гуманные отношения в коллективе. В воспитании патриотических чувств особую роль следует отводить белорусским песням и инструментальным произведениям, фольклору. С их помощью ребенок постигает родной язык, природу, свой край, свою страну, особенности музыкальных традиций. Немалую роль в процессе возрождения национальной культуры играет фольклор, благодаря которому сохраняется преемственность обрядовой символики, непрерывность духовного развития нации.

Эффективность учебно-воспитательной работы зависит от умелого использования национальных традиций народа, в которых обучение и воспитание осуществляются в гармоничном единстве. Одной из форм воспитательной работы в данном направлении выступают народные праздники и обряды. Для них характерны: коллективизм; яркая форма проведения, оказывающая эстетическое и психологическое воздействие на человека; синкретизм видов искусств; эстетическое оформление праздников и обрядов; отображение причастности человека к труду, природе. Проявление народного творчества отмечается во всех жанрах: поэтическом, музыкальном, песенном, драматическом, декоративно-прикладном, хореографическом. Таким образом, народные праздники и обряды удовлетворяют любознательность детей, их эстетические потребности, стремление к движению, формируют творческое мышление, побуждают

к сотворчеству, учат познавать белорусскую культуру. Воспитывая будущих патриотов, национально сознательных граждан, фольклор одновременно удовлетворяет потребность ребенка в игровой деятельности, освоении окружающей среды [4, с. 4].

К сожалению, не каждое дошкольное учреждение может полноценно подготовить народный праздник, так как требуются определенные материальные затраты (костюмы, оформление площадки для проведения праздника), наличие обрядового песенного материала, адаптированного для дошкольников, соответствующего их вокальным возможностям. Фольклорные праздники не включены в учебную программу как обязательные – «Новый год», «Мамин день», «Выпуск в школу», – поэтому они могут проводиться в виде развлечения.

Эффективными мероприятиями по приобщению детей к национальным традициям средствами музыкальной театрализации в дошкольном учреждении являются праздники: «Дажынкi», «Калядкі», «Масленіца», «Гуканне вясны», «Купалле». Дошкольники с большим желанием и интересом принимают участие в этих мероприятиях. В проведении праздников важным фактором является участие в них сотрудников учреждения. Прделанная работа находит свое отражение в детях: они становятся более активными, эмоциональными, расширяется их кругозор, обогащается словарный запас, повышается интерес к национальной музыке. Белорусский язык становится близким детям и любимым ими, прививает любовь к родной природе, родному краю, родной стране.

В практике дошкольного учреждения используется и такая форма культурного досуга, как день белорусского языка. В частности, один день в неделю весь педагогический процесс (в том числе и музыкальная деятельность) осуществляется на родном языке. Важная роль в этом отводится сотрудничеству родителей с педагогическим коллективом детского сада. Опекунов знакомят с изменениями белорусской орфографии, приобщают к организации и участию в праздниках и других мероприятиях, направленных на становление культуры ребенка.

Нравственное воспитание личности продолжается на протяжении всей жизни человека, но его основы закладываются в детстве. Совместными усилиями педагогов и родителей создаются благоприятные условия для гармоничного развития малыша – носителя культуры.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании: 13 января 2011 г. № 243-3: принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одобр. Советом Республики 22 дек. 2010 г.: в ред. Законов Респ. Беларусь от 13.12.2011 г. – Минск: Амалфея, 2011. – 496 с.
2. Степаненков, Н.К. Педагогика школы: учеб. пособие / Н. К. Степаненков. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2007. – 496 с.
3. Учебная программа дошкольного образования. – Минск: НИО, 2012. – 416 с.
4. Кавалеўская, Г.М. Выхаванне нацыянальнай самасвядомасці дашкольнікаў сродкамі беларускага фальклору / Г.М. Кавалеўская. – Мазыр: ТАА ВД «Белы Вецер», 2009. – 62 с.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ У ВОСПИТАННИКОВ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Т. Н. Кротова

Государственное учреждение образования
«Ясли-сад № 94 г. Могилева», ул. Красноезвездная, 41,
212039, Могилев, Республика Беларусь,
e-mail: krotova.tatyana.1960@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы формирования национальной культуры, воспитания интереса к общечеловеческим и национальным ценностям, культурным традициям своего народа, патриотизма.

Ключевые слова: национальная культура, белорусские народные традиции.

FORMATION OF CHILDREN'S NATIONAL CULTURE IN PRESCHOOL EDUCATION

T. N. Krotova

Public Institution of Education
“Nursery and Kindergarten No. 94 in Mogilev”,
Krasnozvezdnaya st. 41, 212039, Mogilev, Republic of Belarus
e-mail: krotova.tatyana.1960@mail.ru

The article deals with the formation of national culture, raising interest in universal and national values, cultural traditions of Belarusian people, patriotism.

Key words: national culture, Belarusian folk traditions.

Как научить ребенка любить и знать язык страны, в которой он живет? Нет секрета в том, что знание культуры своей страны, ее традиций, языка влияют на нравственные устои государства. Внимание к культуре и традициям своего народа помогает многим поколениям более глубоко знать историю своих предков, а зная ее – смело смотреть в будущее. Наши дети – наше будущее, в эту расхожую фразу вложен широчайший смысл. Будущее государства зависит от нас, педагогов, от нашего умения воспитать гражданина своей страны.

Согласно статье 90 Кодекса Республики Беларусь об образовании государство гарантирует гражданам право выбора обучения и воспитания на одном из государственных языков Республики Беларусь и создает условия для реализации этого права.

Н. С. Старжинская отмечает, что наиболее оптимальным путем развития у детей дошкольного возраста белорусской речи является тот, который сочетает, с одной стороны, развитие «чувства белорусского языка» в результате постепенного «погружения» в соответствующую коммуникативную среду, а с другой – специально организованное обучение, ориентированное на формирование у воспитанников элементарного знания языка [1, с. 15]. В нашем дошкольном учреждении на первом этапе образования осуществляется обучение воспитанников русскому и белорусскому языкам, формирование представлений о мировой и национальной культуре, народных традициях.

Одним из принципов, положенных в основу учебной программы, является принцип культуросообразности, обеспечивающий становление различных сфер самосознания ребенка на основе познания культуры мира, своего народа, ближайшего социального окружения. Одним из пяти направлений в учебной программе дошкольного образования является социально-нравственное и личностное развитие воспитанников. Осуществляя образовательный процесс по образовательной области «Ребенок и общество», воспитатели дошкольного образования формируют у дошкольников представления о мире и родном крае и отношение к ним, приобщая к общечеловеческим ценностям, национальным культурным традициям. В учебной программе прослеживаются взаимосвязь и взаимообусловленность направлений образовательных областей на основе интеграции содержания [1, с. 8]. Принцип интегративности позволяет осуществлять обучение и воспитание начала национальной культуры через все виды детской деятельности. Наиболее ярко выражается формирова-

ние и развитие национального сознания посредством познавательной, речевой, театрализованной, музыкальной, коммуникативной, двигательной деятельности.

Обучение воспитанников начинается с момента поступления ребенка в учреждение дошкольного образования. Это возраст от 2 до 3 лет. В этом возрасте малыши очень чувствительны к действиям людей, которые их окружают. Они с удовольствием слушают диалог педагога и родителя, пытаются понять слова и логику действий. Огромное значение приобретает удовлетворение ребенка в познании. Использование потешек, колыбельных на белорусском языке в распорядке дня помогает дошкольникам почувствовать красоту и неповторимость белорусского языка, содействует приобщению к неповторимому миру поэзии. Обогащая детей музыкальными впечатлениями, мы используем на музыкальных занятиях и в нерегламентируемой деятельности народные и авторские песни «Ах-ты, коценька-каток», «Калыханка», белорусские народные мелодии «Юрочка», «Мікіта», «Зайка». В этом возрасте воспитанники начинают проявлять интерес к белорусскому языку. Они слушают сказки на белорусском языке «Муха-паяуха», «Дзедава рукавічка», им понятны часто используемые в распорядке дня слова благодарности, просьбы. Воспитанники одинаково эмоционально воспринимают интонации в стихотворениях на русском и белорусском языках, проявляют интерес к восприятию литературных и фольклорных произведений, участвуют в играх-драматизациях, проговаривая вместе со взрослым слова по тексту.

На четвертом году жизни, во второй младшей группе, у воспитанников повышается восприимчивость к художественному слову, усиливается стремление подражать речевым интонациям взрослого. Дети с пониманием содержания текста повторяют стихи «Кукарэку, певунок», «Ой, бычок, мой бысенька», «Вожык». Используя такие средства выразительности, как музыка и книжные иллюстрации, воспитатели дошкольного образования формируют представления дошкольников о своей Родине. Посредством дидактических игр, подобранных в соответствии с возрастом детей, знакомят с родным городом, его зданиями, достопримечательностями.

В возрасте пяти лет формируется «Я-позиция», самооценка. В этот период активного познания предметов, стойкости внимания педагоги дошкольного образования направляют воспитание на формирование высших нравственных чувств: патриотизма, коллективизма, дружелюбия и других. Дошкольники знакомятся со своей

республикой, ее столицей, людьми, прославляющими страну, национальным гимном, флагом, гербом. Используя разнообразные формы обучения, такие как занятие, игра и другие виды деятельности, воспитатели дошкольного образования формируют интерес к общечеловеческим и национальным ценностям, культурным традициям своего народа. Дошкольники знакомятся с достопримечательностями своего города и столицы, отображают в рисунке красоту родного края, знакомятся с народными искусствами. Дошкольники как гончары лепят посуду, как дизайнеры создают современную одежду с использованием народных орнаментов. В дошкольном учреждении организована образовательная услуга «Детское ручное ткачество». Дети с большим удовольствием посещают занятия, где под руководством воспитателя и самостоятельно изготавливают замечательные закладки для книг, пояса, элементы одежды на детских ткацких станках. Желание, с которым наши воспитанники работают, показывает, что народное искусство ткачества продолжает интересовать и вдохновлять подрастающее поколение. В учреждении дошкольного образования организуется единый день белорусского языка – четверг. В этот день все сотрудники учреждения используют белорусский язык как средство общения на протяжении всей деятельности. Воспитанники старших и средних групп слушают родную речь, включаются в разговор взрослых.

«Каждый народ имеет свой свободный духовный характер, который находит наибольшее свое отражение в его песнях», – так говорил известный белорусский этнограф, музыкант и фольклорист Г. Р. Ширма. В учреждении дошкольного образования ежегодно проходят фольклорные праздники «Калядкі», «Масленіца», «Гуканне вясны», в которых принимают участие педагоги, наши воспитанники и их родители. Дети эмоционально откликаются на звучание народной музыки, водят хороводы, поют белорусские песни, играют в белорусские народные игры «Сонейка», «Шэры кот», «Птушкі ляцяць» и др.

Взаимодействие с семьями воспитанников осуществляется на протяжении всего обучения. Семейные гостиные с участием родителей «Народные традиции», «Адкуль я родам», «Гульні нашых бацькоў» позволяют решать воспитательные и образовательные задачи совместно с родителями наших детей.

Глава государства А. Г. Лукашенко на состоявшейся 9 января 2018 г. церемонии вручения премий Президента Республики Беларусь «За духовное возрождение», специальных премий Президента

Республики Беларусь деятелям культуры и искусства, премий Президента Республики Беларусь «Беларускі спартыўны Алімп» подчеркнул: «Сейчас особенно важно не упустить время, не потерять нашу духовную суть. Первостепенная роль в этом, безусловно, принадлежит культуре, искусству, религии. Их влияние на сознание человека огромно. Именно эти сферы формируют те образы и идеалы, на которые многие ориентируются и принимают как эталон... Все, кому не безразлично, каким будет мир, должны объединить усилия ради укрепления нравственных устоев нашего народа».

Каждое утро наши воспитанники спешат в ясли-сад. Навстречу им выходят наши воспитатели дошкольного образования – педагоги, которые считают работу с детьми своим призванием.

Литература

1. Старжинская, Н.С. Теория и методика развития белорусской речи дошкольников: учеб. пособие / Н.С. Старжинская. – Минск: Технология, 1997. – 256 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕСУРСОВ В ПРОСТРАНСТВЕННО- ВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Махмудов Матлаб Абдулалли оглу

Институт Философии Национальной Академии Наук Азербайджана,
пр. Г. Джавид, 115, AZ1073, Баку, Азербайджан
e-mail: matlabm@yandex.ru

Статья посвящена выявлению роли социокультурных ресурсов в пространственно-временном историческом контексте. Выделяются три типа восприятия социокультурных ресурсов исторического опыта: исторический идеализм, исторический нигилизм, исторический реализм. Предлагается рассматривать данный подход как инструмент анализа общественного сознания, степень развития социокультурных ресурсов как индикатор способности общества к саморазвитию. Делаются выводы о некоторой недостаточности глубинной самооценки национального самосознания в современном азербайджанском обществе.

Ключевые слова: социокультурные ресурсы, исторический опыт, самооценка, рефлексия, пространственно-временная достаточность.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF SOCIO-CULTURAL RESOURCES IN THE SPACE-TIME CONTEXT

Mahmudov Matlab Abdulali oglu

Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Azerbaijan,

H. Javid ave. 115, AZ1073, Baku, Azerbaijan

e-mail: matlabm@yandex.ru

The article reveals the role of socio-cultural resources in the spatio-temporal historical context. There are three types of perception of the socio-cultural resources of historical experience: historical idealism, historical nihilism, historical realism. This approach is applied as a tool for analyzing public consciousness, the degree of development of socio-cultural resources as an indicator of the society's ability to self-development. Conclusions are drawn about a certain lack of deep self-assessment of national self-consciousness in the modern Azerbaijani society.

Key words: socio-cultural resources, historical experience, self-esteem, reflection, space-time sufficiency.

В контексте современного состояния социокультурных ресурсов, его сохранения и использования рассмотрение всего этого наследия в историческом контексте имеет очень важное актуальное значение. Практически каждый исторический аспект развития социокультурных ресурсов в той или иной степени, вне зависимости от их масштаба и уровня, не только играет общественно значимую роль, но и направлен на решение исторически важных проблем, связанных с восстановлением традиций и культуры определенных социумов, включая вопросы сохранения этой социокультурной среды в единстве ее природного ландшафта.

Социокультурные ресурсы, опираясь на внутренние ценности культуры (память, творчество, традицию и др.) и воздействуя на динамику ее дальнейшего развития, иногда отбрасывают исторический аспект прошлой культуры. Не случайно в работах современных исследователей наметился «ренессанс» интереса к фольклору: «наследие» и «традиции», наряду с «инновацией», становятся теми концептами, вокруг которых разворачиваются научные дискуссии, имеющие не только теоретическое значение, но и практическое применение. Сказанное актуализирует проблему изучения исторических моделей интеграции культурного наследия. Многие ученые по-разному определяют «исторический опыт». Например, В. В. Алексеев определяет его как «концентрированное выражение социаль-

ной практики прошлого и функционирование социума в окружающей среде, ориентированное на выявление закономерностей общественного развития, на получение знаний, обеспечивающих повышение обоснованности решений проблем современности» [2, с. 6]. Здесь исторический опыт – не просто мемориальный экспонат, он необходимый, насущный стратегический ресурс общества, помогающий решать жизненно важные проблемы, формировать эффективные программы жизнедеятельности. Исторический опыт является необходимым составным элементом общественной жизни, вместе с тем его роль (функция) в социуме может быть разной: он может выступать как решающий фактор или как важный, но не решающий фактор в сложной фактуре социокультурного бытия общества. Этот фактор может выступать как компонент, консолидирующий общество или разрушающий его. Наконец, исторический опыт может служить стимулом саморазвития общества или препятствием для такого рода саморазвития. Роль исторического опыта в обществе определяется в первую очередь бытующим в этом обществе отношением к нему.

По мнению Е. Н. Ярковой, существуют три основные позиции относительно восприятия исторического опыта. Первую из них можно обозначить как исторический идеализм, вторую – как исторический нигилизм, третью – как исторический реализм [20, с. 2].

Исторический идеализм здесь выступает как атрибут традиционной культуры, мировоззренческую основу которой составляет отношение к миру как к незыблемому условию существования человека, как к набору требований, которым необходимо соответствовать [20, с. 2]. В сущности, эти требования и есть не что иное, как традиция, а последняя, в свою очередь, есть некоторый застывший, концентрированный и сублимированный исторический опыт. Например, Г. Гулиев определяет культурную традицию как выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах [10]. У А. Абасова синонимом традиционной культуры выступает постфигуративная культура, которая характеризуется как культура, которой чужды осознанность и сомнения относительно имеющегося исторического опыта [1].

Нигилизм – атрибут межцивилизационной эпохи, когда осуществляется «полный демонтаж предшествующей цивилизации» [4, с. 227–228]. Вместе с тем нигилистическое отношение к миру свя-

зано не с мироотрицанием, но с отрицанием исторически сложившихся в том или ином обществе представлений о социокультурных ценностных основаниях мира, то есть, в конечном счете, с отрицанием исторического опыта. Именно так понимает нигилистическое отношение к миру М. Хайдеггер: «Нигилизм есть процесс обесценки прежних верховных ценностей. Когда эти верховные, впервые придающие ценность всему сущему ценности обесцениваются, лишается ценности и опирающееся на них сущее. Возникает ощущение неценности, ничтожества всего» [19, с. 79]. Нигилизм есть разложение, распад сложившегося в культуре ценностного порядка, хаотизация культуры. Разумеется, из нигилистического хаоса может впоследствии вырасти новый порядок, поэтому нигилизм можно рассматривать как некую предпосылку ценностного созидания, творчества, тем не менее последнее лежит уже за пределами нигилизма. Конечно, данная точка зрения отличается от сложившихся в философии, в частности от точки зрения Ф. Ницше, М. Хайдеггера, усматривающих в «классическом нигилизме» феномен, связанный не только с отрицанием прежних ценностей, но и с полаганием новых [14]. Нечто подобное можно обнаружить в современных религиозных течениях, призывающих полностью отречься от прежних религиозно-культурных ценностей (ИГИЛ, Аль-Каида и т. д.). Сюда можно отнести и некоторых исследователей, различающих деструктивный и конструктивный нигилизм и утверждающих, что нигилизм есть «фактор, преобразующий культуру и общество» [17, с. 21]. Однако если следовать строгой логике, нигилизм есть установка на отрицание, разрушение, а не на утверждение и созидание. Нигилистическое отрицание создает прецедент критического отношения к историческому опыту. Разумеется, эту критику трудно назвать конструктивной, более того, зачастую она не содержит аналитической, а тем более рефлексивной установки, однако именно в пространстве нигилистического отношения к историческому опыту происходит переход от безоговорочной апологетики к критике и частичной ревизии исторического опыта, его пересмотру. Недалек еще тот период, когда наряду с экстремистскими организациями («Красная весна» во Франции, «Красные бригады» в Италии), существовали и такие миролюбивые движения, как «Красные розы», хиппи и т. д.

О критическом отношении к истории пишет Ф. Ницше: «Человек должен обладать и от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше;

этой цели достигает он тем, что привлекает прошлое на суд истории, подвергает последнее самому тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор...» [15, с. 151]. Тем не менее исторический нигилизм в его радикальном виде социально неконструктивен, поскольку делает человека и общество совершенно безоружными перед лицом возникающих проблем. Отрицание исторического опыта оборачивается превращением метода проб и ошибок в универсальную стратегию решения проблем, а эта стратегия далеко не всегда эффективна. Кроме того, застывший, затвердевший нигилистический хаос может превратиться в некий порядок, составляющий смысловую ткань бытия (образование ИГИЛ). На уровне общества это означает выход на тупиковую ветвь эволюции, то есть социальный регресс, превращающий общество в толпу. Присущий нигилизму негативизм особо выпукло предстает в лично-психологическом плане. Например, В. Райх определял нигилизм как «невроз характера», «броню характера», присущую личностям патологической организации [18]. Современная психология трактует нигилизм как один из механизмов психологической защиты – неотрефлексированную установку на акцентированное отрицание устоявшихся социокультурных норм, правил с целью демонстрации своей уникальности [16]. Отрицание всех авторитетов – способ доказательства своей значимости, осознанное или бессознательное стремление к удовлетворению потребностей в уважении со стороны других, признании, достижении успеха, высокой оценки. Однако индивидуальный нигилизм, в отличие от социального, более стоек и жизнеспособен, поскольку он не является нигилизмом в чистом виде, он является осознанным или неосознанным утилитаризмом, так как отрицание является для него не целью, а средством самоутверждения [21]. В сущности, идеализм и нигилизм по отношению к историческому опыту можно рассматривать как две стороны одной медали. Исторический нигилизм, в свою очередь, содержит потенции идеализма, поскольку, отторгая прошлое, идеализирует настоящее и будущее. Реалистическое отношение к историческому опыту характеризуется актуализацией критико-аналитического подхода к историческому опыту. Последний возникает в результате развития рефлексии: как у К. Ясперса – «способности мышления сделать своим предметом мышление» [22], то есть особой способности подняться над своим историческим опытом и посмотреть на него с критико-аналитической высоты. Основным принципом такого рода

конструирования является принцип поиска некоторой «золотой середины», меры между традицией и новацией, прошлым и будущим, историческим опытом и современностью. Причем этот поиск – не разовая акция, а устремленный в будущее процесс. А. С. Ахиезер рассматривает критику исторического опыта как аспект самой истории, связанный с пересмотром целей и условий человеческого развития на изменение субъекта истории, его воспроизводственных функций. Такого рода критика, в его видении, в конечном счете нацелена на движущие силы истории, на массовую деятельность, соответствующую ей культуру, уровень и масштабы творчества [4, с. 242].

Мировоззренческую основу для такого рода восприятия задает концепция ноосферы, в рамках которой человеческий разум манифестируется как созидательная, изменяющая облик нашей планеты и ближайшего космоса сила, которая призвана реконструировать биосферу в интересах мыслящего большинства [3, с. 30]. Такого рода мировосприятие лежит у истоков творческого отношения к историческому опыту. Он рассматривается не как жесткая конструкция, в которую необходимо вписаться или которую следует разрушить, но как некие строительные леса. Они создают опору для творческого созидания, без которой творчество выродилось бы в пустое бесплодное фантазирование.

Самоактуализация, по А. Маслоу, есть реализация творческого потенциала личности – ее способностей, возможностей, талантов, достижения личностной зрелости и психологического здоровья [13].

В сущности, наличие или отсутствие в том или ином обществе реалистического отношения к историческому опыту является важным индикатором способности этого общества к саморазвитию. Исторический опыт общества складывается из исторического опыта его членов, поэтому он является не гомогенным, а гетерогенным образованием [11, с. 5]. Примером этому может служить современное российское общество, историческая память которого и само отношение к историческому прошлому неоднородны. В современной научной общественности преобладают две позиции относительно оценки прошлого – исторический идеализм («лакировочная» установка) и исторический нигилизм (очернительская установка). Особенно это касается советского прошлого: одни считают советский период «темными веками», потерянным временем, советскую власть – антинародной, тоталитарной, практикующей политику геноцида по отношению к собственному народу; другие рассматривают советский период как

«золотой век», советскую власть – как воплощение гуманности, социальной справедливости и свободы. Собственно говоря, склонность к дуализму в оценке различных явлений отмечал еще Н. А. Бердяев, который много писал о дуализме человеческого характера (имеются в виду граждане царской России) и его пагубном влиянии на историческую судьбу народа. Он утверждал, что противоречивость сознания этих граждан ведет к тому, что общество живет «неорганической жизнью», в ней отсутствуют целостность и единство [5, с. 5–14]. И сегодня Азербайджан и азербайджанцев часто рассматривают в противоречивости черт национального характера. Дело в том, что в своем развитии азербайджанское общество не полностью сформировало «срединную культуру». По определению А. С. Ахиезера, «срединная культура» – это «культурная инновация, новые смыслы, полученные в результате медиации, в результате преодоления различий дуальной оппозиции в осмысляемом предмете, поиска новой меры между смыслами полюсов посредством творческого наращивания нового содержания культуры, выхода за рамки исходной оппозиции... Все новое содержание культуры, новые смыслы формируются через формулирование молекул культуры, через срединную культуру» [4, с. 488]. Подобный подход всегда проявлял себя в периоды социально-политического преломления общества, в канун больших общественно-политических потрясений. В этом плане справедливым представляется замечание И. А. Гобозова о том, что наука не должна подыгрывать желаниям власти [8, с. 6]. Дуализм исторического сознания современных граждан, неразвитость реалистической позиции по отношению к историческому прошлому делает проблематичным подъем общества к новым, отвечающим требованиям современности уровням его самоорганизации. Преодоление заикленности на идеалистически-нигилистическом восприятии исторического опыта в конечном счете есть задача одновременно нравственная, политическая, экономическая и т. д. А эта нагрузка падает на плечи национальной интеллектуальной, творческой элиты. Например, известный литературный критик М. Джафаров определяет классическую азербайджанскую литературу как значимый анклав становления продвинутой социокультурной среды в Азербайджане. Он рассматривает творчество М. С. Ордубади как начало осмысления истории Азербайджана с позиций социокультурной среды [11]. Не менее значима в решении этой задачи роль представителей отечественной исторической науки, поскольку именно они имеют решающий голос в процессах формиро-

вания исторического мировоззрения масс: «У каждого народа формируется определенный архетип на протяжении всей его истории, и пока есть этот архетип, народ продолжает жить и работать. Но формирование архетипа невозможно без исторической памяти, а наличие этой памяти во многом зависит от историков. Если они представляют историю как цепь сплошных ошибок и преступлений предыдущих поколений, то у нового поколения сформируется исключительно негативное отношение к собственному прошлому. И это новое поколение, в конце концов, растворится в других народах. Поэтому на историках лежит огромная ответственность по формированию исторического мировоззрения» [8, с. 6].

Подводя итог нашим рассуждениям об историческом опыте, типах его восприятия, о созидательной роли реалистического, а не идеалистического или нигилистического восприятия исторического опыта, можно констатировать, что исторический опыт, конечно, не книга полезных советов и не путеводитель по лабиринтам бытия. Скорее, его можно обозначить как знание, информацию относительно общих закономерностей бытия того или иного народа и человечества в целом. Эта информация ценна еще и тем, что она в той или иной мере способствует прокладыванию путей в будущее, открывает возможности его моделирования [12]. Последнее представляется чрезвычайно важным, поскольку «предугадать хоть в какой-то мере будущее – значит иметь возможность повлиять на него. Фактически завтра выиграет тот, кто окажется лучшим футурологом» [9, с. 199]. Разумеется, моделирование будущего достижимо лишь при условии реалистического отношения к историческому опыту. Только такое отношение к нему является залогом выполнения главной функции исторического опыта как социокультурного института – функции обеспечения выживания общности.

Литература

1. Абасов, А.С. Эпоха глобализации ИКТ: социокультурные процессы / А.С. Абасов // Сборник материалов международной научно-практической конференции «ИКТ и глобализация», 2013. – М.: Канон +, 2013. – С. 25–39.
2. Алексеев, В.В. Исторический опыт как предмет изучения / В.В. Алексеев // XVIII Международный конгресс исторических наук. – Монреаль; Екатеринбург, 1995. – С. 6.
3. Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.Р. Анкерсмит. – М.: Европа, 2007. – 612 с.

4. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А.С. Ахиезер. – Т. II. Теория и методология. Словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.
5. Бердяев, Н.А. Душа России. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – С. 5–14.
6. Беспалова, Ю.М. Возможности применения экзистенциальной парадигмы в науке о родословии / Ю.М. Беспалова // Проблемы сохранения исторической памяти. Десятые тюменские родословные чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции. 27–28 сентября 2013 г.: сб. / под ред. А. И. Бакиной. – Тюмень: Издательство ТГУ, 2013. – С. 27–30.
7. Вернадский, В.И. Живое вещество и биосфера / В.И. Вернадский – М.: Наука, 1994. – 672 с.
8. Гобозов, И.А. История и мораль [Электронный ресурс] / И. А. Гобозов // Научно-энциклопедический портал Russika.Ru. – Режим доступа: www.russika.ru/userfiles/adm_1338433_714.pdf. – Дата доступа: 31.05.2019.
9. Гринин, Л.Е. Россия – философская держава / Л.Е. Гринин // Философия и общество. – 2005. – № 3. – С. 199.
10. Гулиев, Г. Научная стратегия малых стран / Г. Гулиев. – Баку: Текнур, 2007. – 152 с.
11. Джафаров, М.Дж. Из истории азербайджанско-русских литературных связей / М.Дж. Джафаров. – Баку, 1964. – 184 с.
12. Ларин, Ю.В. Проблема будущего в проекции природы человека / Ю.В. Ларин // Социум и власть. – 2012. – № 2. – С. 119–123.
13. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
14. Мосиенко, Л.И. Нигилизм как фактор социокультурного развития: дис.... канд. филос. наук. / Л.И. Мосиенко. – Омск, 2003. – 118 с.
15. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 158–230.
16. Павленко, Н.Г. Негативное самопредъявление и демонстративный нигилизм как отражение социальной ситуации развития личности [Электронный ресурс] / Н. Г. Павленко // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 12(20). – Режим доступа: www.sisp.nkras.ru. – Дата доступа: 11.04.2019.
17. Павлов, А.В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха / А.В. Павлов // Вестник Пермского университета. – Серия «Философия. Психология. Социология». – 2012. – № 3(11). – С. 17–26.
18. Райх, В. Посмотри на себя, маленький человек! / В. Райх – М.: Мир гештальта, 1997. – 112 с.
19. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 79–95.

20. Яркова, Е.Н. Исторический опыт как социокультурный институт / Е.Н. Яркова // *Философия и общество.* – 2014. – №3 (75). – С. 67–78.
21. Яркова, Е.Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества / Е.Н. Яркова // *Общественные науки и современность.* – 2002. – № 2. – С. 88–101.
22. Ясперс, К. *Смысл и назначение истории: пер. с нем., 2-е изд.* / К. Ясперс. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В НАЧАЛЕ XX ст.

С. В. Снапковская

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: ssvet88@inbox.ru

В статье раскрываются основные теоретико-методологические аспекты проблемы развития национальной культуры и образования начала XX ст. Анализируются ведущие направления формирования концепции национальной школы в российской педагогической мысли, представленные в широком и разнообразном педагогическом дискурсе.

Ключевые слова: образовательный идеал, национальная школа, общечеловеческие ценности, педагогическая мысль, родной язык, социокультурные доминанты.

BETWEEN THE GENERAL HUMAN AND THE NATIONAL IDEAL: THE PEDAGOGICAL DISCOURSE AT THE BEGINNING of the 20th CENTURY

S. Snapkovskaya

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: ssvet88@inbox.ru

The author reveals the main theoretical and methodological aspects of the problem of the national culture and education development at the beginning of the 20th century. The most important trends in arising of the national school concept in the Russian pedagogic thought, represented within the wide and various pedagogical discourse, are analyzed.

Key words: ideal in education, national school, human values, pedagogic thought, native language, sociocultural dominants.

В начале прошлого столетия проблема образовательного идеала в его общечеловеческом и национальном значении занимала одно из ведущих мест в теоретических поисках российской педагогической науки. «Национальный или общечеловеческий идеал? – вот та трудная дилемма, перед которой стоит наша жизнь, а вместе с ней и педагогическая мысль», – отмечал в 1916 г. М. М. Рубинштейн [11, с. 389].

Вступление многочисленных народов империи в полосу национального возрождения сопровождалось внедрением в общественное сознание национальных идеалов и ценностей образования. Российские ученые и педагоги заметили эти новые явления и направили внимание правительственных кругов и педагогической общественности на проблему создания русской национальной школы, а в более широком плане – на проблему соотношения общечеловеческого и национального в образовании и воспитании. Интерес, возникший в России к проблемам национальной школы на рубеже XIX–XX вв., породил множество подходов, концепций национального образования и воспитания, которые широко дискутировались в правительственных структурах и различных общественных институтах, в заведениях образования и педагогической журналистике. Различные аспекты развития культуры и образования в русле данной проблематики нашли свое отражение в ряде монографий и статей автора как в российской, так и в белорусской и польской печати [12, 13, 14, 15, 16, 17, 20].

Основываясь на воззрениях К. Д. Ушинского об ориентирующей и организующей функции народности в образовании, выстраивает свою педагогическую систему видный теоретик и практик российского образования В. А. Волкович [7, 8, 9, 10]. В работе «О проекте построения новой, идеальной русской школы, на основании так называемой философии новой русской школы» (1907 г.) она отмечает, что формулировку Н. И. Пирогова – воспитание человека в человеке – раскрыли К. Д. Ушинский и В. Я. Стоюнин, наметив пути к выяснению сущности национального воспитания [10, л. 299].

В труде «Национальное воспитание как задача гармонического развития» она подчеркивает, что национальное воспитание не может быть рассмотрено независимо от других сторон национального вопроса, но должно быть от него обособлено, т. к. включает в себе свое специфическое, которое и должно быть выделено, выявлено и изучено. В. А. Волкович раскрывает факторы национального воспитания и определяет его основные этапы: выявление национального типа, выяснение национального идеала, поиск средств обраще-

ния национального типа в национальный идеал [8, л. 1]. В качестве определяющего фактора единения народов и создания общего культурного пространства она рассматривает поддержку национально-культурной сферы.

Как же русская педагогическая мысль определяла основные дефиниции рассматриваемой нами проблемы? Общечеловеческие образовательные ценности определялись как базовые морально-интеллектуальные императивы, которые строятся на идентичности антропологического развития человека и специфически проявляются в разные исторические эпохи в конкретных регионах мира. Под национальными образовательными ценностями понималась аксиологическая направленность целей и содержания образования и воспитания, его форм и методов, которые обусловлены природными, социокультурными и этнографическими доминантами, менталитетом и традициями российского суперэтноса, в состав которого включались народы Российской империи.

Наиболее значительными аспектами этой проблематики выступали: обоснование приоритетности общечеловеческих или национальных ценностей образования, пути их организационной взаимосвязи, определение исходных принципов осуществления национального образования и народной школы, установление критериев отбора содержания образования; обоснование форм и методов его реализации, которые соответствуют «русскому духу».

Педагоги констатировали, что проблема национальных ценностей образования относится к недостаточно разработанным аспектам педагогической теории. П. Ф. Каптерев отмечал: «Вопрос о национальном образовательном идеале разработан очень слабо. Не выяснены еще существенные характерные черты русского народа, которые отличают его от других народов; спорными остаются и поныне многие важные вопросы его истории; его призвание в будущем, его историческая роль и назначение понимаются далеко не одинаково. При таком положении дел национальный образовательный идеал еще затуманен. Педагоги, которые работали над его объяснением, не столько определяли и рисовали сам идеал, сколько указывали те условия, при которых этот идеал может сложиться. Полное же определение и толкование этого идеала – дело будущего» [5, с. 61–62].

Значительный вклад в разработку проблемы национально-го характера образования и воспитания внес В. Я. Стоюнин. Главным недостатком русской системы воспитания он считал, как

отмечал П. Ф. Каптерев, недостаточную культурность русского народа [5, с. 64]. Идеал общего образования педагог видел в воспитании образованного (просвещенного) человека, который должен правильно понимать как внешнюю и свою внутреннюю природу, так и собственное нравственное отношение к людям и обществу. П. Ф. Каптерев определил средства национального образования: ослабление иностранных влияний; автономность педагогического процесса; наличие самостоятельной педагогической литературы; приоритет в образовании «краеведения» («родиноведения»); общая русская обстановка школ с точки зрения быта; укрепление в учениках чувства законности и уважения к науке [5, с. 66–67].

П. Ф. Каптерев разработал систему национальных ценностей образования, которая включала в себя: аксиологические приоритеты религии в общем и православия в частности; усвоение родного языка как важного источника постижения культуры; формирование у педагогов профессиональных ценностей, отражающих национальные традиции в педагогике; воспитание гражданственности, которую ученый тесно связывал с формированием исторического мышления и активной жизненной позиции.

В. Н. Сорока-Росинский поставил вопрос о роли русской национальной культуры как высшем проявлении творческого гения народа, духовной жизни нации. Он считал, что русская культура, как и другая великая национальная культура, выходит за границы своей национальной особенности, превращается в общечеловеческое достояние и таким образом становится необходимой для всех других народов [15, с. 233].

Представители культурно-антропологической теории также предлагали концентрическое размещение образовательного материала, но в противоположном направлении, обоснованном П. П. Блонским. Сначала предусматривалось знакомство с мировой культурой, потом культурой русского народа и в конце – изучение прошлого и современного состояния конкретной местности или «краеведение». В качестве национальных элементов образования выделялись, прежде всего, родной язык, православная религия и семейные традиции.

В начале XX века в разработке проблем соотношения общечеловеческих и национальных идеалов и ценностей был сделан значительный шаг вперед. Важный вклад в исследование этой проблемы внесли как «педагогические националисты», так и пропагандисты общечеловеческих ценностей. Начали вырабатываться как общие

принципы создания национальной школы, конструктивные подходы к вычленению «русского компонента» содержания образования в нем (этнографический, краеведческий материал), так и определенные формы и методы работы (изучение фольклора, создание краеведческих экспозиций, экскурсии по родному краю и др.). Однако, в связи с объективными социально-политическими и субъективными педагогическими причинами, задача создания русской национальной школы в это время так и не была решена. Более всего в теоретическом понимании проблемы нерусской или «иностранческой» школы достиг С. И. Гессен в работе «Основы педагогики: Введение в прикладную философию». В освещении темы он исходил из переплетения разнообразных течений педагогической и политической мысли – от консервативно-официальной педагогики к требованиям национальной школы нерусских народов, от идеологов единой и неделимой отчизны к приверженцам федерализма. По его словам, ключевая роль в деле создания национальной школы принадлежала родному языку, т. к. «национальная свобода есть преимущественно свобода родного языка, проблема национально-образования – проблема языка обучения» [3, с. 347].

С. И. Гессен ввел понятие «областной педагогики» или областно-национального образования. Под этим он понимал право национальных меньшинств иметь свою школу на родном языке. «Областная педагогика» в то время получила распространение в Австрии, Венгрии, Франции, Англии, Ирландии и России, где вопрос об «иностранческой» школе активно обсуждался, по словам С. И. Гессена, «радикальными педагогическими кругами» и нашел свое выражение в постановлениях комиссии по делам иностранческой школы Первого Всероссийского съезда по народному образованию [3, с. 350–351]. Ученый подверг критике «упрощенный национализм угнетенных наций» и выступил в защиту общерусской культуры и «областной педагогики», утверждая, что «...присоединение к мировой культуре отдельных ветвей русского народа значительно легче, разумеется, будет осуществляться посредством общерусской культуры, которая охватывает областные разветвления и ими питается» [3, с. 356].

Пик общественно-педагогической дискуссии по вопросам национально-образования и воспитания выпадает на 1905–1914 гг. Ряд известных русских педагогов-исследователей и учителей выступили в педагогической печати с критикой политики правительства в отношении иностранческой школы и высказались в поддержку об-

учения на родном языке учащихся. Российский критик, переводчик и поэт Ю. А. Веселовский в своих работах широко использовал культурно-исторический метод [1, 2]. В статье «Национальный вопрос в сфере школьного дела», опубликованной в журнале «Вестник воспитания» в 1905 г., он отмечал, что «стремление к механической нивелировке и обрусению» являлось одной из наиболее характерных черт окраинной политики правительства. Это проявлялось в стремлении к обезличиванию или уничтожению тех школ, которые были созданы отдельными народностями окраин, и попытках воспрепятствовать возникновению новых школ того же типа, несущих угрозу сепаратизма. Предполагалось, что, сделав для всех казенных и частных школ на окраинах обязательную русскую речь как язык преподавания, отведя изучению родного языка учащихся самое последнее место или совсем исключив его из программы, искусственно подгоняя «инородческие» училища под известный шаблон, подчиняя их строгому и придирчивому надзору и парализуя инициативу общества в этом деле, – с течением времени удастся оторвать учащуюся молодежь от родной почвы и подавить в ней всякое стремление к самобытности, всякое желание постоять за свою национальность [1, с. 125]. Однако это не принесло желаемых результатов, только усилив стремление «окраинных народов» к самобытности и сохранению родного языка. Содержание статьи известного педагога В. А. Флерова «В белорусской школе» в журнале «Русская школа» раскрывает как трудности школьного дела, так и достижения народной школы в белорусской деревне. При мизерном финансировании, отсутствии в большинстве школ наглядных пособий, школьных музеев, библиотек и «духовном голодании белорусской детворы» инспектором выявлен высокий уровень знаний учащихся. В. А. Флерова поразил «крупный рост численности учащихся, особенно в старшем, выпускном отделении и обширность их успехов в области грамматики и диктовки» [20, с. 72]. Он резюмировал, что в основе «секрета успешности» лежала основательная профессиональная подготовка местных (белорусских) учительских кадров и их творческие отношения к своему труду в «сложившейся истари системе преподавания» [20, с. 73].

Г. Г. Тумим в статье «Русские книги для инородческих школ: краткий обзор пособий и руководств по обучению русскому языку в инородческих школах» делает важный вывод, напрямую связывая обучение русскому языку с этической стороной проблемы: «Преподавать государственный язык по натуральному методу лег-

че, нежели понять, что натуральный метод совместим с уважением к материнскому языку учащихся, и что чем больше прочных знаний приобретут дети на родном им языке, тем легче и успешнее будет идти обучение их языку чужому» [18, с. 10].

Накануне Первой мировой войны педагогическая мысль народов России «созрела» для постановки вопроса об «иностранческой» школе перед правительственными кругами и широкой общественностью. На первом Всероссийском съезде по народному образованию этим вопросом занималась комиссия по «иностранческой» школе, которая подготовила и выпустила в 1916 г. сборник статей и материалов по этой проблеме. Отметим наиболее важные моменты этого издания. «Иностранческая» школа определялась авторами сборника как школа, которая создана государством для обучения детей тех национальностей, которые населяют Россию, которые не разговаривают по-русски, или, более точно, родным языком которых является нерусский язык [4, с. 7]. Если в народной школе принципы рациональной педагогики имеют право на использование, то в «иностранческой» школе требования учителей и общества о преподавании на родном языке звучат как противозаконные [4, с. 78]. Как отмечал редактор сборника В. А. Зеленко, отличительные особенности каждой народности не были приняты во внимание при создании «иностранческих» школ, о чем свидетельствуют их программы. Они почти не отличаются от народных школ, а языком преподавания во всех школах признается только русский язык. При первоначальном делении школ на два типа была сделана грубая ошибка, когда посчитали, что язык есть простое средство выражения готовой мысли. Автор, ссылаясь на работу А. Потебни «Мысль и язык», подчеркивает, что язык – это средство мысли. Работа «иностранческой» школы направлена в сторону замены многих языков одним, что ведет к снижению уровня мышления и уровня культуры, ставит многие миллионы детей в исключительные, неестественные условия развития [4, с. 8–11]. Украинский педагог С. Ф. Русова резюмировала: «Иностранческая школа в России – это болезненная кровоточащая рана в могучем организме русского государства» [4, с. 18].

Участники секции констатировали неспособность существующей «иностранческой» школы и разработали проект новой школы в виде задач национального воспитания: «присоединение всего народа к национальной культуре; развитие определенных сторон народной души; создание народного сообщества». В итоге комиссия

констатировала: «Материнский язык должен быть в школе для инородцев и языком преподавания, и предметом преподавания. Русский язык, в интересах инородческого населения, необходим в качестве предмета преподавания» [4, с. 4].

Первый Всероссийский съезд по народному образованию подверг осуждению образовательную политику правительства в национальных районах и принял более 20 резолюций относительно разных национальных школ [6, с. 117–118]. Решения инородческой комиссии представляли собой глубокий прорыв как в теоретических подходах, так и в организационно-практическом решении назревших проблем национального образования многих народов Российской империи. В работе комиссии не были обделены вниманием и вопросы белорусской национальной школы.

Ведущие российские педагоги-ученые также критически отнеслись к некоторым решениям инородческой комиссии съезда. Их внимание в большей степени было сосредоточено на проблемах создания русской национальной школы. Преимущественное большинство представителей русской педагогической науки, даже прогрессивно-демократического направления, считали, что только великие народы, и в их числе русский народ, могут иметь собственную национальную систему образования, литературный язык и развитую культуру. Такое право не признавалось за многими нерусскими народами или «инородцами», которые находились на разных ступенях социально-экономического и национально-культурного развития. Белорусы и украинцы занимали особенное положение среди народов Российской империи: с одной стороны, считались ветвями единого общерусского дерева, с другой – попадали в общий разряд нерусских этносов или «инородцев». Этническая, религиозная, языковая и культурная близость белорусов и украинцев к русским создавала в целях Российского государства дополнительные преграды для формирования их национального самосознания и идентичности. Русская педагогическая мысль, опираясь на официальную установку «одна нация – одно государство», не предусматривала существования педагогических систем разных этносов и создания общеобразовательных национальных школ – белорусской, украинской, литовской, татарской, чувашской и др. Однако отдельные ее представители смогли подняться над государственной концепцией нивелировки наций и высказаться в поддержку «широкого творческого национализма» и обучения в школах народностей на родном языке.

Литература

1. Веселовский, Ю. Национальный вопрос в сфере школьного дела / Ю. Веселовский // Вестник воспитания. – 1905. – № 9. – С. 125–134.
2. Веселовский, Ю. Национальный вопрос в сфере школьного дела / Ю. Веселовский // Вестник воспитания. – 1906. – № 2. – С.151–174.
3. Гессен, С.И. Основы педагогики: Введение в прикладную философию / С.И. Гессен; отв. ред. и сост. П.В.Алексеев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 447 с.
4. Инородческая школа: сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы / под общ. ред. Г.Г. Тумима и В.А. Зеленко. – Пг.: Тип. Н.П. Карбасникова, 1916. – 216 с.
5. Каптерев, П.Ф. Новая русская педагогика, ее главнейшие идеи, направления и деятели / П.Ф. Каптерев; изд. 2-е, доп. – СПб.: Кн. скл. «Земля», 1914. – 212 с.
6. Общая резолюция, принятая комиссией по образованию и воспитанию в местностях с инородческим населением // Инородческая школа: сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы / под общ. ред. Г.Г. Тумима и В.А. Зеленко. – Пг.: Тип. Н.П. Карбасникова, 1916. – С. 117–118.
7. РГБ, фонд научного отдела рукописей. – Ф. 55. Волкович, В.А. «Введение в психологию нации» (1915 г.), лл. 1–9. – л. 8б.
8. РГБ, фонд научного отдела рукописей. – Ф. 55. Волкович, В.А. «Национальное воспитание как задача гармонического развития» (2.IV.1912 г.), 26 лл.
9. РГБ, фонд научного отдела рукописей. – Ф. 55. Волкович, В.А. «Национальный воспитатель Константин Дмитриевич Ушинский» (1913 г.), 1–127 лл., л. 184.
10. РГБ, фонд научного отдела рукописей. – Ф. 55. Волкович, В.А. «О проекте построения новой, идеальной русской школы, на основании так называемой философии новой русской школы» (1907 г.), 364 л.
11. Рубинштейн, М.М. Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой / М.М. Рубинштейн – М.: Задруга, 1920. – 540 с.
12. Снапковская, С. В. Этноязыковая образовательная политика в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века / С.В. Снапковская // Известия Южного Федерального университета. Педагогические науки. – 2010. – № 8. – С.53–68.
13. Снапковская, С.В. Белорусскоязычная учебная литература в ретроспективе: синтез национального основания и общероссийского опыта / С.В. Снапковская // Историко-педагогический журнал. – 2015. – № 3. – С. 151–161.
14. Снапковская, С.В. В поисках новой образовательной модели / С.В. Снапковская // Белая вежа. – 2016. – № 3. – С.105–111.
15. Снапковская, С.В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси: вторая половина XIX – начало XX вв. / С.В. Снапковская. – М.:ИТИП РАО, 2011. – 308 с.

16. Snapkoўская, С.В. Культуралагічная думка Беларусі: вучэб. дапам. / С.В. Snapkoўская. – Мінск: РІВШ, 2017. – 216 с.
17. Snapkoўская, С.В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. / С.В. Snapkoўская – Мінск: НІА, 1998. – 192 с.
18. Тумим, Г.Г. Русские книги для инородческих школ / Г.Г. Тумим // Русская школа. – 1911. – № 12. – С.1–10.
19. Флеров, В. В белорусской школе / В. Флеров // Русская школа. –1910.– № 1. – С.64–81.
20. Snapkowska, S. Wartości narodowe studentów pedagogiki w kwestii charakteru pracy naukowej / S. Snapkowska // Prawne, instytucjonalne i społeczne uwarunkowania bezpieczeństwa. Rozdział III / Redakcja naukowa S. Wębas, A. Gołębiowski. – Radom: Wydawnictwo «Wyższa Szkoła Handlowa w Radomiu», 2014. – S. 325–332.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТНОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

К. А. Сухарева

Нижегородский государственный университет

им. Н. И. Лобачевского,

Институт филологии и журналистики,

кафедра зарубежной лингвистики,

пр. Гагарина, 23, 603950, Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: suhareva_3@mail.ru

В статье рассматривается возможность использования автоэтнонимов одного народа в рекламных сообщениях, ориентированных на другую этническую общность, а также дается описание прагматического потенциала данных лексических средств в межкультурной рекламной коммуникации.

Ключевые слова: этноним, автоэтноним, рекламный дискурс, рекламная коммуникация.

USING OF ETHNONYMIC LEXIS IN CROSS-CULTURAL ADVERTISING COMMUNICATION

K. A. Sukhareva

State University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky,

Institute of Philology and Journalism, Chair of foreign linguistics,

Gagarin ave. 23, 603950, Nizhny Novgorod, Russian Federation

e-mail: suhareva_3@mail.ru

The article considers the possibility of using auto-ethnonyms of one folk in advertising messages focused on another ethnic group, describes the pragmatic potential of these lexical means in cross-cultural advertising communication.

Key words: ethnonym, auto-ethnonym, advertising discourse, advertising communication.

Рекламная коммуникация является специфическим видом социальных массовых коммуникаций между рекламодателем и аудиторией рекламного сообщения, направленным на решение стратегических задач и связанным с развитием фирмы и/или сбытом товара. Рекламный дискурс необходимо рассматривать как лингвокультурный феномен, так как рекламный текст составляет носителем определенной культуры и имплицитно содержит фоновые знания о культуре социума. По мнению исследователя Д. С. Скнарёва неотъемлемым свойством рекламного текста является антропоцентризм: «Рекламные сообщения избыточны прагматической информацией, представляют собой неизученный феномен словесно-художественной культуры и суггестивной литературы, позволяют выявить глубинные механизмы формирования ценностно-смыслового пространства субъектов и объектов рекламного воздействия» [9, с. 13].

В том случае, если реклама как определенное институциональное общение осуществляется между рекламодателем, специалистом по рекламе и потенциальным потребителем, которые принадлежат разным культурным сообществам, имеет место процесс сложного межкультурного взаимодействия. Поэтому при производстве рекламного сообщения особую значимость приобретает анализ пересечения когнитивных пространств коммуникантов, фундаментом которых является когнитивная база лингвокультурного сообщества [4].

Однако если адресант и адресат рекламного сообщения принадлежат к одному лингвокультурному сообществу, они разделяют не только общие знания и представления, но также и общие культурные пресуппозиции. При восприятии и интерпретации рекламного сообщения реципиент интегрирует культурный опыт для выбора наиболее адекватной для данной культуры реакции на соответствующий стимул, поэтому социальные характеристики потребителя, его культурный опыт, знания и убеждения должны сыграть положительную роль в интерпретации рекламного сообщения. Под культурной пресуппозицией понимается конвенциональная имплицитная информа-

ция, функционирующая на подсознательном уровне коммуникантов, обеспечивающая условия для успешного речевого акта, отрицание которой приводит к коммуникативным сбоям [6, с. 43].

В качестве примера можно привести рекламное сообщение страховой компании «Русский мир. Исключи случайность из своей жизни». В данном тексте можно выделить логическую пресуппозицию «в твоей жизни есть случайность», которая будет успешно интерпретирована реципиентом на основании культурной установки русского народа, согласно которой мир воспринимается неупорядоченным и непредсказуемым. Идея непредсказуемости мира, которая была выделена в качестве ключевой для русской картины мира [5], относится к культурным пресуппозициям русского лингвокультурного сообщества.

Наличие соответствующего культурного пресуппозиционального компонента позволяет выделить в процессе кодирования и декодирования рекламного сообщения в рамках межкультурной коммуникации помимо трудностей перевода языковых средств также трудности культурной адаптации рекламного сообщения.

Снятию соответствующих трудностей отчасти способствует тенденция к интеграции интеллектуально-духовной сферы и формированию единого культурного пространства в эпоху глобализации. В этом случае рекламное сообщение может приобретать наднациональный характер, особенно если учитывать тот факт, что реклама является движущей силой массовой культуры. По мнению А. Р. Галямова, с массовой культурой рекламу объединяет развлекательный характер, элементы занимательности, псевдомифологизация, фетишизация вещного, технизация, доминирование визуального аспекта над словесным, усредненность и стандартизированность транслируемых духовных ценностей [3].

Таким образом, производство и интерпретация рекламного сообщения обусловлена, с одной стороны, культурой народа и его картиной мира, а с другой – общемировым рекламным дискурсом. По этой причине рекламный дискурс может формировать зоны культурного расхождения и культурного совпадения.

Однако если составление и интерпретация рекламного сообщения осуществляется с учетом и/или под влиянием особенностей национального менталитета, этнической картины мира, исторической памяти адресата рекламного сообщения, каким образом возможно транслирование национально-культурных ценностей посредством межкультурной рекламной коммуникации?

В соответствии со своим целевым аспектом реклама как вид социального взаимодействия способна воздействовать на ценностные ориентации реципиента, формировать его мотивацию, поведенческие модели, а также информировать о различных особенностях продукта, в том числе о его символических ценностях. Реклама способна углублять сведения не только о производственных особенностях других стран и культур, но также давать представление о бытовых и ментальных особенностях жизни других народов. Отражая специфику материальной и духовной жизни иного лингвокультурного сообщества, особенности его мировосприятия, рекламные сообщения расширяют знания народов друг о друге.

В данной связи интересно проанализировать возможности использования автоэтнонимов одного народа в рекламных сообщениях, ориентированных на целевую аудиторию, относящуюся к другой этнической общности. Данные лексические средства обладают высоким воздействующим потенциалом, благодаря которому часто используются в рекламных сообщениях.

В широком значении термин «этноним» обозначает лексическую единицу, в которой репрезентируется признак этнической, политической или территориальной идентичности той или иной групповой общности. В узком значении под этнонимом понимается наименование этноса и его внутренних подструктур разных уровней (этнических общностей). Под этносом понимается «исторически сложившаяся общность людей, характеризующаяся на стадии этногенеза общностью территории и языка, а также приобретающая в ходе своего развития этническое самосознание и общие черты в материальной и духовной культуре» [8, с. 54].

Использование авто- и этнонимической лексики как источника концептуальной информации и средства объективации в рекламном дискурсе культурно значимых концептов служит выполнению нескольких функций, которые можно условно разделить на следующие:

- 1) информирование об объекте рекламы,
- 2) формирование рекламного образа,
- 3) осуществление воздействия на потенциального потребителя.

Информирование об объекте рекламы заключается в передаче сведений о стране производства, местоположении рекламируемой организации, специфике продукта (например, внешний вид, национальный способ производства и т. д.).

При использовании этнонимической лексики в рекламном сообщении для формирования рекламного образа представление объекта рекламы основывается на акцентировании национальной специфики продукта. Для достижения данной цели в рекламном дискурсе широко используются культурные символы, которые, с одной стороны, имеют яркий визуальный или другой знаковый образ, а с другой стороны отсылают к понятию, идее или явлению, имеющим социокультурную значимость в духовном измерении нации. Использование культурных символов, известных в рамках культуры образов в рекламном дискурсе позволяет совместить в рекламном образе чувственное изображение и идейное духовное содержание. Так, в рекламных сообщениях российского рекламного дискурса часто используются такие символизирующие Россию образы как береза, медведь, пшеничное поле, которые идентифицируются реципиентом как «русские»:

Приготовлена по традиционной технологии с использованием качественного спирта «Люкс» водка «Русский медведь» обладает мягким и утонченным вкусом. Оригинальный дизайн бутылки и «сильное» название делают эту водку по-настоящему «мужественной». Вкус водки не оставит равнодушным сильных и волевых людей.

В. А. Никоновым выделяется «три плана значения» этнонима: доэтнонимическое (этимологическое), собственно этнонимическое (т. е. соотнесенность с обозначаемым объектом), отэтнонимическое (новые значения этнонима, возникающие на основе каких-либо признаков обозначаемого объекта, например: цыган – о человеке смуглом или бродячем) [7, с. 12]. Наряду с предметно-логическим содержанием этнонимы могут включать насыщенные ассоциативно-коннотативные компоненты, отражающие в опосредованной форме языковую картину мира и стереотипные представления этнических общностей. Воздействие в рекламном дискурсе осуществляется за счет оценочного коннотативного фона, стоящего за авто- и этнонимической лексикой.

Таким образом, использование в межкультурной рекламной коммуникации авто- и этнонимической лексики позволяет решить широкий спектр коммуникативных и когнитивных задач, стоящих перед рекламой, и в условиях ограниченного объема рекламного сообщения обеспечить импликацию максимального набора смыслов и инструментов воздействия на сознание реципиента.

Однако возможно ли использование автоэтнонима без определенной культурной адаптации как этнонима в иноязычном реклам-

ном дискурсе? Для того, чтобы рекламное сообщение не привело к отрицательным перлокутивным эффектам, оно должно обладать определенной адресной обусловленностью.

Адресная обусловленность рекламного сообщения проявляется:

1) в соответствии содержания рекламного сообщения стереотипам массового сознания;

2) в построении определенных ассоциативно-смысловых полей вокруг создаваемого рекламного события;

3) в использовании определенной прагматической цели функционально-стилевых и выразительно-образительных средств [10].

Достижение соответствующей адресной обусловленности возможно при использовании этнонима как средства репрезентации стереотипных представлений об этнической группе.

В отечественной психологической школе социальный стереотип понимается как устойчивое психическое образование, в котором схематизировано, упрощенно и эмоционально отражается некоторый достаточно сложный факт действительности, прежде всего образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей [1]. С точки зрения лингвистики под стереотипом понимаются «установленные конвенционально семантические и/или формальные конструкции, формирующие культурно-языковой образ объекта», который характеризуется оценочностью и описательностью [2, с. 1].

Среди этнических стереотипов выделяются автостереотипы и гетеростереотипы, в зависимости от того относятся соответствующие представления к родному или чужому этносу. При этом комплекс оценок своего этноса характеризуется положительностью, оценки чужого этноса зависят от исторического опыта взаимодействия этнических общностей, что накладывает определенные ограничения на возможность использования этнонима в любом ином языке дискурсе.

Однако поскольку устойчивое ядро этнического стереотипа содержит в себе комплекс представлений о внешних характеристиках представителей данного народа, его истории, особенностях культуры, использование этнонимической лексики позволит сформировать яркий уникальный рекламный образ и запоминающийся образ производителя. Представления о коммуникативных и моральных качествах народа являются изменчивыми суждениями, связанными с меняющимися межнациональными и межгосударственными

отношениями, поэтому для использования подобных представлений необходимы предварительные исследования.

Помимо создания и/или использования ярких запоминающихся образов и представлений этнической группы, для оказания коммуникативного воздействия могут быть использованы положительные (позитивные) или, в зависимости от ситуации, отрицательные (негативные) оценочные суждения, которые также входят в содержание этнического стереотипа.

Таким образом, благодаря своему предметно-логическому содержанию этнонимы могут играть важную роль в выполнении информирующей функции рекламных сообщений. Насыщенные ассоциативно-коннотативные компоненты, отражающие в опосредованной форме языковую картину мира и стереотипные представления этнических общностей, способствуют формированию яркого рекламного образа, а также распространяют сведения о другой культуре. Однако для прогнозирования интерпретации рекламного образа в соответствии с национально-культурными ассоциациями этнонима необходимо проводить анализ фоновых знаний носителей иной культуры, а также учитывать исторический опыт взаимодействия этнических групп и актуальное состояние их взаимоотношений.

Литература

1. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В.С. Агеев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 240 с.
2. Белова, О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян: этнолингвистическое исследование: дис.... д-ра филол. наук: 10.02.03 / О.В. Белова; Институт славяноведения РАН. – М., 2006. – 124 с.
3. Галямов, А.Р. Вербальные и невербальные способы манипулирования в рекламном дискурсе: на материале архетипов: дис.... канд. филол. н.: 10.02.01 / А.Р. Галямов. – Уфа, 2012. – 199 с.
4. Гудков, Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис.... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Д.Б. Гудков. – М., 1999. – 400 с.
5. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев: сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
6. Лебхерц, Е.П. Фреймовые структуры и культурные пресуппозиции в интерпретации рекламного дискурса: дис. канд. филол. н.: 10.02.19 [Текст] / Е.П. Лебхерц. – Ставрополь, 2008. – 143 с.

7. Никонов, В.А. Этнонимия / В.А. Никонов // Этнонимы: сборник статей / Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. В.А. Никонов. – М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1970. – С. 5–33.
8. Сироткина, Т.А. Актуальные проблемы современной этнонимии / Т.А. Сироткина // Вестник пермского университета. – 2011. – Вып. 4 (16). Российская и зарубежная филология. – С. 53–59.
9. Скнарев, Д.С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты: дис.... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Д.С. Скнарев. – Челябинск, 2015. – 374 с.
10. Спирчагова, Т.А. Функционально-коммуникативные особенности рекламного дискурса: дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.А. Спирчагова. – Казань, 2008. – 181 с.

ПРАБЛЕМЫ РАЗУМЕННЯ ІНТЭРТЭКСТУ Ў МІЖКУЛЬТУРНАЙ КАМУНІКАЦЫІ

А. С. Васілеўская

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка,
факультэт пачатковай адукацыі,
вул. Магілёўская, 37, 220007, Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: alena08@tut.by

У артыкуле разглядаюцца праблемы разумення інтэртэкстаў у межах міжкультурнай камунікацыі, адзначаецца немагчымасць расшыфроўкі інтэртэксту без грунтоўнай лінгвакультуралагічнай і лінгвакраязнаўчай падрыхтоўкі таго, хто вывучае замежную мову.

Ключавыя словы: інтэртэкст, прэцэдэнтны тэкст, «Маша і медведь».

UNDERSTANDING INTERTEXT IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

A. S. Vasileuskaya

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Faculty of Primary Education,
Mogilevskaya st. 37, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: alena08@tut.by

The article discusses the problems of understanding of intertexts in intercultural communication, underlines the impossibility of decoding intertext without a considerable linguistic-culturological and linguistic-cultural background of a foreign language learner.

Key words: intertext, precedent text, “Masha and the Bear”.

Паняцці *інтэртэкст* і *інтэртэкстуальнасць* уведзены ў навуковы ўжытак у 60-я гг. XX ст., калі ў 1967 г. французская даследчыца Юлія Крысцева ў артыкуле «Бахцін, слова, дыялог і раман» упершыню выкарыстала тэрмін *інтэртэкст*. Сёння існуе некалькі азначэнняў паняццяў *інтэртэкст* і *інтэртэкстуальнасць*, хоць класічным застаецца азначэнне французскага філосафа і семіётыка Ралана Барта: «Кожны тэкст уяўляе сабой новую тканіну, сатканую са старых цытат» [2, с. 196].

Інтэртэкстуальнасць становіцца дамінуючым прыёмам стварэння новых тэкстаў менавіта на сумежжы XX і XXI стст. У Эка называў сучасную культуру эпохай паўтарэння, у якой аднаўленне і паўтарэнне здаюцца галоўнымі ва ўсіх відах мастацтва [7]. Прыгадаем карціны Эндзі Уорхала, ужыванне рэпрадукцый класікаў сусветнага жывапісу ў рэкламе, серыю ювелірных упрыгожванняў «Прысвячэнне Вінсенту Ван Гогу» ад аўстрыйскай фірмы FREYWILLE, шматлікія рымейкі, сіквелы, прыквелы, спін-афы разнастайных літаратурных твораў і кінастужак.

Феномен інтэртэксту зацікавіў філосафаў, культуролагаў, сацыёлагаў і, безумоўна, лінгвістаў.

Прыкладзём вельмі важнае, на наш погляд, азначэнне, якое дае інтэртэксту Н. А. Кузьміна: «Интертекст – это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени» [3, с. 42]. Такое азначэнне дазваляе даследчыцы сцвярджаць, што мы існуём у інтэртэксце, а чалавек – адна з субстанцый інтэртэксту.

Інтэртэкст, працягвае далей даследчыца, валодае патэнцыяльнай энергіяй, якая складваецца з патэнцыяльнай энергіі аўтара і прататыпічнага (прэцэдэнтнага) тэксту – хрэстаматыйнага тэксту, які добра вядомы маўленчай асобе і значымы для яе ў пазнавальных і эмацыянальных адносінах. Такім тэкстам можа быць музычны ці жывапісны твор, фільм, літаратура, анімацыя, міфалогія, гістарычныя падзеі, асоба вядомага чалавека.

Расшыфроўка інтэртэксту – гэта складаны працэс, які патрабуе двайной раскадзіроўкі: на ўзроўні знакавай сістэмы мовы і на ўзроўні прататыпічных тэкстаў. Або, як адзначае Н. А. Кузьміна, павінен узнікнуць рэзананс – супадзенне рытмаў пульсацый энергіі тэксту і аўтара, якое дае спантаннае шматкранае яе павелічэнне [3, с. 69]. Вучоныя неаднаразова адзначалі, што разуменне інтэртэксту – гэта заўсёды своеасаблівая разгадка, пошук схаванага адказу:

«По свидетельствам исследователей, при дешифровке интертекстового включения читатель/зритель испытывает удовольствие от того, что данный текст для него прецедентный, он разгадал данную головоломку и в соревновании “автор – читатель/зритель” оказался победителем» [4, с. 99].

Чалавек, які сутыкаецца з іншай культурай, апынаецца ў іншым інтэртэксте і нярэдка не можа правільна прачытаць і зразумець прапанаваны тэкст, паколькі, як правіла, разуменне прэцэдэнтнага тэксту магчыма толькі ў межах адной дыскурсіўнай фармацыі. А няведанне прататыпічнага тэксту прыводзіць да поўнага або да частковага непараўнення новага тэксту.

Напрыклад, у 2008 г. на чэмпіянаце Еўропы па футболе зборнай Расіі для выхату ў чвэрцьфінал трэба было абавязкова перамагачь зборную Швецыі. Напярэдадні матча газеты і інтэрнэт-рэсурсы былі запоўнены публікацыямі з загалюўкамі тыпу «Российские болельщики напомнят шведам об исходе Полтавской битвы», «Вторая Полтава. Сборная Россия вышла в четвертьфинал Евро-2008». У нататцы «Пётр I в поддержку сборной России» адзначалася: «Во время исполнения гимна Российской Федерации на секторе российских болельщиков на стадионе “Тиволи” в Инсбруке было развернуто панно в виде андреевского флага и изображения Петра Первого. Панно дополнял баннер с надписью “Повторим подвиг предков!”, сообщает официальный сайт РФС. Данная композиция, составленная из 6 тысяч плашек, символизировала победу России над шведами в сражении при Полтаве» [5]. Для ўсіх жыхароў Расіі, ды і ўсёй постсавецкай прасторы, такія паралелі былі зразумелыя, як зразумелыя і прычыны звароту менавіта да гэтай старонкі гісторыі Расійскай імперыі. Адзіны чалавек, які шчыра не разумеў гэтага ажыятажу вакол матча, быў галандскі трэнер расіян Гус Хідзінк: ён успрымаў гульні проста як чарговы, хоць і вельмі важны матч.

Гэты прыклад з’яўляецца яскравай ілюстрацыяй таго, як адбываецца разуменне інтэртэксту носьбітам іншай культуры, як за межамі свядомасці чалавека застаецца патэнцыяльная энергія інтэртэксту.

Трэба адзначыць, што з такім частковым разуменнем інтэртэксту прадстаўнік іншай культуры будзе сутыкацца амаль штодзённа. Мы не будзем звяртацца да мастацкай літаратуры, насычанай алюзіямі, яўнымі і схаванымі цытатамі. Мы кажам пра тое, з чым сустранецца чалавек, які прыехаў да нас вучыцца ці працаваць, у паўсудзённым жыцці.

Напрыклад, рэклама, пры стварэнні якой інтэртэкст выкарыстоўваецца для таго, каб стварыць аўтарытэтную базу [6, с. 100]: так, у рэкламе новай лінейкі бяшумных пыласосаў «Samsung» у якасці загалоўка выкарыстана фраза «Представьте... уборка без шума и пыли», дзе апошняя частка фразы з'яўляецца цытатай з фільма «Брыльянтавая рука» [6, с. 102]. Безумоўна, той, хто дастаткова добра валодае рускай мовай, змест рэкламнага паведамлення зразумее, але наўрад ці ў яго ўзнікне пачуццё пазнання, адкрыцця, які адчуе кожны, хто расшыфруе гэту цытату.

Дастаткова частка алюзіўныя загалоўкі можна ўбачыць на старонках газет. Так, просты прагляд архіва нумароў адной з самым масавых газет Беларусі «Б. Беларусь сегодня» за студзень 2019 г. дазволіць выявіць каля 30 інтэртэкстуальных назваў, сярод якіх можна вылучыць адсылкі да кінафільмаў («*Зимний вечер в агро*», «*По главной улице с проектом*», «*Мой ласковый и нежный звер*», «*Дефект "бабочки"*», «*Бац, бац – і ў дамкі*»), твораў літаратуры («*А фундамент-то – голый*», «*Мороз и прорубь – день чудесный*», «*Обманываются рады*»), папулярных песень («*Всякая погода – благодать*», «*Все будет впервые и вновь*», «*Не прогоняй меня, мороз!*», «*На дальний станции сышли*»), устойлівых выразаў («*ЗОЖ к горлу*», «*Свои люди – споемся*», «*Воз и маленькая тележка*»).

У студзені 2019 г. праз усе інтэрнэт-выданні прайшла інфармацыя пра тое, што мультфільм «Маша и Медведь» з'яўляецца самым папулярным расійскім мультфільмам у свеце: 20 мільярдаў праглядаў на канале YouTube, серыял дубліраваны больш чым на 25 мовах, па дадзеных спецыялізаванага міжнароднага даследчага агенцтва Kidz Global, у кастрычніку 2016 г. «Маша и Медведь» увайшлі ў пяцёрку самых папулярных дзіцячых брэндаў Еўропы [6].

Журналісты, спрабуючы разабрацца, у чым прычына поспеху гэтых герояў, адзначаюць, што, па-першае, у назве ёсць слова мядзведзь (сімвал краіны), па-другое, у твора казачны сюжэт і зразумелыя персанажы, па-трэцяе, у серыяле мінімум рэплік [1].

Аднак не будзем забываць, што «Маша и Медведь» з'яўляецца па сваёй сутнасці інтэртэкстам, які ўвасабляе ўсе адметнасці гэтай з'явы, – бязмежнасць у прасторы і часе і дыскрэтнасць. Сёння колькасць серый перавысіла лічбу 70. І трэба думаць, што гэта яшчэ не мяжа: цікавасць да мультфільма будзе спрыяць выхаду новых серый. Створаны спін-афы (вытворныя тэкст, заснаваныя на папулярным тэксце) – «*Машыны казкі*» і «*Машыны страшылкі*».

Кожнаму жыхару постсавецкай прасторы цудоўна зразумелая першааснова папулярнага мультфільма – руская народная казка. Безумоўна, казка значна змененая, вывернутая на іншы бок, дзе замест працалюбівай і кемлівай Машы мы бачым неўтаймаваную, з неверагоднай фантазіяй дзяўчыну. А замест вялікага і суровага мядзведзя былога цыркача, рамантыка і летуценніка.

Практычна кожная серыя мультфільма таксама заснавана на пазнавальным пратапічным тэксце: «Тры мушкецёры» А. Дзюма, «Правадыр чырванаскурых» О’Генры і г. д.

Самая папулярная серыя мультфільма, якая ўвайшла ў Кнігу рэкордаў Гінеса, – «Маша і каша» (відэа гэтага мультфільма паглядзелі 3,4 мільярда разоў). Аднак удумлівы чытач адразу ўбачыць паралелі з апавяданнем М. Носава «Мішкава каша».

Інтэртэкстамі з’яўляюцца і спін-афы. Так, «Машыны казкі» ўяўляюць сабой творчы пераказ класічных казачных сюжэтаў. Ды і ў «Машыных страшылках» можна знайсці шмат алюзіяў: чаго вартая фраза «Подымите мне веки», якая з’яўляецца прамой адсылкай да гогалеўскага «Вія».

Зноў жа ўзнікае пытанне: наколькі замежнаму глядачу раскрыецца патэнцыяльная энергія гэтага тэксту, ці ўзнікне ўзаемаразуменне паміж аўтарам і чытачом, якога патрабуе расшыфроўка інтэртэксту. Хутчэй за ўсё, не. Для замежнага глядача гэты мультфільм застанецца вясёлай гісторыяй з пазнавальнымі героямі і мінімумам моўнага матэрыялу.

Усё сказанае падводзіць да высновы, што вывучэнне замежнай мовы немагчымае без грунтоўнага знаёмства з культурай народа, мова якога вывучаецца, без глыбокага пагружэння ў гэту культуру. Знаёмства з фальклорам, класічнай літаратурай, найбольш папулярнымі кінематаграфічнымі творамі – усё гэта актыўна ўвайшло ў практыку выкаладання рускай мовы як замежнай. Аднак не трэба баяцца звяртацца і да масавай культуры, што дапаможа не толькі больш грунтоўна пазнаёміцца з сучасным станам лексікі і граматыкі мовы, аднак і дапаможа арыентавацца ў складаным свеце інтэртэкстаў.

Літаратура

1. Воробьев, К. «Маша и медведь» – самый популярный мультфильм в мире. Он нереально крутой и точно лучше советских мультиков [Электронный ресурс] / К. Воробьев // Палач. Кликни или умри. – Режим доступа: <https://click-or-die.ru/2019/01/masha-i-medved-samyj-populyarnyj-multfilm-v-mire->

- on-nerealno-krutoj-i-tochno-luchshe-sovetskih-multikov/. – Дата доступа: 01.05.2019.
- Ильин, И.П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты / И. П. Ильин // Проблемы современной стилистики: сб. науч.-аналит. обзоров АН СССР / ред.-сост. Н. Н. Трошина, Г. Д. Стрельцова. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 186–207.
 - Кузьмина, Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации / Н. А. Кузьмина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 272 с.
 - Кулагина, И.В. Интертекст как способ воздействия в рекламе [Электронный ресурс] / И. В. Кулагина // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekst-kak-sposob-vozdeystviya-v-reklame>. – Дата доступа: 20.04.2019.
 - Пётр I в поддержку сборной России [Электронный ресурс] // Евро-футбол. – Режим доступа: https://www.euro-football.ru/article/28708/82816_petr_i_v_podderzku_sbornoy_rossii#ixzz5krj8nc00. – Дата доступа: 01.05.2019.
 - Токмашева, М. «Маша и Медведь»: Как российский сериал за 10 лет покори́л мир [Электронный ресурс] / М. Токмашева // КиноПоиск. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/article/2894052/>. – Дата доступа: 01.05.2019.
 - Эко, У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна [Электронный ресурс] / У. Эко. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Эко/Inn_Povt.php. – Дата доступа: 01.05.2019.

НАЗВЫ БЕЛАРУСКИХ ГАЗЕТ І ЧАСОПІСАЎ 1950–1960-х гадоў: СТРУКТУРНА-ГРАМАТЫЧНЫ АСПЕКТ

В. М. Сімановіч

Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя Максіма Танка,
філалагічны факультэт, вул. Савецкая, 18, 220030,

Мінск, Рэспубліка Беларусь

e-mail: simonovich.viktorija@mail.ru

Артыкул прысвечаны вывучэнню структурна-граматычных асаблівасцей беларускіх прэсони́маў 50–60-х гадоў ХХ стагоддзя. Аб'ектам даследавання паслужылі каля 350 найменняў газет і часопісаў, якія пачалі выдавацца ў названы перыяд. Аналіз праводзіцца на аснове вылучэння ўтваральных канструкцый, у якіх рэалізуюцца канкрэтныя намінацыйныя мадэлі. Абгрунтоўваецца выснова, што найбольш прадуктыўнымі ўтваральнымі мадэлямі прэсони́маў

у 1950–1960-я гады з’яўляюцца мадэлі «назоўнік у Н. с. + назоўнік у Р. с.» і «прыметнік + назоўнік у Н. с.».

Ключавыя словы: сістэма, структура, онім, прэсонім, кампанент прэсоніма, монакампанентны прэсонім, бікампанентны прэсонім, полікампанентны прэсонім, намінацыйная канструкцыя, намінацыйная мадэль.

NAMES OF THE BELARUSIAN PERIODICALS 1950–1960: STRUCTURAL GRAMMATICAL ASPECT

V. Simanovich

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Faculty of Philology, Sovetskaya st. 18, 220030,
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: simanovich.viktorija@mail.ru

The article deals with the structural and grammatical features of Belarusian pressonyms in the 50s and 60s of the 20th century. The author considers about 350 newspaper and magazine titles of the periodicals published in the specified period. The analysis is carried out by revealing the underlying structures of the nominative models. The conclusion is drawn that the most productive generative models of pressonyms in the 1950–1960s were the models “a noun in nominative case + a noun in genitive case” and “an adjective + a noun in nominative case”.

Key words: system, structure, onym, pressonym, the component of a pressonym, bicomponent pressonym, nominative construction, nominative model.

Моўныя адзінкі ў іх сувязях і ўзаемадачыненьнях утвараюць сістэму мовы – арганізаваную, упарадкаваную рознымі адносінамі сукупнасць моўных элементаў і магчымых іх аб’яднанняў (класаў, тыпаў і г. д.). Заканамернасць сувязей і адносін паміж складнікамі сістэмы прадугледжвае наяўнасць пэўных правіл арганізацыі адзінак мовы як элементаў гэтай сістэмы.

Сістэма найменняў перыядычных выданняў (прэсанімія) адпавядае ўсім патрабаванням, якія ў цэлым прад’яўляюцца да рознага роду сістэм:

1. *Адносная непадзельнасць* элементаў сістэмы. Кожны прэсонім незалежна ад колькасці кампанентаў выступае толькі ў іх адзінстве – г. зн. з’яўляецца непадзельным з пункту гледжання дадзенай сістэмы. Адноснасць звязана з тым, што большасць элементаў мо-

гуць «прэпарыравацца» з даследчыцкімі мэтамі і, адпаведна, складаць іншыя сістэмы: прымета патэнцыйнай падзельнасці элементаў цесна звязана з патэнцыйнай падзельнасцю сістэм, г. зн. з іх іерархічнай пабудовай.

2. *Іерархічнасць* сістэмы. Для прэсаніміі характэрная храналагічная іерархічнасць элементаў сістэмы, пры якой формы плану выражэння ў розныя часавыя эпохі могуць трансфармавацца – поўнасцю або часткова – пры адноснай стабільнасці дэнатату. Прэсанімія з'яўляецца адкрытай дынамічнай сістэмай: яна знаходзіцца ў стане пастаяннага развіцця, узбагачаецца за кошт новых элементаў і вызваляецца ад неактуальных. З іншага боку, *іерархічнасць* прэсанімічнай сістэмы дапускае магчымасць яе падзелу на субсістэмы або магчымасць уваходжання ў якасці элемента ў іншыя сістэмы: так, прэсанімія разам з артыаніміяй (назвы карцін, музычных твораў, пластыкі, графікі і інш), іканіміяй (назвы ікон) і інш. уключаецца ў сістэму прагматыніміі.

3. *Структурнасць* сістэмы. Прэсонімы як адзінкі адной онімнай сістэмы пэўным чынам узаемазвязаны ў межах дадзенай сістэмы і характарызуюцца наяўнасцю спецыфічных адносін паміж імі, значыць, маюць усе прыкметы структурнай арганізацыі.

У навуковай і вучэбнай літаратуры часам выказваюцца думкі, што «структуралізм у лінгвістыцы з яго спробамі пераўтварыць яе ў навуку дакладную пацярпеў крах» [3, с. 7]. Аднак ні генератыўная, ні функцыянальная, ні кагнітыўная лінгвістыка пакуль не прапанавалі эфектыўнага інструментарыя ні для паслядоўнага і ўсеахопнага даследавання онімнай лексікі, ні для несупярэчлівага апісання моўнай сістэмы ўвогуле.

Дадзены артыкул прысвечаны вывучэнню фармальна-граматычных асаблівасцей сістэмы беларускіх прэсонімаў сярэдзіны ХХ ст.

У лінгвістыцы існуюць шматлікія працы, прысвечаныя вывучэнню структуры розных тыпаў онімаў. Так, аналізуючы структурную арганізацыю эргонімаў Кіева, М. М. Цыліна вылучае дзве групы адзінак: аднаслоўныя найменні (простыя і складаныя) і шматслоўныя (утвораныя з дапамогай прыназоўнікава-назоўнікавых канструкцый) [5, с. 17]. Пры аналізе вытворча-прамысловых тапанімічных назваў Беларусі А. А. Валасенка ўсю сукупнасць адзінак паводле структурных асаблівасцей падзяліла на простыя, складаныя, састаўныя, генітыўныя, прыназоўнікава-іменныя [2, с. 8]. У структуры тапаніміі драгінскай мовы М. Р. Багамедаў адрознівае тры асноўныя

структурныя мадэлі: 1) геаграфічныя імёны з нулявой топаафіксацыяй, г. зн. тапонімы першасныя, невытворныя (немаркіраваныя); 2) геаграфічныя імёны, утвораныя тапанімізавальнымі (дэрывацыйнымі) фармантамі, г. зн. тапонімы другасныя, вытворныя (маркіраваныя); 3) тапонімы складаныя, г. зн. кампазіты і сінтаксічныя групы [1, с. 11–12]. Пры даследаванні структуры мікратапонімаў Х. І. Чачаева вылучыла «мікратапонімы <...> аднакампанентныя і монакампанентныя бязафіксныя і ў афіксальным афармленні» [6, с. 11] і інш.

Беларуская прэсанія па сваіх фармальных характарыстыках з’яўляецца гетэрагеннай сістэмай – яна складаецца з неаднародных элементаў, якім уласцівая «шматпавярховасць». Усю сукупнасць зафіксаваных адзінак акрэсленага перыяду (353 найменні) паводле колькасці структурна-семантычных частак можна падзяліць на тры групы:

- 1) монакампанентныя найменні;
- 2) бікампанентныя найменні;
- 3) полікампанентныя найменні.

Група монакампанентных адзінак неаднародная па сваім складзе і ахоплівае каля 20 % ад агульнай колькасці найменняў газет і часопісаў названага перыяду. У межах групы можна вылучыць беспрыназоўнікавыя і прыназоўнікавыя канструкцыі. Адзначым, што службовыя часціны мовы немэтазгодна кваліфікаваць як самастойныя кампаненты, паколькі яны не маюць лексічнага значэння. Аднак роля службовых часцін мовы дастаткова значная, у прыватнасці, прыназоўнік у складзе прэсоніма выконвае ролю дапаможнага сродку пры выражэнні адносін паміж галоўнымі кампанентамі.

Група беспрыназоўнікавых монакампанентных прэсонімаў даволі аднародная. Адзінкі названай групы прадстаўлены назоўнікамі ў назоўным склоне: *Авангард* (Буда-Кашалёва, 1962¹; Уваравічы, 1958), *Большавік* (Драгічын, 1950), *Вясёлка* (Мінск, 1957), *Гастэлавец* (Мінск, 1957), *Дняпровец* (Рэчыца, 1962), *Журналіст* (Мінск, 1959), *Звязда* (Жалудок, Мацеўчукі, 1950; Паставы, 1962), *Іскра* (Чавусы, 1956), *Калгаснік* (Краснаполле, Целяханы, 1957), *Калектывіст* (Драгічын, 1952), *Камунаравец* (Уваравічы, 1958), *Камуніст* (Бабруйск, 1954; Жлобін, 1962; Іванава, 1956; Мікашэвічы, 1950; Мінск, 1952), *Кастрычнік* (Івацэвічы, 1965), *Кіравец* (Бярэзіно, 1957), *Ленінец* (Браслаў, Ганцавічы, Давыд-Гарадок, 1950; Добруш, Камянец,

¹ Тут і далей пры назве газеты або часопіса ў дужках падаецца назва горада, пасёлка гарадскога тыпу, вёскі, у якой друкавалася перыядычнае выданне, а таксама год выхаду першага нумара пад дадзенай назвай.

1962; Заслаўе, Церахоўка, 1958; Рагачоў, Рыжкавічы, 1957; Талачын, 1960), *Малодосць* (Мінск, 1953), *Маяк* (Бабруйск, Гомель, 1962; Буда-Кашалёва, 1958), *Патрыёт* (Ушачы, 1967), *Перамога* (Дзятлава, 1965; Раготна, 1950), *Полымя* (Карэлічы, 1965), *Прамень* (Стоўбцы, 1962), *Праца* (Зэльва, 1967; Кобрын, 1954), *Сталінец* (Новая мыш, Падсвілле, Смаргонь, Столін, 1950), *Шахцёр* (Салігорск, 1965). Назва адзінкавага перыядычнага выдання па сваёй форме з'яўляецца субстантываваным назоўнікам: *Рабочы* (Бабруйск, 1957). У межах групы вылучаецца адзінкавая назва-прыслоўе: *Уперад* (Навінкі, 1957; Чэрвень, 1962).

Асноўная частка прыназоўнікавых прэсонімаў прадстаўлена ўтварэннямі з прыназоўнікам за ў прэпазіцыі, які выкарыстоўваецца пры ўказанні на асобу, справу і г. д. з мэтай забеспячэння (захавання) дабрабыту якіх ажыццяўляецца дзеянне, і назоўнікам у вінавальным склоне: *За камунізм* (Барысаў, 1952; Бераставіца, 1967; Глыбокае, 1958; Грэск, 1956; Дуброўна, 1960; Калінкавічы, 1962; Капаткевічы, 1953; Крупкі, 1957; Міоры, Паставы, 1950), *За перамогу* (Ружаны, 1953), *За Радзіму* (Бешанковічы, 1956), *За ўражай* (Нясвіж, 1957). Перыядычныя выданні, якія ў сваёй структуры мелі прыназоўнік «за», найбольш характэрныя для 1930-х гадоў. Менавіта ў гэты перыяд узнікла такія найменні, як *За бальшавіцкую свінагадоўлю*, *За калектывізацыю*, *За марксісцка-ленінскую вучобу*, *За пралетарскія кадры* і іншыя. Гэта было абумоўлена імклівым ростам палітызацыі тагачаснага грамадства. У пачатку другой паловы XX ст. яны выкарыстоўваліся хутчэй «па інерцыі» і нярэдка ўспрымаліся як анахранізмы. У межах падгрупы зафіксавана найменне з прыназоўнікам на, які ў прэсонімах звычайна паказвае на палажэнне, стан, у якім што-небудзь знаходзіцца ці праводзіцца [4, с. 196]: *На ўздыме* (Капыль, 1958).

Пераважная большасць прэсонімаў 1950–1960-х гадоў (79 %) належыць да групы бікампанентных найменняў. У межах групы вылучаюцца разнастайныя канструкцыі, у якіх рэалізуюцца канкрэтныя ўтваральныя мадэлі. Усю сукупнасць бікампанентных утварэнняў можна падзяліць на дзве групы: 1) без прыназоўніка ў структуры; 2) з прыназоўнікам у структуры.

Беспрыназоўнікавыя бікампанентныя назвы прадстаўлены ў пераважнай большасці дзвюма канструкцыямі: «**Sub+Sub**» і «**Adj+Sub**».

Канструкцыя «**Sub+Sub**» рэалізуецца мадэллю, адзінкі якой утвараюцца з дапамогай далучэння назоўніка ў форме роднага склона да назоўніка ў форме назоўнага склона: «**Sub**_{Н. скл.} + **Sub**_{Р. скл.}»:

Будаўнік камунізму (Любань, 1963; Ляхавічы, 1962), *Герой працы* (Магілёў, 1958; Шуміліна, 1967), *Голас калгасніка* (Лаздуны, Ліда, Слонім, 1950; Стараселле, 1959; Хойнікі, 1957), *Зара камунізма*¹ (Бялынічы, Міёры, 1962; Высокае, 1958; Добруш, Івацэвічы, 1956; Крупкі, 1960; Маліноўшчына, 1950), *Камуніст Беларусі* (Мінск, 1952), *Кліч Радзімы* (Шаркаўшчына, 1967), *Маяк Палесся* (Брагін, 1963), *Маяк Прыдняпроўя* (Быхаў, 1963), *Перамога Кастрычніка* (Ветка, 1965), *Рабочы саўгаса* (Буда-Кашалёва, 1958), *Рачнік Беларусі* (Гомель, 1957), *Старанавец палёў* (Навагрудак, Шалавічы, 1950), *Сцяг перамогі* (Астравец, Нягневічы, 1950; Верхнядзвінск, 1962; Журавічы, Маларыта, 1953; Коханова, 1956; Лёзна, 1963), *Сцяг свабоды* (Карэлічы, 1957), *Трыбуна наватара* (Орша, 1955), *Трыбуна хлебараба* (Гомель, 1956), *Фізкультурнік Беларусі* (Мінск, 1952) і г. д.

У некаторых прэсонімах граматычна залежным кампанентам з'яўляецца ўласнае імя (прозвішча, імя па бацьку): *Заветы Ільіча* (Крывічы, 1951), *Заветы Леніна* (Жодзішкі, 1950), *Закліч Ільіча* (Чэрыкаў, 1967), *Запаветы Леніна* (Асіповічы, 1965; Драгічын, 1963), *Сцяг Ільіча* (Талачын, 1962), *Сцяг Леніна* (Давыд-Гарадок, 1956; Ідолта, 1950), *Шлях Ільіча* (Слуцк, 1962).

Канструкцыя «**Adj+Sub**» рэалізуецца ў дзвюх асноўных намінацыйных мадэлях.

Асноўная частка прэсонімаў належыць да мадэлі «**Adj+ Sub**_{н.скл.}», якая ўтворана з дапамогай назоўніка ў пачатковай форме і залежнага ад яго прыметніка: *Астравецкая праўда* (Астравец, 1956), *Бальшавіцкая праўда* (Заастравечча, Косава, 1950), *Беларускі ўніверсітэт* (Мінск, 1955), *Браслаўская звязда* (Браслаў, 1963), *Вучоныя запіскі* (Магілёў, 1955; Мінск, 1954), *Вячэрні Мінск* (Мінск, 1967), *Гомельскі ўніверсітэт* (Гомель, 1969), *Дняпроўская праўда* (Дуброўна, 1965; Орша, 1962), *Калгаснае жыццё* (Ганцавічы, Докшыцы, Івацэвічы, Лынтупы, Ражанка, 1950; Давыд-Гарадок, 1957; Маладзечна, 1956; Чачэрск, 1958), *Камуністычная праца* (Барысаў, 1963; Кобрын, 1962), *Ленінская іскра* (Полацк, 1962; Сянно, 1963), *Магілёўская праўда* (Магілёў, 1956), *Мінская праўда* (Мінск, 1950), *Нарачанская зара* (Мядзель, 1966), *Народная асвета* (Мінск, 1960), *Новае Палессе* (Жыткавічы, 1962), *Пінская праўда* (Пінск, 1954), *Працоўная слава* (Валожын, 1965), *Рабочае жыццё* (Гомель, 1958), *Рудзенская праўда* (Рудзенск, 1955), *Савецкае Палессе* (Ганцавічы, 1967; Лельчыцы, 1956; Мазыр, 1953), *Саўгаснае жыццё*

¹ Усе назвы перыядычных выданняў прыводзяцца ў форме, прынятай для названай гістарычнай эпохі.

(Малевічы, 1957), *Сацыялістычнае земляробства* (Мір, 1950), *Сталінскі прызыў* (Гарадок, 1952), *Сталінскі шлях* (Дзівін, Заставечча, Полацк, 1952; Іванава, 1954; Маладзечна, 1951), *Тэатральны Мінск* (Мінск, 1961), *Чырвоная звызда* (Баранавічы, 1954; Іванава, 1965), *Чырвоная зорка* (Узда, 1967), *Чырвоны барацьбіт* (Мар'іна Горка, 1958), *Чырвоны Кастрычнік* (Акцябрскі, 1967; Багушэўск, 1956), *Чырвоны хлеба-роб* (Ленін, 1957) і г. д.

Мадэль «**Adj+Sub**_{Р.скл.}» утворана далучэннем да назоўніка ў творным склоне залежнага прыметніка: *Ленінскім курсам* (Крупкі, 1963).

У структуру прэсонімаў часам можа ўваходзіць кампанент, выражаны займеннікам. Так, намі была выяўлена канструкцыя з займеннікам у прэпазіцыі («**pron+Sub**»), прадстаўленая далучэннем займенніка да назоўніка ў пачатковай форме («**pron+Sub**_{Н.скл.}»): адзінкавае ўтварэнне *Наша жыццё* (Капыль, 1957; Карма, 1958; Клімавічы, Навагрудак, 1962).

Больш разнастайнай па мадэлях утварэння, аднак колькасна нешматлікай, з'яўляецца група бікампанентных прэсонімаў з прыназоўнікам у структуры. Вылучаюцца дзве групы канструкцый, адрозныя па месцы размяшчэння прыназоўніка: у прэпазіцыі або ў інтэрпазіцыі.

Адзінкі з прыназоўнікам у прэпазіцыі рэалізуюцца ў дзвюх канструкцыях.

Канструкцыя «**pr+Sub+Sub**» прадстаўлена мадэллю «**pr+Sub**_{М.скл.}+**Sub**_{Р.скл.}», адзінкі якой утвараюцца шляхам далучэння субстантыва да прыназоўнікава-назоўнікавага спалучэння. Вылучаюцца адзінкі з прыназоўнікам *на*, які паказвае на аб'ект, асобу, што вызначаюць характар пэўнага дзеяння або з'явы: *Па заветах Леніна* (Полацк, 1958), а таксама прэсонімы з прыназоўнікам *над*, які паказвае на асобу, падзею, ідэю і г. д., што вызначаюць характар, змест дзеяння, працэсу [4, с. 266]: *Пад сцягам Сталіна* (Валеўка, 1950).

Канструкцыя «**pr+Adj+Sub**» рэалізуецца ў некалькіх намінацыйных мадэлях, адзінкі якіх утвараюцца з дапамогай далучэння прыметніка да спалучэння назоўніка і прыназоўніка. Мадэль «**pr+Adj+Sub**_{Р.скл.}» прадстаўлена адзінай назвай з прыназоўнікам *да*, які ў структуры прэсоніма паказвае на тое, да чаго заклікаюць: *Да новых перамог* (Мядзель, 1963).

Прэсонімы намінацыйнай мадэлі «**pr+Adj+Sub**_{В.скл.}» утрымліваюць у структуры прыназоўнік *за* (функцыя прыназоўніка паказана вышэй): *За бальшавіцкія калгасы* (Шаркаўшчына, Дзівін, Камаро-

ва, Ляхавічы, 1950), *За высокі ўражэй* (Барыскавічы, Мір, Целяханы, 1950; Беразіно, Буда-Кашалёва, Лубінічы, Талачын, 1957; Гарадок, 1956; Лунінец, 1958), *За заможнае жыццё* (Баравіца, 1957), *За камуністычную працу* (Лоеў, 1959; Магілёў, 1962), *За новыя рубяжы* (Петрыкаў, 1963), *За саўгасную вытворчасць* (Ветка, 1958), *За сацыялістычнае жыццё* (Куранец, 1950), *За стаханаўскую працу* (Віцебск, 1953).

Намінацыі, утвораныя па мадэлі «**pr+Adj+ Sub**_{м.скл.}», уключаюць у сябе прыназоўнік **на**: *Па ленінскаму шляху* (Валковічы, 1957; Дзісна, Крулеўшчызна, Поразава, Янушова, 1950; Тураў, 1958), а найменні мадэлі «**pr+Adj+Sub**_{т.скл.}» – прыназоўнік **над**: *Пад ленінскім сцягам* (Ветка, 1956).

Прэсонімы з двума субстантывамі і прыназоўнікам у інтэрпазіцыі прадстаўлены канструкцыяй «**Sub+pr+Sub**». У межах яе рэалізуюцца мадэлі, утвораныя далучэннем да галоўнага назоўніка прыназоўнікава-субстантыўнага спалучэння. У структуру адзінак канструкцыі «**Sub**_{н.скл.}+**pr+Sub**_{т.скл.}» уваходзіць прыназоўнік **над**, які паказвае на чалавека, прадмет, месца і г.д., вышэй за якія знаходзіцца пэўны прыродны аб'ект [4, с. 202]: *Зара над Нёманам* (Масты, 1965), *Зара над Сожам* (Карма, 1967), *Святло над Нёманам* (Юрацішкі, 1957).

Прэсонімы, утвораныя па мадэлі «**Sub**_{н.скл.}+**pr+ Sub**_{р.скл.}», уключаюць у сябе прыназоўнік **да**, які выкарыстоўваецца пры ўказанні «на з'яву, падзею, дасягненне якіх складае змест дзеяння, што выступаюць у якасці мэты дзеяння» [4, с. 152]: *Шлях да камунізма* (Вязьнін, Малоткавічы, 1950; Сянно, 1952).

Група полікампанентных прэсонімаў колькасна нешматлікая і прадстаўлена адзінкавымі назвамі (каля 1 %).

Трохкампанентная канструкцыя «**(Adj+Sub)+Sub**» рэалізуюцца ў намінацыйнай мадэлі «**(Adj+ Sub**_{н.скл.)+ Sub}_{р.скл.}», якая ўтворана за кошт далучэння субстантыва да спалучэння ад'ектыўна-субстантыўнага спалучэння: *Заатэхнічная навука Беларусі* (Мінск, 1958), *Сельская гаспадарка Беларусі* (Мінск, 1957).

Чатырохкампанентная мадэль «**pr+Sub**_{в.скл.}+**[Sub**_{д.скл.}+**(Adj+ Sub**_{р.скл.)]» утварылася паслядоўным далучэннем двух назоўнікаў да ад'ектыўнага словазлучэння. У мадэлі выкарыстоўваецца прыназоўнік «у», які паказвае на мэту, дзеля якой ажыццяўляецца дзеянне: *У дапамогу работнікам мясцовага друку* (Мінск, 1958).}

Такім чынам, наяўнасць у беларускай прэсанімічнай сістэме знакаў розных тыпаў – аднакампанентных, бікампанентных і полікампанентных, – а таксама адзінак і з'яў, якія могуць быць патлумачаны

толькі пры звароце да дыяхраніі, вядзе, з аднаго боку, да канстатацыі складанасці дадзенай знакавай сістэмы, а з другога – да прызнання складаных адносін паміж планам зместу і планам выражэння адзінак моўнай сістэмы ў цэлым.

Літаратура

1. Багомедов, М. Р. Структура и семантика топонимических единиц даргинского языка: автореф. дис.... канд. фил. наук: 10.02.02 / М. Р. Багомедов; Дагестанский государственный ун-т. – Махачкала, 2001. – 21 с.
2. Валасенка, А. А. Вытворча-прамысловыя тапанімічныя назвы Беларусі: аўтарэф. дыс.... канд. філ. навук: 10.02.01 / А. А. Валасенка; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі. – Мінск, 2003. – 19 с.
3. Маслова, В. А. Основы современной лингвистики: курс лекций / В. А. Маслова. – Витебск: Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2018. – 222 с.
4. Объяснительный словарь русского языка / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель, 2003. – 421 с.
5. Ціліна, М. М. Ергонімі м. Кіева: структура, семантика, функцыянавання: автореф. дыс.... канд. філ. наук: 10.02.01 / М. М. Ціліна; Нацыянальны педагогічны ун-т ім. М. П. Драгоманова. – Кіў, 2006. – 23 с.
6. Чочаева, Х. И. Структура и семантика микропонимов Черекского района Кабардино-Балкарской Республики: автореф. дис.... канд. фил. наук: 10.02.02 / Х. И. Чочаева; Кабардино-Балкарский государственный ун-т им. У. А. Алиева. – Нальчик, 2010. – 22 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НЕКОТОРЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО БИБЛЕЙСКОГО ПЕРЕВОДА

Е. В. Борисевич

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: borysiewiczowna@gmail.com

В статье рассматриваются особенности передачи ряда этнографических реалий в переводах Книги Бытия из изданий Франциска Скорины и Ивана Федорова. Автор выявляет механизмы возникновения переводческих ошибок и неточностей при передаче наименований объектов, тесно связанных с культурой и бытом древних евреев. Одновременно анализируется формирование славянской

традиции перевода Библии и пути решения сложных переводческих задач, которые были найдены в процессе ее становления.

Ключевые слова: Библия, Книга Бытия, перевод, этнографические реалии, культура, переводческие ошибки, древнееврейский язык.

ON RENDERING OF SOME ETHNOGRAPHIC REALIA IN THE SLAVONIC BIBLE TRANSLATION HISTORY

A. Barysevich

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: borysiewiczowna@gmail.com

The article depicts the specific ways of rendering the ethnographic realia in the translations of the Genesis from Francysk Skaryna's and Ivan Fiodorov's editions. The author reveals the mechanisms causing the mistakes or renderings that are rather far from the best corresponding ones in translation of the object names related to culture and everyday life of the ancient Jews. Alongside with this, the article focuses on important stages of the Slavonic Bible translation history and the ways the complex translation problems were being solved at the beginning of this history.

Key words: Bible, Genesis, translation, ethnographic realia, culture, translator's mistakes, Biblical Hebrew.

Для славянской традиции библейского перевода XVI век стал особым, очень важным периодом – именно в это время и у западных, и у восточных славян впервые выходят из печати полные переводы библейских книг. Рукописная традиция перевода священных книг на долгие годы предопределила пути редакционной подготовки печатных изданий Библии. Но сама техническая возможность массового воспроизведения библейских книг накладывала на переводчика особую ответственность – отныне его работа должна была отличаться максимальной точностью и непревзойденным качеством. Существенным препятствием на пути такого ее выполнения стали – среди прочего – значительные различия в жизненном укладе древних иудеев, представленном во всем богатстве бытовых деталей в библейских текстах, и восточных и западных славян. Определенную помощь в решении возникавших в связи с этим проблем перевода могли оказать Септуагинта и Вульгата, но и их авторы многого

не знали, часто допускали неточности, а главное – делали свои собственные ошибки, также связанные с не совсем точным знанием древнееврейской реальности. Славянский переводчик часто был вынужден перенести эти ошибки из текстов-посредников в свой перевод, поскольку для большинства славянских переводчиков истинным оригиналом были Септуагинта или Вульгата, а обращение к древнееврейскому оригиналу носило справочный и чаще всего достаточно спорадический характер.

С. И. Влахов и С. П. Флорин [3, с. 66] предлагают относить слова, называющие специфические явления из сферы повседневной жизни народа, к этнографическим реалиям. Особенность таких лексем при переводе заключается в том, что обычно они не переводятся, а передаются одним из нескольких способов – от транскрипции до описания, при этом задача переводчика в современной традиции перевода заключается в выборе максимально подходящего соответствия с учетом прагматики коммуникативной ситуации. Для славянских библейских переводчиков XVI в. такая мотивация выбора вовсе не была очевидной, ведь к ним предъявлялось и требование максимальной близости к тексту оригинала, чаще всего оригинала-посредника. Поэтому достаточно часто можно отметить, что реалии действительно «переводятся» – для их передачи используются лексемы, называющие явления, функционально либо по какому-то иному признаку близкие к описываемым в библейском тексте, но характерные только для культуры, с которой связан переводчик.

В данной статье мы разберем особенности передачи на церковнославянском языке нескольких реалий из Книги Бытия в двух изданиях Библии, вышедших в XVI в. Одно из них – Библия Франциска Скорины, напечатанная в начале столетия и представляющая собой перевод библейского текста на церковнославянский язык восточнославянского извода с многочисленными вкраплениями элементов «простой мовы» – лексемами, идиомами и грамматическими конструкциями, характерными для живого языка Великого княжества Литовского. В тексте этого издания отмечается сильное влияние Вульгаты на многие переводческие решения, принятые Франциском Скориной. Второе – Библия Ивана Федорова, изданная ближе к концу столетия, но, напротив, являвшая собой образец точного следования почти исключительно тексту Септуагинты. Язык Библии Ивана Федорова демонстрирует черты местного извода в значительно

меньшей степени, чем язык изданий Франциска Скорины. На передачу реалий в этих переводах оказало влияние множество факторов, начиная с текста оригинала, который использовался в качестве основного (Вульгата или Септуагинта), и заканчивая текстами, к которым переводчик обращался лишь в справочном порядке, например, чешским переводом Библии 1488 г.

Одной из самых характерных этнографических реалий является календарь – применяемый данным народом способ сегментирования и отсчета времени, деления его на части. Обычно календарь формируется в результате длительной традиции наблюдений за природой. Несмотря на то, что традиционный еврейский календарь, существующий и сегодня, является достаточно древним, исторически он не был первым календарем, которым пользовались древнееврейские скотоводы. Согласно данным, приводимым в Электронной еврейской энциклопедии [3], в библейский период месяцы еще не имели устоявшихся наименований и обозначались несколькими способами: при помощи порядковых числительных, путем отождествления порядкового номера месяца с его ханаанейским названием или, как в Гезерском календаре, по названиям сельскохозяйственных работ, традиционно проводившихся в каждом месяце.

В первых книгах библейского текста действительно есть сведения о существовании некоего архаического календаря, месяцы в котором не назывались, а последовательно нумеровались. В стихе Быт 8:5 упоминается «десятый месяц»: *עַד הַתְּקֵשׁ הַעֲשִׂירִי* – *до десятого месяца*. А в следующем предложении уже упоминается первый день десятого месяца, но на древнееврейском языке это выражено таким образом, что слово *месяц* употребляется только после слова *один*, и не употребляется после слова *десятый*: *הַיּוֹם הַיּוֹדֵה וְהַסּוֹר עַד הַתְּקֵשׁ הַעֲשִׂירִי בַּעֲשִׂירֵי בְּאֶתְדַל לַחֲדָשׁ נִרְאָה רִאשִׁי הַיְהוּדִים*. Тем не менее из последующего контекста становится понятно, что всего в этом древнем календаре было десять месяцев. В Септуагинте же неожиданно появляется одиннадцатый месяц: *ἐν δὲ τῷ ἑνδεκάτῳ μηνί, τῇ πρώτῃ τοῦ μηνός...* Ошибка возникла, вероятнее всего, из-за нестандартного синтаксиса древнееврейского предложения. Следов такой интерпретации древнееврейского текста не находим в Вульгате: *decimo enim mense prima die mensis apparuerunt cacumina montium*.

Следовательно, в переводах, зависящих преимущественно от Септуагинты, есть большая вероятность того, что эта ошибка ока-

жется в библейском тексте, и именно так и происходит в издании Ивана Федорова, где находим титлованную запись с использованием букв славянского алфавита в числовом значении – аі мсц, то есть одиннадцатый месяц. В издании Франциска Скорины чтение этого стиха совпадает с древнееврейским и латинским и не совпадает с вариантом Септуагинты: *десятого мца*.

Представляется, что, сталкиваясь с этнографическими реалиями, переводчик оказывается в ситуации, когда допустить неточность или ошибку особенно легко – в силу неизвестности для него той культурной действительности, частью которой первоначально являлся переводимый текст. Вторым важным фактором, оказывающим существенное влияние на переводческие решения, является и культура, носителем которой переводчик является и сквозь призму которой воспринимает в том числе и культуры иных народов. Нередко при переводе это способствует замене реалий чужой культуры функционально близкими им реалиями своей культуры.

Реалии, относящиеся к культуре, – наименования священнослужителей, зданий и предметов религиозного назначения, обычно также представляют собой значительную трудность при передаче в переводе. Это связано с тем, что язык культа в целом очень связан с культурой, сильно в ней укоренен, а также с тем, что именно лексика из сферы религиозной жизни общества особенно склонна к консервации в застывших формах. Кроме того, вместе с заимствованием культовых практик заимствуются, как правило, и соответствующие обозначения. С этой точки зрения особый интерес представляет собой передача в восточнославянских библейских переводах древнееврейской лексемы *מזבח*. Франциск Скорина демонстрирует многократные колебания между пришедшим из латинского языка словом *олтарь* и имеющим явные коннотационные связи с языческими требами старославянским *требником*: в стихе Быт 8:20 находим контекст с лексемой *олтарь*: *Вделалже естъ Ное олтарь гсдеви и взем от всего скоту иотптиць чистыхъ, принесе вса сожжениа на немъ*, а уже в 13 главе – *требникъ*: *...наместе требника иже былъ учинилъ первой и призывалъ ту има гсдьне*. Иван Федоров более последователен при передаче этой лексемы – он использует однокоренные слова *требникъ* и *требище*: *Исъзданое требникъ гви, ивъзем отвсѣхъ скоть чистых, иотптиць чистых ивъзнесе все съжжиаемое на требникъ...;... въмъсте требища, идеже сътворилъ бѣ первѣе храм.*

На примере передачи этой лексемы можно также проследить влияние языков-посредников на восточнославянские переводы. Франциск Скорина оказывается в данном случае более связанным с традициями латинского, а значит, католического мира, чем православного, апеллирующего исключительно к греческой традиции. Интересно и то, что в отношении этой лексемы Франциск Скорина оказался прозорливее своего современника, поскольку в дальнейшем именно латинская лексема оказалась воспринята православной религиозной практикой. При общем достаточно значительном количестве старославянизмов в современном русском языке *требникъ* в их состав не вошел, думается, именно из-за своих явных коннотационных связей с язычеством.

Древние евреи были скотоводами и в связи с этим первоначально вели кочевой образ жизни, что наложило свой отпечаток и на характер жилища еврейских праотцев. В ТаНаХе для его обозначения используется слово לֶחָ, которое традиционно передается как *шатер* и обозначает жилище, подобное большой палатке. Восточным славянам такой тип жилища был знаком хотя бы по быту соседних с ними народов, но уже в древнегреческом тексте эта лексема была последовательно заменена словами, подобранными в качестве функционального переводного соответствия в большей степени по контексту, чем по значению оригинала: 9:21 *καὶ ἔπιεν ἐκ τοῦ οἴνου καὶ ἐμεθύσθη καὶ ἐγυμνώθη ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ*; 13:3 *καὶ ἐπορεύθη ὄθεν ἦλθεν, εἰς τὴν ἔρημον ἕως Βαιθηλ, ἕως τοῦ τόπου, οὗ ἦν ἡ σκηνὴ αὐτοῦ τὸ πρότερον...* 13:5 *καὶ Λωτ τῷ συμπορευομένῳ μετὰ Ἀβραμ ἦν πρόβατα καὶ βόες καὶ σκηναί.*

В стихе Быт 9:21 оба переводчика – и Франциск Скорина, и Иван Федоров – следуют за вариантом, предложенным в Септуагинте, называя шатер *домом* в соответствии с его основной функцией: *...и обнажився лежалъ в дому своемъ; и обнажиса въ дому своемъ*. В стихе Быт 13:3 в обоих переводах используются однокоренные, но не полностью тождественные слова для передачи той же древнееврейской лексемы, которая раньше передавалась словом *дом*: *даже до места того и где первой поставилъ былъ храмъ* (издание Франциска Скорины), *домъста идѣже бѣ ему хранина первѣе* (издание Ивана Федорова). Наконец, в некоторых контекстах восточнославянские переводчики используют совершенно разные варианты передачи древнееврейского слова לֶחָ: *Но и Лотъ онже былъ естъ со Аврамом*

имеаше стада многа овецъ искоту **истановъ**; Илотуже иже хождаше съаврамомъ баху овца и говада, **искота** многа (Быт 13:5).

Таким образом, еще в Септуагинте, являвшейся для восточнославянских переводчиков основным оригиналом, из жилища мобильного, передвижного шатер превращается в жилище стационарное – в некую постройку, привязанную к конкретному месту. Одновременно Септуагинта предлагает несколько вариантов перевода одной древнееврейской лексемы в зависимости от различий значения, которые усматривают греческие переводчики в тексте оригинала: это и τῶ οἴκῳ – ‘дом’, и σκηναί – ‘группа жилищ, лагерь’, и σκηνή – что наиболее близко к ‘шатру’, но традиционно именуется скинией. Восточнославянские переводчики сохраняют это разделение, но добавляют при передаче соответствующих лексем некоторые элементы собственной интерпретации.

Использовавшиеся в древнем мире строительные материалы также вызывают немало научных споров вплоть до сегодняшнего дня. В сюжете о строительстве Вавилонской башни в стихе Быт 11:3 упоминаются קִרְיָאִים – кирпичи или плитки (то есть как собственно строительные, так и отделочные материалы), сделанные из светлой глины, обожженной на солнце, вероятно, с использованием соломы, смешанной с глиной, как следует из словарной статьи в «Еврейско-английском словаре» Брауна-Драйвера-Бриггса. Значение ‘мостовая, вымощенная дорога’ отмечается этим словарем для данной лексемы лишь в одном контексте из Книги Исхода и для данного фрагмента текста определенно не является существенным. Менахем Цви Каддари [10] приводит как раз контекст из Быт 11:3 в качестве примера, чтобы подчеркнуть, что этот строительный камень (он называет этот материал именно так) обжигали как на солнце, так и в огне. Этот автор указывает и на то, что существовала, по всей видимости, и технология изготовления такого строительного камня без соломы, а также с добавлением красок. В последнем случае речь явно идет также об отделочном, вероятнее всего, декоративном, материале. Тем не менее Септуагинта интерпретирует этот тип строительных материалов как своего рода плиты, а не строительные камни – καὶ ἐγένετο αὐτοῖς ἡ πλίνθος εἰς λίθον, καὶ ἄσφαλτος ἦν αὐτοῖς ὁ πηλός – и соответствующий перевод, с большей или меньшей степенью адаптации к фонетическим и орфографическим правилам славянских языков нахо-

дим и у Франциска Скорины и Ивана Федорова: *Ибыша имъ плиты вкамена место и клей вмелу место; ибыша имъ плинѣы въкамень, ибрѣнїе въмѣсто мѣла*. Переводчики в данном случае принимают решение о введении в текст перевода иноязычного элемента, поскольку не находят в практике современного им славянского строительства ничего функционально близкого древнееврейской технологии производства керамических плит.

В стихе 14:23, в контексте, обладающем явно выраженным риторическим звучанием и имеющем достаточно четкое риторическое назначение, встречается наименование еще одной бытовой детали – слово לֹד, традиционно понимаемое как *обувь* или *сандалия*. Как отмечают авторы словаря [9], в библейских книгах часто встречается употребление этого слова для обозначения чего-то, не обладающего для говорящего значимостью или ценностью. В данном случае мы также имеем дело с литотой, значение которой усиливается еще и тем, что в этом стихе речь идет даже не самой сандалией, а только о ее ремешке. То есть говорится о чем-то чрезвычайно незначительном, мало значимом и несущественном. О том, что именно эта лексема часто используется для выражения различного рода переносных значений в составе идиоматических выражений, пишет и Менахем Цви Каддари [10]. Он приводит пример контекста, в котором не развязанный ремешок сандалий значит путь или труд без отдыха. Тем не менее бытовым образ, легший в основу литоты, обладает конкретным смысловым наполнением, почерпнутым из повседневной жизни. Ремешок сандалией назван словом טָרָוּ, производным от слова טָרַו – перекручивать и дословно означающем *‘перекрученный’*. Эта этимология объясняет, по мнению составителей словаря, как именно носили такой ремень – переkreщенным и закрученным вокруг стопы. В обоих славянских переводах сандалия превращается в сапог: *И даже до ременя сапожнаго* – чтение из издания Франциска Скорины, *до възвзуы сапожныа* – из издания Ивана Федорова. Это один из самых характерных примеров адаптации библейских реалий к славянской действительности: сапоги надолго становятся в библейском переводе соответствием сандалий. Не становится препятствием для такой интерпретации даже подтверждаемый в самом тексте факт наличия в этой обуви ремешков, используемых для крепления ее на ноге.

При передаче древнееврейских этнографических реалий восточнославянские переводчики XVI века сталкивались с многочисленными трудностями: чаще всего первым препятствием на пути к точному переводу становилась не совсем точная передача этих реалий в тексте Септуагинты, на который они опирались в большинстве случаев как на оригинал. Иногда дополнительную путаницу в интерпретацию тех или иных сложных лексем вносили источники, к которым обращались за информацией спорадически, – Вульгата, чешские переводы Библии и др. Однако одну из основных проблем для переводчиков все же создавали принципиальные различия в укладе жизни между древними евреями и восточными славянами, что не могло не сказаться на интерпретации библейского текста в рамках славянских культур. Основной тенденцией при разрешении спорных вопросов передачи этнографических реалий становится в данном случае доместификация – стремление максимально приблизить «чуждую» бытовую реалию к своим.

Литература

1. Библия. – Острог, 1581.
2. Біблія: факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаў у 1517–1519 гадах. – Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1990. – Т.1. – 828 с.
3. Влахов, С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин – М.: Р. Валент, 2006. – 448 с.
4. Календарь: Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eleven.co.il/judaism/rites-and-customs/11929/>. – Дата доступа: 27.04.2019 г.
5. Тора (Пятикнижие Моисеево) / под общ. ред. проф. Г. Брановера. – М.: Шамир, 1993. – 1135 с.
6. Biblia Hebraica Stuttgartensia. Deutsche Bibelgesellschaft. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1977. – 753 S.
7. Biblia Sacra iuxta vulgatam versionem. Deutsche Bibelgesellschaft. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2007. – 1620 p.
8. Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graecae iuxta LXX interpretes. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2006. – 2201 p.
9. The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon: with an appendix containing Biblical Aramaic. – Thirteenth Printing. – [S. l.], 2010. – 1204 p.
10. דרי, מ.צ. מילון העברית-המקראית. – אוניברסיטת בר-אילן, 2006. 1256 עמ.

**ПАЭТЫЧНЫ СЛЭМ ЯК СПАСАБ КАМУНІКАЦЫІ
«ТВОРЦА — ЧЫТАЧ» У БЕЛАРУСКІМ КУЛЬТУРНЫМ
ДЫСКУРСЕ**

Т. А. Мотрэнка

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка,
філалагічны факультэт, вул. Савецкая, 18,
Мінск, 220010, Рэспубліка Беларусь
e-mail: askirka13@tut.by

У артыкуле разглядаецца камунікатыўны патэнцыял паэтычнага слэму як формы творчага самавыяўлення, што знаходзіцца на стыку літаратуры, тэатра і шоу. Аўтар звяртае ўвагу на адметнасці рэалізацыі мастацкай ідэі твора падчас выступу паэта-слэмера, магчымасць нараджэння новай формы яго існавання, калі аўтарскае чытанне дапаўняе семантычнае поле верша, выступае як фактар яго інтэрпрэтацыі і ўспрымання. Таксама вылучаюцца асаблівасці функцыянавання слэму ў беларускім літаратурным асяродку.

Ключавыя словы: паэтычны слэм, творчая камунікацыя, рэцэпцыя і інтэрпрэтацыя твора.

**POETRY SLAM AS A WAY OF COMMUNICATION
“AUTHOR – READER” IN THE BELARUSIAN CULTURAL
DISCOURSE**

T. A. Motrenka

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Faculty of Philology,
Sovetskaya st. 18, 220010, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: askirka13@tut.by

The article considers the communicative potential of a poetic slam as a form of creative self-expression, which is located at the intersection of literature, theater and shows. The author draws attention to the peculiarities of the realization of the artistic idea of the work during the poet's speech, the possibility of the birth of a new form of existence of the work, when the author's reading complements the semantic field of the poem, acts as a factor in its interpretation and perception. The features of the functioning of the poetic slam in the Belarusian literary environment are also identified.

Key words: poetry slam, creative communication, reception and interpretation of the work.

Характэрнай асаблівасцю сучаснага літаратурнага працэсу з’яўляецца ўскладненне зносін паміж творцам і чытачом, выкліканае неабходнасцю канкурыраваць з аўдыявізуальнымі каналамі інфармацыі ў барацьбе за ўвагу аўдыторыі, што ў XXI ст. найбольш востра адчуваецца паэтамі і пісьменнікамі. У такіх умовах перспектыўнай формай творчай камунікацыі бачыцца паэтычны слэм, які таксама можа служыць сродкам папулярызацыі паэзіі.

Паэтычны слэм спалучае элементы літаратурнай імпрэзы, інтэрактыўнага шоу, творчага спаборніцтва па дакладна ўсталяваных правілах. Упершыню падобны перформанс быў праведзены ў 1984 г. у ЗША і даволі хутка стаў з’явай сусветнага літаратурнага працэсу. Сярод асноўных правіл, якія абумоўліваюць сутнасць з’явы, вылучым патрабаванне да ўдзельнікаў выступаць выключна з уласнымі творамі, а таксама вызначэнне пераможцы апладысмантамі ці выстаўленнем адзнак аўдыторыяй. Прычым ацэньваюцца і змест твора, і яго прэзентацыя. Працягласць выступлення звычайна абмяжоўваецца трыма хвілінамі. Правілы слэму не толькі галоўным чынам адрозніваюць яго ад конкурсу дэкламацыі, але і абумоўліваюць змены ў жанрава-стылявых характарыстыках паэзіі, а таксама асаблівасцях яе ўспрымання.

Падчас выступлення паэта перад публікай, надзеленай правам ацэнкі, магчыма нараджэнне новай формы існавання твора, калі аўтарскае чытанне надаўнае семантычнае поле верша, выступае як фактар яго інтэрпрэтацыі і ўспрымання. Для тлумачэння асаблівасцей рэпрэзентацыі твора ў фармаце слэму мэтазгодна звярнуцца да метадалогіі «рэцэптыўнай эстэтыкі» і аднаго з яе асноўных тэзісаў: «Тэкст абাপіраецца не на рэчаіснасны свет, у якім ён паўстаў і існуе, а на працэс чытання, які надае яму сэнс» [6, с. 107]. «У літаратурнага твора ёсць два полюсы, якія можна назваць мастакоўскім і эстэтычным: першы адносіцца да тэксту, другі – да таго, як чытач канкрэтызуе тэкст» [4, с. 201], – сцвярджае адзін з заснавальнікаў школы рэцэптыўнай эстэтыкі, нямецкі філолаг Вольфганг Ізэр. У дадзеным выпадку паняцце канкрэтызацыі мае дачыненне да чытацкага сцэнару ўспрымання, упісанага ў твор. На яго ўплывае шэраг фактараў, у тым ліку кантэкст рэцэпцыі – гістарычны і сітуацыйны. Фармат паэтычнага слэму стварае спецыфічныя абставіны рэпрэзентацыі тэксту, у якіх мастакоўскі і эстэтычны полюсы сумяшчаюцца ў працэсе чытання як акта творчасці. Аўтар, дэкламуючы ўласны верш, надае яму сэнс і можа ацаніць паспяховасць камуніка-

цыі з аўдыторыяй, наколькі адэкватным задуме атрымаўся сцэнар успрымання. Калі мастацкая ідэя твора рэалізуецца сродкамі іроніі, гратэску, чорнага гумару, гульні слоў, шляхам стварэння абсурдных сітуацый, яго публічнае выкананне аўтарам мае асаблівае значэнне. Неспакушаны чытач можа прапусціць прыхаваную за каламбурнай знешнасцю сур'ёзную сутнасць твора, аўтарская дэкламацыя ў гэтым выпадку мае шансы засцерагчы твор ад камунікатыўнай няўдачы.

У паэтычным слэме аўдыторыя з'яўляецца апасродкаваным удзельнікам акта чытання, у творчай камунікацыі яна выступае як адзін з уплывовых бакоў: можа выказаць ацэнку твора і вызначаць ход мерапрыемства, накіроўваючы яго развіццё па адным з мноства магчымых шляхоў. Менавіта таму слэм так арганічна ўвайшоў у сучасны культурны дыскурс, характэрнымі прыкметамі якога сталі інтэрактыўнасць, нелінейнасць, дынамічнасць і прынцыповая незавершанасць.

У беларускім літаратурным асяродку слэм узнік не толькі як адказ на выклік эпохі, але і як альтэрнатыўны камерным чытаннем з мінімальнай доляй інтэрактыву сродак папулярызаванай паэзіі, які здолее прыцягнуць увагу маладога пакалення. Першы беларускі слэм адбыўся 1 жніўня 2008 г. у рамках фестывалю «Парадак слоў» і сабраў на адной сцэне такіх паэтаў, як Віктар Жыбуль, Вера Бурлак, Валярына Кустава, Анка Упала, Віталь Рыжкоў, Уладзь Лянкевіч і інш. З таго часу паэтычны слэм стаў даволі рэгулярнай з'явай беларускага культурнага жыцця, а кароткая гісторыя яго развіцця, а таксама некаторыя нацыянальныя асаблівасці ўжо апісаны ў навуковай літаратуры. Сярод даследчыкаў ёсць і тыя, хто лічыць паэтычны слэм з'явай са знакам «+» для нацыянальнага мастацтва слова [2], і тыя, хто выказваецца нейтральна [5] ці ўвогуле не ўхваляе падобную форму самавыяўлення [1].

Спаборніцтвы паэтаў праводзяцца ў музеях, кавярнях, арт-просторах, на студэнцкіх пляцоўках, у выязным фармаце пад адкрытым небам і нязменна збіраюць даволі вялікія шэрагі гледачоў. Аднак патэнцыяльныя магчымасці слэму як сродку папулярызаванай паэзіі ўсё роўна засталіся да канца не рэалізаванымі. У апошнія гады падобныя імпрэзы ў нашай краіне ладзяцца, як правіла, у рамках паэтычных фестывалю, удзельнікамі і гасцямі якіх выпадковыя людзі не становяцца, таму пашырэння аўдыторыі, кола прыхільнікаў паэтычнага мастацтва такім спосабам дасягнуць складана.

Для разумення і паўнаўдзяснага асэнсавання паэзіі, адной з функцый якой з'яўляецца наладжванне духоўных кантактаў паміж творцам

і чытачом, важнае значэнне мае выкананне верша аўтарам. У фармаце слэму яно выходзіць на новы ўзровень успрымання, паколькі дэманструе сінтэз мастацкіх сродкаў літаратуры, тэатра і шоу. Па словах Г. Кісліцынай, менавіта паэтычны слэм замацаваў у сучаснай беларускай літаратуры тэндэнцыю, паводле якой «нацыянальная паэзія злучаецца з тэатрам, шоу, бярэ кірунак не столькі ў бок інтэлектуалізму, як гэта было яшчэ зусім нядаўна, а ў бок візуалізацыі» [5, с. 18]. Праявы існавання дадзенай тэндэнцыі назіраліся яшчэ ў 1990-я гг., калі для візуалізацыі паэтычнага тэксту творцы выкарыстоўвалі графічныя сродкі, а таксама фармат перфомансу. Усе падобныя эксперыменты так ці інакш мелі дачыненне да наватарскай дзейнасці паэтаў – удзельнікаў розных літаратурных аб'яднанняў канца мінулага стагоддзя («Тутэйшыя», «Таварыства Вольных Літаратараў», «Бум-Бам-Літ»). Аднак ужо да пачатку 2000-х інтэграцыйная актыўнасць у творчых колах пайшла на спад. Таму, калі прыняць пад увагу хвалевы характар дынамікі літаратурнага працэсу, з'яўленне паэтычнага слэму ў Беларусі пасля кароткага перыяду адноснага зацішша выглядае не сляпым перайманнем чужародных тэндэнцый заходняй культуры, а заканамерным этапам у развіцці айчыннага паэтычнага мастацтва.

Прышоўшы ў Беларусь як амерыканская культурная навінка, паэтычны слэм адразу займеў нацыянальныя рысы. Першыя падобныя мерапрыемствы выявілі іх даволі цесную сувязь з традыцыйнай перфомансаў 1990-х гг. Вось як апісвае М. Мартысевіч свае ўражанні ад выступленняў паэтаў на «Першым Купалаўскім слэме», які адбыўся ў 2009 г. у Дзяржаўным літаратурным музеі імя Янкі Купалы: «Найбольшы фурор выклікалі троххвілінныя перформансы Аксаны Спрычан і Алеся Туровіча. Першая расклала на зямлі тры белыя хусткі і пачала ілюстраваць вершы, здымаючы з сябе... чырвоныя сукенкі і кладучы іх на хусткі палоскамі. Калі на Аксане засталася апошняя, трэцяя сукенка <...> [яна – Т. М.] падманула чаканні ўсіх, расклаўшы на хустцы асобнікі сваёй першай кнігі вершаў, таксама чырвоныя <...> [А. Туровіч – Т. М.] прадэманстраваў высокую марку перформера суполкі «Бум-Бам-Літ». Ён быў адзіным удзельнікам, хто аддаў павягу патрону мерапрыемства, склаўшы оду яго помніку, стылізаваную пад даклад купалаўскай канферэнцыі: «Купалу кавалі, кавалі Купалу, адлівалі, шуравалі, пілавалі...», – несліся над залай яго “навуковыя выкладкі”» [7].

Не змяніў выпрацаванай манеры чытання дзеля паэтычнага спаборніцтва і Віктар Жыбуль – таксама былы ўдзельнік суполкі

«Бум-Бам-Літ», паэт і літаратуразнаўца, адзін з самых паспяховых беларускіх паэтаў-слэмераў. Многія яго вершы заваявалі чытацкую прыхільнасць менавіта дзякуючы дэкламацыі на паэтычных слэмах ці публічнаму выкананню ўвогуле: «Доктар Алкаголь», «Кавалер Валерка», «Я застаўся», «Сенегал», «Я – пасажыр. Я еду без квітка...» і інш. Выступленні В. Жыбуля ў рамках слэму ці звычайнай паэтычнай імпрэзы нязменна выклікаюць уражанні парадыйнасці, буфанады, блазнавання, за якімі часам хаваецца высмейванне заган чалавецтва. З дапамогай адмысловай аўтарскай манеры прадстаўлення твора паэт задае накірункі і атмасферу для яго адэкватнай інтэрпрэтацыі. Але сярод выкананых публічна твораў у В. Жыбуля няма і проста дасціпных жартаў на тэмы будзённасці, блізкіх кожнаму чалавеку, менавіта таму аўдыторыя жыва адгукаецца на іх і не шкадуе высокіх ацэнак, забяспечваючы паэту чарговую перамогу ў слэме. Змест вершаў, спосабы іх інтаніравання, адметнасці мімікі, жэстаў, паводзін падчас чытання – усё разам выпрацавала адпаведную рэпутацыю, запамінальны публічны вобраз аўтара, які таксама можна расцэньваць як сродак пашырэння кола прыхільнікаў уласнай творчасці і паэтычнага мастацтва ўвогуле. «Найпапулярнейшы ў далёкай ад паэзіі публікі аўтар» [9, с. 66], – так трапна адрэкамендаваў В. Жыбуля паэт і перакладчык, а таксама вядоўца паэтычных слэмаў (слэм-майстар) А. Хадановіч. Увогуле пазнавальнасць аўтара сёння з’яўляецца адным са сродкаў папулярызавання літаратуры, калі «“раскручанае” імя аўтара становіцца перадумовай увагі да кнігі, змяняючы пры гэтым крытэрыі ацэнкі якасці мастацкага твора, выпрацаваныя эстэтыкай, літаратуразнаўствам, лінгвістыкай і інш.» [3, с. 113]. У такой папулярнасці бачыцца і адваротны бок, паколькі аўдыторыю можа прывабліваць выключна геданічны складнік паэзіі В. Жыбуля, які перашкаджае ацэньваць твор крытычна, негатыўна ўплывае на глыбіню яго інтэрпрэтацыі.

Спецыфіка адносінаў, якія ўсталёўваюцца паміж паэтам і аўдыторыяй у слэме, стварае сітуацыю, дзе перамагчы з філасофскімі медытацыямі, лірычнымі вершамі ды ўвогуле творамі, якія не апелююць да пачуцця смеху, нашмат складаней. Праўда, мяркуючы, што для айчынных паэтаў слэм – у першую чаргу не спаборніцтва, а пляцоўка для прэзентацыі сябе і ўласнай творчасці, а ў лепшым выпадку яшчэ і сродак наладзіць зваротную сувязь з аўдыторыяй. Менавіта таму адной з нацыянальных рыс беларускага слэму, як заўважыла даследчык літаратуры В. Гронская, з’яўляецца інтэлігентнасць, мінімальнае

выкарыстанне экспрэсіўнай і ненарматыўнай лексікі, большая сур'езнасць прадстаўленых на спаборніцтвах тэкстаў у адрозненне ад, напрыклад, украінскіх слэмаў, дзе «эпатаж стаў адным з самых дзейных сродкаў заваявання прыхільнасці аўдыторыі» [2, с. 488]. Але сёння і ў арыгінальнай амерыканскай традыцыі слэму не назіраецца імкнення здзівіць публіку пазатэкставым антуражам. Ён пазіцыянуецца як магчымасць для творцы быць пачутым без сацыяльных, культурных, палітычных і эканамічных перашкод. Падобным чынам можна ахарактарызаваць і беларускі слэм, але выступленні айчынных паэтаў усё ж не стасуюцца з манерай выканання амерыканскіх слэмераў. Па выніках уласных назіранняў можам заключыць, што да яе не зусім пасуе вызначэнне «артыстычнае чытанне», яна перш за ўсё характарызуецца высокім тэмпам, імпульсіўнасцю, палкасцю, імкненнем пераканаць публіку сілай голасу. Паэзія на амерыканскіх слэмах гучыць падобна прамовам на палітычных мітынгх, манера чытання блізкая аратарскай, вызначаецца характэрнай рытмічнасцю, рэчытатывасцю. Тэксты, як правіла, першапачаткова разлічаны на публічнае выкананне, часта яны пішуцца спецыяльна для слэмаў або нават падчас іх, у жанрава-стылявым плане пераважна яны належаць да філасофска-інтэлектуальнай, публіцыстычнай, грамадзянскай лірыкі.

Сярод беларускіх паэтаў і па месце выконваемых твораў, і па манеры чытання даволі блізка да арыгінальнай слэм-культуры знаходзіцца В. Рыжкоў, паэт і перакладчык, у т. л. твораў амерыканскіх слэмераў. Ён чытае дынамічна, экспрэсіўна, але без тэатралізацыі, для пераканання публікі выкарыстоўваючы выключна мастацка-выяўленчыя рэсурсы ўласных твораў. У стылявых адносінах паэзія В. Рыжкова, якую ён прэзентуе на слэмах, вызначаецца сугестыванай накіраванасцю, часам набліжаецца да плыні свядомасці. Сутнасныя ў ідэйна-вобразным плане бакі падобных твораў надзвычай ярка раскрываюцца менавіта падчас аўтарскай дэкламацыі: «Выспела распач, / вы-ы-ыспела, / вылезла, / воспай на твары высыпала, / воскам, выступамі, / слязамі празрыстымі, / выспамі, / высямі, / няспыннымі выразамі, / выспалася... / Выспела» [8, с. 46]. У інструментальнасці і рытма-інтанацыйным малюнку вершаў В. Рыжкова адчуваецца, што яны арыентаваны на публічнае выкананне. Такія творы гучаць падобна рэчытатыву, і нескладана ўявіць іх музычнае суправаджэнне. Змест нярэдка бывае правакацыйным, выдаючы імкненне аўтара ўзрушыць публіку, застацца заўважаным. Бадай, менавіта на прыкладзе вершаў В. Рыжкова можна назіраць, якім чынам

паэтычны слэм уносіць змены не толькі ў літаратурнае жыццё, але і ў зместава-фармальнае поле мастацтва слова.

Асаблівасці слэму як формы аўтарскага самавыяўлення заключаюцца ў тым, што акт творчасці здзяйсняецца перад аўдыторыяй у рэжыме рэальнага часу і яго вынік не заўсёды можа быць прадбачаны самім паэтам. У дадзеным выпадку нараджаецца адзін з мноства магчымых варыянтаў рэпрэзентацыі мастацкай ідэі, заключаючай у паэтычным творы.

Фармат слэму дазваляе паэту наладзіць зносіны з чытачом без пасрэднага, уздзеяннага на яго не толькі словам, але сродкамі мімікі, жэстаў, інтаніравання, стварэння спецыфічных абставін успрымання твора. Каштоўнасць падобнай формы камунікацыі тлумачыцца яшчэ і тым, што паэт можа аператыўна атрымаць зваротную сувязь ад аўдыторыі, назіраць эфект ад уздзеяння ўласнымі творамі. Менавіта таму апраўданым выглядае ўстанаўленне аднаго з правілаў паэтычнага слэму, якое патрабуе чытаць творы на памяць. Выкарыстанне падказкі ў выглядзе паперкі ці экрана смартфона стварае перашкоды на шляху да наладжвання псіхалагічнага кантакту з аўдыторыяй, а таксама абмяжоўвае выяўленчыя магчымасці дэкламацыі.

У эпоху панавання аўдыявізуальных сродкаў камунікацыі ва ўсіх сферах чалавечай дзейнасці з'яўленне слэму як формы зносінаў паміж паэтам і аўдыторыяй выглядае цалкам лагічным. Прэзентаваная ў такім выглядзе паэзія набывае некаторыя адзнакі медыйнага прадукту: разлік на відовішчнасць, адчувальны геданічны складнік, перавага інтэрактыўных форм зносінаў. Безумоўна, гэта накладвае адбітак на жанрава-стылявыя рысы твораў: тэксты адрозніваюцца правакацыйным зместам, арыентацыяй на стварэнне эфекту камічнага, атмасферы абсурду. Як правіла, паэзія з падобнымі характарыстыкамі атрымлівае выразную рэакцыю аўдыторыі, што забяспечвае аўтару-слэмеру поспех выступлення.

Літаратура

1. Бельскі, А. І. Паэзія / А. І. Бельскі // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. – Мінск: Беларус. навука, 1999–2014. – Т. 4. Кн. 3 / НАН Беларусі, АДДЗ-не гуманітар. навук і мастацтваў, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ.; навук. рэд. У. В. Гніламедаў, С. С. Лаўшук. – 2-е выд. – 2015. – С. 36–87.

2. Гронская, В. Паэтычны слэм як новая з’ява ў беларускай культуры: некаторыя нацыянальныя асаблівасці / В. Гронская // Культура. Наука. Творчество: сб. науч. ст. по матер. VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 мая 2013 г. / Беларус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск: БГУКИ, 2013. – С. 486–490.
3. Заяц, Н. В. Пазнавальнасць аўтара як сродак папулярызацыі літаратуры / Н. В. Заяц // Дзясятыя Танкаўскія чытанні (да Года культуры ў Беларусі): зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал. В. Д. Старычонок, І. М. Гоўзіч, Н. В. Заяц; адк. рэд. В. Д. Старычонок. – Мінск: БДПУ, 2016. – С. 113–116.
4. Изер, В. Процесс чтения: феноменологический подход / В. Изер // Современная литературная теория: антология / сост. И. В. Кабанова. – М.: Флинта, 2004. – С. 201–226.
5. Кісліцына, Г. М. Новая літаратурная сітуацыя: змена культурнай парадыгмы: аўтарэф. дыс.... д-ра філалаг. навук: 10.01.01 / Г. М. Кісліцына. – Мінск, 2015. – 42 с.
6. Маркоўскі, М. Фенаменалогія / М. Маркоўскі // Тэорыі літаратуры ХХ ст. / А. Бужыньска, М. Маркоўскі; навук. рэд. Л. Баршчэўскі. – Мінск: Медысонт, 2017. – Гл. 2. – С. 85–118.
7. Мартысевіч, М. Купаласлэм з бульвара Капуцынаў [Электронны рэсурс] / М. Мартысевіч // Новы час. – Рэжым доступу: https://novychas.by/kultura/kupalasllem_z_bul_vara_kapucina. – Дата доступу: 10.03.2019.
8. Рыжкоў, В. Дзверы, замкнёныя на ключы / В. Рыжкоў. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2010. – 108 с.
9. Хадановіч, А. Мэтапаэзія і какетлівы дзяхочы суіцыд / А. Хадановіч // ARCHE. – 2002. – № 3. – С. 62–68.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ВОСПИТАНИИ ЗДОРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И. В. Пантюк, О. А. Воробьева

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: pantiouk@bsu.by, voroboa@bsu.by

В статье рассматриваются вопросы значимости сохранения и передачи национальных культурных ценностей в воспитании нравственного и физически здорового молодого поколения в эпоху глобализации. Описаны механизмы сохранения и трансляции культурного наследия в его аксиологическом значении и основные меро-

проятия Государственной программы «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы.

Ключевые слова: национальные культурные ценности, глобализация, формы сохранения традиций, механизмы сохранения культурных ценностей, нравственное воспитание, самосознание.

THE ROLE OF NATIONAL CULTURAL HERITAGE IN RAISING A HEALTHY GENERATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

I. V. Pantiouk, O. A. Vorobyova

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail:pantiouk@bsu.by, voroboa@bsu.by

The article deals with the importance of preservation and transmission of national cultural values in the education of moral and physically healthy young generation in the era of globalization. The mechanisms of preservation and translation of cultural heritage in its axiological meaning and the main activities of the state program “Culture of Belarus” for 2016–2020 are described.

Key words: national cultural values, traditions, forms of globalization, mechanisms preserving cultural values, moral education, self-awareness.

В условиях глобализации особую важность приобретает задача формирования национально-государственного самосознания личности, что связано с воспитанием подрастающего поколения на основе национально-культурного исторического наследия народа.

Под национальным культурным наследием традиционно понимают сумму культурных достижений общества, его исторический опыт, сохраняющийся в общественной памяти, включая и подвергшееся переоценке прошлое. Такое наследие обладает вневременной ценностью, а его сохранение и передача «способствует наделению смыслом прошлого и настоящего» [1]. С позиции символического интеракционизма на каждом этапе исторического развития происходит переинтерпретация смыслов, которая является «переопределением ситуации действия» и одновременно «экстернализацией новой дефиниции» [2]. Это приводит к возникновению новых смыслов в понимании культурного наследия, к переоценке традиционного содержания.

В условиях глобализации, мировой экономической и культурной интеграции проблемы культурного наследия и его интерпретации приобретают особую актуальность. Смысл культурного наследия мо-

жет быть адекватно понят и интерпретирован без утраты ценностных характеристик только с учетом национальных культурно-исторических и социально-экономических особенностей. Поэтому так важно изучать аксиологию национальных традиций. Вместе с тем необходимо учитывать мировые тенденции общественно-культурного развития, которые влияют на национальные культуры, приводя к различным качественным изменениям в их содержании. Таким образом, ценности и смыслы, воплощенные в памятниках прошлого, должны органично интегрироваться в культуру следующей эпохи и только в этом случае способны сохранять свою актуальность.

Охрана и освоение культурного наследия – важная составная часть не только деятельности общественных организаций, но и обязательная задача государства. Международные мероприятия по охране, освоению, трансляции культурного наследия приобретают сегодня особую значимость. Огромные усилия предпринимаются в этом плане по линии ЮНЕСКО. В России, например, широко известна теоретическая и практическая деятельность академика Д. Лихачева (1906–1999) по поддержанию памятников национального прошлого. В Беларуси большая работа в этой сфере проводится государственными и общественными организациями.

Национальное культурное наследие традиционно делят на два вида: материальное культурное наследие (включает художественно ценные объекты, произведения искусства, исторические раритеты, традиционные промыслы, уникальные достижения в профессиональной сфере, архитектурные сооружения) и духовное наследие (фольклор; народные традиции и обряды; религиозные культы, верования и духовные практики; интеллектуальное наследие, которое включает философский, нравственно-этический, научный опыт, отраженный в вербальных текстах и практической реализации; эстетическое наследие – произведения искусства в их нематериальном выражении).

Особую важность приобретают механизмы сохранения и трансляции культурного наследия. Согласно этапам эволюционного развития человечества выделяют четыре формы хранения информации: устную, письменную, печатную, электронную. Спецификой современного исторического процесса является возможность использования всех форм и их адаптация к современным условиям. К механизмам хранения и передачи информации относят: нормативно-правовой, воспитательно-обучающий, интеллектуально-научный, художественно-творческий, информационно-кодовый. Каж-

дый из механизмов обладает своим инструментарием и отличается направленным действием.

Несмотря на широкую теоретическую базу исследований культурного наследия и механизмов его хранения, трансляции, интерпретации, остается много вопросов как общетеоретического, так и практического характера, нуждающихся в дальнейшем изучении. Вопросам изучения, сохранения, трансляции культурного наследия в Беларуси уделяется огромное внимание. Духовные ценности, утверждаемые и развиваемые обществом, являются почвой, предпосылкой для формирования национального самосознания, национальной идеи. Культурный прогресс нашей нации связан с независимостью государства, развитием белорусского языка, традиций, утверждением духовных, нравственных начал в жизни общества.

Историко-культурное наследие Беларуси является достоянием белорусского народа и неотъемлемой частью достижений мировой цивилизации. Оно представляет собой важнейший источник творческих сил народа. Его сохранение – наиболее эффективное средство для национального развития, для создания полноценных условий совершенствования личности.

На сегодняшний день в Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь находятся 4811 историко-культурных единиц, в том числе 4694 материальные недвижимые историко-культурные ценности, которые включают 1655 объектов архитектуры, 1125 историй, 1857 предметов археологии, 57 предметов искусства.

В соответствии со своими свойствами материальные историко-культурные ценности, которые включены в Государственный список, делятся на четыре категории:

«0» – историко-культурные ценности, включенные или предложенные для включения в Список мирового наследия;

«1» – наиболее уникальные историко-культурные ценности, художественные, эстетические и документальные достоинства которых представляют международный интерес;

«2» – достопримечательные историко-культурные ценности, характеризующие наиболее отличительные черты историко-культурного наследия всей республики;

«3» – историко-культурные ценности, характеризующие отличительные черты историко-культурного наследия отдельных регионов республики.

Под категорией «0» в Государственном списке отмечено 9 объектов. Это такие объекты, как дворцово-парковый ансамбль и комплекс монастыря иезуитов в г. Несвиж Минской области, Борисоглебская (Коложская) церковь XII в. в г. Гродно, Августовский канал в Гродненской области, церковь оборонительного типа в д. Сынковичи Зельвенского района Гродненской области, Замок «Мир» в г. п. Мир Кореличского района Гродненской области, Дуга меридиана Струве (21 пункт) на территории Брестской области, Каменецкая башня в г. Каменец Брестской области, Спасо-Преображенская церковь в г. Полоцке Витебской области, дворцово-парковый ансамбль в г. Гомеле.

К категории «1» отнесены 42 объекта. Среди них – исторические центры г. Минска и г. Гродно, Брестская крепость, комплекс иезуитского коллегиума в г. Полоцке Витебской области, ратуша и Преображенская церковь в г. Чечерске Гомельской области, Лидский замок, фрагменты Новогрудского замка и др.

К категории «2» отнесены 562 объекта. Среди них исторические центры городов Беларуси: Бреста, Пинска, Кобрина, Полоцка; Троицкий костел в д. Ишкольд Барановичского района Брестской области; церковь-крепость в д. Мурованка Щучинского района Гродненской области; Софийский собор в Полоцке; костел Иоанна Крестителя в д. Комаи Поставского района Витебской области и многие другие.

Самые значимые объекты Республики Беларусь включены в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Это – замок «Мир» в г. п. Мир Гродненской области, архитектурно-культурный комплекс резиденции Радзивиллов в г. Несвиже Минской области, два трансграничных объекта – Беловежская пуща и «Дуга Струве». Готовится совместно с Республикой Польша досье «Августовский канал – творение человека и природы», а также собирается материал по другим знаковым объектам наследия высшей категории ценности.

Государство и государственный бюджет являются последовательными гарантами финансовой поддержки развития искусства и культуры. Принцип преемственности в культурной политике выражается в сохранении инфраструктуры государственных учреждений культуры и искусства.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О культуре в Республике Беларусь» от 14.05.2001 г. №16-3 приоритетами в области развития культуры являются:

- возрождение, сохранение, развитие и распространение белорусской национальной культуры;
- создание и популяризация произведений искусства и литературы для детей, способствующая их эстетическому образованию и воспитанию; популяризация классических произведений отечественного и мирового искусства и лучших образцов современной культуры;
- обеспечение развития культуры в сельской местности, расширение культурной инфраструктуры деревни.

Указом № 522 от 28.12.2015 г. 2016 год был объявлен Годом культуры. Указ принят в целях объединения интеллектуальных и духовных сил общества для решения задач социально-экономического развития страны, сохранения историко-культурного наследия, развития народных традиций, воспитания у граждан любви к Отечеству, а также поддержки творческих инициатив.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 04.03.2016 г. № 180 утверждена Государственная программа «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы, главная цель которой состоит в сохранении исторической памяти белорусского народа, его национально-культурной самобытности и традиций; в активном вовлечении граждан Беларуси в культурную жизнь страны, в реализации творческого потенциала нации; в обеспечении качественного формирования, сохранности и использования документов Национального архивного фонда Республики Беларусь как части информационного ресурса страны; в содействии сохранению национально-культурной идентичности белорусской диаспоры.

Реализация мероприятий Государственной программы была направлена на социальную и экономическую эффективность функционирования сфер культуры, сфер архивного дела, взаимодействия с белорусами зарубежья.

В Республике Беларусь сформировались гармоничные отношения между национальными общностями.

В 1996 г. принята Концепция национально-культурного развития национальных меньшинств. Увеличилось число региональных и республиканских объединений как институтов возрождения национальных языков, культур, традиций. В настоящее время в Беларуси действуют 111 общественных объединений 22 национальных общностей, в том числе 43 еврейских, по 9 – польских и немецких, 7 литовских, по 5 – татарских и украинских и др. Организуются шко-

лы, классы по изучению национальных языков, налаживаются связи с исторической родиной, появляются средства массовой информации на национальных языках.

Существенное значение для развития национальных культур, обеспечения плодотворной работы творческих коллективов имеет создание необходимых материальных условий, финансирование проводимых в этих целях мероприятий. Так, создаются образовательные структуры национальных меньшинств, начиная от дошкольных учреждений до высших учебных заведений.

Идет процесс формирования материальной базы учебных заведений, обеспечения их квалифицированными кадрами. На Белорусском радио создана программа «Супольнасьць», проводится Всебелорусский фестиваль национальных культур. Принятые в Республике Беларусь правовые акты гарантируют равенство граждан всех национальностей в различных сферах жизни, создают законодательную основу для развития культур, сохранения этнической, языковой, религиозной самобытности национальных меньшинств.

Влияние западной и восточнославянской культур на систему ценностей белорусов велико. В современном мире нет абсолютно замкнутых культур. Культурные и межэтнические контакты являются неотъемлемым компонентом жизни. В антропологии и этнографии процесс взаимного влияния различных культур, при котором все или часть представителей одной культуры перенимают нормы, ценности и традиции другой, получил название аккультурации. Аккультурация проявляется в двух формах: временной (через контакты политиков, дипломатов, туристов, персонала иностранных компаний) и длительной (которая возникает в случае контактов представителей различных культур в рамках одного государства). В процессе аккультурации каждый человек одновременно решает две важнейшие задачи. С одной стороны, он стремится сохранить свою культурную идентичность, с другой – впитывает нормы и ценности иной культуры. Комбинация вариантов решения этих задач дает четыре стратегии: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию.

Ассимиляция означает полное принятие ценностей и норм иной культуры, отказ от своих. Сепарация есть отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей. Если на такой изоляции настаивают представители господствующей этнической группы, ущемляя интересы других групп, то возникает сегрегация. Маргинализация возникает в ситуации, когда невозможно поддержать свою

идентичность, но стремление к получению новой идентичности также отсутствует. Интеграция представляет собой идентификацию как со старой, так и новой культурой. На примере ряда исследований многонациональных культур, аккультурации беженцев и эмигрантов было доказано, что целью аккультурации считается достижение интеграции культур.

На развитие духовной культуры в Республике Беларусь сегодня оказывают влияние следующие факторы:

- 1) общие тенденции развития духовной культуры, характерные для современной цивилизации в целом;
- 2) тенденции, характерные только для Беларуси;
- 3) общие признаки, характерные для постсоветских стран и ближнего зарубежья.

Особенностью нынешнего этапа развития духовной культуры Республики Беларусь является то, что в современных условиях остается важной задача формирования национально-государственного самосознания. Необходимо сохранять культурно-историческое наследие, историческую память народа, способствовать развитию белорусского языка.

Обращаясь к базовым духовным ценностям культурного наследия других народов и актуализируя его семантику в условиях глобализации средствами современной коммуникации, характерной для молодежной среды, необходимо создать модель адаптации и трансляции культурных ценностей, что приведет к модернизации и совершенствованию механизма преемственности.

В Беларуси огромное внимание уделяется программам восстановления культурных объектов с целью их сохранения. Выделяются средства для реставрации памятников, включения их в современный культурный контекст (например, Мирский замок, Лидский замок и др.).

Однако не менее важное значение имеет воспитание бережного отношения к культурному наследию, реставрация духовных ценностей нравственно-этического и эстетического содержания, воспитание гражданственности и патриотизма. С этой целью необходимо активизировать разработку системы «антивандалных» мероприятий информационного (издание буклетов, справочной литературы), образовательного (научно-практические конференции, семинары, мастер-классы) и воспитательного (фестивали, фэсты, творческие

клубы, игры) характера, направленных на утверждение и пропаганду духовных ценностей, их внедрение в современную бытовую и досуговую культуру молодежи, что, в свою очередь, должно способствовать формированию морально и физически здорового человека, достойного члена современного общества.

Литература

1. Баева, Л.В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции [Электронный ресурс] / Л.В. Баева. – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/141559/>. – Дата доступа: 21.03.2019.
2. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – Минск: Книжный Дом. А.А. Грицанов. 1999. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/ – Дата доступа: 29.03.2019.

**Секция 5. ИСКУССТВО И ДИЗАЙН
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**ТРАКТОВКА ДЕФИНИЦИЙ «ТЕЛО» И «ТЕЛЕСНОСТЬ»
В ПСИХОАНАЛИЗЕ И ИСКУССТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЛОНДОНСКОЙ ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ)**

А. Н. Вошинчук

Научно-практический центр

Государственного комитета судебных экспертиз,
улица Филимонова, 25, 220114, Минск, Республика Беларусь
e-mail: Sulamif79@gmail.com

Актуальными для культурологических исследований стали вопросы понимания тела и телесности в разные исторические эпохи и в разных культурах. Изучение трактовок человеческого тела и проявления телесности требуют междисциплинарного подхода. В статье рассматриваются понятия «тело» и «телесность» в контексте психоаналитических теорий. Особое внимание уделяется концепциям З. Фрейда, Ж. Делёза. В качестве примеров автор анализирует произведения живописи художников Лондонской школы (Ф. Бэкона, Л. Фрейда, Ф. Ауэрбаха и др.).

Ключевые слова: психоаналитическая культурология, послевоенное искусство, Лондонская школа, тело, телесность.

**THE CONCEPT «BODY» AND «CORPOREALITY»
IN PSYCHOANALYSIS AND ART (BY THE EXAMPLE
OF THE LONDON PAINTING SCHOOL)**

A. N. Voshchinchuk

Scientific and Practical Center

of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Filimonov st. 25, Minsk, 220114, Republic of Belarus
e-mail: Sulamif79@gmail.com

Issues of the «body» and the «corporeality» comprehension in different historical epochs and cultures have become relevant for cultural research. The study of the human body interpretations and the corporeality manifestations require an interdisciplinary approach. The article reviews the concepts of the «body» and the «corporeality» within the context of psychoanalytic theories. Special attention is paid to the concepts of Z. Freud, J. Deleuze. The author, as examples, analyzes the works of

art belonging to the artists from the London School (F. Bacon, L. Freud, F. Auerbach, etc.).

Key words: psychoanalytic cultural research, post-war art, London school, body, corporeality.

Актуальность исследования соотношений тела и телесности обусловлена несколькими причинами. Во-первых, различия этих понятий стали очевидными в связи с разными пониманиями тела в культурах: требования к человеческому телу изменялись на протяжении развития истории культуры. И то, что было «красиво» для древних египтян, стало неприемлемо для древних греков и т. д. Безусловно, разные трансформации тела были обусловлены религиозными, социальными и иными факторами. Начиная с XIX в. визуализация изуродованного тела как следствия войны (например, цикл офортов Ф. Гойи «Бедствия войны» (1810–1820 гг.)) становится новым витком в понимании тела. Необходимо вспомнить послевоенные работы художника О. Дикса, который добровольцем вызвался на фронт, был участником Первой мировой войны. Его цикл работ «Война» (1924 г.) является итогом зарисовок пребывания на фронте, а изображение калек и инвалидов войны в картинах «Продавец спичек», «Пражская улица» (1920 г.), «Большой город» (1928 г.) и других работах показывают иную трактовку человека и его тела. Тело как некая материальная инстанция не всегда может быть прекрасным. Оно может быть несовершенным, изуродованным, стареющим и т. д. Еще один пример, который необходимо привести в контексте данной статьи, это судьба брата философа Л. Витгенштейна – Пауля, который, будучи пианистом, во время Первой мировой войны потерял правую руку, но продолжал гастролировать, сумев преодолеть несовершенство своего тела. Вид однорукого музыканта заставил переосмыслить и возможности человеческого тела. Композиторы-современники написали произведения, которые помогли П. Витгенштейну остаться в профессии. Среди наиболее значимых следует вспомнить «Второй концерт» М. Равеля, «Diversions» Б. Бриттена, «Четвертый концерт» С. Прокофьева, «Второй концерт» С. Борткевича и др. Это произведения, которые требуют высочайшей исполнительской техники от пианиста и представляют сложности для музыкантов, которые не оказались в такой ситуации, как П. Витгенштейн. Существование в повседневной жизни болезни, травмы, несовершенства тела привели к осмыслению разных модусов существования тела и телесности человека.

В гуманитарных исследованиях вопросы соотношений тела и телесности особенно актуальными стали в прошлом столетии. Это связано с переосмыслением наследия классического психоанализа, в первую очередь исследований З. Фрейда. В работе «Об афазии» (1891 г.) ученый выступал с критикой существовавшей концепции локализации функций мозга в определенных его центрах и предложил другой подход к изучению психики и ее механизмов [1]. В 1890-х гг. Фрейд сосредоточился на изучении конверсионной истерии: отношения между душой и телом обусловлены дуальностью: тело вписывает в себя проблемы души, душа – проблемы тела. Был осуществлен поворот в понимании «тела», а именно предположена зависимость психосоматических симптомов от эмоционального состояния пациента. Далее в 1895 г. Фрейд написал трактат «Психология для неврологов», в котором констатировал разрыв между душой и телом. Категория «телесность» возникла на основе фрейдизма как антитеза духовности. Осмысление телесности – это попытка вписать в рамки философии те феномены, которые ею отрицались или не рассматривались, например, аффект, болезнь, смерть. Но именно они стали чуть ли не главными составляющими двадцатого столетия. Поэтому телесность осмыслялась как картина сознания человека, своего рода культурный ландшафт, как текст.

В работах Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Капитализм и шизофрения» (Анти-Эдип» (1972 г.), «Тысяча плато» (1980 г.)) [2], [3] философы критикуют капитализм и психоанализ, которые, по их мнению, привели к угнетению человека. Они предложили свое видение проблемы тела и телесности. Человек, согласно Делёзу, есть машина, машина желаний, желающая машина. Каждый орган есть машина желаний: машина-рот, машина-ухо и т. д. Они работают на всех уровнях, и каждая машина должна состыковаться с другой через остановки. Если остановить «желающую машину», закрыть глаза, рот, то останется тело без органов. В свою очередь, тело без органов – есть непродуцирующее. «Тело без органов – это яйцо, через него проходят оси и рубежи, линии долготы и широты, геодезические линии, *градиенты*, которые отмечают становления и переходы, направления того, кто развивается в них. Ничто здесь не является репрезентативным – наоборот, все относится к жизни, все проживается: пережитое ощущение груди не походит на груди, не представляет их, также как и заранее определенная зона в яйце не походит на тот орган, развитие которого будет в ней индуцировано. Ничего, кроме лент интенсивности, потенциалов, рубежей и градиентов» [2].

В изобразительном искусстве второй половины XX в. особое место занимает Лондонская школа живописи. Термин «Лондонская школа» достаточно спорный, в задачи данной работы не входит выявление походов и точек зрения к его экспликации. Отметим лишь то, что это выражение было использовано Р. Б. Китаем в его эссе для каталога выставки «Человеческая глина» 1976 г., куратором которой он являлся. Термин «Лондонская школа» впоследствии стали употреблять для группы, состав которой менялся. Ф. Бэкон, Л. Фрейд, М. Эндрюс, Ф. Ауэрбах, Л. Коссоф, Р. Б. Китай. Их объединяло множество обстоятельств: так или иначе они испытали влияние Второй мировой войны, учились в одних и тех же художественных школах, работали в разных мастерских в Лондоне. Объединяющим началом для них стало обращение к человеческому телу в противовес существовавшему абстракционизму. Кроме того, художники общались между собой. Каждый выработал собственную манеру письма; в конце концов они были очень сложными и противоречивыми натурами.

Две работы Ф. Бэкона «Три этюда к фигурам у подножия распятия» (1944 г.) и вторая версия триптиха 1988 г. показывают реальность восприятия человека: человек – сырье, расходный материал. Тело, которое покинула телесность. Травматический опыт привел к переосмыслению роли телесности: человеческое тело есть деформированная и обожженная плоть в газовых камерах и на поле боя, это некая субстанция, больше похожая на куски мяса, чем на тело человека. Бэкон работал с фотографиями, в том числе видел фотографии, на которых представлены тела людей после концлагерей. Задача, которую должно решить искусство, – это передача интенсивной реальности переживаний. Распятие – трактовка кровавой бойни, а не представление религиозного сюжета. Христос – это не сын Марии, а человек из печей Дахау, человек избитый, израненный, униженный и доведенный до состояния животного. Бэкон воссоздает жесткость реальности, в его работах телесность почти отсутствует.

Л. Фрейд – внук знаменитого психоаналитика – является выдающимся портретистом. Будучи маленьким, он прятался под знаменную кушетку З. Фрейда. Позиция модели как человека, пришедшего на сеанс психоаналитика, очень сильно ощущается в его ранних работах. «Девушка с белым псом» (1952 г.) вызывает дискомфорт у зрителя. Л. Фрейд заставляет зрителя отождествлять себя со своим героем. Написание картины как аналог психоаналитической диагностики – выявление подлинной сущности человека, его глубин-

ных психических процессов. Художник изводил до изнеможения своих моделей количеством сеансов, изучал человеческую плоть, проникая до самой сути, показывал хрупкость человеческой плоти, ее несовершенство, болезненность и незащищенность. На некоторых его работах животные выглядят более человечно, чем люди.

Серия портретов, посвященная материи, была написана, когда мать после смерти отца замкнулась в себе. С одной стороны, это был способ привлечь внимание к себе, с другой – мучительное событие, видеть, как мама стареет и уходит из жизни. На картине «Лежащая пожилая женщина» (1952 г.) художник показывает хрупкость плоти, незащищенность и полную отрешенность от мира. Многие исследователи отмечают невероятный цвет кожи, который удавался единицам художников. Тело в работах Фрейда обладает телесностью, оно всегда живая плоть, как у Рубенса, особенно в работах «Ли Бауэри (сидящий)» (1990 г.), «Социальная работница спит» (1995 г.), «Эли и Дэвид» (2005–2006 гг.).

Исследуя творчество художников Лондонской школы, необходимо отметить, что художественный язык и техника написания картин отличаются предельной натуралистичностью. Так, нанесение красок большим количеством слоев делало картину не просто картиной, а «живой плотью». Сами работы как физические объекты обладают телесностью, особенно пейзажи Лондона и его окрестностей. Будучи учениками Д. Бомберга, Ауэрбах и Кософф старались передать в живописи тактильность, раскрыть то, что скрывается за невидимым. Ауэрбах соскабливал краску перед каждым новым сеансом: основа становилась тоньше, а мазки текучими, заставляя зрителя почувствовать телесность пейзажей. Работы Ауэрбаха «Строительная площадка на Оксфорд-Стрит I» (1959–1960 г.) – результат наблюдения за тем, как изменялось «тело» Лондона с момента фашистских налетов в 1940 г.

Отметим, что Лондонская школа живописи как пример изобразительного искусства второй половины XX века – это свидетельство нарастающего телесного мироощущения. Художники создавали живописные нарративы, обращаясь к фигуративному искусству. Их всех интересовали разные модусы человеческого тела и телесности. Психоаналитические концепции, начиная с классического психоанализа, рассматривают телесность в ее множественных проявлениях и измерениях. На современном этапе все чаще возникает тезис о холистическом понимании тела и телесности.

Литература

1. Фрейд, З. К трактовке афазий / З. Фрейд. – Ижевск: ERGO, 2017. – 162 с.
2. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения [Электронный ресурс] / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Режим доступа: <http://gulit.me/>. – Дата доступа: 12.09.2019.
3. Делёз, Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Ж. Делёз. – М.: ПЕРСЕЙ, 2000. – 346 с.

ПЕРЦЕПЦИЯ ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВА В ДИСКУРСЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА. ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Г. А. Джохадзе

Тбилисский государственный университет Ильи,
факультет науки и искусства, пр. Чолокашвили, 3/5, 0162,
Тбилиси, Грузия
e-mail: jokhadzegrigol@yahoo.com

В статье рассматриваются герменевтические интерпретации автора по поводу очерка О. Мандельштама «Кое-что о грузинском искусстве». В поэтических иллюстрациях и эстетических суждениях великого поэта допущены грубое самоуправство, ляпсусы и неточности, разъяснение которых проявило наличие латентной ксенофобии, автократических рецидивов и великодержавных чаяний «старшего брата». Автор уверен, что Мандельштам предусматривает, где (в партийный орган) будет напечатан очерк и впадает в соблазн рассуждать в соответствии с политической конъюнктурой.

Ключевые слова: Мандельштам, Грузия, культура, грузинское искусство, великодержавность.

THE PERCEPTION OF GEORGIAN ART IN OSIP MANDELSHTAM'S DISCOURSE. HERMENEUTIC INTERPRETATIONS

G. A. Dzhokhadze

Ilya Tbilisi State University, Faculty of Science and Art,
Cholokashvili ave. 3/5, 0162, Tbilisi, Georgia
e-mail: jokhadzegrigol@yahoo.com

The article discusses the author's hermeneutic interpretations regarding O. Mandelstam's essay «Something about Georgian Art». Gross arbitrariness, blunders and inaccuracies are allowed in the poetic illustra-

tions and aesthetic judgments of the great poet, the explanation of which revealed the presence of latent xenophobia, autocratic relapses and the great-power aspirations of the «elder brother». The author is sure that Mandelstam knows where (in the party periodical) an essay will be printed and falls into the temptation to reason in accordance with the political situation.

Key words: Mandelstam, Georgia, culture, Georgian art, great power.

Осип Мандельштам и Грузия – тема, которая и ныне продолжает притягивать к себе исследовательское внимание. В духе лучших советских клише принято считать, что между русским поэтом и грузинскими коллегами сложились добрые дружеские отношения. Одним из первых исследователей, который хотя бы в общих чертах и подчеркнуто деликатно позволил себе описать реальную картину, является ныне покойный грузинский литератор Георгий Маргвелашвили (1923–1989). В одном из первых своих литературных трудов («Не разнять меня с жизнью» (1966 г.)), посвященном жизни и творчеству Мандельштама, он говорит: «Осенью 1921 года, во время второй поездки в Грузию, имел место своеобразный конфликт Осипа Мандельштама с грузинскими поэтами. Мандельштам... недоумевал: почему друзья его («голубороговцы» Тициан Табидзе, Паоло Иашвили и др. – Г. Д.), щедро заселяя свои стихи образами, навеянными европейской литературой, славословя Париж, недостаточно пристально вглядывались стихом в образы родной земли... И Мандельштам, уже выехав из Грузии, написал и опубликовал очерк («Кое-что о грузинском искусстве». – Г. Д.), в котором, быть может, слишком заострил эту тему, вызвав обиду друзей, выступивших даже с ответной полемической статьей» [1, с. 30].

С «ответной полемической статьей», которую упоминает Г. Маргвелашвили, уверен, были знакомы, по крайней мере, те, кто писал о «голубороговцах» и Мандельштаме. Но ни сам Маргвелашвили, ни Г. М. Цурикова, автор монографии о Тициане Табидзе (1971) [2, с. 123–124], не сочли нужным или дозволенным перевести и опубликовать текст ответной статьи авторства Тициана Табидзе [3, с. 3]. Вашему покорному слуге пришлось заняться этим, чтобы, как сказал бы Мандельштам, «своей кровью склеить двух столетий позвонки».

Содержание этой статьи, а в частности, обвинения, выдвинутые Тицианом Табидзе против Мандельштама, многое меняют в осмыслении сложных и абсолютно нелитературных взаимоотношений. Но это тема другого разговора.

На сей раз мне хочется заострить внимание читателя на очерке Мандельштама «Кое-что о грузинском искусстве», с которым, надеюсь, многие знакомы. И все же, мне думается, что и этот текст, а в частности, несколько его топов, не оценены соответственно ни в Грузии, ни за рубежом. В основном об этой статье принято говорить, что перед нами пример того, как русский поэт глубоко и пронизательно ощутил и оценил чужую для себя культуру, как он был очарован культурными традициями этой страны и т. п. «Да, есть и критика, – говорят приверженцы этого просоветского мифа, – но он критикует символистов, которые стремились к Западу! Зато восхваляются Важа-Пшавела и Пиросмани!»

Наверное, в некоторой степени это правда, но текст Мандельштама отнюдь не однозначен, и все само собой не разумеется, потому что поэт сам является «и оскорбленным, и оскорбителем!».

На мой взгляд, мы должны учесть то обстоятельство, кто устроил вторую поездку Мандельштама в Грузию.

Как выяснил П. Нерлер, Мандельштам ехал сюда с поездом Центрального управления по эвакуации населения НКВД РСФСР. Начальником ростовского поезда «Центроэвака» был назначен художник-«мирискусник» Борис Львович Лопатинский (1881–1946), знакомый и даже сослуживец Мандельштама по Наркомпросу. Пока поезд комплектовался и формировался, Осип уехал на пару дней в Петроград, скорее всего, взяв командировку от «Центроэвака».

Из вышеупомянутого памфлета Т. Табидзе видно, что, по рассказу самого Мандельштама, он представился в грузинской миссии в Москве Михе Цхакая и показал какой-то мандат в подтверждение того, что он везет медикаменты в Ереван из какого-то общества. Михе Цхакая мандат показался смешным. «С таким мандатом ты можешь даже в Индию приехать, только должен добавить, что собираешь коллекцию насекомых», – якобы пошутил он. Но каким-то образом Мандельштам все же оказался в Тифлисе [3, с. 3].

А уехав из Тифлиса, как будто стал уверять своего советского добродетеля (на мой взгляд, скорее абстрактного, нежели кого-нибудь конкретного, эдакого коллективного Бухарина) в том, что он верный новому правительству человек. Свою поездку он счел не только свадебным путешествием, а миссией государственной важности: разведать ситуацию в новоиспеченной советской республике, которая еще в первой половине февраля 1921-го года считала себя незави-

симым государством! Разве не вариация этой темы следующий пассаж из текста Мандельштама:

«... национальное и политическое самоопределение Грузии, резко распадающееся на два периода – до и после советизации Грузии, для грузинской культуры и искусства должны были быть экзаменом верности самой себе, и культурная Россия, целое столетие любовно следившая за Грузией, сейчас с тревогой глядит на страну, готовую изменить своему культурному призванию» [4]?!

Мандельштам как будто стремится доказать, что эта тревога не беспочвенна. Отсюда и так называемое «советское великодержавие», адептом которого, как это не странно, выступает поэт и еврей. Но этому не стоит удивляться: ведь не секрет, что приверженность великодержавию объединяет власть, элиту, в том числе и либеральную, и народ. Хотя и считал себя провидцем (помните, говорил: «мыслящая саламандра, человек, угадывает погоду завтрашнего дня»?!), Мандельштам не смог прозреть то, что вскоре и раскритикованные им символисты-западники – грузинские коллеги – трансформируются не меньше самого Мандельштама и будут восхвалять советскую власть, и, кстати, разделять участь Мандельштама. За год до его гибели Т. Табидзе и Н. Мицишвили будут расстреляны, а П. Иашвили вскоре покончит с собой в ожидании ареста (власти заставляли его написать статью о Тициане Табидзе и объявить того врагом народа).

В первую очередь хочется сказать о той фразе, и синтаксис, и семантика, и категоричность которой – эхо или модифицированная цитата высказывания о поэте Николае Некрасове (1821–1877) Василия Розанова (1856–1919), эталона «филологической деятельности» для Мандельштама. Вот что пишет Розанов в своем экспериментальном сборнике, фиксирующем «восклицания, вздохи, полумысли и полочувства». «Уединенное»: «Таких, как эти две строки Некрасова: Еду ли ночью по улице темной, – Друг одинокий! – нет еще во всей русской литературе» [5]. Кроме того, что Розанов преувеличивает художественные достоинства этих вполне заурядных строчек, при цитировании Некрасова он допускает ляпсус, схожий с мандельштамовским. «Друг одинокий!» – в стихе, посвященном тяжелой судьбе женщин XIX в., – вообще отсутствует. Сравним:

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день –
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень! [6].

По правде говоря, эту оценку Розанова и не вспомнили бы, если б не сам Мандельштам, который критикует Розанова в своем письме «О природе слова». Мандельштам утверждает, что Розанов филолог, а не литературный критик. Вот этот пассаж: «Критик должен уметь проглатывать томы, отыскивая нужное, делая обобщения; Розанов же увязнет с головой в строчке любого русского поэта, как он увяз в строчке Некрасова. Еду ли ночью по улице темной – первое, что пришло в голову ночью на извозчике. Розановское примечание – вряд ли сыщется другой такой русский стих во всей русской поэзии» [7].

Как видим, при цитировании грешит и Мандельштам, но на сей раз совершенно предвзято, я не считаю это предосудительным, так как явление это очень похоже на место в очерке о грузинском искусстве Мандельштама: «Может быть, во всей грузинской поэзии нет двух таких стихов, по-грузински пьяных и пряных, как два стиха Лермонтова: Пену сладких вин сонный льет грузин».

С такой же категоричностью могу заявить лишь то, что уже в начале статьи появляется максима, как сладкая и неопределенная истома, но она начисто имперская и, более того, – фальшивая! Я, конечно, допускаю, что слух грузина, который постоянно тоскует по похвальному слову от других (это невроз всех так называемых малых наций!), мог быть действительно очарован этой дублированной «грузинскостью» (...во всей грузинской поэзии... по-грузински пьяных и пряных...), но взор же должен был различить, что во всей (!) грузинской поэзии (!), оказывается, нет таких опьяняющих и ароматных стихов?!

Неужели эти строки действительно указывают на такое поэтическое достижение, что категоричность в литературе больше не считается плохим тоном? Неужели изящнейший эстет Мандельштам не смог распознать хороших стихов? Вкус, как говорится, подвел? Маловероятно. Мне думается, что тут самое «по-грузински пьяное и пряное» только то, что пьяный грузин легко растрчивает свою гордость – грузинское вино! Но Мандельштам грешит при цитировании, в стихотворении Лермонтова «Спор», написанном в 1841 г., читаем:

Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин [8].

Неужели Мандельштам нарочно отказался от цитирования полной версии, чтобы «скрытое» не стало «явным», и то, что русский поэт твердит с таким пылом, на самом деле вполне намеренное осмеяние? А может, и высказанный в статье поэтический пиетет всего лишь часть комического в политическом дискурсе и маркер ментального отчуждения? Или это русская версия любви к грузинской культуре? Может, полный вариант поэтического образца Лермонтова содержит такие «по-грузински пьяные и пряные» стихи, которых Мандельштам не находит во всей грузинской поэзии? Посмотрим:

«Спорят две горы – Казбек и Эльбрус. "Берегись! – говорит Казбеку Эльбрус, – раз ты покоришься людям, они используют тебя, особенно многолюден и могуч Восток!" Но Казбек не боится Востока потому, что уже девятый век, как род людской там в глубоком сне. Вот маркеры этого «дряхлого Востока»: с одной стороны, пьяный грузин, а с другой – ирано-арабские империи. Но все мертвые, сонные, одурманенные... Зато Эльбрус указывает на странное движенье с Севера – это полки и батареи, которые движутся на Восток. Казбек грустным взором окинул окрестность, облако шапкой на брови надвинул и затих навсегда» [4].

Насколько безынтересным может быть поэтическая интенция Лермонтова (что это – предсказание, сожаление, либо радостный возглас?), поэтико-политическая (как ошибался Бродский, который часто повторял, что у поэзии и политики общего только начальные буквы «п» и «о»!) реальность такова: дряхлый, вином и гашишем одурманенный Восток бесплоден, пассивен и безопасен. Тот, от кого даже Казбек сторонится, Север или Россия.

Интересно, для чего Мандельштаму понадобилось инкорпорация этого стиха, притом с таким категорическим шлейфом? Отступлюсь от императивности (не имея подтверждения) и только предположу: Мандельштаму нужно было оправдать свой тезис о том, что Грузия абсолютно таинственно, загадочно, иррационально привлекла русских поэтов. Первый субъект – или же объект любви – персонифицируется в грузинской красавице, поющей о старой, печальной Грузии, напевы которой пушкинскому герою напоминают другую жизнь, другую женщину – Россию... («Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной»...). Второй – сладким вином («Пену сладких вин сонный льет грузин»...), а в доказательство привел слова двух первосортных русских поэтов – убиенных авторитетов – так, как ему вспомнилось и что ему вспомнилось! Это весьма похоже на его безапелляционный

норов: сказал, как бы доказал и головоломкой озадачил нас! Получается, два маркера грузинской эротики, подмеченные русским поэтом, – это женщина и вино. По правде говоря, кто отказался бы от такого эротизма? Никто, наверное. И русские (поэты) не отказываются!

Особое внимание заслуживает второй топос. Грузины любят его персонификацией потому (во всяком случае, еще не сталкиваясь с противоположным мнением), что та – их национальная святыня, и по той же причине (как всегда!) теряют бдительность! Это амбивалентный топос: очень похоже на наместника Воронцова (а не Воронцова-Дашкова), которого упоминает в статье Мандельштам: он одновременно сладок и горек, он и истина, и ложь – симультанно. Подразумеваю фразу, что свой грузинский миф, впервые провозглашенный Пушкиным, Лермонтов превратил в целую мифологию с мифом о Тамаре в центре. Это, действительно, открытие Мандельштама.

Но пушкинский миф о Грузии – действительно миф, во всяком случае, по приведенному Мандельштамом примеру («Не пой, красавица, при мне»...) – точно! Да и эту единственную строчку он использует в качестве приправы: протагонист стиха, который находится в «теплой Сибири», слушает песню грузинской красавицы о «печальной Грузии». Это напоминает ему другую жизнь и берег дальний. На фоне жестоких напевов протагонист видит и степь, и ночь, и черты далекой, бедной девы! Увидев грузинку, протагонист подчас забывает милый и роковой призрак, но стоит ей запеть, как перед героем вновь появляется вышеназванный призрак [9].

В компании Пушкина, расхрабрившись, Мандельштам и вправду верит, что Грузия – некая таинственная обольстительница, инструменты которой – своеобразная эротика и опьянение. Грузинский эрос – вот что притягивало русских поэтов, – утверждает он. Таким образом, могу предположить, что русского поэта пушкинского «грузинского мифа» заманивает Грузия, в силу чего Родина предается забвению. Кто виноват? Конечно же, Грузия с ее эротической и пьянящей культурой!

И «лермонтовская мифология» соткана из таких мифов, главный персонаж которой – Тамара, ни больше ни меньше. Культурный читатель – знаток поэзии Лермонтова – знаком, по меньшей мере, с двумя фигурами под этим именем. Одна из них – персонаж поэмы «Демон», а другая – одноименного стихотворения. Несмотря на то, что Тамара в обоих текстах – роковая соблазнительница, думаю, что Тамара мандельштамовского дискурса – это героиня стиха. Могу

подтвердить, вспоминая нарратив этого стихотворения (тем паче, что «Тамара» – баллада, и дает такую возможность!).

В глубокой теснине Дарьяла текла река Терек, на черной скале стояла старинная башня, где жила Царица Тамара: «прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла». Там сквозь туман полуночи блистал золотой огонек, который манил путника на ночной отдых. У Тамары даже голос был лукавый, похожий на голос перидеического существа в виде прекрасной девушки из персидской мифологии. На этот зов шли все, и перед ними отворялись двери: перед постелью стояли два кубка с вином. Ну, понятно: «сплетались горячие руки, уста прилипали к устам»... И всю ночь раздавались странные, дикие звуки, как будто сто юношей и девушек сошлись. Наутро опять воцарялось молчание, шумели лишь волны Терека, которые уносили мертвое тело любовника. В окне тогда что-то белело, и голос говорил – «прости!», «как будто восторги свиданья и ласки любви обещал» [10].

В русско-грузинских литературных кругах уже давно не спорят о том, что на конечную редакцию поэмы «Демон» решительно повлияло пребывание Лермонтова на Кавказе: впечатления от природы, жизни горцев, фольклор легли в основу многих произведений Лермонтова. Этим обусловлен, например, выбор имени героини – Тамара [11, с. 15–17; 12, с. 44–452].

Часть источников упоминает некую княжну или царицу Дарью [12]. Так или иначе, Лермонтов мог слышать такой вариант легенды, в котором имя Дарья (Дареджан) было заменено именем обожествленной в Грузии царицы Тамары.

Трудно говорить о том, насколько обращает (и должен обращать) внимание поэт на т. н. историческую правду (имею в виду самые распространенные и подтвержденные в нескольких источниках версии о каком-то факте либо явлении, тем более, что это – история не его родной страны!), когда он стремится к созданию эстетической действительности: поэтическая сущность Лермонтова была очарована духом легенды и неизвестная Дарья перевоплотилась в известную Тамару! «Мифология», созданная Лермонтовым, с Тамарой в центре удручающе и неоднозначно повлияла на последующее развитие русской литературы. Свидетельство этому – сам Мандельштам и его статья, опубликованная в 1922 г. Но существует еще стихотворение «Тамара и Демон», опубликованное в 1924 г., автором которого является В. Маяковский. Маяковский – тогда футурист, как

говорится, со стажем, – и тот наравне с другими согласен сбросить Пушкина и старых великих «с парохода современности». Неудивительно, что он не оставил без внимания лермонтовскую грузинскую мифологию и предложил пародию:

«Протагонист насмехается и над Тереком (он «поплеывал в реку с берега»), и над башней, и над культовыми именами тогдашней русской литературы – поэтом Есениным («Терек шумит, как Есенин в участке»), первым комиссаром просвещения Луначарским (Он Терек «соорганизовал», проездом в Боржоми), литературоведом Коганом (ему, как «предискусств», Терек не подчинится!) и т. д. Рефлексирующему протагонисту, наверное, вспомнилось, что он – грузин («Только нога ступила в Кавказ, я вспомнил, что я – грузин»), а после он стал горевать, что эту «дикость и выступления» он «променял на славу, рецензии и диспуты». Его «фирменный» голос («паршивый тон, но страшен силою ярой») был услышан Тамарой. Протагонист говорит напрямик, что ему начхать, царица она или прачка (более того: «стирка – в семью копейка, а с песен – какой гонорар?!»). Царица хватается за кинжал, но протагонист использует привычный для него «метод» обольщения: вежливо берет за руку даму и по-мужички спрашивает: «Сударыня! Чего кипятитесь, как паровоз?» Протагонист между прочим говорит, что слышал от некоего Лермонтова про нее, по словам которого, ей в страсти равных нет. Именно такой и представлял ее он. И под конец созревает отнюдь нескромное предложение: попросту любить друг друга, да так, чтоб «скала распостелилась в пух!» Он и от черта скрадет ее, и – от бога. Что до демона, это же фантазия из мифологии! Броситься в пропасть ему не страшно, не жаль даже, пиджак ободрать, а грудь и бока – тем более! А после идет, как говорит протагонист, история уже не для книг... и не для публики! Демон исчезает, а Лермонтов, презрев времена, временами гостит у «счастливой парочки». Стихотворение заканчивается обиходным кличем победоносного, довольного (вернее – удовлетворенного!) и гостеприимного протагониста: «Налей гусару, Тамарочка!» [13].

Понятно, что источник сатиры Маяковского – Лермонтов, а не история Грузии. Поэт не обязан думать об историческом прототипе. Кажется, что и Мандельштам не думает об исторической правде: он ссылается на стих Лермонтова, протагонист которого – олицетворение грузинской культуры или же, вообще, Грузии – красавица обольстительница. Мандельштам четко «учуял» и позиционировал Тамару, популяризованную Лермонтовым эту грузинскую Сирену, с таким же божественным голосом и коварством: признание ее «центральной

фигурой грузинского мифа» может порадовать грузина (он же – человек «семьи», а не – «семантики!»), но рассмешить культурного русского, а обе эти реакции могут поспособствовать созданию стереотипа. Не исключена рефлексия и такого типа: вот тебе и Грузия (реже: грузинская культура) – коварная и распутная красавица! Разомкни ее объятия, если хочешь в живых остаться! Лучше ее саму упрятать под землю!

Вот и подоспел «Квеври» – метафора грузинской культуры, по Мандельштаму, узкая глиняная амфора с вином, зарытая в землю! И это надо учесть: если, с одной стороны, мандельштамовская «амфора» – грузинская культура – с самой благожелательной точки зрения, символ самобытного развития, с другой – она олицетворяет изоляционизм – наиковарнейший и деструктивный среди отчуждений всех мастей. Можно обнадеживать себя только тем, что культурный изоляционизм сам по себе – нонсенс: с одной стороны, абсурд, а с другой – утопия!

А теперь нам пора возвратиться к началу, как говорит поэт, и назойливо спросить: на какую стратегию натыкаемся? Если не уличат меня в предвзятости и вражде с логикой, выскажу свое мнение. Русские акмеисты (бывшие акмеисты, под конец Мандельштам только их и чествовал!) должны «мучиться» «тоской по Европе», а грузинские поэты, чтобы не чувствовать себя в Пензе или Тамбове, как обозначил Мандельштам символы русской периферии, должны стремиться к Москве или Петрограду! Россия – вот Европа для грузин! Только она понимает ценностное значение грузинской культуры! Только она позаботится о ней! Только русскому художнику досадно, что не покроет его львиный рык всю эту суету сует, т. е. тогдашних маркеров грузинской культурной жизни: множество диспутов, ссор, банкетов, расколов...: «Вы не Запад и не Восток, не Париж и не Багдад...» и т. п. [4].

Тут заканчивается имперский дискурс Мандельштама. Начинается новый пласт: когда художник начинает рефлексировать о культуре, он всегда прав! И Мандельштам так прав, как никогда: грузинская культура – ни восточная, ни западная. О ней должны заботиться. В данном контексте метафора вина – самая подходящая: субстанция вина естественно развивается, сама, без влияния и воздействия. Так происходит с культурой, и это должны учесть. Мандельштам прав и в том, что освобождение от какого бы ни было свирепого влияния возможно не грубыми лозунгами, а с помощью высокохудожественных форм.

Но... Мандельштам как поэтического метра грузинские коллеги не признали... Надежда Мандельштам слышала, как восклицал Пао-

ло Иашвили: «Кто вы такой, чтобы нас учить!..», и от себя добавляла: «А ведь правильно – что за миссионерский пыл обуял Мандельштама, чтобы громить то, что он считал ересью, в чужой и незнакомой ему поэзии...» [14].

Причиной размолвки Мандельштама с грузинскими поэтами послужили отнюдь не поэтико-эстетические разногласия, а чисто человеческие слабости с политическим навесом.

Вот почему «разочаровались» Мандельштам и «голубороговцы» друг в друге и, так сказать, махнули рукой!

И Грузия – больше не эротическая обитель уснувшего поэтического либидо русского поэта: да, его тут обогрели, накормили, слушали на лекциях, напечатали, устроили дело с переводом... и т. п., однако лавровым венком, предназначенным для Бодлера, Рембо, Верлена и других, хотя бы – Бальмонта или Белого, не наградили! Эта боль и озлобленность вылилась в написанном им позднее по другому поводу: «Французику – шер мэтр – дорогой учитель, а мне – Мандельштам, чеши собак. Каждому свое!».

Мандельштам потом сожалел о случившемся (см. письмо от 25 июня 1928 г. сотруднице Госиздата П. Коробовой с просьбой «во что бы то ни стало выбросить из... “Шума времени” лишние тексты, в противном случае ему остается повеситься... и т. п.» [15, с. 97–98], но примирение не состоялось.

Как уверяют, время все лечит, и Мандельштам, параллельно с новым путешествием, приступил к креации своего «нового мифа». Этим «мифом» стала Армения.

Литература

1. Мандельштам, О. Стихотворения, переводы, очерки, статьи / О. Мандельштам. – Тбилиси: Мерани, 1990. – 402 с.
2. Цурикова, Г. Тициан Табидзе. Жизнь и поэзия / Г. Цурикова. – СПб.: Росток, 2015. – 451 с.
3. Табидзе, Т. Гастролер-чонтоли / Т. Табидзе // Рубикони. – 1923. – № 14. – С. 3–4.
4. Мандельштам, О. Кое-что о грузинском искусстве [Электронный ресурс] / О. Мандельштам. – Режим доступа: <http://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/public/o-gruzinskom-iskusstve.htm>. – Дата доступа: 01.06.2019.
5. Розанов, В. Апокалипсис нашего времени, Уединенное [Электронный ресурс] / В. Розанов. – Режим доступа: <http://iknigi.net/avtor-vasiliy-rozanov/54416-uedinennoe-vasiliy-rozanov/read/page-1.html>. – Дата доступа: 01.06.2019.

6. Некрасов, Н. «Еду ли ночью по улице темной...» [Электронный ресурс] / Н. Некрасов. – Режим доступа: <https://guroem.ru/nekrasov/edu-li-nochyu.aspx>. – Дата доступа: 01.06.2019.
7. Мандельштам, О. О природе слова [Электронный ресурс] / О. О. Мандельштам. – Режим доступа: https://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_264.htm. – Дата доступа: 01.06.2019.
8. Лермонтов, М. Спор [Электронный ресурс] / М. Лермонтов. – Режим доступа: <http://guroem.ru/lermontov/kakto-raz-pered.aspx#kakto-raz-pered.a1>. – Дата доступа: 01.06.2019.
9. Пушкин, А. Не пой, красавица, при мне... [Электронный ресурс] / А. Пушкин. – Режим доступа: <http://guroem.ru/pushkin/ne-voj-krasavica.aspx>. – Дата доступа: 01.06.2019.
10. Лермонтов, М. Тамара [Электронный ресурс] / М. Лермонтов. – Режим доступа: <http://guroem.ru/lermontov/v-glubokoj-tesnine.aspx>. – Дата доступа: 01.06.2019.
11. Гачечиладзе, А. «Демон» Лермонтова и грузинские сказания / А. Гачечиладзе // Литература да хеловнеба. – 1948. – № 38. – С. 15–17.
12. Андроников, И. Лермонтов. Исследования и находки [Электронный ресурс] / И. Андроников – Режим доступа: http://loveread.me/read_book.php?id=67242&p=76. – Дата доступа: 01.06.2019.
13. Маяковский, В. Тамара и Демон [Электронный ресурс] / В. Маяковский. – Режим доступа: <http://guroem.ru/mayakovskij/ot-etogo-terecka.aspx>. – Дата доступа: 01.06.2019.
14. Надежда Мандельштам. Книга третья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/229600-vospominaniya-kniga-tretya.html>. – Дата доступа: 01.06.2019.
15. Мандельштам, О. Собрание сочинений в четырех томах / О. Мандельштам. – М.: Арт-бизнес-центр, 1999. – Т. 4: Письма. – 591 с.

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО ЧЕРЕЗ АРТ-ОБЪЕКТ: ПРЕЗЕНТАЦИЯ АУТЕНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

И. В. Надольская

Минский городской институт развития образования,

ИОЦ «Наставник», пер. Броневой, 15А, 220034,

Минск, Республика Беларусь

e-mail: silva.i@yandex.by

В работе дано теоретическое обоснование арт-объекта и представлен практический опыт его создания в рамках обращения к декоративно-прикладному искусству. Подобная практика способствует сохранению традиций прикладного искусства, открывает иннова-

ционные способы презентации аутентичной культуры, формирует пути развития этнокультурной педагогической деятельности.

Ключевые слова: арт-объект, декоративно-прикладное искусство Беларуси, арт-морфология, арт-формообразование, арт-коммуникация, арт-ландшафт, ценности традиционной культуры, семиотика, семиотизация, символика белорусского герба.

ART OBJECT: PRESENTATION OF APPLIED ART AND AUTHENTIC CULTURE OF BELARUS

I. V. Nadolskaya

Minsk City Institute for Educational Development,
Bronevoj lane 15A, 220034, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: silva.i@yandex.by

The article gives a theoretical substantiation of the artistic object and presents the practical experience of its creation in the framework of the appeal to the arts and crafts. This practice serves to preserve the traditions of applied art, opens up innovative ways of presenting authentic culture, forms the ways of development of ethno-cultural pedagogical activity.

Key words: art object, decorative and applied art of Belarus, morphology of art, formation of art, artistic communication, artistic landscape, values of traditional culture, semiotics, symbolism of the Belarusian coat of arms.

Сохранение и развитие аутентичного прикладного искусства неизменно являются важными аспектами национальной самоидентификации, а его проблемное поле охватывает промыслово-ремесленную, образовательную и прикладную сферы. Успешная презентация национальной культуры в межкультурной коммуникации сопряжена с популяризацией прикладного искусства. Такой популяризации способствуют разносторонние культурные и образовательные программы. Существенным потенциалом обладает практика создания арт-объектов, доступная как подготовленным мастерам, так и широкому творческому кругу. В связи с этим актуальность презентации декоративно-прикладного искусства посредством арт-объекта не вызывает сомнения.

Научная новизна данной работы состоит в том, что арт-объект и сопряженные понятия структурированы в арт-коммуникации теоретически; одновременно приведен опыт практической реализа-

ции арт-объекта, успешно презентованного в конкурсной программе образовательного направления. Непосредственная цель – анализ феномена арт-объекта в этноспецифическом контексте художественных средств и образно-символического языка. Поскольку постановка вопроса о теоретических основах феномена арт-объекта имеет существенно более широкие рамки, нежели рассмотрение арт-объекта в контексте декоративно-прикладного искусства, то его можно обозначить в качестве локальной задачи.

Путем обобщения материалов различных авторов понятийно-терминологическую формулировку арт-объекта, а также принципы и характеристики, на которых базируется его создание, дает Л. Ю. Калинина. Она определяет арт-объект как произведение искусства, продукт синтеза искусств, и пишет: «Арт-объект создается не по правилам, базируется на принципах спонтанности, импульсивности, свободы; дает возможность зрителю увидеть привычное явление по-новому. Характеристики арт-объекта: соединение различных материалов, условная неэстетичность, необычность» [3, с. 238]. Расширил анализ и рассмотрел целый ряд творческих интенций, объединенных префиксом «арт-», В. К. Горожанкин. Смысловую организацию арт-предметов в пространстве арт-объекта автор связывает с термином «арт-морфология». Он поясняет, что этот метод переносит внимание зрителей на образно-смысловую идею арт-коммуникации. «Сфокусированные на средствах арт-коммуникации, арт-предметы многослойны и возвращают нас к формам “чистого искусства”, теперь уже требующих сюжетно-тематического моделирования их экспозиции», – пишет В. К. Горожанкин [2, с. 69]. Непосредственно арт-коммуникация – это посыл к осмыслению, постижению зрителем особого языка знаков и символов, смыслов и образов. Можно упомянуть, что в научном дискурсе междисциплинарная область исследований, в рамках которой изучаются знаки и знаковые системы, хранящие и передающие информацию, определяется как семиотика. Процесс семиотизации («ознаковления») представляет собой расширение смыслов через постижение иконографии – знаков, которыми и презентован текст искусства, он связан с процессом арт-формообразования. Арт-формообразование – это решающая стадия воплощения творческой идеи (концепции). В ходе этого процесса закрепляются как образное решение – та самая бессловесная выразительность, так и функциональные характеристики (для арт-объектов, разработанных в качестве дизайн-продукта).

Обращенный к практике прикладного искусства арт-объект может выступать инновационным способом презентации национальной культуры в современной межкультурной коммуникации. Помимо сохранения и популяризации аутентичных традиций, важно акцентировать, что декоративно-прикладное искусство обладает мощным, ярко выраженным языком, поскольку представляет собой культурный текст. Знаки и символы составляют саму суть произведений декоративно-прикладного искусства, его культурный код. Художественное произведение (в частности, арт-объект) обретает сюжетно-смысловую трактовку. Принимая во внимание локальную задачу, намеченную в работе, необходимо выделить особенности феномена арт-объекта в ракурсе декоративно-прикладного искусства. В соответствии с определением арт-объекта как произведения искусства и продукта синтеза искусств и его морфологией – художественными средствами декоративно-прикладного искусства, осуществляется формирование арт-предметов в их концептуальном синтезе.

Непосредственный выбор всех составляющих для любой творческой концепции индивидуален, определяется основной ее идеей, лейтмотивом. Рассмотрим конкретный пример, как с помощью визуальных составляющих от лейтмотива к совокупности символов выстраивается художественный текст.

Практическим примером арт-объекта, целью которого является этнокультурное воспитание, может выступить проект «Истоки» (его концепция была разработана автором настоящей публикации – *И. Н.*). Данный проект апробирован в 2018 г. в Минске на базе ДОУ № 567, возглавляемого Н. Д. Подобед. Проект получил диплом победителя в рамках конкурсной программы в поддержку декоративно-прикладного искусства «Край родной – источник вдохновения». Критерии оценки конкурсных работ формировались на основе разностороннего обращения к декоративно-прикладному искусству и содержательности идеи, раскрывающей тему малой родины. Как известно, 2018 и 2019 гг. проходят под эгидой «Года малой родины в Беларуси», что стимулирует осмысление темы в культурно-образовательном поле. Развивая в концепции идею «истоков» (малых точек на карте Беларуси), давших начало чему-то значимому, важно указать на деревню Костелище Сеннинского района Витебской области. Оттуда взял свои истоки орнамент белорусского флага, вы-

шитый на первом полотнище крестьянкой Матрёной Маркевич. Упущением было бы не обратиться к тому значимому культурному наследию, которым известен всему миру и сам Витебск – это родина Марка Шагала. Картина художника «Ангел, летящий над городом» послужила отправным мотивом визуального образного ряда: ангел летит над домами, оберегая покой людей, а город уступает место дубравам, где над деревьями парит аист – символ семьи и мирного неба. В этом сюжете четкое знаково-символическое отображение получил порядок духовно-нравственных ценностей, на которых базируется этнокультурное образование и духовно-нравственное воспитание. В широкой постановке вопрос («Родина как категория философского анализа») обстоятельно рассматривается в материалах Т. А. Чикаевой [6], которая выступает ответственным редактором сборника, всецело посвященного теме образа Родины в рамках ежегодной научной конференции, инициированной Московским промышленным институтом. Кратко и доступно для цитирования сформулировала духовно-нравственные ценности в традиционной культуре Т. И. Бакланова, более двух десятилетий разрабатывающая тему в этнопедагогике: «...прежде всего, Родина, родная природа, родной дом, семья, народ, народная культура, культурное наследие предков, народная мудрость, красота, творчество, труд...» [1, с. 264].

Совершенно очевидно, что все вышеперечисленное в арт-объекте, созданном средствами декоративно-прикладного искусства, может иметь визуализацию через знаки, символы и образы. В сюжетный ряд введены сцены обряда «дожинок»: жнеи вяжут снопы, музыканты – в узнаваемых народных костюмах, а природный пейзаж оживляют сцены с обитателями леса. Характеризуя идею, можно также отметить, что сам арт-объект напоминает древо, крона которого соответствует контурам белорусской карты, а ствол украшают символические элементы герба: колосья, цветки клевера и льна, а также васильки – ключевой элемент национального флорошифра. Теканая лента с вышитым орнаментом закреплена в той самой географической точке «истоков» и проходит объединяющей нитью через весь арт-объект, обвивая ствол до самого основания.

Пояснив арт-морфологию и арт-коммуникацию концепции, можно перейти к прикладной практике организации визуального ряда (арт-формообразованию). Сюжет сформирован как многомерная силуэтная композиция из однотонных насыщенно-красных элемен-

тов. Она организована на плоскости, контрастной по тону: это крона дерева, окрашенная сочно-зелеными оттенками. Можно внести небольшое пояснение, что цвета национального флага в данной концепции получили обратное соотношение. Это обусловлено логикой композиционно-образного строя – крона привычно воспринимается в зеленом цвете. Таким образом, зеленого, как фонового, значительно больше, чем красного.

Описывая практическую реализацию концепции, важно уделить внимание этапу изобразительной визуализации намеченной идеи. На практике такая визуализация осуществляется через поиск путей графической стилизации. Особенности этой работы на уровне подготовки студентов дизайн-направления анализирует А. В. Котышов [4]. Эскиз демонстрирует на практике попытку графической стилизации, предпринятую для данной концепции. Более детально «вопрос о грамотном создании арт-объекта как практического результата исследовательской деятельности магистров декоративно-прикладного искусства» изложен Н. А. Федоровской [5]. Однако напомним, что представленный в данных материалах пример арт-объекта реализовывался неподготовленными участниками. Цель образовательных инициатив подобного рода – поиски путей вовлечения широкой аудитории. В соответствии со спецификой, обозначенной автором статьи, для обмена опытом может быть предложена доступная неподготовленным исполнителям художественная стратегия, которая и была избрана. Речь идет об адаптированной доработке любых отвечающих идее изобразительных материалов из книг, журналов, цифровых источников. Составленный таким образом сюжетный ряд отчасти был воспроизведен в материале (плотный картон и фоамиран, техника вырубki и вырезки), а также замещен и дополнен готовыми резными деревянными элементами. Детали, которыми декорирован ствол, тоже были изготовлены, подобраны в соответствии с общей идеей: цветы клевера, льна и васильков выполнены путем 3 D-моделирования из фоамирана, предназначенные для флористики полимерные нити зеленой травы и колосья нескольких оттенков объединены сплетенным из соломки декором. Через разнообразные готовые арт-предметы были обозначены для ознакомления разные направления декоративно-прикладного искусства. Непосредственно затронуты такие значимые виды прикладного искусства, как вышиванка, вышивка, ткачество, резь, соломоплетение.

Подводя итоги, можно сказать, что поставленная в работе цель достигнута, и феномен арт-объекта получил теоретическое обобщение:

- приведены принципы и характеристики, на которых базируется его создание;
- на уровне арт-морфологии прослежены коммуникативная структура и образно-символический язык;
- выделены теоретические особенности феномена арт-объекта в ракурсе декоративно-прикладного искусства;
- раскрыт потенциал арт-объекта в популяризации декоративно-прикладного искусства.

Опыт работы подобного рода доказал свою эффективность, и в настоящее время автором апробируется реализация художественной концепции арт-объектов, обращенных к декоративно-прикладному искусству в ландшафте, а также непосредственно арт-ландшафтов.

Литература

1. Бакланова, Т. И. Народные художественные промыслы в преемственной системе русского этнокультурного образования / Т.И. Бакланова // Образование. Наука. Культура: материалы междунар. науч. форума (Гжель, 22 ноября 2017 г.) / ред. Б. В. Илькевич; отв. ред. Н.В. Осипова. – Гжель: Гжельский гос. университет, 2018. – С. 264–267.
2. Горожанкин, В.К. Арт-морфология архитектурной экспозиции / В. К. Горожанкин // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2018. – № 3. – С. 69–74.
3. Калинина, Л.Ю. Понятие «синтез искусств»: актуальные аспекты / Л. Ю. Калинина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 4 (17). – С. 236–239.
4. Котышов, А.В. Возможности графической стилизации в декоративно-прикладном искусстве / А. В. Котышов // Научно-методические и социальные аспекты психологии и педагогики; сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 10 апреля 2016 г.; Башкирский госуд. университет /отв. ред. А. А. Сукиасян. – Уфа: ООО «Аэтерна», 2016. – С. 256–258.
5. Федоровская, Н.А. Практическая деятельность как основа направления подготовки магистров декоративно-прикладного искусства и народных промыслов / Н.А. Федоровская // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 4-6. – С. 1224–1227.
6. Чикаева, Т.А. Родина как категория философского анализа / Т. А. Чикаева // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы I Всероссийской науч. конф., Москва, 20 мая 2016 г. /отв. ред. Т.А. Чикаева. – М.: МХПИ, 2016. – С 3–9.

**УКРАИНСКАЯ СИМФОНИЯ В КОНТЕКСТЕ
ЕВРОПЕЙСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ XIX–XX вв.**

А. С. Савченко

Харьковский национальный университет искусств
им. И. П. Котляревского, кафедра композиции и инструментовки,
Майдан Конституции, 11/13, 61003, Харьков, Украина
e-mail: 1anna2@ukr.net

В статье рассматривается развитие украинской симфонии в контексте европейской музыкальной культуры XIX–XX вв. Исследуются причины приоритетного положения вокальной/хоровой музыки в связи с особенностями менталитета украинцев. Рассматриваются образцы жанра симфонии в украинской музыке XIX в. на пересечении общеевропейского и национального культурных контекстов. Акцентируется роль Б. Лятошинского как основоположника украинской симфонической школы.

Ключевые слова: симфония, жанр, инструментализм, хоровая музыка, лирическое высказывание, менталитет.

**UKRAINIAN SYMPHONY IN THE CONTEXT
OF EUROPEAN MUSIC CULTURE OF THE 19th – 20th CENTURIES**

A. S. Savchenko

I. P. Kotlyarevsky Kharkiv National University of Arts,
Department of Composition and Instrumentation,
Constitution Maidan 11/13, 61003, Kharkiv, Ukraine
e-mail: 1anna2@ukr.net

The article discusses the development of the Ukrainian symphony in the context of the European musical culture of the 19th–20th centuries. The reasons for the priority position of vocal / choral music are investigated in connection with the peculiarities of the mentality of Ukrainians. Samples of the symphony genre in the Ukrainian music of the 19th century are considered at the intersection of the European and national cultural contexts. The role of B. Lyatoshynsky as the founder of the Ukrainian symphonic school is emphasized.

Key words: symphony, genre, instrumentalism, choral music, lyrical utterance, mentality.

К началу XIX в. в украинской музыке сложилась собственная оригинальная традиция хоровой музыки, уходящая своими истоками в музыкальную культуру Киевской Руси (в знаменный распев

как первый этап развития профессионального музыкального искусства). Имея точки соприкосновения с западноевропейской вокальной и вокально-инструментальной музыкой (не будем забывать, что тесные связи украинской культуры с культурой Европы в XV–XVII вв. обусловлены культурно-историческим контекстом), украинская хоровая музыка, представленная жанрами партесного и хорового концертов, является уникальным, самобытным феноменом, определяющим специфику всей украинской музыкальной культуры на многие столетия вперед. Ветвь инструментальной музыки в Украине получила развитие в среде полупрофессионального (бытового, любительского) музицирования, а также в профессиональной сфере, усилиями таких композиторов, как М. Березовский, Д. Бортнянский, которые ориентировались на образцы европейских инструментальных жанров.

Приоритетное положение вокально-хоровой традиции по сравнению с традицией инструментальной музыки вплоть до XX в. объясняется исходя как из интра-, так и из экстрамузыкальных посылок. В числе собственно музыкальных причин следует назвать исключительное значение для украинского православия знаменного распева как первой и долгое время единственной формы профессионального музыкального искусства, которая в лоно своей традиции инструменты, инструментальную музыку не допускала (в отличие от католического григорианского хорала, который изначально мирно сосуществовал с органом). Среди экстрамузыкальных причин немаловажную роль играют особенности украинского менталитета, который характеризуется доминированием эмоционально-чувственного начала над рационально-логическим и волевым, кордоцентризмом, религиозностью, традиционализмом, созерцательностью, самоуглубленностью, интровертностью, индивидуализмом, сосредоточением личности на своем внутреннем мире, на отношениях внутри небольшого круга близких людей, акцентированием лирического модуса мировосприятия, желанием жить по воле сердца [3].

Лирический модус мировосприятия как одна из доминант культурного мышления органично проявился в тех видах и жанрах музыкального искусства, для которых лирический род высказывания является основным. Это прежде всего вокальная и хоровая музыка, связанная со словом и человеческим голосом. Выскажем также предположение, что лирический модус мировосприятия определил актуальность до нашего времени в украинской музыкальной культуре

трактовки музыкального искусства как идущего «от сердца к сердцу», как осмысленного интонирования, эмоционально (а не только интеллектуально, что характерно для многих музыкальных произведений XX–XXI вв.), влияющего на слушателей/реципиентов. Музыка – это лирический в широком понимании вид искусства. В этой связи приведем высказывание известного украинского музыковеда Н. Герасимовой-Персидской в отношении творчества современного украинского композитора В. Сильвестрова: «Музыка Сильвестрова прекрасна тем, что она может нас сопровождать. А сопровождать нас способна только та музыка, которую можно даже напеть, потому что она владеет не только мелодией, а и интонацией. Наиболее радикальная... музыка наших дней (которую мы ни в коем случае не опровергаем!) обращена к идеям и концепциям огромного масштаба. Для интонации там просто не остается места. Это иной мир... Интонации там нет, ее там просто не может быть. Потому что интонация – это что-то близкое. А то – далекое. В музыке Сильвестрова есть интонация, притом она проявляется в той сфере, которую не можно не любить» [1, с. 6].

Сложившиеся позже знаменного распева партесный и хоровой концерты, которые возникли в лоне религиозной музыкальной традиции (хотя сфера их функционирования значительно шире и захватывает также светскую культуру), отвечали матрице менталитета украинцев. В свою очередь, инструментальные жанры профессиональной музыки, во-первых, изначально формировались как жанры светские, во-вторых, они предполагали построение определенной рационально-логической конструкции как иерархии многих параметров (формы, типа тематизма и способов его развития, типов фактуры, тонально-гармонического плана), что не в полной мере отвечало установкам менталитета. С блеском и легкостью готовыми жанровыми моделями европейской инструментальной музыки (концерт, концертная симфония, соната) оперируют в XVIII в. М. Березовский и Д. Бортнянский, овладевшие композиторским мастерством именно в Европе. Поэтому их инструментальная музыка репрезентирует скорее общеевропейский классицистский стиль, тогда как созданные ими хоровые концерты органично развили отечественную традицию духовной музыки.

В XIX в. эстетика романтизма актуализирует все специфическое, уникальное, которое прежде всего обнаруживается художниками в плоскости национального своеобразия. Не случайными поэтому являются попытки украинских композиторов создать националь-

ные образцы жанра симфонии, хотя эти попытки и немногочисленны. К ним относятся увертюры-симфонии М. Вербицкого (приблизительное количество от семи до двенадцати [2]), симфония a-moll М. Колачевского, симфония g-moll В. Сокальского, первая часть симфонии Н. Лысенко в качестве учебной работы в период пребывания композитора в Лейпцигской консерватории. Все они так или иначе апеллируют к опыту европейской музыки, опираются на определенные модели симфоний (преимущественно австро-немецких композиторов). Апробируются общеевропейские схемы построения композиции, драматургическая логика, способы развития тематизма, поиск же специфически национального осуществляется на интонационном уровне, что характерно для всех национальных композиторских школ, которые прошли путь становления в европейской музыкальной культуре в XIX в.

Так, Л. Корний указывает на то, что одночастные симфонии-увертюры М. Вербицкого по своей структуре близки оперным увертюрам Дж. Россини и В. А. Моцарта (сонатная форма без разработки, свободно трактованная) [2]. Таким образом, согласно исследователю, «в увертюрах-симфониях М. Вербицкого прослеживается определенная ориентация композитора на западноевропейскую музыку классического и раннеромантического стилей, а также использование галицко-украинских народных истоков, особенно часто коломыек и городской песни-романса» [2, с. 218].

В свою очередь четырехчастная симфония М. Колачевского, написанная композитором в 1876 г. в качестве дипломной работы в Лейпцигской консерватории, ориентирована на романтическую песенную симфонию. Очевидна апелляция композитора к лирико-жанровому типу симфонии, который к тому времени сложился в творчестве Ф. Шуберта и Ф. Мендельсона. На влияние последнего, в частности, его «Шотландской симфонии», указывает и Л. Корний [2]. Однако М. Колачевский создает не оригинальные темы, а в качестве тематизма избирает цитаты народных песен. «...Колачевский впервые в украинской симфонической музыке сумел органично соединить освоенные и ассимилированные достижения западноевропейской симфонической музыки с украинской народной песенностью и создать новое стилевое качество – украинскую романтическую симфонию с ярким народным колоритом» [2, с. 221]. Драматургия цикла симфонии украинского композитора бескон-

фликтна, основана на контрастировании лирических и жанрово-танцевальных образов. Использование народно-песенного тематизма обусловило доминирование экспозиционности над разработочностью, использование преимущественно вариантно-вариационных и полифонических принципов развития тематизма. В оркестровой фактуре преобладает метод колористического варьирования.

Симфония В. Сокальского *g-moll* также решена в ключе лирико-жанрового симфонизма. При этом, согласно Л. Корний, в строении ее четырехчастного цикла наблюдается сопоставление субъективного и объективного планов. Так, 1 и 3 части репрезентируют субъективный, а 2 и 4 – объективный способы высказывания [2]. В целом же в симфонии реализуется драматургия контрастного переключения, вследствие оперирования песенным тематизмом доминируют вариантно-вариационные и полифонические способы развития тематизма, хотя мотивно-разработочные принципы также композитором применяются [2].

Как видим, из сложившихся к XIX в. в европейской музыке типов симфонии (жанровая, драматическая, лирико-жанровая) украинские композиторы избирают лирико-жанровую модель. Это можно объяснить тем, что профессиональная украинская музыка XIX в. (также, как и другие виды искусства – живопись, литература, театр) развиваются в пространстве лирического модуса мировосприятия и под знаком лирического способа высказывания. Это обусловило тяготение украинских композиторов прежде всего к вокальным (сольным и хоровым) жанрам; интерес к народной песне и жанру обработки (что объясняется также влиянием эстетики романтизма); опору на песенную стилистику даже в инструментальных жанрах (о чем было сказано в связи с симфонией); органичное развитие малых жанров (вокальных и инструментальных), рассчитанных на камерное/лирическое/интимное музицирование; породило национальный вариант оперы как лирико-комического музыкально-драматического спектакля, преимущественно на лирико-бытовые сюжеты; последние же заняли прочную позицию в украинской живописи (пейзажной и портретной). В конечном итоге лирический модус мировосприятия и лирический способ высказывания как доминантные в украинской культуре и профессиональной музыке в какой-то мере замедлили развитие инструментальных жанров, инструментализма как типа мышления, который в основе своей имеет рационально-конструктивную логику.

Несмотря на достаточно интересное решение, отдельные образцы жанра симфонии в XIX в. не складываются в школу, традицию, хотя по мнению Л. Корний, «в творчестве современников Н. Лысенко сформировалась украинская национальная симфония романтического стиля» [2, с. 218]. Рассмотренные образцы дают уникальный опыт композиторам XX в., для которых инструментальное мышление и инструментальный тип высказывания становятся органичными, определяют композиторское сознание. К таковым относится Б. Лятошинский, который вместе с Л. Ревуцким считается основателем украинской симфонической школы (соответственно, лирико-драматической и жанровой разновидности симфонии). Действительно, Б. Лятошинский принадлежит к типу художника, для которого отсутствуют национальные, культурные границы, он мыслит в масштабах европейской культуры. Выявление национального не является его творческой задачей (как, например, для Л. Ревуцкого), национальное у него предстает пропущенным сквозь европейский музыкальный опыт, оно «встроено» в контекст современного европейского музыкального искусства. Ориентация на европейскую музыкальную культуру сказывается, прежде всего, в выборе жанров. Б. Лятошинский проявляет постоянный интерес к жанрам инструментальной музыки: он автор пяти симфоний, симфонической баллады «Гражина», симфонической поэмы «На берегах Вислы», Славянской увертюры, Торжественной увертюры, Славянской сюиты и Польской сюиты для симфонического оркестра, Сюиты для симфонического оркестра из музыки к кинофильмам. Из камерно-инструментальных жанров назовем четыре струнных квартета, два фортепианных трио, фортепианный квинтет «Украинский», сюиту на украинские народные темы для струнного квартета, сюиту для квартета деревянных духовых инструментов и другие инструментальные сочинения.

В своих симфониях Б. Лятошинский продолжал линию драматического, лирико-драматического симфонизма. При этом симфонизм как метод мышления, под которым понимается непрерывное сквозное развитие, стадийность, концентрированность музыкальной мысли, проникает у композитора в различные жанры. Тем самым мы можем говорить о симфонизации камерно-инструментальных жанров, оперы. Следствием влияния симфонизма есть динамизация музыкальной формы. Уже в экспозиционной зоне тематизм подвергается интенсивному развитию, разработки основаны на мотивном волновом развитии, трансформации тематизма, репризы мыслятся как вто-

рой этап разработки. С одной стороны, композитор стремится к слиянию разделов формы, что максимально динамизирует музыкальный процесс (особенно на грани разработки и репризы, внутри репризы). С другой, довольно часто композитор закругляет разделы формы, что свидетельствует о влиянии поэзных принципов, сложившихся в европейском симфонизме эпохи романтизма. Важным принципом, способствующим тематическому единству при постоянном обновлении тематического материала, является принцип сквозного тематизма, который также отсылает к опыту романтиков.

Основным драматургическим принципом во многих сочинениях Б. Лятошинского, в том числе и в симфониях, является принцип контрастного переключения, сопоставления. Динамизация формы, акцентирование ее процессуальности говорит о действии логики драматургии цели. Симфониям (и другим инструментальным сочинениям композитора) присуща яркая образность, столкновение полярных, конфликтных начал, экспрессивное высказывание.

Разворот в сторону инструментализма можно объяснить и «дозреванием» инструментального типа мышления в самой украинской профессиональной музыке, и извне, исходя из культурного контекста – изменением/сломом в культурной ситуации в начале XX в. в европейской культуре, когда традиционные ментальные установки украинцев, привычные связи и зависимости подвергались трансформации под воздействием новой системы ценностей (главенствующие позиции в которой заняли технократизм, утилитаризм, практицизм).

Подводя итоги, отметим, что переработка и переосмысление европейского опыта, синтез общеевропейского и национального на разных уровнях организации художественного целого заложили основы непрерывного развития жанра симфонии в украинской музыке в XX–XXI вв.

Литература

1. Герасимова-Персидська, Н. О. Передмова / Н. О. Герасимова-Персидська // Валентин Сильвестров. Дочекатися музики. Лекції-бесіди. – Київ: Дух і літера, 2011. – С. 4–13.
2. Корній, Л. Історія української музики. Частина третя. XIX ст. / Л. Корній. – Київ; Нью-Йорк: Видавництво М. П. Коць, 2001. – 480 с.
3. Савчук, Б. Українська етнологія / Б. Савчук. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2004. – 559 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Н. Ю. Фролова

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: frolovanu@bsu.by

В статье рассматриваются проблемы подготовки специалистов в области дизайн-образования. В настоящее время в нашей стране происходят процессы модернизации профессионального образования, и это требует приведения образовательного процесса в соответствие с современными запросами общества. Анализируется опыт работы кафедры коммуникативного дизайна БГУ в формировании проектного мышления у студентов-дизайнеров.

Ключевые слова: профессиональное дизайн-образование, компетентный подход, концептуализация проектного мышления.

SOME PROBLEMS OF DESIGN EDUCATION AND WAYS TO SOLVE THEM

N. Ju. Frolova

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: frolovanu@bsu.by

The article examines problems that occur during the training process of the specialists in the area of design-education. Nowadays, in our country, modernization processes of professional education are taking place and it influences the educational changes that modern society is requesting now. The work analyses the experience of the BSU communicational design chair in the formation of design-students' thinking.

Key words: professional design education, competent approach, conceptualization of project thinking.

Currently, the professional education in our country is being modernized. Thus, the main task of education is to bring the educational process in compliance with the modern demands of the public. Modern society requires "innovative learning" that would develop students' skills of design work, their creativity, and professional knowledge in various spheres. This means the update of all aspects of the educational process – its content and forms, the emergence of new educational techniques and prac-

tices. A university professor becomes not so much a carrier of scientific information, but an organizer of cognitive and scientific activities of students, their independent work, and, most importantly, unlocks the students' creative potential.

Modern society imposes a lot of competence requirements on a graduate designer. The modern manager wants the employee to have skills associated not only with the graduate's professional activities, but also with other areas. In addition, graduates should strive for self-development, improvement of their qualifications and skills, be able to critically evaluate their own strengths and weaknesses, look for ways and choose means of self-improvement; realize the social importance of their profession, and have a high level of motivation to perform professional work. However, modern education does not provide an opportunity to embrace all levels of training and prepare a student for problem solving at such a level. Today, it is not clear how the development of these skills should be introduced into the educational process, and how it would influence the choice of the content, methods and forms of the pedagogical process. The study of conference materials and our own pedagogical experience make it possible to highlight some problems in modern professional training of designers.

Firstly, nowadays the boundaries of values are vague in the society, which makes it difficult for a young person to build his/her value orientations. Therefore, there is a discrepancy between the goals of professional education and the general level of the society's development. Consequently, the underdeveloped aesthetic taste of the public and a potential customer leads to the blurring of distinction between the professional and unprofessional designer's work.

Secondly, modern design students are focused rather on a good salary and measure their success only by material income, forgetting about the social importance of their profession. Many students do not choose their future profession consciously, taking this occupation up only because it is considered to be fashionable and prestigious.

Thirdly, one of the problems of modern design education is that professors cannot work individually with each student, revealing their potential. This is due to the commercialization of the professional training of design students and, as a result, a large number of students in groups for special disciplines. Today, interdisciplinary links are poorly developed; theoretical and practical courses are separated from each other; term and diploma projects do not aim at solving socially important problems of the society.

It is impossible to solve all problems of higher education, yet some of them can be solved using a competency-building approach. It implies orienting the students and content of studies in professional education to the results that are objectively required in certain professional activities. Currently, a new paradigm of professional education is formed. The task is to ensure that the graduates have qualifications required by the modern market that they are competitive and can adapt to changing market requirements.

University professors should strive to match the content of the educational process to the realities of modern society, while not losing the educational factor and understanding their responsibility for the future specialists. This requires special coordination when giving tasks in special disciplines and assignments for term and diploma projects. Only in this case it is possible to prevent students from turning into a set of competencies and to ensure that they develop as individuals and professionals. To this end, it is necessary to work out a methodology and uniform requirements for the performance of tasks in special disciplines and projects, while forming the environment that promotes personal and professional development of the student. It is especially important to create conditions for self-fulfillment of design students. It is necessary to simulate professional designer's activities in the framework of educational process and develop project thinking in students. The main thing in this process is to build individual educational strategies for students.

The Communication Design Department of the Belarusian State University has developed a system of design disciplines interaction where all disciplines are integrated. This designer training model is presented in the book "Conceptual Design" by O.V. Chernyshov. The technique "provides fundamental training of Bachelors of Design that is aimed at profound learning of the project methodology in general, at understanding the logic of design and systematic thinking with its procedures of theoretical analysis of problem situations and their content analysis; technique for development of ideal design solutions and their artistic and figurative embodiment in an aesthetically relevant form; forecasting of socio-economic and cultural consequences of the functioning of a material design product in the structure of the society, etc. This enhances the conceptualization of the future designer's thinking, its reflectivity and creativity, and helps students form a more holistic vision of the problem field where they are going to work as professionals" [3, p. 54].

One of the most important factors of this methodology is an integrative nature of projects, where students should demonstrate their

knowledge in the studied disciplines and fully implement this knowledge. In the modern sense, project-based learning is a fairly flexible model of learning process organization that is focused on student's self-fulfillment.

We should point out that the method of project-based learning has developed historically and naturally in professional education of designers. Similarly, the process of design by the student passes through the stages of pre-design and design study that are reflected in the analytical note. Then, based on the analytical note conclusions, a matrix is created as basis for the formal and objective images of the future project. Only after this, artistic and design solutions are searched for. The result of this logical sequence is a design solution of the future product in the form of graphic visualization and conditional model. This kind of project activity develops the student's skills and creates conditions for a professional and creative relationship between the professor and the student.

This technique has been tried and tested within the educational process of the BSU Communicational Design Department. As a result of this work, dozens of successful term and diploma projects were created. However, it is necessary to point out some shortcomings of the project-based learning, namely: insufficient students' ability to theoretical work, generally low level of cultural training, weak motivation, and impossibility to implement projects in real life.

However, when working on projects, students become more active and interested in the results, carry out professional designer work, apply their knowledge in various disciplines, and have the opportunity to fulfill their creative potential and propose a new solution to modern problems. Exhibitions and competitions of creative projects made by students of the Design Department of the Belarusian State University create a favorable environment for the development of students' professional and personal competencies.

Thus, we have noted there are problems in the professional education of designers that need to be addressed today. The aforementioned problems can be solved based on the individual approach to training and application of a competency-building approach. For this purpose, we suggest using the project method in the professional education of designers. This method provides great opportunities for application of knowledge gained by the student, demonstrates a universal approach to analysis, and gives the student an opportunity of self-fulfillment in real projects. The application of the project method in the professional education of designers requires further theoretical development and search for ways of its sensible use in the practice of professional education.

References

1. Faktorovich, A.A. Teaching Activities of a Higher Education Professor in the Modern Context / A.A. Faktorovich // Pedagogika. – 2010. – № 5. – P. 103 – 107
2. Chernyshov, O.V. Design Education: New Model for Professional Training of Designers / O.V. Chernyshov. – Minsk: Propilei, 2016. – 280 p.
3. Chernyshov, O.V. Conceptual Design: Practice of Developing a Basic Model and Academic Support for Professional Training of Designers in the Republic of Belarus / O.V. Chernyshov. – Minsk: EGU, 2004. – 152 p.

ЧУАНЬБЭЙСКИЙ ТЕАТР ТЕНЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС, ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ, МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ло Чаопэн

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
факультет культурологии и социокультурной деятельности,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь
e-mail: btpervii@gmail.com

Чуаньбэйский театр теней – одно из основных направлений искусства театра теней провинции Сычуань и одно из главных сокровищ народной культуры Китая. В процессе своего развития Чуаньбэйский театр теней испытал влияние даосских религиозных ритуалов, фольклора, народного изобразительного искусства и театральной драмы сицуй. Чуаньбэйский театр теней широко распространен за пределами Китая, но его состояние на родине катастрофически ухудшается.

Ключевые слова: Чуаньбэйский театр теней, художественные особенности, современное положение, компаративный анализ.

CHUANBEY SHADOW THEATER: HISTORY, CHARACTERISTIC FEATURES, CULTURAL INTERACTIONS

Lo Chaopen

Belarusian State University of Culture and Arts,
Faculty of Culturology and Sociocultural Activity,
Rabkorovskaya st. 17, 220007, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: btpervii@gmail.com

Chuanbei shadow theater is one of the main trends in the art of shadow theater in Sichuan province and one of the main treasures of Chinese

folk culture. In its development, Chuanbei Shadow Theater experienced the influence of Taoist religious rituals, folklore art and theatrical drama Xiu. Chuanbei shadow theater is widely practised outside of China, but in the homeland its condition is deteriorating dramatically.

Key words: Chuanbei shadow theater, artistic features, current situation, comparative analysis.

Китайский театр теней получил широкое распространение в эпоху Сун (960–1279 гг.). В этот период представления теневого театра стали более частыми, теневой театр из сельской местности перебирается в города, а вырезанные фигурки начинают покрываться краской. Известно, что до династий Мин (XIV–XVI вв.) не существовало разделения теневого театра на направления по территориальному признаку, представления ставились лишь в районах, где располагались сами труппы. Однако в XVI–XVIII вв. этот вид искусства был уже хорошо развит, многие коллективы стали переходить с места на место со своими выступлениями, популяризировать свои труппы, вырабатывать и демонстрировать свои отличительные черты. Именно тогда и стали разграничивать различные направления. До настоящего времени «в китайском театре теней выделяют два направления – северное и южное. Их представителями являются Луаньчжоуский и Чуаньбэйский театры соответственно» [1, с. 267].

Согласно исследованиям Цзян Юйсяна, до сих пор еще не обнаружено записей или же археологических находок, доказывающих, что до эпохи Цин (XVII в.) в провинции Сычуань уже существовал театр теней. Его историю устойчиво можно проследить лишь с позднего периода правления династии Цин под девизом «Цянлун» (конец XVIII в.). К правлению династии Цин под девизом «Цзяцин» (1796–1820 гг.) и в последующие годы здесь постепенно сложилось три вида театра теней: Чуаньбэйский театр теней, театр теней фонаря и театр теней бумажного фонаря Чэндун.

На эпоху Цин приходится расцвет сычуаньского театра теней, который отличался простым лаконичным древним произношением, оригинальным стилем, довольно большим размером фигурок, сложностью устройства, сильным колоритом южной культуры. «Обычно у одной марионетки было одиннадцать сочленений, а в Сычуаньском театре их было четырнадцать, кроме того, головные уборы кукол отсоединялись, на предплечье, ладонях и пальцах фигурок были соединения, обеспечивающие их вращение» [2, с. 49].

Сычуаньский театр теней делится на два направления – восточное и западное. Второе из них распространено на западе провинции Сычуань, на Чэндуской равнине. Его представителем является Чэндуский театр теней фонаря. Его фигурки были примерно 40–80 см в высоту, имели сложное строение и пропорциональное телосложение. В вырезаемой отделке он в основном заимствовал идеи у Сычуаньской оперы. Узоры получались детальными и лаконичными. Артистов, создающих представление, было довольно много. Они управляли фигурками и параллельно пели. Восточное направление подразделялось на два течения: театры теней восточной и северной частей горных районов Сычуани. Представителем второго из них был Чуаньбэйский театр. Он является довольно ранним театром теней, появившимся в этой провинции. Рост его фигурок приблизительно составляет 30 см, большинство из них изображено при помощи прямых линий. Они отличаются детальностью своей резьбы. В образцах гримов используется утрирование, акцент делается на характере героев, особое внимание уделяется изображению глаз.

Чуаньбэйский театр теней в зависимости от художественного стиля кукол, стадии развития можно разделить на три вида: «коренной» Сычуаньский театр теней, «пришлый» театр и театр фонарей Вана. Куклы в них бывают трех размеров: большие, маленькие и средние. Размер самых больших достигает более двух чи (1 чи = 1/3 метра), в народе их называют «божества-хранители главного входа». Рост средних фигурок от 1,5 до 1,8 чи, они получили название «божества-хранители внутренних ворот». Самые маленькие марионетки были очень изящными, их длина составляла 0,8 чи, их именовали «божества-хранители малых ворот».

Говорят, что «коренной» Сычуаньский театр теней существовал еще до эпохи Цин, зародился и развивался в данной местности. Длина его кукол была около 50 см. «Они изготавливались из толстой кожи, разукрашивались в довольно темные цвета, имели круглый дугообразный подбородок. Резьба была примитивной, узоры вырезаны довольно грубо, реквизита было немного, образцы гримов были реалистичными, лица были сплошными, без вырезанных на них ажурных орнаментов, головы и головные уборы можно было отсоединять» [3, с. 98]. Марионетки получались довольно топорными, ими было неудобно управлять во время выступления.

«Пришлый» театр также именуется как «театр фонарей Шэньси», или «Вэйнаньский театр теней». В годы правления династии

Цин под девизом «Цянлун» артист театра теней по имени Ян Эрбэнь из уезда Вэйнань провинции Шэньси от голода давал уличные представления, добрался до деревни Хуайшу уезда Сичун (Сычуань), обосновался там, обзавелся семьей, стал показывать представления Вэйнаньского театра теней. Его куклы были размером от 8 цуней (1 цунь \approx 3,33 см) и до 1 чи, их называли «божества-хранители малых ворот». Фигурки вырезались очень детально, были гибкими и удобными, а сценическое мастерство отточенным. Через театр теней люди приобщались к наукам и искусству. Он распространился на территориях северной части провинции Сычуань. Его расцвет пришелся на годы правления династии Цин под девизом «Даогуан».

Театр фонарей Вана был основан артистом Ван Вэнькунем из уезда Ланчжун (Сычуань). Он соединил в себе «коренной» Сычуаньский, «пришлый» и Чэндуский театры теней, позаимствовал все лучшее у костюмов сычуаньского театра. Это направление получило свое название по фамилии основоположника. Длина его фигурок около 1,5 чи, у них присутствовала детальная вырезка, куклы очень живые, линии четкие и свободные, цвета яркие и гармоничные, композиция законченная. Каждая фигурка – это изящное художественное произведение.

Современный Чуаньбэйский театр теней – это фактически адаптированный Вэйнаньский театр. Они похожи по форме, но отличаются по содержанию. Этот вид искусства использует мотивы сычуаньской оперы, артисты управляют марионетками и параллельно поют. «“Коренной” Сычуаньский театр и театр фонарей Вана переняли у жителей древнего округа Ба (Сычуань) и цунов (малая народность, проживающая на территории уезда Цюйсянь, округ Дачжоу, провинция Сычуань) природную настойчивость и храбрость, их нравы, танцы и другие этнические особенности и традиции подверглись влиянию истории и местных обычаев. В основном ставили пьесы военной тематики, которые отличались мощным грубым стилем» [4, с. 102]. В «пришлом» же театре в основном демонстрировали гражданские пьесы. Сюжеты Чуаньбэйского театра теней очень разнообразны, многие основываются на таких произведениях, как «Божества», «Повести о странном из кабинета Ляо», «Путешествие на Запад», «Речные заводы», а также на народных сказках. Кроме того, в его репертуаре были фрагменты сычуаньской оперы и новых современных пьес. Этот вид искусства обладал ярко выраженным национальным колоритом.

Куклы Чуаньбэйского театра теней обычно содержали 11 сочленений. Они были довольно большого размера, голова и головной убор могли разъединяться, как и тело с головой. Марионетки часто изготавливались из коровьей кожи. «Процесс их производства состоял из следующих этапов: выбор материала, растягивание кожи, выпаривание из нее влаги, очищение, растирание шкуры, раскройка, удержание влаги, вырезание и покраска. Работа по созданию фигур была очень тонкой, детальной, требовала от мастеров высокого уровня мастерства. Вырезая узоры, придерживались правила начинать со сложных мест, после приступать к простым. В первую очередь вырезались внутренние и внешние уголки глаз и глазницы, после остальная часть образца грима. Затем создаются узоры на одежде – длинные линии, получаемые при использовании резца, далее с помощью различных инструментов для проделывания отверстий пробиваются рисунки. За вырезанием следует полировка фигурок специальным пестиком. В конце они кладутся между двумя досками под пресс, чтобы предотвратить высыхание и изменение формы» [4, с. 147].

В Чуаньбэйском теневом театре количество артистов обычно варьируется от трех до пяти человек (один кукловод, остальные музыканты). Артист, показывающий представление, может руководить одной или несколькими куклами сразу. Он управляет ими при помощи трех палок и узловых линий на сочленениях (на теле фигурок обычно их несколько), заставляя их выполнять действия, необходимые по сюжету, например, привести в порядок головной убор, воротник, засучить халат, подать воду, зажечь огонь. Они выглядят очень реалистично. Помимо управления фигурками, кукловод должен также озвучивать различных героев.

Среди трех палок, при помощи которых управляют куклами, одна является основной, две другие вспомогательными. Суть их использования заключается в следующем: «Приводят в движение голову, позволяя ей кивать и махать из стороны в сторону. Руки могут дрожать, тянуть, толкать и класть что-либо. Это все благодаря искусному управлению вспомогательными палками. Основная же приводит в движение тело, заставляя его опускаться и поднимать голову, сгибаться и выпрямляться, а также сидеть. Ноги обычно стоят, идут или поднимаются. Куклы выглядят очень реалистично благодаря высокому мастерству артистов». Так описывает этот процесс в работе «Указания по управлению куклами театра теней» мастера

Чуаньбэйского театра Син Чжанфу. Благодаря тому, что сычуаньские артисты передавали мастерство из поколения в поколение, внимательно изучали его и непрерывно совершенствовались, они смогли научиться в мельчайших деталях передавать через экран мысли и чувства различных героев.

Чуаньбэйский театр теней был популярен на протяжении многих веков. Его представления активно ставились в таких городах и деревнях, как Наньчун, Сичун, Наньбу, Ланчжун и Илун. До образования Китайской Народной Республики в 1949 г. его основными целями было принесение жертв богам, развлечение населения, оказание поддержки в сложных ситуациях, поздравление с различными радостными событиями. В женских монастырях исполнялись пьесы для «мольбы духам и исполнения обетов за исполнение просимого». Театр теней был важным гостем на таких традиционных праздниках, как Китайский новый год (приурочен к зимнему новолунию по завершении полного лунного цикла, состоявшемуся после зимнего солнцестояния (между 21 января и 21 февраля), праздник чистого света (Традиционный праздник поминовения усопших предков (отмечается на 15-й день после весеннего равноденствия), праздник начала лета (праздник драконовых лодок, или праздник двойной пятерки, приходится на пятый день пятого месяца по лунному календарю), праздник середины осени (примерно соответствует второй половине сентября), а также на свадьбах и похоронах. Для того чтобы просить богов о процветании людей и домашнего скота, большом урожае в театре теней были специальные представления: «спектакли рисовой рассады», «пьесы о дожде», «пьесы о богатом урожае». После образования КНР для Чуаньбэйского театра теней настал благоприятный период. Он стал развиваться и совершенствоваться. В это время в районе бассейна реки Цзялинцзян (левый приток Янцзы) было более двадцати любительских трупп театра теней.

В мае 2006 г. Государственный совет КНР утвердил предложенный Министерством культуры первый список нематериального культурного наследия государственного значения (всего 518 объектов). Традиционный китайский театр занимал в нем первое место, всего 92 позиции, среди которых было немало театров теней из различных районов. Тем не менее Сычуаньского театра в списке не оказалось. Это было связано с тем, что к началу XXI в. он пришел в упадок и люди перестали придавать ему какое бы то ни было значение.

По итогам собрания артистов театров теней, кукольных театров и других уличных представлений, созванного партийным комите-

том, представителями административных органов северной части провинции Сычуань в 1951 г., было выяснено, что в 36 уездах (городах), находящихся в ведении северной части провинции Сычуань, насчитывается более 145 трупп театра теней. В 1987 г. по приблизительным оценкам их уже было 69. Сегодня есть лишь несколько по-прежнему функционирующих коллективов. Среди них труппа Хэ Чжэнтуна из уезда Наньбу и театры Ван Бяо и Ван Гана из уезда Ланчжун. Трудно поверить в то, насколько быстрыми темпами сокращается их количество. Частота проведения представления сегодня также не сравнится с предыдущими временами.

Критическое положение Чуаньбэйского театра теней, как и всего китайского теневого театра в целом, связано с появлением и распространением новых медиа (телевидение и интернет), которые постепенно вытесняют традиционные искусства из общественного сознания, и в первую очередь молодежного. Театр теней больше не используется для мольбы об урожае или отвращении бедствий, благодарственных жертвоприношений, исполнения обетов богам, в колдовских и религиозных целях. Крайне редко приглашают артистов с выступлениями на празднование важных семейных и общественных событий.

Сегодня театр теней стал популярным коллекционным экземпляром. С одной стороны, это хорошо, потому что поддерживается интерес к традиционной культуре, а с другой – эта тенденция имеет негативные последствия. Этот вид искусства воплотил в себе изысканную художественную резьбу, красивую музыку и долгую историю. Но без участия в представлениях фигурки театра будут лишь изящными художественными изделиями, ценными, но безжизненными. Они станут дорогим редким экспонатом. Правительство должно прилагать больше усилий для борьбы с этим явлением, артисты также могут принимать активное участие в сохранении аутентичного наследия. Они должны сообща бороться с торговцами памятниками материальной культуры, которые заполучают сундуки с реквизитом театра теней обманным путем или за небольшие деньги.

Для развития и сохранения Чуаньбэйского театра теней требуется комплексный подход, многовекторная программа мер и действий: исследование, сбор, систематизация наследия теневого театра; организация фондов и устойчивых источников финансирования; нормативная защита; аутентичные техники создания фигур

и организации выступления театра теней; усиление информирования о нематериальном культурном наследии; обмен опытом внутри страны и за ее пределами; организация фестивалей китайского теневого театра; активная работа теневого театра с детьми и молодежью для передачи опыта следующим поколениям.

Перспективным является создание бренда Чуаньбэйского теневого театра, внедрение его в современную культурную индустрию. В этой связи, положительным опытом приспособления Чуаньбэйского теневого театра к современным реалиям является труппа учеников Ван Вэнькуня, которые после смерти мастера реформировались и преобразовались. В 2006 г. «семейная театральная труппа Ван Вэнькуня» представила публике новый репертуар: «Чжан Фэй допрашивает арбуз», «Черепаша и журавль», «Соревнование в беге между черепахой и зайцем», «Бабочка играет с мартышкой», «Чжу Бацзе ест арбуз». В этих пьесах были обновлены стиль выступления и музыкальное сопровождение, рядом со «сценой» были установлены два экрана, на которых отображались реплики героев. Программа этого театра была очень живой, а содержание незамысловатым, что пришлось по нраву широкой зрительской аудитории. Театральная труппа делает упор и на туристов. Ей удается соответствовать требованиям путешественников благодаря тому, что она в некоторой степени изменила традиционную форму представлений, и в основном предлагает вниманию публики ярчайшие фрагменты традиционных выступлений.

Литература

1. Цзян, Ю. Китайский театр теней / Ю. Цзян. – Чэнду: Сычуаньское народное издательство, 1991. – 313 с. = 江玉祥.中国影戏. – 成都:四川人民出版社, 1991. – 313页.
2. Лун, Ю. Китайский театр теней – красота амплуа цзин / Ю. Лун, К. Ван // Вестник Суюхуаского университета. – 2006. – № 4. – С. 38–50. = 龙云飞, 王凯宏.中国皮影艺术 – 净角之美. – 绥化学院学报. – 2006. – 第4. – 38–50页.
3. Вэй, Л. Анализ образов китайского народного театра теней / Л. Вэй // Вестник Хэбэйского педагогического университета (Философия и общественные науки). – 1998. – № 7. – С. 98–100. = 魏力群.中国民间皮影造型考略.河北师范大学学报(哲学社会科学). – 1998. – 7期. – 98–100页.
4. Хао, Т. Одна фигурка из кожи исполняет тысячи ролей – Чуаньбэйский театр теней / Т. Хао // Сычуань сегодня. – 1996. – № 2. – С. 102–147. = 昊天, 一张牛皮演绎千古事 – 漫说川北皮影. – 今日四川. – 1996. – 2期. – 102–147页.

ФЕНОМЕН «НОВОГО ЦИРКА»: АНАЛИЗ ИННОВАЦИЙ

В. Г. Кашуба

Киевский национальный университет
театра, кино и телевидения им. И. К. Карпенко-Карого,
ул. Ярославов Вал, 40, 010154, Киев, Украина
e-mail: vladgrek616@gmail.com

В статье рассмотрен феномен «нового цирка», сформировавшегося в представлении западных ученых на основе опыта канадского Цирка дю Солей. Путем сопоставления с украинской и советской цирковой традицией проанализированы на предмет новизны отличительные свойства и факторы «нового цирка»: гибридность, театрализация, зрелищность, высокая исполнительская техника, наличие профессиональной школы и т. д.

Ключевые слова: «новый цирк», украинский цирк, цирковая школа, Цирк дю Солей.

«NOUVEAU CIRQUE» FENOMENON: INNOVATION ANALYSIS

V. G. Kashuba

Kyiv National I. K. Karpenko-Karogo Theatre, Cinema
and Television University, Yaroslaviv Val 40, 010154, Kyiv, Ukraine
e-mail: vladgrek616@gmail.com

The article considers Western scientists' comprehensions about the "new" or "contemporary circus" based on the Canadian Circus du Soleil experience. By comparing with the Ukrainian and Soviet circus arts tradition, the distinctive features and factors of the "new circus" – "hybridity", theatricalization, spectacularity, high artistic technique, the emergence of circus arts training etc. – were analyzed for whether they really present any novelty.

Key words: contemporary circus arts, nouveau cirque, Ukrainian circus arts, circus arts school, Circus du Soleil.

«Новый цирк» (contemporary circus, или nouveau cirque) стал предметом оживленного обсуждения среди западных знатоков отрасли с начала 2000-х. Сущность новации анализируют с разных позиций R. Sugarman (2002), P. Tait (2004–2007), E. Albrecht (2006), L. Leroux (2014), E. Filho, P. Aubertin & B. Petiot (2016), N. Rantisi & D. Leslie (2011–2019) и многие другие авторы. Какими же качествами характеризуется «новое»? Очевидно, к ним необходимо отнести «гибридность» (синтез жанров и введение элементов других

искусств), театрализацию (наличие сюжета и режиссуры в постановках), зрелищность (повышенное внимание к дизайну костюмов, художественному оформлению, освещению, эффектам и т. д.), совершенство исполнительской техники, открытие цирковых школ и тому подобное. Существенным признаком является также отказ от номеров с животными в спектаклях.

Сущность инноваций, однако, нуждается во внимательном рассмотрении, а именно с позиции их новизны. Актуальность такого анализа очевидна не только с точки зрения восстановления исторической справедливости. *Целью* исследования стало главным образом привлечение внимания теоретиков и практиков цирка к тем приемам и наработкам, которые не только обеспечили процветание цирка в бывшем СССР, но и доказали свою эффективность в условиях рыночной экономики. В этом контексте *задание* состоит в раскрытии сущности «инноваций», принимаемых на Западе за достижения «нового цирка»; в коррекции представлений об их происхождении – как в территориальном, так и в хронологическом аспектах. Этим объясняется выбор *метода* ретроспективного сравнительного анализа, позволяющего выявить истинность или ложность новаторства тех или иных приемов и практик. *Новизна* материала состоит в попытке рассмотреть составляющие успехов «нового цирка» сквозь призму исторического анализа, выяснить их истоки, чему в научной литературе уделено мало внимания. Научная ценность проявляется в актуализации и переосмыслении опыта многих десятилетий отечественной цирковой отрасли. Это может быть полезно в выборе форм развития и применения наработок нашего цирка в свете новых экономических условий, чем объясняется *практическая ценность* исследования.

Пишу для аналитики дали успехи Цирка дю Солей (Cirque du Soleil), созданного в Канаде в 1984 г. В западной научной литературе он признан изобретателем и образцовым носителем «гибридного» [10, с. 408], «нового цирка» в противовес цирку «традиционному», что приходит в упадок (см. Bros. Ringling, Barnum & Bailey и др. [9]).

Успех этого предприятия во многом зависит от его уникального творческого процесса и от способности находить баланс между творчеством и коммерцией. К такому выводу приходят N. Rantisi & D. Leslie, называя Цирк дю Солей «моделью инновации в Канадском пространстве» [8, с. 257]. В последние годы, по мнению авторов, такой баланс был нарушен из-за связанной с разрастанием корпорации вертикализацией бюрократической структуры. Как следствие –

чрезмерный контроль, ограничение творческого пространства, уход значительной части творческого персонала.

Впрочем, так ли нов принцип баланса между творчеством и коммерцией? Советский деятель цирка Ф. Бардиан подчеркивал его важность еще в начале 1980-х, описывая работу эксплуатационного звена «Союзгосцирка» – артистического конвейера. Руководство всесоюзного циркового объединения понимало, что планирование программ и организация их ротации лежит одновременно в творческой и экономической плоскостях, поэтому для обеспечения баланса к процессу, кроме администраторов и экономистов, привлекали штатного режиссера и бывших актеров, хорошо знавших творческую составляющую номеров и аттракционов конвейера [1].

В целом «инновационность» канадских изобретений требует проведения тщательного анализа. Практически все они, кроме разве что отказа от дрессированных животных, в той или иной степени традиционны для украинского цирка, восходящего корнями к восточноевропейскому, советскому цирку.

Так, новшеством считают «перекрестное опыление» между различными цирковыми жанрами (воздушным, акробатикой, жонглированием и клоунадой), а также между ними и смежными искусствами (танец, театр, музыка) [8, с. 257]. Однако такого рода взаимодополняемость жанров и искусств издавна практиковалась на территории бывшего СССР. Поэтому комплексный подход к подготовке артистов цирка, которым обязательно преподают эстрадные дисциплины (те же танец, музыку, пение) и актерские (сценическая речь, актерское мастерство и т. д.), и более того, дают основательную теоретическую подготовку по истории и теории театра, цирка и эстрады и т. д., уже давно (с 1961 г.) традиционен для украинской цирковой школы в частности и советской (с 1927 г.) в целом.

Результатом такого подхода к образованию, а также поощрения творческой инициативы артистов и режиссеров закономерно стало непрерывное изобретение новых жанров. С одной стороны, за счет усложнения трюков и обогащения их несвойственными им элементами. С другой – вследствие совмещения не только цирковых, но и смежных искусств, дисциплин и сфер. Так появилось множество оригинальнейших сочетаний: эквилибр с акробатикой и воздушным полетом, дрессура с иллюзионом, жонгльж с эксцентрикой и очень многое другое. Именно у нас были изобретены новые формы представлений – цирк на льду и цирк на воде [5].

Важным фактором, способствовавшим инновациям, считают финансовую поддержку цирка местными властями Квебека и Монреала [8, с. 257]. Государственное финансирование – безусловное новшество для западных коллег, для украинского цирка было данностью изначально, со времен основания советского цирка в 1919 г. [1]. Именно благодаря особой заботе государства о цирковом искусстве оно «достигло невиданного расцвета» [6, с. 94].

То же касается и циркового образования, которое, по словам французского историка цирка Д. Жандо, стало «первым – и немаловажным – вкладом советского правительства в укрепление цирка». Восторгаясь ГУЦЭИ, «поразительные успехи которого налицо», Д. Жандо еще в 1970-х высказывал надежду, что Запад возьмет пример с СССР в вопросах государственной поддержки цирка и внедрения профессиональных школ, чтобы западный цирк смог «подняться» до уровня советского [6, с. 94–96]. В итоге «уникальное» [10, с. 408] открытие первой в Америке Национальной цирковой школы (National Circus School (NCS) или École nationale de cirque) в канадском Монреале, официально аккредитованной с 1995 г., произошло, по свидетельству бывшего гендиректора «Росгосцирка» А. Калмыкова, путем заимствования опыта Московских ГИТИСа и ГУЦЭИ [7], образовательная концепция которых является общей и для соответствующих украинских заведений: Киевской академии – сейчас, а когда-то училища эстрадного и циркового искусств, Киевского национального университета театра, кино и телевидения им. И. Карпенко-Карого с его отделением цирковой режиссуры. А побудила канадцев к этому наглядность успехов наших выпускников, их высочайшая квалификация, издавна служащая «фирменным знаком» отечественного цирка. Преобразование NCS в вуз в 1999 г. считается (и действительно есть) большим вкладом в профессионализацию цирковой специальности и в признание за ней статуса дипломированной профессии [10, с. 408]. Вместе с тем уже в 1970-х, вскоре после открытия в ГИТИСе отделения цирковой режиссуры, в советском цирке многие артисты и режиссеры имели не только высшее образование, но и кандидатскую ученую степень [4].

Такие признаки «нового цирка», как сюжетность спектаклей, их театрализация, наличие режиссерского замысла, тоже стали открытием для западных критиков и исследователей цирка, так, словно бы они никогда не видели программ восточноевропейских коллег. С полным на то основанием один из корифеев ГУЦЭИ З. Гуревич пи-

сал: «Помимо высокого мастерства, помимо оригинальности трюков и номеров советский цирк отличает от западного и совершенно иной стиль самого представления. Подобно тому как разные инструменты в оркестре воспроизводят единую музыкальную тему, так и творчески смонтированные цирковые номера рождают многоголосую мелодию циркового спектакля. Термин «цирковой спектакль», еще недавно неприменимый к цирку, в последнее время встречается все чаще и чаще. И произошло это потому, что в создании представления стали участвовать режиссеры, художники, композиторы, литераторы, подчиняя свою работу единому творческому замыслу, единой теме» [5].

Нельзя сказать, что роль восточноевропейской традиции в утверждении «нового цирка» осталась совсем уж незамеченной западными учеными. Так, Р. Шугармэн упоминает об этом, но вскользь и эпизодично, концентрируясь более на том, как артисты, эмигрировавшие из бывшего СССР после перестройки, пытались приспособиться к новым для них реалиям в США, а не на переданном ими опыте профессионального обучения и постановок, да и в целом концепции цирка как искусства. В один ряд он ставит и вклад китайских артистов, несомненно важный, но несопоставимый по масштабу влияния с советским [11, с. 438].

Согласно этому автору, первые проявления «нового цирка», связанные с отказом от традиционного для США трехманежного представления, восходят к 1960–70-м гг. Он связывает их с возникшей перед цирком необходимостью конкурировать с более зрелищными кино, телевидением и тематическими парками [11, с. 439]. В то же время вне поля зрения остался факт, что именно в это время американцы знакомятся с гастролирующими советскими представлениями, которые слишком выгодно отличались от привычных им шоу, показав потенциал постановочного, высокопрофессионального шоу [2].

Вероятно, на Западе об этом просто успели забыть? Ведь с начала 1990-х, с разбалансированием конвейера «Союзгосцирка» зарубежные гастроли практически прекратились [7], тогда как во времена расцвета (1970–1980-е) до 30 советских программ постоянно курсировали по пяти континентам [1; 2]. Интересно, что за рубежом тогда артистизм и театральность нашего цирка иногда были даже предметом критики [6, с. 96]. Но чаще, все-таки, – восхищения: «[Советский цирк] намного лучше любого другого цирка, виденного нами, тем, что здесь весь спектакль задуман и срететирован как

одно художественное целое, а не подобно нашим представлениям, где показываются подобранные второпях и, как правило, в последнюю минуту, отдельные номера, к тому же, не равные по качеству», – цитирует английскую прессу З. Гуревич [5].

Вторит ему и Ф. Бардиан, называющий приход дипломированных режиссеров одним из самых важных завоеваний отечественного цирка. С их деятельностью он связывал лучшие творческие достижения: возросший художественно-культурный уровень представлений, постановки пантомим-феерий и сюжетных спектаклей, создание программ-коллективов, новаторство в стиле и т. д.: «Западная пресса справедливо отмечала, что буржуазный цирк отстает в художественном отношении от советского цирка потому, что в нем нет режиссера. А одна из лондонских газет указывала на то, что цирк в СССР находится в руках государства в благоприятных условиях и поэтому он развивается успешно» [1].

Акцент на зрительной эстетике шоу (костюмах, свете, спецэффектах) [8, с. 259], в чем видят один из факторов «революции» в отрасли, тоже не назовешь чем-то новым для типового восточноевропейского цирка, стандартно укомплектованного художественной и постановочной службами. Д. Жандо отмечал, что в советском цирке «огромное внимание уделяется оформлению номера», что зрителям показывают «отлично поставленные тематические представления». Свидетельства Д. Жандо не менее лестны относительно оборудования и художественного оснащения. Так, Московский цирк на Ленинских горах, построенный в 1972 г., был охарактеризован им как «ультрасовременное здание <...> оборудованное по последнему слову техники». Особо впечатлило его «потрясающее нововведение» – «система телескопических манежей: под манежем находится гидравлический домкрат; в нужный момент манеж уходит вниз, а его место на подъемнике занимает один из четырех других манежей, стоящих на рельсах. Эта система позволяет заменить обычный манеж <...> водяной ареной с фонтанами и подводным освещением, ледяной ареной или полом с двойным дном для иллюзионистов! На всю операцию уходит не более трех минут!» [6, с. 95].

Хотя, конечно, невозможно сравнивать бюджеты: один только костюм в Цирке дю Солей может стоить 20 тыс. долларов, а на постановку уходят миллионы, что позволяет привлечь знаменитых дизайнеров мира. В этом, действительно, «новый цирк» дает фору даже централизованному государственному финансированию, ко-

торое в нынешних условиях оскудело до минимума [7]. В то же время недостаток средств часто стимулирует изобретательность и компенсируется проявлением таланта.

Поскольку высокое мастерство исполнения – действительно важная предпосылка успеха циркового представления, отнесенная к факторам «нового цирка», Цирк дю Солей прикладывает много усилий в этом направлении. Кроме уже упомянутого открытия цирковой школы, предпринимаются и другие шаги. Так, в Москве ожидается открытие стационарной площадки этого цирка, чему особенно противится местная цирковая общественность. Действительно, повод для беспокойства оправдан не столько появлением конкурирующего шоу, – Москва способна «переваривать» не один их десятков одновременно – сколько тем, что перенимание опыта «новым цирком» продолжится уже в непосредственном контакте, что не без основания расценивается как посягательство на ноу-хау, среди которых тот же цирк на льду [3].

Таким образом, как показывает анализ, новое в который раз оказывается хорошо забытым или (ненароком?) неопознанным старым. То, в чем усмотрено пионерство цирковедами развитого Запада, на самом деле – почти столетняя наработка и достояние восточноевропейского, и в том числе украинского, цирка, прямо примененного западными коллегами. Так случайность ли, что кадровой основой [7] Цирка дю Солей, чьи выдающиеся достижения (в отличие от новаторства) несомненны, стали артисты с постсоветского пространства?

Литература

1. Бардиан, Ф. Г. Организация и планирование циркового производства: учеб. пособие / Ф. Г. Бардиан. – М.: ГИТИС, 1981. – 89 с.
2. Бардиан, Ф. Г. Советский цирк на пяти континентах / Ф. Г. Бардиан. – М.: Искусство, 1977. – 206 с.
3. «Вам не стыдно?» Запашный против «Цирка дю Солей» и миллиардера Гучериева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aqqarat.info/news/2018/12/17/9092175->. – Дата доступа: 10.05.2019.
4. Ганжа, А. Цирк в культурной политике позднего СССР [Электронный ресурс] / А. Ганжа. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/86720->. – Дата доступа: 10.05.2019.
5. Гуревич, З. Б. О жанрах советского цирка: учеб. пособие [Электронный ресурс] / З. Б. Гуревич. – Режим доступа: <http://istoriya-cirka.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st002.shtml>. – Дата доступа: 10.05.2019.

6. Жандо, Д. История мирового цирка / Д. Жандо. – М.: Искусство, 1984. – 137 с.
7. Калмыков, А. Состояние и перспективы развития современного циркового искусства России [Электронный ресурс] / А. Калмыков // Радио «Эхо Москвы». Эфир 19.07.2012. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/razvorot/910384-echo/>. – Дата доступа: 10.05.2019.
8. Leslie, D. Deskilling in cultural industries: Corporatisation, standardisation and the erosion of creativity at the Cirque du Soleil [Electronic resource] / D. Leslie, N. Rantisi. – Mode of access: <https://www.deepdyve.com/lp/elsevier/deskilling-in-cultural-industries->. – Date of access : 10.05.2019.
9. Passy, Ch. Ringling Bros. Shutdown: The end of the circus industry? [Electronic resource] / Ch. Passy // Wall Street J. – 2017. – January, 16. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/ringling-bros-shutdown-the-end-of-the-circus->. – Date of access: 10.05.2019.
10. Rantisi, N. Significance of higher education institutions as cultural intermediaries: the case of the Ecole Nationale de Cirque in Montreal / N. Rantisi, D. Leslie // Canada Regional Stud. – 2015. – № 49 (3). – P. 404–417.
11. Sugarman, R. The new circus: The next generation / R. Sugarman // Journal of American and Comparative Cultures. – 2002. – № 25 (3/4). – P. 438–441.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА БАРОККО И ГРЕКО-КАТОЛИЦИЗМА В ИКОНОПИСИ БЕЛАРУСИ XVII в.

А. В. Мончак

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: aleksandramonchak@gmail.com

Статья посвящена иконописи Беларуси XVII в. Автор прослеживает эволюцию иконописи этого времени. Отмечается, что на белорусскую иконопись существенное влияние оказали греко-католицизм и эстетика барокко. В икону XVII в. проникают элементы светской культуры, этнические мотивы.

Ключевые слова: иконопись, культура Беларуси XVII в., греко-католицизм, барокко.

THE INFLUENCE OF THE AESTHETICS OF BAROQUE AND GREEK CATHOLIC CHURCH ON THE ICONOGRAPHY OF BELARUS IN THE 17th CENTURY

A. V. Monchak

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, Minsk, 220108, Republic of Belarus
e-mail: aleksandramonchak@gmail.com

The article focuses on the iconography of Belarus of the 17th century. The author traces the evolution of icon painting technique of this time. It is noted that Greek Catholic Church and Baroque aesthetics had a significant influence on Belarusian iconography. Elements of secular culture, ethnic motives penetrate the icon of the 17th century.

Key words: iconography, Belarusian culture of the 17th century, Greek Catholic Church, Baroque.

XVII в. – одна из самых сложных, противоречивых, но и в то же время одна из самых величайших культурно-исторических эпох как в истории белорусской культуры, так и в европейском социокультурном и политическом пространстве. Это период секуляризации культуры и мышления, начало формирования национальных языков и идентичности, время государственных и религиозных войн, исключением из которых не стала и белорусская земля. На фоне такой сложной социально-политической обстановки происходило распространение новой религии – греко-католицизма.

Новая церковь оказала существенное влияние на характер и содержание культуры Беларуси XVII в. Следует отметить подъем литературы, новую ступень развития переводческой деятельности, кириллического книгопечатания, пробуждение школьного дела, появление научных исследований, внедрение национального языка в религиозную сферу, что способствовало снижению безграмотности населения. Кроме того, происходит углубление международных контактов, белорусское искусство наполняется новыми смыслами, на формирование которых оказала влияние философия и эстетика барокко.

Среди трансформаций, которые происходили с разными формами культуры, искусством в частности, следует назвать иконопись, развитие которой в этот период было тесно связано с философией греко-католицизма.

В X–XIV вв. восточнославянскую иконопись во многом определяло византийское искусство, которое в XVI–XVII вв. теряет свое доминирующее значение. Но сказать, что белорусские мастера полностью отказались от византийских веяний нельзя, они заимствуют возвышенность и одухотворенность в передаче образов, но отказываются от отчужденности, подражания стилевых решений.

В становлении униатского иконописания принято выделять следующие этапы: раннеуниатское искусство (конец XVI – первая половина XVII в.); барочный период (середина XVII – первая половина

XVIII в.); поздний униатский период (вторая половина XVIII – начало XIX в.) [3, с. 128].

На первом этапе униатские иконы еще мало отличаются от православных. Однако позже мы видим, как постепенно византийские веяния начинают вытесняться. Иконы наполняются стилистическими решениями нового художественного направления барокко. В первой половине века наблюдается интерес к окружающему миру, в работах начинают проявляться реалистические элементы. Это видно по детальной передаче одеяний, новым цветовым решениям, в передаче образов в целом. Отличительной особенностью униатского искусства выступает применение орнамента, узора.

Самыми ранними датированными XVII в. иконами являются «Мать Божья Одигитрия» и «Христос Вседержитель» города Житковичи Гомельской области. Красочная передача одеяний, неординарная цветовая гамма, иной подход в передаче лиц святых – присущие этим работам черты. Во всей композиции прослеживается отход от традиций древнерусской иконописи и ярко ощущается дух барокко. Черты нового направления можно проследить в орнаментации.

Единственным произведением XVII в., сохранившим имя автора, является икона «Рождение Матери Божьей» 1649 г., размещавшаяся до 1918 г. в Успенской церкви в Могилеве. Эта икона была выполнена Петром Евсеевичем из Голынца. В ней живописец, учитывая расположение изображенных объектов по отношению друг к другу, умело, на наш взгляд, смог передать перспективу. На заднем плане художник изобразил окно арочной формы, в котором видны контуры дома. Поражает то, как мастер передал небо. Вместо того, чтобы изобразить его в синих, голубых, белых оттенках, автор выбрал позолоченные растительные узоры.

Икона Петра Евсеевича отличается разноречивостью структуры, цветовой палитры, техники. В ней прослеживается связь старых традиций живописи с новыми элементами, ощущается стремление к познанию окружающей действительности.

Желание передать глубину образов, присущее барокко, можно проследить в иконах «Преображение», «Покров», «Успение», «Рождение Матери Божьей», «Целование Иоакима и Анны. Благовестие Анне».

Дух барокко еще сильнее проявляется во второй половине XVII в. Мастера с большим интересом отображают быт народа, разного рода житейские ситуации, человеческие чувства. В их произведениях ощущается стремление к величественности.

Кроме этого, возрастает роль демократизма в живописи. Лики святых часто напоминают простых людей. Некоторый примитивизм, скорее даже наивность образов, дополняется поэтичностью, лиричностью, вызывают чувство взволнованности. Примером могут служить шедевры Петра Евсеевича.

Если мы обратимся к таким памятникам иконописи, как «Успение» (Кричев) и «Павел» (Могилевская область), то можно заметить, что художественная техника становится более схематичной, несколько грубоватой по сравнению с первой половиной XVII в.

Важная роль в иконописании не только белорусского, но и других народов отводится их символическому значению. Каждый знак в иконографии выступает символом. Особое место, даже первостепенное, в системе барочной живописи придается свету и цвету, несущему семантическое наполнение. Так, например, в иконописании особая роль отводится желтому цвету: это «метафора Божественного присутствия, небесного света, вечности и благодати» [2].

Своим смысловым наполнением обладают белый, синий, голубой, зеленый и красный цвета. Так, например, белый является символом чистоты, святости. И в основном, им изображаются пеленки, крылья ангелов, одеяния. Синий – это символ тяготения всех форм материи к Богу, символ надземного пространства, а вот голубой символизирует чистоту и моральную добродетель. Использованные зеленые оттенки символизируют согласованность, связь с божественным, а коричневые говорят о недолговечности человеческой жизни. Особая роль отводится красному цвету. Он имеет несколько значений. Например, символ добровольного жертвования, мученичества, страдания Христа во имя людей. Часто Дева Мария изображается облаченной в одежды такой расцветки, что повествует о предначертанной ее судьбе.

Помимо цветовой палитры, символическое значение придается бытовым деталям, жестам. Изображенные на иконах дома и другие постройки символизируют созидательную силу (например, иконы «Рождество Богоматери» 1649 г., «Успение», «Покров», «Рождество Богоматери» 1648–1650, «Целование Иоакима и Анны. Благовестие Анне» и др.). Представленный в работах кувшин с водой (например, работа «Рождество Богоматери») символизирует крещение, чаша – причащение. Короны, в которых изображены Мать Божья и младенец, выступают символом профанного и небесного могущества, восхваления и победы. Например, икона «Богоматерь Одигитрия (Крупецкая?)»

Очень многое нам могут рассказать жесты. Часто на иконах мы видим святых, у которых рука прижата к телу в области сердца, что говорит о том, что он «преуспел в сердечной молитве», это символ сердечного сопереживания [4]. Примером является икона «Успение».

Стоит обратить внимание и на то, что при передаче образов художники не изображали тени. Это можно объяснить тем, что Царство Небесное, или Мир горний, – это место, где господствует дух, свет, бестелесность, там нет места теням. Предметы, отображенные на иконах, порождены Светом, а не освещены им.

Таким образом, мы видим, что в XVII в. в рамках белорусской национальной школы иконописи живописцы не отступают от религиозных канонов, но вместе с тем вносят и новые детали. Это видно по предметам, переданным образам, прототипом которых оказываются простые люди, по архитектуре, внутреннему убранству храмов, что свидетельствует о проникновении в иконопись светских мотивов. В работах второй половины века мы также видим неповторимые, присущие только белорусской живописи черты: проникновение демократизма, грубоватая передача образов.

Литература

1. Высоцкая, Н.Ф. Іканапіс Беларусі XV–XVIII стагоддзяў / Н.Ф. Высоцкая. – Мінск: Беларусь, 1992. – 236 с.
2. Жуковская, Д. Символика света и цвета в русской иконописи [Электронный ресурс] / Д. Жуковская // Историк. – Режим доступа: <http://www.historicus.ru/800/>. – Дата доступа: 27.04.2019.
3. Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) / С. В. Марозава; пад навук. рэд. У. М. Конана. – Гродна, ГрДУ, 2001. – 352 с.
4. Православие и мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/>. – Дата доступа: 27.04. 2019.

ИМАГИНАЦИЯ ЖИЛЯ ДЕЛЁЗА

Э. А. Усовская

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: elina-rain@mail.ru

В статье раскрываются смыслы понятия имажинации в культур-философии Ж. Делёза. Внимание уделяется проблеме генезиса има-

гинации и роли, которую она играет в постмодернистском дискурсе. Имагинация как творческое воображение представляет собой способ познания мира, снимающий оппозицию рациональное-чувственное.

Ключевые слова: Делёз, имагинация, деконструкция, творчество, рациональное, перцепция.

IMAGINATION OF DELEUZE

E. A. Usovskaya

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, Minsk, 220108, Republic of Belarus
e-mail: elina-rain@mail.ru

The article reveals the meaning of the concept of imagination in the cultural philosophy of J. Deleuze. Attention is paid to the problem of the genesis of imagination and the role that it plays in postmodern discourse. Imagination as a creative imagination is a way of cognizing the world, removing the rational-sensual opposition.

Key words: Deleuze, imagination, deconstruction, creativity, rational, perception.

Исследования Жюль Делёза охватывают ряд самых важных и актуальных проблем, среди которых не последнее место занимает и имагинация. Мы не найдем у французского ученого системного изложения этой проблемы. В то же время смыслы, которые он вкладывает в имагинацию, помогают понять сущность его взглядов, направленных, как нам представляется, на развенчание традиционных, мыслимых в духе модерна (модернити, эпистемологической системы Нового времени) идей, связанных с рационализмом, гегелевской диалектикой, субъективностью и многими другими вопросами. Имагинация в этом отношении есть некий способ преодоления логоцентризма, говоря словами Жака Деррида, одновременно выступающий в качестве метода познания и творческого мышления.

Концепт имагинации формируется на основе преодоления диалектики отрицания Гегеля в пользу творчества, «утверждающего и созидającego стиля мышления, свободного от отрицания» [1, с. 25]. Место диалектики, которая «выступает в роли посторонней воли, ведущей к триумфу реакционных сил», подчиняет жизнь и ее ограничивает [2, с. 25], занимает множественность, плюрализм и становление. Здесь тезисы Делёза вторят позиции Ницше и отражают

программные установки постмодернизма, несмотря на позиционирование французским философом своего учения как «трансцендентального эмпиризма».

Имагинация Делёза близка и понятию имагинации, активно используемой в исследованиях культуры, а также в психологии и психиатрии. Сам термин принадлежит советскому философу, переводчику, филологу Я. И. Голосовкеру, который рассматривал имагинацию-воображение в качестве одухотворяющего начала в культуре. Он писал: «Воображение, имагинация, и есть тот дух, который спасает культуру от вакуума мира и дает ей одухотворенность. Поэтому торможение воображения, торможение его свободы познания (да, познания!) и творчества всегда угрожает самой культуре вакуумом, пустотой» [3, с. 15]. Понимание ценности и сути имагинации Голосовкером имеет точки пересечения с мыслями и интенциями Делёза и ждет своего исследования.

В психологии имагинации уделяется большое внимание как, в частности, методу, с помощью которого можно проникнуть в глубинные пласты бессознательного в психике на основе создания образов, наглядных представлений (имагинативная психотерапия К. Г. Юнга). В символдраме имагинация играет роль основы для продуцирования образов на свободную или заданную тему; переживаемые образы могут свидетельствовать о скрытых потребностях личности, ее внутренних конфликтах и аффектах.

В этом плане на интерпретацию имагинации Делёзом оказали влияние, как нам представляется, его дружба и совместная творческая деятельность с Феликсом Гваттари, который возглавил так называемую антипсихиатрическую клинику «La Borde». Делёз и Гваттари в труде «Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип», как и в других сочинениях, ставили вопрос о возможности человеческой/личностной субъективности, идентичности, подвергнув резкой критике эдипов комплекс, выявив все те же буржуазные, репрессивные, по их мнению, основы фрейдизма.

Рассмотрение человеческой субъективности неотъемлемо от проблемы человеческого познания и мышления: существует ли нечто до сознания, мышления, индивида, и как мыслит индивид? Это далеко не весь перечень вопросов, интересующих мэтров постмодернизма в аспекте субъективности. Делёз и Гваттари стремятся снять границу между внутренним и внешним мирами, размыть водораздел, отделяющий внутреннюю и внешнюю стороны человеческого

существования (внутреннее и внешнее «Я»), апеллируя к свободному шизоиду, шизоанализу, образу тела без органов. Данные концепты, с нашей точки зрения, создают ассоциации с пространством, полем перманентно меняющихся смыслов, которые возможно постичь с помощью восприятия – образного мышления, имагинации. С одной стороны, эти образы уже существуют, и человек «пользуется» предзаданными образами, что подтверждает невозможность самостоятельности субъекта. С другой – индивид не лишается возможности выбора смыслов и образов, возможности создавать собственные миры.

Имагинация в данном отношении – и образность, и процедура восприятия как считывания, проникновения в смыслы, в жизнь в ее проявлении и становлении. Поэтому известный антисубъективизм Делёза не означает отсутствие личности как таковой, а скорее, предполагает возможность и даже необходимость выбора субъектом смыслов, которые, очевидно, составляют поле множественности, различий. Смыслы различны, отличны друг от друга, изменчивы, когда вступают во взаимодействие. Точно также, как и человек, лишается на время своей персональности, субъективности, когда вступает в диалог с другим человеком или внешним миром: чтобы понять их, он вынужден «примерить» на себя их позиции, взгляды, проявить эмпатию, трансформировать собственное мировосприятие, создать иные, отличающиеся от собственных, образы. Поэтому «Я» не может быть идентичным самому себе, с точки зрения Делёза.

На концепцию имагинации Делёза повлиял, очевидно, и Жильбер Симондон, взгляды которого затрагивали разные области знания – медиасферу, техническую и социально-гуманитарную, в том числе и психологию. Для Симондона огромное значение имеет становление – индивидуация как перманентный процесс, актуализирующий различия. Д. Скопин, обращаясь к исследованию Анны Сованьярг [4], виртуозно осуществившей компаративный анализ концептов Делёза и Симондона, констатирует, что «индивидуация есть процесс актуализации различий, который у Симондона получает название “разуподобления” (disparation), а у Делёза именуется «дифференциацией» (см. “Различие и повторение”» [5]. Близким к делёзовской имагинации является понимание Симондоном образного мышления, фактически имагинации. Восприятие многих феноменов связано с образами, присутствующими в сознании человека изначально. Образ лежит в основе как чувственного, так и рацио-

нального познания. И Симондон, и Делёз не противопоставляют перцепцию и рассудок. Образ наделяется исключительно важной миссией: он является пересечением чувственного мышления и разума, он существует до восприятия и после него, хранится в памяти и служит основой для воображения. При этом воображение «перестает быть простой функцией по производству картин или их оживлению в памяти. Оно ответственно также за “прием” образов и раскрытие их смысла. Образы наполняют воображение, становясь воспоминаниями, однако им суждено инкорпорироваться заново во внешнюю среду, стать частью процесса становления» [5]. Образы во взаимосвязи с внешней средой и другими образами видоизменяются, создавая целые системы, находящиеся в основе культуры. Данный тезис напоминает культурологические воззрения представителей целого ряда культурантропологических направлений и школ, исследовавших проблему праобразов и прасимволов культуры – О. Шпенглера, Р. Бенедикт, А. Клакхона и других.

Итак, Делёз, как и Симондон, придавал чувственному опыту, восприятию огромное значение, тем самым подчеркивая его приобщенность к так называемому потустороннему миру: образ существует до события или явления, в настоящем и после произошедшего. В образе стягиваются и предпосылки, интенции события, и происходящее здесь и сейчас, и связи с другими образами, то есть все то, что у Делёза звучит как становление.

Имагинация стала и эстетической категорией. Этому ее прочтению историк философии отводит особое место, прибегая к образности в живописи, возможностям и содержанию кинематографа. Делёз интересуется опять все те же становление, переход, линия, складка, дуга или сингулярность. Имагинации здесь придается значение стиля мышления и созидания: ей подвластно создание новых идей, конструкций, концепций – так называемых частичных объектов. Она «поглощает» разные области пространства живописи или других видов искусства, познания, жизни, не имеет границ и ограничений, как и центра; она поперечна и ризоматична. В монографии «Складка. Лейбниц и барокко» это особенно заметно. Как указывает Карцев, «там можно найти последовательно: фундаментальную ссылку на Клее, другую ссылку на географический труд (Обустройство территории), ссылку на математическую книгу о фрактальных объектах и еще одну ссылку на Симондона, короткое отступление, посвященное Хайдеггеру, ссылку на труд об эволюции города во времени,

еще ссылки на Корбюзье, Борхеса и т. д.» [1, с. 109]. Действительно, разные дискурсы говорят друг с другом, сталкиваются, отражаются, создавая новые причудливые миры. Недаром Делёз столь активно прибегает к образности барокко, который «изобретает новый тип повествования, в котором <...> описание занимает место объекта, концепт становится нарративным, а субъект и точка зрения – субъектом высказывания. Основное единство, экстенсивное совокупное единство, “работающий” посредством выхода за рамки материальный горизонтальный процесс, вселенский театр как континуум искусств тяготеет к другому единству, частному, духовному и вертикальному, к единству вершины. И располагается континуум не только у основания, но от основания и до вершины, поскольку невозможно сказать, где она начинается и заканчивается» [6, с. 222].

Имагинация как эстетическая категория, как способ мышления образами раскрывает свое содержание наиболее отчетливо через анализ кинематографа. Кино создает образы, иллюзию и реалии движения, его технология открывает широкие возможности для представления мира и человека в самых разных измерениях и плоскостях, позволяет высвободить его актуальность, возможности. Делёз рассматривает кино как поле смыслов, образов, как поверхность, которая отражает воззрения и желания создателей ленты и зрителей. Из потока образов каждый может сконструировать собственные образы, мысли, пространства и миры. Поэтому имагинация как воображение здесь незаменима.

Делёз оперирует двумя важными понятиями – «образ-движение» и «образ-время», подчеркивающими процессуальность кино и акцентирующими внимание на значимости образности. Первый соответствует репрезентации, второй ей противостоит. «Образ-движение» основывается на изначальности смысла; образ следует за ним. «Образ-время» на первое место ставит образ, а уже затем появляются смысловые коннотации. Понятие «образа-времени», на наш взгляд, отражает те установки делёзовской философии, которые связаны с представлениями о времени и идеей становления. «Образ-время» соединяет пространство и время – образ оказывается пространством, существующем одновременно, здесь и сейчас, является становлением. Ссылаясь на излюбленный образ Алисы Кэролла, Делёз пишет: «В этом суть, в одновременности становления, основная черта которого – ускользнуть от настоящего. Именно из-за такого ускользания от настоящего становление не терпит ника-

кого разделения или различения на до и после, на прошлое и будущее. Сущность становления – движение, растягивание в двух смыслах-направлениях сразу: Алиса не растёт, не сжимаясь, и наоборот» [7, с. 15]. «Образ-время» как нельзя лучше иллюстрирует смыслы и творческие интенции имагинации.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что имагинация тесно связана с центральными концептами философии Делёза, в первую очередь, становлением. Она является и творческим методом, и способом познания, соединяя в себе и чувственное, и рациональное.

Литература

1. Карцев, И. Введение в постмодернизм. Философия как эстетическая имагинация / И. Карцев. – М.: Огни, 2005. – 232 с.
2. Делёз, Ж. Ницше / Ж. Делёз. – СПб.: Аxioma. – 184с.
3. Голосовкер, Я. Избранное: Логика мифа / Я. Голосовкер. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2010. – 496 с.
4. Sauvagnargues, A. Deleuze et l'art / A. Sauvagnargues. – Paris: Presses universitaires de France, 2003. – 275 p.
5. Скопин, Д. Мембрана и жизнь в складках: Жильбер Симондон и Жиль Делёз [Электронный ресурс] / Д. Скопин // Московский книжный журнал. – Режим доступа: <http://morebo.ru/tema/kritika/item/мембрана-и-жизнь-в-складках-жильбер>. – Дата доступа: 10.05.2019.
6. Делёз, Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Ж. Делёз; под ред. В.А. Подороги; пер. с франц. Б.М. Скуратова. – М.: Издательство «Логос», 1997. – 264 с.
7. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.

**Секция 6. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРЫ
В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ**

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА МОТИВ САМОУБИЙСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ У. ШЕКСПИРА**

Н. С. Зелезинская

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: zelennew@tut.by

В статье рассматриваются некоторые современные тенденции культурно-исторического подхода в гуманитарном знании, в литературоведении, в частности. Обосновывается, с одной стороны, значимость методологии «истории идей» для мотивного анализа художественных произведений, с другой – роль исследования генезиса, семантики, структуры и прагматики мотива для понимания творчества автора как носителя коллективного сознания, воплотившего ряд коллективных установок в своих произведениях.

Ключевые слова: культурно-исторический подход, история идей, менталитет, мотив самоубийства, Шекспир, Ренессанс/Возрождение.

**HISTORICAL APPROACH TO THE MOTIF OF SELF-MURDER
IN SHAKESPEARIEN POETICS**

N. S. Zelezinskaya

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: zelennew@tut.by

The article considers some tendencies of socio-historical approach to the literary studies. It highlights the role of the history of ideas in literary criticism, in particular in motif analysis. On the other hand, it shows that understanding of the semantics, structure and pragmatics of a motif helps to widen our knowledge of the society and its mentality as the author represents and expresses certain collective attitudes in their creative work.

Key words: motif, self-murder, Shakespeare, Renaissance, history of ideas, mentality.

Культурно-исторический подход никогда не терял своей актуальности для литературоведения, но в последнее время он получил новое прочтение в достаточно заметном количестве работ по лите-

ратуре эпохи Возрождения. Особенно плодотворно его использование в исследованиях мотивики тех или иных художественных произведений, поскольку мотив вне литературы собственно и ощущается как идея. Культурно-исторический метод традиционно связан с теорией мотива, что видно в работах А. Н. Веселовского, А. Л. Бема, А. И. Белецкого, Ю. М. Лотмана, И. В. Силантьева и др. Так, Ю. М. Лотман выявил связь мотива (по Лотману, события) с персонажем, художественным пространством, картиной мира, с «бытовой реальностью», показал место события во «вторичном семантическом поле, определяемом типом культуры», объяснил, как и почему «в пределах одной и той же схемы культуры тот же самый эпизод, будучи помещен на различные структурные уровни, может стать или не стать событием», насколько значим его статус внутри культуры, в иерархии других событий» [7, с. 112].

Исходя из этих соображений, мы решили избрать культурно-исторический подход для выявления причин чрезвычайной популярности мотива самоубийства в творчестве Уильяма Шекспира. Во всех десяти трагедиях великого драматурга наличествует мотив самоубийства, семь протагонистов добровольно уходят из жизни. Вечный вопрос выбора между жизнью и смертью стоит в центре величайшего произведения мировой литературы – трагедии «Гамлет». Мотив самоубийства есть и во всех других жанрах: поэмах, хрониках, комедиях, романтических пьесах, сонетах. Мы насчитали восемьдесят семь контекстов, где персонажи говорят о добровольной смерти либо совершают попытку таковой.

Изучение семантического потенциала, прагматики и структуры мотива самоубийства проливает свет на смысл как отдельных произведений Шекспира и его творчество в целом, так и на литературу и мировоззрение Возрождения, поскольку, как отмечал М. М. Бахтин относительно эпохи написания романа Ф. Рабле, «глубокую трансформацию в замкнутом временном ряду индивидуальной жизни претерпевает мотив смерти. Он приобретает здесь значение существенного конца. И чем замкнутее ряд индивидуальной жизни, чем больше он оторван от жизни общественного целого, тем это значение выше и существеннее» [2, с. 464]. То есть, именно в литературе Возрождения эплицировалось осознание значимости отдельной жизни и смерти, и крайним проявлением индивидуализации явилось художественное изображение акта смерти сознательной и добровольной. Отсюда очевидно, что понимание причин возник-

новения мотива самоубийства в ренессансной литературе вообще и в творчестве Шекспира в частности, невозможно без анализа «большого времени» – значимого культурно-исторического контекста. Этот анализ в значительной степени основан на принципах, разработанных школой «истории идей», которую А. Н. Веселовский ставил в один ряд с другими задачами исторической поэтики, на что неоднократно указывает И. О. Шайтанов [13, с. 303]. В работе И. Доналдсон можно обнаружить обоснование рассмотрения мотива самоубийства в культурно-историческом контексте английской ментальности конца XVI – начала XVII вв.: «Это современное стремление связывать самоубийство индивида с суицидальными (в том числе и бессознательными) тенденциями политического, культурного и религиозного устройства в целом есть относительно новое явление. Оно отражает зарождение попыток построить систему соответствий между индивидуальным и национальным сознанием, которая бы выходила за рамки отношений части и целого» [16, р. 5–6]. Действительно, культурно-исторический подход позволяет изучить мотив самоубийства не изолированно в творчестве У. Шекспира, но в генезисе и развитии, на широком литературном фоне. Идея преемственности, бытования мотива в литературе, предшествующей У. Шекспиру, в т. ч. в его прямых источниках, является определяющей для обнаружения «роли и границ предания в процессе личного творчества» (А. Н. Веселовский).

Мы считаем, что необходимо рассматривать шекспировский мотив самоубийства в свете ренессансных воззрений, связанных не только с самоубийством, но и со смертью, человеком, религией, культурными кодами, *virtu* и другими значимыми концепциями Возрождения. Следовательно, имея в виду цель проследить процесс формирования повышенного интереса к самоубийству как к философской, эстетической и этической проблеме в английской литературе конца XVI – начала XVII вв. в целом и в творчестве Шекспира в частности, необходимо сопоставить ряд культурно-исторических факторов и тексты Шекспира.

Но тут же встает вопрос, что именно сравнивать, из чего исходить при определении факторов, повлиявших на один из элементов поэтики выдающегося английского автора конца XVI – начала XVII вв. Сегодня при ответе на этот вопрос заметен перенос внимания с обобщения на конкретику и с самих исторических событий на их отпечаток в сознании людей с адресным вниманием к автору.

История идей в литературоведении представляется как интерпретация художественного текста на основе анализа ментальности современников автора, предполагающей некую общность их мировосприятия, умонастроения, стиля жизни, коллективных представлений и массовых психологических установок. Актуальность данной (не новой) методологии обуславливается и ключевой ролью концепта *менталитет/ментальность*¹ в современном научном мире, которая связана с возрастающим интересом к проблемам национального и глобального, национальной культуры, национально-специфичного взгляда на мир, национального характера и пр.

Однако при согласии с тезисом в истории идей всегда существовала проблема метода. А. Я. Гуревич одним из первых обратил внимание на главную особенность менталитета – его имплицитность, скрытый, неявный, неосознанный характер проявления: «Ментальность во многом – может быть, в главном – остается непрорефлексированной и логически не выявленной. Ментальность – тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания, – люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, не вдумываясь в их существо и предпосылки, в их логическую обоснованность» [5, с. 56–57]. Т. е. ментальность – аморфно собранные элементы внутреннего мира человека, сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, чувств, убеждений, воли, верований, установок, моделей и стереотипов поведения, настроений, которые объединяли носителей в некую общность. Нечеткость границ и стремление к преодолению аморфности привели к изучению ментальности как текстуально закрепленного объема свидетельств (М. Фуко), что в конце XX века привело к концентрации интереса на сопоставлении текстов как исторических фактов (С. Гринблатт), своеобразному апофеозу лингвистического поворота гуманитарных наук. В свою очередь,

¹ В понимании термина *ментальность* мы ориентируемся на работы представителей направления школы «Анналов» и их преемников: М. Блока, Л. Февра, Р. Мандру, Ж. Ле Гоффа, А. Я. Гуревича. В. П. Визгин в «Новой философской энциклопедии» дает следующее определение: «Ментальность (менталитет) (от лат. mens – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) – глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом» [3, с. 525–526].

«метафора “текста” обострила внимание к предметно-бытовому составу культуры, к письменности вещей и жестов», к тому, как текст ««работает» (works), или, иначе говоря, какова функциональная соотношенность социальных структур, институтов, обычаев», – отмечает И. О. Шайтанов [12]. Идея «бытовой/повседневной истории» получила яркое воплощение в т. ч. в фундаментальной работе Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» [1].

Сегодня в науке очевидна тенденция к дальнейшему расширению количества и качества исходных данных. В. С. Макаров отмечает: «Литературоведы все чаще стали обращаться к считавшимся прежде “второстепенными” аспектам творчества, прежде всего к философским и религиозным, справедливо полагая их принципиально важными для изучения как в широком смысле мировоззрения автора, так и собственно его поэтики» [8, с. 4]. Во введении к книге о бытовании научного знания в раннее Новое время И. И. Лисович пишет: «Возникает требование нелинейной истории, которая бы давала более полное представление в том числе и о периоде научной революции, в котором как медиевисты, так и специалисты по раннему Новому времени стали находить все больше следов от прошлых эпох и альтернативных практик, что послужило причиной последовательного отказа от модернизации во имя идеи прогресса. В связи с этим в поле внимания исследователей все чаще попадает общий интеллектуальный и культурный контекст научного знания <...> Погружение в более широкий культурный контекст дает совершенно иное представление об историческом периоде и позволяет открыть иные векторы развития (научных практик)» [6, с. 9]. Это расширение идет рука об руку с отказом от тотальной структуризации и иерархизации исходных данных в пользу «эkleктичности», заявленной еще Дж. Бейтом в книге «Шекспир и Овидий» [14, р. vii.]. Сегодня и российские ученые исходят из «неоднородности культурного пространства» (И. И. Лисович) [6, с. 7] и зарубежные предпочитают видеть его как «сеть динамичных взаимообъясняющих отношений между людьми, телами, пространствами, структурами, вещами» в пике сложившемуся научному подходу, разделяющему объекты исследования философии и медицины и тем «сужающими кругозор каждой» [15, р. 4].

Однако бесконечным расширением быть не только не может (полнота качественная не есть полнота количественная), но и не должно, поскольку не мог автор, хотя бы и Шекспир, воспринять все идеи своего времени (от такого видения выразителя времени предосте-

регал еще А. Н. Веселовский), поэтому литературоведческий вектор направлен и от социального к личному. Воспринимая коллективные установки, писатель воспроизводит их в контексте *своей* уникальной жизни. «Чтобы понять авторское высказывание, необходимо “увидеть” весь процесс его порождения, в котором “вызов” вставших перед мыслителем проблем соединяется с реальными социально-политическими и жизненными обстоятельствами, с его интересами, намерениями и целями, с располагаемыми культурно-интеллектуальными ресурсами, с событийным рядом его действий по производству текста, и проч.» [11, с. 6]. Нечто воспринятое существует в качестве и сознательного, и бессознательного, и оба уровня формируют творческие интенции писателя.

Далее, уже ввиду различных установок интерпретатора и его культурного и интерпретативного опыта один и тот же текст может быть прочитан совершенно по-разному и даже противоречиво, что исчерпывающе продемонстрировало чтение источников новым историзмом. В XXI веке неустранимость временной и языковой дистанции прекрасно осознается исследователями: «Сталкиваясь с произведениями, принадлежащими другим эпохам, мы поневоле видим их иначе, чем современники. Мы вооружены иным культурным опытом и смотрим сквозь иную оптику, так или иначе деформирующую детали. Мы склонны забывать, что любой объект, вошедший в обиход культуры, со временем обрастает патиной интерпретаций, и необходимо усилие, чтобы увидеть его изначальный облик. Восприятие культуры времен королевы Елизаветы I и короля Якова I требует внимания к самому духу времени, идеям, что в ту пору “носились в воздухе” и составляли фон драм Шекспира» [10, с. 9]. Наложение этих соображений на прочные позиции релятивизма и диалогизма сознания не нивелирует потребности в отчетливом научном результате. Дуализм ситуации ведет специалистов разных областей гуманитарного знания к поиску новой методологии (компаративистике «и» поэтике, «интеллектуальной истории», «гуманитарной эпистемологии», «тезаурусной теории» и др.).

Сейчас, когда схлынула волна отрицаний, нам кажется возможным совмещение глобального и единичного, социального и частного, тенденциозного и периферийного, коллективного и личного. Мы стремимся включить в круг рассмотрения «действительный общественно-исторический мир жизни – опыт личности и опыт социальности, опыт политический и опыт “повседневности”, опыт традиции

и опыт “революции” (обращения традиций), опыт биографический, эстетический, религиозный, сексуальный, поколенческий, семейный, космический, профессиональный и т. п.» [9, с. 8] в той степени, в которой он приложим к предмету и объекту исследования. Мы пытаемся разглядеть сквозь толщу веков актуальные факторы формирования творчества выдающегося англичанина XVI–XVII вв., не меряя их в соответствии с ментальными приобретениями последующих веков, однако осознаем неизбежность этого влияния. Мы видим Шекспира, с одной стороны, как человека своего времени, разделяющего ментальные установки елизаветинского и якобинского общества, с другой, как индивидуальность, способную наиболее совершенно выразить эту ментальность на языке своей культуры и привнести в нее свое понимание.

Литература

1. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес; пер. с фр. В.А. Мильчиной; общ. ред. С.В. Оболенской; предисл. А.Я. Гуревича – М.: Прогресс, 1992. – 528 с.
2. Бахтин, М.М. Фольклорные основы раблезианского хронотопа / М.М. Бахтин // Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин. – М.: Языки славянских культур: А. Кошелев, 2012. – С. 455–472.
3. Визгин, В.П. Ментальность / В.П. Визгин // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 2001. – С. 525–526.
4. Веселовский, А.Н. Избранное: Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: РОССПЭН, 2006. – 688 с.
5. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
6. Лисович, И.И. Скальпель разума и крылья воображения. Научные курсы в английской культуре раннего Нового времени / И.И. Лисович. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2015. – 440 с.
7. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб., 1998. – С. 14–285.
8. Макаров, В.С. Религиозно-философские аспекты творчества Джона Донна: дис.... канд. филол. наук: 10.01.05 / В.С. Макаров ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2000. – 206 с.
9. Махлин, В.Л. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии / В.Л. Махлин. – М.: Знак, 2009. – 632 с.
10. Нестеров, А. Колесо Фортуны. Репрезентация человека и мира в английской культуре начала Нового времени / А. Нестеров. – М.: Прогресс-Традиция, 2015. – 672 с.

11. Репина, Л.П. Контексты интеллектуальной истории / Л.П. Репина // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 25/1. – М.: Либроком, 2008. – С. 5–11.
12. Шайтанов, И.О. «Бытовая» история [Электронный ресурс] / И.О. Шайтанов // Вопросы литературы 2002. – №2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/2/sh.html>. – Дата доступа: 10.05.2019.
13. Шайтанов, И.О. Компаративистика и/или поэтика / И. О. Шайтанов. – М.: РГГУ, 2010. – 656 с.
14. Bate, J. Shakespeare and Ovid / J. Bate. – Oxford: Clarendon Press, 2018. – 292 p.
15. Daniel, D. The melancholy assemblage: Affect and epistemology in the English Renaissance / D. Daniel. – NY: Fordham University Press, 2013. – 309 p.
16. Donaldson, I. The Rapes of Lucretia: A Myth and Its Transformations / I. Donaldson. – Oxford: Clarendon Press, 2002. – 203 p.

ФАЎСЦІЯНА Ў КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСКАГА АДРАДЖЭННЯ

Т. С. Супранкова

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
факультэт сацыякультурных камунікацый,
вул. Курчатава, 5, 220108 Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: tatsupr@tut.by

Артыкул прысвечаны аналізу ўплыву топаса фаўсціяны на беларускую культуру эпохі Адраджэння. У рабоце робіцца акцэнт на польскай і беларускай версіях фаўстаўскага міфу, звязанага з постацю легендарнага пана Твардоўскага. Даследуецца агульнае і адметнае ў нямецкай і славянскіх версіях.

Ключавыя словы: фаўсціяна, Рэнесанс, беларуская культура і літаратура.

FAUST-CONCEPT IN THE BELARUSIAN RENAISSANCE CULTURE

T. Suprankova

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: tatsupr@tut.by

The article examines the influence of the Faust-concept topos upon the Belarusian culture of the Renaissance. The work focuses on the Polish and Belarusian versions of the Faust myth associated with the figure of the legendary pan Twardowski. The common and distinctive in the German and Slavic versions is being researched.

Key words: Faust-concept, Renaissance, Belarusian culture and literature.

Эпоха Рэнесансу – час антропацэнтрызму, калі чалавек асэнсоўвае сябе вяршыняй стварэння і сам хоча будаваць уласны лёс і мяняць навакольны свет. Ад папярэдняй эпохі Сярэднявечча Адраджэнне адрозніваецца па шмат якіх прыкметах і ставіць сябе ў апазіцыю да першага. Менавіта гэты час нараджае тытанаў, як канкрэтна гістарычных асобаў, так і тых, хто з’яўляецца дзякуючы творчаму натхненню гэтых геніяльных аўтараў. Што цікава, нарадзіўшыся ў адной нацыянальнай культуры, гэтыя постаці вельмі хутка становяцца папулярнымі за межамі сваёй краіны, бо іх характары адлюстроўваюць дух самой эпохі. Яны маюць таксама вялікі патэнцыял у будучыні стаць вечнымі вобразамі сусветнай культуры.

Прыкладам такой міжкультурнай камунікацыі з’яўляецца і сюжэт аб доктары Фаўсце, што пабачыў свет у франкфурцкай друкарні Ёгана Шпіса ў 1587 годзе як ананімны твор «Гісторыя доктара Ёгана Фаўста, знакамітага чарадзея і чарнакніжніка». Гэта першая па часе зафіксаваная версія сюжэта, які пазней атрымае назву «фаўсцыяна», хоць прататыпаў і перадумоў да ўзнікнення менавіта такога топасу ў сусветнай культуры было даволі шмат.

Фаўсцыяна караніцца ў архетыпе бунта, паўстання, забароны і парушэння, што зафіксавана яшчэ ў тэксах старажытнасці (біблейскай гісторыі аб Адаме і Еве з Кнігі Быцця, паўстання анёлаў на чале з Люцыферам з «Кнігі Еноха», у міфе аб Праметэі, што быў апрацаваны вялікім грэчаскім драматургам Эсхілам). Вобразы Фаўста і Мефістофеля становяцца вечнымі, як і сама фаўсцыяна паступова становіцца вечным сюжэтам. Матывы гэтага топасу аформіліся яшчэ ў народнай легендзе: дамова з д’яблам, пошук праўды любымі сродкамі, абмежаванасць чалавечых ведаў і расчараванне ў іх, вечна збаўляючае Вечна-Жаночае і інш. Найлепшая ў сусветнай літаратуры апрацоўка топасу фаўсцыяны належыць слыннаму нямецкаму пісьменніку Ёгану Вольфгангу фон Гётэ, таму ў літаратуразнаўстве падзяляюць развіццё сюжэта аб Фаўсце на «дагётэўскае», «гётэўскае» і «паслягётэўскае».

Паданне аб пане Твардоўскім, якое стала складвацца на тэрыторыі Рэчы Паспалітай (не толькі Польшчы, але і Вялікага княства Літоўскага) у другой палове XVI ст., – адна з першых славянскіх версій фаўсцыяны, хоць не ўсе даследчыкі згодныя з непасрэдным уплывам нямецкай народнай легенды на корпус гісторыі аб пане Твардоўскім. Але гэты сюжэт займае пачэснае месца ў шэрагу твораў фаўсцыянскага характару (аб самараніне Сімене-магу, старapersідскім Зохаку, антыяхійскіх Кіпрыяне і Юсціне, візантыйскім Феафіле,

кельцкім Мерліне, італьянскім Каруле, чэшскім Жыта і нямецкім Фаўсце).

Пачынаючы з першай чвэрці XIX ст., паданні аб Твардоўскім сталі прыцягваць увагу фалькларыстаў, этнографіаў, літаратуразнаўцаў. Некаторыя з іх згаджаліся з відавочным уплывам легенды аб доктары Фаўсце (Казімеж Уладзіслаў Вуйцыцкі, нямецкія даследчыкі Т. Фогль, В. Лепельман і Ё. Гольдштэрн). Сама нямецкая легенда аб Фаўсце з'явілася ў польскім перакладзе таксама ў 1587 г., у год выдання яе Ёганам Шпісам у друкарні Франкфурта-на-Майне. Прыхільнікі ж нацыянальнай версіі з'яўлення такога героя бачылі прататып Твардоўскага ў польскіх сярэднявечных паданнях (Скарбнік, Пётр Дунін, Бэлфегор). Трэба адразу ж заўважыць, што сабраныя ў эпоху рамантызма звесткі пра Твардоўскага бытавалі не толькі на тэрыторыі сучаснай Польшчы, яны былі добра вядомыя і беларусам, аб чым сведчыць папулярнасць гэтага сюжэту ў рамантыкаў А. Міцкевіча, Т. Зана, Я. Баршчэўскага.

Калі рабіць аналогіі ў гісторыях Фаўста і Твардоўскага, можна вылучыць асаблівасці фаўсціяны у польска-беларускай версіі легенды. Звернемся спачатку да этымалогіі прозвішчаў галоўных герояў. Наконт паходжання прозвішча Фаўста, як і Твардоўскага, існуюць розныя версіі. Калі шукаць аналогіі ў нямецкай мове, то назоўнік жаночага роду «die Faust» перакладаецца як «кулак» (распаўсюджанае ў Нямецчыне прозвішча, указвае на цвёрдасць і моцнасць характара, сілу духа), у лацінскай мове прыметнік «faustus» абазначае «шчаслівы» (імкнецца знайсці шчасце і быць шчаслівым забароненымі сродкамі). Як і Фаўст, Твардоўскі меў лацінізаванае імя – «Dhur», што паходзіць ад прыметніка «durus», а па-польску гучыць як «twardy» – «цвёрды», «моцны», «строгі». А ў польскай мове прозвішча падаўжаецца ў «Твардоўскі». Як можна ўбачыць, этымалогія імён гэтых герояў аб'яднана канцэпцыяй цвёрдага і нязломнага характара, жаданнем ісці да канца ў дасягненні мэты, каб дакрануцца да таго, што іншым не дазволена, і стаць шчаслівым. Гэтыя матывы будуць важнымі для Ё. В. Гётэ ў яго далейшай трактоўцы вобраза Фаўста і ў рэалізацыі ідэй вялікага нямецкага пісьменніка ў канцэпт звышчалавека Ф. Ніцшэ.

Германіст Віктар Жырмунскі упэўнены, што Фаўст – асоба гістарычная. Пра яго ёсць узгадкі паміж 1507 і 1540 гадамі, аб чым сведчаць яго сучаснікі ў гістарычных дакументах (вядомыя нямецкія гуманісты Філіп Меланхтон, Філіп фон Гутэн, біскуп Бамбергскі Георг III і інш.) [1, с. 271–272]. Далей расійскі даследчык прыводзіць

канкрэтныя месцы, дзе ён спыняўся, аб чым ёсць узгадка ў крыніцах: «К Меланхтону (Манлію) восходзіць вестка, будто Фауст учыўся ў Кракаўскім універсітэце, дзе ў тое часе «публічна прадаваў магію» (падразумеваецца так называемая «естественная» магія ў адмоўнасць ад чорнай магіі ці чорнакніжыя). Сведчэнні гэтыя паўтараюць познейшыя аўтары, ідуць за Меланхтонам – Манліем (Вір, Мейгериус, Лерхейм і др.)... Сувесна, што яны налічваюць у польскіх «Аналах» Станіслава Сарніціуса...» [1, с. 273–274]. Паводле дакументальных сведчанняў, Ягелонскі ўніверсітэт у Кракаве (1364 г.) – старэйшая навучальная ўстанова для зямель польскіх і Вялікага княства Літоўскага, у якой навучаўся і наш слаўты першадрукар Францыск Скарына ў пачатку XVI ст., яна набыла вядомасць яшчэ і тым, што там выкладалася ніграмантыя.

Станіслаў Сарніціўс заўважае: «А так як у Кракаве ў старыну больш, чым у другіх месцах, займаліся магіяй, то многія упорна ўтверджаюць, што пры дапамозе магічных чар жыхары Кракава вызывалі тэні польскіх герояў такімі па выглядзе, якімі апісваў сваіх герояў Овідый, і пасля печаталі іх выяўленні і рысавалі на сценах дамоў» [1, с. 26]. Гэта сцвяржэнне пралівае пэўнае святло на постаць пана Твардоўскага, пра якога ў Беларусі да сённяшніх дзён ходзяць легенды пра выкліканне духа Барбары Радзівіл. Таму, абпіраючыся на гэтыя звесткі, можна зрабіць выснову, што нямецкі Фаўст і польскі Твардоўскі, – розныя людзі. Нямецкія гісторыкі мяркуюць, што гістарычны пан Твардоўскі паходзіў з Нюрнбергу і навучаўся ў Вітэнбергу медыцыне, пасля пасяліўся ў Кракаве 1565 г.

Важным матывам фаўсціяны з’яўляецца кантракт з нячыстай сілай. Усе хрысціянскія творы імкнуцца акцэнтаваць гэты момант, каб вывесці мараль, што гэтага рабіць нельга. Паколькі нямецкая версія была ранейшай, чым гісторыя аб Твардоўскім, і, магчыма, паўплывала на польска-беларускую, то выданне Шпіса таксама прасякнута павучальнымі ноткамі. Гісторыя пана Твардоўскага звязаная з Кракавам, дзе мог навучацца і Ёган Георг Фаўст чорнай і белай магіі. Паводле К. Вуйцыцкага, Твардоўскі лячыў народ і займаўся вядзьмарствам, каб вынайсці лекі супраць смерці. Дамова з нячыстай сілай тлумачыцца ў легендзе вельмі важкай прычынай: галоўны герой сам захварэў і не хацеў паміраць, таму такі сродак быў, паводле яго меркавання, адзінай надзеяй на працяг зямнога жыцця («bo nie chciało mi się umrzeć» [2]). Фаўст жа, паводле народнай легенды, таксама будучы лекарам, «захотел постигнуть все глубины неба и земли» [1, с. 39].

Але нямецкі герой перад прыняццём такога рашэння, як падпісанне дамовы (факт дамовы фіксуюць абедзве версіі), тры разы размаўляе з Мефістофелем і толькі пасля заключае з ім кантракт, тэкст якога прыведзены ў творы. Нямецкая версія педантычна прапісвае ўсе яго пункты: вызначаны тэрмін дзеяння кантракта – дваццаць чатыры гады, а таксама абавязкі абодвух бакоў – Фаўста і Мефістофеля. У польскай версіі тэрмін дамовы не акрэслены, і гэта важная рыса менавіта славянскага менталітэту. Адзінае, што сказана аб умове, паводле якой нячысцік забярэ душу Твардоўскага, – гэта адбудзецца ў Рыме. Неакрэсленасць тэрміна стане важным аспектам для Гётэ, бо герой яго аднаіменнага твора сам дыктуе ўмовы кантракту, спадзеючыся на сваю перамогу і на пройгрыш Мефістофеля. Дарэчы, абедзве версіі падкрэсліваюць незвычайную вучонасць лекараў і чарнакніжнікаў і тое, што героі прыкладаюць шмат намаганняў, каб спасцігнуць розныя навукі, дазволеныя і забароненыя. Але ў нямецкай версіі важным з’яўляецца матыў часу, у польскай – месца.

Наступны абагульняючы аспект расповядаў пра чарнакніжнікаў – «цуды», якія з дапамогай нячыстай сілы яны робяць. Твардоўскі загадвае д’яблу зvezці срэбра з усёй Польшчы ў руднік Олькуш і засыпаць яго пяском, перакуліць Пясчаную скалу і паставіць яе тонкім канцом уніз і г. д. Твардоўскі атрымаў усё, што хацеў: ездзіў на намаляваных конях, лётаў па паветры без крылаў, скакаў на пеўні хутчэй, чым на кані, плаваў з каханкай на чоўне па Вісле супраць цячэння без вёслаў і ветразя, запальваў вёскі на адлегласці ў сто міль, з дапамогай чарадзеяства вярнуў сабе маладосць (матыў амалажэння прысутнічае і ў Гётэ). У нямецкай версіі Фаўст часта размаўляе з нячыстым духам на філасофскія тэмы: пра пекла, сатану і яго прыслужнікаў, пра структуру сусвету, здзяйсненне падарожжа ў пекла, вандруе па свеце. Але ёсць і бытавыя травестыйныя замалёўкі, кшталту фокусаў Твардоўскага: адпілаванне сабе нагі, пажыранне воза сена, палёт у паветры і інш.

Жаночыя вобразы – вельмі важныя частка фабулы і яшчэ адзін кансалідуючы фактар расповедаў. У легендзе аб Твардоўскім спачатку ёсць узгадка пра яго каханку, якую ён катаў у чоўне па Вісле, пасля шляхціч бярэ шлюб з маладой пані, разгадаўшы яе загадку, але праз некаторы час праганяе яе ад сябе. Пані Твардоўская пабудавала сабе з гліны домік на кракаўскім кірмашы і гандлявала там гаршчкімі і міскамі. Твардоўскі завеў экіпаж, багаты двор з прыслугаю і не меў нястачы ў грашах. Праязджаючы праз кракаўскі кірмаш,

ён кожны раз загадваў сваім слугам разбіваць гаршчкі, якімі гандлявала яго жонка. Тая пасылала яму за гэта праклёны, а Твардоўскі рагатаў. У народнай кнізе Фаўста наведвае жаданне ажаніцца, але чорт пераконвае яго ў прывабнасці чужаложства. Сужыхаркамі чарнакніжніка аказваюцца найпрыгажэйшыя жанчыны свету, нячыстыя духі, нават сама Алена Спартанская. Гэты матыў стане важным пасля і для Гётэ, але ў яго вобраз Алены напоўнены сімвалічным сэнсам і азначае шлях новаеўрапейскай культуры да канонаў антычнай прыгажосці і іх пераасэнсаванне, ў прыватнасці эстэтыкай Веймарскага класіцызму. У версіі народнай легенды Фаўст выклікае Алену як духа, каб уразіць студэнтаў, ладзіць спірытычны сеанс для імператара Карла V, паказваючы Аляксандра Вялікага. Пасля, калі застаецца адзін год да сканчэння кантракту, Алена становіцца яго наложніцай і нараджае яму сына, які валодае прарочым дарам. Са смерцю Фаўста абодва знікаюць.

Паводле версіі, якая зафіксавана беларускім краязнаўцам К. Шышыгінай-Патоцкай [3, с. 179–200], чарнакніжнік Твардоўскі быў спецыяльна запрошаны для выклікання духа каралевы Барбары, каханай Жыгімонта Аўгуста, чаго няма ў польскага этнографа Вуйцыцкага. Барбара Радзівіл не была з каралеўскага роду, але сваёй знешнасцю і душэўнымі якасцямі скарыла сэрца самага караля, таму яна з'яўляецца сімвалам прыгажосці ў беларускай літаратурнай традыцыі. Такім чынам, агульны матыў выклікання памерлай прыгажуні (а Барбару называюць яшчэ беларускай сярэднявечнай Джульетай і Аленай Спартанскай) прысутнічае ў версіі пра Фаўста і пра Твардоўскага.

Яшчэ адной кропкай сутыкнення з'яўляецца матыў расплаты. У нямецкай Народнай кнізе Фаўст прадстаўлены як негатыўны герой, які займаецца чарадзеяствам, што супярэчыць духу хрысціянскай царквы і асуджаецца. З памылак героя чытачу варта вынесці павучальны ўрок. Доктара Фаўста суправаджае злы чорт Мефістофель, які абяцае галоўнаму герою розныя жыццёвыя ўцехі і, выконваючы яго капрызы, забірае яго душу праз дваццаць чатыры гады. Хоць у канцы расповеду Фаўст і жадае адварнуцца ад злых спраў, аўтар быццам бы не дае яму ніякага шанцу, паколькі адмяніць дамову з чортам ні ў якім разе нельга. У адным з фінальных эпизодаў галоўны герой кажа аб будучай пагібелі: «Ах, кто избавит меня теперь от несказанного пламени преисподней? Ибо нет помощи, ибо рыдания о грехах бесполезны. Нет покою ни ночью, ни днем. Кто же спасет меня, несчастного? Где мое прибежище? Где мой щит, помощь и спасение? Где моя крепость

и оплот? Чем мне утешиться? Не святителями Божьими, ибо я стыжусь к ним воззвать и не услышу ответа, но лучше мне закрыть лицо свое, чтобы не видеть ликования избранных» [1, с. 98].

У легендзе аб Твардоўскім няма дакладнага тэрміну заключэння дамовы. Канец прыгодам галоўнага героя прыходзіць неўзабаве: д'ябал вырашыў забраць неўёмнага шляхціча да сябе і абхітрыў яго. Дарэчы, Твардоўскі так і не збіраўся ехаць у Рым. Падкаравуліўшы пана ў цёмным лесе, чорт хоча ўзяць з яго слова, што той наведзе вечны горад. Але Твардоўскі адмаўляецца, пасля чаго нячысты вырывае з каранем сасну і так моцна б'е ёй па назе шляхціча, што ламае яму нагу (магчыма, адсюль пайшла мянушка Твардоўскага – «калчаногі (kuternoga)»). І ўсё ж чорт абхітрыў яго: Твардоўскі апынуўся раз у карчме з назваю «Рым». Пераступіўшы парог, ён пабачыў багата апранутага пана, з-пад шапкі яго паказваліся рогі, з ботаў – кіпцюры, ззаду быў хвост. Твардоўскі зразумеў, што прыйшоў час расплаты. Д'ябал схпіў яго і вынес праз трубу з коміну, пасля падняў у нябёсы. Пабачыўшы родную зямлю, ён узносіць малітву да Марыі, і Багародзіца збаўляе няўкляду, пазбавіўшы ад пякельнага агню. Але і нябёсы не захацелі прыняць пана Твардоўскага, і ён да Страшнага суду вымушаны знаходзіцца паміж небам і зямлёю. Матыў малітвы да Маці Божай і яе заступніцтва, якое збаўляе Твардоўскага ад кіпцюроў чорта, іграе важную ролю ў фэбуле і кардынальна супрацьлеглае нямецкаму аналогу.

Такім чынам, у айчыннай культурнай прасторы сюжэт фэўсіянны бярэ свой пачатак у Адраджэнні. Шмат чаго яднае вобразы Твардоўскага і Фаўста, але яны не ідэнтычныя. Мы можам казаць пра пэўны дух часу, які нарадзіў такіх герояў у нямецкай і славянскай культурах. Паколькі легенда аб Твардоўскім доўгі час бытавала ў вуснай форме, цяжка высветліць, які канкрэтна ўнёсак быў зроблены ў развіццё яе фэбулы кожным з народаў Рэчы Паспалітай. Для нас пакуль уласна беларускім застаецца сюжэт з выкліканнем духа Барбары Радзівіл, які дае на сённяшнім этапе моцны імпульс для сучаснай літаратуры, у прыватнасці, драматургіі.

Літаратура

1. Легенда о докторе Фаусте. – М.: Издательство “Наука”, 1978. – 424 с.
2. Wójcicki, K. W. Klechdy. Starożytnie podania i powieści ludu polskiego i Rusi / K. W. Wójcicki. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1972. – 372 s.
3. Шишигина-Потоцкая, К.Я. Несвиж и Радзивиллы / К.Я. Шишигина-Потоцкая. – Минск: Беларусь, 2013. – 222 с.

**КОМИЧЕСКОЕ КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В РОМАНАХ ДЖ. БАРНСА
М. В. Романюк**

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
факультет иностранных языков,
ул. Мицкевича, 28, 224016, Брест, Республика Беларусь
e-mail: mikhail.ramaniuk88@gmail.com

В статье рассматривается использование комических приемов в романах Дж. Барнса для раскрытия проблемы межкультурного взаимодействия. Определяется, что объектом комического являются стереотипы, необоснованный патриотизм, заблуждения в межнациональных и межрасовых вопросах.

Ключевые слова: комическое, ирония, межкультурное взаимодействие, стереотип, английскость.

**THE COMIC AS MEANS OF EXPOSING THE PROBLEM
OF INTERCULTURAL EXCHANGE IN NOVELS BY J. BARNES
M. V. Ramaniuk**

Brest State Pushkin University, Foreign Languages Faculty,
Mitskevich st. 28, 224016, Brest, Republic of Belarus
e-mail: mikhail.ramaniuk88@gmail.com

The article deals with the use of comic devices for exposing the problem of intercultural exchange in the novels by J. Barnes. It is defined that the object of the comic includes stereotypes, unfounded patriotism, errors in international and interracial issues.

Key words: the comic, irony, intercultural exchange, stereotype, Englishness.

В творчестве Дж. Барнса затрагивается широкий спектр проблем, включающий как традиционные для британской литературы вопросы, так и явления, главным образом, актуальные для современного общества. Дж. Барнс в своих произведениях избегает серьезного тона повествования и прямых оценочных суждений, отдавая предпочтение использованию иронии и средств создания комического.

Уделяя значительное внимание взаимоотношениям людей в целом, писатель многократно обращается в своих работах к проблеме межкультурного взаимодействия. Как представитель английской

литературы, Дж. Барнс не обходит стороной вопрос «английскости», определение которой в настоящее время имеет ряд сложностей. Л. Булгер связывает неоднозначность понятия «английскость» с колониальным прошлым Британской империи. В то время как уроженцы колониальных территорий предъявляют жалобы на притеснение и дискриминацию, англичане испытывают ностальгическую постимперскую меланхолию. Существующее в настоящее время Британское содружество представляет собой не более чем карикатуру на то, что ранее являлось мировой империей, где никогда не садилось солнце. Будучи тесно ассоциированным с категорией «британскость», «английскость» оказывается размытым, ускользающим понятием. Именно поэтому поиски английского национального характера были направлены на исторические события и мифокультурные символы внутри старой Англии. В этой связи внимание привлекали кельтские легенды о короле Артуре, эпос о Беовульфе, рассказы Дж. Чосера. Поверхностные, стереотипные представления об Англии навязываются в кино, по телевидению и через туристические брошюры, что нашло отражение в романе «Англия, Англия» [1, р. 51–55].

В основе сюжета романа лежит идея создания тематического парка, в котором планировалось воссоздать все, что в мировоззрении туристов связано с Англией. С этой целью команда эксцентричного предпринимателя сэра Джека устраивает опрос среди иностранцев. В романе показано, как стереотипы провоцируют заблуждения, недоразумения, дискуссии и конфликты. Список концептов, ассоциирующихся у туристов с Англией, вступает в резкое противоречие с картиной мира сэра Джека. При помощи иронии передается его нежелание мириться с существованием чужих точек зрения: «It frankly deteriorated towards the end. He crossed out the items he judged the result of faulty polling technique and pondered the rest» [2, р. 85]. («К концу этот перечень, что греха таить, становился все отвратнее и отвратнее. Вычеркнув позиции, отнесенные на счет дурацкой методики опроса, сэр Джек задумался над остальными». – М. Р.). Из гневных мыслей сэра Джека становится понятно, что он считает Англию едва ли не своей собственностью, и подобные ассоциации воспринимаются как личное оскорбление [2, р. 86].

Одним из объектов насмешки в романе выступает постимперская и постколониальная ностальгия. Так, главная героиня Марта на собеседовании осаждаёт патриотическую гордость сэра Джека, используя иронию и преуменьшение:

«We are a proud race, undefeated in war since 1066?
With notable victories in American Revolutionary War and the Af-
ghan Wars.

Still, we defeated Napoleon, the Kaiser, Hitler
With a little help of our friends» [2, p. 46].

(– Мы – гордая нация, не терпевшая поражений в войнах с 1066 года?
– Одержавшая выдающиеся победы в Американской революцион-
ной войне и Афганских войнах.

– И все же мы победили Наполеона, кайзера, Гитлера.

– С небольшой помощью друзей).

В романе ставится под сомнение апелляция к историческому прошлому как повод для национальной гордости, причем проблема видится не в отсутствии значимых событий, а в том, что они в современном мировосприятии представляются абстрактными и упрощенными. Опрошеные историком доктором Максом люди, считающие себя хорошо информированными, не могли вспомнить основные события из истории Англии [2, с. 106–107].

В романе «Артур и Джордж» Дж. Барнс, также обращаясь к вопросу английскости, смещает акценты на такой аспект, как скептическое отношение англичан к представителям других наций, а британцев к небританцам. Такой характер взаимоотношений иронично выражается в ряде ситуаций. Артур проявляет недовольство, заподозрив, что сестра нашла жениха, который не является стопроцентным британцем [3, p. 82]. Инспектор Кэмпбелл, обдумывая возможные мотивы убийства скота, выказывает пренебрежение к ирландцам: «In Ireland, of course, the midnight houghing of the landlord's cattle is practically part of the social calendar. But then, little would even surprise me of a Fenian» [3, p. 108]. («В Ирландии, разумеется, полуночные подъяезания сухожилий у скотины землевладельца практически входят в социальные порядки. Ну да фению было бы трудно меня чем-либо удивить»). Аналогично, семья Джорджа расценивает переезд его брата Ораса в Ирландию как отступничество, сопоставимое со смелой фамилией [3, p. 474–475]. Наконец, если британец имеет ирландские корни, то его неприязнь будет направлена на французов, что отражается в диалоге между Джорджем и Мийком:

«But he is not a Hindoo.

It's near enough for the Gazette.

But Mr Meek, what if I said you were a Welshman?

I wouldn't hold you inaccurate, as my mother had Welsh blood.
Or an Irishman?

Mr Meek smiled back at him, unoffended, perhaps even looking a little Irish.

Or a Frenchman?

Now there, sir, you go too far. There you provoke me» [3, p. 158].

(– Но он не индус.

– Для газет это особой разницы не составляет.

– Но мистер Мийк, что, если бы я назвал вас уэльсцем?

– Я бы не считал вас неточным, так как в моей матери течет уэльская кровь.

– Ну, а ирландцем?

Мистер Мийк улыбнулся ему, несколько не обиженно, и даже, пожалуй, приобрел легкое сходство с ирландцем.

– Ну, а французом?

– А вот тут, сэр, вы заходите слишком далеко. Тут вы меня провоцируете.)

Специфика взаимоотношений между различными нациями, особенности культурных различий занимают важное место в работах Дж. Барнса. Стереотипные представления о другой нации нередко служат объектом комического. Вторая глава романа «История мира в 10 ½ главах» повествует о путешествии туристического корабля, который во время экскурсии подвергся захвату террористами. В начале путешествия экскурсовод Франклин Хьюз пренебрежительно называет французов и итальянцев *baguette* и *masagoni* [4, p. 39]. Однако такая метонимия воспринимается комично в первую очередь потому, что сам Франклин показан далеко не с лучшей стороны.

Несколько позже, уже общаясь с террористом, Франклин пытается соврать ему о своей якобы недавно состоявшейся свадьбе: «We were married three weeks ago. Franklin paused, then added in a confessional tone, My third wife, actually.

But the Arab seemed unimpressed by Franklin's harem» [4, p. 54].

(«Мы поженились три недели назад, – Франклин помедлил, затем прибавил доверительным тоном: – Вообще-то она у меня уже третья.

Но гарем Франклина, кажется, не произвел на араба никакого впечатления».)

Метафора «гарем» здесь также создает комический эффект: это слово является явным преувеличением, кроме того, оно помогает показать несоответствие ожиданий Франклина результатам такого хвастовства. Главная функция комического приема – высмеять несостоятельность стереотипного представления о многоженстве. Как видно из текста, заявление о третьей жене не помогает установить доверительные отношения с арабом.

После захвата корабля Франклин Хьюз действует не вполне адекватно ситуации. В отсутствие главаря бандитов им овладевают собственнические чувства, поскольку захватчики отняли у него лидерство. Желая вернуть себе внимание аудитории, Франклин продолжает лекцию, наполняя ее посланиями к публике и предполагая, что охранники не понимают по-английски. Когда гиду удастся ободрить слушателей и снова самоутвердится, возвращается главарь, переговаривает с охранниками и внезапно обращается к публике:

«I understand that you have been lectured on the palace of Knossos, he began, and Franklin felt sweat burst into the palms of his hands» [4, p. 51].

(«Значит, вы тут прослушали лекцию о Кносском дворце, – начал он, и Франклин почувствовал, что у него вспотели ладони.»)

Несмотря на напряженность сюжета, данный эпизод имеет и комический оттенок, так как внезапно обнаруженная осведомленность арабов позволяет высмеять тщеславие Франклина Хьюза и его стереотипные представления об ограниченности этих людей.

Глава «Вверх по реке» представляет собой совокупность писем, которые пожилой актер отправляет своей молодой жене из джунглей, где снимается в фильме. Он пытается подружиться с индейцами и даже выучить их язык. Когда его словарный запас достиг шестидесяти слов, он обращает внимание, что употребление этих слов вызывает у индейцев смех. Изначально он думает, что это вызвано неправильным произношением, однако впоследствии неожиданно выясняется, что большинство из них – нецензурщина [4, p. 251]. Прием неожиданности высмеивает стереотипное представление актера об индейцах как о прямолинейных примитивных людях, лишенных чувства юмора.

Проблема межкультурного непонимания затрагивается и в главе «Гора», где автор прибегает к приему абсурдистского диалога. Мисс Фергюссон и местные землевладельцы спорят на тему, больше ли Англия Лондона или насколько турецкий флот больше английско-

го, французского и русского вместе взятых [4, р. 180]. Данный пример хорошо иллюстрирует мысль Дж. Барнса, что патриотизм порой может граничить с заблуждениями и безграмотностью.

К проблеме безграмотности в межрасовых и межнациональных вопросах Дж. Барнс возвращается в романе «Артур и Джордж». Капитан Энсон, общаясь с Артуром, заявляет, что общество не терпит полукровок, так как их души раздираемы между тягой к цивилизации и к варварству. Артур отвечает остротой: «And is it the Scottish or the Parsee blood you hold responsible for barbarism?» [3, р. 385]. («И в варварстве вы считаете ответственной кровь шотландцев или парсов?») Реплика Артура обнажает нарушение логической нормы и успешно опровергает расистские взгляды.

Роман «Шум времени» вновь изображает межкультурные различия и противоречия, на этот раз между СССР и западными странами. Путешествуя на самолете, герой романа Д. Д. Шостакович интересуется непереуслышанным на русский язык пунктом меню. Официальное лицо объясняет, что это ингалятор с бензедрином, высокомерно подчеркивая трусость капиталистов, которые пользуются им из-за страха перелетов. Д. Д. Шостакович, тоже испытывая страх, был и сам непротив попробовать, как иронично называется в тексте, «this decadent Western invention» [5, р. 63] («это упадочническое западное изобретение»). Тем не менее страх себя скомпрометировать перед своими властями оказался сильнее. В ситуации нивелируются воображаемые моральные преимущества советских граждан и высмеивается сама попытка их искать.

При описании впечатлений Д. Д. Шостаковича от поездки в США в карикатурном виде обличается пропагандируемая в СССР картина капиталистического мира: «What had he expected of America? Certainly not cartoon capitalists in stovepipe hats and stars and Stripes waistcoats marching down the Fifth Avenue and trampling underfoot the starving proletariat» («А чего, собственно, было ждать от Америки? Конечно, не зрелища карикатурных капиталистов, которые, обрядившись в цилиндры и звездно-полосатые жилеты, маршируют по Пятой авеню и попирают ногами голодающий пролетариат») [5, р. 65]. Комизм этого описания усугубляется предшествующим сравнением, намекающим, что и в СССР существует значительная разница в благосостоянии между рабочим классом и номенклатурой: «Enormous shrimps, fat and sleek like politicians, swimming in shrimp-cocktail

saucе» («Здоровенные креветки, гладкие и толстые, как политиканы, купались в соусе») [5, р. 64].

Межкультурные различия иногда воплощаются в курьезных ситуациях. В США одна женщина настойчиво звала Д. Д. Шостаковича из-за веревочного ограждения лишь для того, чтобы сообщить о его сходстве с ее кузеном, в то время как композитор ожидал вопросов о музыке. Вопрос женщины привел его в замешательство, поскольку такая непривычная простота и прямота навела мнительного Шостаковича на мысли о шпионском пароле [5, р. 95].

Однако недопонимание иногда приобретает циничный характер, и тогда Дж. Барнс переходит к использованию сатиры. Д. Д. Шостакович осуждает Б. Шоу, так как британский драматург не хотел признавать наличия голода в СССР, ссылаясь на то, как его там обильно угощали. Словесная бравада Б. Шоу по отношению к диктаторам скептически воспринимается Д. Д. Шостаковичем, остроумно подмечаящим, что в Англии диктаторов не было со времен Кромвеля [5, р. 107].

Таким образом, проблема межкультурного взаимодействия является одной из значимых в творчестве Дж. Барнса. Для ее раскрытия писатель прибегает к ряду комических приемов, органично отражающих противоречивые явления в обществе. Демонстрация абсурдистского диалога и нарушение логической нормы успешно раскрывает заблуждения и безграмотность в междисциплинарных и межкультурных вопросах. Такие приемы, как неожиданность и метонимия, позволяют высмеять национальные стереотипы, далеко не всегда имеющие реальное воплощение в жизни. Особенно часто Дж. Барнс использует иронию, направляя ее, как правило, против необоснованного патриотизма, а также постимперской и постколониальной ностальгии.

Литература

1. Bulger, L.F. "We are no Longer Mega" in *England, England* by Julian Barnes / L.F. Bulger // *JoLIE*. – 2009. – № 2. – P. 51–58.
2. Barnes, J. *England, England* / J. Barnes. – L.: VINTAGE BOOKS, 2012. – 376 p.
3. Barnes, J. *A History of the World in 10 ½ Chapters* / J. Barnes. – L.: PICADOR, 2005. – 266 p.
4. Barnes, J. *Arthur & George* / J. Barnes. – L.: VINTAGE BOOKS, 2006. – 376 p.
5. Barnes, J. *The Noise of Time* / J. Barnes. – L.: VINTAGE, 2017. – 184 p.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЗДАНИЯ НОВОСТЕЙ В РОМАНЕ УМБЕРТО ЭКО «НУЛЕВОЙ НОМЕР»

Е. С. Гинак

Белорусский государственный университет,
филологический факультет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: hinak_el@mail.ru

В статье рассматривается система критических взглядов У. Эко на формирование и распространение газетных новостных жанров (короткая новость, репортаж, очерк нравов и журналистское расследование), выраженных на композиционном, идейно-тематическом и сюжетно-образном уровнях организации произведения.

Ключевые слова: роман Умберто Эко, принципы журналистики, карнавализация, конспирологическое расследование, перформативность.

REPRESENTATION OF NEWS-MAKING IN THE NOVEL "NUMERO ZERO" BY UMBERTO ECO

A. Hinak

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
K. Marx st. 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: hinak_el@mail.ru

The article considers the complex of critical views of U. Eco on the writing and distribution of the news genres (short news, reportage, essay on morals and journalistic investigation), expressed in the composition, thematic and figurative levels of the text of his novel «Numero zero».

Key words: novel by Umberto Eco, principles of journalism, carnivalization, conspiracy investigation, performativity.

В 2015 году вышел последний роман Умберто Эко «Нулевой номер» («Numero zero»), в котором центральное место отведено проблемам массовой коммуникации. В аннотации первого издания он назван «un perfetto manuale per il cattivo giornalismo che il lettore via via non sa se inventato o semplicemente ripreso dal vivo» («отличным учебником по дурной журналистике, в котором читатель постепенно перестает отличать вымысел от правды жизни») [1].

При сравнительно небольшом размере произведения его архитектура имеет типичную для всех романов У. Эко структуру, подчиненную матрешечному принципу организации текстов. Первая

и последние две главы представляют собой рамочное повествование. Главный герой, синьор Колонна, обуреваемый манией преследования, пытается вспомнить события предшествующих двух месяцев, осмыслить реальное положение дел в настоящем и решить, как ему жить в будущем. Именно этот уровень определяет общую композицию романа, состоящую из восемнадцати глав, которым придана форма дневника за счет указания даты в качестве заголовка.

Второй повествовательный уровень – это хронологическая реконструкция Колонной событий, связанных с деятельностью фиктивной газеты «Domani» (ит. 'завтра'). Рассказчик излагает то, что происходило на совещаниях в здании редакции, и столько же внимания уделяет развитию отношений с коллегами Майей Фрезией и Романо Браггадочо¹ за ее пределами. Колонна описывает этапы работы над новостями: сначала директор объясняет цели и задачи издания (миссию), общие принципы работы; затем команда тренируется, играя на доведении до абсурда условных ситуаций; после сотрудники выполняют реальные задания, за счет которых У. Эко напоминает читателям реальные события, освещенные в СМИ. Новости показаны на этапе выбора темы, разработки и утверждения. Они предстают преимущественно в устной форме как включенные в данный уровень тексты (синописи, пересказы, зачитывание персонажами заметок, комментарии, творческие импровизации).

У. Эко прибег к гротеску, гиперболам, иронии, комическим контрастам, каламбурам, поэтому работа в редакции выглядит как пародия на деятельность серьезного издания. Важно помнить, что писатель тесно сотрудничал более 50 лет с ведущими СМИ Италии, поэтому соотечественникам легко распознать реалии, прототипы и нацеленность обличительного пафоса романа на конкретные явления в сфере масс-медиа. Знатоки творчества У. Эко узнают в романе его публицистические очерки, вышедшие в журнале «L'Espresso», а позже объединенные в сборниках «Картонки Минервы» (1995), «Полный назад!» (2006), «Эликсир Сатаны» (2016). Особо важное место среди них занимает «0 прессе», вошедший в корпус тестов «Пять эссе на темы этики» (1997), поскольку из него в «Нулевой номер» перенесены не только многие идеи, но и структурно-тематическая организация повествования, касающаяся непосредственно совещаний.

В отдельный повествовательный уровень выделяется конспирологическое расследование журналиста Романо Браггадочо, убитого

¹ Здесь и далее перевод наш. – Е. Г.

в темном переулке Милана. Колонна выступает в данном случае не как рассказчик, а как скептически настроенный слушатель. Стилистически данный текст отличается усложненным синтаксисом, нарочитой серьезностью, он насыщен макабрическими описаниями, алогичными умозаключениями и болезненной подозрительностью, из-за которой мир представляется как хитросплетение враждебных интриг и заговоров. Теория Браггадочо построена на гипотезе о том, что Муссолини не был расстрелян в 1944 году, а бежал из Милана благодаря поддержке Ватикана и скрылся в Аргентине. Послевоенная политическая история предстает как результат интриг *stay-behind* (тыловое сопротивление), ЦРУ, НАТО, масонов. Свою теорию журналист планирует представить в виде статей в «Domani» и отдельной книгой. Это же расследование повторяется в виде разбора в рамочном повествовании телевизионной передачи, подготовленной Би-би-си с явной опорой на материалы Браггадочо. Таким образом, единственным новостным материалом, который по неясным каналам связи доходит до широкой публики, является конспирологическое – антинаучное по сути – расследование. Браггадочо признавался, что он не будет собирать и изучать данные из внешних источников: «... dov'è ricostruire tutto a memoria, lavorare solo di testa» [1, с. 43] («мне придется восстановить все по памяти, работать только головой»), а своим девизом он избрал парафраз картезианского выражения «*Sospettare, sospettare sempre, solo così trovi la verità*» [1, р. 47] («Подозревать, всегда подозревать – только так обретишь истину»).

В итоге рамочное повествование показывает уход Колонны от дурной журналистики во имя поиска собственных жизненных ориентиров, а расследование Браггадочо – путь формирования собственного дискурса и стремительного преумножения сенсаций, рожденных больным воображением.

Система персонажей романа ограничена сотрудниками редакции: директор Симеи, главред Колонна и шесть редакторов. В этом можно усмотреть ироничную аллюзию на Пляяд, что подтверждается именем Майя, которую первой представили коллективу. Подобно тому, как некогда созвездие Пляяд служило ориентиром для мореходов, данные персонажи – каждый по-своему – открыто показывают пути заимствования методов и приемов желтой прессы в «серьезной» журналистике. В частности, Колонна негласно пишет книгу воспоминаний для Симеи. В ней директор должен предстать как борец за правду вопреки давлению сильных мира сего и сабота-

жу бесчестных жургалюг, какими следует выставить остальных сотрудников редакции. Но коллегам он представлен как старший сотрудник, который учит премудростям публицистики, редактирует готовые материалы.

Майя Фрезия занимается гороскопами, хотя изначально ее функция – выведывать подробности личной жизни знаменитостей. Она часто выступает с оригинальными идеями, но директор нарочно дает девушке самое незначительное задание, поскольку она на каждом совещании выступает как голос совести, напоминающий о нормах профессиональной этики и морали и грубо заглушаемый другими. Тем самым автор подчеркивает, что подобные вопросы не учитываются в процессе создания новостей.

Романо Брагадочо специализируется на сенсациях. Ему поручается информационно-аналитическая статья о миланских борделях, но основным своим делом он считает собственное расследование.

Лучиди поручается подготовка тайных досье с компроматом и написание репортажей, в которых следует мастерски опорочить репутации публичных особ так, чтобы не дать им повод подать на газету в суд за клевету и пр. Коллеги быстро узнают, что Лучиди является доносителем спецслужб, и журналистика – лишь прикрытия для его темных дел.

Камбрия занимается криминальной хроникой, отличается слабо развитым абстрактным мышлением, поэтому Колонна называет его специалистом по глупым вопросам. Палатино отвечает за шарады да ребусы, а Костанца берется за те задания, которыми не хотят заниматься другие.

Очевидно, что три персонажа занимаются фиктивной работой, а остальные явно не соответствуют возложенным на них задачам. Весь коллектив воплощает некомпетентность и неэффективный подбор кадров. Многие сами не верят в то, что делают: Брагадочо утверждает, что «i giornali mentono, gli storici mentono, la televisione oggi mente» [1, p. 41] («газеты врут, историки врут, телевиденье нынче врёт»), Майя Фрезия жалеет, что своими гороскопами она «prendo dei creduloni per i fondelli» [1, p. 83] («дурачит простофиль»), а о Колонне она говорит: «Si capisce che non credi a quello che dici, ma hai evidentemente accettato di correre questa avventura» [1, p. 84] («Заметно, что ты не веришь в то, что говоришь, но ты явно решился на эту авантюру...»).

Цель и задачи газеты «Domani» Симеи рассказывает без обиняков Колонне. Она состоит в том, чтобы пробить коммандатору Ви-

меркате, владеющему сетью желтых изданий и телевизионных каналов, развлекательных, оздоровительных и прочих заведений, дорогу в мир крупного бизнеса. Для этого необходимо показать, что он способен подготовить «публикации без утайки», необходимые для шантажа и вымогательства.

Для остальных сотрудников и обычных читателей «Domani» позиционируется как «un nuovo quotidiano disposto a dire la verità su tutto» [1, p. 25] («новая ежедневная газета, готовая рассказать правду обо всем»).

После нескольких совещаний вырисовываются главные приоритеты газеты. На первое место ставится **оперативность и компетентность**. Для того, чтобы номера выглядели актуальными, предполагается датировать их задним числом. Так создается видимость прозорливого прогнозирования развития событий. На практике работа над первым пилотным номером от 18 февраля начинается 8 апреля. Сотрудники работают медленно, поэтому за два месяца коллектив не подготовил ни одного законченного выпуска.

«Non sono le notizie che fanno il giornale, ma il giornale che fa le notizie» («Не новости делают газету, а сама газета создает новости»), – утверждает Сimei [1, p. 57]. Люди привыкли считать достоверной ту информацию, которую представляют масс-медиа. Именно поэтому СМИ выступают в качестве протезов, которые расширяют возможности получения сведений о том, что «случилось за пределами нашей перцептуальной досягаемости» [2, с. 310]. Таким образом, **достоверность** – второй приоритет «Domani». Главный редактор отмечает, что в первый рабочий день «Simei mi aveva avvertito che non avrei dovuto andare in giro a fare inchieste fasulle, ma dovevo stare in redazione per registrare i vari eventi» [1, p. 29] («Сimei предупредил меня, чтобы я не шастал повсюду, занимаясь липовыми расследованиями, а сидел в редакции, отмечая разные события»). Тем не менее в конце данного совещания происходит обмен репликами, свидетельствующий об обратном, а именно, что редакторам не следует гнушаться никакими методами для создания новостей: «E, volendo, anche se nessuno avesse mai buttato la bomba, potremmo benissimo fare un numero *come se*. – O buttare noi la bomba se ci fara comodo, – aveva sogghignato Braggadocio. – Non dica sciocchezze, – lo aveva ammonito Simei. Poi, come ripensandoci, – E se proprio volesse farlo, non venga a dire a me» («И при желании, даже если никто вовсе не бросал бомбу, мы прекрасно можем подготовить номер, как если бы. – Или самим

ее бросить для нашего же удобства, – ухмыльнулся Браггадочо. – Не говорите глупостей, – одернул его Симеи. Затем, словно передумав, сказал: – И если захотите именно так и сделать, то не приходите рассказывать ко мне об этом») [1, р. 34].

Верным способом создания видимости достоверности является подбор источников. Во-первых, редакторы ориентируются на то, что было напечатано в других изданиях или показано по телевидению. В результате происходит беллетризация СМИ: газеты говорят о том, как подается информация в других газетах, а вовсе не о реальных явлениях. Поиск истины подменяется погоней за чужими словами, на основе которых преподносятся собственные интерпретации. Во-вторых, конфиденциальность дает тоже возможность для спекуляций. Журналист всегда может сослаться на свои собственные рабочие записи или даже на воображаемый «источник, близкий к кругам» человека, репутацию которого статья призвана опорочить, но при этом он не обязан их обнародовать.

Приоритетом «Domani» становится также **широкое освещение** разнообразных вопросов. Так возникает проблема отбора информации. У Эко иронично обыгрывает девиз «Нью-Йорк таймс» «all the news that's fit to print». Симеи настойчиво просит сотрудников проявлять инициативу и писать обо всем, что привлекло их интерес. Тем не менее, когда на следующий день журналисты выступают с предложениями, начальник мягко отвергает их всех. Из его объяснений следует, что писать статьи нужно только о том, что даже косвенно не бросает тень на дела Вимеркате, не привлекает внимание органов госконтроля к самой газете. Так, отвергается идея Камбрии провести расследование о влиянии экологии на половые органы, поскольку, несмотря на пикантность темы и ее актуальность для обывателей, такое расследование может повредить всему нефтяному бизнесу. Затем отказ получает Майя Фрезия, хотевшая подготовить репортаж о ресторане «Paglia e Fieno», чтобы не только не привлекать внимание налоговиков, но и не делать рекламу заведению. Позднее есть комичный эпизод, в котором Костанца предлагает изучить роль мобильных телефонов в обществе, но Симеи не считает это достойным информационным поводом и произносит воодушевленную речь о том, почему эти устройства не приживутся [1, р. 95–97].

В противовес этому Симеи обращает внимание, что читателям нужны яркие эмоции, поэтому для новостей отлично подходят скабрёзные темы, которые апеллируют к низменным интересам, пробуж-

дают глубинные страхи, или рассчитаны на «schadenfreude» – радость по поводу чужих бед [1, p. 151]. Директор поощряет распространение суеверий, поэтому он принимает новость о слезоточащей статуе мадонны в одной южной деревушке, а разоблачение фальшивых мальтийских орденов не приветствуется: «Lasciamo a ciascuno le proprie illusioni» («Оставим каждого при своих заблуждениях») [1, p. 76].

Еще один из способов подачи информации заключается в том, чтобы «far sorgere la notizia là dove non c'era» («создавать новость там, где ее не было») [1, p. 64]. Примером раздувания новости становится разоблачительный репортаж о прокуроре Дж. Фальконе, историческом лице, ставшем жертвой мафии. Персонаж романа Палатино подготовил фотографии прокурора. Исходя из того, что тот курит в парке, ест в китайском ресторане палочками, носит салатовые носки и кроссовки, делаются выводы о его непрофессионализме: прокурор выставляется слабаком, лентяем, дикарем и подозрительным маргиналом.

Важный приоритет – **объективность**, нацеленная на отделение факта от мнения. Симеи и Колонна наущают остальных сотрудников следующим уловкам: во-первых, следует оформить мнение в виде цитаты, тем самым задать дистанцию между позицией редакции и тем мнением, которое она стремится внушить; во-вторых, надлежит показывать мнения людей с противоположными взглядами. Суть второй уловки состоит в том, что, если одно из мнений будет заведомо бестолковым, то второе мнение расценят как приемлемое.

Особое влияние уделяется формированию «комплексной подборки» новостей, в которой каждое отдельное событие выглядит несущественным, но представленные единым блоком они создают тревожную картину. Традиция создания подобных подборок играет ведущую роль в формировании стереотипов [1, p. 58]. В качестве практического задания Брагадочо поручают подготовить центральное расследование об исторических борделях Милана, а Костанце – создать подборку мелких статей о случаях разврата и преступлений на почве страсти на периферии города, очерк нравов об адюльтерах. Таким образом, на протяжении нескольких номеров планируется сформировать у общественности представления о необходимости домов терпимости для профилактики преступлений, укрепления здоровья и в целом для цивилизованного развития.

В итоге принцип объективности на практике становится очередным выхолощенным понятием, прикрывающим механизмы воздействия на общественное мнение через новостную политику.

В случаях нехватки информационных поводов главред предлагает «рециркулировать информацию», то есть преподносить в виде сенсации те знания, которые читателями подзабываются. Хорошим источником для таких новостей являются школьные учебники. В качестве образца для подражания предлагается некая книга на английском языке под названием «Ошеломительное открытие ученых из Кембриджа. Цезаря действительно убили в иды» [1, р. 190].

Особое внимание Симеи и Колонна обращают на формирования стиля новой газеты. На протяжении двух месяцев они излагают общие принципы и дают практические советы, правят уже готовые материалы. Они призывают исходить из того, что целевая аудитория издания – добропорядочные и законопослушные буржуа лет пятидесяти, при этом любящие сплетни и часто не имеющие дома ни одной книги [1, р. 30]. В этой связи следует избегать сложных понятий и всяких проявлений эрудиции. Примечательно, что Симеи использует слово «литература» в качестве инвективной лексики. По его представлениям книги содержат лишь пустые фантазии, их никто не читает: ни домохозяйки после прочтения рецензий в газете, ни критики, пишущие эти рецензии, и «*sara grazia se il libro l'ha letto l'autore, e a vedere certi libri a volte si direbbe proprio di no*» («хорошо, если книгу прочтет сам автор, а судя по некоторым книжкам иногда и этого не скажешь») [1, р. 69]. Журналистам предлагается создавать яркие, захватывающие внимание читателя тексты, использовать языковые штампы, даже если они противоречат научным фактам: например, выражение «быть в эпицентре циклона» в телевизионном дикурсе означает «быть непосредственным очевидцем стремительно развивающихся событий», хотя с научной точки зрения это единственная точка, где наблюдается полная тишь. В эссе «О прессе» У. Эко также отмечал, что именно телевидение, а не газеты, формируют современный публицистический стиль, отличающийся кричащими, даже абсурдными оборотами [4, с. 85–90].

В итоге на всех совещаниях в редакции много говорят о высоких принципах журналистики, а практике усилия журналюг нацелены на создание видимости их соблюдения и систематизацию уловок для их обхода.

В романе «Нулевой номер» У. Эко наглядно демонстрирует, что для современных СМИ перформативность важнее информативности, достоверности и объективности. Создаваемые новости превращаются в симуляции реальности, они призваны будоражить вооб-

ражение, а не развивать критический взгляд на события. В эссе «От игры к карнавалу» У. Эко писал о развитии массовой коммуникации: «Будучи по определению существами игрового плана, потеряв всякую меру в играх, мы тонем в тотальной карнавализации» [3, с. 141]. Не удивительно, что в сознании персонажей романа грань между реальным и конвенциональным стерта.

Картина мира, созданная в романе, иллюстрирует концепцию «жидкого общества» З. Баумана, согласной которой на современном этапе развития общества характерны кризис государства как субъекта политики, идеологий как системы ценностей, объединяющей общество, и гипертрофия субъективизма, которая единственной задачей ставит яркое появление на публике: именно поэтому в фантазмагорической передаче на Би-Би-Си возникает череда политиков, включая президента Италии Ф. Коссигу, которые исповедуются во всевозможных бесстыдствах и даже преступлениях, игнорируя здравый смысл и нормы морали. Если в 1997 году в эссе «О прессе» У. Эко предлагал пути преодоления проблем СМИ, то почти двадцать лет спустя в романе «Нулевой номер» автор показал, что единственный выход из кризиса для здравомыслящего и ориентирующегося на гуманистические ценности человека – полный отказ от участия в массовой коммуникации.

Литература

1. Eco, U. Numero zero / U. Eco. – Milano: Bompiani, 2015. – 232 p.
2. Эко, У. Откровения молодого романиста / У. Эко. – М.: АСТ: Corpus, 2013. – 320 с.
3. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко. – М.: ЭКСМО, 2007. – 595 с.
4. Эко, У. Пять эссе на темы этики / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2000. – 160 с.

ВЕЙМАРСКАЯ КЛАССИКА КАК ФЕНОМЕН НЕМЕЦКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. А. Шмык

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: ekaterina.shmyk@mail.ru

В статье рассматриваются характерные особенности понятий «веймарская классика» и «веймарский классицизм». Определяют-

ся предпосылки и условия формирования данного феномена в немецкой культуре, в частности в творчестве И. В. Гёте и Ф. Шиллера.

Ключевые слова: веймарская классика, веймарский классицизм, немецкая культура XVIII века, И. В. Гёте, Ф. Шиллер, эстетическая концепция.

THE WEIMAR CLASSICS AS A PHENOMENON OF GERMAN AND WORLD CULTURE

E. A. Shmyk

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: ekaterina.shmyk@mail.ru

The article discusses the characteristic features of “Weimar classics” and “Weimar classicism” concepts. The prerequisites and conditions for the formation of this phenomenon in German culture and in particular in the works of J.W. Goethe and F. Schiller are determined.

Key words: Weimar classics, Weimar classicism, German culture of the 18th century, J. W. Goethe, F. Schiller, aesthetic concept.

Понятие веймарской классики прочно вошло в мировую культуру буквально сразу со своим появлением. Многие ученые и теоретики культуры, литературы обращались в своих работах к этому феномену. Некоторые исследователи сводят веймарскую классику к исключительно литературному явлению, так как, безусловно, ярчайшими ее представителями и основателями были великие немецкие писатели Иоганн Вольфганг Гёте и Фридрих Шиллер. Однако совершенно неверно сводить это явление в немецкой и мировой культуре только к литературе. Веймарская классика является настоящим феноменом мировой культуры, который в значительной степени повлиял на ее развитие.

В рамках научного дискурса часто можно встретить сразу два термина, которые относятся к этому периоду – «веймарская классика» и «веймарский классицизм». Отметим, что классику стоит понимать здесь как культурную норму. Она выступает как ограничение, которое направлено на прошлое, и вместе с тем как цель «антропологической культуры», или «культуры представления», о которой писал М. Хайдеггер. По замечанию А. В. Ерохина, «понятия классики и классического стиля исторически подвижнее, нежели понятие классицизма» [3, с. 16].

Живое восприятие и, что важнее, понимание классики может быть только в единстве целого ряда факторов, в том числе – ценностного контекста эпохи. Сам Гёте писал относительно условий возникновения истинной национальной классики в статье «Литературное санкюлотство» (1795). По мнению поэта, такое возникновение возможно только тогда, «когда он [национальный автор] застает в истории своего народа великие события и их последствия в счастливом и значительном единстве; когда сам он, проникнутый национальным духом, обладает, благодаря врожденному гению, способностью сочувствовать прошедшему и настоящему; когда он застает свой народ на высоком уровне культуры и его собственное произведение ему дается легко» [2, с. 270].

Зарождение веймарского классицизма связано с путешествием Гёте в Италию, где поэт вновь испытывает приливы вдохновения. «Новых идей и замыслов у меня хоть отбавляй. Когда я остаюсь наедине с собой, передо мной снова встает моя ранняя юность, вплоть до мельчайших подробностей, а потом величие и высокое достоинство того, что я вижу, опять уносит меня в такие дали и выси, что, кажется, на все это и жизни не хватит. Глаза мои приобретают зоркость почти невероятную, но и руке ведь нельзя очень уж сильно отставать», – пишет по этому поводу Гёте [1, с. 177]. Одним из важнейших событий, которые происходят с немецким поэтом в Италии, становится формирование его новой эстетической концепции, которая и получает название «веймарский классицизм». Такое название связано в первую очередь с тем, что окончательное оформление она обретает уже в Веймаре, при участии Ф. Шиллера.

Под термином «веймарский классицизм» следует понимать особый вариант классицизма, который отличается от его канонического трактования. Рассматривая данный вопрос, Г. В. Синило отмечает: «Особый импульс “веймарскому классицизму” дали и старый классицизм XVII в., и просветительский классицизм, но прежде всего его особая немецкая вариация – эстетика И. И. Винкельмана с его особым пониманием античного искусства как наивысшего воплощения “благородной простоты и спокойного величия”, как отражения свободы духа и гражданских свобод» [4, с. 334]. Веймарский классицизм основывается именно на концепции И. И. Винкельмана, которой присуще понимание искусства как высочайшей силы, способной преобразовать человека посредством красоты. Данная мысль станет одной из ключевых для веймарских классиков, позже ее разовьют в своих работах Гёте и Шиллер.

Еще одним важным этапом, который можно выделить в процессе формирования веймарского классицизма, является то, что в Италии Гёте очень четко понимает, что единственный путь преобразования мира и человека – путь «изнутри», который возможен через воспитание красотой и прекрасным искусством. Именно по этому поводу Гёте скажет, что такой путь необходим, чтобы человек «и в этой грязи был чистым, и в этом рабстве свободным». Позже сходная мысль прозвучит и у Шиллера в «Письмах об эстетическом воспитании человека»: «Путь к свободе ведет через красоту». А еще позже в своей вариации повторит эту фразу великий русский писатель Ф. М. Достоевский, имея в виду в первую очередь духовную красоту человека: «Красота спасет мир». Только когда каждый отдельный человек и общество в целом начнут понимать красоту и жить в соответствии с ее законами, человечество станет по-настоящему свободным. В этой связи хотелось бы вспомнить слова Г. В. Синило: «В сущности, “веймарский классицизм” – великая просветительская утопия – утопия преодоления убожества, ничтожности и суеты путем духовного и эстетического совершенствования человека» [4, с. 334].

Самое полное понимание «веймарского классицизма», сущности воспитания человека с помощью прекрасного искусства Гёте дает в очерке «Винкельман и его время» («Winckelmann und seine Zeit»), написанном в 1804–1805 гг. В параграфе «Красота» Гёте говорит о том, что высшая красота есть красота самой жизни, красота совершенного человека безотносительно к искусству. Главная задача искусства, по мнению немецкого поэта, состоит в том, чтобы сделать мимолетную красоту вечной. В искусстве человек (даже несовершенный) понимает и видит свое совершенство, а создавая искусство, он преобразует не только себя, но и весь мир.

Безусловно, в центре усилий «веймарского классицизма» находится сам человек в его наивысшем развитии, духовном и физическом. Этот человек божественно прекрасен, и здесь его устремления родственны подходу традиционного классицизма в высоких жанрах. Но это не единственное, что является для них общим. Сюда же можно отнести и следование законам гармонии, соразмерности. Важно отметить, что, несмотря на это, герой «веймарского классицизма» всегда предстает в динамике, в развитии. Чаще всего писатели показывают путь героя к совершенству, а не само предельное и иной раз недостижимое совершенство. Герой «веймарского классицизма» способен блуждать и даже заблуждаться в собственных поисках. Бу-

дучи обладателем общечеловеческих черт, он всегда наделен яркой индивидуальностью.

Главная задача искусства для «веймарского классицизма» – художественное преображение природы, а не просто верность природе и ее прямое воплощение. Искусство должно постигать, отражать художественную правду, которой могут быть присущи самые разные формы условности, а иной раз и фантастики. Особенное значение веймарскими классиками придается идее гармоничного единства формы и содержания.

Важное место в разработке концепции «веймарского классицизма» занимает новое обращение к античности. Оно не означает прямого заимствования образов или сюжетов. Основная цель заключается в самом творчестве в духе античности – в духе «благородной простоты и спокойного величия» (Винкельман). Характерной чертой «веймарского классицизма» является соединение чувственной конкретности, жизненной достоверности и условности, символичности образов, глубокого философского обобщения.

Заслуга Гёте и Шиллера состоит в том, что они создали особую философию культуры и искусства, особую эстетику и основанные на ней великие художественные произведения. Весь этот комплекс и называют «веймарской классикой». Веймарским классикам принадлежит уникальная морально-эстетическая программа, которая обращена в будущее. Что важно, именно она стала руководством к действию для целого ряда поколений немецких деятелей культуры и образования. Яркий пример – немецкая система университетского образования, которая была основана Вильгельмом фон Гумбольдтом. Ее ядром является идея воспитания, которая в свое время была предложена Гёте. Кроме того, в рамках «веймарского классицизма» можно рассматривать и работы по эстетике и теории искусства, которые в основном были опубликованы в журналах «Оры» и «ПроPILEи», совместно издававшихся Гёте и Шиллером.

Рассматривая веймарскую классику как феномен культуры, невозможно обойти стороной и театр. По мнению А. В. Ерохина, театр веймарской классики оказался «одной из точек разлома старой риторической культуры» [3, с. 29]. Важной особенностью пьес Гёте и Шиллера является фиксация в них появления нового культурно-антропологического типа – «человека исторического». Если рассматривать его на уровне поэтики, то можно отметить, что он сказался преимущественно в парадоксально-волевом характере

«веймарского классицизма». Решение вернуться к строгой регламентации формы с опорой на авторитет античности в последнее десятилетие XVIII в. есть результат осознанного эстетического и этического выбора, одна из многих возможностей, стоявших в то время перед Гёте и Шиллером.

Итак, мы видим, что понятие веймарской классики несводимо исключительно к литературе. Она является многогранным культурным феноменом, который включает в себя не только разработку новых жанров и тем в литературе, но прежде всего – новой эстетической концепции, повлиявшей на мировую культуру, а также ряд работ, посвященных теоретическим аспектам искусства.

Литература

1. Гёте, И. В. Из «Итальянского путешествия» / И. В. Гёте; пер. с нем. Н. Ман // Собрание сочинений: в 10 т. / И.В. Гёте; под ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – Т. 9: Воспоминания и встречи. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 5–243.
2. Гёте, И. В. Литературное санкюлотство / И. В. Гёте; пер. с нем. С. Герье // Собрание сочинений: в 10 т. / И.В. Гёте; под ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – Т. 10: Об искусстве и литературе. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 269–274.
3. Ерохин, А. В. Драматургия веймарской классики, 1786–1805 гг.: автореф. дис.... доктора филол. наук: 10.01.05 / А. В. Ерохин. – М.: МГУ, 1999. – 43 с.
4. Синило, Г. В. История немецкой литературы XVIII века: учеб. пособие / Г. В. Синило. – Минск: БГУ, 2012. – 400 с.

ОБРАЗЫ РУМЫНИИ И ГЕРМАНИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЕРТЫ МЮЛЛЕР

Е. В. Андрианова

Белорусский государственный университет,
филологический факультет,

ул. К. Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: kandryanava@gmail.com

В статье рассматривается художественное пространство произведений Г. Мюллер: «Человек в этом мире – большой фазан», «Одноногие странники», «Сердце-зверь». Особое внимание уделяется образам Румынии и Германии в книгах писательницы.

Ключевые слова: Герта Мюллер, Германия, Румыния, самоидентификация, «Человек в этом мире – большой фазан», «Одноногие странники», «Сердце-зверь».

ROMANIA AND GERMANY IN HERTA MÜLLER'S WORKS

K. V. Andryanava

Belarusian State University, Faculty of Philology,
K. Marx st. 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: kandryanava@gmail.com

The article considers the art space of H. Müller's works: *The Passport*, *Traveling on One Leg*, *The Land of Green Plums*. Special attention is given to images of Romania and Germany in the writer's books.

Key words: Herta Müller, Germany, Romania, self-identification, *The Passport*, *Traveling on One Leg*, *The Land of Green Plums*.

Герта Мюллер (Herta Müller) – известная немецкая писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе 2009 г., автор романов, рассказов, эссе, стихотворений-коллажей, повести. Писательница родилась в немецкоязычной деревне Ницкидорф в Румынии, до эмиграции в Германию жила в румынском городе Тимишоара. Не случайно художественное пространство повести Г. Мюллер «Человек в этом мире – большой фазан» («Der Mensch ist ein großer Fasan auf der Welt», 1986), а также ее романов «Одноногие странники» («Reisende auf einem Bein», 1989) и «Сердце-зверь» («Herztier», 1994) включает в себя три основные составляющие: румынскую деревню, румынский город и Германию.

Впервые о жизни в румынской деревне, о жизни банатских швабов, Г. Мюллер рассказала в дебютном сборнике «Низины» («Niederungen», 1982) [4]. После выхода в свет «Низин» земляки назвали писательницу «осквернительницей родного гнезда, распутницей и ведьмой» (здесь и далее перевод наш, за исключением отдельно оговоренных случаев. – Е. А.) («Nestbeschmutzerin, Hure und Hexe») [2, S. 114], так как были не согласны с ее взглядом на их жизнь. Тема Ницкидорфа, безмолвного, наполненного одиночеством и непониманием со стороны окружающих людей детства звучит во многих эссе и интервью автора. Характеризуя образ жизни людей в немецкой общине, Г. Мюллер отмечает их изолированность от внешнего мира, приверженность привычному укладу и суевериям, отсутствие коммуникации даже между родственниками. В деревне время словно остановилось.

Именно в одной из немецкоязычных деревень исторической области Банат на территории Румынии родилась главная героиня романа Г. Мюллер «Сердце-зверь». Писательница вводит в текст различные уточнения, позволяющие определить происхождение

рассказчицы. Подсказкой для читателя служат упоминания о том, что главная героиня является немкой [3, S. 187, 219] и католической [3, S. 187], ее родной язык немецкий [3, S. 76, 219], часто в тексте используется слово «швабский». Книги, которые контрабандой привозят в Румынию и которые тайно читают главная героиня и ее друзья, «написаны на нашем родном языке, том самом, на котором можно сказать, что ветер улегся спать. Нет, это был не государственный язык страны, где я [главная героиня. – Е. А.] теперь живу. Но и не детский, вечерний, колыбельный язык наших деревень. В книгах жила наша родная речь, но не деревенская затхлая тишина, что глушит всякую мысль» [6, с. 54] («...geschrieben waren sie in der Muttersprache, in der sich der Wind legte. Keine Staatssprache wie hier im Land. Aber auch keine Kinderbettsprache aus den Dörfern. In den Büchern stand die Muttersprache, aber die dörfliche Stille, die das Denken verbietet, stand in den Büchern nicht drin» [3, S. 55]). Очевидно, книги были написаны на немецком языке, а «наш язык» – это швабский диалект. В одном из писем мать главной героини рассказывает дочери о визите к ним домой служащих Секуритате: ее внимание привлекло то, что шофер говорит «по-немецки, да и еще на швабском нашем наречии» [6, с. 76] («Deutsch, nicht nur Hochdeutsch, sogar Schwäbisch» [3, S. 76]). Чтобы больше уколоть друг друга и вызвать тем самым негативные чувства (любые чувства являются подтверждением того, что в героях не остыла жажда жизни), молодые люди придумывают всевозможные ругательства, в которых обязательно используют отсылку к «швабскому» происхождению друг друга [3, S. 78, 83–84, 137].

Курт, Георг и Эдгар родом из немецкоязычных семей. В одном из эпизодов романа главная героиня рассказывает о дядях Эдгара, бывших солдатах-эсэсовцах, которые не вернулись после войны домой, переехали жить один в Австрию, другой в Бразилию, где они «... построили себе швабские дома. Насквозь швабские, такие же, как их мозги <...> Управившись с постройкой, оба дяди завели детей, двух швабских ребят. Только деревья перед домами – хотя оба дяди каждую весну подстригали их, как привыкли еще до войны, у себя дома, – росли вопреки швабскому шаблону, росли по воле иного неба, иной земли и погоды» [6, с. 65] («...bauten zwei schwäbische Häuser. So schwäbisch wie ihre Schädel <...> Und als die Häuser fertig waren, machten sie ihren Frauen zwei schwäbische Kinder. Nur die Bäume vor dem Haus, die sie jedes Jahr schnitten wie zu Hause vor dem Krieg, wuchsen über das schwäbische

Muster hinaus, dem anderen Himmel, Boden und Wetter nach» [3, S. 65]). В истории жизни дядей Эдгара обнаруживается ассоциативная связь с биографией отца главной героини романа (он тоже был эсэсовцем, после войны вернулся на родину и создал семью), чем обусловлено чувствующееся между строк раздражение девушки. Как известно, отношения с отцом не складывались и у Г. Мюллер. В описании деревенского уклада жизни в романе «Сердце-зверь» подчеркиваются страх людей менять привычки и пробовать что-то новое, отсутствие развития, сдержанность в выражении чувств. Особенно отчетливо это видно в эпизодах, когда в родном доме рассказчицы после смерти ее отца все часы остановились, даже наручные часы матери. Заводить часы было обязанностью отца, мать не имела к этому никакого отношения, поэтому не стала заводить их после смерти мужа. Бездействие матери и нерабочие часы символизируют горечь утраты близкого человека, а главное – остановившееся время.

Следует отметить, что в романе «Сердце-зверь» основное действие происходит в Румынии, лишь отдельные эпизоды посвящены жизни героев в Германии. Что характерно, с первых страниц романа «Сердце-зверь» трудно определить его точное место действия. Автор не называет страну и город, в которых живут персонажи, не приводит названия деревень и маленьких городов, из которых герои родом. Вместо слова «Румыния» в романе используются, как правило, слова «das Land» («страна») [3, S. 9, 55, 68, 243], «dieses Land» («эта страна») [3, S. 7, 128]; город, в котором живет главная героиня – это просто «die Stadt» («город») [3, S. 151], «diese Stadt» («этот город») [3, S. 129]. Определить соответствующие географические пункты возможно по точечным упоминаниям, отсылкам к Румынии и румынскому народу [3, S. 189, 233]. Позже в тексте будет использовано и название «Румыния» [3, S. 246]. Позвонив по номеру телефона, найденному в чемодане Терезы, прибывшей в Германию навестить подругу по указке капитана Пжеле, главная героиня попадет в посольство Румынии [3, S. 160]. Кроме того, в тексте упоминаются Чаушеску [3, S. 144, 183] и Антонеску [3, S. 183], режим правления в стране определяется как «Diktatur» («диктатура») [3, S. 52]. Начиная с первой страницы романа, двадцать раз используется определение «Diktator» («диктатор»), что напрямую отсылает читателя к трагической истории Румынии. Исторический контекст дополняется рассказами об охранниках, патрулирующих улицы городов, о постоянном чувстве страха у людей, о партии, о попытках местных жите-

лей бежать за границу вплавь через Дунай или по железной дороге, что сопровождалось многочисленными случаями смерти, о пивнушках и дешевых кабаках, об алкоголизме как повседневных реалиях страны. Обращают на себя внимание приведенные в романе строки из песни «Канарейка желтая, / Желтая, как желток, / Мягкие перышки, / Грустные глаза» [6, с. 67] («Gelber Kanarienvogel / gelb wie das Eigelb / mit weichen Federn / und abwesenden Augen» [3, S. 68]) известной румынской рок-группы «Phoenix» (Феникс), которая была популярна на родине до тех пор, пока не эмигрировала.

В отличие от Румынии, в Германии в романе «Сердце-зверь» есть прогресс и развитие, свобода граждан. По словам главной героини, «они [люди, перебравшиеся из румынских деревень в город. – Е. А.] стремились туда, откуда были эти книги [провезенные контрабандой. – Е. А.]. Там были джинсы и апельсины, мягкие игрушки для детей, переносные телевизоры для отцов и колготки-паутинки и настоящая тушь для ресниц – для мам» [6, с. 55] («Wo diese Bücher herkamen, gab es Jeanshosen und Orangen, weiches Spielzeug für Kinder und tragbare Fernseher für Väter und hauchdünne Strumpfhosen und richtige Wimperntusche für Mütter» [3, S. 55]); отмечается высокое качество печати в Германии, в то время как в Румынии после чтения книг и газет руки остаются черными от типографской краски.

Не называется страна, из которой родом главная героиня, и в романе Г. Мюллер «Одноногие странники». Сопоставив же факты биографии писательницы с событиями в жизни Ирене, нетрудно сделать вывод, что под «другой страной» и здесь подразумевается Румыния. Действие романа сосредоточено главным образом в Германии, но в первой и второй главах и отдельных эпизодах-ретроспекциях речь идет о Румынии. С одной стороны, Румыния показана как страна, в которой правит диктатор и жизнь главной героини находится под угрозой, с другой – это родина Ирене, по которой девушка непрестанно тоскует, пряча это чувство глубоко в душе или пытаясь управлять им: «Ирене часто думала о другой стране. Все же они не застряли в глотке, эти мысли. Они не были запутанными. Они были ясными. Почти упорядоченными. Ирене взяла их, в лоб. Отодвинула их подальше в затылок. Словно папки. Что должно было двигаться в голове, чтобы это называлось тоской по родине. Размышления остались сухими. Слез никогда не было» («Irene dachte oft an das andere Land. Doch sie drückten nicht in der Kehle, diese Gedanken. Sie waren nicht verworren. Überschaubar waren sie. Fast geordnet. Ire-

ne nahm sie hervor, in die Stirn. Schob sie zurück in den Hinterkopf. Wie Mappen. Was mußte sich bewegen im Kopf, daß es Heimweh hieß. Das Nachdenken blieb trocken. Es kamen nie Tränen») [5, S. 83].

Переехав в Германию, Ирене часто блуждает по городу, наблюдая за людьми, изучая их поведение, походку, внешний вид, и с легкостью обнаруживает себе подобных – «странствующих на одной ноге», то есть эмигрантов. «Одноногих странников» объединяют потупленный взгляд, неуверенность, молчаливость, не покидающее их чувство тоски по родине. Бесконечные скитания героини по немецкому городу призваны передать страх перед неизвестностью и мучительное ожидание (девушка ждет получения немецкого гражданства, что станет символом признания ее как личности – свободной, уникальной, имеющей право на самовыражение и на жизнь), символизируют поиск идентичности. Выступая в роли наблюдателя, способного заметить мельчайшие детали во внешности, одежде, речи случайных прохожих, товарищей, чиновников бюро, своего возлюбленного, Ирене не может не ассоциировать себя и с тайным агентом, чьей жертвой она совсем недавно была в Румынии.

В повести Г. Мюллер «Человек в этом мире – большой фазан» рассказывается о семье румынских немцев, проживающих в одной из деревень Баната и ожидающих разрешения властей на выезд в Германию. Действие повести разворачивается в Румынии в период правления Николае Чаушеску (в тексте упоминается его имя и имя его жены Елены Чаушеску [1, S. 61–62]) – в 80-е гг. XX в. В то время как многие соседи покидают деревню, преодолев многочисленные препятствия, главные герои произведения – Виндиш, Катарина и их дочь Амалия – вынуждены продолжать ждать до тех пор, пока Амалия в буквальном смысле не продает себя за разрешение эмигрировать.

Чувствуется, что в деревне существует строгая социальная иерархия и по отношению друг к другу румыны и румынские немцы испытывают неприязнь. В пивной на замечание столяра (немца) румынский тракторист реагирует выражением «Никакого немецкого» («Nix mehr deutsch» – Г. Мюллер стремится графически, через неправильное написание частицы nicht, передать произношение румына и выразить презрение говорящего), а затем на румынском «Здесь Румыния» [1, S. 64], что значит – Румыния принадлежит румынам, и немцы должны по меньшей мере говорить на ее государственном языке. В другой ситуации местный священник говорит о том, что «могилы румын не принадлежат кладбищу <...> Могилы румын пах-

нут иначе, нежели могилы немцев» («die Gräber der Rumänen nicht zum Friedhof gehören <...> Die Gräber der Rumänen anders riechen als die Gräber der Deutschen») [1, S. 43], то есть даже после смерти происходит отчуждение.

Важную часть жизни людей Баната в повести «Человек в этом мире – большой фазан» составляют многочисленные приметы и суеверия, в которых они находят подкрепление своим ожиданиям и предчувствиям. Если кто-то умер в деревне, румынские немцы объясняют это тем, что на крышу его дома села сова – «вестник смерти», а если сова поднялась в вечернее небо, значит, душа умершего покинула дом. С помощью суеверий жители деревни отстраняются от реальности и повседневных проблем, даже не пытаясь вникнуть в суть происходящего (например, смерть Дитмара многие объясняют тем, что он увидел на поле боя молодую сову и подставил себя под пулю, в то время как для других – это несчастный случай). Людьюми управляет страх перед всем новым и неизвестным и перед реальностью. С одной стороны, Г. Мюллер стремится показать слепую приверженность жителей деревни привычному укладу жизни, их ограниченность (контрастным на этом фоне выглядит желание некоторых румынских немцев эмигрировать). С другой стороны, фольклорные мотивы придают повествованию особую поэтичность и являются одним из способов выражения этнической самоидентификации персонажей.

Время от времени жители Баната получают письма от эмигрировавших в Германию односельчан. Рассказы о Германии, новом образе жизни действуют двояко на тех, кто остался в деревне и еще не получил разрешения властей на отъезд: у одних чувство страха и опасности, ощущение беспомощности усиливаются (смогут ли они вести полноценную жизнь в новой для них стране?), другие же еще больше утверждают в своем решении покинуть Румынию. О сильной тоске по родине рассказывает в своих письмах скорняк, и именно ностальгия станет главной причиной приезда Виндиша и Катарины в деревню спустя некоторое время после эмиграции.

Преодоление пространственных границ может привести к изменению идентичности человека, так как меняются его окружение, условия жизни, система ценностей. В финале произведения Виндиш приезжает в деревню на мерседесе, чтобы навестить друзей, бывших односельчан. Его жена одета и причесана по последней немецкой моде, носит туфли на высоких каблуках, угощает почтальонку шоколадом «Риттер-спорт». Жена Виндиша отмечает при виде

красных пологих крыш домов деревни: «Словно мы никогда здесь и не жили» («Als hätten wir nie hier gewohnt») [1, S. 109]. Между Виндишем и земляками из Баната возникает невидимая граница, дистанция в коммуникации. Он обращает внимание на скотницу во все том же голубом платке, сторожа в его бывшей рубашке и пиджаке, привычные разговоры о молодой сове, из-за которой заболела тощая Вильма, и др. Очевидно, в деревне ничего не изменилось. Оказавшись вновь в деревне, Виндиш с Катариной идут в церковь, «на щеке у него стеклянная слезка» («auf seiner Wange hängt eine Träne aus Glas») [1, S. 111] – то ли от нахлынувшего чувства тоски по родным местам, то ли от разочарования из-за застывшего здесь времени, а скорее, из-за всего вместе.

Таким образом, художественное пространство анализируемых произведений Г. Мюллер составляют Румыния и Германия, с которыми тесно связана вся ее жизнь. В повести «Человек в этом мире – большой фазан» на первый план выходит Румыния (немецкоязычная деревня в Банате), в романе «Одноногие странники» – городская жизнь в Румынии и Германия, в романе «Сердце-зверь» – Румыния (жизнь в городе и деревне) и Германия. В отличие от повести «Человек в этом мире – большой фазан», где акцент сделан на самоидентификации человека и его восприятию окружающей действительности перед эмиграцией, в романах «Одноногие странники» и «Сердце-зверь» максимально точно переданы чувства и эмоции людей, эмигрировавших в другую страну. Общими в названных произведениях Г. Мюллер являются разделение персонажей на «своих» и «чужих» по национально-этническому и моральному признакам, ощущение потерянности и страха перед неизвестностью.

Литература

1. Müller, H. Der Mensch ist ein großer Fasan auf der Welt / H. Müller. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2009. – 112 S.
2. Müller, H. Die Anwendung der dünnen Straßen // Immer derselbe Schnee und immer derselbe Onkel / H. Müller. – München: Hanser Verlag, 2011. – S. 110–124.
3. Müller, H. Herztier / H. Müller. – München: Carl Hanser Verlag, 2007. – 256 S.
4. Müller, H. Niederungen / H. Müller. – Berlin: Rotbuch Verlag, 1988. – 142 S.
5. Müller, H. Reisende auf einem Bein / H. Müller. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2013. – 176 S.
6. Мюллер, Г. Сердце-зверь / Г. Мюллер, пер. с нем. Г. В. Снежинской. – СПб.: Амфора, 2010. – 255 с.

ЯВЛЕНИЕ МЕТАТЕАТРА В БЕЛОРУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Д. В. Русецкая

Белорусский государственный университет,
филологический факультет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: darie.23k@gmail.com

В статье рассматривается явление метатеатра, характерное для драматургии второй половины XX – начала XXI вв., в контексте белорусской драматургии начала XXI в. на примере пьес Н. Рудковско-го «Дожить до премьеры» (2009), Д. Богославского «Blondie» (2015), П. Пряжко «Запертая дверь» (2010).

Ключевые слова: метатеатр, саморефлексия, белорусская драматургия, театр.

THE PHENOMENON OF METATHEATRE IN BELARUSSIAN DRAMA

D. V. Rusetskaya

Belarussian State University, Philology Department,
K. Marx st. 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: darie.23k@gmail.com

The article examines the phenomenon of metatheatre, peculiar to drama of the second half of the 20th – early 21th century, in the context of Belarusian drama by reference to the plays by N. Rudkovsky “Live up to the premiere” (2009), D. Bogoslavsky “Blondie” (2015), P. Pryazhko “The Closed Door” (2010).

Key words: metatheatre, self-reflexivity, Belarusian drama, theatre.

Начиная с середины XX века европейский театральный ландшафт характеризуется все большей степенью пересмотра конвенциональной структуры драматического текста и сценического представления. Конечно, авангардное течение сосуществует в театре с классическим типом драмы и постановки, однако последний не оказывает значительного влияния на развитие театральных практик. Все-таки нельзя начисто отбросить традиционный (аристотелевский) театр, ведь он служит драматургам и режиссерам XX–XXI вв. в качестве стимула в поиске новых методов художественного изображения действительности.

Отчуждение от привычных форм и понятий создает конфронтацию между художником и его стремлением выразить себя через творение. Результатом этого становится трансформация способа

создания произведения в его предмет или тему. Такого рода «тематизация» творческого процесса способствует тому, что механизмы драматического искусства становятся объектом саморефлексии (метакритики) внутри них же самих. Так, например, итальянский театральный режиссер и актер Дж. Стрелер писал: «Истина проста и ясна: деятель театра может выразить себя только в театре и посредством театра, для него единственно возможный способ объяснения – это сцена (идет ли речь об актере, режиссере, драматурге). Все остальное ему глубоко чуждо, потому что все остальное глубоко чуждо самой природе театра» [7, с. 5].

Отражение игровой природы внутри драматического произведения легло в основу понятия метатеатр, введенного Л. Абелем в работе *Metatheatre: A New View of Dramatic Form* (1963). Теория американского критика берет начало в метафоре *theatrum mundi*, известной еще со времен Античности. Ее суть заключается в том, что жизнь – сцена, на которой люди как актеры играют различные роли перед зрителем и одновременно режиссером – божественным оком. Однако как значительный смыслообразующий компонент именно в театре она начала использоваться во второй половине XVI – первой половине XVII вв. такими драматургами, как Уильям Шекспир, Лопе де Вега, Педро Кальдерон дела Барка и др.

После долгого затишья метафора *theatrum mundi* становится одним из ведущих художественных элементов эстетики XX века. Только ее теоцентрическая направленность исчезает ввиду ослабления былых религиозных взглядов. Ее функции адаптируются к новому духу времени, а, следовательно, служат иным целям. Российская исследовательница Е. Доценко пишет: «На протяжении многих веков театральность не была отличительным качеством отдельных произведений или направлений в театральном искусстве и не воспринималась как вызов устоявшимся требованиям или, наоборот, рутина» [2, с. 159]. То есть театр XX в. начинает тяготиться шлейфом классических приемов и, согласно Патрису Пави, выполняет «операцию мета»: «“Операция мета” в театре заключается в рассмотрении сцены и всех ее составляющих – актера, декорации, текста – в качестве объектов метакритики, то есть обладающих знаком наглядности и отрицания (“Это не объект, а обозначение объекта”）」 [3, с. 177]. Приставка «мета-» в греческом языке означает ‘между, после, через, за’. То есть новый театр говорит о чем-то, что находится за привычным театральным искусством, между театром и не-театром. На этом

уровне 'вне' театра игра акцентирует внимание на обстоятельствах собственного производства.

Так, в XX–XXI вв. драматические практики пережили ряд трансформаций. Во-первых, это отслоение и фундаментальное различие текста пьесы и текста представления ввиду разрушения канонического образа драмы (обилие ремарок, фигуративность, опускание перечня действующих лиц и др.; рождаются так называемые «драмы для чтения»), а также развития режиссерского театра, предполагающего авторское видение чужого произведения. Во-вторых, амиметичность и уклон в абстракцию обнажают неспособность прямого подражания действительности и психологизма удивить и привлечь зрителя. Для него это уже давно чья-то чужая история, от которой он чувствует себя дистанцированным. В ответ современная драматургия разрушает четкие границы между вымыслом и реальностью и изобилует внутривидеоматическими отсылками к фикциональности произведения. Стратегия игры переставляет переменные, ввиду чего драматург перестает быть главным создателем и преподносит читателю изобилие художественных инструментов для создания собственного смысла. В-третьих, использование технологий, медиатизация, виртуализация делают театр прогрессивным и соответствующим достижениям времени, а также служат ключом к получению нового зрительского опыта. Таким образом, произведение искусства является неким проектом или жестом, ожидающим ответной реакции.

Начало XXI в. на Западе отмечено появлением работ Х.-Т. Лемана «Постдраматический театр» (1999) и Эрики Фишер-Лихте «Эстетика перформативности» (2004), в которых изложены театральные тенденции второй половины XX века (театр опыта, акцент на состоянии, а не действии, создание события, перформативность, разрушение связи между текстом и действием). Многие из этого, хотя и с опозданием, пришло в белорусскую драматургию (в конце 1990-х – начале 2000-х). Учитывая специфику культурной и социально-политической ситуации, белорусские драматурги XXI в. впитывают наследие европейского театра и ищут в нем методы и идеи для собственного высказывания. Относительная новизна подходов в белорусском контексте вызывает необходимость поиска подходящего языка как с лингвистической точки зрения, так и со структурно-композиционной. Неудивительно, что некоторые черты современной белорусской драмы заключают в себе метатеатральную эстетику.

Таким образом, метатеатральность становится весьма характерной тенденцией как в западном, так и в белорусском театре.

Пьесе Н. Рудковского «Дожить до премьеры» (2009) можно было бы назвать классическим примером «театра-в-театре», где репетиция некой постановки наслаивается на действительность героев. Актриса Вера со своей подругой и коллегой Катей готовится к премьере спектакля о Второй мировой войне. Несмотря на то, что их не хотят брать на роли партизанок, девушки задумали план самостоятельных репетиций с целью поразить режиссера и в конце концов попасть в состав. Главный зачинщик – Вера. Репетиционный процесс вшивается в повседневную жизнь (Вера обливает себя холодной водой перед сном, чтобы почувствовать, каково было жить в окопах, наставляет Катю соорудить дома нары), где происходит губительная встреча воображения и амбиций с полностью несхожим современным миром.

На протяжении пьесы два подхода к театральному искусству становятся объектом метакритики. Классической концепции «вчувствования» (Вера, Катя) противопоставлена суровая действительность современного человека (Женщина, Леша), которая теперь не уживается с событиями прошлого (ВМВ) и имеет бессчетное количество нового материала на замену старым чужим нарративам.

Так, актерская практика Веры и Кати заключается в моделировании реальности («Еще по соку и на фронт?» [5, с. 3] – спрашивает Катя Веру в кафе) и «изучении», а не искреннем сопереживании. «Надо было внимательно живую бабушку в детстве изучать», «Надо и чужую реакцию изучать», – говорят героини [5, с. 3]. Очевидно осмеяние автором их намерений, которые в первом случае выражают непонимание старого уклада и разлад между поколениями в рамках одной семьи, а во втором – сатирически обнажают расхождение плана девушек с современными тенденциями и отказ от себя самих ради игры. Само имя Вера соответствует творческой установке героини. Она хочет настолько вжиться в роль партизанки, чтобы ее игре поверили зрители. Вера готова «на любые жертвы ради искусства» [5, с. 9]. В свою очередь подчинение Кати выдумке подруги наводит на мысли о популярной в военное время песне «Катюша» и оружии с таким же названием. Вера использует Катю как инструмент реализации своих фантазий. Именно в образе Кати они доходят до крайности – она бросает коктейль Молотова в выпивающих на лавке парней, которые к ней приставали («Голоса: Девушка, девушка, куда шпаришь? <...> Катя: На подвиг» [5, с. 24]).

Муж Веры Леша мирно, с любовью пытается убедить ее, что «квартира – это не театр» [5, с. 5]. Однако пути, по которым они хотят двигаться дальше, совершенно расходятся: «Каждому свое: у тебя мировой экономической кризис, у меня вторая мировая война» (*сохранены особенности правописания источника*) [5, с. 14]. Леша – типичный представитель современности, он «пашет» на работе, остро ощущает последствия экономического кризиса, его занимают политическая ситуация и цены на бензин. Связь с действительностью в его образе подчеркивается приземленностью желаний. В то время как Вера живет вымыслами и обменивает дорогие украшения на две буханки хлеба, которые и подает мужу на ужин, Леша ощущает естественное желание обильно поесть и провести вечер с женой. «Я тогда не жил. Я сейчас хочу жить», – отвечает Леша [5, с. 23]. Если перевести эти слова на метауровень, то можно заключить, что в них выражена необходимость и в театре «жить», т. е. говорить по-новому, о том, что происходит с современным человеком. Отношения Веры и Леша достигают пика, когда первая на самом деле разворачивает надуманную сцену насилия между ней и Инструктором по фитнесу («фашистом») перед глазами мужа. Вера совершает низкий поступок во имя спектакля и пренебрегает очередной естественной потребностью мужа – верностью жены. Вся жестокость военных времен в подаче Веры выглядит гнусной чушью: «Одно дело – побить вас, но такое слушать!!!» [5, с. 18]. Эти слова Инструктора, на первый взгляд странные (кажется, бить не так жестоко и невыносимо, как слушать), отсылают к действию, которое выполняют и зрители, и их реакция может быть схожей.

Тем не менее, проникновение в жизнь Леша масштабных социальных проблем определяет его мышление и мечты: «Почему люди не летают, как птицы? Сейчас бы вечером слетал бы в Ирак или Венесуэлу со своей канистрой за дешевым бензином» [5, с. 9]. Сглаживание крайних проявлений путаницы между вымыслом и действительностью показано в образе Женщины. В ней сконцентрировано представление автора о современных значениях понятий искренности и невинности, а ее реплики противостоят затуманенности рассудка остальных персонажей: «Заметалась на разных работах. А еще этот ваш театр. Все такая суета!» [5, с. 29]. Более того, в ее образе выражена подлинная боль (больная мать, несколько работ, спуск на панель) в противовес специально смоделированной боли Веры-партизанки и приземленным переживаниям Леша. Женщина почти незаметна на протяжении пьесы, ее роль количественно мала, у нее

нет имени или профессии (Инструктор). Возможно, в этой героине стоит искать истинный образ современного человека и проблем его существования в социуме.

В пьесе Д. Богославского «Blondie» (2015) встречаем концептуально иную схему работы с конвенциональными элементами драмы и читательским восприятием. Сюжет построен на историческом факте о Гитлере и его собаке Блонди, которая в бункере родила пять щенков. Кончая жизнь самоубийством, Гитлер сперва убил Блонди и единственного щенка мужского пола Вольфа. Четыре оставшихся становятся обузой для лечащего врача Гитлера Людвиг Штумпфеггера, который не знает, что с ними делать.

С этого момента драматург разворачивает три линии сюжета – дневник Людвиг, четыре женщины в бункере и авторские ремарки, – которые органично переплетаются друг с другом. Людвиг – историческое лицо, поэтому сперва можно подумать о биографичности происходящего. Однако его линия показана через мысли, записанные в тетради. Посредством субъективизации исторического лица автор помещает его в вымысел произведения. Мы не можем представить себе Людвиг ни как человека, ни как действующее лицо. В это время щенки, которые на самом деле существовали и, конечно, не могли разговаривать, ведут основную повествовательную линию «красивыми женскими голосами» [1, с. 3]. Осуществляется перестановка акцентов между фактом и вымыслом: факт лишается документальной подоплеку, а вымысел становится самой близкой реальностью для зрителя.

Если герои пьесы разговаривают между собой или сами с собой, то авторские ремарки все время «разговаривают» с читателем. Традиционно они не озвучивались на сцене, но служили только помощью в понимании персонажей и событий. Современная драматургия играет с нормой. В данном случае ремарка важна как отдельный персонаж, третья функциональная часть пьесы. Она вступает во взаимодействие с остальными линиями и обрамляет их. «Хенрике орет, и кажется, что от ее крика должны лопнуть все оконные стекла в округе... Но это бункер! Здесь нет оконных стекол! Здесь нет “в округе”, это бункер 1,5x1,5x1,5, здесь душно, тесно, и больше ничего!» [1, с. 5] – сказано в ремарке. Внутридраматический мир сталкивается с подлинными условиями бункера и каждый раз разбивается о них. «Как вы себе это представляете?» [1, с. 9] – спрашивает автор, бросая вызов воображению зрителя. «Но представить можно!» [1, с. 9] – отвечает он, опережая реакцию читателя.

Если на пересечении сюжетных линий женщины – это щенки, то нас, конечно, удивит широта их познаний и наличие прошлого опыта в разных сферах жизни («у меня и профсоюз, и выслуга лет, и почетная грамота» [1, с. 15]). Одновременно в их речь проникает лексика, связанная с жизнью собак («скурвился цех! ссучился», «Мать Волчица», «может, действительно сдохла?»), что также подчеркивает связь первой и второй линий. Как и все животные, они сперва не узнают себя в зеркале, что составляет метаэлемент пьесы, так как зритель в репликах и действиях женщин может «узнать» схемы поведения между людьми в реальности. Сам драматург говорит следующее: «Эти четыре женщины, запертые в бетонном кубе, – некая модель нашего общества, которая как-то пытается существовать в очень неудобном для них пространстве, и в конце концов они в нем остаются, потому что страх чего-то нового преобладает»¹. Действительно, они ссорились и дружили, работали и отдыхали, даже проводили выборы на место того, кто станет руководителем плана освобождения, однако свобода оказалась настолько непривычной и некомфортной для них, что страх перед неизвестностью превозмог.

Пьесы П. Пряжко представляют собой особый тип взаимодействия искусства с действительностью. Драматург максимально приближает искусство к жизни, включая в условные рамки пьесы с первого взгляда заурядные и низовые ситуации, чувства, образы. Он фиксирует моменты жизни и выставляет их перед читателем как фотографии. Их сюжеты часто скудны, примитивны и не содержат привычного драматического развития, тем более сильный эффект это оказывает на зрителя.

Так, например, в пьесе «Запертая дверь» (2010) изображаются будни ничем не примечательных молодых людей. Структура пьесы кольцевая: начинается и заканчивается историей Наташи и Валеры в каком-то «центре», а основную срединную часть занимает рабочий день Оли, Димы и Славы «на окраине». В композиции содержится дихотомия: короткая линия «в центре» является обрамлением основной части, хотя по времени занимает несколько недель, в то время как «на окраине» действие занимает большую часть пьесы и длится почти столько, сколько героям нужно, чтобы произнести текст.

Функции авторских ремарок здесь также играют важную роль. Их в пьесе больше, чем реплик героев: «в центре» они преобладают над высказываниями, «на окраине» наоборот. Они будто восполня-

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=II1dPJuT1YI>

ют недостаток общения между героями, давая развернутые описания их чувств и намерений через жесты и мимику. Российский театровед П. Руднев пишет: «В ремарках Пряжко тонкая насмешка над театром, который пытается “материально оживить” то, что легче нарисовать словом, вообразить, нежели достоверно увидеть на сцене и поверить в эту достоверность» [6]. Так, посредством ремарок драматург беседует с читателем и предлагает представить нарисованные его словом эпизоды.

Язык не способствует пониманию психологии персонажей и не помогает самим героям устанавливать отношения. За лингвистическим минимализмом открывается философская обобщенность образа человека. Разговорная речь, слэнг, мат – все это присутствует в пьесах как современный эквивалент высокому языку и инструментарий общения. Как в речи использование таких «заменителей» чувств, так и в жизни имитация классических взаимодействий между людьми (семья: Валера просит Наташу разыграть беременность перед его родителями; рабочий коллектив: Слава и Дима притворяются, что работают; любовь: Оля флиртует с Димой; дружба: Наташа ходит на курилку с работницей соседнего магазина) остается единственной схемой действия для героев.

Таким образом, в творчестве белорусских драматургов Н. Рудковского, Д. Богославского, П. Пряжко происходит осмысление и преобразование драматических компонентов, привычное классическое использование которых изжило себя. Такие элементы театральной реальности, как разрушение дихотомии вымысла и действительности, авторские ремарки, обращения к зрителю, композиционные трансформации и внутридраматические отсылки к фикциональности пьесы, являются наиболее яркими и смыслообразующими элементами метатеатральности.

Литература

1. Богославский, Д. Blondie [Электронный ресурс] / Д. Богославский. – Режим доступа: <http://dramacenter.org/library/>. – Дата доступа: 24.02.2019.
2. Доценко, Е. Г. Драматическая условность: от архаики до современности / Е. Г. Доценко. – Вестник Челябинского государственного педагогического университета – 2015. – №1. – С. 156–166.
3. Пави, П. Словарь театра / П. Пави; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1991. – 504 с.
4. Пряжко, П. Запертая дверь [Электронный ресурс] / П. Пряжко. – Режим доступа: <http://dramacenter.org/library/>. – Дата доступа: 24.02.2019.

5. Рудковский, Н. Дожить до премьеры [Электронный ресурс] / Н. Рудковский. – Режим доступа: <http://dramacenter.org/library/>. – Дата доступа: 24.02.2019.
6. Руднев, П. Новая драма №10. Павел Пряжко. Закрытая дверь [Электронный ресурс] / П. Руднев. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/7237>. – Дата доступа: 24.02.2019.
7. Стрелер, Дж. Театр для людей: Мысли, записанные, высказанные и осуществленные / Дж. Стрелер. – М.: Радуга, 1984. – 310 с.

**КАТЕГОРИЯ ТРАВМЫ
В КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ С. ЖЕРМЕН
А. С. Рыдлевская**

Белорусский государственный университет,
филологический факультет,
ул. Карла Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: arydlevskaya@gmail.com

Травма рассматривается как категория, определяющая идентичность героя С. Жермен, французской писательницы рубежа XX–XXI веков. Обозначается роль данной категории в структурировании системы персонажей и сюжета в романах «Книга ночей», «Янтарная Ночь» и «Дни гнева».

Ключевые слова: травма, идентичность, память, «молчание бога», архетип, афазия, роман-миф, система персонажей, сюжетно-композиционный уровень.

**TRAUMA AS A CATEGORY
OF THE IDENTITY CONCEPT OF S. GERMAIN
A. S. Rydlevskaya**

Belarusian State University, Philological Faculty,
K. Marx st. 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: arydlevskaya@gmail.com

In this article trauma is considered as a category that determines the identity of the character of S. Germain, a French writer at the turn of the 20th – 21th centuries. The role of this category in the structuring of the system of characters and plot in the novels «The Book of Nights», «Amber Night» and «Days of anger» is defined.

Key words: trauma, identity, memory, «silence of God», archetype, aphasia, novel-myth, system of characters, plot and composition level.

Сильви Жермен (Sylvie Germain) – философ, современная французская писательница, член Королевской академии французского языка и литературы Бельгии, обладательница престижных литературных премий. На данный момент она является автором многочисленных романов, в основном имеющих притчевый характер.

Большинство персонажей С. Жермен представляют собой своеобразные архетипы коллективной памяти человечества, их судьбы – повторяющиеся сквозь историю паттерны поведения, обусловленные травматическим опытом. Система персонажей «Книги Ночей» (*Le Livre des Nuits*, 1985), «Янтарной Ночи» (*Nuit d'Ambre*, 1987) и «Дни гнева» (*Jours de colure*, 1989), а также романов «Магнус» (*Magnus*, 2005), «Взгляд Медузы» (*L'Enfant Mūduse*, 1992), «Безмерность» (*Immensitūs*, 1993) и других строится по схожей формуле: каждый герой сталкивается с трагедией, после чего живет в травме, которая во многих текстах становится точкой отсчета сюжета и основным толчком в формировании личности персонажей.

Травма – дефрагментация, лишение опоры, ощущение кризиса и дисгармонии. Она ведет к деформации личности и пространства, является основополагающей категорией, определяющей идентичность героя. Понятие идентичности подразумевает способность личности в концентрированном виде выражать то, как она воспринимает свою принадлежность к различным группам (социальным, национальным, религиозным, и др.). Представление героев о себе нарушается тогда, когда они сталкиваются с универсальным травмирующим фактором: неудачей общения Я и Другого, приводящей к смерти Другого. Неудача коммуникации Я и Другого выражена в виде тотального фона насилия, в котором живут все без исключения персонажи универсума С. Жермен. На глобальном уровне этот фон – бесконечные войны, хаос, как, например, в «Книге Ночей» и «Янтарная Ночь». Здесь не только непосредственные участники сражений возвращаются с поля боя с трансформированными трагедиями личностями, но также во время мира, рождаются персонажи с травмой, которая приводит в будущем к новому циклу насилия. Война также является неизменным фоном в романе «Магнус». Сюжет строится на поиске своей идентичности главным героем, который в детстве, во время Второй мировой войны, пережил бомбардировку. Травма этого события оказалась настолько сильной, что временно отняла у него речь и память. Несмотря на то, что по сюжету описывается мирное время уже после войны, ужасы прошлого никуда не исчезли и диктуют правила настоящему.

Помимо войн и революций, в универсуме С. Жермен все герои переживают личную трагедию, связанную с потерей близкого человека. Это глубоко травмирует персонажей и приводит к изменению их идентичности, разрушению целостности восприятия мира, распаду и дефрагментации личности и даже смерти. В «Янтарной Ночи» самый яркий пример деформации личности персонажа мы видим у Батиста: после гибели жены он начинает ощущать себя женщиной, постепенно физически превращаясь в Полину, полностью себя отождествляя с ней. Эта магическая трансформация заканчивается смертью самого Батиста, от которого даже физически не осталось ничего мужского. Также Марго в «Книге Ночей» ментально навечно заморожена в одном моменте своей жизни – несколько часов до венчания, на котором ее бросил жених. Отказываясь принимать новую реальность без возлюбленного, она продолжает видеть себя невестой, все еще готовящейся к свадьбе: «Марго не суждено было перешагнуть через миг своего пробуждения; она так и осталась на пороге того сияющего утра, которое с улыбкой восславил ее двадцать лет и предстоящую свадьбу» [2, с. 245].

Еще одним примером персонажа с нарушенной идентичностью можно назвать Огюстена-Матюрена («Книга Ночей»). Во время Первой мировой войны после смерти одного брата близнеца с фронта возвращается второй, однако «выживший» не может понять, который из них двоих умер. Потеряв вместе со смертью брата часть своей личности, вернувшийся с поля битвы половинчатый близнец просит называть его Огюстен-Матюрен, как звали обоих братьев.

В романах С. Жермен много героев, которые уже родились с деформированным восприятием собственной идентичности. В «Днях гнева» Луизон-Перезвон, будучи мальчиком, чувствовал себя девочкой: «Он вообразил, что он девочка и никогда не станет мужчиной» [1, с. 2]. Через таких персонажей писательница акцентирует внимание на идее мировой травмы, которая с рождением влияет на каждого человека. Травмированные герои часто не могут отделить свое Я от мира или Другого. Индивидуальный травматический опыт становится коллективным и наоборот. Именно поэтому в универсуме С. Жермен концепт травмы неразрывно связан с понятиями истории и памяти, так как историческая реальность, отражающаяся в общеродовой памяти, формирует настоящее отдельных персонажей. В дилогии «Книга Ночей» и «Янтарная Ночь» все трагедии, войны, революции запечатлены в коллективной памяти Пенъелей: безумие,

которое зародилось в сознании пережившего страшную войну прадеда, передается через коллективное бессознательное его потомкам, влияя уже на их реальность. В «Днях Гнева» настоящее Амбруаза Мопертю существует в его проекции травмы прошлого, что определяет цикличность трагедий в его жизни (внучка Камилла погибает по той же причине, что и ее бабушка): «С тех пор прошло три с лишним десятка лет. Но для Амбруаза Мопертю нормальный ход времени нарушился в тот самый день и давнее весеннее утро смешалось с сентябрьским» [2, с. 141].

В универсуме С. Жермен огромное количество травмированных героев с дисфункцией речи. Проблема целостности личности наблюдается уже в неспособности адекватно коммуницировать с миром и окружающими. Можно выделить несколько основных афазий в романах писательницы:

Онемение: немой Рафаэль («Книга Ночей»); потеря голоса главным героем в романе «Магнус».

Изменение голоса: в «Книге Ночей» Теодор-Фостен возвращается с войны с жутким металлическим тембром; измененный криком голос Полины («Янтарная Ночь»).

Нарушения речи: в «Книге Ночей» Таде и Шломо – дети, пережившие Холокост, долгое время могут говорить только между собой на выдуманном языке; в произведении «Янтарная Ночь» главный герой после смерти своих родных первое время произносил только табуированные слова; детская речь взрослого Луизона-Перезвона в «Дни Гнева».

Все эти «голоса» создают общий звучащий поток диссонансов, которые своей дисгармонией влияют на восприятие текста читателем. Нарушения речи также являются метафорой ключевого концепта универсума С. Жермен – молчания Бога, и выражают идею вселенской афазии.

В романах писательницы категория травмы метафорически представлена образом крика, что ассоциативно отсылает нас к идее рождения (каждый появившийся на свет человек начинает свой путь с крика). В универсуме С. Жермен рождение – это уже травматический опыт. Идейный ряд травма/крик/рождение прослеживается на уровне сюжета и структуры.

В эпиграфе к роману «Книга Ночей» мы встречаем образ крика: «Эта ночь, что однажды, в октябрьский вечер, сквозь крик материнский вошла в его детство» [2, с. 2]. В начале романа читателю еще не-

ясно чьей матери конкретно принадлежит крик, поэтому образ матери расширяется до масштабов мифологемы праматери, выражая идею вселенского крика. Этот же отрывок текста встречается и в начале второго романа дилогии «Янтарная Ночь», после прочтения которого значение эпиграфа к первой книге сужается от общечеловеческого и мифологического до индивидуального и конкретного: мы узнаем, что крик в сентябрьский вечер принадлежал матери главного героя «Янтарной Ночи». Именно ее ребенок погибнет в сентябре, что станет основой сюжета второй книги. С. Жермен часто отмечает, что крик коллективных людских страданий состоит из бесконечно-го числа индивидуальных трагедий: «Ибо крик этот поднялся также из глубин куда более мрачных, нежели безумие его матери. Он шел из бездны времен – нескончаемое. Неумолчное, глубокое эхо воплей, слившихся в общий, неразличимый хор» [2, с. 2]. Первое предложение первой главы романа «Янтарная ночь» звучит как эхо всех трагедий, которые были описаны в «Книге Ночей»: «Ибо ужасен был крик его матери, когда принесли ей тело ее сына» [3, с. 12].

Повествование романа «Дни гнева» также начинается с крика: «Но в его помутившемся сознании все смешалось: прекрасные полураскрытые губы женщины и кровоточащая рана у нее на шее. Уста превратились в рану, слова – в крик, слюна – в кровь» [1, с. 1]. Здесь читатель отождествляет крик с конкретным персонажем, – убитой Камиллой, однако по мере развития сюжета значение образа расширяется и вмещает в себя трагедии всех героев романа.

В произведениях С. Жермен описывается две реакции на травматический опыт: гнев и безумие. Дочери-близнецы Золотой Ночи-Волчьей Пасти справлялись с травмой рода по-разному: «Одну из них безумие отвратило от всего на свете, кроме потерянного возлюбленного, вторая питала к нему яростную ненависть, которую он никак не мог объяснить» [2, с. 299]. В универсуме автора крик – это метафора травмы, а безумие и гнев – последующие реакции на нее. Как правило эти реакции проявляются в сюжете в виде отречения персонажа от мира или бунте против него. В «Книге Ночей» и «Янтарной Ночи» все члены рода Пеньелей являются носителями травматического опыта коллективного бессознательного, который определяет их настоящее: Теодор-Фостен – первый из Пеньелей испытал сильнейшее потрясение на войне, после которой он сошел с ума и буквально стал другим человеком. Травма от войны навсегда изменила его личность, голос и внешность: «Все в нем ста-

ло неузнаваемо, особенно голос <...> Теперь он говорил крикливым порывистым фальцетом <...> но самым ужасным был его смех – злобный, полубезумный смех, который одолевал его семь раз на дню...все его лицо было обезображено» [2, с. 36]. Так после травматического опыта некоторые герои романов С. Жермен представляют собой парадокс Тесея: вернувшийся с войны Теодор-Фостен уже не является собой. Его новая, искаженная трагедией личность не имеет ничего общего с прежним заботливым и любящим мужем.

Безумие передается всем членам рода Пеньелей с рождения и проявляется у каждого последующего героя дилогии после совершенного над ним насилия. Например, Теодор-Фостен отрубает палец своему сыну с целью защитить от призыва, считая, что причиняет своему ребенку меньшую физическую боль, по сравнению с той, что тот получил бы на будущей войне. Однако его поступок травмирует младшего Пеньеля и «заражает» последнего безумием отца. И так после каждой смерти или трагедии персонажи повторяют паттерн, заданный травмой прапрадеда.

Травматический опыт лишает разума, то есть целостного восприятия себя и действительности. Главный герой романа «Дни гнева» – Амбруаз Мопертюи сошел с ума в тот момент, когда взглянул в лицо убитой женщины, в которую тут же влюбился: «Безумие, неистовое, подобное грому среди ясного неба. Оно обрушилось на него в одно весеннее утро, в тот миг, когда он взглянул в лицо женщины, которой прежде не знал и которую в то утро на берегу Йоны увидел впервые – увидел мертвой, с перерезанным горлом» [1, с. 2]. В конце романа безумие Амбруаза, словно плохая наследственность, передается его внучке Камилле: «Только теперь она поняла, что не гнев и не месть, а безумие руководило поступками деда. Он попросту сошел с ума <...> Безумие старика поразило ее собственную душу, ослепило молнией, сразило неожиданным ударом» [1, с. 242].

Крик-страдание, как и насилие, константа универсума С. Жермен. Он постоянно присутствует и влияет на персонажей на экзистенциальном уровне. Седьмой сын Эфраима оглох по той причине, что больше не мог слышать крик вселенной: «Ну а Жермена-Мари прозвали Глухим Жерменом, потому что он и вправду оглох. Не от болезни или несчастного случая, а попросту потому, что не хотел слышать. Чтобы больше не страдать <...> В каждом слышались мольба, приглушенный крик, стон» [1, с. 87].

Необходимо отметить еще один важный концепт универсума Сильви Жермен – Эхо, так как это след главного маркированного звука– крика: «Он встал во весь рост и выкрикнул имя Корволя. Ясным, ликующим голосом. Корволь замер, словно пригвожденный звуком собственного имени, раздавшимся с другого берега. Казалось, эхо совершенного им убийства облетело луга и ударило ему в спину» [1, с. 37]. В романах каждый крик производит эхо буквально: «Затем этот двойной крик стих, оставив после себя лишь одно эхо – плач новорожденного, раздавшийся в комнате Ортанс» [2, с. 254] и метафорически: «Он шел из бездны времен – нескончаемое, неумолчное, гулкое эхо воплей, слившихся в общий, неразличимый хор» [2, с. 4].

Эхо вбирает в себя сразу несколько измерений смыслов. Во-первых, оно выражает идею дублирования сущностей и отражения: «В ней он нашел свою половину, свое отражение в женском обликии, эхо своих желаний, источник радости» [1, с. 248]. В романе «Дни Гнева» эта мысль четко сформулирована в следующем отрывке: «Подобно тому, как у каждого дерева есть вечный двойник–отражение, у каждой птичьей песни есть собственное эхо, а у каждой из обитающих в воде рыб – своя тень [1, с. 91].

Во-вторых, в универсуме С. Жермен эхо – это диалог Я и Другого, земного и божественного: «Сама Эдме была убеждена, что череда сыновей, родившихся в день Успения Непорочной Девы, была ответом Марии, многократно повторенным эхом бесчисленных обращенных к ней когда-то Ave [1, с. 60].

По принципу эха С. Жермен структурирует многие свои тексты. Например, в начале главы «Ночь Крови» романа «Книга Ночей» Марго, после первой встречи с будущим возлюбленным, еще не подозревая о том, что ее ждет предательство, пытается позвать сестру и неожиданно произносит со страхом свое имя: «Но вместо имени сестры с ее губ невольно слетело: «Марго! Марго! Что ты тут делаешь?» [2, с. 229].

К концу главы слышно эхо начальной сцены. Матильда, узнав о смерти сестры, не выдержавшей боли разбитого сердца, также неосознанно произнесла свое имя, вместо имени сестры: «Матильда! Матильда! – крича собственное имя вместо имени сестры» [2, с. 306]. Так, в романе «Книга Ночей» две сестры-близнеца переносят свою боль на Другого, не в состоянии отделить себя от него. Эхо – отголосок травмы Я в Другом.

С помощью принципа эха строятся отношения некоторых персонажей: каждая жена главного героя погибает во время или вскоре после родов, делая его шесть раз вдовцом, в то же время недалеко от его фермы проживают шесть вдов. Эти вдовы своего рода эхо погибших жен Золотой Ночи-Волчьей Пасти, каждая из которых умерла с криком.

Концепты травмы, крика и эха напрямую связаны с проблемой «молчания Бога». Трагедии, переживаемые героями, воспринимаются как необоснованная жестокость Бога. Герои бунтуют против молчаливого Бога, требуя от него ответа на вопрос причины существования реальности, наполненной болью и смертями: ««Да оттого, что он знает. Знает, что Бога – нет. Хуже того, он знает, что Бог молчит и злобствует. А мой отец мертв. Навеки мертв, и имя его умерло вместе с ним <...> Божьей милости не существует. Нет ее и все тут! Есть только один гнев Божий» [2, с. 47].

Травмированные персонажи с нарушенной способностью к коммуникации могут только кричать от боли и слышать в ответ лишь свое эхо. Они не способны в шуме собственных страданий и гнева услышать Другого, по этой причине они не слышат Бога. Яснее всего эта мысль выражена в «Книге Ночей»: «Бог создал мир и все вещи в мире. Но Он ничего не назвал по имени. Он деликатно смолчал, предоставив своему Творению расцвести в чистом, обнаженном сиянии простого присутствия» [3, с. 243]. Так, во многих романах С. Жермен ключевой идеей становится утверждение присутствия Бога в его отсутствии (молчании). Герои, которые осознают это, как правило, находят успокоение и гармонию. Идея смирения становится противоядием тотальной жестокости мира, в котором существуют ее персонажи. Эдме в романе «Дни Гнева» даже после трагической смерти дочери была способна услышать Бога в его молчании: «Она вслушивалась, приклоняла ухо, ловя мирской ропот, тишину Бога» [1, с. 308]. Именно Эдме, ее дочь Рэн и зять Эфраим, становятся примером целостных персонажей. Их отношение к жизни и миру позволяет им найти смысл, в мире, который, казалось, оставил Бог.

Категория травмы в универсуме С. Жермен является ключевым фактором в формировании идентичности героев. Она определяет сюжетно-композиционные особенности многих романов, ярко проявляется на уровне системы персонажей, а также неразрывно сплетена с концепцией личности героев. Метафорическим выражением категории травмы в произведениях С. Жермен становится образ

крика, который тесно связан с концептами безумия и эха. У большинства ее персонажей травма провоцирует нарушение речи, которое выражает проблему коммуникации Я и Другого на индивидуальном уровне и идею вселенской афазии в форме проблемы «молчания Бога» на общечеловеческом.

Литература

1. Жермен, С. Дни Гнева / С. Жермен; пер. с франц. Н. С. Мавлевич. – СПб.: Амфора, 2000. – 304 с.
2. Жермен, С. Книга Ночей / С. Жермен; пер. с франц. И. Я. Волевич. – СПб.: Амфора, 1999. – 350 с.
3. Жермен, С. Янтарная Ночь / С. Жермен; пер. с франц. Л. И. Ефимова. – СПб.: Амфора, 2003. – 398 с.

ГНОСТИЧЕСКИЕ ТОПОСЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ УТОПИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ С. ГЕОРГЕ И ЕГО «КРУГА»

Е. К. Сельченко

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: elena.selchenok@gmail.com

В статье рассматривается рецепция топосов гностицизма в культуре рубежа XIX–XX веков, в частности – в воззрениях и художественных произведениях поэта Стефана Георге и сформировавшейся вокруг него плеяды поэтов и мыслителей, известной как «круг Георге». Автор устанавливает соответствие между основополагающими идеями политической теологии «круга» и гностическими топосами, утвердившимися в немецкой культуре на протяжении ее развития.

Ключевые слова: гностицизм, гнозис, топос, политическая теология, Стефан Георге, Тайная Германия, политическая утопия, консервативная революция.

GNOSTIC TOPOSES IN POLITICAL UTOPIA AND ARTISTIC PRACTICE OF S. GEORGE AND HIS “CIRCLE”

E. K. Selchenok

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108 Minsk, Republic of Belarus
e-mail: elena.selchenok@gmail.com

The article discusses the reception of toposes of Gnosticism in the culture of the turn of the nineteenth and twentieth centuries, in particular in the views and artistic practices of Stefan George and the galaxy of poets and thinkers formed around him and known as the "George Circle". The author establishes a correspondence between the fundamental ideas of the political theology of the "circle" and the Gnostic toposes that had become established in German culture throughout its development.

Key words: Gnosticism, gnosis, topos, political theology, Stefan George, Secret Germany, political utopia, conservative revolution.

Несмотря на то, что гностицизм как религиозно-философский феномен культуры принадлежит эпохе поздней Античности, комплекс идей, сформировавшихся в мировоззрении гностических школ и авторских мифологий был усвоен последующей европейской культурой, в частности, германской. Гностическое мировоззрение распалось на ряд топосов, источник которых не осознавался. Они продолжили свое существование внутри европейской культуры и, в ходе усвоения индивидуальным творческим сознанием, актуализировали тот смысл, который резонировал с мировоззренческой концепцией конкретной культурной эпохи.

Максимально полное выражение на рубеже веков гностические топосы обрели в деятельности Стефана Георге и его «круга», идеи которого восходят и к немецким романтикам, и к христианским мистикам, к мировоззрению Р. Вагнера, к различным оккультным доктринам второй половины XIX в. В политической утопии и художественной практике круга Георге нашли отражение следующие гностические топосы: поиск и обретение тайного знания о Боге и мире (гнозиса) через возвращение ему утраченной полноты (TI); неразрешимый, извечный конфликт как результат напряженной, дуалистически заостренной нетождественности верхних и нижних ступеней иерархии многомирия (TII); драматически переживаемый разрыв с божеством и попыткой восстановления связи с Ним через одухотворение материального (TIV); стратификация человечества сообразно причастности к духу (TV); социальная организация как последовательное проецирование на общину избранных структуры зона (TVI); эсхатологическая мотивация индивидуальной активности (TVII) (подробнее о топосах см. [7]).

Сам по себе приобретший впоследствии необычайное влияние «круг Георге» не был каким-то единственным явлением в культуре

того времени: в первые десятилетия XX в. (особенно, годы Веймарской республики) было много различных союзов и кружков, и это непосредственно следует из общей эзотерической направленности культуры данного периода. Союзы (Bunde) и круги (Kreise) в данном периоде не ориентированы еще на конкретное деятельностное выражение, но выражают определенный эзотерический экзистенциальный ориентир, и, по мнению К. Шмитта, основаны на фундаментальной оппозиции друга-врага. Идея ордена избранных – «общее символическое место многих мыслителей и писателей эпохи меж двух мировых войн», которые мечтали реализовать культово-элитарную общность в форме союза. А. В. Михайловский предложил рассматривать круг Георге как «прототип базовой экзистенциальной формы “консервативной революции”» [5, с. 153].

Сразу стоит оговориться, что большой ошибкой является отождествление политической утопии С. Георге и его учеников с преступлениями и политикой нацистской Германии. При этом отрицать идейное влияние и подготовительную роль его в формировании оснований реального Третьего Рейха нельзя. Его «тайная Германия» не была нацистской Германией – это следует подчеркнуть – но эти две Германии не могут быть тем не менее разделены» [6, с. 14].

«Круг Георге» – группа людей, которую Стефан Георге собрал вокруг себя, и которая боготворила своего мэтра и разделяла его взгляды. Ядро группы составляли (кроме самого Мастера) Фридрих Вольтерс, Карл Вольфскель, Фридрих Гундольф. Это представляет собой, возможно, самое важное культурное явление Германии в течение первых десятилетий XX века. Роберт Нортона полагает, что «невозможно постичь полностью то, что происходило в Германии и остальной Европе до и после 1933 года, не принимая во внимание Стефана Георге и его круг... Политическое воздействие жизни и творчества Георге... было всеобъемлющим, глубоким и чрезвычайно значительным» [6, с. 6].

Это было не столько поэтическое объединение, в которое входили не только поэты, но и университетские преподаватели. По мнению А. В. Михайловского, начиная примерно с 1910 г. эта «идеологически интегрированная интеллектуальная группа» претендовала на «переформатирование политики эстетическими средствами» [5, с. 150–151].

Друзья, собравшиеся вокруг Георге, обращались к нему «учитель» и рассматривали его как «воплощение и защиту “истинной”»,

но “тайной” Германии в противоположность “ложной” и гипертрофированно буржуазной современной Германии» [6, с. 7]. Поскольку эта группа постепенно приобрела большое влияние в культуре, многие отчаянно хотели войти в этот избранный круг, но мало кого туда допускали.

«Круг Георге» стал своего рода «мужским братством», похожим на эзотерические сообщества и тайные ордена как сообщество посвященных. Герметическая традиция, оказавшая влияние на становление христианских орденов (в том числе и вымышленных, вроде хранителей Грааля в замке Мунсальвеш), дала о себе знать и в организации Георге, которая создавалась по образцу монашеских средневековых орденов. По словам консервативного мыслителя Герхарда Небеля, Георге был очарован идеей рыцарства, рыцарского ордена: «Он не только имел опыт этого ушедшего мира и этой действительности, но и попытался создать такой союз в нашу недружественную к союзам эпоху, возвести своего рода бастион против цивилизации. Орден – это не полис, в котором рождаются, а сообщество, в которое вступает единичный человек по своей воле, отказываясь от своей индивидуальности. В античную эпоху примерами таких сообществ были союз пифагорейцев и Академия Платона, а в Средневековье – рыцарские ордена, из которых Георге особенно почитал тамплиеров. Это культовые союзы, объединенные Богом, они предъявляют необычные требования к этосу своих членов, которых строго отбирают. Союз пронизывают субстанциальные связи, в отличие от демократических лиг или партий, заинтересованных главным образом в продвижении мнений или распределении доходов. Далеко он и от массовых организаций, заинтересованных в членских взносах. Союз как принесение удовольствий в жертву, аскеза, борьба, примирение с болью и смертью, презрение к безразличной толпе, союз как образец, а в критических ситуациях, быть может, и спасение» [цит. по 4]. В стихотворении «Тамплиеры» в сборнике «Седьмое кольцо» (1909) Георге прямо апеллирует не только к образу ордена, но и обращается к образу розенкрейцеров:

Мы только в беге золотом едины –
В толпе нам растворяться нет причины.
Мы – Роза: юным мы горим огнем
Мы – Крест: страданья с гордостью несем.
(Перевод В. Летучего) [1, с. 189]

Рассказы учеников Георге превозносили его до небес, отдавали мифологией, возносили «учителя» в некое идеальное мифологическое царство. Например, его ученик Эдгар Салин считал Георге «совершенным мудрецом», потому что он «прошел все стадии познания и объединил их в себе» (TI). Сам Георге способствовал подобной мифологизации: «Казалось, Георге вообще хотел отрицать, что родился от человеческих родителей, словно верил, что так или иначе произвел себя на свет сам, что, подобно божеству – которым он, как многие полагали, был – “появился” чудесным, необъяснимым образом» [6, с. 9]. В своем круге он стал для своих последователей отцом, не принимая никакой иной власти в своей «Тайной Германии», кроме своей. Он словно физически отрицал существование Германии, но при этом пытался создать собственную Германию [6, с. 88]. Так он видел свое созданное «царство»:

Это – царство Духа: отражение
моего царства мызы и роци.
Каждый здесь формируется вновь
И рождается заново – в колыбели и дома,
Как в сказке.
В миссии и благословении
Ты меняешь клан, имя и состояние.
Нет больше ни отцов, ни матерей.
(стихотворение из сборника «Звезды союза») [цит. по 6, с. 9]

Программным в отношении взглядов Георге можно считать стихотворение «Клятва» из сборника «Седьмое кольцо» (1909), в котором мы видим диалог учителя с учениками, а по сути оно построено как приведение к присяге тех, в ком Мастер, которому отведена роль Спасителя, видит «новую знать» или «благородное семя земли» (TV; TVI).

Вы новая знать семя земли
Вас силы судьбы свели.
”Теперь мы мечены от меча,
Мы спаяны горяча
Кровь – услада и ладонь в ладонь
В нас горит один огонь...
Наш путь – это твоя колея.
“В вашей клятве власть моя.
”Ты дышишь, чтобы нам процветать.
“Моя стойкость – ваша стать.”

Ты нас целью одной напитал,
Ты впалял её в металл.
Мы закону твоему верны,
Для войны закалены.
Правь на пути НАШИХ бед для нас
Твой самый тёмный приказ!
Вырежи плугом над полем тел:
Свободен лишь тот, кто смел!
“Вижу сквозь облачный небосвод
Награда грядёт и вот
Враги для битвы стоят грядой.
Сыны мои кличут в бой.
Земля за тех, кто верен и твёрд,
И небо за тех, кто горд,
Не тесен отряд, и вал не крут!
Сыны мои шлют салют [5].

Формирование идеи «Тайной Германии» непосредственно связаны с символизмом С. Георге, поскольку его взгляды во многом сформировались под воздействие символиста Стефана Малларме. По наблюдению Р. Нортонa, «стремясь всеми возможными средствами усилить собственную власть в физической и интеллектуальной сфере, Георге именно в символизме открыл систему взглядов, позволяющую ему установить неограниченное превосходство над всеми» [6, с. 102]. Главной проблемой для символистов являлось «постоянное развитие духа» [6, с. 98]. Только избранный (поэт) может увидеть мир, обладающий подлинным бытием, недоступный и непонятный остальным, т. е. причастен своего рода тайному знанию.

Особое впечатление и влияние на Георге произвели речи, которые он слышал в молодости на литературных вторниках. Искусство Малларме называл «тайно, доступной лишь немногим», потому художнику надо сохранять абсолютную чистоту, чтобы соответствовать служению сакральному искусству. Он настаивал, что художники «должны абстрагироваться от всего человеческого в себе и ни в коем случае не идти на уступки, если это касается возвышенного служения своему призванию» [6, с. 72]. Малларме явно считал себя кем-то «вроде жреца или священника в миру» и совместные сеансы творческие воспринимал как священнодействие [6, с. 102]. Это соответствовало мировоззрению символизма в принципе. Символисты считали,

что поэт занимает особое место среди других людей, он посвящен в некое тайное знание, участвует в ритуалах, говорит на языке, который могут понимать только посвященные, такие же избранные, как и он сам. В итоге создавалась иллюзия возвеличивания над миром, граничащая с самообожествлением (Т1). С. Георге считал, что «слагать поэзию – значит в некотором смысле править» («Dichten ist ein Herrschen») [6, с. 103] (ТII). По мнению Р. Нортонa, воспринятые от Малларме взгляды на поэзию Георге превратил в явно немецкую доктрину и они получили исключительно немецкую судьбу [6, с. 108–109]. Сеем предположить, что это произошло именно за счет наложения на гностическую константу германской культуры.

Как символист, С. Георге не остался в стороне от развития образа Софии в немецкой культуре. В поэтическом цикле «Год души» Георге «создает свой вариант мифа Вечной Женственности, выражающей порыв души человека к мистическому всеединству» [2, с. 4]. Возвышенный женский образ в этом цикле несет в себе трансцендентный смысл и символизирует Мировую Душу [2, с. 11]. Уже в первом сборнике «Гимны» и в самом названии, и в первом стихотворении «Посвящение», которое содержит ассоциации с ритуалом посвящения, видна религиозная настроенность:

Теперь ты готов – богиня уже снизошла
В туманном облачении лунного света,
В крепком сне глаза ее полуоткрыты,
Склонилась над тобой, чтоб дать благословенье [6, с.103].

Образ богини, сходящей для посвящения, в сочетании с символикой луны может быть прочитан и как София-Елена, открывающая искру истинного знания в пневматике.

Особое влияние на Георге имела личность и творчество Ф. Гёльдерлина, который был для него пророком, подготавливающим будущее обновление. Творческие устремления Георге и Гёльдерлина, как отмечает К. Давид, во многом пересекались: «Пророческое звучание, желание возродить героическое человечество, осуждение обезображенной Германии, мечта о союзе греческого и немецкого духа, тоска по национальному единению и даже особый религиозный синкретизм» [6, с. 8]. Георге и его соратники открыли Гёльдерлина для своих современников. Именно в круге Георге издали первое шеститомное собрание сочинений Гёльдерлина, который, по словам Ф. Гундольфа, «воззвал к духу своей Эллады, чтобы

обожествить свою Германию». Гёльдерлин становится частью разрабатываемого Георге «учения о спасении» (Heilslehre), в котором «идея спасения посредством искусства выходит в сферу идеологии и политики, включая в себя концепты “тайной Германии” (geheimes Deutschland), “Священного Царства” (Heiliger Reich) “живой классики” (lebendige Klassik), “священного поэта” (heiliger Dichter) и, наконец, “поэта как вождя” (Dichter als Führer)» [3, с. 65–66]. Гёльдерлин важен для Георге как провозвестник «тайной Германии», «гёльдерлиновской Германии», как «глашатай Нового Бога» (der Rufer des Neuen Gottes), нового «Вождя» (Führer) немецкой нации, символ «живой классики» духовного ядра, объединяющего Германию посредством «олицетворенной веры» [3, с. 64].

Как отмечает И. И. Лагутина, от романтизма и конкретно Гёльдерлина классикам консервативной революции перешли две основные идеи, которые легли в основание их концепции: убеждение об особом предназначении немецкой нации и «критика цивилизации, в которой укореняется понимание немецкого слова “Dichtung” как мифа» [3, с. 59].

Открытие поздних рукописей Гёльдерлина связано с именем ученика Георге, студента Норберта фон Хеллинграта, который в 1915 г. в тылу на лечении после ранения выступил с двумя докладами о Гёльдерлине «Гёльдерлин и немцы» и «Безумие Гёльдерлина» (изданы посмертно в 1922 г. в Мюнхене). В них он впервые называет Гёльдерлина «посредником между божественным и человеческим» и «великим примером скрытого огня, тайного Царства (jenes geheimen Reiches)» [3, с. 65] (Т1). В результате героической смерти Хеллинграта начинается формирование культа Гёльдерлина, который «наделяется профетическими чертами посредника между богами и людьми, он усматривает высшую идею народа и потому является аристократом духа» [5, с. 155]. В результате рождается топос «гёльдерлиновской Германии».

По словам И. И. Лагутиной, интерпретация поздней поэзии Гёльдерлина становится «одним из механизмов формирования нацистского мифа как символического воплощения тайной Германии, как “первоэлемент, который всегда проявляет свою сущность”, “эстетически-волевая творческая стихия в форме нашего собственного томления по живой форме”» [3, с. 67].

«Тайная Германия» – это живая духовная общность, присутствующая в толще несовершенного мира и несовершенной реальной Германии прообразом будущего величия. Термин «тайная Герма-

ния» еще в 1910 году в эссе, посвященном поэзии Георге, вводит поэт Карл Вольфскель. Вольфскель возводил его к одам Гёльдерлина «Песнь немца» и «К немцам». Национал-педагогическая программа Георге получила выражение в книгах стихов «Звезда союза» («Stern des Bundes», 1914). В книге стихов «Звезда союза» Георге заклинает «дух священного юношества нашего народа» и видит свою задачу в том, чтобы «провозгласить новое слово» и пробудить «новый народ». Образ «тайной Германии» вызревал в поэзии Георге, впоследствии став центральной темой его стихотворения «Тайная Германия» (Geheimes Deutschland) из его последнего поэтического сборника «Новое Царство» («Das neue Reich», 1928), в котором он попытался «сотворить утопию, находящуюся где-то на границах Эллады, Древней Германии и христианства» [6, с. 48].

Несмотря на то, что цикл «Новое царство» датируется 1928 г., политическая теология Георге оформилась в 1909–1912 гг., задолго до выхода в свет работы К. Шмитта «Политическая теология» (1922). Политическая теология подразумевает восприятие истины как авторитета, которому должно подчиняться беспрекословно ради противостояния злу (секуляризации) современного мира [3, с. 151].

Георге полагал, что «древние короны» принадлежат современным ему немецким правителям в результате ошибки, потому что они отказались хранить мистическую традицию Священной империи (Reich) и не предотвратили секуляризацию мира. Угнетающей реальности он противопоставил свой мифопоэтический конструкт «Новое Царство». Именно в круге Георге такие понятия, как «союз» (Bund), «государство» (Staat), «господство» (Herrschaft) и «Рейх» концептуально оформились, получили свое поэтическое звучание и вошли в лексикон право-консервативной мысли или так называемой «консервативной революции». Круг Георге оказал глубокое и всестороннее влияние на формирование интеллектуальной среды эпохи Веймарской республики, в рамках которой понятие политического было «поэтизировано».

Георге резко противопоставлял понятия универсальной истины (истины-правильности) и истины как персонального послания» [5, с. 152], при этом адресаты истины-послания рассматриваются как слушатели – они принимают ее как «зов», как откровение свыше (категория «зова» значимо в гностицизме). При этом «эзотерическая инициатива всегда предполагает тесный круг преданных слушателей, концентрически расположенный вокруг единого центра, главного предмета внимания» [5, с. 152].

Идеи круга Георга, усвоившего учение о двух мирах, традиционно возводят к платонизму, поскольку сами участники это декларировали. Георге пытался дать поэту власть над миром, максимально отдалив его от мира. Выбрав из древних своим союзником Платона, Георге отождествлял образ философа-правителя из «Государства» с образом поэта-властителя (TVII). Также и молодой философ Г. Фридеманн в своей монографии о Платоне называет государство Платона «царством» («Königtum»), отсылая к средневековой мифу о рейхе, построенное строго иерархическим образом: «Так, тесный круг стражей государства определен господством Одного. *Этот Один-Единственный мифическим образом возвышается над человеческими пределами и касается головой венца Первоединого*» [цит. по 5, с. 154]. На наш взгляд, неоплатонизм на германской почве сближается с гностицизмом в силу германской установки на активную позицию субъекта (значимая роль человека в божественной драме) и психологией борьбы, что предполагает наличие противника – врага (драматический дуализм).

В мировоззрении круга перед поэтом мир предстал в непреодолимой раздвоенности: поэт видит перед собой только свет и тьму, «героическое человечество», которое олицетворяют им же возвращенные последователи, и «гнилостное болото», «всеобщий хаос», которому соответствует состояние современного Георге общества (TIII; TV). «Мы верим, что теперь решается не вопрос о том, какой класс или народ одолеет другой класс или народ, но мы верим в необходимость провозглашения совершенно другой борьбы, *борьбы* Ормузда против Аримана, Бога против сатаны, мира против мира», – пишет в 1911 г. редактор «Ежегодника духовного движения» [цит. по 5, с. 156] (TIII).

Основополагающе идеи политической теологии круга Стефана Георга в формулировке А. В. Михайловского вполне соотносимы с выделенными нами гностическими топосами: 1) идея ордена избранных (в форме «союза», платоновского «государства», «рейха» или «тайной Германии») (TV, TVI, TVII); 2) фигура или «гештальт» поэта (прообразом которого является Гёльдерлин) как вождя и воспитателя (TI, TVII); 3) притязание на тотальное господство, выраженное в гордом имперском жесте и мечте о рейхе (TVI) [5, с. 165].

«Круг Георге» явился выразителем духа времени. Поэтическое творчество Георга эстетически и идеологически повлияло на молодых участников «круга Георге»: Г. фон Гофмансталя, К. Г. Фольмёллера, Ф. Гундольфа, К. Вольфскеля, Р. Бёрингера, Й. фон Андриана, М. Лехтера и др.

Поэтическая политическая мифология Георге обрела свое воплощение и в политических проектах. Так, один из членов круга Георге, медиевист Эрнст Канторович, в 1933 г. во Франкфурте-на-Майне в Университете им. Гёте выступил с инаугурационной лекцией «Тайная Германия» («Geheime Deutschland»), на которую вдохновило его стихотворение С. Георге «Тайная Германия». «Тайная Германия» в интерпретации Э. Канторовича – это «живая духовная общность (Gemeinschaft), персонифицированная в отдельных гениальных и аристократических личностях – лучших силах народа, потаенно присутствующая в настоящем и символически прообразующая будущее Германии» [4]. Существование альтернативных названий для этой общности («священная Германия», «другая Германия», вечная Германия») напоминало идею *civitas Dei* Аврелия Августина – сообщества праведников, которое живет среди мира, но не перемешивается в живущими в нем: *«Это тайная Германия поэтов и мудрецов, героев и святых, жертвователей и жертв, которых произвела Германия и которые принесли себя Германии. Германия тех, кто, хотя и кажется нам чужим (не от мира сего), все же создал подлинное лицо Германии. Это общность, подобная божественному царству Олимпа, это духовный сонм подобный средневековому сонму святых и ангелов, это царство людей, подобное тому потустороннему миру, разделенному Данте на три обители и названному им "Nuptia civilitas"... Это иерархически упорядоченный мир героев нынешней, грядущей и вечной Германии... Это Царство от сего и в то же время не от сего мира... царство присутствующее и отсутствующее. Царство мертвых и живых, оно меняется и все же пребывает вечным и бессмертным...»*, – говорит Канторович [4]. Свою идеальную Германию Э. Канторович описывал как духовно-политический синтез, как «империю душ», как сообщество избранных, пневматиков, обладающих особыми качествами и особым спасительным знанием [4]. Таким образом, можно видеть отражение гностических топов в немецкой политической утопии конца XIX – первой половины XX века.

Литература

1. Георге, С. Седьмое кольцо: Избранные книги / С. Георге; пер. с нем. В. Летучего. – М.: Водолей. – 384 с.
2. Курилов, Ю. Г. Синтез художественных стилей в поэзии С. Георге: автореф.... канд. филол. наук / Ю. Г. Курилов. – Минск: БГУ, 2014. – 24 с.
3. Лагутина, И. И. Классика как инструмент национал-социалистической идеологии / И. И. Лагутина // Труды молодых ученых Алтайского гос. ун-

та. Мат-лы XXXVI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Выпуск 6. – Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – С. 57–68.

4. Михайловский, А. В. «Тайная Германия» полковника фон Штауффенберга [Электронный ресурс] / А. В. Михайловский. – Режим доступа: <https://politconservatism.ru/articles/taynaya-germaniya-polkovnika-fon-shtaufenberg>. – Дата доступа: 15.04.2018.
5. Михайловский, А. В. Три принципа «политической теологии» в круге Штефана Георге / А. В. Михайловский // Вопросы философии. – 2013. – №5. – С. 149–160.
6. Нортон, Р. Тайная Германия. Стефан Георге и его круг / Р. Нортон; пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – СПб.: Наука, 2016 – 781 с.
7. Сельченко, Е.К. Трансформация идей гностицизма в европейской культуре // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 окт. 2018 г. / редкол.: О.А. Воробьева (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – С. 474–484.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КЛАССИКИ: РОМАН Р. ГАВЕЛИСА «ВИЛЬНЮССКИЙ ПОКЕР»

Д. О. Половец

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: dzianispol@list.ru

Настоящая статья переосмысливает роман классика литовской литературы XX века Р. Гавелиса и рассматривает проблему и статус категории «Они» в романе «Вильнюсский покер». Автором статьи было выявлено, что «Они» – некая загадочная и губительная инстанция. Р. Гавелис, однако, до конца и не проясняет, кто такие «Они».

Ключевые слова: зарубежная литература, Р. Гавелис, роман «Вильнюсский покер», инаковость.

CLASSIC RETHINKING: R. GAVELIS' "VILNIUS POKER"

D. O. Polovtsev

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: dzianispol@list.ru

The article rethinks the novel of the classic of the Lithuanian literature of the 20th century R. Gavelis and examines the problem and the status

of the category “They” in the novel “Vilnius poker” by R. Gavelis. The author of the article finds out that “They” is some mysterious and destructive power. R. Gavelis, however, does not make it clear what the “They” category might be.

Key words: foreign literature, R. Gavelis, the novel “Vilnius Poker”, otherness.

Ричардас Гавелис (Riuardas Gavelis, 1950–2002) – литовский прозаик, драматург, публицист и, как отмечают авторы-составители антологии современной литовской литературы «Социальное изменение», – «легенда литовской литературы» [1, р. 16].

Его первая книга – сборник рассказов под названием «The Celebration that has not Begun» («Празднование, которое не началось») – вышла в свет в 1976 г. Он является автором шести романов, трех сборников рассказов и нескольких пьес. Помимо «Вильнюсского покера» («Vilniaus pokeris», 1979 – 1987 гг.), Р. Гавелисом созданы другие романы: «Seven Ways to Commit Suicide» («Семь способов совершить самоубийство»), «The Last Generation of People on Earth» («Последнее поколение людей на земле»), «The Life of Sun-Tzu in the Sacred City of Vilnius» («Жизнь Сунь-Цзы в священном городе Вильнюсе»).

«Вильнюсский покер» – первый роман, переведенный на английский язык (2009 г.). Другие произведения прозаика переведены на финский, немецкий, латышский и польский языки.

Р. Гавелис явился одним из трех литовских писателей, которые сыграли особую роль в литературе независимой Литвы 1990-х гг. (двое других – Ю. Кунчинас и Ю. Иванускайте). Все трое публиковались и в советской Литве, однако их настоящее, истинное признание состоялось в атмосфере политической и художественной свободы 1990-х гг. Так, Р. Гавелис обличает тоталитарную систему, например, в двух своих романах: «Вильнюсский покер» и «Мемуары юноши» («Memoirs of a Young Man», 1989). Последний был издан в периодической печати и, как отмечает современный литовский ученый и литературовед Н. Клишиене, «положил начало “независимости” литовской литературы. Эта была одна из первых работ, которая огласила пробуждение свободного и критического сознания [кавычки автора. – Д. П.]» [1, р. 6]. С этим нельзя не согласиться.

«Интересно, что Гавелис не получил ни одной значимой литературной награды при жизни, хотя он вне всякого сомнения является самым важным и влиятельным писателем 1990-х и остается самой

значимой фигурой переходного этапа на литературной сцене раннего постсоветского периода», – указывают авторы-составители упоминавшейся выше антологии современной литовской литературы «Социальное изменение» [1, p. 16].

Как мы уже отмечали, Р. Гавелис писал рассказы и пьесы и в 1980-х гг., но в условиях небезызвестной советской цензуры он не мог даже и подумать о публикации романа. Писатель полагал, что в романе истинный художник слова не может обойти вниманием ни социальные, ни политические проблемы. Поэтому его амбициозный и многогранный роман «Вильнюсский покер» был опубликован лишь в 1989 году. Книга появилась в период национального возрождения и подъема, поддалась нападкам критиков за откровенные сексуальные сцены и эротизм, но оказалась востребованной и популярной.

Любопытно, что в другой литовской антологии «Секс, литовский стиль» [2] отрывки из романа «Вильнюсский покер» размещены в четырех разделах. Эпизод из работы Р. Гавелиса, кстати, и открывает данную антологию. Ни одно другое произведение литовской литературы не заслужило такого внимания.

«Лолита «не могла скрыть даже мельчайших деталей своего манящего тела. Она была более нагая, чем нагая <...> Ее взгляд соблазнительно и отчаянно шептал мне, что она ждала только меня одного, что она жила только ради меня, что она отдает всю себя до самого конца. Только мне одному <...> Казалось, что мои пальцы внезапно растворились, исчезли в ней, слились с ее грудью, ее плечами, ее густыми черными волосами <...> В ее теле переплелись тела всех женщин, тела женщин, которые могли или не могли бы существовать <...> Ее грудь, ноги, живот, вероятно, происходили из другого мира <...> Она просто посмотрела на меня: не просто своими глазами, а своими плечами, своей грудью, своими коленями <...> она всосала меня в себя и, возможно, хотела разрушить меня. Я не хотел ничего другого, как быть разрушенным <...> Я жаждал того сладостного <...> уничтожения» [3].

Уничтожение, причем физическое, постигло и Лолиту, любовницу главного героя романа Витаутаса Варгалиса. Вот как Р. Гавелис описывает мертвую Лолиту и место ее убийства: «Я [Витаутас. – Д. П.] захожу в комнату и сразу все вижу. Она [Лолита. – Д. П.] лежит в той же позе, в которой не так давно лежала. Выглядит она по-другому. Я никогда не видел такого раньше. Нигде. Никогда. Даже во сне. Я не чувствую абсолютно ничего. Ни ужаса, ни боли. Ничего. Мне не жарко и не холодно, мозг работает трезво и спокойно. Лола

лежала на спине, расставив ноги неестественно, так как сухожилия были перерезаны. Их белесые концы отчетливо видны на фоне кровавой плоти. Плоский живот вспорот, кишки вытянуты. Я не принес ее в жертву; я не рвал ее кишки на куски. Я не вырывал почки из ее живота и разрезал их на тонкие, круглые ломтики.

Кто это сделал? Почему? Ее печень, селезенка и легкие разрезаны на куски и разбросаны по всей комнате. Каждый из маленьких кусочков Лолиты кричит и зовет меня. Проклиная меня за то, что я оставил ее одну. Я подхожу ближе и встаю на колени рядом с ней. Рядом с трупом. Ее больше нет, но я не могу этого понять. Ее грудь прорезана до самых ребер. Я ищу лицо Лолиты, но его там нет. Глаза выколоты, нос и уши отрезаны. Даже ее волосы, великолепные волосы Лолиты вырваны по отдельной пряди и разбросаны вокруг головы, вокруг того, что когда-то было ее головой.

Я смотрю на ее тело, разбросанное по всему полу, на жалкие остатки ее тела. Нож с затемненным лезвием лежит прямо на влажной поверхности. Я касаюсь его кончиком пальца. Лезвие все еще теплое и влажное. Они выбрали самую ужасную месть из возможных. Я смотрю на останки Лолиты, я хочу взять их с собой, чтобы отнести их куда-нибудь и спрятать. Почему я не задумывался о таком конце в тот момент, когда я впервые встретил ее? Я наклоняюсь к ее располованным губам; этот поцелуй действительно последний. Я беру нож в руки. Его ручка еще теплая. Вероятно, я должен перерезать себе горло. Даже шире, чем перерезано горло Лолиты» [3].

Хотя виновным в убийстве Лолиты признают Витаутаса Варгалиса, однако в романе до конца так и не проясняется, кто же совершил это зверство. Так, Мартинас, приятель Витаутаса, хотя и не видел начала убийства, вспоминает, что, когда он «снова заглянул в коттедж, Лола уже была без головы. Ее отец медленно, методично разрезал ее на куски, в перерывах он вытирал свою окровавленную руку об ее живот» [3]. А бездомная вильнюсская собака, которая при жизни – по ее собственному признанию – была другом Витаутаса Гедиминаса, погибшего в автокатастрофе, утверждает, что вначале «Лолита покончила с собой. От нее пахло самоубийством» [3].

Вымышленные элементы «Вильнюсского покера» переплетены с серией фактических событий. Сюжет романа фрагментарен, представлен с разных точек и углов зрения; в тексте также налицо наличие многочисленных повторов. Повествование настолько мозаично, что части некоторых параграфов не связываются в единое семанти-

ческое целое. Произведение наполнено воспоминаниями о зверствах сталинского периода, иногда вперемешку с видением мира, сходного с паранойей и патологическими фантазиями.

Автор изображает различные способы литовской интеллигенции бороться, сопротивляться, порой адаптироваться к советской власти позднего периода в литовской столице. Вот с каким чувством негодования пишет и литовский диссидент и писатель Т. Венцлова про советскую власть: «Грубо тоталитарная, ломающая судьбы людей и народов, отмеченная ложью и циничным лицемерием» [4, с. 243].

«Вильнюсский покер» пронизан загадочной и губительной силой, субстанцией Они, которая присутствует везде. На первый взгляд, Они представляют собой власть КГБ, но на самом деле – это «обесчеловечивающая сила» [5, р. 117], которая существует в мире независимо от какого-либо режима: Они «несут в себе <...> смысл обесчеловечивающей силы, присутствие которой в мире не ограничивается отдельным режимом» [5, р. 117].

Роман состоит из четырех частей, первая из которых и называется «Они». Эта часть представлена глазами Витаутаса Варгалиса. Оказывается, жизнь довольно сложна, и человеку в ней самому, например, нельзя «придумать» или «выбрать» даже начало дня: «Утро выбирается кем-то <...> Ты не можешь этого избежать, только если никогда не откроешь глаза или поднимешь голову от подушки» [3]. Витаутас задается вопросом: почему в жизни происходит все только так, а не иначе? С самых первых страниц романа появляются Они: «По крайней мере, ты хоть сам выбираешь мелодию или Они уже сковали твои мысли?» [3].

Итак, кто же такие эти Они? Вот что по этому поводу говорит герой романа: «Когда Их обнаружат, Они сразу меняют тактику. Им доступны огромные средства и методы уничтожения человека. Их невозможно окружить, загнать в угол, припереть к стенке – это именно Они, кто окружают вас, кто держат вас в осаде в <...> замке <...> Человек не может выдержать осаду. Он может продержаться месяц, год, десятилетие, но рано или поздно он сломается, по крайней мере, на некоторое время» [3]. Автор до конца так и не проясняет, кто такие Они.

Герой предупреждает, что, когда человек защищается от Них, даже думает о Них, самым главным является не дать себя запугать. Необходимо действовать с чистым разумом, холодной логикой и предостережением. Витаутас пытается изучить Их структуру и организацию; он даже устроился в библиотеку, чтобы иметь под

рукой нужные книги. Герою кажется, что для слежки за ним Они внедрились в библиотеку своих людей, например, коммунистку Елену.

Любопытным представляется тот факт, что у Них существуют еще и подвиды. Эти подвиды тоже постоянно наблюдают за вами, даже если у них нет глаз. Витаутас называет Их «смотрящими». Они невидимы, неслышны, неразличимы.

Все Они смотрят взглядом пустоты. Они всегда начинают с детей. Витаутас вспоминает, что его предупредили об Их существовании, когда он был еще ребенком. Конечно, герой не обратил на это никакого внимания. Он полагает, что каждый предупрежден, однако, «наша цивилизация приняла такой оборот, что никто не обращает внимания на предупреждения <...> Я начал что-то понимать. Они не существуют просто так, по своему собственному желанию. Они являются продуктом нашего <...> существования и в то же время его причиной <...> Хотя я не мог понять Их назначения, великой всемирной цели» [3].

Витаутас одержим желанием узнать, что же действительно происходит. Герой обнаруживает, что Они захватили все: Они существуют везде. Они представляются ему демонами, которые облачились в человеческую форму. Ему кажется, что Их предназначение – украсть чью-либо душу и превратить мир в ад. Он начинает искать и находит доказательства Их существования везде: в книгах, в смерти своего друга (в дорожно-транспортном происшествии погибает его друг Гедиминас). Естественно, Витаутас полагает, что это Их рук дело. Однако герой не уверен, знал ли Гедиминас об Их существовании.

Отметим, что у Витаутаса существует диссонанс между реальным миром и вымышленным, между действительностью и мечтой. Его вымышленный мир был «полон птиц» [3], причем они были везде. Мир переполнялся бесшумным взмахиванием их крыльев, «лица без губ шепотом произносили предложения» [3].

В действительности же птиц не было; герою казалось, что за ночь их поглотил дракон, так как они исчезли полностью: «Не было ни одной птицы во дворах между зданиями» [3]. Было очевидно, что кто-то стер их с поверхности земли большой серой стеркой. Никого, кроме героя, не удивляло отсутствие птиц; он оказался единственным, кто это замечал. Ему начинает казаться, что, возможно, их и не должно было быть, их вообще нет и никогда не было. Быть может, Витаутасу привиделось что-то болезненное, угрожающее, и он назвал это «птицами»? Возможно, эти птицы всего лишь часть пато-

логической фантазии героя, ибо Витаутас имеет параноидальные симптомы и наклонности?

Время от времени герою кажется, что он погружается в мир кошмаров и/или страдает галлюцинациями: «До меня дошло, что это была галлюцинация, короткий ночной кошмар, который не появился из вне, а возник из внутри меня <...> Казалось, что я придумывал вещи» [3].

Любопытно, что в комнате вещи и предметы, не имея глаз, смотрят на героя. Вещественный мир следит за ним Их глазами. Вот как Витаутас чувствует взгляд картины: «На картине нет глаз, нет ничего, чтобы напомнило вам о глазах, ничего, чтобы вы допускали мысль о наличии глаз. Там вообще нет ничего, однако, картина упрямо, раздражающе смотрит на вас с горьким пристальным взглядом бездушной пустоты» [3].

Отметим, что герой боится присутствия Других (Другого): «Я не могу выносить, когда какой-либо человек оказывается слишком близко» [3]. Идея присутствия Другого довольно эксплицитно выражена в романе: Витаутас может находиться «на другой стороне своей собственной самости» [3]. Вот как автор описывает человеческое Я: «Большинство времени вы даже не понимаете, что вас уже давно нет, что осталось только набитое чучело, заполненное кровяными сосудами <...>, а на самом деле не ваше “Я”. Вы не осознаете, что Они уже поглотили вас. Вы ничего не осознаете. Вы даже не помните, что вы когда-то были» [3]. В произведении постоянно возникает чей-то сторонний взгляд; кажется, что все уже предопределено.

Рассматривая себя в зеркале, Витаутас видит Другого: «Я сам в <...> зеркале, но в то же самое время это не я, это какой-то он глядит на меня злыми глазами. Иногда он потирает пальцем висок или трет свою грудь ладонью. У вас возникло бы впечатление, что он стыдится своей наготы.

Я не люблю этого человека. Он не то чтобы отталкивающий или неприятный, но я не вижу света в его глазах, того света, на который указывает здоровый дух <...> Это я, или не я?» [3].

Часто в романе присутствует игра с временными плоскостями: «Что означает “сегодня”? Что означают “вчера”, “неделя назад”, “месяц назад”? Что значит “был”, “будет” или “мог бы быть”?» [3]. Автор все меньше и меньше внимания придает «банальному» времени человечества, оно слишком обманчиво, так как оно уничтожает единство ВСЕГО. «До меня дошло, что не существует ни прошлого,

ни будущего, есть только одно великое ВСЕ [заглавные буквы автора. – Д. П.]» [3]. Иногда из окна библиотеки, где работает герой, он видит не дома, а пустоту, которая является частью огромного ВСЕГО, которое только одно и существует.

Действия, совершаемые в разные временные плоскости в разрезе человеческого времени, происходят одновременно в то же самое время в великом ВСЕМ. Таков и сюжет романа: он, как уже упоминалось выше, мозаичен, фрагментарен, наполнен воспоминаниями, фантазиями, иллюзиями и мечтами.

Литература

1. Social Change: Contemporary Lithuanian Literature: Anthology / introduction and selection: N. Klipienė. – Vilnius: International Cultural Programme Centre, 2012. – 155 p.
2. Sex, Lithuanian Style: Anthology / introduction and selection: K. Klimka. – Vilnius: International Cultural Programme Centre, 2011. – 150 p.
3. Gavelis, R. Vilnius Poker [Electronic resource] / R. Gavelis; Kindle Edition. – Mode of access: <https://www.amazon.com/Vilnius-Poker-Ricardas-Gavelis-ebook/dp/B00KO9G67S>. – Date of access: 10.05.2019.
4. Венцлова, Т. Вильнюс: Город в Европе / Т. Венцлова; пер. с лит. М. Чепайтите. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. – 264 с.
5. The Earth Remains: An Anthology of Contemporary Lithuanian Prose / trans. and ed. by L. Sruoginis. – Vilnius: Tyto alba, 2002. – 340 p.

МАЛАДАЯ ВЕНА ЯК ЛІТАРАТУРНЫ КАНСТРУКТ ГЕРМАНА БАРА

Л. А. Таран

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, філалагічны факультэт,
вул. К. Маркса, 31, 220030, Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: taraniza@gmail.com

У артыкуле разглядаецца літаратурная група «Маладая Вена», якая ў літаратуразнаўстве традыцыйна ўспрымаецца як суполка аўтараў-мадэрністаў. Роля Германа Бара, які лічыцца яе арганізатарам і ідэйным правадыром, вызначаецца як роля міфалагізатара і літаратурнага пасрэдніка.

Ключавыя словы: «Маладая Вена», мадэрнізм, натуралізм, Г. Бар, А. Шніцлер, Г. Гофмансталь, літаратурнае аб'яднанне.

YOUNG VIENNA AS A LITERARY CONSTRUCT OF HERMANN BAHR

L. A. Taran

Belarusian State University, Faculty of Philology,
K. Marx st. 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: taraniza@gmail.com

The article considers the literary group «Young Vienna», which is traditionally understood as a community of modernist writers. The role of Hermann Bahr, who is usually recognized as the organizer and thought leader of the group, is defined as that of mythologizer and literary mediator.

Key words: «Young Vienna», modernism, naturalism, H. Bahr, A. Schnitzler, H. Hofmannsthal, literary group.

Група «Маладая Вена» (Das junge Wien), якая існавала на мяжы XIX–XX стст. у сталіцы Дунайскай манархіі, у літаратуразнаўстве традыцыйна разглядаецца як супольнасць пісьменнікаў-мадэрністаў. Іх звычайна называюць групай, школай альбо рухам, сустракаецца таксама азначэнне «авангардысцкае паэтычнае аб'яднанне» [1, с. 111]. Правадыром, арганізатарам і ідэолагам групы лічыцца Герман Бар (Hermann Bahr, 1863–1934), а сярод удзельнікаў называюць такіх аўтараў, як Артур Шніцлер (Arthur Schnitzler, 1862–1931), Гуга фон Гофмансталь (Hugo von Hofmannsthal, 1874–1928), Леапольд фон Андрыян (Leopold Freiherr von Andrian, 1875–1951), Рыхард фон Бера-Гофман (Richard von Beer-Hofmann, 1866–1945), Петэр Альтэнберг (Peter Altenberg [Richard Engländer], 1859–1919).

Гэтыя факты (часам з пэўнымі агаворкамі) прынятыя за аксіёму, і далейшыя даследаванні канцэнтруюцца на асаблівасцях паэтыкі асобных аўтараў, сярод якіх найбольшую ўвагу атрымліваюць А. Шніцлер і Г. фон Гофмансталь. Але аб'яднанне, якое не выдавала маніфестаў, у якога не было супольнай праграмы, спісу ўдзельнікаў ці якіх-кольвек арганізацыйных форм, выклікае пэўныя сумневы. Да таго ж, амаль усе першакрыніцы, у якіх аналізуецца дзейнасць «Маладой Вены», створаныя адным чалавекам – Г. Барам. У гэтым артыкуле мы паспрабуем ацаніць яго ролю ў супольцы, а таксама зрабіць агляд супярэчлівых абставін, пры якіх яна існавала.

Варта адзначыць, што «Маладая Вена» – гэта саманазва, і яе гісторыя даволі складаная. Першы раз гэты выраз быў выкарыстаны ў артыкуле Г. Бара «Über eine Kunstaussstellung in Wien» (1888), дзе

маладымі венцамі названья сталічныя скульптары новага накірунку [гл. 8, S. 49]. Крыху пазней, у 1891 годзе, у дзённіку А. Шніцлера з'яўляецца запіс «Das junge Österreich. Im Griensteidl» («Маладая Аўстрыя. У "Грынштадлі"» – тут і далей пераклад наш. – Л. Т.) [7, S. 48]. Яшчэ праз два гады выходзіць артыкул Г. Бара «Das junge Österreich» (1893), дзе даецца абрыс паэтыкі групы, а таксама прыкладны пералік яе ўдзельнікаў: К. Б. Тарэсані, А. Шніцлер, Г. Гофмансталь, сам Г. Бар, а таксама Ф. Дзэрман, Х. Корф, Р. Шпехт, П. Фішэр – апошнія чацвёрта, аднак, падвяргаюцца крытыцы [2, S. 295]. Варта адзначыць, што гэты спіс не супадае з тым, які ў літаратуразнаўстве звычайна замацаваны за групай «Маладая Вена», а многія імёны ў ім невядомыя нават філолагам-германістам.

Таксама падаецца цікавым, што група першапачаткова брала сваю назву ад цэлай краіны, а не толькі яе сталіцы. Згодна з меркаваннем амерыканскага даследчыка Е. Рыкмана, тэрмін «Маладая Аўстрыя» ўтварыўся аналагічна тэрміну «Маладая» ці «Наймаладзейшая Германія» («Junges Deutschland», «Das jüngste Deutschland»), які нямецкія натуралісты абралі, каб падкрэсліць сваю сувязь з «Маладой Германіяй» 1830–1840-х гг. Назва «Маладая Вена», у сваю чаргу, утварылася па ўзоры «Маладой Аўстрыі». Гэты ж самы даследчык сцвярджае, што змена назвы не мае вялікага значэння [8, S. 49]. Можна выказаць гіпотэзу, што звужэнне геаграфічнай прывязкі групы звязанае папросту з тым, што большасць пісьменнікаў жыла менавіта ў Вене і што гэты горад часта становіўся месцам, дзе разгортаюцца падзеі іх твораў. Да таго ж, нямецкамоўнае сэрца імперыі вельмі істотна адрознівалася ад іншых яе частак, дзе гаварылі і пісалі на іншых мовах, таму такое абмежаванне выглядае лагічным.

Такім чынам, можна сцвярджаць, што існавала пэўная літаратурная арганізацыя «Маладая Аўстрыя», якая пазней стала называцца «Маладая Вена», і прынамсі некаторыя ўдзельнікі арганізацыі ўспрымалі яе як такую. Але з якімі мэтамі паўстала гэта аб'яднанне? Ці была ў яго пэўная праграма, сумесны друкаваны орган, ці ствараліся ў ім мастацкія маніфесты?

Калі казаць пра маніфесты і праграмы «Маладой Вены», нельга абмінуць імя Германа Бара, які лічыцца яе арганізатарам і тэарэтыкам. Сапраўды, у гісторыі літаратуры ён застаўся ў першую чаргу як выдатны літаратурны крытык свайго часу. Так, яго работу «Überwindung des Naturalismus» (1891) можна назваць паваротным тэкстам у тагачаснай літаратуры, бо тут выразна артыкулюецца

мастацкая пазіцыя, якая парывае з даміноўным у нямецкамоўнай літаратуры напрамкам, тым самым сцвярджаючы самастойнасць аўстрыйскай літаратуры: «Es war ein Wehklagen des Künstlers im Naturalismus, weil er dienen musste; aber jetzt nimmt er die Tafeln aus dem Wirklichen und schreibt darauf seine Gesetze» («У натуралізме чуўся плач мастака, бо ён быў вымушаны служыць; але цяпер ён бярэ скрыжалі з рэальнага і піша на іх свае заповеды») [3, S. 205].

Калі гаворка ідзе пра «Маладую Вену», з работ крытыка вынікае адно: у аб'яднання няма ніякай праграмы. «Sie haben keine Formel. Sie haben kein Programm. Sie haben keine Ästhetik. Sie wiederholen nur immer, dass sie modern sein wollen» («У іх няма формулы. У іх няма праграмы. У іх няма эстэтыкі. Яны толькі паўтараюць, што хочуць быць сучаснымі / належаць да мадэрнізму») [2, S. 292]; «Jeder, der dichtet, soll dabei sein – das ist das einzige Programm» («Кожны, хто піша, мусіць быць з намі – гэта адзіная праграма») [5, S. 668]. Усё, што можна вылучыць з такой «праграмы» – мадэрнізм, а таксама тое, што ў аб'яднанне нібыта запрашаюцца ўсе, хто піша. Абодва гэтыя пункты мала што могуць патлумачыць пра мастацкія прынцыпы і погляды.

Яшчэ адна праблема хаваецца ў тым, што з младавенцаў толькі адзін Г. Бар так падрабязна і часта аналізаваў літаратурны працэс. Літаратурна-тэарэтычныя заўвагі Г. фон Гофманстале вызначаюцца сцісласцю ды большай абстрактнасцю: ён, напрыклад, разважае пра псіхалогію кахання («Zur Psychologie der modernen Liebe»), або рэцэнзуе творчасць замежных сучаснікаў («Algernon Charles Swinburne», «Gabriele d'Annunzio» і інш.). Такім чынам, асноўным (і адзіным) тэарэтыкам «Маладой Вены» з'яўляецца Г. Бар. Верагодна, гэта стала галоўнай прычынай таго, што менавіта ён лічыцца лідэрам аб'яднання.

З выказванняў іншых удзельнікаў аб'яднання, аднак, вынікае, што яны не прытрымліваюцца такога меркавання. Па-першае, пра гэта сведчаць не самыя ўхвальныя водгукі на творчасць Г. Бара – яго драмы і раманы ніколі не атрымлівалі прызнання нават у коле младавенцаў. Адзін з водгукі А. Шніцлера гучыць так: «Nm. las bei mir Bahr den Bonaparte, ein Zaktiges dram. Stück vor, mit vielen feinen Zügen, mancherlei Trivialitäten und Geschmacklosigkeiten» («Удзень Бар чытаў у мяне “Банапарта”, трохактавую драму, з мноствам тонкіх рысаў, пэўнымі трывіяльнасцямі і безгустоўнасцю») [7, 13. 12. 1891]. Па-другое, існуе дакументальнае пацвярджэнне, што пісьменнікі, якія пазней склалі «Маладую Вену», збіраліся разам і раней, да таго,

як да іх далучыўся Г. Бар. Гэта ліст, які напісаў яму Г. фон Гофмансталь, запрашаючы наведаць пісьменніцкую сустрэчу ў кватэры А. Шніцлера. Літаратуразнаўца Элсбет Дангел Пелаквін прытрымліваецца меркавання, што гэты ліст абвяргае міф пра тое, што Г. Бар заснаваў групу [6, S. 47].

Акрамя таго, некаторыя дзённікавыя запісы А. Шніцлера адлюстроўваюць яго вельмі скептычнае стаўленне не толькі да творчасці Г. Бара, але і да яго асобы, а таксама да ўсёй групы: «Bahr ist einfach ein Esel; man kann nichts Dümmeres über das Stück sagen, als er mir vorgestern» («Бар проста асёл; нельга сказаць нічога больш недарэчнага пра п'есу, чым ён сказаў мне заўчора») [7, 25. 6. 1897]. Пра яго атачэнне Шніцлер піша так: «Papierenen jungen Menschen, die sich um Bahr sammeln, seinen Stil äffen und für die die Welt im Jahr 1889 (frühestens!) angefangen hat» («Папяровыя маладыя людзі, якія збіраюцца вакол Бара, капіруюць яго стыль нібы малпы, і для якіх свет пачаўся толькі ў 1889») [7, 25. 5. 1896]. У адным са сваіх лістоў А. Шніцлер так апісвае стан сучаснага мастацтва: «Nun, die literarische Bewegung äußert sich darin,... dass es keine Verleger, keine neuen Stücke, dagegen sehr viele Kaffehäuser gibt» («Цяпер літаратурны рух выражаецца ў тым,... што няма выдаўцоў, няма новых п'ес, затое ёсць вельмі шмат кавярняў») [8, S. 79] – і гэты пункт сапраўды складана аспрэчыць: кавярні (у першую чаргу, «Griensteidl») былі месцам, дзе амаль штодня збіраліся венцы, якія мелі дачыненне да мастацтва. Але гэта толькі месца сустрэчы, бо праз чатыры гады пасля гэтага ліста ў размове з літаратуразнаўцам Георгам Брандэсам (Georg Brandes, 1842–1927) А. Шніцлер на пытанне «Bilden Sie eine Gruppe in Wien» адказвае «Nein» («Ці ёсць у вас група ў Вене»... «Не») [7, 21. 8. 1896].

Вядома таксама, што, акрамя А. Шніцлера, незадаволеным дзейнасцю Г. Бара бываў і Г. Гофмансталь. Так, вышэйзгаданая Элсбет Дангел Пелаквін прыгадвае легенду, у якой Г. Бар апісаў сваю першую сустрэчу з «маладым геніяльным паэтам» («Jünglingsdichtergenie») – яна змешчана ў артыкуле «Loris» (1892), які стаў першай публікацыяй пра Г. Гофмансталя наогул. Даследчыца адзначае, што гэтая легенда, якая замацавалася за ўжо сталым пісьменнікам, вельмі раздражняла яго [6, S. 47].

Улічваючы ўсё вышэйсказанае, можна зрабіць выснову, што Г. Бар наўрад ці быў арганізатарам або лідарам «Маладой Вены». Пры гэтым нельга недаацэньваць яго ролю літаратурнага пасрэдніка. Г. Бар меў шырокія сувязі ў Аўстрыі і Германіі, што дазваля-

ла яму судзейнічаць публікацыі твораў сваіх папличнікаў. Дапамога Г. Бара мела такое значэнне таму, што пісьменнікі-младавенцы, якія яшчэ не паспелі здабыць вядомасць, лічыліся дылетантамі. Часопісы, дзе іх публікавалі, мелі забаўляльны характар («An der schönen blauen Donau») або замалыя наклады («Moderne Dichtung/Moderne Rundschau»), прычым апошні праз невялікую папулярнасць хутка быў перададзены берлінскай рэдакцыі на чале з В. Бёльшэ (Wilhelm Bölsche, 1861–1939), які адмаўляўся друкаваць не-натуралістаў. Г. Бар жа дапамагаў наладжваць публікацыі аўтараў «Маладой Вены», бо быў рэдактарам аддзелу фельетонаў у венскай «Deutsche Zeitung», а пазней разам з Х. Канэрам (Heinrich Kanner, 1864–1930) ды І. Зінгерам (Isidor Singer, 1857–1927) заснаваў уласны часопіс – «Die Zeit», у якім, аднак, працаваў нядоўга: прыкладна 5 гадоў. Да таго ж Г. Бар арганізоўваў выданне кніг А. Шніцлера ды Л. Андрыяна, бо меў сувязі і з выдавецтвам «Fischer».

Такім чынам, роля Г. Бара як лідара і арганізатара «Маладой Вены» выяўляецца вельмі спрэчнай. Падаецца верагодным, што пісьменнікі групы толькі карысталіся яго сувязямі, каб публікаваць свае творы. Але якая карысць тут была для Г. Бара? Па-першае, пэўную ролю магло адыгрываць імкненне да рэпутацыі першаадкрывальніка новых талентаў, мэтра, які здольны заўважаць і нават прадказваць новыя літаратурныя тэндэнцыі – як прыклад таму можна зноў згадаць сітуацыю «адкрыцця» Гофманстала.

Па-другое, Г. Бар, верагодна, імкнуўся стварыць і ўзначаліць арганізацыю, падобную да «Маладой Бельгіі» (La Jeune Belgique) ці да больш ранніх «Маладой Германіі» (Junges Deutschland) ды «Маладой Францыі» (Jeunes-France). Пра французскую ды нямецкую арганізацыі, якія дзейнічалі яшчэ ў 1830-я, яму дакладна было вядома. Мостам паміж «Маладой Бельгіяй», якая была актыўнай з 1881 па 1897 год, для Г. Бара мог стаць М. Метэрлінк (Maurice Maeterlinck, 1862–1949). Гэты аўтар вельмі высока цаніўся сярод маладых венскіх літаратараў, яго п'есы рэгулярна ставіліся. Е. Рыкман нават сцвярджае, што пастаноўка яго драмы «Сляпыя» (Les Aveugles) у 1982 годзе стала «вырашальнай кропкай у генезісе “Маладой Вены”» («der Scheidepunkt in der Genesis des Jungen Wien») [8, S. 65].

Пра тое, што ўзорам для венскай групы былі іншыя еўрапейскія аб'яднанні, можа сведчыць яе першапачатковая назва – «Маладая Аўстрыя», а таксама тое, што Г. Бар выказваўся не толькі пра эстэтычныя, але і пра этна-палітычныя пазіцыі групы. Так, у арты-

куле «Österreichisch» (1897) ён піша: «Es gefällt uns nicht, dass es von einer „deutsch-österreichischen“ Literatur spricht <...> wir haben auch andere [Dichter], die, wenn auch mit deutschen Worten redend, sich doch keineswegs als Deutsche fühlen, indem sie andere Nerven, andere Sinne und einen ganz anderen Geist haben als die Deutschen – diese bilden unsere österreichische Literatur» («Нам не падабаецца, што гаворка ідзе пра “нямецка-аўстрыйскую” літаратуру <...> у нас ёсць і іншыя [пісьменнікі], якія, хоць і гавораць нямецкімі словамі, ні ў якім разе не пачуваюцца немцамі, бо ў іх іншыя нервы, іншыя пачуцці і зусім іншы дух, якія і ўтвараюць нашу аўстрыйскую літаратуру») [4, S. 315–316]. Сапраўды, дыскусія пра наяўнасць і самастойнасць аўстрыйскай літаратуры хоць і страціла вастрывню, але засталася актуальнай па сённяшні дзень. У канцы XIX ст., калі Вена была культурнай правінцыяй Еўропы і яе літаратура знаходзілася ў цені больш магутнага суседа, артыкуляцыя «аўстрыйскасці» была вельмі важнай задачай новага пакалення пісьменнікаў. Магчыма, Г. Бар імкнуўся да стварэння групы, якая была б актыўнай не толькі ў эстэтычным рэчышчы, але яшчэ і, так бы мовіць, у нацыятворчым.

Такім чынам, «Маладая Вена» – літаратурнае аб’яднанне, у якім вельмі складана акрэсліць спіс удзельнікаў, да таго ж, некаторыя з іх, як А. Шніцлер, відаць, не лічылі сябе такімі. Гэта аб’яднанне не мела агульнай мастацкай праграмы, а таксама сталага друкаванага органа. Можна сказаць, што аб’ядноўвалі ўдзельнікаў толькі часова-прасторавыя каардынаты: мяжа стагоддзяў, Вена, кавярня «Griensteidl», а таксама асоба Г. Бара. На жаль, з такой часовай і прасторавай адлегласці складана адзначыць яго ролю ў групе, а таксама даць дакладны адказ на пытанне, чым менавіта была «Маладая Вена» – літаратурнай групай з пэўнымі эстэтычнымі прынцыпамі, «младарухам» ці проста колам творчых асоб, якія час ад часу сустракаліся ў кавярні. Але можна сцвярджаць, што «Маладую Вену» варта разглядаць па-за межамі тых уяўленняў, якія замацаваліся ў літаратуразнаўстве.

Літаратура

1. Гуревич, Р. В. Гуго фон Гофмансталь / Р. В. Гуревич // История австрийской литературы XX века: в 2 т. / под. ред. В. Д. Седельника [и др.]. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – Т. 1. – С. 110–149.
2. Bahr, H. Das junge Österreich / H. Bahr // Die Wiener Moderne. Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890–1910 / Hrsg. G. Wunberg. – Stuttgart: Reclam, 1981. – S. 287–310.

3. Bahr, H. Die Überwindung des Naturalismus / H. Bahr // Die Wiener Moderne. Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890–1910 / Hrsg. G. Wunberg. – Stuttgart: Reclam, 1981. – S. 199–205.
4. Bahr, H. Österreichisch / H. Bahr // Die Wiener Moderne. Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890–1910 / Hrsg. G. Wunberg. – Stuttgart: Reclam, 1981. – S. 315–318.
5. Bahr, H. Zehn Jahre / H. Bahr // Die Wiener Moderne. Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890–1910 / Hrsg. G. Wunberg. – Stuttgart: Reclam, 1981. – S. 666–672.
6. Dangel-Pelloquin, E. Das Junge Wien / E. Dangel-Pelloquin // Hofmannsthal-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung / J. Werlitz. – Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler Verlag, 2016. – S. 47–49.
7. Hermann Bahr, Arthur Schnitzler. Briefwechsel, Aufzeichnungen, Dokumente 1891–1931 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bahrschnitzler.acdh.oeaw.ac.at/index.html>. – Дата доступу: 17.03.2019.
8. Rieckmann, J. Aufbruch in die Moderne. Die Anfänge des Jungen Wien / J. Rieckmann. – Frankfurt am Mein: Athenaeum, 1985. – 232 S.

**ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ РАССКАЗОВ ЮДИТ ГЕРМАН
«СОНЯ» И «МУЗЫКА ХАНТЕРА ТОМПСОНА»
(ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА)**

Д. К. Давыденко

Белорусский государственный университет,
филологический факультет,

ул. К. Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: ruseckaja.darja@rambler.ru

В статье ставится задача рассмотреть влияние гендерного аспекта на перевод художественных текстов на примере русскоязычных рецептов рассказов Юдит Герман. Анализ доказывает, что гендер может оказывать непосредственное влияние на перевод. Многие отклонения от оригинала имеют социокультурные причины, связанные с гендерной стереотипизацией общества. Совпадение пола переводчика и автора оказывает положительное влияние на перевод, и наоборот – несовпадение гендера переводчика и автора часто ведет к фактическим ошибкам.

Ключевые слова: гендер, стереотипизация, художественный перевод, рецепция, сравнительный анализ.

**TRANSLATION RECEPTION OF SHORT STORIES
BY JUDITH HERMANN “SONJA” AND “HUNTER TOMPSON’S
MUSIC” (PECULIARITIES OF GENDER APPROACH)**

D. K. Davydenko

Belarusian State University, Philological Department,

K. Marx st. 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus

e-mail: ruseckaja.darja@rambler.ru

The article aims to consider the impact of the gender aspect on the translation of fiction by Russian-language receptions of stories by Judith Hermann. The analysis proves that gender can have a direct impact on translation. Many deviations from the original have socio-cultural reasons connected with the gender stereotyping of society. When the female author is a translator, the presence of a translator with the same gender identity has a positive impact on the translation, and vice versa, the mismatch between the gender of the translator and the author often leads to actual errors.

Key words: gender, stereotyping, fiction translation, reception, comparison analysis.

В девяностые годы прошлого века на литературную арену объединенной Германии выходят так называемые «внуки третьего рейха». Лицом этого литературного поколения становится Юдит Герман, чей дебютный сборник рассказов «Sommerhaus, später» вышел в 1998 г. и получил не только благосклонные отзывы критиков, но также и любовь читателей, о чем говорят литературные премии и многочисленные переиздания этой книги. Произведения Юдит Герман переведены и на русский язык. На данный момент рассказы из первого сборника представлены в двух переводах. В данных рецепциях нас интересует гендерный аспект, именно поэтому важно уточнить, что два существующих перевода выполнены представителями обоих полов. В 2003 г. были опубликованы три рассказа, переведенные Натальей Скакун. Полностью сборник перевел Александр Мильштейн, издание вышло в 2009 г. Для анализа мы взяли два рассказа, представленных в обоих переводах: «Sonja» и «Hunter-Tompson-Musik».

В первом рассказе речь идет о художнике, чье имя не называется, и о девушке по имени Соня, жизненные пути которых пересеклись на небольшой период времени. В своем интервью Юдит Герман от-

мечала особенное значение персонажа Сони, которая олицетворяет собой особый тип женщины, характерный для поколения писательницы [4].

Второй рассказ, название которого точнее передано в переводе Натальи Скакун как «Музыка Хантера Томпсона», – один из самых глубоких и печальных рассказов этого сборника. Типичный герой Юдит Герман – человек, раз за разом упускающий саму жизнь и ее возможности, – здесь приобретает особую трагичность из-за своего возраста. Если молодые люди упускают что-то, у них еще, возможно, будет шанс все исправить, а у Хантера Томпсона, главного героя этого рассказа, вся жизнь уже позади, в его распоряжении только немного времени до конца, которое нужно чем-то заполнить, и музыка.

Рассказы Юдит Герман – это рассказы настроения, в них важна каждая деталь, именно поэтому обманчивая простота ее текстов может ввести в заблуждение невнимательного переводчика.

В результате посегментного сравнения текстов мы обнаружили повторяющиеся особенности, которые могут быть связаны с гендером. Все примеры, проанализированные в тексте, представлены в таблице 1.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это та степень уверенности, которую позволяют себе выражать оба переводчика. И хотя такие отклонения минимально искажают смысл оригинального текста, порой они влияют на характеристику персонажа. Рассмотрим пример № 1. В рассказе «Соня» перевод выражения «Ich weiß noch» двумя приемлемыми вариантами: «Мне и теперь совершенно ясно» (в мужском) и «Помню, мне казалось» (в женском) отличается только степенью уверенности, однако совершенно иная ситуация складывается во втором примере. В рассказе «Музыка Хантера Томпсона» два варианта перевода одной реплики «Вы бы посмотрели, все ли у нее в порядке» и «Возможно, вам следует посмотреть, как у нее дела» по-разному характеризуют одного и того же героя (см. прим. № 2). Императив в первом случае показывает большую степень уверенности в себе как самого переводчика, так и героя, т. е. он не предполагает, как в женском переводе, а прямо указывает, что следует сделать собеседнику.

Вторая особенность характерна для женского перевода, и ее можно обозначить как тенденцию к сближению или объединению. В примерах № 3 и № 4 мы видим, что у переводчицы появля-

ется «мы», там, где у автора и переводчика стоит «Ich» или «du», т. е. 'я' или 'ты'. Та же особенность отражается и в разнице между 'возле' и 'рядом', что может значительно исказить ситуацию. Так, в примере № 5 разница между выражениями «с гордым видом возвращалась ко мне» и «гордо становилась рядом со мной» выражает степень зависимости, равенства-неравенства в отношениях двух героев.

Следующая особенность указывает на то, как социальные нормы, стереотипы и различное воспитание могут повлиять на перевод. В примере № 6 «ins Gesicht schlagen» совершенно адекватно передается переводчицей как «ударить ее в лицо». Переводчик не позволяет себе этого, заменяя удар пощечиной, что, возможно, связано с негласным правилом «женщину бить нельзя». Слово *Geliebte* в примере № 7 также интерпретируется переводчиками по-разному. Его словарное значение 'любовник' использует Наталья Скакун, однако в мужском переводе почему-то появляется вариант 'жених'. Здесь, как можно предположить, реализуется разрабатываемый веками двойной образ женщины, которая представляется в ипостасях святой, когда речь идет о материнстве, и грешницы, речь идет о женщине желанной. Таким образом, любовник превращается в жениха, когда речь идет о матери главного героя. Необычные, но вполне соотносимые со своим гендером решения находят оба переводчика для не вполне однозначного выражения «denkt an das Zähneblecken der Hunde» в примере № 8. Мужчине, согласно общественным представлениям, в нестабильной ситуации следует проявлять храбрость и, если нужно, агрессию, поэтому у главного героя в мужской интерпретации появляется оскал, который делает Хантера в некотором смысле устрашающим. Женщине же простительна и даже похвальна слабость, поэтому герой у переводчицы представляет себе собак, скалящих зубы, ничего не понимает, он слаб и растерян.

Некоторые формулировки прямо указывают на то, что переводчики некоторым образом конституируют себя с героями своего пола. Проиллюстрируем это примером № 9, где смысл не трансформируется тотально, меняется только субъект действия. Если убрать все, кроме главных членов предложения получается следующая картина: «Он не будет» (в мужском варианте), «Она не заставит» (в женском).

Однако не всегда подобные трансформации и искажения остаются без последствий. В данных переводах нередки случаи, когда картина происходящего в оригинале и в переводах совершенно не совпадают, что значительно влияет на то, что именно останется в голове у читателя, не ознакомленного с оригиналом.

Рассмотрим примеры № 10 и № 11. В рассказе «Соня» благодаря контрасту между словами 'недоумение' и 'раздражение', 'внимание' и 'всеобщее внимание', 'неуклюже ступить' и 'продефилировать' в мужском и женском вариантах соответственно, складываются две совершенно разные картины. В варианте переводчика главный герой замечает нелепо одетую Соню, которая неуклюже передвигается по направлению к нему, привлекая при этом нежелательное внимание, что вызывает неловкость и раздражение. В варианте переводчицы – Соня в невероятном наряде шествует, торжественно проходит в его сторону, привлекая при этом всеобщее внимание, в том числе и мужчин, что вызывает недоумение главного героя.

Во втором рассказе тоже есть описание женского образа. Контрастируют следующие выражения: 'маленькие ноги' и 'миниатюрные ступни', 'поджатые пальчики' и 'пальцы-горошины', 'подол халата подшит бахромой' и 'края ее купального халата обтрепались', 'пояс' и 'поясок', а также в мужском варианте отсутствует момент, где девушка прикрывается халатом до самого горла, что делает первый образ намного более привлекательным для лиц мужского пола. Оба переводчика допускают достаточно много отклонений, чтобы ориентироваться на мужской или женский перевод, у них получается две абсолютно разные картины, которые в некотором смысле отражают их отношение к героям. Как дополнительный аргумент к сказанному приведем пример № 12, который в оригинальном тексте следует сразу за предыдущим сегментом. Как видим, переводчица следует линии писательницы и не хочет пускать героиню в комнату, но переводчик, которому эта девушка явно по душе, вопреки оригиналу распахивает перед ней двери комнаты героя.

Что-то подобное происходит и в последних двух примерах. В сегменте № 13 'зачарованная' как в оригинале, так и в женском переводе, Соня становится 'нежеланной' в мужском. В примере № 14 в мужском переводе сердце мисс Джил вместо душевных ран получает вполне реальные шрамы и искусственный клапан в придачу, а фигура Лича обретает образ покорителя женских сердец.

На примере данных текстов мы можем судить только о модели перевода: женский текст – переводчики мужчина и женщина. Однако уже на его основе можно утверждать, что гендер переводчика играет не последнюю роль в процессе перевода, а также то, что гендерные стереотипы часто приводят к значительным искажениям текста.

Таблица 1

Сопоставительная таблица переводов

	Оригинал [4, S. 55–84]	Перевод Александра Мильштейна [2]	Перевод Натальи Скакун [3, с. 40–69]
1.	Ich weiß noch, daß es wie inzestuös gewesen wäre, mit ihr zu schlafen, ihre Brüste zu berühren...	Мне и теперь совершенно ясно, что, если бы я по-настоящему переспал с ней, это было бы как инцест, даже если бы я просто коснулся ее груди.	Помню, мне казалось, что переспать с ней, даже просто дотронуться до ее груди было бы инцестом.
2.	«Ich glaube, Miss Wenders hat schon seit Tagen ihre Post nicht mehr abgeholt, Mr. Leach», sagt Hunter. »Vielleicht sollten sie mal nachschauen, wie es ihr geht.»	«По-моему, мисс Вендерс уже много дней не берет свою почту, мистер Лич, – говорит Хантер. – Вы бы посмотрели, все ли у нее в порядке.»	«Кажется, мисс Вендерс уже несколько дней не забирала почту, мистер Лич, – говорит Хантер, – Возможно, вам следует посмотреть, как у нее дела.»
3.	Ich blieb drei Wochen lang...	Я оставался у нее три недели...	Мы провели вместе три недели...
4.	»Fährst du mit mir fort, im Frühjahr?« fragte sie...	«Ты уедешь со мной в начале года?» – спросила она...	«Мы с тобой будем ездить за город весной?» – неожиданно спросила она...
5.	Sie wurde ständig angesprochen, entzog sich aber immer und stellte sich mit stolzer Miene wieder neben mich.	С ней все время заговаривали мужчины, но она не отвечала, а с гордым видом возвращалась ко мне.	С ней то и дело кто-нибудь заговаривал, она всегда уклонялась и опять гордо становилась рядом со мной.
6.	Ich dachte überhaupt nichts mehr, ich schaute sie an, sie schaute zurück, ohne Erotik, ohne Flirt, ohne Schmelz, aber mit einem Ernst und einer Direktheit, daß ich sie hätte ins Gesicht schlagen können.	Я больше ни о чем не думал, просто смотрел на нее, она смотрела на меня, без всякой эротики, без заигрывания, но так прямо и серьезно, что я чуть не дал ей пощечину.	Уже без всяких мыслей я смотрел на нее, она – на меня: не эротично, не флиртуя, не стараясь очаровать, но с какой-то прямоотой, так серьезно, что мне хотелось ударить ее в лицо.

	Оригинал [4, S. 55–84]	Перевод Александра Мильштейна [2]	Перевод Натальи Скакун [3, с. 40–69]
7.	Ich erzählte von Dänemark, von den Türkenjungen in meinem Hinterhof und von dem Geliebten, den meine Mutter vor zehn Jahren gehabt hatte, von der Zubereitung von Lamm und Kaninchen, vom Fußball und von Griechenland.	Я рассказывал о Дании, о турецких мальчишках из моего двора и о женихе, который был у моей матери десять лет назад, о том, как готовят баранину и кролика, о футболе и Греции.	Я говорил о Дании, о дворовых мальчишках-турчатах и о любовнике, который был у моей мамы десять лет назад, о кулинарных рецептах, о футболе и о Греции.
8.	Hunter lächelt verständnislos, denkt an das Zähneblecken der Hunde, Miss Gil singt <i>I'm in love but I'm lazy</i> , er verspürt das Bedürfnis, ihr wie einer Comic-Ente den faltigen Hals umzudrehen.	Хантер неловко улыбается, его улыбка скорее похожа на оскал, мисс Джил поет « <i>I'm in love but I'm lazy</i> », ему хочется свернуть ей шею, как это сделали утке в каком-то знакомом комиксе.	Хантер улыбается, ничего не понимая, ему почему-то представляются собачки, скалящие зубы. Мисс Джил поет: « <i>I'm in love but I'm lazy</i> », он чувствует желание свернуть ей морщинистую шею, как утке из комиксов.
9.	Das Mädchen wird ihn nicht dazu bringen, sich im Gemeinschaftsbad zu waschen. Das Mädchen wird ihn überhaupt nicht dazu bringen, sich zu waschen, er wird sich rasieren und die Haare kämmen, es ist ohnehin nichts zu retten.	Не будет он из-за этой девчонки мыться в общем душе. Он вообще не будет мыться, только побреется и причешет волосы, и все.	Эта девушка не заставит его мыться в общей ванной. Она вообще не заставит его мыться полностью, он только побреется и причешет волосы, все равно ничего уже не изменишь.
10.	Sie trug ein unglaublich altmodisches, rotes Samtkleid, und ich bemerkte irritiert, daß sie Aufsehen erregte. Sie stöckelte auf viel zu hohen Schuhen auf mich zu, sagte »Hallo« und »Entschuldigung«, und ich war kurz versucht 44 ihr zu sagen, daß ich sie unmöglich fand, ihre Aufmachung, ihre Unpünktlichkeit, ihre ganze Person.	На ней было невероятно старомодное платье из красного бархата, я с раздражением заметил, что она привлекает внимание. Она подошла ко мне, неуклюже ступая на своих высоких каблуках, сказала: «Привет. Я извиняюсь». Меня так и подмывало сказать ей, что ее наряд, и ее «пунктуальность», и вообще вся она невозможна и нелепа.	На ней было невероятно старомодное платье красного бархата, и я с недоумением отметил, что она привлекла всеобщее внимание. Она продефилировала ко мне на слишком высоких каблуках, сказала: «Привет» и «Извини», – и я почувствовал искушение сказать ей, что она невозможна, что ее внешний вид и непунктуальность не лезут ни в какие ворота.

	Оригинал [4, S. 55–84]	Перевод Александра Мильштейна [2]	Перевод Натальи Скакун [3, с. 40–69]
11.	Hunter sieht sehr kleine Füße mit gekrümmten Zehen, einen aufgekrazzten Mückenstich am linken Fußknöchel, ein winzig-bißchen Dreck unter dem Nagel des großen Zehs. Der Saum ihres Bademantels ist ausgefranst, der Bademantelblau mit weißen Hasenapplikationen auf den Taschen. Sie hat den Mantel sehr eng um die Taille geschnürt, unter ihrem Arm klemmt ein Handtuch und eine Shampooflasche. Sie hält sich mit der rechten Hand den Bademantel unter dem Hals zu...	Хантер смотрит на ее маленькие ноги с поджатými пальчиками, он видит расчесанный комариный укус на левой лодыжке, кусочек грязи под ногтем большого пальца. Подол халата подшит бахромой, халат синий, с белыми зайцами на карманах. Она туго затянула пояс на талии, под мышкой у нее полотенце и пузырек с шампунем.	Хантер видит миниатюрные ступни с пальцами-горошинками, расцарапанный след от комариного укуса на левой щиколотке, немножко грязи под ногтем большого пальца на ноге. Края ее купального халата обтрепались, сам халат – синий, с белыми зайцами на карманах. Девушка очень туго затянула пояс на талии, под мышкой зажаты полотенце и шампунь, правой рукой она придерживает воротник халата у самого горла.
12.	Hunter zieht die Tür an sich heran und versucht, ihr den Blick auf das Zimmer zu verstellen	Хантер открывает дверь шире, так, чтобы она могла осмотреть комнату.	Хантер притягивает дверь к себе и старается заслонить комнату от девушки.
13.	Drei Monate mit einer müden, verwunschenen kleinen Sonja hatten nichts hinterlassen; ich suchte umsonst und ärgerte mich über mich selbst.	От трех месяцев с усталой, маленькой, нежеланной Соней не осталось ровным счетом ничего, все поиски были напрасны, я злился.	Три месяца с усталой, замаранной, маленькой Соней не оставили после себя ничего; я искал напрасно и сердился на самого себя.
14.	Jeder im Washington-Jefferson haßt Leach, mit Ausnahme der alten Miss Gil, die ihr klappriges, vernarbtes Herz an ihn verschenkt hat.	Каждый в «Вашингтон-Джефферсон» ненавидит Лича, за исключением разве что старой мисс Джил. Лич разбил ее сердце. Сердце мисс Джил и без того было покрыто шрамами, в нем стоит искусственный клапан.	В «Вашингтон-Джефферсон» Лича ненавидят все, исключая старушку мисс Джил, которая подарила ему свое износившееся, покрытое рубцами сердце.

Литература

1. Герман, Ю. Летний домик, позже: сборник рассказов / Ю. Герман; пер. с нем. А. Мильштейна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/german_yudit/letniy_domik_pozge.html. – Дата доступа: 20.03.2019.
2. Герман, Ю. А с домом успеется: из книги рассказов / Ю. Герман; пер. с нем. Н. Скакун // Всемирная литература. – 2003. – № 7. – С. 40–69.
3. Hermann, J. Sommerhaus, später: Erzählungen / J. Hermann. – Frankfurt am Main: S. Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. – 192 S.
4. Prangel, M. Eine andere Art von Rückblick – Gespräch mit Judith Hermann über „Sommerhaus, später“ [Электронный ресурс] / M. Prangel // [literatur.de: rezeptionsforum](http://literatur.de:rezeptionsforum). – Режим доступа: [https://literaturkritik.de/public/rezension.php? rez_id=5689&ausgabe=200302](https://literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=5689&ausgabe=200302). – Дата доступа: 15.02.2019

ВОБРАЗ-СИМВАЛ ВЕНСКОЙ ПЛОШЧЫ ГЕРОЯЎ У АДНАЙМЕННЫХ ВЕРШЫ Э. ЯНДЛЯ І П'ЕСЕ Т. БЕРНХАРДА: ПРАБЛЕМЫ ІНТЭРПРЭТАЦЫІ І ПЕРАКЛАДУ

В. Ч. Гронская

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, філалагічны факультэт,
вул. К. Маркса, 31, 220030, Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: volhahronskaya@gmail.com

У артыкуле разглядаюцца два творы, прысвечаныя Плошчы герояў у Вене – месцу, дзе ў 1938 г. віталі далучэнне Аўстрыі да гітлераўскай Германіі. Аналізуюцца праблематыка і паэтыка твораў, прыхаваныя ў іх сэнсы. Значная ўвага надаецца моўнай фактуры тэкстаў, эксперыментам аўтараў з мовай, якія былі выяўленнем і сродкам пратэсту супраць замоўчвання фашысцкага мінулага.

Ключавыя словы: вобраз-сімвал, нацыянальная ідэнтычнасць, моўны эксперымент, наватвор, рэфрэн, рэмарка, музычная структура.

THE SYMBOLIC IMAGE OF VIENNA HELDENPLATZ (HEROES' SQUARE) IN THE SIMILARLY-NAMED ERNST JANDL'S POEM AND THOMAS BERNHARD'S PLAY: THE ISSUES OF INTERPRETATION AND TRANSLATION

V. Ch. Hronskaya

Belarusian State University, Philological Department,
K. Marx st. 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: volhahronskaya@gmail.com

The article deals with two literary works dedicated to Vienna's Heroes' Square – the place where the Austrian Anschluss to Nazi Germany was acclaimed and welcomed in 1938. The range of issues and the poetics of the literary works as well as the hidden connotations are being analyzed. Significant attention is given to the language of the texts, to the authors' experiments with the language, which turned to be the exposure and the means of the protest against the understatement of the fascist past.

Key words: the symbolic image, the national identity, the language experiment, neologisms / word innovations, refrain, remark, the musical structure.

Плошча герояў – рэальнае месца ў Вене, дзе традыцыйна праходзілі ваенныя парады. Найбольш вядомая падзея, якая тут адбылася, – абвяшчэнне Адольфам Гітлерам 15 мая 1938 г. далучэння Аўстрыі да Трэцяга Рэйху. Венцы радысна віталі Гітлера, на плошчу прыйшло каля 300 тысяч чалавек, пра што захаваліся гістарычныя сведчанні. Аднак пасля заканчэння другой сусветнай вайны Аўстрыя стала хаваць і замоўчваць гэты факт, афіцыйна абвясціўшы сябе першай ахвярай фашызму. Тым не менш менавіта прамова Гітлера і аншлюс засталіся ў свядомасці аўстрыйцаў у цеснай сувязі з Плошчай герояў, у выніку чаго месца ператварылася ў адзін з вобразаў-сімвалаў аўстрыйскай літаратуры. Яго выкарыстоўваюць розныя аўтары другой паловы XX ст, а Эрнст Яндль (Ernst Jandl, 1925–2000) і Томас Бернхард (Thomas Bernhard, 1931–1989) максімальна засяродзілі на ім сваю ўвагу, зрабіўшы сэнса- і назваўтваральным.

Для абодвух аўтараў вельмі важнымі былі пытанні аўстрыйскай нацыянальнай ідэнтычнасці, стаўлення да сваёй радзімы, яе гісторыі і культуры. Пры гэтым Э. Яндль праяўляе сябе як паэт-эксперыментаатар, у яго творчасці на першы план выходзяць пытанні мовы, якая дыскрэдытавала сябе падчас уладарання нацыянал-сацыялізму. Паэт нібыта адмаўляецца ад звыклай нямецкай мовы, спрабуе вынайсці новую, свабодную ад палітычных злоўжыванняў. Шляхам для такога абнаўлення мусіў стаць эксперымент, у якім элементы мовы (гукі, літары, словы, словазлучэнні, сінтаксічныя структуры) пазбаўляліся іх звыклага кантэксту. У сваю чаргу Т. Бернхард набліжаецца да так званай «антыайчыннай літаратуры» – тыпова аўстрыйскай з'явы, прадстаўнікі якой дэманстравалі сваё негатыўнае стаўленне да радзімы, паказвалі ў творах яе непрывабны і нават варожы бок. На пры-

кладзе двух твораў, прысвечаных Плошчы Герояў, паспрабуем разгледзець гэтыя і іншыя асаблівасці.

Эрнст Яндль лічыцца адным з самых глыбокіх эксперыментатараў у аўстрыйскай паэзіі. Пры гэтым паэт вядзе пастаянны дыялог з чытачом, запрашае яго да больш удумлівага пранікнення ў значэнні слоў. Яндль не толькі займаецца рэдукцыяй моўнага матэрыялу да найпрасцейшых элементаў, але і адкрывае ў іх прыхаваныя магчымасці.

Вершаў, якія наўпроста закранаюць праблемныя месцы аўстрыйскай гісторыі, у паэта не так і многа. Найяскравейшы прыклад – адзін з самых вядомых твораў Яндля, «вена: плошча герояў» («wien: heldenplatz»).

Верш быў напісаны Э Яндлем у 1962 г. і надрукаваны ў 1966 г. у зборніку «Гук і Луіза» («Laut und Luise»). Аўтар апісвае свае дзіцячыя ўражанні ад прамовы Гітлера, то бок тэкст звернуты да рэальных гістарычных падзей, але пры гэтым паэт адлюстроўвае іх сродкамі моўнага эксперыменту. У выніку перад намі і дакументальнае сведчанне, і штучна створаная паэтычная канструкцыя.

*der glanze heldenplatz zirka
versaggerte in maschenhaftem männchenmeere
drunter auch frauen die ans maskelknie
zu heften heftig sich versuchten, hoffensdick
und brüllzten wesentlich.*

*verwogener stirnscheitelunterschwang
nach nöten nördlich, kechelte
mit zu-nummernder aufs bluten feilzer stimme
hinsensend sämmertliche eigenwäscher.*

*pirsch!
döppelte der gottelbock von Sa-Atz zu Sa-Atz
mit hünig sprenkem stimmstummel.
balzerig würmelte es im männechensee
und den weibern ward so pfingstig ums heil
zumahn: wenn ein knie-ender sie hirschelte.*

Гэта адзін з самых неперакладальных вершаў паэта (дагэтуль не існуе перакладу твора ні на беларускую, ні на рускую мовы). Зразумець яго сэнс і калі не перакласці, то хаця б растлумачыць яго нам дазваляюць асобныя апорныя і пазнавальныя словы і іх камбінацыі.

Назва дае адсылку да месца дзеяння, а значыць, і да гістарычнай падзеі. У першай страфе можна распазнаць, што гаворка ідзе пра на-тоўп людзей, сярод якіх ёсць жанчыны. Счытваецца агульная атмасфера надзеі на нешта і гучнасць таго, што адбываецца. У другой страфе не названы наўпрост, але пазнавальны вобраз Гітлера (апісваецца яго знешні выгляд і акустычна даюцца адсылкі да манеры гаварыць). Трэцяя страфа адлюстроўвае прамову і яе ўздзеянне на слухачоў.

У вершы амаль няма лексем, якія можна знайсці ў слоўніках. Паэт займаецца дэканструкцыяй звыклых словаформаў і канструяваннем з іх новых кентаўрычных або абарваных, дэфармаваных слоў. Даследчыкі бачаць у гэтым своеасаблівы спосаб перадачы таго, як словы Гітлера маглі даходзіць да свядомасці натоўпа з улікам скажэння іх дынамікамі і канцэнтрацыяй іншага шуму [гл.: 2, с. 393]. Такім чынам, перад намі фанаграма падзеі. Пры гэтым паэт дэманструе, як нямецкая мова ў вуснах нацыстаў губляе сваю першапачатковую сутнасць.

Аднак няправільна было б лічыць, што ў вершы прысутнічае толькі разбурэнне мовы, яе дэфармацыя. Як адзначалася вышэй, для Э. Яндля больш важным было адшукванне прыхаваных магчымасцяў мовы. У выніку нават настолькі дэфармаваны тэкст нясе глыбокуюсэнсавую нагрузку. Цяжка, аднак, адназначна прачытаць гэты сэнс, таму што паэт заўсёды пакідае магчымасць для шырокіх інтэрпрэтацый. І кожная кентаўрычная канструкцыя ў вершы ўяўляе сабой прыклад шматзначнасці.

Не ставячы мэты расшыфроўваць кожнае слова, паспрабуем на прыкладзе першай страфы і некаторых элементаў далейшага тэксту паказаць, што за імі хаваецца і як гэта звязана з праблемай крызісу аўстрыйскай нацыянальнай ідэнтычнасці.

Напрыклад, ужо ў першым радку з'яўляецца пазаслоўнікавае слова «*der glanze*», у якім відавочна спалучаюцца «*Glanz*» – бляск, ззянне, і «*ganz*» – увесь, цалкам. Такім чынам, перад намі не проста «уся плошча герояў», а «ўся бліскучая плошча герояў», дакладней нават – «усёбліскучая плошча герояў». Астатнія словы ў гэтым радку зразумелыя, але часам і ў слоўнікавай лексеме «*zirka*» даследчыкі бачаць прыхаваную адсылку да слова «*Zirkus*» (цырк) і чытаюць гэта як намёк на камічнасць дзеяння [6, с. 39]. Другі радок – «*versaggerte in maschenhaftem männchenmeere*» – хавае ў сабе адразу тры прыдуманія паэтам канструкты. У слове «*versaggerte*» чуюцца дзеясловы «*versagen*» – адмаўляць, «*versickern*» – прасочвацца, знікаць, «*sabbern*» – пускаць сліну, несці ахінею, «*versachen*» – аб'яднаць

у эмацыянальным сэнсе, «*versiegen*» – канчацца, знікаць. Назоўнік «*männchenmeere*» можна перакласці як «*мора людзей, што стаяць на выцяжку*», як «*мора чалавечкаў*» або нават як «*мора самцоў*». Злучаны з ім прыметнік «*maschenhaftem*» утрымлівае ў сабе словы «*massenhaft*» («*масамі, у вялікай колькасці*») і «*Maschen*» («*вочка ў сетцы*»). Калі ведаць, што выраз «*in die Maschen geraten*» абазначае «*трапіць ў сіло або пастку*», сканструяванае Яндлем слова набывае асаблівае значэнне: апісвае мноства людзей, якія трапілі ў пастку.

У наступных радках першай страфы згадваюцца прысутныя сярод натоўпу жанчыны, якія «*ans maskelnie / zu heften heftig sich versuchten, hoffensdick / und brüllzten wesentlich*». Перад намі адначасова і вельмі цялесны, фізічны вобраз жанчын, што прыхінаюцца да мужчынскіх каленяў (мы бяром тут у якасці апорнага кораня граматычнае «*Maskulinum*» – «*мужчынскі род*») і нават «*моцна прымацоўваюць*» сябе да іх «*у спакусе*», але і ў той самы час рэлігійна-дэманічны вобраз, таму што тыя ж словы можна прачытаць як «*падаюць на мускулістыя калені, моцна прымацоўваючыся ў парыве*». Далей да жанчын ужытае слова «*hoffensdick*», якое можна перакласці і больш прама, як «*поўныя надзеі*». Але Вальтэр Рупрэхтэр звяртае ўвагу, што ў нямецкай мове выразы «*in guter Hoffnung*» і «*dick*» з'яўляюцца эўфемізмамі для абазначэння цяжарнасці. На думку даследчыка, гэта адсылае чытача «не столькі да сексуальна афарбаванай атмасферы на плошчы Герояў падчас прамовы, колькі да культу мацярынства ў нацыянал-сацыялістычнай прапагандзе» [6, с. 40]. Нарэшце, у выразе «*brüllzten wesentlich*» Ёрг Дрэўс бачыць мантаж «*brüllen*» (варыць, апарваць), «*balzen*» (такаваць, спарвацца) «*rülpsen*» (адрыгваць) і «*blitzen*» (блішчаць) і разумее яго сэнс як «*схаваную глыбінную юрлівасць, зверпадобнасць*» – «*сапраўднае*», што адбываецца з натоўпам [гл.: 5, с. 43].

У выніку пераклад першай страфы мог бы гучаць так: «*усёбліскачая плошча герояў амаль што знікла пад морам захопленых чалавечкаў (ну, проста цырк!), яны пускаюць сліну і стаяць на выцяжку, уцягнутыя ў пастку; там і жанчыны ўціскаюцца каленямі ў парыве, спакушаныя, поўныя надзеі, як сімвал мацярынства, выяўляюць сваю найсапраўднейшую зверпадобнасць*». Безумоўна, гэта толькі прыблізны магчымы сэнс.

Не разбіраючы настолькі падрабязна ўвесь верш, звернем увагу яшчэ на два цікавыя моманты, у якіх праяўляецца майстэрства Э. Яндля. У сваіх творах паэт часта вылучаў асобныя гукі: голасам падчас выканання або графічна. Тэкст «*wien: heldenplatz*» грунтуецца на экс-

перыменце іншага парадку, але гульня з гучаннем слоў або з прысутнасцю пэўных літар у целе верша тут таксама ёсць.

І ў першую чаргу яна прасочваецца там, дзе аўтар піша пра нацыянал-сацыялізм, пра Гітлера і яго прамову. У пачатку трэцяй страфы стаіць падкрэсленае «*von Sa-Atz zu Sa-Atz*». Даслоўна яно перакладаецца як «са сказа ў сказ», але назоўнік «*Satz*» разбіты злучнікам і дададзенай вялікай літарай А. У выніку перад чытачом абрэвіятура «*SA*» (*Sturmabteilungen*, штурмавыя атрады). Акрамя таго, В. Рупрэхтэр адзначае магчымасць скласці слова Hitler з асобных літар наватвору *stirnscheitelunterschwang*, які служыць якраз для абазначэння Гітлера, але нібыта не называе яго. З вылучэннямі даследчыка гэта слова выглядае так: *stirnscheitelunterschwang* [гл.: 6, с. 45].

Падобным чынам можна прааналізаваць кожны радок верша і ўбачыць сэнсы, укладзеныя ў яго паэтам (або знойдзеныя ўдумлівымі чытачамі).

Эрнст Яндль звяртаюцца да недазволенай у пасляваенны час тэмы – аўстрыйскага палітычнага шляху ад аўстрафашызму да нацыянал-сацыялізму. Падаецца, што моўны эксперымент дазваляе паэту больш свабодна гаварыць пра забароненае.

Падобная свабода зробіцца ў большай ступені магчымай у 1980–2000 гг., доказам таму стане творчасць Томаса Бернхарда, у раманах і п’есах якога пытанні аўстрыйскай віны і падвойнага стаўлення да радзімы гучаць больш адкрыта і востра.

П’еса «Плошча герояў» («*Heldenplatz*») – апошні сцэнічны твор Т. Бернхарда, напісаны незадоўга да яго смерці, у 1988 г. П’еса была створаная да стагоддзя венскага «Бургтэатра». Другой нагодай для яе напісання сталі пяцідзясятыя ўгодкі аншлюсу Аўстрыі да Германіі. З’яўленне твора стала вялікім скандалам у Аўстрыі. І раней рэзкі, Т. Бернхард нібыта пераўзышоў у гэтым тэксце самога сябе ў выкаванні нянавісці да аўстрыйскай рэчаіснасці.

Дзеянне ў п’есе адбываецца ў доме пры Плошчы Герояў пасля самазабойства прафесара Ёзафа Шустэра. Напярэдадні вайны ён быў выгнаны з Аўстрыі з-за свайго яўрэйскага паходжання, а калі праз пяцідзясят гадоў вырашыў вярнуцца на радзіму, то не пабачыў змен у свядомасці аўстрыйцаў і жорстка расчараваўся. Такім чынам, адзіная падзея адбылася яшчэ да пачатку п’есы, сюжэт якой складаюць размовы і ўспаміны сваякоў і знаёмых прафесара. Як і ва ўсіх творах Т. Бернхарда, тут ёсць героі, якія гавораць, і героі, роля якіх – слуха-

ць, яны не прамаўляюць за ўвесь час ні слова або абмяжоўваюцца кароткімі рэплікамі, выконваючы функцыю адрасата маналагічнага па сутнасці выказвання іншых. Асаблівае месца займае вобраз удавы прафесара, якая да трэцяй сцэны прысутнічае толькі ў рэпліках іншых персанажаў: пра яе гавораць, што яна пастаянна чуе крыкі з Плошчы герояў. У канцы п'есы, не вынесшы гэтых крыкаў, што робяцца ўсё гучнейшымі, прафесарава жонка падае тварам на стол; страчвае яна прытомнасць ці памірае – невядома.

Плошча герояў – асноўнае месца дзеяння ў п'есе, вобраз, што дапамагае разбурыць міф пра Аўстрыю як першую ахвяру фашызму, які культывавалі ўсе пасляваенныя аўстрыйскія палітыкі. Крыкі з Плошчы герояў – пастаянны рэфрэн, які гучыць у п'есе, і які сімвалізуе сабой вяртанне мінулага. Цалкам магчыма, што сама ідэя вяртання мінулага і тая рэзкасць, з якой прамаўляе аўтар, выкліканыя абраннем на пост бундэспрэзідэнта былога нацыянал-сацыяліста Курта Вальдхайма, якое адбылося незадоўга да напісання п'есы. У сваёй аўтабіяграфіі К. Вальдхайм хаваў многія факты ці скажаў іх. Нацыяналістычная, варожая да чужынцаў палітыка Вальдхайма магла справакаваць найбольш вострыя выказванні Т. Бернхарда. А іх у п'есе сапраўды шмат. Прычым абароты набіраюцца паступова, ад фразы ў першай сцэне: *«daß ich Österreicher bin / ist mein größtes Unglück»* [4, S. 17] («тое што я аўстрыец / маё найвялікшае няшчасце» [1, с. 54]) – да наступнага пасажу ў трэцяй:

Österreich selbst ist als eine Bühne / auf der alles verlottert und vermodert und verkommen ist / eine in sich selber verhaßte Statisterie / von sechseinhalb Millionen Alleingelassenen / sechseinhalb Millionen Debile und Tobsüchtige / die ununterbrochen aus vollem Hals nach einem Regisseur schreien / Der Regisseur wird kommen / und sie endgültig in den Abgrund hinunterstoßen [4, S. 53] (Аўстрыя сама ня што іншае як сцэна / на якой усё заняпала і спаракнела і разбурылася / зьненавіджаная сама сабой масоўка / з шасьці з паловай мільёнаў пакінутых у самоце / шасьці з паловай мільёнаў дэбілаў і маньякаў-гвалтаўнікоў / якія несупынная на ўсё горла клікаюць рэжысэра / Рэжысэр прыйдзе і канчаткова штурхне іх у бездань) [1, с. 97].

Самой Плошчы герояў мы ў п'есе не бачым, але яна пастаянна згадваецца. Найчасцей – праз крыкі, якія чуе ўдава, часам – у разважаннях пра тое, што набываць тут кватэру і жыць было найвялікшай памылкай. Сустракаюцца ў тэксце і аўтарскія рэмаркі *«steht am*

Fenster und schaut auf die Straße hinunter» («стаіць ля акна і глядзіць уніз на вуліцу»; унізе знаходзіцца Плошча Герояў – В. Г.) – побач з разважаньнямі персанажаў пра смерць і пра Аўстрыю. Ужо з самага пачатку ў рэпліках персанажаў уводзіцца значэнне Плошчы Герояў як вобраза, які сімвалізуе тое самае мінулае, пра якое не хочацца згадваць, але немагчыма забыць. Канчаецца п'еса таксама крыкамі з плошчы, якія чуюць толькі ўдава прафесара і глядачы п'есы.

Згадванне ў тэксце Плошчы Герояў выконвае функцыю своеасаблівага рэфрэну, музыканага паўтору, вакол якога закручваюцца ўсе іншыя разважанні. Наогул, літаратуразнаўцы часта адзначаюць музыканасць як структуры, так і моўнай фактуры бернхардаўскіх п'ес. Звяртаюць на сябе ўвагу тыповыя для музыкі паўторы, развіццё асноўнай тэмы, кантрапункты, паліфанічныя рашэнні. П'есы маюць выгляд паэтычнага тэксту, гаворка герояў рытмізаваная, знакаў прыпынку няма, часам прысутнічаюць сугуччы і нават рыфма. «Яго п'есы так і трэба ўспрымаць: як паэтычныя кампазіцыі, дзе рытм, мелодыка фразы часам гавораць пра героя і сітуацыю больш, чым яе прадметны сэнс», – адзначае С. Рамашка [3, с. 259]. На жаль, і пераклад «Плошчы герояў» на рускую мову, зроблены М. Рудніцкім, і беларускамоўны пераклад А. Пяткевіча больш перадаюць сэнс рэплік, захоўваючы рытмічныя асаблівасці тэксту, але губляючы значную частку моўнай фактуры.

Такім чынам, перад намі два творы, падобныя і непадобныя адзін на аднаго. Розныя па жанры і даце напісання, па часе дзеяння, аўтарскай стылістыцы, але аб'яднаныя тым, што можна разглядаць як праяву аўстрыйскай нацыянальнай карціны свету, увасобленай у літаратуры. Пошукі нацыянальнай ідэнтычнасці, успаміны, пастаяннае вяртанне ў мінулае, нежаданне згадваць і немагчымасць яго забыць – рысы, характэрныя як для аўстрыйскай літаратуры, так і для разгледжаных твораў. Плошча Герояў робіцца ў іх цэнтральным вобразам-сімвалам аўстрыйскага схаванага мінулага. А мова – сродкам увасаблення аўтарскіх ідэй і фактычна галоўным героем твораў.

Літаратура

1. Бэрнгард, Т. Плошча герояў / Т. Бэрнгард // ARCHE (Пачатак). – 2017. – № 1 (151). – С. 43–152.

2. Зачевский, Е. А. Эрнст Яндль / Е.А. Зачевский. // История австрийской литературы XX века. Том II. 1945–2000. – М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2010. – С. 383–422.
3. Ромашко, С. Против смерти (Рец. на кн.: Бернхард, Т. Видимость обманчива и другие пьесы – М.: Ad Marginem, 1999) / С. Ромашко // Иностранная литература. – 2000 – № 9. – С. 257–259.
4. Bernhard, T. Heldenplatz / T. Bernhard // SPECTACULUM 49: Sechs moderne Theaterstücke. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1989. – S. 7–93.
5. Drews, J. Über ein Gedicht von Ernst Jandl: wien: heldenplatz / J Drews. // Wendelin Schmidt-Dengler (Hrsg.): Ernst Jandl. Materialienbuch. – Darmstadt: Luchterhand, 1982. – S. 34–44.
6. Rupprechter, W. wien: heldenplatz / W. Rupprechter. // Gedichte von Ernst Jandl: Interpretationen. Hrsg. Volker Kaukoreit, Kristina Pfoser. – Stuttgart: Reclam, 2002. – S. 34–46.

**АДЛЮСТРАВАННЕ ПРАБЛЕМЫ «ЧАЛАВЕК – АБСТАВІНЫ»
Ў ВАЕННЫХ АПОВЕСЦЯХ І. НОВІКАВА І І. ШАМЯКІНА
1990-х гг.**

Т. Р. Багарадава

УА «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт», гуманітарны факультэт,
зав. Стралецкі, 4, 211415, г. Полацк, Рэспубліка Беларусь
e-mail: bogoradova1974@yandex.ru

У артыкуле разглядаецца абноўлены дыскурс беларускай ваеннай прозы ў жанры аповесці на прыкладзе творчай практыкі І. Новікава і І. Шамякіна перыяду 1990-х гг. Вызначаецца новы ўнёсак пісьменнікаў у айчынную традыцыю спосабаў адлюстравання і асэнсавання ваеннай рэчаіснасці ў мастацкай прозе.

Ключавыя словы: ваенная аповесць, дакументальная аснова, аўтабіяграфізм, псіхалагізм, «ступеньчатае апавяданне».

**THE REFLECTION OF THE PROBLEM
«MAN AND CIRCUMSTANCES» IN THE WAR STORIES
OF THE 1990S BY I. NOVIKOV AND I. SHAMYAKIN**

T. R. Baharadava

Polotsk State University, Faculty of Humanities, Stralecky lane 4,
211415, Polatsk, Republic of Belarus
e-mail: bogoradova1974@yandex.ru

The article deals with the renewed discourse of the Belarusian war prose in the genre of stories through the works of I. Novikov and

I. Shamyakin written in the 1990s. The author has analyzed the writers' contribution to the national tradition of the ways of reflection and perception of the war reality in the fictional prose.

Key words: war story, documentary basis, autobiographical manner, psychologism, «stage narration».

Вялікую ўвагу беларускіх даследчыкаў заўсёды прыцягвалі суадносіны рэальных фактаў і мастацкага вымыслу ў літаратуры, асабліва ў творах тых пісьменнікаў, якія пісалі пра вайну і мелі ўласны вопыт удзелу ў барацьбе з нямецкім фашызмам у 1941–1945 гг. С. Майхровіч пісаў: «Падзеі Вялікай Айчыннай вайны складалі і доўга яшчэ, мабыць, будуць складаць адну з самых характэрных асаблівасцей сацыяльнай псіхалогіі пакалення людзей нашага часу; яны, безумоўна, будуць хваляваць і нашых нашчадкаў» [1, с. 44]. П. Дзюбайла ў 1980-я гг. адным з першых звярнуў увагу на цесную сувязь дакументалістыкі з мастацкай літаратурай: «Галоўнае – у арганічным сплаўненні двух пачаткаў – рэальнага і прыдуманнага, у майстэрстве мантажу» [2, с. 61]. Для жанру аповесці 1960 – 1970-х гг. у творчасці Івана Новікава (з 1942 па 1946 гг. служыў у Савецкай Арміі, ваяваў у артылерыі і разведцы) разам з асэнсаваннем праблем трагічнага і гераічнага на вайне характэрна ўвага да спалучэння ў праявітым тэксце дакументальнай асновы з мастацкім вымыслам. Пісьменніку ўласціва выяўленне падзей пераважна ў апісальнай форме. Адметнасцю мастацкай манеры аўтара пры раскрыцці ваеннай рэчаіснасці з'яўляецца амаль поўная адсутнасць паказу момантаў дзеяння супрацьлеглага – нямецкага – боку. У 1960–1970-я гг. адным з новых аспектаў для ўсёй айчыннай літаратуры пра вайну быў зварот да асэнсавання праблем, звязаных з нечуванаму вялікай колькасцю людскіх страт, маральных траўмаў, віны і адказнасці за неадэкватныя рашэнні падчас ваенных дзеянняў, а адной з вядучых тэм стала юрыдычная, сацыяльная і маральная рэабілітацыя чалавека, незаслужана абвешчанага ворагам 1940-я – перш. пал. 1950-х гг. Ваенная тэматыка ў творчасці І. Новікава засталася дамінантнай фактычна да канца жыцця пісьменніка (1918–2001) і ўвасобілася пераважна ў мастацкім асэнсаванні дзейнасці мінскага падполля. У ранняй прозе І. Новікава назіраліся прыкметы публіцыстычнасці, але на больш позніх этапах яго творчасці яны зрабіліся падпарадкаванымі прыწყам мастацкага выяўлення тэмы вайны.

Так, аповесць «Рыжая Галка» (1990) з’яўляецца адной з мастацкіх форм інтэрпрэтацыі ваеннай рэчаіснасці. Твор адлюстроўвае перыпетыі ваеннага жыцця Галіны – адной з мінскіх падпольшчыц. І. Новікаў імкнуўся да адлюстравання псіхалагічнай падасновы выяўлення характару жанчыны: *Быццам не было Галіны Андрэеўны ў гэтым горадзе <...> Як жа ёй самой знайсці той след? Ён жа не дарэмны быў, не пусты...* [3, с. 9]. У аповесці выкарыстаны прыём рэтраспекцыі, які дапамагае пісьменніку праз успаміны галоўнай гераіні раскрыць няпростыя калізіі дзейнасці мінскага падполля і партызанскай барацьбы.

Ветэранам вайны з’яўляецца і Іван Шамякін (гады жыцця 1921–2004; служыў у савецкім войску ў 1941–1945 гг., удзельнічаў у баях пад Мурманскам, у Польшчы). У ракурсе мастацкага адлюстравання быцця І. Шамякіным перыяду 1990-х гг. знаходзіліся анталагічна важныя праблемы гістарычнай памяці, сувязі эпох і пакаленняў, асэнсавання ўзаемадчынненняў асобы і грамадства. Па словах А. Вішнеўскага, «асноўнае ў мастакоўскім метадзе І. Шамякіна – пачуццё навізны і праблемнасць» [4, с. 21]. Трэба адзначыць, што сярод пісьменнікаў-франтавікоў, чыя мастацкая спадчына ўтрымлівала рысы аўтабіяграфізму, І. Шамякіна заўсёды вылучала паслядоўная прыхільнасць да сцвярджэння ідэалаў савецкіх часоў, у тым ліку, – і гадоў 1960-х з іх пафасам неабходнасці «сацыялізму з чалавечым тварам». С. Александровіч у выданні 1985 г. даваў наступную характарыстыку творчасці І. Шамякіна: «У яго раманах і аповесцях <...> уздымаюцца актуальныя праблемы, ствараюцца тыповыя вобразы» [5, с. 256].

Звернем увагу на рэалістычную аповесць пісьменніка «Ахвяры» (1990). Эвалюцыйным этапам у стварэнні мастацкай панарамы вайны для І. Шамякіна стала новае адлюстраванне беларускага партызанскага руху. Да гэтай тэмы пісьменнік ужо звяртаўся ў ранніх сваіх творах, паспяховых і любімых шырокім чытачом: гэта найперш роман «Глыбокая плынь» (1949), які адпавядаў усім прынцыпам сацыялістычнага рэалізму, абавязковага для савецкай літаратуры. Аднак у новай аповесці («Ахвяры») І. Шамякін акцэнтаваў адмоўную ролю ў партызанскім руху «асобых» атрадаў і іх прадстаўнікоў. Гэтую тэму да часоў перабудовы і галоснасці ў СССР айчынная літаратура магла закранаць толькі фрагментарна, выяўляючы драматызм жыцця на беларускай зямлі, акупіраванай фашыстамі. Так, падобныя матывы знаходзім у прозе цэлага пакалення «шасцідзсятнікаў» (у тым

ліку, – у аповесці І. Шамякіна пра падзеі на фронце «Агонь і снег» (1959 г.) з яго пенталогіі «Трывожнае шчасце») і найперш ды найбольш паслядоўна – у аповесцях В. Быкава. Гэта творы пра дзейнасць персанажаў з розных партызанскіх атрадаў: «Круглянскі мост» (1968), «Пакахай мяне, салдацік» (1995), «Балота» (2001). Ім папярэднічалі тыя быкаўскія аповесці, якія былі заснаваны на франтавым вопыце лейтэнанта-артылерыста В. Быкава: «Мёртвым не баліць» (1965) і «Праклятая вышыня» (1968).

Па словах А. Бельскага, «карэнным чынам абнавіўся і імкліва пашырыўся сацыяльны тыпаж герояў у шамякінскай прозе 90-х гг.» [6, с. 159]. На першы план у аповесці «Ахвяры» І. Шамякін выводзіць маёра дзяржбяспекі Золатава, які падпарадкоўваецца Берыі: *Толькі б мець факты. А там ён дасць такую інфармацыю, якая дойдзе да самога Лаўрэнція Паўлавіча* [7]. Персанаж адлюстраваны пісьменнікам дасканала і псіхалагічна пераканаўча. У сувязі са зменай умоў жыцця чалавека праблема героя патрабавала адпаведных часу вырашэнняў. А. Бельскі пісаў: «Шамякін выяўляе псіхалогію і філасофію сваіх персанажаў у пэўнай жыццёвай сітуацыі, паказальнай і характарыстычнай» [6, с. 176]. Пісьменнік ва ўмовах сучаснасці стварыў уласную канцэпцыю трагічнай ваеннай рэчаіснасці і ролі чалавека ў ёй. І. Шамякін вельмі грунтоўна падыходзіў да выбару герояў сваіх твораў, бо, па словах П. Дзюбайлы, «іменна ў разуменні сутнасці чалавека, выбары героя, адносінах да яго, сімпатыях і антыпатыях выяўляецца аўтарскае стаўленне да рэчаіснасці, светапогляд, грамадскі ідэал пісьменніка» [8, с. 3]. І. Шамякін у творы «Ахвяры» пайшоў эвалюцыйным шляхам і даследаваў псіхалагічны бок праблемы. У вобразе маёра Золатава ўвасоблены тып апантанага службоўца, падпарадкаванага сістэме: <...> *Данытаў двух захопленых паліцэйскіх і аднаго, зацятага, які на допыце мацюкаў і Саветы, і Сталіна, і партызан, асабіста сам вывеў за хлеў і... шлёпнуў з задавальненнем, якога даўно не меў* <...> [7]. Праз асобныя фразы маёра мнагазначна паказана дзейнасць органаў дзяржбяспекі: *Мы ахоўваем дзяржаву ад ворагаў. І незалежна ад таго, хто з нас колькі н'е, «кантора» як ты называеш, наша, – моцна націснуў на слова «наша», – заўсёды цвярозая* [7]. Перыяд 1990-х гг. паказальны ў плане развянчання культуры асобы і закрытых старонак гісторыі: <...> *Крычаў збіты наш лётчык-капітан: «Сволачы! Знішчылі камандаванне... Блюхера, Тухачэўскага, Рычагова. А цяпер хто намі камандуе? Які я да д'ябла камандзір палка*» [7].

У аповесці І. Новікава «Рыжая Галка» традыцыйна палярызуюцца вобразы станюўчага і адмоўнага герояў, кіраўніка партызанскага атрада і начальніка разведкі, які не дае веры нікому: – *Ты мне адвакацкія прамовы тут не закатвай, – раззлаваўся камандзір. – А яшчэ начальнік разведкі. Назаві мне хоць адзін прыклад, каб арыштаваны ўцёк з СД!* [3, с. 106]. У плане эстэтычным Т. Грамадчанка падкрэслівала, што канфлікт у творы даследуецца аўтарам не на ўзроўні характараў, а ў сітуацыі: «У гэтым, відаць, прычына, што твор, несучы адчувальны зарад новага, усё ж не стаў з’явай у сучаснай прозе пра вайну <...>» [9, с. 49].

Аповесць І. Новікава «Рыжая Галка» сведчыць пра эвалюцыю ў ідэйна-канцэптуальным адлюстраванні аўтарам чалавечай трагедыі, перажытай не толькі падчас Вялікай Айчыннай вайны, але і пасля яе заканчэння. На прыкладзе лёсу былой партызанскай сувязной Галіны Забоевай пісьменнік паказаў сутнасць адносін улады да кожнага канкрэтнага чалавека, які пакрыўджаны і прыніжаны несправядлівым недаверам тагачаснай сістэмы: – *Ты ведаеш, што такое катаванні ў СД? Здаровыя мужчыны не вытрымліваюць. А гэта плісак... Многа ёй трэба?* [3, с. 107]. Пісьменнік намалюваў вобраз жанчыны, якая дзеля нармальнага жыцця пасля вайны вымушана прайсці праз штучна створаныя выпрабаванні бязлітасных службоўцаў. І. Новікава цікаваць перспектывы быцця ўдзельнікаў вайны, іх рэабілітацыя і сацыяльная адаптацыя ва ўмовах пасляваеннай рэчаіснасці: *Небяспека стала атмасферай, у якой давялося пастаянна дыхаць і да якой прыцяглася* [3, с. 54]. У ідэалагічным полі зроку ў творах пісьменніка заўсёды знаходзіўся чалавечы этычны, маральны грунт. У аповесці «Рыжая Галка» І. Новікаў расказвае не толькі пра складаны лёс жанчыны на вайне. Па словах Т. Грамадчанка, «праблема тут у іншым. Сумленнаму чалавеку, які з годнасцю выканаў свой абавязак перад Радзімай, не вераць» [9, с. 48].

У пераходны перыяд 1990-х гг. змест мінулай эпохі з асаблівай выразнасцю раскрываўся праз адлюстраванне чалавека ў ёй. І. Шамякін у гэты час меў магчымасць больш рэалістычна паказаць ваенныя падзеі ў ракурсе гісторыі і, як пісаў М. Тычына, «падвесці свае падрахункі» [10, с. 8]. В. Каваленка канстатаваў: «Сучаснасць у творах І. Шамякіна – гэта поле напружанага супрацьдзеяння вечных катэгорый чалавечага быцця: духоўнасці і бездухоўнасці, сумленнасці і крывадушнасці, смеласці і баязлівасці» [11, с. 270]. Пісьменнік ім-

кнужа адлюстраваць свой час і ролю чалавека ў ім. Ваенная тэматыка з'яўлялася арганічнай часткай многіх аўтарскіх твораў. Па словах В. Каваленкі, «<...> творчая вернасць сучаснай тэме не азначае абавязковай няўвагі да гісторыі. Наадварот. Мінулыя дзеянні народа, асабліва падзеі Вялікай Айчыннай вайны, арганічна ўваходзяць у сюжэціку многіх твораў пісьменніка <...>» [12, с. 5]. Васілевіч і Ман з аповесці «Ахвяры» падпарадкоўваюцца Золатаву, бо з'яўляюцца часткай так званага дзяржаўнага механізму. Пісьменнік сцвярджаў, што пасіўная сузіральнасць людзей пад маскай служэння краіне спрыяла разгортванню самаўпраўства, а метады вядзення спраў спрыялі дэспатызму ўлады.

Вобраз галоўнай гераіні з аповесці І. Новікава «Рыжая Галка» драматызаваны праз выкарыстанне адпаведных форм адлюстравання. Ён характарызуецца адначасовай навізнай трактоўкі вобраза ў спалучэнні з традыцыямі рамантызацыі жанчыны ў абставінах ваеннай рэчаіснасці (і ў гэтым ёсць падабенства з творчасцю І. Шамякіна, В. Быкава). Пра эвалюцыю, развіццё ідэйна-мастацкіх асноў творчасці І. Новікава сведчыць таксама праяўленне цікавасці да экзістэнцыйнага светаадчування, якое вызначае чалавечы характар у асабліва напружаныя моманты гісторыі. Драматызм адлюстравання падзей вайны ў аповесці «Рыжая Галка» захоўваецца і ў малюнках пасляваеннага быцця. Аповесць І. Новікава падае два вымярэнні рэчаіснасці: успрыманне ваенных дзеянняў у тагачасным кантэксце і эвалюцыю разумення вайны, убачанай праз дыстанцыю часу. Новы погляд дазваляе пераасэнсаваць ваенныя падзеі праз вяртанне да іх ва ўспамінах яе ўдзельнікаў. У гэтых успамінах вастрыва адчуванняў чалавека якасна адрозная ад першасных.

У аповесці І. Шамякіна «Ахвяры» таксама знаходзім думку пра несумяшчальнасць спрадвечнага жаночага пачатку і трагічнай ваеннай рэчаіснасці. Такое меркаванне рэалізуецца праз адлюстраванне жонкі Шабовіча – Аксаны. Аўтар звязвае жаночасць з мацярынствам і чысцінёй: <> *Пах яе [Аксаны] цела, яе валасоў, незвычайна заўсёды пахлі яе валасы – спрадвечнай жаночай мацярынскай чысцінёй* [7]. Адметны ў творы і вобраз пані Ярэны, польскай арыстакраткі, якая чытае сусветную літаратуру ў арыгінале. На прыкладзе рэтраспекцыі з жыцця жанчыны супастаўляюцца падзеі Першай сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў. Аўтар адлюстраванне праблемы нацыяналізму ў кантэксце ваенных падзей: *Ажно пакуль ён, Шабовіч,*

не прынёс газету паліцаяў «Беларусь», і ў ёй заклік, «шапка» над старонкай «Забі жыда і ляха!» Пані не адразу нават паверыла, што такое маглі надрукаваць у сапраўднай газеце <...> [7]. У аповесці «Ахвяры» І. Шамякін закрануў таксама праблему акупіраваных тэрыторый і знішчэння насельніцтва карнай сістэмай: *Правільна казаў таварыш Берыя: «Глядзіце, колькі сволачы вылезла на акупіраванай тэрыторыі. Як жа мы работалі?» Трэба папраўляць прамашкі. Трэба ачышчаць* [7].

Аповесць «Ахвяры» шматаспектна паказвае партызанскі рух, у якім назіраюцца свае плыні: ідэалагічная праца Золатава, інфармацыйная дзейнасць Шабовіча, дыверсіі Стануліна і адначасовае адлюстраванне праблемы калабарацыянізму. Кантэкстуальным элементам аповесці «Ахвяры» з’яўляецца стварэнне І. Шамякіным панарамы партызанскага побыту і будзённага жыцця. М. Мушынскі заўважыў: «Героі твораў пісьменніка жывуць паўсядзённымі клопатамі свайго часу <...>» [13, с. 1]. Характар эпічнай канвы аповесці «Ахвяры» рэалістычны. І. Шамякін застаецца мастаком-даследчыкам самых вострых грамадскіх праблем, што заўсёды падкрэслівалася беларускай крытыкай [14, с. 242]. С. Александровіч адзначаў: «Пра што ні пісаў бы Іван Шамякін – пра гераічныя партызанскія будні ці пра сённяшні дзень, – там заўсёды адчуваюцца рэальныя падзеі і жывыя людзі <...>» [5, с. 256]. У выяўленчай мастацкай практыцы І. Шамякіна адметнай з’яўляецца будова яго твораў. С. Майхровіч пісаў: «Форма “ступеньчатага апавядання”, у развіццё якога пісьменнік зрабіў наватарскі ўклад, найбольш поўна адпавядае эпічнаму дару пісьменніка, яго шырокаму творчаму размаху і складу вобразнага мыслення» [1, с. 41]. У аповесці «Ахвяры» выразна акрэслены сюжэт, псіхалагічна вывераныя тыповыя вобразы, якія дзейнічаюць у тыповых абставінах. Вобразы адпавядаюць мастацкай задуме твора, развіваюцца па ідэйна-эстэтычных законах. Ступеньчатая архітэктоніка апавядання ў сукупнасці з нарастаннем падзей, зменаў натуральных малюнкаў рэчаіснасці спрыяюць развязцы вострага канфлікту твора. Паказальны эпilog аповесці, у якім Золатаў працягвае вырашаць лёсы людзей у мірны час: пасля яго візіту ад інсульта раптоўна памірае Дзядзюля.

У аповесцях І. Шамякіна 1990-х гг. у выяўленчым плане працягвае дамінаваць вострасюжэтнасць. М. Тычына канстатаваў: «Проза І. Шамякіна не ўражвае сваім моўным багаццем: пісьменнік і не

ставіць перад сабой такой задачы, справядліва мяркуючы, што мова і яе выяўленчыя магчымасці не самы моцны бок яго мастацкага таленту» [10, с. 9]. Тым не менш, у аповесці пісьменнік ужыў дакладныя сродкі вобразнасці з мэтай драматызацыі ваеннага кантэксту: *На дварэ гуляла ранняя завіруха, злосная, як сама вайна, як нечаканая варожая нашэсце. Лес не шумеў – стагнаў многагалоса, то гудзеў трубна, то выў параненым воўкам, то плакаў мноствам дзіцячых галасоў* [7]. На новым этапе развіцця грамадскай свядомасці І. Шамякін імкнуўся разабрацца ў ступені асэнсавання людзьмі мінулых падзей. Апавесць «Ахвяры» з’яўляецца своеасаблівай спробай падвядзення вынікаў перамогі. Сюжэт твора дынамічна развіваецца і складае разгалінаваную сістэму вобразаў, створаных з апорай на дакументы, архіўныя дадзеныя і літаратурныя тэксты.

Словы М. Тычыны, сказаныя на адрас І. Шамякіна, можна аднесці да творчасці абодвух аўтараў: «Узнікла неабходнасць суаднесці лёс асобы з лёсам народа, а ў выніку і з самой светабудовай» [10, с. 12]. У свядомасці пісьменнікаў адбывалася пераацэнка каштоўнасцей, якія складваліся напрацягу жыцця. Так у аповесці «Ахвяры» паказальная сцэна звароту да Бога і Бібліі: Шабовіч наблізіўся да стала: – *Біблія? – Біблія. – Мудрая кніга, – вырашыў трохі падльсціць, падмазаць. – Чытаў? – Каюся. Не чытаў. Ніхто не параіў ды і не даў самую кніжку. Першы раз бачу* [7]. У адзначаны перыяд пераасэнсавання рэчаіснасці І. Новікаў звярнуўся да персаніфікацыі, паглыблення ў свет канкрэтнага чалавека пры адлюстраванні ваенных падзей, а І. Шамякін развіў сваю мастацкую манеру пісьма, зрабіў стыль яшчэ больш лаканічным, адстойваючы сутнасць сваіх заўсёдных ідэйных пазіцый. Па словах М. Тычыны, «з мастацкага боку творы “новага” Шамякіна зарыентаваныя на вядомыя узоры сацыяльна-выкрывальніцкай літаратуры» [10, с. 13].

Пра абнаўленне, эвалюцыю ў творчасці І. Новікава сведчыць таксама акцэнтацыя пісьменнікам праблемы псеўдагерояў былой вайны, ад дзеянняў якіх залежалі лёсы людзей падчас ваеннай сітуацыі і ў мірны перыяд. Сімвалічная назва аповесці І. Шамякіна «Ахвяры» пераклікаецца з тэматыкай твора І. Новікава «Рыжая Галка»: ахвярамі з’яўляліся не толькі забітыя або рэпрэсаваныя людзі, але і ўсе, каго сістэма не абышла сваёй жорсткасцю.

Такім чынам, у ваеннай аповесці І. Новікава нюансы чалавечай псіхалогіі знаходзяць якасна новае выяўленне праз раскрыццё працэсаў мыслення і стаўлення галоўнай гераіні да гранічна трагічных

сітуацый, выкліканых гістарычнымі і палітычнымі абставінамі. Мастацкае крэда І. Шамякіна засталася статычным, нягледзячы на новы ідэйна-эстэтычны часавы кантэкст, які прынёс у творчасць пісьменніка новыя сюжэты і калізіі. Як слушна заўважыў А. Марціновіч, «не перафарбаваўся, бо ведаў сабе цану» [15, с. 42]. Паказ падзей мінулай вайны гуманістычна праектуецца І. Новікавым і І. Шамякіным на будучыню з мэтай звароту ўвагі грамадства на адказнасць за лёс кожнага маральна знявечанага вайной чалавека.

Літаратура

1. Майхровіч, С. Иван Шамякин: нарыс жыцця і творчасці / С. Майхровіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1978. – 112 с.
2. Дзюбайла, П. Беларускі раман: гады 70-я / П.К. Дзюбайла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 176 с.
3. Новікаў, І. Параненая памяць: аповесць, апавяданні: для ст. шк. узросту / І. Новікаў. – Мінск: Юнацтва, 1990. – 285 с.
4. Вішнеўскі, А. Не проста час – філасофія часу / А. Вішнеўскі // Беларуская думка. – 2001. – № 1. – С. 20–29.
5. Александровіч, С. Тут зямля такая: [Для сярэд. і ст. шк. узросту] / С. Александровіч. – 2-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 256 с.
6. Бельскі, А. Вывучэнне творчасці пісьменнікаў: класікі і сучаснікі ў школе / А.І. Бельскі. – Мінск: Аверсэв, 2005. – 352 с.
7. Шамякін, І. Ахвяры [Электронны рэсурс] / І. Шамякін // Беларуская палічка. – Рэжым доступу: [http://knihi.com/Ivan Samiakin/Achviary.html](http://knihi.com/Ivan_Samiakin/Achviary.html). – Дата доступу: 08.02.2019.
8. Дзюбайла, П.К. Станоўчы герой у беларускай літаратуры / П.К. Дзюбайла. – Мінск: Народная асвета, 1990. – 224 с.
9. Грамадчанка, Т. Перад праўдай высокай і вечнай: беларуская проза сёння / Т. Грамадчанка. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. – 144 с.
10. Тычына, М. Усё чалавечае: развагі пра творчасць Івана Шамякіна / М. Тычына // Роднае слова. – 2001. – № 1. – С. 8–15.
11. Коваленка, В. Иван Шамякин: очерк творчества / В. Коваленка. – М.: Советский писатель, 1979. – 272 с.
12. Каваленка, В. Иван Шамякин: нарыс жыцця і творчасці: [Для сярэд. і ст. школ. узросту] / В. Каваленка. – Мінск: Народная асвета, 1980. – 207 с.
13. Мушынскі, М. Атлант айчыннае літаратуры / М. Мушынскі // Літаратура і мастацтва. – 2011. – 28 студзеня. – С. 1.
14. Марціновіч, А. “З цэлым народам гутарку весці...” / А. Марціновіч // Польшча. – 2001. – № 1. – С. 230–244.
15. Марціновіч, А. Пошум веку, пошум кніг / А. Марціновіч // Беларуская думка. – 2005. – № 1. – С. 36–45.

ВОСТОК-ЗАПАД, СЕВЕР-ЮГ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ РОМАНТИКОВ

Н. М. Шахназарян

Белорусский государственный университет, филологический факультет, ул. К. Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: bastet575592@gmail.com

В статье рассматривается отношение английских и русских романтиков к культурной парадигме Восток-Запад, Юг-Север, связанное с философскими, религиозными, этическими, эстетическими и политическими аспектами их мировоззрения.

Ключевые слова: инокультура, иномир, Север, Юг, Запад, Восток, культурологический контекст, культурный мир, английский романтизм, русский романтизм.

WEST-EAST, NORTH-SOUTH IN ENGLISH AND RUSSIAN ROMANTICISM SYSTEM OF CULTURAL VALUES

N. M. Shakhnazaryan

Belarusian State University, Philological Department,
K. Marx st. 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: bastet575592@gmail.com

The article considers the English and Russian Romanticism poets' relation to the cultural paradigm of West-East, North-South, connected with their philosophical, religious, ethical, aesthetic and political views.

Key words: foreign culture, foreign world, North, South, West, East, cultural context, cultural world, English Romanticism, Russian Romanticism.

В эпоху романтизма оппозиция север – юг, запад – восток приобретает универсальное значение и углубляется в связи с новыми реалиями, связанными с концепцией мировой истории и мировой литературы. Актуализация горизонтальной парадигмы ценностей в культурологическом контексте истории европейской цивилизации происходит в эпоху Возрождения в связи с поворотными открытиями во всех сферах сознания (философия, искусство, наука, религия) и практики (прежде всего кругосветные путешествия, колониальная политика), тогда как в средние века доминирующей была вертикальная парадигма (небесная божественная идеальная и земная человеческая греховная сфера бытия). Воплощение данной парадигмы в творчестве романтиков приобретает разные формы в зависи-

мости от мировоззренческой картины мира автора, представляющего ту или иную национальную культуру, но вместе с тем отличается общностью в нравственно-философской, политической и эстетической оценке пространственно противопоставленных друг другу культурных миров.

В английском романтизме можно выделить разные подходы к инокультурным мирам: концепцию экстраполяции политических и религиозных ценностей христианского Запада на весь остальной мир (Р. Саути), взаимодействия национальных особенностей культуры разных народов в рамках концепции социального прогресса в мировой истории (В. Скотт, Д. Г. Байрон), идею объединяющей человечество философии поэтического слова (С. Т. Колридж), художественного перевода как универсального посредника между носителями разных национальных языков и традиций (Дж. Борроу) и др.

Несмотря на политическую изнанку последствий колониальной политики Британской империи, интенсивный и разнообразный интерес английских романтиков к изучению культуры народов восточных стран (в широком смысле слова – от Ближнего Востока до Юго-Восточной Азии), Северной и Латинской Америки приводит к появлению шедевров искусства и закладывает основы плодотворного межкультурного взаимодействия. «В избирательном подходе к восточной теме не только просветителей, но предромантиков и романтиков ярко проявился творческий характер взаимосвязей и взаимовлияний литератур мира...» [8].

Наибольший вклад в поэтическое и историографическое открытие национальных культур народов мира в английском романтизме внес Р. Саути (R. Southey, 1774–1843). В самом начале творческого пути («бристольский» период, 1794–1796) вместе со своим другом и единомышленником на тот момент С. Т. Колриджем (S. T. Coleridge, 1772–1834) Саути, будучи разочарованным в результатах Французской революции, строит планы о построении идеальной республики «Пантисократия» в Северной Америке, ассоциирующейся с местом более прогрессивных перспектив в развитии европейского общества («Новый Свет») в сравнении с Западной Европой («Старый Свет»). Подобные устремления отличали многих прогрессивных деятелей европейской общественности (англичанин Т. Пейн – соавтор текста демократической конституции Соединенных Американских Штатов и революционной Франции; Тадеуш Костюшко, белорусско-польский деятель, принявший непосредственное участие в войне за незави-

симость Штатов от Британской метрополии). Оставшись в Британии и получив официальное звание поэта-лауреата, Саути создает поэмы, отражающие его неизменный интерес к инокультурам, проявившийся еще в школьные годы. В предисловии к изданию писем другу – Чарльзу Батлеру, он объясняет этот интерес желанием изобразить в описательных поэмах («narrative poem») мифы и религии из истории разных народов. В исторических поэмах Саути в наибольшей степени выразил мировоззренческие взгляды на поэзию, религию, нравственную природу человека и общества, современную политику. Свою исключительную эрудицию в сфере истории и этнографии Саути проявляет как в поэтических («Сказание о Парагвае» (The Tale of Paraguay, 1825)), так и в прозаических произведениях – «Истории Бразилии» («History of Brazil»), правительство которой в середине XX в. в знак благодарности за первую историографию своей страны восстановит надгробие поэта на кладбище в Кесвике.

Если исторические романы Вальтера Скотта называли «Колумбовым открытием» истории европейских стран (от Шотландии до Византии) со времен зрелого средневековья («Айвенго») до начала Нового времени («Пуритане»), то исторические поэмы Саути стали открытием культурных миров народов от Северной и Южной Америки («Мэдок»/Madoc, 1799–1805) до арабских стран («Талаба-разрушитель»/Thalaba the Destroyer, 1801) и Индии («Проклятие Кехамы»/The Curse of Kehama, 1810) как самостоятельных, уникальных иномиров, изображенных и осмысленных приверженцем европейского христианского мировоззрения.

Так, поэма «Талаба-разрушитель», состоящая из 12 книг, наполнена глубокой философско-религиозной проблематикой, связанной с сопоставлением христианской и мусульманской религии в контексте исторической оппозиции политеизма и монотеизма. Историю Магомета, по собственному признанию Саути, он прочитал в арабском источнике (Рабадан, поэма Мориско). Главный герой Талаба представлен Саути как провозвестник новой монотеистической религии на Востоке – ислама, утвержденного в борьбе против политеистического язычества (Аллодин, огнепоклонники). Поэма является ярким примером плодотворного философско-религиозного и художественного синтеза культурных миров христианского Запада и мусульманского Востока, эстетики романтической поэмы и восточной сказки. Живописные образы, яркие метафоры, виртуозный ритм повествования вобрали в себя как экзотическую красочность араб-

ских сказок из «Тысячи и одной ночи», так и возвышенную фантазию романтического мировидения, основанного на принципах философско-этического двоимирия и синтеза жанров и искусств. Однако в поэме присутствует не только «моральный свет Корана» эпохи пророка Мухаммеда, но и «дух восточного деспотизма».

Свою лучшую, по собственному утверждению, поэму «Мэдок» Саути посвящает истории распространения христианства в Северной Америке. Несмотря на успех издания поэмы в Америке, в 1815 г. появился памфлет с обвинением Саути в «попытке принизить честь Америки и репутацию Колумба», предложившего образ некоего уэльльского принца Мэдока как первооткрывателя «Нового Мира». Согласно предисловию Саути к первому изданию поэмы (1805) Мэдок, будучи сыном короля Северного Уэльса Оуэна Гвинеса (1169), покидает свою варварскую страну, не желая участвовать в соперничестве братьев, борющихся за престол, переплывает океан на Запад в поисках более спокойного места. Под влиянием Мэдока ацтеки находят свою родину Азтлан, основывают мексиканскую империю, называют себя мексиканцами в честь своего тотемного бога-покровителя Мекситли.

Главного героя поэмы «Мэдок» Саути сравнивал с Ринальдо из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, а эпическую целостность поэмы с античной традицией Гомера. Но, если у Гомера вторая поэма («Одиссея») повествует о возвращении на родину в Итаку к мирной жизни после Троянской войны на чужбине («Илиада»), то у Саути в первой части («Мэдок в Уэльсе») рассказывается о распрях на родине и отъезде героя, а во второй части («Мэдок в Азтлане») показано участие Мэдока в создании новой страны и веры на чужбине.

Если «Мэдок» представляет силу «самой замечательной религии Нового Света» [3] – христианства, то в поэме «Восстание Кехамы» поэт решил описать мифы индийской религии. Главный герой Кехама, восставший против деспотической воли Аравалана, назван «сыном света», «сыном небес». Поэме предпослан список персонафицированных героев брахмианской триады – Брахма, Вишну и Шива. Саути негативно оценивает индуизм («фальшивая религия», со «страшными» сюжетами и «фатальным» исходом) по причине отсутствия личной ответственности человека за нравственный выбор. Образы многоруких и многоголовых фигур брахмианской мифологии, будучи персонафикациями всевластия или всеведения, лишены, по его мнению, поэтичности и живописности.

Восток, как огромный, непознанный, отстающий в развитии от цивилизованного Запада мир, в определенной степени соотносился для английских романтиков и с Россией. У Байрона акцентируется внимание на бесправии в условиях деспотического правления («Дон Жуан»/Don Juan, 1823), Колридж подчеркивает отсутствие в крепостнической стране равных прав в области образования («Застольные беседы»/Table Talk, 1832) [2]. В то же время Джордж Борроу – первый переводчик стихотворений А. С. Пушкина («Талисман» и песня Земфировы из поэмы «Цыгане») – во время своей переводческой деятельности в Санкт-Петербурге отмечал превосходство архитектурной красоты столицы России по сравнению с Мадридом, Лондоном и Парижем [5]. Мэри Шелли начинает и завершает свой роман «Франкенштейн» сценами в Архангельске, в котором дерзкий замысел мореплавателя, рожденный и подготовленный влиянием западных теорий о сверхчеловеческих свершениях, ждет своего воплощения перед походом к Северному полюсу. Здесь же после встречи с Франкенштейном и его катастрофической исповеди герой отказывается от своего горделивого плана возвышения над законами природы и человека.

В историческом контексте Россия неоднократно совершала опыт воплощения в жизнь западных теорий, приводивший к тем или иным результатам с точки зрения культурного приращения или утраты. В частности, в восприятии Саути именно Россия внесла переломный вклад в окончание пятнадцатилетней эпохи наполеоновских войн в Европе. Тему русского героизма в годы Отечественной войны 1812 г. он выразил в «Марше на Москву» (The March to Moscow, 1813). Контраст холода и жары подвергается инверсии («Слишком холодно было ему на дороге, / Слишком жарко в Москве»). Традиционно воспринимаемая в сознании западных стран Россия как холодная и снежная, инертная и отсталая страна соотносится с огнем пожара в Москве, который надолго в восприятии писателей западноевропейской литературы (Стендаль) становится символом героического патриотизма, несокрушимой воли и отваги, самоотречения и независимости. Иронично названная «летняя экскурсия в Москву» («What a pleasant excursion to Moscow!») потерпела поражение уже осенью. Саути перечисляет с восторгом боевой список имен русских генералов, подбирая подходящий по смыслу глагольный аналог из английского языка к корню русской фамилии. Оригинальный прием остроумной игры в этимологию фамилии превращается в способ единения двух далеких стран, противоположных

друг другу по многим позициям в политике, экономике, конфессиональной принадлежности, но объединенных необходимостью сопротивления: для России – захватчику, для Британии – ниспровергателю устоявшегося в Европе консервативного порядка. Восхищенный образ Петрополиса (петровский вариант названия столицы) можно увидеть в посвящении Саути Александру I.

Как видно, в культурной парадигме Саути север и юг, запад и восток включены в мировую картину единой истории человечества, в основе которой романтики видели «историю души человеческой», находящей воплощение в бесконечных вариациях национальных культур, составляющих универсальную, основанную на общечеловеческих этических константах мировую культуру. Подобно тому, как Вальтер Скотт в историческом романе, Саути в исторической поэме объединил принцип историзма с полетом воображения, создав уникальные самобытные инокультурные миры разных народов от Южной и Северной Америки, арабского Востока, юга Европы до России, Китая, Индии. При этом, как и Скотт, в оценках этических основ и исторических перспектив инокультур он исходил из мировоззренческих основ христианской западноевропейской культуры и поступательного прогресса. Всю свою жизнь Саути прожил в Англии, последние 30 лет в г. Кесвике Озерного края, который являлся неизменным центром философско-этического мировидения, олицетворением любви к родине, неизменной духовной опорой.

В отличие от Саути Колридж осмысляет инокультуры в контексте своей идеалистической «теории органического единства», особое значение в которой имеет философия слова. Восточные культуры привлекают его иероглифическим тождеством образа и знака, видения и материальной визуализации идеального образа. Данная особенность мироощущения была созвучна его концепции символа как прозрачного и подвижного тождества идеального и реального смысла явления. Так, образное описание способов поэтического мышления (посредством ощущения (sense), рассудка (understanding), фантазии (fancy) и воображения (imagination)) Колридж представляет в сонете под названием «Нубийская фантазия», имея в виду древнюю страну Нубию, расположенную между Египтом и Абиссинией (территория Судана в наше время), которая упомянута и в «Кубле Хане» (Абиссинская дева, поющая на горе Аборе). «Кубла Хан» Колриджа вошел в историю мировой литературы как откровение о таинстве творческого процесса. Толчком к виде-

нию поэта, увидевшего и сотворившего во сне дворец китайского императора Хубилая, является история самого правителя, велевшего построить дворец по образу, увиденному им во сне. В поэме дан творящий образ автора (визионера, рассказчика и героя – посредника между реальным и воображаемым миром), восходящий к диалогу Платона «Кратил». Колридж объединяет идеи платонизма и буддизма в создании образа-символа, реинкарнирующего сквозь время и отражающего вечность. С Египтом он связывает и символ бесконечного движения человеческого духа по спирали (образ змеи). Колридж соотносит с Востоком (в широком смысле слова) универсальный способ философско-поэтического мышления и творчества.

С югом в поэзии Колриджа прежде всего ассоциируется Италия – родина античного Рима и ренессансной Флоренции. Образ Италии в творчестве английских романтиков приобретает особое значение. Для Байрона и Шелли она становится второй родиной, значение которой продолжится в судьбах английских поэтов последующих эпох (Р. Браунинг, Д. Г. Лоуренс, Р. Олдингтон и др.).

В стихотворении «Сад Боккаччо» (The Garden of Boccaccio, 1828), рассказывая об истории становления своей «философской поэзии» или «поэтической философии», Колридж называет толчком к «полету воображения» рисунок сада Боккаччо на письменном столе. Поэт в воображении преодолевает границы пространства и времени, объединяет прошлое и настоящее в одно целое благодаря вечной силе поэзии. Флоренция описана как прообраз Эдема («О Флоренция!.../ Ты – ярчайшая звезда в созвездии блистательной Италии! /.../ И Природа создает свой счастливый дом в гармонии с человеком») [1].

В творчестве Байрона, в отличие от Саути и Колриджа, отчетливо прочерчивается социально-политическая оппозиция север – юг, повлиявшая на аналогичную антитезу в поэзии русских романтиков в несколько иной интерпретации. Внутри этой оппозиции можно выделить собственно европейскую антитезу: расчетливый холодный север (Англия) и страстный горячий юг (Испания, Италия) Европы и антитезу свободный север (Европа) и рабский юг (Азия). Байрон осуждает вывоз английскими аристократами шедевров древнегреческой культуры из поработенной Османской империей Греции («Проклятие Минервы»), восхищается героизмом испанского сопротивления наполеоновской оккупации (1 песнь поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда»), участвует в национально-освободительной борьбе Италии и Греции. В то же время в «восточных

поэмах» («Гяур», «Корсар») «байронический» герой (Гяур, Конрад), выражающий высшее право человека на свободу, сражается против восточного деспотизма (поединок Гяура с Гасаном, убившего Леилу, сражение Конрада с пашой Сеидом). Если в «Чайльд-Гарольде» испанка (южанка) противопоставляется англичанке (северянке) как олицетворение страсти и отваги в отличие от холодности и фальши, то в «восточных поэмах» южанка Гюльнар, наложница паши, в страстном порыве к свободе убившая своего господина, противопоставлена возлюбленной Конрада Медоре, олицетворяющей христианское самоотречение и верность в любви как свободном даре, исключаящем ненависть и преступление [4].

Байроновская парадигма ценностей относительно оппозиции север – юг оказала значительное влияние на русских поэтов. Так, для А. С. Пушкина оппозиция Италия – Россия, как и для Байрона, является «словесно-смысловым инвариантом север – юг» [14], который ассоциируется с образом свободы. Таврида (Крым), Одесса (южная ссылка), Молдавия связаны с ярким миром «природного изобилия и простоты жизни». Своеобразная инверсия антитезы север – юг происходит в стихотворении «К Овидию». Бессарабия, будучи югом для Пушкина, для Овидия была северной окраиной Римской империи («пустыней мрачной»), холодным и безрадостным местом изгнания поэта. Крымские образы южного пейзажа – солнечные (стихотворение «Кто видел край»), молдавские зарисовки – туманные, однако постепенно сквозь сочувственный Овидию печальный образ «северной» Бессарабии проступает теплый образ «южной» для Пушкина стороны (именно здесь рождается замысел романа «Евгений Онегин»). Таким образом, «...поэт сумел раскрыть топос Юга в топосе Севера» [15].

Иначе переосмысляет антитезу север – юг М. Ю. Лермонтов, в поэзии которого отчетливо звучит диалог с Пушкиным. В частности, мотив дорогой сердцу родной стороны, связанной с севером, в стихотворениях «Тучки небесные, вечные странники!» («Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники, С милого севера в сторону южную»), «Спеша на север издалека» («Из теплых и чужих сторон») [11], восходит к строчкам из «Талисмана» Пушкина («И тебя на лоно друга, / От печальных чуждых стран, / В край родной на север с юга / Не умчит мой талисман») [13]. В то же время, умея психологически глубоко и точно выражать драматизм жизни, исходящий из пересечения точек зрения разных героев, стран и культур, Лермонтов создает образ Севера (России) как источника военной угрозы и мощи («Там на севере в тумане

что-то видно, брат») слабому инертному югу (Кавказу) («Не боюсь я Востока! – отвечал Казбек. / Род людской там спит глубоко / Уж девятый век») в стихотворении «Спор». Беседа двух величественных гор – Эльбруса и Казбека, олицетворяющих красоту древней природы Кавказа, подчеркивает мудрость и фатализм восточного мироощущения, принятие неизбежности истории. Таковую же неизбежность исполнения воинского долга несет в себе «генерал седой», ведущий победоносные войска с севера на юг. В условиях войны севера и юга Лермонтов провидит мир и единение народов в России, культуре каждого из которых свойственны способность дружить («он был кунак мой» («Валерик»)), любить («Бэла»), сострадать («Сон»).

Инверсия культурологических топосов север – юг, запад – восток происходит в истории Англии и России неоднократно. Запад для англичан (Северная Америка) оказывается, с одной стороны, местом расширения европейской цивилизации (колониальная политика XVI в.), побега в лучшую жизнь (первые поселенцы США в XVII в., построение «Нового Света» в XVIII в.), мифологическим раем Эльдорадо, но, с другой стороны, местом жестокой расправы с местным населением, работоторговли, принудительного изгнания для неудобных. Для России пространство Запада удваивается за счет Западной Европы, с культурой которой связаны самые тесные взаимодействия и противоречия. Восток также, с одной стороны, притягивает как мир древней философии и культуры (буддизм, индуизм, конфуцианство, даосизм), но, с другой стороны, отталкивает деспотической формой государственного устройства и нравами. Известно, что Пушкин, отличавшийся «всемирной отзывчивостью» и высочайшей эрудицией, не имел возможности выехать за пределы России ни на Запад (в Европу), ни на Восток (первая китайская экспедиция Шиллинга, в которой он хотел участвовать). Известно, что на «южную» ссылку в 1820 г. (Кавказ и Крым) был заменен план его отправки на север (Соловки или Сибирь). Сибирский Север после разгрома восстания декабристов становится и местом изгнания и символом изгнанной свободы («Из глубины сибирских руд»).

Подобно Саути П. А. Вяземский (1792–1878) подчеркивает роль России в спасении просвещенной Европы от разрушительных последствий наполеоновских войн, используя антитезу север – юг («На Юге меркнул день – у нас он расцветал.... Убежищем ему был Север») [7]. У Ф. Тютчева холод Северной столицы означает политический застой после восстания декабристов. В поэме Ф. Н. Глинки (1786–1880) «Дева

карельских лесов» (1839) открывается бескрайнее пространство «печального края изгнания» («Друзья! Я видел Север дальний, / ... край изгнания, край печальный / За коим больше нет земли») [9]. «Тема непреклонного Севера проходит через всю русскую поэзию и органично перетекает из XVIII–XIX веков в XX век» [10]. Так, О. Манделшам в стихотворении «За гремучую доблесть грядущих веков» связывает образ Севера с ясным, чистым мироощущением, противоположным безумию кровавых событий в столице («Уведи меня в ночь, где течет Енисей / И сосна до звезды достает») [12]. Согласно романтической традиции преступный день (покрывало лжи) противопоставлен праведной ночи (откровению истины), земной мир (сосна) объят небесным (звезда). В данных образах отчетливо звучит лермонтовский мотив одиночества («На севере диком стоит одиноко сосна») и вселенского единства («звезда с звездой говорит» («Выхожу один я на дорогу»). Север перестает быть холодным, став пристанищем полнокровной жизни в противоположность шабашу смерти в «век волкодава» («жаркая шуба сибирских степей»).

Оригинальное продолжение осмысления оппозиции север – юг можно увидеть в «Белом безмолвии» В. Высоцкого (1938–1980) («Почему ж эти птицы на север летят, / Если птицам положено только на юг?»). В данном случае теплomu, тесному и фальшивому миру «юга» противопоставляется суровый («Север, воля, надежда. Страна без границ. / Снег без грязи – как долгая жизнь без вранья»). С одной стороны, с севером связана идея свободы, неподдельности, отваги человека, с другой – мучительное состояние безмолвия, беззвучия, однообразия жизни («белые сны, все другие оттенки снега занесли»), и далее героического стоицизма в ожидании полноценной жизни как воздаяния за долгие годы молчания и одиночества («наше горло отпустит молчание»), как «награда за ночи отчаянья». Таким образом, север представлен как надежда на освобождение скованной, но устремленной к свободному полету души. Упование на «вечный Полярный день» сродни ожиданию восхода «звезды пленительного счастья» Пушкина («И найдут они счастье птичье / Как награду за дерзкий полет»). В стихотворении просматриваются гармонические ряды сопряженных с оппозицией юг – север антитез: «тепло» – «мороз, вьюга»; «жилоьсь, спалось» – «выгнало по высокой волне»; «грязь» – «снег»; «вранье» – «долгая жизнь»; «воронье» – «не водится воронья». В то же время северу как плену-испытанию («под крыльями... лед», «белые сны», «ослепли от такой белизны»,

«молчание», «слабость», «тень», «ночи отчаянья», «дурные пророчества», «одиночество») противопоставлен север как путь к свободе-воздаянию («полет», «иные оттенки», прозрение «от черной полосы земли», «должен встретиться кто-нибудь») [6]. Усложненная семантика образа вырастает из особого типа многополюсного драматизма, который отличал поэзию Лермонтова, истоки которого восходят к шекспировскому типу художественного мышления. Лермонтовская формула единого небесного купола для мирной жизни человечества на земле («небо ясно / Под небом места хватит всем» («Валерик»)) осознается как романтическое завещание нераздельного на части света общекультурного пространства, отвечающего божественным законам бытия.

В английской поэзии XX в. универсальную формулу полноты бытия, отличающую глобальное сознание современного человека «без границ», связанную с личной темой всепоглощающей любви и болью ее утраты, можно увидеть в стихотворении У. Х. Одена (W. H. Auden, 1907–1973) «Похоронный блюз» (Funeral Blues): «Он был мой Север, Юг, мой Запад, мой Восток, /.../ Любви, считал я, нет конца. Я был не прав» (пер. И. Бродского).

Стороны света в поэтическом мышлении авторов связывались с разными культурологическими концептами в зависимости от физических и метафизических реалий исторической эпохи, мироощущения и биографии автора. Обобщенные мифологемы древнего мира с течением развития цивилизации разных народов, географических открытий постепенно сменялись более детальным и конкретным описанием стран, а в контексте концепции мировой истории и культуры аксиологическая оценка противоположных миров разных сторон света приобретала общечеловеческий гуманистический характер.

Литература

1. Coleridge, S. T. The Poetical Works of S.T. Coleridge including poems and versions of poems published for the 1-st time / Ed. with textual & bibliographical notes by E.H. Coleridge. In 2 vols / S. T. Coleridge. – Oxford: Oxford University Press, 1912. – 300 p.
2. Coleridge, S. T. Table Talk and Omniana / S. T. Coleridge. – Oxford: Oxford University Press, 1917. – 306 p.
3. Southey, R. The Poetical Works Collected by Himself. In 10 Vols. In 5 Books / R. Southey – Facsimile. – NY: Gordian Press, 1965. – 439 p.

4. Байрон, Д. Г. Собрание сочинений: в 4-х томах / Д. Г. Байрон. – М.: Правда, 1981. – 607 с.
5. Борроу, Дж. Лавенгро. Мастер слов, цыган, священник / Дж. Борроу. – Л.: Худ. лит., 1967. – 664 с.
6. Высоцкий, В. Собрание сочинений в одном томе / В. Высоцкий. – М.: Эксмо, 2018. – 992 с.
7. Вяземский, П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / П. А. Вяземский. – М.: Правда, 1988. – 480 с.
8. Глинка, Ф. Сочинения / Ф. Глинка. – М.: Советская Россия, 1986. – 350 с.
9. Гейзер, А. Р. Восточная тема в английской литературе XVIII в.: автореф. дис...на соиск. канд. фил. наук / А.Р. Гейзер. – Л., 1984. – 27 с.
10. Гордин, Я. Паломничество в Страну Севера. Север в русской поэзии как историческое и метафизическое зеркало / Я. Гордин. – Звезда – 2018. – № 7. – С. 23–40.
11. Лермонтов, М. Ю. Стихотворения / М. Ю. Лермонтов. – М.: Эксмо, 2008. – 416 с.
12. Мандельштам, О. Собрание стихотворений / О. Мандельштам. – М.: Б.С.Г. Пресс, Рутения, 2017. – 560 с.
13. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977–1979. – Т. 1–10. Т. 2.
14. Таборисская, Е. М. Италия в поэзии Пушкина / Е. М. Таборисская // Русская литература: Историко-литературный журнал / РАН, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). – 2004. – № 2. – С. 30–50.
15. Фаритов, В. Т. Философские аспекты пространства и времени в творчестве А.С. Пушкина / В. Т. Фаритов // Litera. – 2015. – № 1. – С. 1–30.

АСАБЛІВАСЦІ ВЫКАРЫСТАННЯ БАЛАДНАГА СТЫЛЮ Ў ПАЭЗІІ У. Б. ЕЙТСА

М. Ю. Шода

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
факультэт сацыякультурных камунікацый,
вул. Курчатава, 5, 220030, Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: marshoda@gmail.com

У артыкуле вылучаюцца рысы баладнага стылю і аналізуюцца асаблівасці яго выкарыстання ў паэзіі Уільяма Батлера Ейтса на працягу яго творчага жыцця. Значная ўвага надаецца ліра-эпічнай сінкрэтычнасці, станаўленню лірызацыі і «рэфлектыўнасці» ў літаратурных баладах, таксама разглядаецца роля рэфрэна.

Ключавыя словы: літаратурная балада, баладны стыль, сімвалізм, ліра-эпічная сінкрэтычнасць, рэфрэн, баладная структура.

THE PECULIAR FEATURES OF BALLAD STYLE IN W. B. YEATS' POETRY

M. Shoda

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: marshoda@gmail.com

The article highlights the features of the ballad style. The specifics of its use in the works of Yeats throughout his creative life are being analyzed. Significant attention is given to the lyrical epic syncretism, formation of «lyrization» and reflectivity in literary ballads, refrain value.

Key words: literary ballad, ballad style, lyrical epic syncretism, symbolism, refrain, the ballad structure.

Для паэта на мяжы XIX і XX стст. было досыць небяспечна выбіраць баладу як форму выяўлення думак. Балада паспела перажыць доўгую гісторыю станаўлення і трансфармацыі, зрабіцца заштампаванай і насычанай штучнымі прыёмамі і зноў ператварыцца ў актуальны літаратурны жанр. У. Б. Ейтс быў адным з тых паэтаў, што аднаўлялі баладную традыцыю ў літаратуры.

Народная балада з'яўляецца адным з самых архаічных жанраў, пра што сведчыць яе ліра-эпічная сінкрэтычнасць. Складнікамі, якія выяўляюць яе мастацкую спецыфіку, выступаюць: апавядальнасць з рысамі эпічнага схематызму, лірычнасць і эмацыйнасць выказвання, драматызм развіцця сюжэта, часта выяўлены ў дыялагічнасці формы і варыянтах паўтораў, якія ўзмацняюць драматызм сітуацыі [1, с. 9].

Змяняцца жанр балады пачынае з сярэдзіны XVIII ст., з таго моманту, калі пераходзіць з народнай стыхіі ў свядомую аўтарскую творчасць. Набыўшы азначэнне літаратурнай, балада ўзбагачаецца новымі рысамі. Перадусім важна адзначыць з'яўленне лірычнага «я». Першым, вядучы аповед не ад трэцяй, а ад першай асобы, парушае баладны канон Ё. В. Гётэ («Шукальнік скарбаў», «Лавец шчуроў», «Вучань чарадзея»), потым – У. Уордсварт, С. Т. Колрыдж, Г. Гайнэ. Такім чынам, мяняецца суб'ектная структура балады, назіраецца большая «лірызацыя», рэфлектыўнасць – рамантыкі развіваюць эмацыйны пачатак жанру. «У перспектыве гэтага працэсу для лірычнага «я» раскрываецца магчымасць змены самога баладнага сюжэта і нават яго зыходу ва ўнутраную рэальнасць героя» [6, с. 331].

У часы панавання рэалізму балада не сыходзіць з літаратурнай сцэны. Гэтаксама як не сыходзіць, а толькі відазмяняецца сам рамантызм, набываючы сацыяльнае гучанне, так і балада пачынае распрацоўваць новы тэматычны аспект – сацыяльны. Потым, на мяжы стагоддзяў, звярнуўшыся да балады як рамантычнага жанру, яе адраджаюць сімвалісты. Але, як заўважае Вік. Ерафееў, «нельга не прызнаць, не заўважыць, што зварот да рыцарскага сярэднявечча тут прымае часам штучны від, “наіўны” характар балады знікае праз празмерную эксплуатацыю сімвала. Балада ў такім выпадку аказваецца “стылізацыяй стылізацыі”» [3, с. 13]. Гэтая выснова цалкам заканамерная, калі згадаць, што рамантычная літаратурная балада ўжо была стылізацыяй балады народнай.

Тым не менш на працягу ўсяго свайго станаўлення літаратурная балада захоўвае многія агульныя рысы народнай: таямнічасць і недагаворанасць, невялікі аб’ём, вобразны строй, рытміку і вершаваную форму, а таксама сваю сінкрэтычнасць, тую неад’емную рысу, праз якую Ё. В. Гётэ назваў яе «жывым зародкам», «прасемем» мастацтва [1, с. 26], – узаемапрапаніальнае адзінства элементаў лірыкі, эпасу і драмы. Захаваліся і тры найбольш важныя тэматычныя кірункі – каханне, героіка і чарадзейства.

У першую чаргу менавіта магчымасць спалучыць гэтыя тры ўпадабанія ім тэмы і зацікавіла ірландскага паэта. На карысць плённасці саюза творцы, выхаванага на спадчыне рамантыкаў і прэрафаэлітаў, і народнай баладнай традыцыі кажа у першую чаргу яго працягласць, бо паміж баладамі першага зборніка «Скрыжаванні» (Crossways, 1889) і зборнікам «Апошнія вершы» (The Last Poems, 1939) было пяцьдзясят гадоў удасканалення формы і майстэрства. Апрача таго форма балад, іх змест і характар неслі ў сабе асаблівыя якасці верша, і У. Б. Ейтс імі ўмела скарыстаўся. Баладнасць забяспечвала спалучэнне апавядальнасці з лірычнай эмоцыяй, гэта значыць не толькі страфічную форму і магчымасць расказаць аповед у вершы, але і «жарсны сінтаксіс», натуральны і музычны, якога доўгія гады дабіваўся паэт. «Маё пакаленне, якое не прымала віктарыянскага рытарычнага маральнага пафасу, у выніку адмовілася ад усялякай рыторыкі <...> Людзі пачалі пераймаць старыя балады, таму што старая балада не бывае рытарычнай», – такую выснову зрабіў У. Б. Ейтс, разважаючы пра сучасную яму паэзію [4, с. 251].

Спецыфіка баладнага паэта вызначалася праз мастацкія і духоўныя традыцыі, што захоўваліся народнымі паэтамі і дапамагалі ім у творчасці. Для У. Б. Ейтса баладны паэт – сапраўдны транслятар духоўнай спадчыны народа. Менавіта ў спяваным выглядзе народныя балады ўвайшлі ў яго свядомасць. Настойваючы на духоўнай роднасці паэта (у любой яго праяве – ад вандроўнага барда да дэкадэнта-эскапіста) і простага народа, У. Б. Ейтс спадзяваўся, што яго балады будуць спяваць на вуліцах, забыўшыся пра аўтарства, а ніяк не друкаваць у абмежаванай колькасці на дарагой паперы. І, паводле аповедаў відавочцаў, быў глыбока расчулены, калі на банкцеце ў гонар Ірландскай акадэміі пісьменства быў праспяваны яго верш «Праклён Кромвеля» (*The Curse of Cromwell*). Ягонае падкрэслена сур'ёзнае стаўленне да прамоўленага, гукавога, вуснага пачатку мовы і ўпэўненасць у тым, што незразумеласць тэксту праясняецца на слых, мож-на растлумачыць менавіта цягай да спеўнай стыхіі.

У выглядзе песні У. Б. Ейтс пачуў ад прачкі ў Балісадары асноўны матыў свайго верша *Down by the Salley Garden...* (зборнік «Скрыжаванні», 1889). Першапачатковая назва яго так і гучала – «Старая песня, прапяная зноў» (*The Old Song Resung*). Гэта адзін з найлепшых і найхрэстаматыйнейшых тэкстаў з першага зборніка вершаў паэта-пачаткоўца – два, на першы погляд, немудрагелістыя катрэны. Балада як сюжэтны твор патрабуе звычайна большага аб'ёму. Але паэт змясціў у восем радкоў па-сапраўднаму баладныя пачуцці і эмоцыі. У. Б. Ейтс рэдка звяртаўся да доўгіх апавядальных форм. Лаканічнасць абараняла яго паэзію ад нагрувашчання паэтычных апісанняў. Можна казаць пра наяўнасць у гэтым тэксце падвойнага пункту погляду: мы бачым маладога чалавека, які слухае каханую, і – адначасова – сталага (ці нават старога), які бядуе, што няправільна слухаў і не зразумеў галоўнага сэнсу яе словаў. Усе эмоцыі – свайго равесніка і сівога апавядальніка – выпісаныя дваццацічатырохгадовым паэтам. Такая гульня вобразамі, своеасаблівая тэатралізацыя лірыкі, і перарасце пазней у адзін за асноўных прыныцаў творчасці У. Б. Ейтса – прыныц «маскі».

Большая частка тэкстаў са «Скрыжаванняў» можа быць ахарактарызаваная як балады. І сам зборнік выглядае як спроба засваення жанру, эксперымент з рознымі яго мадыфікацыямі, ад традыцыйнай да сімвалічнай.

Адзін з першых баладных вершаў, ужо згаданае «Скрадзенае дзіця» (*The Stolen Child*), – пераказ старой гісторыі пра эльфаў-вы-

крадальнікаў, якую паэт чуў у дзяцінстве ў Балісадары. Сюжэт пра выкраданне чалавека істотамі іншага свету архетыпічны для фальклору розных народаў і можа лічыцца адным з найбольш трывалых топасаў сусветнай літаратуры. Самае вядомае яго літаратурнае ўвасабленне – «Альховы цар» Ё. В. Гётэ. У параўнанні з трагічнай нямецкай баладай, дзе барацьба бацькі і ляснога духа за душу дзіцяці ператвараецца ў барацьбу з самой смерцю, верш У. Б. Ейтса вонкава не настолькі трагічны. Але метафара смерці – прыхаваная і няўлоўная – прысутнічае і тут. Фэйеры зачароўваюць дзіця аповедамі пра «кошык з вішнямі», «зіхоткія затокі», «скокі ў свеце поўні», толькі з кожным разам усё трывожней гучыць рэфрэн: «Come away, O human child! <...> For the world's more full of weeping than you can understand» [9, p. 14] («Хадзем з намі, чалавечае дзіця <...> Бо ў гэтым свеце больш скрухі, чым ты можаш усвядоміць»). У апошняй страфе дзіця сыходзіць у чароўную краіну, а ягоныя выкрадальнікі спяваюць пра простыя жыццёвыя прыемнасці, якія яно страчвае. Рэальнае быццё мае свае зямныя радасці і той, хто прыносіць яго ў ахвяру звышнатуральнаму ідэалу, часта ахвяруе значна большым, чым падаецца, – так упершыню выразна прагучаў галоўны канфлікт мастацкага свету У. Б. Ейтса, супрацьстаянне ўнутры рамантычнага двухсвецця. У 1888 г. у лісце да Кэтрын Тайнэн У. Б. Ейтс аналізуе кірунак саміх ранніх сваіх работ: «Я адзначыў некаторыя моманты ў маёй паэзіі, якіх не заўважаў раней... Амаль усе мае вершы – палёт з рэальнага свету ў чароўную краіну або заклік да такога палёту. Хор са «Скрадзенага дзіцяці» падводзіць гэтаму выснову – гэта <...> паэзія нязбыўнага імкнення і жалбы – крык сэрца супраць непазбежнасці і неабходнасці» [цыт. па: 7, p. 39].

Дадзены тэкст пабудаваны на чаргаванні трохстопнага і чатырохстопнага ямба, характэрнага для баладных формаў. Адпаведна, баладнай ёсць дакладная страфічная схема, у якой сінтаксічныя адзінкі супадаюць з рытмічнымі і цалкам адсутнічаюць анжамбманы. Найважнейшай структурнай характарыстыкай гэтага тэксту ёсць рэфрэн, уласцівы народнай традыцыі. Сам У. Б. Ейтс называў яго сутнасцю баладнай паэзіі. Рэфрэн – неадменная формула класічнага баладнага стылю, якая апелюе да танцавальнай генеалогіі балады – характарызуецца метрычнай, сінтаксічнай і сэнсавай разнастайнасцю. У асобных выпадках ён страчвае асэнсаваны змест, захоўваючы толькі сугестыўнае гучанне, часам гучыць як адасоблены ад асноўнага

тэксту лейтматыў, «лагічна неакрэслены, але поўны лірычнага на-строю» [5, с. 494], або, наадварот, асэнсавана падкрэслівае агульны сюжэт балады. Так ці інакш, рэфрэн – гэта прыём эмацыйнага ўздзе-яння на чытача. Рэфрэн верша «Скрадзенае дзіця» сугестыўна кан-цэнтруе настрой, наўпрост супрацьлеглы асноўнаму зместу тэксту – вясёлай і зваблівай песні фэеры.

Як ужо адзначалася, пачынаючы як баладны паэт, У. Б. Ейтс зна-ходзіў у народнай традыцыі толькі прадметы свайго апісання. Паэ-тыка яго ранніх балад была сугучная не народнай паэзіі, а літара-турным баладам многіх яго папярэднікаў. Напрыклад, «Балада пра Мол Мэгі» (*The Ballad of Moll Magee*), ствараючы вобраз звар'яцелай жабрачкі, якую не пакідаюць успаміны пра мінулае няшчасце, пера-клікаецца не толькі з жаласнымі песнямі вулічных папрашаек, але і з апавядальнай традыцыяй У. Уордсварта: адна з галоўных паэтыч-ных тэм яго лірычных балад – вобраз жабрака, які блукае па бяс-крайніх дарогах.

Таксама тыповым прыкладам ранніх тэкстаў У. Б. Ейтса ёсць «Ба-лада пра айца О'Харта» (*The Ballad of Father O'Hart*). Айцец О'Харт – рэальны святар з прыходам у Слайга, быў адначасова легендарнай асобай, мясцовым святым Францыскам. У. Б. Ейтс неадкладна абы-грывае гэты факт: у яго творы на пахаванне айца О'Харта «*the birds from Knocknarea / And the world round Knocknashee / Came keening in that day*» [9, p. 17] («Птушкі з Нокнарэй / І з усёй зямлі вакол Нокна-шы / Сабраліся ў гэты дзень»). Сведчаннем адступлення ад народнай традыцыі можа служыць хаця б факт прысутнасці ў тэксце грама-тычных інверсій (напрыклад, «*In trust took he John's lands*» [9, p. 17]), больш характэрных для літаратурнага стылю і пераважна адсутных у народных тэкстах, а таксама наяўнасць займенніка *that*, які пака-звае на падзею, аддаленую ў дадзеным выпадку ад чытача (*in that day*), – сітуацыя, недапушчальная для ўласна народных балад, якія звычайна не аддаляюць чытача ад таго, што адбываецца ў баладзе, бо, як правіла, не ўдакладняюць часу і месца дзеяння.

Ва ўсіх ранніх баладах, як пра Мол Мэгі і айца О'Харта, так і пра старога паляўнічага на ліс (*The Ballad of the Foxhunter*) і пра айца Гілі-гана (*The Ballad of Father Gilligan*), паэт для надання натуральнасці суб'ектам аповеду адштурхоўваўся ад фальклорных тэкстаў, афарба-ваных мясцовым каларытам. І толькі з часам у яго вершы прыйшла рыса, характэрная выключна ірландскай баладнай традыцыі: слаба

прапісаны апавядальны пачатак пры моцнай эмацыйнай афарбоўцы. Таксама гэтаму спрыяла ўведзеная рамантыкамі адсутнасць у тэксце «трэцяй асобы»: ірландскія балады (як і сталыя балады У. Б. Ейтса) былі пераважна маналогамі, часам – дыялогамі. Адсюль брала пачатак тая «жарсная шчырасць», якую У. Б. Ейтс шукаў для сваіх вершаў наступныя дваццаць гадоў і знайшоў, вярнуўшыся да баладнай формы ў зборніку зборніка «Адказнасць» (*Responsibilities*, 1914).

Гэтае новае гучанне выразна праяўляецца ў вершы «Крычаў п'яны жабрак» (*Beggar to beggar cried*).

'Time to put off the world and go somewhere
And find my health again in the sea air;
Beggar to beggar cried, being frenzy-struck,
'And make my soul before my pate is bare' [9, p. 92.]

«Час дзёру даць, бо тут я ледзь жывы!
Бліжэй да хваляў, ветру і травы, –
Крычаў п'яны жабрак зусім п'яному, –
Цяжар з плячэй, і думкі з галавы» [2, с. 32].
(пер. А. Хадановіча)

Перад намі маналог з рэфрэнам у выглядзе словаў аўтара. На фоне папярэдне аналізаваных тэкстаў заўважныя новаўвядзенні: нечаканая рэзкая пачуццёвасць, характэрная для вулічных балад¹, дзе тонкая лірычнасць мяжуе з адчайнай вульгарнасцю, і асабліва – рэзкі і нечаканы рэфрэн на месцы трэцяга радка, наўмысна вылучаны з версіфікацыйнай структуры тэксту.

Пасля першых спроб засваення баладнага стылю У. Б. Ейтс ужо неаднаразова выкарыстоўваў у сваіх творах рэфрэны: «Завяданне лістоты» (*The Withering of the Boughs*), «Руды Ханраан п'яе пра Ірландыю» (*Red Hanrahan's Song about Ireland*), «Шчасная краіна» (*The Happy Townland*) – вершы са зборніка «У Сямі Лясах» (*In the Seven Woods*, 1904). Але ў вышэйзгаданых тэкстах яны былі толькі рэхам-паўторам асноўнага настрою, упісваліся ў агульную рытмічна-інтанацыйную схему і старанна зарыфмоўваліся. Д. Хофман, разважаючы пра ролю паўтораў у вершах У. Б. Ейтса, падкрэсліваў, што

¹ *Broadsides* – песні, падобныя да тых, што ў славянскай фальклорнай традыцыі называюцца «жорсткім рамансам» – «жаласныя» і крываваыя гісторыі пра салдатаў, браканьераў, злодзеяў.

менавіта гэты тэкст дэманструе новую тэхніку рэфрэна, які выступае своеасаблівым гукавым і сэнсавым дысанансам да астатняй страфы [7, с. 42–43]. Такі рэфрэн, у адрозненне ад хору фэйеры са «Скрадзенага дзіцяці» або голасу ліса са «Шчаснага краю», выбіваючыся з агульнага рытмічнага малюнка, пераадольвае ўмоўнасць баладнага сюжэта, надаючы аповеду рэалістычнасць. У прадстаўленай баладзе аўтар падманвае чаканні чытача, робячы рэфрэн зусім дысгарманічным, чым падкрэслівае супрацьпастаўленне страфы і рэфрэна, – кантраст, які ён будзе развіваць у наступных творах і які адкрые дарогу да ўскладнення структуры тэксту, паглыблення і ўзбагачэння сэнсу.

У апавядальным плане верш «Крычаў п’яны жабрак» уяўляе сабой разважанні бадзягі пра рэспектабельнае жыццё. І хаця пад маскай грубага жабрака, які шакуе публіку сваімі словамі (напрыклад, пра «worse devil that is between my thighs» – «д’ябла, што лютуе паміж ног»), цяжка ўявіць вытанчанага паэта, пастаўленая ў тэксце дылема – пакінуць бадзянні (чытай – «вандраванні духа») дзеля спакою тленнай абалонкі – праблема самога У. Б. Ейтса, які здолеў з дапамогай простаі народнай гаворкі і натуральнага сінтаксіса ўніверсалаваць свае пачуцці. Бадзягу Ейтсавых тэкстаў уласцівыя архетыпічныя рысы блазна, вольнага ад умоўнасцяў навакольнага асяроддзя, які ў сваіх ненармальных і «дурнаватых» прамовах агаляе ісціну і раскрывае загадкі. Тут жабрак прамаўляе вельмі разумныя з гледзішча простага абывацеля (філістара ў сістэме гофманаўскага двухсвецця) словы, ён мяркуе спыніць бадзянні дзеля ўдалага жаніства і ўтульнага закутка і завяршае свае мроі ідылічнай замалеўкай:

«And there I’ll grow respected at my ease,
And hear amid the garden’s nightly peace,»
Beggar to beggar cried, being frenzy-struck,
«The wind-blown clamour of the barnacle-geese» [2, p. 92].

«Лепш сам чагосьці ў свеце дасягні,
Расці свой сад, каб там завершыць дні, –
Крычаў п’яны жабрак зусім п’яному, –
Калі паклічуць гусі ў вышыні» [9, с. 32]
(пер. А. Хадановіча).

Гусі (*barnacle-geese* – «белашчокая казарка» ў арыгінале) – вобраз, які мноствам канатацый парушае мрою-ідылію. У перакладзе

адчытваецца невыпадковая асацыяцыя з поклічам смерці. У ірландскім хрысціянскім фальклоры дзікія гусі з'яўляюцца сімвалам несмяротнасці, але ў паганскіх вераваннях іх крыкі асацыююцца з клічам Дзікага палявання – жудаснымі галасамі несупакоеных душаў, прадвесця бедаў і хаосу. Але дадатковую канатацыю дае фразеалагічны зварот: *barnacle-geese* – блізкі сябра, сталы спадарожнік, а ў Ірландыі сярэдзіны XIX ст. так пачалі называць эмігрантаў, якія пакідалі свой край у пошуках лепшага жыцця. Дык ці не сваіх калег жабрак мае на ўвазе? Такім чынам, у апошнім радку ўсе рашэнні пра рэспектабельнае жыццё і «цішыню начнога саду» разбіваюцца аб «the wind-blown clamour of the barnacle-geese» («падобны да ветру крык дзікіх гусей»), ці то галасы Дзікага палявання, ці то заклікі старых сябручкоў згадаць мінулае. Душэўная несупакоенасць, характэрная для вершаў У. Б. Ейтса перыяду зборніка «Адказнасць», не знаходзіць вырашэння ў гэтым тэксце.

Наступнае вяртанне У. Б. Ейтса да баладнай традыцыі, да народнага голасу адбылося ў 30-я гг. У апошнія гады жыцця настольнай для У. Б. Ейтса была «Оксфардская кніга балад» (*Oxford Book of Ballads*) [8]. Баладная форма і баладападобныя рэфрэны ў небаладных вершах адзначылі новы шлях развіцця яго сталага стылю. Пры набліжэнні сталасці ў яго тэкстах загучала жарснасць, ад якой, як і ад увасаблення біяграфічных фактаў, ён нязменна ўхіляўся ў маладыя гады. Ён ужо пісаў інтэнсіўныя, эмацыйна нагружаныя вершы, лірычныя і апавядальныя, але яго балады позніх гадоў – «Шалёны стары блудадзей» (*That Wild Old Wicked Man*), «Джон Кінсэла плача па Мэры Мур» (*John Kinsella's Lament for Mrs. Mary Moore*), «І што далей?» (*What then?*), «Вадамерка» (*Long-legged fly*) і інш. – набывалі формы і якасці, якіх не назіралася ў папярэдніх тэкстах.

Можна сказаць, што У. Б. Ейтс завяршыў кола, вярнуўшыся да баладнай формы яго ранніх зборнікаў. Але паэтыка яго сталых вершаў не супадала з колішнім пакручастым сімвалізмам і прэтэнцыёзнымі сутонневымі паўтонамі. Эдвін М'юір пісаў пра вершы У. Б. Ейтса тых гадоў: «Магчыма, найбольшы яго трыумф – простыя і загадкавыя песенькі, прасякнутыя рэалістычнай і наўнай вобразнасцю простага народа. Гэта разнавіднасць песняў, якія б складалі сяляне, з іх праніклівай ацэнкай добра і зла, з іх верай ў іншы свет» (цыт. па [7. р. 44]). У. Б. Ейтса дасягнуў простага маўлення, якое забяспечвала баладная форма. А дадатковыя магчымасці, якія надаваў дыса-

нанс паміж страфой і рэфрэнам, упершыню выкарыстаныя ім у зборніку «Адказнасць», надавалі новыя якасці яго пазнейшым баладам: прастасць і складанасць, іронію і сур'езнасць. Напружанасць гучання ягоных балад тлумачылася ўнутранай апазіцыяй між песняю і маўленнем, бяспечнай весялосцю тону і падкрэсленай аголенасцю сэнсу, а драматычнасць маўлення дазваляла аперавець шырокім спектрам эмоцый.

Літаратура

1. Гугнин, А. А. Постоянство и изменчивость жанра / А. А. Гугнин // Эолова арфа: Антология баллады. – М.: Высш. шк., 1989. – с. 7–27.
2. Ейтс, Ё. Б. Выбраныя вершы / Ё. Б. Ейтс; пер. з англійскай. – Мінск: Выдавец Зміцер Колас, 2017. – 104 с.
3. Ерофеев, В. Мир баллады / В. Ерофеев // Воздушный корабль: Литературные баллады. – М.: Правда, 1986. – 3–18 с.
4. Йейтс, У. Б. Видение: поэтическое, драматическое, магическое / У. Б. Йейтс; пер. с англ., колл. пер.; сост. и предисл. К. Голубович. – М.: Логос, 2000. – 768 с.
5. Жирмунский, В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. – Л.: Сов. писатель. Ленинг. отд-ние, 1975. – 664 с.
6. Теория литературы: в 2 т. / под редакцией Н. Д. Тамарченко. – М.: Академия, 2007. –Т. 2: Историческая поэтика / С. Н. Бройтман. – 359 с.
7. Hoffman, D. G. Barbarous Knowledge. Myth in the poetry of Yeats, Graves and Muir / D. G. Hoffman. – NY: Oxford Univ. Press, 1967. – 266 p.
8. Gilbert, S. The Poetry of William Butler Yeats: A Critical Guide to Appreciation of Meaning, Form, and Style / S. Gilbert. – NY: Monarch Press, 1965. – 140 p.
9. Yeats, W. B. The Works: [with an Introduction and Bibliography] / W. B. Yeats. – The Wordsworth Poetry Library, 1994. – 325 p.

**Секция 7. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ**

**ДИНАМИКА УНИКАЛЬНОГО И УНИВЕРСАЛЬНОГО
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

В. Ф. Мартынов

Институт современных знаний имени А. М. Широкова,
гуманитарный факультет,
ул. Филимонова, 69, 220023, Минск, Республика Беларусь
e-mail: martynov.vf@tut.by

В статье раскрываются актуальные проблемы, отражающие особенности культурологических аспектов сохранения и развития культурной самобытности, уникальности в условиях глобализационных процессов, обосновываются пути гармонизации современного мира на основе системной реализации уникального личного мироощущения.

Ключевые слова: техногенный мир, глобализация, уникальность, унификация, технизация, гармоничное общество, творческий, деструктивный, информационное пространство, функционализация сознания, девальвация духовности.

**THE DYNAMICS OF THE UNIQUE AND UNIVERSAL
IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION PROCESSES**

V. F. Martynov

Institute of Modern Knowledge named after A.M. Shirokov,
Humanities Department,
Filimonov st. 69, 220023, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: martynov.vf@tut.by

The article reveals the current problems reflecting the peculiarities of cultural aspects of preservation and development of cultural identity, uniqueness in the conditions of globalization processes, substantiates the ways of harmonization of the modern world on the basis of the systematic implementation of a unique personal attitude.

Key words: technogenic world, globalization, uniqueness, unification, technization, harmonious society, creative, destructive, information space, functionalization of consciousness, devaluation of spirituality.

Современная социокультурная ситуация требует целенаправленного поиска ценностных приоритетов, способных гуманизировать информационное общество. Человеческий мир стал единой

глобальной системой, располагая научно-техническим потенциалом, не имеющим аналога в предыдущей истории. Глобальный мир способен порождать глобальные катаклизмы. Реален ли такой поворот событий? Вполне. Ведь в мировой истории всегда происходило противоборство двух основных тенденций – созидательной, творческой и разрушительной, деструктивной. Вот почему необходимо развитие мощных духовных противовесов, создающих реальную оппозицию технократическим установкам.

Распространение множества цивилизационных конфликтов в XXI в. связано с тем, что современное общество не смогло осознать последствий феномена технизации, фундаментальных причин массовых трагедий XX в. и выработать универсальную духовную платформу, создание которой возможно только на основе взаимного обогащения уникальных культур. Информационное сообщество остается во власти унифицирующего мышления, интенсивной технической экспансии, ограниченных, конъюнктурных политических интересов, разъедающих гармонию многообразного. Усилилась крайне опасная тенденция, отразившая процессы рационализации личности, массовое распространение утилитарного, потребительского подхода к жизни, разрушающих формирование гармоничного сознания.

Исторический опыт свидетельствует о том, что в процессе социокультурной динамики творческая энергия любой культуры всегда была направлена на решение проблемы гармонизации человеческого бытия на основе культивирования, в первую очередь, самобытных ценностных ориентиров. Проблема полноценного воплощения устойчивой, надежной гармонии оказалась настолько сложной, трудноосуществимой, что потребовала появления таких базовых форм культуры, как мифология, религия, искусство, мораль, философия, право, политика, наука, нацеленных на совершенствование многогранного человеческого мира. Стремительное развитие научно-технического прогресса внесло принципиальные изменения в формирование духовного облика человечества, не только создавая условия для раскрепощения творческой энергии, но и предельно зримо обнажая опасность масштабных деструктивных процессов, всепроникающую силу хаоса. Так рождается пессимистический взгляд на культуру-творчество, отражающий ограниченные возможности культуры. «Культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача. Философия и наука есть неудача в творческом познании истины; искусство – неудача в творчестве

красоты; семья – неудача в творчестве любви; мораль и право – неудача в творчестве человеческих отношений; хозяйство и техника – неудача в творческой власти человека над природой. Культура во всех ее проявлениях есть неудача творчества, есть невозможность достигнуть творческого преобразования бытия» [1, с. 281–282]. Каковы же причины «творческой неудачи» культуры?

Одна из самых опасных тенденций современности заключена в том, что нарастающий процесс глобализации приводит к растворению уникальности, самобытности, неповторимости как личностного, так и культурного бытия в обезличенном, унифицированном информационном потоке, в столкновении множества структурных, групповых ориентаций. Человек теряет ощущение устойчивой гармонии, которая должна питаться творческой энергией уникальных проявлений каждой личности, противостоящей единообразию. Культура начинает тяготеть к репродуктивному, стагнационному состоянию. Ибо актуализация уникального – это всегда рождение нового, оригинального, нестандартного. Отсутствие творческой атмосферы неизбежно детерминирует многообразные формы конфронтации, масштабные разрушительные процессы в социуме на почве личностной неудовлетворенности. Так в экспериментальных лабиринтах техногенной глобализации теряется **экзистенциальная линия** человеческого бытия, которая заключает в себе семь ключевых, взаимосвязанных звеньев личностной креативности, открывающей возможность формирования устойчивой гармонии и ее реализации в многообразных формах культуры. Изначально первостепенное значение в жизни каждого человека приобретают важные факты:

1. Перманентное осознание специфики собственной уникальности как характерных особенностей, отличающих одного индивида от других, что должно стать основой личностного мировосприятия. Именно эта установка позволяет достичь в перспективе максимального самораскрытия. Это незыблемый фундамент для позитивной динамики любой культуры. Культурные ценности создаются только в результате реализации уникального мироощущения подлинных творцов.

2. Раскрытие уникальности подводит человека к глубинной потребности в объективизации внутренней правды.

3. Актуализация внутренней правды трансформируется в задачу творческой необходимости.

4. Творческая необходимость пробуждает вдохновение и приводит в движение целенаправленную творческую энергию как ис-

креннее проявление личностных уникальных возможностей, нацеленных на самовыражение.

5. Самовыражение неизбежно приводит к истине, к правде о самом себе, к осознанию своих реальных возможностей.

6. Истина делает человека свободным.

7. Благодаря свободе человек укореняется в пространстве устойчивой гармонии, которая переживается как состояние полноценного счастья, ибо максимальное развитие уникального открывает значимость пространства универсального, неизбывного, абсолютного. Цветение уникального приносит плоды в мире единого.

Следовательно, только в системе креативного пространства возможно избежать социальной одномерности, частичности, недостаточности, неудовлетворенности, реализуя полноценность человеческой экзистенции, и открыть путь к счастливой судьбе как подлинной полноте бытия.

Совокупный опыт развития мировой культуры свидетельствует о том, что человек приходит в этот мир как уникальный, неповторимый, исключительный индивидуум. Это касается не столько неповторимых внешних свойств, но в первую очередь внутренних душевных качеств, специфического профиля задатков, которые предопределяют генеральную линию человеческого развития. И подобно тому, как физики проникли на качественно иной уровень глубин материи, расщепили атом и высвободили колоссальную физическую энергию, не имеющую аналога в прошлом, углубление внутреннего мира личности, выявляющего природную силу уникального, способно привести в движение безграничную творческую инициативу, выстроить адекватное человеческой сущности мировосприятие. Именно благодаря реализации уникальных возможностей каждого индивида мир становится богаче, гармоничнее, привлекательнее и совершеннее. И техническая глобализация может наполниться светом духовности, многообразным культурным содержанием, всеобъемлющей гуманистической направленностью. Только содружество творческих, уникальных людей представляет собой прообраз подлинно гармоничного общества, сохраняющего и развивающего самобытность национальных духовных устремлений.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н.А. Бердяев. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. – 678 с.

**КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ**

Л. А. Григорович

Московский институт психоанализа,
факультет психолого-педагогического
и специального образования, Кутузовский пр-т, 34, стр.14,
109127, Москва, Российская Федерация
e-mail: 1250762@inbox.ru

Е. Б. Качалина

Московский институт психоанализа,
факультет психолого-педагогического
и специального образования, Кутузовский пр-т, 34, стр.14,
109127, Москва, Российская Федерация
e-mail: vita250803@mail.ru

Э. В. Кулешова

Московский институт психоанализа,
факультет психолого-педагогического
и специального образования, Кутузовский пр-т, 34, стр.14,
109127, Москва, Российская Федерация
e-mail: kuleshova.ella@mail.ru

В статье рассматриваются психологические аспекты культуры как социализирующей среды, место культурных кодов в процессе формирования языковой личности, специфика современной социокультурной ситуации.

Ключевые слова: языковая личность, культура, языковое сознание, мультикультурность, транзитивность, культурный код.

**CULTURAL CODES OF A LANGUAGE PERSONALITY
IN A TRANSITIVE SOCIETY**

L. A. Grigorovich

Moscow Institute of Psychoanalysis, Faculty of Psychology, Pedagogical
and Special Education, Kutuzov ave. 34, b. 14, 109127,
Moscow, Russian Federation
e-mail: 1250762@inbox.ru

E. B. Kachalina

Moscow Institute of Psychoanalysis, Faculty of Psychology, Pedagogical
and Special Education, Kutuzov ave. 34, b. 14, 109127,
Moscow, Russian Federation
e-mail: vita250803@mail.ru

E. V. Kuleshova

Moscow Institute of Psychoanalysis, Faculty of Psychology, Pedagogical and Special Education, Kutuzov ave. 34, b. 14, 109127,

Moscow, Russian Federation

e-mail: kuleshova.ella@mail.ru

The article discusses the psychological aspects of culture as a socializing environment, the place of cultural codes in the process of forming a language personality, the specifics of the modern socio-cultural situation.

Key words: language personality, culture, language consciousness, multiculturalism, transitivity, cultural code.

Совершенно очевидно, что современный мир претерпевает существенные изменения. Они обнаруживаются на всех уровнях социального устройства и характеризуются неравномерностью своего развития. Так, например, скорость появления информационных и технологических решений выше скорости массового когнитивного овладения новыми возможностями. Гуманитарные науки не могут оставаться в стороне от анализа тех вызовов, с которыми столкнулся современный человек, и путей решения сложных индивидуальных и социальных проблем в новых, динамично меняющихся условиях.

Все чаще в современных гуманитарных исследованиях стало появляться понятие «транзитивное общество», которое в самом общем виде характеризует общество через следующие феномены:

- кардинальные социальные трансформации;
- глобализация, которая ведет к расширению пространства, в том числе и пространства межличностных контактов;
- усиление социальной неопределенности, связанной прежде всего с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном изменяющемся мире;
- увеличение продолжительности временного периода процесса социализации, активизацией ресоциализации и текущей социализации;
- расширение информационного пространства и усилением его роли, частично заменяющей межпоколенные связи [7].

Социализация как процесс вхождения в мир социальных отношений, позволяющая личности чувствовать себя в относительной безопасности (в первую очередь за счет принятия другими и социальной «рамки», задающей границы поведения) и предоставляющая возможность самовыражения и самореализации, сегодня претер-

певают существенные изменения. Транзитивность общества проявляется в изменении ценностных ориентаций общества в целом, однако, наиболее ярко это обнаруживается у подрастающего поколения, представители которого испытывают сложности в создании смыслов бытия, выбора эталонов, а часто и норм поведения. Наряду с этим, увеличение миграционных потоков и смешанных браков ведет к изменению роли лингвистической идентичности, культурных стереотипов, а также к размыванию содержания этнической идентичности. Поэтому при изучении современной социализации в мультикультурном пространстве все большее внимание начинает уделяться изучению культуры [6].

Именно категории культуры отражают специфику существующей системы ценностей и задают образцы социального поведения и восприятия мира. Творит культуру и живет в ней человек, личность. Именно в личности на передний план выходит социальная природа человека, а сам человек выступает как субъект социокультурной жизни. Именно культурная идентичность дает укорененность и уменьшает неопределенность настоящего и будущего. По мнению Т. Д. Марцинковской, культуру можно рассматривать как фактор, структурирующий и выстраивающий процесс социализации и становления образа «Я» в кризисные периоды. Культура остается неизменной даже тогда, когда меняются быт, мировоззрение, политические и структурные аспекты социальной ситуации человека. Это постоянство и выделяет культуру как фактор, помогающий «восстановить связь времен», найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя. Так формируется одна из важнейших составляющих структуры образа «Я» – «Я – культурный человек» [7].

Вхождение человека в мир культуры формирует у него определенный язык, знакомит его с культурными кодами, которые позволяют расшифровывать культурные послания и переводят культуру в режим индивидуального богатства и ресурса.

Культурный код помогает расшифровать глубинный смысл культурных явлений (смыслов, знаков, символов, норм, текстов, ритуалов и т. д.), обеспечивает взаимосвязь между знаком и значением, также он помогает перевести мир номинаций в мир смыслов, то есть понять, что значат те или иные культурные феномены.

Рассматривая культурный код в качестве ключа к пониманию культурной картины мира, невозможно обойти вопрос языкового сознания, способного воспользоваться таким ключом.

Российские ученые рассматривают вопрос о развитии языкового сознания ребенка исходя из концептуального положения о сложной многоуровневой организации нейрофизиологической деятельности головного мозга и исходной неопределенности его «психического» функционирования. Отсутствие жесткого генетического программирования и открывает перед индивидуальным развитием человека огромные возможности.

А. А. Леонтьев неоднократно подчеркивал, что биологически унаследованные свойства психики являются лишь одним, хотя и важнейшим, условием ее формирования. Не менее важный фактор развития сознания ребенка, в том числе и языкового сознания, – это окружающий человека мир явлений и предметов, созданных трудом предыдущих поколений. «Процесс овладения языком, – писал А. А. Леонтьев, – осуществляется в ходе развития реальных отношений субъекта к миру. Отношения же эти не зависят от субъекта, от его сознания, а определяются конкретно-историческими, социальными условиями, в которых он живет, и тем, как складывается в этих условиях его жизнь» [4].

Согласно взглядам А. Р. Лурии, ребенок, усваивая значения слов, интериоризирует их, делает их внутренними символами своего мышления. Обучаясь принятым в данном обществе способам действия с «социально-функционирующими» предметами, ребенок усваивает познавательные нормы и эталоны, и через деятельность с этими предметами формируются его психика и языковое сознание [5].

Таким образом, процесс социализации личности можно рассматривать как процесс «присвоения» человеком культуры данного общества. В процессе развития и социализации личности решающим моментом является овладение языком. Поскольку язык социален по своему происхождению, он является для каждого отдельного индивида носителем традиционного опыта, принадлежащего всему обществу. Язык как бы вводит сознание ребенка в рамки социального опыта коллектива и является средством фиксации этого опыта [2].

Овладение языком – его лексикой, грамматикой, стилистикой, произношением – создает внутренний образ мировоззрения людей и каждого человека.

Язык культуры многозначен. Без специального кода культурный текст оказывается закрытым, его значение и смысл не поддаются расшифровке. При этом каждый культурный текст может прочитываться иначе в зависимости от того, какой код используется.

Для понимания механизмов культурного кодирования и декодирования наряду с понятием «языковое сознание» важно обратиться к термину «языковая личность».

Понятие «языковая личность» образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность. Прежде всего под «языковой личностью» понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения – по существу, личность речевая. Под «языковой личностью» понимается также совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная. И, наконец, под «языковой личностью» может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре – личность словарная, этносемантическая [1].

Важно подчеркнуть, что в понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с мировоззрением. Любая личность проявляет себя и свою субъектность не только через предметную деятельность, но и через общение, которое немислимо без языка и речи. Речь человека с неизбежностью отражает его внутренний мир, служит источником знания о его личности.

По мнению Ю. Н. Караулова, «языковая личность – та сквозная идея», которая «пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека вне его языка» [3].

Первое обращение к языковой личности связано с именем немецкого ученого И. Вейсгерберга («Родной язык и формирование духа», 1927). В своем понимании языка он делал акцент на коллективизме. По его мнению, язык является наиболее всеобщим культурным достоянием; никто не владеет языком только благодаря собственной языковой личности, а, наоборот, человек владеет им благодаря тому, что принадлежит к определенному языковому сообществу.

В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В. В. Виноградов, который выработал два пути изучения языковой личности – личность автора и личность персонажа («О художественной прозе», 1930). Само понятие языковой личности начал разрабатывать Г. И. Богин. Он создал модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи. Ввел же это понятие в широкий научный обиход Ю. Н. Караулов, который считает, что языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью [3].

На сегодняшний день известны различные подходы к изучению языковой личности, определяющие статус ее существования в лингвистике: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В. П. Нерознак); этносемантическая личность (С. Г. Воркачев); элитарная языковая личность (О. Б. Сиротина, Т. В. Кочеткова); семиологическая личность (А. Г. Баранов); русская языковая личность (Ю. Н. Караулов); языковая и речевая личность (Ю. Е. Прохоров, Л. П. Клобукова); языковая личность западной и восточной культур (Т. Н. Снитко); словарная языковая личность (В. И. Карасик); эмоциональная языковая личность (В. И. Шаховский) и т. д.

В самом общем виде языковая личность – любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определенных целей в этом мире [8].

Наряду с качественными характеристиками языковая личность может быть описана через уровни владения языком [3]. Опуская структурно-языковой, семантический (или нулевой) уровень ординарной языковой семантики, остановимся на двух других. Так, на первом (лингвокогнитивном) происходит выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в картине мира личности. На процесс такой иерархии влияют не только базовые общекультурные послания, цивилизационные ценности, но и культурные коды, транслируемые в конкретной, эмоционально значимой ситуации. Личное мировоззрение формируется на основе национально-культурных традиций, ценностей, идеологий, которые делают возможным создание общезначимой доминанты, инвариативной части.

Второй уровень – выявление и характеристика мотивов и целей, движущих развитием языковой личности, ее поведением, созданием ее текстов и собственно формированием иерархией смыслов и мировоззрения в целом.

Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Таким образом, языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения.

В содержание языковой личности обычно включаются ценностный, культурологический и личностный компоненты. Ценностный (мировоззренческий) компонент содержит систему жизненных смыслов, языковой образ мира и иерархию духовных представлений; культурологический компонент, то есть уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку; личностный – то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т. д. Культурные ценности представляют собой систему, в которой можно выделить универсальные и индивидуальные, доминантные и дополнительные смыслы. Они находят отражение в языке, точнее, в значениях слов и синтаксических единиц, во фразеологизмах, в паремиологическом фонде и прецедентных текстах (по Ю. Н. Караулову). Например, во всех культурах осуждаются такие человеческие пороки, как жадность, трусость, неуважение к старшим, лень и др., но в каждой культуре эти пороки имеют разную комбинаторику признаков. Для каждой культуры можно разработать параметры, которые будут своеобразными ее координатами. Такие параметры будут считаться исходными ценностными признаками, а их знание и понимание лежат в основе эффективной межкультурной коммуникации.

Основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, предполагающая включение че-

ловека в определенные социальные отношения, активная речемыслительная деятельность по нормам и культурным эталонам, а также процесс индивидуализации, определения своего «Я».

Междисциплинарность культуры, в которой связываются воедино многие пласты действительности, разорванные в отдельных областях знания, идеально подходит для многомерного и сложно сконструированного мира, которым является современное общество. В междисциплинарном и, шире, в межкультурном взаимодействии может быть сформировано и новое понимание человека в системе многомерных взаимоотношений, которые он создает в процессе жизни [7].

Культура как набор кодов, которые предписывают человеку определенное поведение с присущими ему переживаниями и мыслями, оказывая на него тем самым управленческое воздействие, позволяет сохранять и развивать духовность, творческий потенциал, способность Человека бережно, уважительно и созидательно относиться к Миру.

Литература

1. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
2. Глухов, В.П. Психоллингвистика: учебник для факультетов специальной педагогики и психологии педагогических и гуманитарных вузов и коррекционных педагогов-практиков / В.П. Глухов. – М.: В. Секачев, 2013. – 343 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. / Ю.Н. Караулов. – М.: ЛКИ, 2009. – 263 с.
4. Леонтьев, А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Избранные психологические труды / А.А. Леонтьев. – М.; Воронеж: МПСИ, НПО «МОДЭК», 2001. – 448 с.
5. Лурия, А.Р. Язык и сознание. Изд. 2-е. / А.Р. Лурия. – Ростов на/Д., 2001 – 335 с.
6. Марцинковская, Т.Д. Субкультура в транзитивном обществе / Т.Д. Марцинковская // Вопросы психологии. – 2013. – № 4. – С. 57–69.
7. Марцинковская, Т.Д. Проблема социализации подростков в современном мультикультурном пространстве / Т.Д. Марцинковская, И.В. Чумичева // Психологические исследования. – 2015. – № 39. – С. 10.
8. Энциклопедия «Русский язык». 2-е изд. / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 671 с.

СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. А. Криштаносова

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
факультет культурологии и социокультурной деятельности,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь
e-mail: spirinaelena@tut.by

В статье автор рассматривает основные модели миграционной политики (ассимиляцию, сегрегацию и мультикультурализм), проводит анализ положительных и отрицательных моментов в их реализации, а также делает вывод о важности выбора государством той или иной модели миграционной политики для урегулирования межгрупповых интеракций и сохранения межкультурного многообразия в современном мультикультурном обществе.

Ключевые слова: мультикультурализм, ассимиляция, сегрегация, ценностно-смысловые установки, универсализм, партикуляризм.

SPECIFICITY OF INTERCULTURAL VARIETY IN THE EPOCH OF GLOBALIZATION

E. A. Krishtanosova

Belarusian State University of Culture and Arts,
Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Activities,
Rabkorovskaya st. 17, 220007, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: spirinaelena@tut.by

In the article, the author examines the main models of migration policy (assimilation, segregation and multiculturalism), analyzes the positive and negative aspects in their implementation, and also concludes the importance for the state to choose one or another model of migration policy to resolve intergroup interactions and preserve the intercultural diversity of the multicultural society.

Key words: multiculturalism, assimilation, segregation, value-semantic attitudes, universalism, particularism.

Современная ситуация постмодерна, в отличие от модерна, характеризуется свойством множественности «жизненных миров». Действительно, проблема культурного многообразия обусловлена конкретными процессами, протекающими сегодня в мире. Об этом говорит У. Эко, проводя параллели между настоящим временем и Средневековьем, ибо тогда, как и сейчас, происходило гран-

диозное культурное смешение. Он отмечает, что в современной Европе происходит миграция, сравнимая с ранней индоевропейской миграцией с Востока на Запад или же с вторжением варваров в Римскую империю и образованием романо-германских государств. «Лет через сто Европа может стать континентом цветных. Это еще одна причина, по которой надо быть готовым в культурном отношении принять многообразие, принять смешение разных народов, принять этот беспорядок, – иначе нас ждет полный провал» [2, с. 20].

И. Гердер считал основным способом сохранения межкультурного многообразия взаимодействие культур. Каждая культура развивается во взаимодействии с другой, и великие культурные явления рождаются только в диалоге. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом... между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [1, с. 98–99].

Современным процессам глобализации сопутствует расширение миграционных потоков. Так, ежегодно в страны ЕС через различные нелегальные каналы въезжает около полумиллиона мигрантов, не считая еще 400 000 человек в год, которые официально ищут убежища на европейском континенте [5, с. 44]. Долгое время основной проблемой, порождаемой миграционными процессами, считалась культурная неоднородность общества. Список гомогенных в этнокультурном отношении государств мира, составленный К. Янгом, включает всего 11 стран: Барбадос, Бахрейн, Ботсвана, Катар, обе Кореи, Коста-Рика, Лесото, Тунис, Уругвай и Япония [4, с. 184]. Поэтому проблема поиска единых оснований жизнедеятельности и самореализации для всех населяющих страну этнокультурных групп считается одной из ключевых в деле становления и развития современного общества. Ключевой статус этой проблемы в современных государствах связан с настоящей неизбежностью процесса объединения групп внутри конкретной страны и соответствующей ей национальной культуры. Однако это вызывает ряд проблем.

Во-первых, любая группа представляет собой совокупность людей, которым свойственно определенное мировоззрение, на котором во многом строится процесс не только групповой, но и личностной идентификации. Представитель группы ограничен в возможностях заме-

ны ее основных компонентов, поскольку ценностно-смысловые установки, порожденные процессами социализации и инкультурации, не могут быть вытеснены из его сознания. Группа может оставаться самоценной целостностью до тех пор, пока обладает определенной культурной идентичностью, задающей векторы дальнейшего развития. Потому попытки унификации групп вызывают протест, даже если причины его не всегда полностью осознанны. Во-вторых, механическое объединение этноса и этнокультурных групп имело бы, несомненно, последствия и для титульной культуры – и, возможно, негативные. В рассматриваемой нами современной ситуации их включение в дискурс господствующей культуры тоже не могло бы пройти безболезненно, в том числе и для национальной идеи, что всегда связано с реальной опасностью разрушения государства изнутри.

В современном мире тенденции **культурной универсализации**, порожденные процессами глобализации, приобретают особую актуальность. Это связано с тем, что глобализация не только интенсивно изменяет экономический и политический ландшафт планеты, но и воздействует на картину межкультурных связей.

Таким образом, глобализация ставит человечество перед необходимостью единства. Иными словами, основная идея культурной универсализации в современном контексте – это создание «мирового сообщества» для совместного решения экономических, политических и культурных проблем. При этом основной упор делается на этнокультурные группы, которые, по представлению современных универсалистов, готовы безропотно «раствориться» в доминантной культуре. Поэтому, несмотря на все позитивные тенденции и необходимость всечеловеческого сотрудничества, процесс глобализации способствует унификации локальных культур.

Здесь мы имеем дело с глубинным противоречием современной межкультурной коммуникации. С одной стороны, именно глобализация побуждает к поиску и попыткам выработки универсальных человеческих ценностей, и это возможно хотя бы потому, что истина, добро, свобода и справедливость являются базовыми для универсальной картины мира любой этнокультурной группы, проявляясь в конкретных условиях в виде локальных модификаций.

Однако, с другой стороны, и сами эти ценности, и питающие их культурные смыслы, и возникающие на их основе культурные тексты тяготеют к одному центру – к западной цивилизации. Этот принцип «однополярности мира» не нов: исторически сложилось

так, что несколько наиболее развитых культур выступали в качестве семиотических центров, и на их фоне все остальные культуры находились на правах периферии. В силу подражания «центрам» периферия неизбежно унифицировалась. Тем самым она – отчасти вынужденно, а отчасти и добровольно – утрачивала свои культурные корни, традиции, нормы и т. д., что всегда предшествует утрате идентичности этносов и групп.

Поэтому в целях создания искусственной гомогенизации внутри государства, политические и культурные элиты долгие годы, как правило, делали акцент на ассимиляцию (например, Франция, США и др.). Поэтому, несмотря на все позитивные тенденции и необходимость всечеловеческого сотрудничества, процесс глобализации способствует унификации локальных культур. Именно поэтому ассимиляция как стратегия по отношению к иммигрантским культурам использовавшаяся на протяжении прошлого века многими европейскими странами, в большинстве случаев себя не оправдала. Ксенофобия, фанатизм, фундаментализм, радикализм, экстремизм, терроризм – вот лишь некоторые побочные результаты попыток проводить подобную стратегию в поликультурной среде.

В ответ на это представители **партикуляризма** делают акцент на сохранении особенностей этнокультурных групп путем их изоляции и самоизоляции. Иными словами, единственно возможный путь в борьбе против насильственной унификации – «самогеттоизация» этнокультурных групп, благодаря которой якобы возможно осуществление бесконфликтных межгрупповых интеракций «на расстоянии».

При этом и сторонники партикуляризма не отказываются от идей диффузионизма как возможности взаимного обмена культурными продуктами в целях символического обогащения.

В соответствии с этим была выдвинута модель миграционной политики, позволяющая контролировать этнокультурные группы: модель «сепарации/сегрегации» (например, Германия, Австрия, Великобритания). При таком подходе иммигрант находится в ситуации «гетто», т. е. изолирован от большинства населения. Ему предоставляется рабочее место, но количество его культурных контактов с представителями титульного этноса ограничено. Неудивительно, что эта модель также не оправдала себя, что выразилось, например, в создании миграционных кварталов и даже попыток отдельного их саморегулирования. Таким образом, как мы видим, не оправдалась и изоляционистская стратегия миграционной политики.

Можно констатировать, что партикуляризм как стратегия взаимоотношений культур в тех целях, в каких мыслят его апологеты, несостоятелен, поскольку является излишним. Каждая культура органически приемлет заимствования лишь в том виде, в котором они соотносятся с выработанными и утвердившимися в ней ценностями и обычаями. Можно предположить, что культура как таковая, вероятно, имеет встроенные в нее механизмы притяжения и отталкивания чужеродных новшеств, а намеренно возведенные препятствия могут лишь усугубить межкультурные конфликты. Подводя итог, можно сказать, что, на наш взгляд, партикуляризм настаивает не на «равенстве в своеобразии», а на усугублении различий, на «различиях ради различий».

Краткий анализ моделей миграционных политик демонстрирует, что в свете дилеммы «универсализм – партикуляризм» культурная ситуация XX–XXI вв. одновременно центростремительна и центробежна: с одной стороны, этнокультурные группы пытаются прийти к согласию и к созданию единого сообщества, а с другой, стремятся локализоваться. Ни один из этих выходов не представляется нам полностью безупречным по причинам, приведенным выше.

Именно несовпадение разновекторных ценностно-смысловых установок и нежелание найти консенсус порождает конфликтные взаимодействия этнокультурных групп с одной стороны и титульного этноса – с другой.

В связи с этим приблизительно с 70-х гг. XX в. многие страны оставляют не увенчавшиеся успехом усилия добиться этнокультурной гомогенности общества и провозглашают своим идеалом интеграцию без ассимиляции. На общество начинают смотреть не как на культурное единство, а как на совокупность равноправных этнокультурных и этноконфессиональных сообществ. Такая направленность исходит из стратегии мультикультурализма.

На наш взгляд, это наиболее продуктивный вариант взаимодействия современных культур в глобализирующемся мире. Главный императив политики мультикультурализма – равенство типологически и аксиологически различных культур, предполагающее их толерантное взаимодействие. Широкое распространение идей мультикультурализма – общих, при множестве его конкретных воплощений – неотъемлемая характеристика бытия и «со-бытия» многих народов в современную эпоху. Не случайно бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали объясняет его возникновение как следствие процесса глобализации: «Мы не перестаем говорить о глобализации. Это,

действительно, реальность. Глобализируются экономика, финансы, коммуникации. Мир сталкивается с проблемами, принявшими глобальные масштабы в сфере экологии, организованной преступности, борется с глобальными эпидемиями. Чего нам не хватает – это глобализации демократии, ее распространения на международные отношения. А наилучший способ добиться этого – поддержание культурного разнообразия, я называю это мультикультурой» [6].

Термин «мультикультурализм» означает *теорию, практику и политику неконфликтного сосуществования многочисленных разнородных культурных сообществ* [5, с. 9]. При помощи стратегии мультикультурализма возможна разработка норм взаимодействия, которые позволят сформировать такие ценностные ориентации и схемы поведения, которые помогали бы представителям различных культур понимать друг друга и толерантно сосуществовать в едином планетарном пространстве. Но не только понимать – еще и обогащать друг друга именно благодаря собственному несходству.

В основе модели мультикультурализма лежат три принципа:

- признание государством культурного плюрализма как важнейшей характеристики гражданского общества;
- устранение препятствий, мешающих социализации маргинальных этнокультурных групп;
- поддержка воспроизводства и развития разных культур.

В связи с этим мультикультурализм необходимо рассматривать как *middle is muddle but muddle is the medium*, т. е. как «золотую середину» между крайними полюсами: универсализма и партикуляризма, как консенсус в межкультурном диалоге, а точнее полилоге. Для мультикультурализма характерно стремление «снятия» (в гегелевском смысле) напряжения между полюсами локального и универсального. Он утверждает уважение к различиям, но при этом не отказывается от поиска универсальности.

В пестром разнообразии мультикультурных концепций можно выделить два направления: радикальное и умеренное. Основа первого – идеи толерантности и идентичности, понимаемые как высшее благо и для народов, и для самого процесса их взаимодействий. Истина вариативна, и разные народы исповедуют свое представление о ней. Потому их культуры (смыслы, идеалы, нормы и т. д.) с необходимостью должны быть разными, причем степень этой разности может быть абсолютной. Умеренный мультикультурализм развивает концепцию разграничения позитивной и негативной то-

лерантности и вариативности истины, находящей свою специфическую форму проявления в каждой из культур (Э. Джемс). Умеренный мультикультурализм утверждает, что далеко не каждая традиционная истина позитивна. Более того, и такая прекрасная установка, как толерантность, тоже относительна. Известно, что толерантность может приносить и горькие плоды ассимиляции и аккультурации.

Необходимо отметить, что введение мультикультурной политики в различных государствах было ориентировано на решение разных проблем. Кроме того, любая мультикультуралистическая модель с необходимостью строится на фундаменте ценностей, идей и идеалов конкретного общества. Поэтому и мультикультурные политики существенно отличаются от страны к стране. Единой стратегии мультикультурализма нет и не может быть не только по экономическим, политическим, социальным причинам, но и – главное – по причине ценностных установок государств, которые во многом определяют экономику и политику. «Общий», «абстрактный» мультикультурализм, мультикультурализм «как таковой» мог быть проповедовать некие универсальные ценности, приоритеты, принципы для всех государств, но при этом каждое из них должно разрабатывать и внедрять свою индивидуальную стратегию с учетом собственной специфики.

Тем не менее такая условная модель с необходимостью должна базироваться на некоторых неукоснительных в смысле соблюдения принципах:

- признание необходимости свободы творческого самовыражения всех граждан;
- возможность для граждан делать выбор из многообразного спектра образцов культуры;
- государственная поддержка национальной культуры с помощью ряда финансовых и законодательных мер;
- взаимодействие государственного и общественного уровней поддержки культуры.

Эта модель дает возможность индивиду самовыразиться и самореализоваться, невзирая на его этническую и конфессиональную принадлежность и не отказываясь от нее, но в то же время не самоустраиваясь от общенациональной культуры. В силу этого элементы этнических культур сохраняются в инокультурном окружении. Использование модели способствует разработке комплексных программ по адаптации иммигрантов, не ущемляя интересов «коренного» населения. К сожалению, как показал наш анализ, ни одна

из мультикультурных стран пока не достигла этого идеала. Мы считаем, что использование такой программы с учетом специфических особенностей страны, способствует признанию самоценности культурного разнообразия страны и сохранению этнокультурных традиций всех – и доминантной и миноритарных этнокультурных групп.

О политике мультикультурализма высказываются неоднозначно, зачастую в негативных тонах. Такие публикации переполнены примерами ошибок и перегибов в осуществлении этих программ в США и Европе. Действительно, программа мультикультурализма первоначально развивалась как сугубо инструментальный и экспериментальный проект. Лишь недавно началось ее теоретическое осмысление, и можно не сомневаться, что это приведет к коррективам. Описание «провалов» политики мультикультурализма отечественными и зарубежными авторами не сопровождается оценкой ее реальных успехов.

Политика мультикультурализма противостоит дискриминации, угнетению и подчеркивает индивидуальное достоинство, присущее всем. «Данная концепция выполняет функцию, обеспечивающую климат доверия» [3, с. 162]. На наш взгляд, именно эта задача является наиболее приоритетным условием развития современного мира и сосуществования в нем множества народов и культур.

Литература

1. Горобинский, М.О. Михаил Бахтин: парадоксы диалогического отношения к монологической культурной традиции / М.О. Горобинский // Культура и традиции: сб. науч. трудов. – Екатеринбург; Нижневартговск: УрО РАН, 1995. – С. 98–107.
2. Малахов, В.С. Парадоксы мультикультурализма / В.С. Малахов // Иностранная литература. – 2010. – №11. – С. 19–27.
3. Паин, Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / Э.А. Паин. – 2-е изд., доп. – М.: Новое издательство, 2014. – 358 с.
4. Янг, К. Категории культурного многообразия / К. Янг // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А.А. Прусаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2017. – С. 184–189.
5. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 349 p.
6. Reid, A. Multiculturalism and Canadians: Attitude Study 1991 / A. Reid. – Ottawa: Statistics Canada, 2015. – 214 p.

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ**

Е. Н. Антамошкина

Волгоградский государственный аграрный университет,
экономический факультет, пр. Университетский, 26, 400002,
Волгоград, Российская Федерация
e-mail: antamoshkina@mail.ru

В статье рассматриваются особенности организационных коммуникаций в современных условиях глобализации и социокультурной дифференциации. Определяются индивидуальные и организационные факторы эффективности организационных коммуникаций. Анализируются требования, предъявляемые к организационным коммуникациям, поскольку от их эффективности во многом зависит результативность деятельности современных предприятий, компаний и деловых организаций.

Ключевые слова: организационные коммуникации, внешние и внутренние коммуникации, эффективность коммуникационного процесса, корпоративный имидж.

**ORGANIZATIONAL COMMUNICATIONS
IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION
AND SOCIO-CULTURAL DIFFERENTIATION**

E. N. Antamoshkina

Volgograd State Agrarian University, Faculty of Economics,
Universitetski ave. 26, 400002, Volgograd, Russian Federation
e-mail: antamoshkina@mail.ru

The article discusses the features of organizational communications in the modern conditions of globalization and socio-cultural differentiation. The individual and organizational factors for the effectiveness of organizational communications are determined. The requirements for organizational communications are analyzed, since the effectiveness of modern enterprises, companies and business organizations depends on their effectiveness.

Key words: organizational communications, external and internal communications, the effectiveness of the communication process, corporate image.

Закономерности развития общества и прежде всего социально-экономической сферы, во многом определяются культурной средой и культурным многообразием. Процессы глобализации и со-

циокультурной дифференциации находят отражение в развитии экономики и социокультурного пространства как на глобальном, так и на национальном и региональном уровнях. Функционирование современных предприятий и организаций во многом зависит от эффективности организационных коммуникаций, которые не только определяют успешность деятельности предприятий, но и являются одной из актуальных проблем управления.

Важность роли организационных коммуникаций признается не только в крупных компаниях и организациях, но и в малых фирмах. Достижение высокого уровня конкурентоспособности и удержание завоеванных на рынке позиций находятся в зависимости от наличия гибкой и динамичной системы коммуникационных связей. Организационные коммуникации позволяют предприятиям взаимодействовать с субъектами внешнего окружения, кроме того, коммуникации, как важнейший элемент обеспечения эффективности управления определяют систему внутри организационных взаимодействий. Для достижения организациями их целей и в целом для эффективного функционирования требуется обмен информацией. Менеджеры и руководители должны иметь навыки и умения управления коммуникативными процессами.

Руководители среднего и высшего уровней управления тратят более половины своего рабочего времени именно на коммуникации, получаемая в процессе таких коммуникаций информация в дальнейшем необходима для принятия разнообразных управленческих решений. Если система коммуникации организована недостаточно эффективно, соответственно, это может приводить к принятию ошибочных управленческих решений.

Изучению коммуникаций в управлении посвящены работы целого ряда современных исследователей: Л. В. Карташовой, Т. В. Никоновой, П. А. Михненко, А. А. Магулаевой, Т. Г. Мансуровой, А. В. Федорова. Ряд современных исследователей – Р. Браймер, М. В. Виноградова, А. Г. Резник, В. М. Советов – занимаются изучением организационных коммуникаций как элемента процесса управления персоналом, анализируют системы организационных коммуникаций и особенности взаимодействия предприятий с внешней средой.

Как самостоятельное направление исследований необходимо отметить работы В. И. Бовыкина, А. Д. Барышева, Ю. А. Матюхиной, Н. Г. Шередера, посвященные этике и психологии делового общения.

Коммуникации необходимы для обеспечения высокого уровня эффективности внутри организационных процессов, в том числе принятия управленческих решений. С данной точки зрения анализ организационных коммуникаций представлен в работах О. С. Виханского, А. И. Наумова, М. Х. Мескона, М. Альберта, Ф. Хедуори. Внешние организационные коммуникации в том числе направлены на потребителей и клиентов, при изучении данного типа коммуникаций зачастую они анализируются с точки зрения рассмотрения маркетинговых коммуникаций, такой подход можно встретить в работах Л. А. Дробышевой, В. А. Рыбакова, М. В. Страхова.

В общем виде организационная коммуникация представляет собой процесс обмена информацией между двумя или большим количеством субъектов организации и последующую интерпретацию переданных сведений с целью формирования определенного поведения и действий субъектов организации.

Современные исследователи, в частности М. Кравец, говорят о наличии такого явления как коммуникативная компетентность, т. е. способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми [1]. На формирование коммуникативной компетентности оказывают влияние социальный и эмоциональный интеллект. В частности, коммуникации связаны с приемом, переработкой и передачей информации, необходимой для эффективного функционирования организаций. Коммуникации – это процесс, с помощью которого руководители развивают систему предоставления информации и передачи сведений сотрудникам организации и субъектам внешнего окружения.

В современных организациях присутствуют различные направления организационных коммуникаций, к числу которых относятся:

- вертикальные коммуникации – передача информации от руководителя к подчиненным (приказы, инструкции, правила, предписания) и от исполнителей к руководству;
- горизонтальные – взаимодействие между сотрудниками, находящимися на одном иерархическом уровне;
- диагональные коммуникации – связи с другими сотрудниками организации и подчиненными.

Наличие обратной связи в коммуникационном процессе позволяет определить коммуникацию как динамический, двухсторонний процесс. Эффективность коммуникационного процесса зависит от

влияния индивидуальных и организационных факторов. Первые связаны с сотрудниками организации, их способностью и мотивацией к участию в информационном обмене, организационные факторы связаны с самой организацией, ее структурой и техническим оснащением (табл. 1).

Таблица 1

Факторы эффективности организационной коммуникации

<i>индивидуальные факторы</i>	<i>организационные факторы</i>
развитие коммуникационных навыков сотрудников;	организационная структура;
развитие технических навыков коммуникации: владение электронной почтой, умение пользоваться факсом и т. п.	информационная перегруженность;
создание управленческой системы и формирование культуры, поощряющей открытую коммуникацию в организации.	неадекватное техническое оснащение.

Источник: составлено автором по [2; 3].

Коммуникации рассматриваются в качестве инструмента по координации деятельности структурных подразделений организации, поскольку позволяют получать необходимую информацию на всех уровнях управления. В зависимости от того, какие факторы внешней среды предприятия оказывают наибольшее влияние на его работу, формируются характер и способы организационных коммуникаций с внешним окружением.

Внешние организационные коммуникации во многом определяют формирование корпоративного имиджа предприятия, поскольку их приоритетной задачей является трансформация стратегической позиции, которую стремится занять предприятие на рынке в поведение организации, ее коммуникационные послания и символы на организационном, производственном и функциональном уровнях. Для эффективной организации такого процесса необходимо определить целевые группы потребителей и ключевые группы общественности.

Корпоративный имидж позволяет организации выделяться и не теряться на фоне похожих фирм и компаний, формируемая предприятием корпоративная особенность, индивидуальность может

быть стратегически планируемой целью в соответствии с определенным, желаемым имиджем. Ярко выраженная корпоративная индивидуальность способствует повышению мотивации сотрудников предприятия, формированию положительно настроенных ключевых групп внешней общественности, определению жизненно важных для организации ценностей.

В современных предприятиях и организациях могут использоваться разнообразные формы и методы межличностных и организационных коммуникаций. Субъекты коммуникационного процесса самостоятельно выбирают методы коммуникационного взаимодействия со своими сотрудниками. Как правило, используются совместно несколько методов коммуникаций, дополняющих и усиливающих друг друга. Например, письменная форма организационных коммуникаций требует больше времени на сбор, обдумывание и формулирование сообщения по сравнению с коммуникацией в устной форме. Письменная коммуникация между сотрудниками и субъектами внешнего окружения предприятия может осуществляться в форме меморандума – формального письменного обращения одного сотрудника организации к другому сотруднику или субъектам внешнего окружения (деловым партнерам, клиентам, потребителям).

Внутриорганизационные правила и процедуры в свою очередь формулируются в письменных документах компании (положениях, инструкциях), устанавливающих порядок действий ее сотрудников. Для организации более оперативного процесса адаптации новых работников используется такой инструмент как справочник сотрудника, который представляет собой брошюру, содержащую основную информацию об организации (основные ценности, миссия и философия компании, ее долгосрочные и краткосрочные цели; обязательства руководства компании перед сотрудниками; справочная информация, облегчающая сотрудникам профессиональную и социальную жизнь в компании) [4, с. 196–198].

Крупные фирмы и компании прибегают к использованию внутриорганизационных публикаций в форме периодических изданий (газеты или журналы), размещающих разнообразные материалы и информацию о значимых событиях компании, ее выдающихся сотрудниках, планах организации на ближайшую перспективу.

Внешние коммуникации, относящиеся к стратегическим связям с общественностью, зачастую реализуются посредством СМИ,

позволяющих создать популярность и положительный интерес к компании за счет грамотного стратегического позиционирования. В качестве направлений по совершенствованию организационных коммуникаций можно отметить составляющие:

- информационно-технологическое обеспечение коммуникационных процессов;
- оптимальная организация документооборота;
- правильная расстановка фильтров на пути информационных потоков;
- эффективный порядок работы с внешней информацией;
- учет особенностей взаимодействия в области профессиональных коммуникаций;
- создание эффективной системы обратной связи; совершенствование культуры межличностного общения в организации.

Литература

1. Кравец, М.А. Алгоритм и методология стратегической диагностики организационных коммуникаций / М.А. Кравец // Современная экономика: проблемы и решения. – 2015. – № 4 (64). – С. 55–65.
2. Рафикова, Д.М. О путях и способах повышения эффективности организационных коммуникаций / Д.М. Рафикова // Экономика и социум. – 2016. – № 12–2 (31). – С. 822–825.
3. Страхов, М.В. Роль коммуникаций в инновационном развитии предприятия / М.В. Страхов // Дискуссия. – 2016. – № 1 (64). – С. 103–111.
4. Рыбаков, В.А. Коммуникация как социальный механизм организационного управления / В.А. Рыбаков // Образование и наука в современных условиях. – 2015. – № 3. – С. 196–198.

НЕКОТОРЫЕ ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

В. И. Чуешов

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь
e-mail: tchoue@mail.ru

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта БРФФИГ18Р-211; а также Гранта РФФИ N 18-511-00015 Бел_а «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур» (2018–2020).

Б. В. Марков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7-9, 199034,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: bmarkov@mail.ru

В статье рассмотрены роль и виды философской рефлексии в экспликации сути межкультурной коммуникации, обоснована перспективность диалогического подхода к прояснению ее смысла, охарактеризована проверка на состоятельность межкультурной коммуникации с помощью ее диалогической экспертизы.

Ключевые слова: диалог, коммуникация, межкультурная коммуникация, философская рефлексия.

SOME DIALOGIC FEATURES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

V. I. Tchouechov

Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus,
Moskovskaya st. 17, 220007, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: tchoue@mail.ru

B. V. Markov

St Petersburg State University, Universitetskaya Emb. 7-9, 199034,
St Petersburg, Russian Federation
e-mail: bmarkov@mail.ru

The article considers the role and types of philosophical reflection in the explication of the essence of intercultural communication, substantiates the prospects of a dialogical approach to clarifying its essence, as well as testing it for validity using a dialogical expertise.

Key words: dialogue, communication, intercultural communication, philosophical reflection.

В наши дни понятие «межкультурная коммуникация» активно используется в науке и повседневной жизни. При этом оно нередко рассматривается как интуитивно ясный синоним общения (контактов) представителей разных культур, совокупность его форм и способов. В этом случае неоправданно остаются в тени выявленные в классической философии особенности общения и приобщения (Сократ), знакомства и понимания (Гегель), эксплицированные в неклассической и постнеклассической философии отличия диа-

лога и диалогических отношений от монологических отношений (М. М. Бахтин), контактов и контрактов (К. Ясперс) и многое другое.

Оттеснение на периферию вопроса о сути родового понятия межкультурной коммуникации явно не помогает характеризовать неодинаковые по качеству и целям формы межкультурной коммуникации. Не позволяет за деревьями увидеть лес, выявлять смысл межкультурной коммуникации и его репрезентации в конкретных науках, понимать, каким образом она осуществима, что представляют собой ее барьеры. И наоборот. Беря на вооружение его общее понятие, мы не только абстрагируемся от качества различных форм межкультурной коммуникации, но через идеализацию, обобщения (универсализацию) и др., раскрываем единство в многообразии или общую модель межкультурной коммуникации. После выявления ее содержания с помощью сравнения, анализа, синтеза и др. можно уже реструктурировать многообразие ее форм, а также конструировать сущностное единство данного многообразия.

Сегодня процесс реструктурирования и конструирования общей модели межкультурной коммуникации явно не завершен. Это отрицательно сказывается на потребностях научного познания, т. к. практика научного познания не терпит категориальной пустоты, которая обычно и устраняется через циркуляцию в науке и жизни размытых представлений о сути межкультурной коммуникации. В свою очередь это также чревато тривиальными (обычно логическими, риторическими) ошибками неразличения рода и вида понятия межкультурной коммуникации, нарушением риторического правила о том, что, берясь за решение частных вопросов, предварительно не решив вопросы общие, обрекаешь себя на непоследовательность и когнитивные провалы. Наоборот, использование определенной общей модели межкультурной коммуникации, позволяет преодолевать когнитивные провалы, точнее оценивается эвристический потенциал дисциплинарного конструирования их концептуального устранения. Напомним в этой связи о следующих концепциях: роли в межкультурной коммуникации контекста (Б. Малиновский); особенностей модификации межкультурной коммуникации в зависимости от используемого в ней языка (Э. Сепир, Б. Уорф); типологии культурных различий по плотности их контекста и роли в ней универсалий пространства и времени (Г. Холл); оптимальности межкультурной коммуникации на основе признания (А. Хонит); права на оправдание (Р. Форста), а также большей предпочтительности в определенных условиях

интеграции (объединения) и (или) сепарации (отделения), ассимиляции (растворения), маргинализации (усвоения-искажения) межкультурной коммуникации (Дж. Берри) и др.

Оценивая эвристический потенциал указанных выше концептуальных ответов о природе межкультурной коммуникации, полезно не забывать о том, что они стали возможны не столько в результате обобщения старого или нового массива эмпирических данных, сколько отважных путешествий «узких специалистов» (антропологов, лингвистов, социологов и др.) за границы их предметных областей с помощью философски нагруженной рациональной, эмоциональной, рационально-эмоциональной интуиции, а в конечном счете, определенной философской рефлексии общей природы межкультурной коммуникации.

Данная рефлексия и в наши дни является необходимым и другим не заменяемым инструментом конструирования предельных оснований коммуникации и культуры вообще, межкультурной коммуникации, в частности. Данная философская рефлексия предельных оснований межкультурной коммуникации имеет социально-исторический характер, а также классические, неклассические и постнеклассические разновидности со своей оптикой [3, с. 20–50].

Философское конструирование общей модели межкультурной коммуникации в современной философии чаще всего осуществляется с помощью герменевтической, феноменологической и аналитической оптики [1, с. 111–171, 197–213], не- и постнеклассической технологий осовременивания ее классики. Оно, следовательно, по меркам всемирного историко-философского процесса может быть более и (или) менее современным, какими и являются идеи не- и постнеклассической философии по отношению к философии классической.

Оставляя далее в стороне разнообразные аспекты этих различий, здесь ограничимся лишь их иллюстрацией с помощью исторической аналогии поиска в науке сути воды. Их результат сегодня неплохо известен: та вода, которую из колодцев и (или) колонок, а также водоемов употребляли в XVII–XVIII вв. химики, занимавшиеся поисками сути воды, существенно отличается от «идеальной воды», научного понятия воды, сконструированного на языке химии А. Лавуазье. Понятно, что и до опытов французского химика миллионы людей кипятили воду ежедневно, а сегодня ее химическая формула знакома каждому образованному человеку. Общая модель воды (как идеально чистая вода) не только отлична от воды из-под

крана, но и по-разному нами востребована, т. к. одни предпочитает кипяченую, другие не кипяченую, третьи минеральную или не минеральную и т. п. воду.

Представляется, что оптика классической философии, а также науки Нового времени, была ориентирована на поиски неизменной сущности предметов, их свойств, отношений, а следовательно, и раз и навсегда определенной модели межкультурной коммуникации. Данная оптика существенно отличается от социально-исторической оптики неклассической философии, контекстуальной оптики постнеклассической философии так же, как идеальная вода отличается от воды из-под крана, а последняя, в свою очередь, отличается от воды из-под крана после ее дополнительной очистки с помощью разнообразных фильтров.

Вместе с тем различия оптики классической, неклассической, постнеклассической философии межкультурной коммуникации, однако, не исключают друг друга. И в наши дни серьезно востребованы результаты классической философской рефлексии межкультурной коммуникации Сократа и Платона, Канта и Гегеля, ее неклассической философской рефлексии у Л. Фейербаха, Ф. Розенцвейга, Ф. Эбнера, М. Бубера, О. Розенштока-Хюсси, а также особенности ее постнеклассической рефлексии у М. М. Бахтина, В. С. Библера, а также М. Даскаля, Д. Уолтона, Х. Херманса и др.

Поясним чуть подробнее, что имеется в виду, на примере выбранной почти наугад концепции диалогического «Я» голландского исследователя Х. Херманса [5]. Уже ее название, в котором использованы концепты диалогического, а также «Я», намекают на ее связи с классической и неклассической философской рефлексией, на постнеклассическое своеобразие используемой Х. Хермансом философской оптики межкультурной коммуникации как меж- и интерсубъективного обмена. На постнеклассические особенности своей концепции указывает и сам Х. Херманс, ссылаясь на философию диалогизма М. М. Бахтина, неклассическую философскую рефлексию взаимоотношений «Я» и «Ты» М. Бубера. Вместе с тем, если бы кто-либо попросил М. М. Бахтина, М. Бубера или Х. Херманса проартикулировать общий смысл их не- и постнеклассических общих моделей межкультурной коммуникации, они могли бы и не согласиться с омысленностью данного требования.

Объясняется это не только тем, что понятие коммуникации, а также «межкультурная коммуникация» в отличие, например, от

диалога (Софрон) стали объектом конкретно-научной и междисциплинарной рефлексии гораздо позже.

Диалогический подтекст межкультурной коммуникации не всегда различим в ее современных конкретно-научных и междисциплинарных концепциях и по причине использования неудачно подобранной философской оптики, которая то за деревьями не позволит разглядеть леса, с чем справлялась оптика классической философской рефлексии, то за лесом не различала деревьев, что было доступно неклассической философской рефлексии, то среди деревьев не позволяла различать березы, ели и сосны, на что и была ориентирована оптика постнеклассической философии. Важные особенности трех видов философской оптики и рефлексии далее уместно пояснить на примере их репрезентации в современном конкретно-научном и междисциплинарном дискурсе о межкультурной коммуникации.

Воспользуемся для этих целей результатами изучения природы межкультурной коммуникации авторитетными современными специалистами Э. Роджерсом и У. Хартом. По их мнению, природа межкультурной коммуникации (англ. *intercultural communication*, или ICC) неплохо раскрывается в процессе ее аналитической дифференциации от интернациональной коммуникации (англ. *international communication*, или INC) и коммуникации развития (англ. *development communication*, или DC). Спецификация межкультурной коммуникации свидетельствуют о том, что два последних вида коммуникации осуществляются на макроуровне. Они в большей степени связаны с закономерностями массовой, а не индивидуальной и интерсубъективной коммуникации, тогда как межкультурная коммуникация характеризует взаимодействие конкретных людей и культур на микроуровне.

Прицельное изучение закономерностей интернациональной коммуникации помогает выявлять особенности асимметрии коммуникации и культурного доминирования, раскрывать в них, например, роль доминирования средств массовой информации одного государства в информационном пространстве другого, которое обычно вслед за Г. Шиллером называется культурным или медийным империализмом.

В наши дни пагубное воздействие на интернациональную коммуникацию медийного империализма получило принципиальную оценку в документах ЮНЕСКО о необходимости поддержки свободного распространения информации, его сбалансированности и ориентации на преодоление барьеров асимметрии. Заметим, что еще

в 1990-е гг. такие информационные империалисты, как США и Великобритания, официально отказались поддержать предложенные ЮНЕСКО практические шаги по преодолению медийной асимметрии и информационного доминирования [7, р. 9].

В наши дни компетентное обсуждение пагубных последствий медийного империализма и доминирования тесно связано и с необходимостью отвечать на вопросы о том, кто именно является собственником, контролирует СМИ и новые медиа, каковы его цели, интенции [6, р. 72].

В современных конкретно-научных и междисциплинарных исследованиях природы интернациональной коммуникации критический анализ медийного империализма и информационного доминирования является продуктом классической философской рефлексии, поскольку резюмируется в тезисе о предпочтительности информационной сбалансированности по сравнению с информационным доминированием во взаимоотношениях представителей разных стран и культур. Неклассическая философская рефлексия при этом может помочь приверженцам классической философской рефлексии интернациональной коммуникации переоценить ценность старых философских идей о гармонии, различать социально-исторический и контекстуальный подтекст неклассического и постнеклассического диалогизма.

Что касается исследования природы межкультурной коммуникации в собственном смысле слова, то оно, несмотря на отличия последней от интернациональной коммуникации, не предполагает резкого противопоставления и отрыва друг от друга макро- и микроуровней человеческой коммуникации, которые всегда взаимосвязаны между собой и, строго говоря, независимы друг от друга только в стихии чистой мысли.

Другое дело, что с помощью неклассической философской рефлексии диалогическая суть интернациональной коммуникации превращается почти в ее императив, тогда как в исследованиях межкультурной коммуникации и коммуникации развития нередко используется оптика классической философской рефлексии. В самом деле, в современных конкретно-научных и междисциплинарных концепциях коммуникации развития на передний план обычно выдвигаются ее технико-технологические аспекты, разнообразные достоинства и недостатки которых обнаруживаются безотносительно к их социальному диалогическому обрамлению, могут рассматри-

ваться на примере функционального приспособления друг к другу различных технических и информационно-технологических систем.

Вместе с тем реконструкция социально-исторических интенций концепции коммуникации развития недвусмысленно указывает на ее нацеленность на поиск путей преодоления социального и культурного неравенства между народами после Второй мировой войны, решение задач ликвидации неграмотности в странах, освободившихся от колониальной зависимости и т. п.

Ранее сходные задачи решались и в СССР в ходе культурной революции. Эта революция позволила превратить жителей страны Советов в самую массовую читающую аудиторию в мире, обнажив неоптимальность монологического проведения культурной революции, практики «сбрасывания Пушкина с корабля современности», «растрела Растрелли» (В. В. Маяковский) и т. п. До сих пор результаты этой культурной революции после распада СССР в постсоветских странах способствуют сохранению престижа образования и культуры, которые в наши дни в неблагоприятных контекстах развития рыночных отношений уже утрачивают самоценность, трансформируются в сферы услуг, технологического распространения информации, функционирование которых осуществляется в соответствии с приоритетами рынка.

Классическая философская рефлексия предельных оснований современных концепций коммуникации не может не упираться в принципы технологического детерминизма как императивы не социальных, а технологических услуг. Вместе с тем не так сложно показать, что, например, такая технологическая платформа предоставления этих услуг, как видеохостинг *Youtube*, не является простым расширением границ аудитории образования и культуры в современном мире. Она не только позволяет учащимся и педагогам из бедных и небогатых странах приобщаться к ценностям образования и культуры, доступным в развитых странах, т. е. как бы участвовать в их глобальном диалогическом обрамлении, одновременно не гарантируя ни контекстуального социального равенства обучающихся в развитых и развивающихся странах, преподаватели в которых включены в неодинаковые по своим образовательным и культурно-цивилизационным, а также научно-исследовательским возможностям контексты.

Диалогический подтекст коммуникации развития своеобразным образом учитывался, например, в концепции американских ученых Д. Лернера и В. Шрамма, согласно которой неприемлемо такое поло-

жение дел, когда индивид отказывается от модернизации условий его жизни, таких как ликвидация неграмотности, индустриализация (технологизация), развитие медиа и политическое участие, т. к. модернизация в целом по отношению к нему реализуется сверху, монологически, не предполагая ответной реакции модернизирующегося. Известно, что Д. Лернер еще в шестидесятые годы прошлого века, изучая особенности влияния передач радиостанции «Голос Америки» на коммуникацию развития в странах Центральной Европы, приходил к выводу о том, что влияние чужой культуры через массмедиа на индивида способно порождать эмпатию по отношению к ее ценностям, выявлять между ними пункты дальнейшего диалогического взаимодействия.

По крайней мере, это неплохо понимали организаторы глушения в СССР передач «Голос Америки» и др. западных радиостанций.

В такой перспективе обыденное и (или) конкретно-научное и междисциплинарное толкование природы межкультурной коммуникации является, в конечном счете, результатом использования определенной парадигмальной (феноменологической, герменевтической, постмодернистской и пр.), а также более или менее современной (классической, неклассической, постнеклассической) философской рефлексии, т. е. ее критическим испытанием на диалогическую прочность.

Философский потенциал диалогической экспертизы сути межкультурной коммуникации в современном мире может иметь неординарный контекстуальный смысл. Начнем с того, что в словаре древнегреческого языка понятие диалога означало «сквозьмыслие», или такое чередование слов, законов, порядков и пр., которое, как показывали уже поэмы Гомера, вовлекает в круг общения сквозное движение и проникновение слов, мыслей, идей, ценностей, их разделение и взаимность, усиление, завершенность и т. п.

Еще в XIX в. слово «диалог» в русском (белорусском) языке употреблялось не часто (в скобках заметим, что уж слишком невелика в то время была общественная площадка сквозьмыслия). В словаре русского языка XIX в. слово диалог обычно ассоциировалось с глаголом «спорить», который обозначал не только современное отсутствие согласия между людьми, опровержение, противоборство и т. п., но также и помощь, способствование чему- или кому-либо. Это обстоятельство помогает лучше, к примеру, понять смысл названия

философской реконструкции природы диалога в 1918 г. С. И. Поварниным в работе «Спор. Теория и практика спора».

В ней С. И. Поварнин помогал читателю глубже постигать смысл представления о том, «Кто спорит – тот гроша не стоит», связывая диалог как спор с уважением «к чужой вере и чужим убеждениям», «уважением к человеческой личности», различая диалог как спор при слушателях и без них, одиночный и сложный, спор-спорт, спор-игру, спор из-за победы, спор для проверки истины и пр. [6].

Типология диалога, сконструированная С. И. Поварниным в революционном Петрограде, не утратила значения в качестве инструмента выявления диалогических интенций межкультурной коммуникации и в условиях современной глобализации. Сошлемся, к примеру, на современный заочный спор президента США Д. Трампа и лидера Северной Кореи Ким Чен Ына, написавшего о том, что у него под рукой всегда находится красная ядерная кнопка (использование которой, заметим, было бы концом любой межкультурной коммуникации). В споре с лидером Северной Кореи президент США попросил кого-либо из «истощенного и голодного окружения северокорейского лидера» напомнить последнему о том, что и у него на столе также находится красная ядерная кнопка, которая, однако, «намного больше и мощнее, и к тому же работает» [7].

В наши дни за полемикой представителей различных подходов к анализу межкультурной коммуникации можно увидеть движение навстречу друг другу. Появляются также и междисциплинарные исследовательские программы, которые нередко соединяют кажущиеся взаимоисключающими подходы. Чтобы не допустить среди них появления монструозных образований, следует соблюдать меру. Анализ сложившихся дискурсов о природе межкультурной коммуникации и диалога приводит к выводу, что от декартовой дилеммы, от принципиального различия материальных и идеальных процессов не так-то легко освободиться. Чтобы ее снять, одни занимают позицию материализма (бихевиоризм, механистическая психология, психофизический редукционизм, экономический детерминизм), другие, наоборот, выносят за скобки «реальность» (феноменология). Но даже те, кто осознают необходимость отказа от картезианского различия духа и тела, тем не менее не всегда преодолевают субстанциалистское понимание собственных ценностей. Перспективным представляется респонсивный подход, понимание общества не как

вещи, субстанции, а как деятельности, отношения, коммуникативной системы. Благодаря смене установки можно в ходе разрешения чрезвычайных ситуаций публично обсудить как материальные (экономические, политические, технологические и т. п. возможности), так и нормативно-ценностные предпочтения конфликтующих сторон, выявить последствия принятия тех или иных решений и достигнуть консенсуса с учетом общих интересов мирового сообщества, главным из которых является мирное сосуществование людей.

Межкультурная коммуникация в наши дни может иметь различные формы и в ней могут использоваться разные инструменты, реконструировать предельные основания которых невозможно без определенной философской рефлексии, испытания на прочность и оптимальность общей модели межкультурной коммуникации посредством ее диалогической, социально-исторической, контекстуальной экспертизы.

Литература

1. Марков, Б.В. Человек в условиях современности / Б.В. Марков. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. – 432 с.
2. Поварнин, С.И. Искусство спора. О теории и практике спора / С.И. Поварнин. – М.: Терра, 2009. – 192 с.
3. Чуешов, В.И. Классическая, неклассическая и постнеклассическая философия диалога: ее логико-риторические аспекты и импликация для теории аргументации // Логико-риторические аспекты диалога / В.И. Чуешов, И.В. Хоменко [и др.]. – Киев: ВГЦ Київський університет, 2011. – 173 с.
4. Твит Д. Трамба 03.01.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nalin.ru/globalnaya-politika-epoxi-veb-negramotnosti-zachem-tramp-pishet-kimu-moya-krasnaya-knopka-bolshe-lol-6257>. – Дата доступа: 01.09.2018.
5. Hermans, H.J.M. The Dialogical Self: Toward a theory of Personal and Cultural Possitioniry / H.J.M. Hermans // Culture and Psychology. – 2001. – Vol. 7 (3). – P. 243–281.
6. Mowlana, H. Toward a NWICO for the twenty-first century / H. Mowlana // Journal of International Affairs. – 1993. – №47 (1). – P. 59–72.
7. Rogers, E., The histories of intercultural, international and development communication / E. Rogers, W. Hart // Handbook of international and intercultural communication, 2 ed.; eds. W. Gudykunst, B. Mody. – Thousand Oaks; L.: Sage publishers, 2002. – P.1–18.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР АККУЛЬТУРАЦИИ

Т. А. Працкевич

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: tatsiana.pratskevich@gmail.com

Статья рассматривает идентичностный подход к исследованию процесса аккультурации. Выделены моно-, би- и квадриполярный типы моделей аккультурации, сформированные в рамках сменяющихся друг друга социально-философских парадигм. Вместе с тем идентичностный аспект аккультурации признается все более многоуровневым и индивидуальным, выходящим за границы существующих научных моделей.

Ключевые слова: аккультурация, идентичность, моно-, би-, квадриполярные модели аккультурации.

IDENTITY AS A PROGNOSTIC FACTOR OF ACCULTURATION

T. A. Pratskevich

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: tatsiana.pratskevich@gmail.com

The article considers an identical approach towards the acculturation process research. Mono-, bi- and quadripolar types of acculturation models formed within subsequent socio-philosophic paradigms are distinguished. At the same time, the identical aspect of acculturation is being recognized as more and more multilevel and individual, extending far beyond the limits of existing scientific models.

Key words: acculturation, identity, mono-, bi, quadripolar acculturation models.

Сущность процесса аккультурации как одной из форм межкультурного взаимодействия состоит в изменениях, затрагивающих одну или обе стороны коммуникации. Несмотря на то, что согласно общей научной трактовке, эти изменения происходят в культурах, очевидно, их носителями являются представители контактирующих сообществ. В таком разрезе аккультурационные трансформации приобретают характер идентичностных. Участники же аккультурационного контакта оказываются в ситуации глубокого осмысления

собственных идентификационных характеристик и поиска новых оснований для самоосознания в альтернативном контексте.

Идентичность, в целом, и ее этнонациональная составляющая, в частности, являются динамичными конструктами, эволюционирующими в ответ на метаморфозы внешних и внутренних факторов. Степень национально-культурной акцентуации является многослойным проблемным полем и в условно гомогенном сообществе. В гетерогенном же социуме, в определенной доле состоящем из лиц, сменивших место постоянного проживания, идентичность не только «обнажает» свой подвижный характер, но и приобретает мозаичные или многослойные черты, где каждый из компонентов с течением времени способен изменять уровень своей значимости и содержание.

Справедливо сказать, что современный подход к научному осмыслению категориального содержания идентичности обусловлен интенсивными процессами глобализации, смещением культурных ориентиров с места на время, непрерывными переменами в образах жизни людей. Все это рождает своеобразный «вернисаж» самоопределений, образующих варьирующиеся сплетения и сочетания. Наряду с этим, исследование темы идентичности приводит к построению ряда условно упрощенных моделей, позволяющих отследить трансформации как научной мысли, так и социально-философских подходов к управлению культурным многообразием в гетерогенном обществе.

Научно-теоретическое осмысление этнонационального самосознания как фактора межкультурной коммуникации во многом зиждется на исследовательских концепциях, рассматривающих идентичность в более широком смысле. В частности, для более глубокого понимания идентичностного подхода к аккультурации имеет смысл обратиться к теории социальной идентичности, предложенной английскими психологами Г. Тэджфелом и Дж. Тернером. Исследователи исходят из предпосылки, что социальное самоопределение индивидуума ярче всего раскрывается и осознается в межгрупповом взаимодействии с представителями иных сообществ: «...чем более напряженный межгрупповой конфликт, тем более вероятно, что индивидуумы, являющиеся членами противоположных групп, будут вести себя по отношению друг к другу в соответствии с их групповой принадлежностью, нежели с точки зрения их индивидуальных характеристик или межличностных взаимоотношений» [4, с. 277].

Теория Г. Тэджфела и Дж. Тернера базируется на допущении, что любой индивид прилагает усилия к формированию положительной

самооценки. Принадлежность к той или иной социальной группе неизбежно связана с позитивными или негативными ценностными коннотациями. По этой причине на индивидуальном уровне социальная идентичность подвергается сравнительному анализу. Сообществам приписываются характеристики престижа. Гармоничной является ситуация, когда стремление индивида поддерживать положительную социальную идентичность соседствует с высоким уровнем престижа самого сообщества. Внутригрупповое поле рассматривается как отдельное по отношению к соответствующим внешним группам и оценивается одобрительно. В противном случае, личность сталкивается с внутренним конфликтом. Индивиду приходится либо покинуть прежнее сообщество в угоду собственной самооценке, либо потрудиться ради роста уровня престижа группы, с которой он себя идентифицирует.

Концепция социальной идентичности рельефно демонстрирует, какие механизмы лежат в основе идентичностных противоречий, возникающих в рамках аккультурационного процесса. В то же время важно отметить, что идентичностные модели аккультурации не являются однородными и условно могут быть разделены на три группы в зависимости от базовых предпосылок, лежащих в основе исследования. Первым типом моделей аккультурации в рамках данного подхода являются *монополярные* концепции. В их основе лежит ассимиляционистская трактовка аккультурации, в которой единственной мерой, точкой отсчета и полюсом является степень гомогенизации индивида в сторону альтернативной, как правило, принимающей и доминирующей культуры. Принадлежность к той или иной этнонациональной общности безусловно является личным выбором индивида независимо от того, является ли сообщество статистическим большинством или меньшинством. Однако миноритет сопряжен с комплексом политических, экономических, социально-психологических проблем, обусловленных как историей взаимодействия этнонациональных сообществ, так и закономерной более или менее острой борьбой между ними за равенство прав, свобод и доступ к благам. Даже самые демократичные и плюралистические государства неизменно сталкиваются с подобными противоречиями, где социально-экономические и политические сложности отражаются и на характере межкультурной коммуникации в разнородном социуме. Именно социально-экономические блага нередко и являются фактором, активно подталкивающим представителей статистически миноритарных

групп к гомогенизации и ассимиляции. Доступ к привилегиям доминирующего сообщества выступает в качестве поощрения за успешную адаптацию к новому культурному контексту.

Значимым фактором гомогенизации поликультурного социума является и позиция титульного сообщества. Зачастую весомая доля населения продолжает оставаться «слепой» в отношении меняющейся культурной ситуации. Многие не перестают придерживаться мнения и вести себя так, словно общество однородно или же, если нет, непременно должно стать таким. Наряду с этим возникает вопрос о степени возможной трансформации идентификационных ориентаций. Принимающее сообщество, как правило, лояльно к сохранению традиционной пищи, одежды, музыкальных, танцевальных предпочтений и других внешних проявлений культуры, осязаемо свидетельствующих о приоритете плюралистических установок. Вместе с тем несоответствие ценностных ориентаций нередко вызывает конфликты и провоцирует усиление ассимиляционистских настроений. В то же время численно меньшей культурной группе гораздо легче перенять внешние атрибуты альтернативной культуры, нежели изменить базовые предпосылки своего мировосприятия. Кроме того, даже использование иных паттернов поведения не может в полной мере свидетельствовать о смене культурной идентичности.

Более многогранно раскрывают тему трансформации идентичности в процессе аккультурации *биполярные* модели. В них полюсу культурной ассимиляции противостоит сепаратизм. Индивиды, вовлеченные во взаимодействие, могут склоняться к любому из двух вариантов, однако, как правило, для подавляющего большинства коммуникантов бикультурализм оказывается наиболее удовлетворительной формой самоидентификации в рамках аккультурационного процесса.

Категория бикультурализма в линейной модели трансформаций этнокультурной идентичности не является однозначной. Изначально бикультурализм и вовсе понимался как одна из форм маргинальности, психологически нежелательное состояние, вызванное необходимостью справляться со сложностями двойных культурных референций. Двойственность самосознания, идентификационная путаница и пребывание за границами условной нормы виделись как угроза гармоничному развитию общества. Лишь позднее бикультурное самовосприятие стало пониматься как скрытый ресурс, способный быть источником формирования независимых, всесторонне развитых, ши-

роко мыслящих личностей, в долгосрочной перспективе ведущих общество к прогрессивным изменениям. Такой выход за собственные границы непременно требует подкрепления в виде компетенций, облегчающих и упрощающих культурные трансформации.

Одной из моделей бикультурной компетентности является концепция, предложенная группой ученых во главе с американской исследовательницей Т. ЛаФромбуа. Данная модель предполагает достаточную степень развитости шести ключевых компонентов: знания культурных ценностей и верований, позитивного отношения к мажоритарным и миноритарным этнонациональным сообществам внутри гетерогенного социума, бикультурной эффективности, коммуникабельности, репертуара социальных ролей, чувства обоснованности. Безусловно, концепция бикультурной компетентности предполагает, что каждому индивиду предстоит свой личный путь культурных трансформаций, однако в то же время исследователи утверждают: «Мы определяем бикультурную силу как веру или уверенность в том, что можно жить эффективно и удовлетворительно в рамках двух групп без компромиссов в отношении чувства культурной идентичности» [3, с. 404].

Наконец, третьим типом моделей аккультурационного процесса в рамках идентичностного подхода являются *квадриполярные* теории. В их основе лежат два фундаментальных вопроса: принимать ли этнокультурный «ярлык» альтернативного сообщества и сохранять ли свою исходную национальную идентичность. Четыре возможных сочетания положительных и отрицательных ответов рождают соответственно четыре полюса самоидентификации. Квадриполярные модели, таким образом, учитывают индивидуальную идентификацию участников межкультурного взаимодействия как с минорити-группой, так и с мажоритарным социумом.

Достаточно исчерпывающе суть квадриполярных моделей аккультурации в рамках идентичностного подхода иллюстрирует концепция, разработанная британскими исследователями Н. Хатник и М. Барреттом. Основываясь на обширных данных полевых исследований в среде мигрантов, ученые выделили четыре стратегии самокатегоризации. Самоидентификация с численно доминирующим альтернативным этнокультурным сообществом соответствует ассимиляционному полюсу. В противовес ассимиляции, низкий уровень отождествления себя с иными культурами в гетерогенном социуме является ключевым признаком диссоциации. Отрицание любых эт-

нокультурных «лейблов» сопряжено с маргинальной самокатегоризацией. Наряду с этим исследователи высказывают допущение: «На самом деле, маргинальная категория может представлять своего рода трансцендентность самоограничивающих определений или большую идентификацию с более космополитической или даже глобальной идентичностью» [2]. Бикультурное самосознание и высокая степень самоидентификации с двумя или более этнонациональными сообществами в данной теории именуется аккультурацией.

Аккультурация как стратегия самокатегоризации может соответствовать одному из трех механизмов. Культурные паттерны могут сливаться, сплавляться, образуя новые элементы, ранее не присущие ни одному из взаимодействующих сообществ. Возможна также и их интеграция, подразумевающая их равноценное и равнозначное сосуществование в культурном поле. Если же использование тех или иных культурных шаблонов обуславливается контекстом, то индивидом или группой избран механизм чередования.

Четыре описанные полюса самокатегоризации, по мнению Н. Хатник и М. Барретта, находят свое выражение как на абстрактном, фундаментальном уровне артикуляции собственной этнонациональной принадлежности, так и в избираемом стиле культурной адаптации к повседневным реалиям: еде, одежде, музыке, кино, неформальному общению, отношениям с противоположным полом. Однако последовательное соответствие избираемой идентификационной категории и образа адаптационного поведения не является обязательным. Случаи их несовпадения в среде мигрантов являются достаточно частым явлением.

Идентичностные модели аккультурации, независимо от принадлежности к любому из трех описанных типов, безусловно, позволяют облечь сложную и многогранную тему этнокультурного самосознания в некую более или менее упорядоченную и структурированную форму. С течением времени характер межкультурной коммуникации претерпел и продолжает претерпевать значительные перемены, обусловленные стремительным технологическим развитием и, как следствие, сокращением временного и пространственного расстояний между представителями ранее дистанцированных друг от друга сообществ. Возможно, на данный момент еще преждевременно говорить о сформированном глобальном, общепланетарном пространстве культуры. В то же время межкультурные отношения определенно стали транснациональными в том смысле, что взаимосвязи между людьми из разных уголков мира чрезвычайно многообразны и всепроникающи, все больше оказывают влияние на человека и культуру.

Люди по разным причинам нарушают свои национальные границы и в физическом, и в абстрактном смысле. Если прежде культура могла рассматриваться как некая социально организованная структура, достаточно гомогенная и присущая определенному коллективу людей, то теперь это предположение полностью опровергается динамичным характером человеческих биографий. Национальное, безусловно, не нивелируется, но приобретает некое новое значение и зачастую впервые отчетливо осознается именно в рамках аккультурационного процесса. Не соотносится эта категория более и с четкими государственными границами, выходя из геополитического дискурса в пространство осознания индивидуальных идентичностей.

В такой социокультурной ситуации моно-, би- и квадриполярные модели идентичностных трансформаций в рамках аккультурационного процесса видятся в определенной мере инертными и требующими многочисленных допущений. Конечно, в таком положении есть и свои преимущества. Индивид может быть тем, кем желает быть, или совместить в себе сразу несколько идентичностей. Этническое, национальное, культурное самоопределение выходит за границы «кристаллизованных» полюсных систем. Различия становятся интересными. Межэтническая коммуникация из пространства кросс-культурного взаимодействия превращается в сферу самоосознания и поиска адекватных и уместных индивидуальных категорий. Еще более актуальной становится подобная культурная осмысленность в ситуации интериоризации этнонациональных различий. Белорусский культуролог С. В. Донских отмечает: «В индустриальном и особенно глобальном постиндустриальном обществе все внешние отличия нивелировались. Однако единое человечество так и не сформировалось. Этнокультурные различия ушли “вовнутрь” – “интерриоризировались” посредством механизма самоотождествления или идентификации» [1, с. 196]. Безусловно, в более традиционных обществах этничность была и остается ярко проявленной во внешних атрибутах: одежде, блюдах национальной кухни, традициях и обрядах. Современность же стирает внешние различия, создавая подобие некой единой культурной платформы. Вместе с тем расхождения остаются. Они не столь явны, тяжелее осознаваемы, но непреложно важны для понимания своего места в глобальной культурной мозаике.

Особая роль в воспитании современной личности отводится способности к гармоничной кросс-культурной трансформации, подразумевающей как умение справляться с повседневными задачами

и сохранять психическую стабильность в динамично меняющихся культурных обстоятельствах, так и открытость в той или иной степени многослойной идентичности. Свидетельством рождения поликультурной идентичностной ориентации является понимание и принятие того, что целое гораздо полнее и крепче, чем простая сумма этнических ингредиентов. В аккультурационном процессе все стороны коммуникации непременно претерпевают метаморфозы, одновременно давая начало неким новым креативным силам. Аккультурация покоится на фундаменте, «сотканном» не из принципа замещения паттернов поведения, культурных элементов и ценностных ориентаций, а из убеждения, что мировосприятие того или иного сообщества может быть расширено и дополнено прежде не знакомыми установками.

В целом, идентичность в настоящее время является сложной и многосоставной категорией, претерпевающей постоянные трансформации в силу личных внутренних и внешних причин, диффузии поведенческих паттернов в глобализированном медиапространстве, аккультурационных процессов, все чаще становящихся частью персональных биографий. Идентичностный подход к изучению аккультурационных изменений сконцентрирован вокруг трех типов научно-исследовательских моделей, сформированных последовательно в рамках сменяющих друг друга социально-философских парадигм в отношении управления межкультурной коммуникацией и существующих параллельно на современном этапе развития культурантропологического знания. Наряду с этим можно утверждать, что гибкость и подвижность индивидуальных идентификационных метаморфоз в настоящее время делает моно-, би- и квадриполярные модели изучения аккультурации в определенном смысле нечувствительными к динамичности социокультурных процессов. Осознание собственных этнокультурных самоопределений и их артикуляция и презентация все больше индивидуализируются, расслаиваются в гетерогенных сообществах и требуют комплексного и в то же время внимательного к персональным особенностям изучения.

Литература

1. Донских, С.В. Проблема европейской идентичности в начале XXI в. / С.В. Донских // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания в контексте обеспечения национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию создания кафедры социальных наук ВА РБ, Минск, 16–17 мая 2013 г.: в 2 ч. / Воен. акад. Респ. Беларусь; редкол.: В. А. Ксенофонтов [и др.]. – Минск: ВА РБ, 2014. – Ч. 1. – С. 196–198.

2. Hutnik, N. Ethnic minority identity: twenty years on [Electronic resource] / N. Hutnik, M. Barrett // Research Gate. – Mode of access: <https://www.researchgate.net>. – Date of access: 15.11.2018.
3. LaFromboise, T. Psychological impact of biculturalism: evidence and theory / T. La Fromboise, H.L.K. Coleman, J. Gerton // Psychological Bulletin. – 1993. – Vol. 114, № 3. – P. 395–412.
4. Tajfel, H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J.C. Turner // Key readings in social psychology. Political psychology: key readings / ed.: J.T. Lost, J. Sidanius. – NY.: Psychology Press, 2004. – P. 276–293.

МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

А. С. Гольшко

Белорусский государственный университет, факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5, 220108,
Минск, Республика Беларусь
e-mail: sasha.golyshko@gmail.com

В статье рассматривается одна из новейших моделей аккультурации, приводится сравнительный анализ понятий «адаптация» и «аккультурация». Обосновывается необходимость развития мультикультурного образования в современном обществе и его использования в процессе адаптации к инокультурной среде.

Ключевые слова: адаптация, аккультурация, мультикультурализм, мультикультурное образование.

MULTICULTURAL EDUCATION IN CROSS-CULTURAL ADAPTATION PROCESSES

A. S. Golyshko

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: sasha.golyshko@gmail.com

The article considers one of the newest models of acculturation, provides a comparative analysis of the concepts of “adaptation” and “acculturation”. The necessity of development of multicultural education in modern society and its use in the process of adaptation to foreign cultural environment is substantiated.

Key words: adaptation, acculturation, multiculturalism, multicultural education.

В современном мире каждый индивид связан с какой-либо социальной системой. Большая часть жизни людей организуется в повседневном пространстве. Повседневность – это такая реальность, в которой человек живет и функционирует на сознательном и подсознательном уровне. Одним из важнейших составляющих организации повседневности является этническое и национальное самосознание, присущее каждому члену общества. Именно от уровня этнической и культурной идентичности зависят установки человека по отношению к другому, принципы взаимодействия, правила общения, установка границ между людьми и организация жизни в обществе.

Общественная жизнь представляет собой сложную систему отношений, в которую периодически включаются новые элементы. Обе стороны, прибывающая и принимающая, должны быть готовы к изменениям некоторых областей их жизни, иными словами, быть социально адаптивными.

В самом общем представлении адаптация – это приспособление организма к условиям окружающей среды. Понятие адаптации изначально определялось как биологический процесс. Социальная адаптация – это процесс приспособления человека к законам, традициям, организации общества, формам общения и т. д. Адаптация рассматривается не только как процесс приспособления, но и процесс изменения окружающей среды. Это же касается и социокультурной адаптации. Это означает, что в процессе адаптации обе стороны (личность и социальная среда) – активны. Взаимодействуя, социальная среда также преобразуется в соответствии с личными и общественными потребностями. Однако в контексте взаимодействия культур некоторые исследователи предпочитают использовать понятие «аккультурация».

Проблема межкультурной адаптации связана прежде всего с интеграцией различных влияний культуры и поиска своего места в сложном динамичном мире. В нашей работе в качестве элемента культуры, оказывающего влияние на адаптационные процессы, рассматривается образование.

Образование является феноменом культуры, который оказывает серьезное влияние на становление личности. В то же время оно само зависит от того, кто будет его реализовывать и развивать. Поэтому актуальной задачей является создание условий, в которых люди смогли бы полнее познакомиться с новой культурой, быстрее преодолеть барьеры аккультурации и стать частью новой культур-

ной среды. Это, в свою очередь, необходимо не только для реализации учебных, но и воспитательных задач образования.

В 2005 г. М. Навас (M. Navas) была предложена новая модель аккультурации: модель относительного аккультурационного распространения (*Relative Acculturation Extended Model – RAEM*). Навас подразумевает, что процесс адаптации является сложным, т. к. одни и те же стратегии не всегда используются или одни варианты могут быть предпочтительнее, когда взаимодействие с другими культурами происходит в разных сферах. В свете этого социокультурное пространство было поделено на различные области, в которых могут быть выбраны различные стратегии аккультурации [3]:

- религиозные верования;
- способы мышления;
- социальные отношения;
- семейные отношения;
- экономика;
- работа;
- политика и государство.

Многие исследователи уже признавали важность разделения аккультурационного процесса на разные сферы. Новизна RAEM заключается в том, что они размещены в центре матрицы как ключевой элемент для понимания того, как иммигранты адаптируются в новой среде и как коренное население воспринимает эту адаптацию.

Первая область – политическая и государственная система, которая организует властные отношения и устанавливает, по крайней мере, формально, социальный порядок. Вторая – трудовая – относится к работе (например, профессия, используемые инструменты и оборудование). Третье направление – экономическое, совместное использование произведенных товаров, экономические операции и потребительские привычки (например, купленные вещи, потраченные и сэкономленные деньги, способы управления и доход). Четвертая область – семья – относится к биологическому воспроизводству, включает культурную передачу руководящих принципов и ценностей поведения (например, отношения со своими детьми и т. д.). Пятый раздел – социальный – это социальные отношения и связи, которые поддерживаются за пределами семьи (например, дружба). Шестая область является идеологической – представление мира, который принимает идеологическую, философскую или религиозную форму. Другие подразделения в этой области: религи-

озные верования и обычаи, способы мышления, принципы и ценности. Как и в каждой системе, различные области тесно взаимосвязаны таким образом, что любая модификация в содержании одного вызывает изменения в остальных из них.

В конечном итоге складывается такая система отношений, где есть культура наследия иммигранта и культура принимающего общества. Иммигрант проходит процесс адаптации по каждой из семи областей, либо заимствуя что-то из новой культуры, либо сохраняя свое наследие. Это зависит от того, где находятся ценности индивида для каждой из областей – на периферии культуры или же составляют ее ядро. Например, те ценности, что составляют твердое ядро культуры, бывает очень трудно изменить даже в течение нескольких лет жизни в новом обществе, поэтому в этих областях индивид может выбрать стратегию разделения и не воспринять ценности новой культуры. С периферией, наоборот, ценности принимающего общества человек усвоит с большей готовностью.

Следуя этой теории, RAEM утверждает, что процесс аккультурации может быть выстроен с позиции избирательной или относительной адаптации, где каждый разрабатывает свой культурный синтез, принимая или отвергая элементы обеих культур.

Образование является важной частью каждого из этих уровней. Конечно, оно оказывает значительное влияние на тот самый идеологический, мыслительный уровень. Именно посредством образования человек усваивает нормы и ценности, которыми руководствуется в жизни, исходя из полученного опыта и знаний, принимает решения, выбирает определенные способы мышления, подходящие именно ему, получая образование, индивид формируется как личность. Мы уже говорили о том, что сегодняшний мир – это поликультурное пространство. Для успешного взаимодействия в этом пространстве необходимо обладать компетенциями, отвечающими современным глобальным вызовам. Одним из лучших способов достижения такого взаимодействия является получение мультикультурного образования.

В последние десятилетия мультикультурное образование все чаще рассматривается в качестве одного из компонентов национальной политики. Мультикультурализм охватывает все области человеческого взаимодействия: политику, образование, социальную и трудовую сферы и т. д. В связи с этим государства видят потребность в том, чтобы мультикультурное образование распространя-

лось на международном уровне. Во многих компаниях сотрудников обязывают проходить межкультурный тренинг, в учебных заведениях разрабатываются и вводятся программы мультикультурного образования, раскрывающие аспекты культурного многообразия и вопросы адаптации к инокультурной среде.

Первоначально концепция антирасистского образования сформировалась в начале 80-х годов как альтернатива мультикультурному образованию. Ее возникновение было обусловлено резким учащением случаев расовой дискриминации и расовых конфликтов. Принципиальная разница между мультикультурным и антирасистским образованием состояла в том, что педагогические модели, относящиеся к мультикультурному образованию, в основе своей были ориентированы на культуру, в то время как концепция антирасистского воспитания концентрировалась на структуре общества. В отличие от моделей мультикультурного образования, которые нацелены на воспитание уважительного отношения к культурным различиям, концепция антирасистского воспитания предполагала формирование активной позиции по отношению к неравенству и несправедливости [2, с. 4].

Уже позже многие исследователи стали считать, что обе концепции превратились в единую модель поликультурного образования, которая сочетает в себе одновременно курс на воспитание уважения к культурной инаковости и уклон на преодоление несправедливости в обществе.

Сегодня же мультикультурное образование исходит из принципа, что у всех и каждого есть культура, для которой характерны собственные традиции, взгляды, язык, ценности, правила, социальная иерархия, вера и т. д. Только культура у всех разная: не хорошая и плохая, высокая и низкая, полноценная и неполноценная, развитая и неразвитая, цивилизованная и примитивная, а разная, не похожая одна на другую, имеющая свои достоинства и недостатки, плюсы и минусы, сильные и слабые стороны [2, с. 8]. В связи с этим были разработаны цели и задачи мультикультурного образования, которые должны стать универсальными константами, характеризующими государства, стремящиеся к его внедрению в общество.

Цели мультикультурного образования (см. [2, с. 5]):

- развитие способности критически воспринимать встречающиеся клише, стереотипы, односторонние образы, относящиеся к другим людям и их культурам, выработку у школьников и студентов толерантного отношения к ним;

- развитие терпимости по отношению к чужому образу жизни и стилю поведения, основанной на понимании различий в культурном облике человека, которые могут привести к конфликтам между представителями различных социальных слоев;

- осознание того, что культурные различия и чужие культуры в целом влияют на эмоциональную сферу человека, становясь источником его переживаний и потребностных состояний;

- развитие способности дифференциации внутри чужой культуры, умение оценивать системы ценностей и норм по степени их исторически конкретной важности для определенных видов деятельности.

Задачи мультикультурного образования:

- способствовать пониманию и уважению различных этнических, расовых, культурных и языковых групп;

- формировать положительное отношение к культурному множеству;

- искоренять неверные представления, стереотипы и негативные суждения о себе и других;

- помочь осознать влияние расизма и других барьеров, мешающих людям принимать различия в других;

- вовлекать молодых людей в коммуникацию с учащимися других культурных групп и обучать их различным типам культур и общения;

- развивать взаимопонимание между учащимися, представителями различных культур, и навыки общения в мире культурного многообразия.

Литература

1. Маркова, С. Д. Аккультурация: к теории вопроса [Электронный ресурс] / С.Д. Маркова // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 12. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/60006>. – Дата доступа: 05.04.2019.
2. Руководство по мультикультурному образованию. – Клайпеда: Клайпедский мультикультурный центр, 2009. – 104 с.
3. Navas, M. Relative Acculturation Extended Model (RAEM): New contributions with regard to the study of acculturation / M. Navas, M. Garcia, J. Sanchez, A. Rojas, P. Pumares, J. Fernandez // International Journal of Intercultural Relations. – 2005. – № 29. – P. 21–37.

ГОРОД КАК СИСТЕМА, ПРОИЗВОДЯЩАЯ СМЫСЛЫ И РОЖДАЮЩАЯ ЭНЕРГИЮ КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЙ

В. А. Самкова

Екатеринбургская академия современного искусства,
кафедра социокультурного развития территорий,
ул. Культуры, 3, 620078, Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: alina.artbog@yandex.ru

Современные города превращаются в эпицентры энергии творчества и культурных индустрий. Они формируют новые смыслы, остаются привлекательными для креативных людей, творческих групп и общностей. Для развития культурных индустрий нужна не только особая среда, но эффективная система коммуникации, позволяющая осуществлять связь и взаимодействие всех типов креативных групп и культурных акторов. Сегодня креативные индустрии можно отнести к сектору экономики, где творческий труд выступает как экономический фактор, который является основой для креативных индустрий.

Ключевые слова: драйвер, креативные люди, креативные индустрии, культурные индустрии.

CITY AS A MEANINGFUL SYSTEM THAT GENERATES THE ENERGY OF CULTURAL INDUSTRIES

V. A. Samkova

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art,
Sociocultural Development of Territories Department,
Kultury st. 3, 620078, Ekaterinburg, Russian Federation
e-mail: alina.artbog@yandex.ru

Modern cities are turning into epicenters of the energy of creativity and cultural industries. They form new meanings, remain attractive to creative people, creative groups and communities. The development of cultural industries requires not only a special environment, but also an effective communication system that allows communication and interaction of all types of creative groups and cultural actors. Today, creative industries can be attributed to the economic sector, where creative work acts as an economic factor, which is the basis for creative industries.

Key words: driver, creative people, creative industries, cultural industries.

Развитию городов способствуют активные, талантливые и креативные люди, которые хотят личностной реализации, признания, влияния, славы и денег. Современные города развиваются в направлении повышения комфортности жизни. Чарльз Лэндри в своих работах отмечал, что готовой и универсальной методики развития креативности городов не существует. При этом креативность, утверждает он, развивается там, где есть культурное историческое и национальное разнообразие. А «креативные индустрии» воспринимаются как отрасли, которые «имеют свое происхождение в индивидуальном творчестве, мастерстве и таланте, и которые имеют потенциал для богатства и создания новых рабочих мест, путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» [4]. Сама креативность рассматривается в большинстве как способность культурных акторов генерировать новые идеи. Креативность определяет творческие способности индивида, характеризующиеся готовностью к принятию и созданию принципиально новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления и входящих в структуру одаренности в качестве независимого фактора, а также как способность решать проблемы, возникающие внутри статичных систем. Креативность рассматривается нами как способность индивида к творчеству, а креативный труд как важный производственный фактор, уникальность которого достигается благодаря творческому потенциалу [5, с. 561]. Сам экономический потенциал креативных индустрий влияет не только на создание символической ценности, но и определяет способность к развитию и масштабированию, а также выявляет возможность создания нового и уникального (эксклюзивного) продукта. Алан Фриман акцентирует внимание на том, что креативные индустрии можно отнести к сектору экономики, где творческий труд выступает как экономический фактор, который является основой для креативных индустрий [6, с. 173–196].

Один из эпицентров креативных индустрий на Урале сегодня, город Екатеринбург, исторически был основан как флагман горнозаводской цивилизации, он через 4 года будет отмечать свой 300-летний юбилей. Екатеринбург за три века своего развития закрепил за собой более десятка статусов: город-крепость; город-завод; индустриальный город; научный город; культурный город; театральный город; город креативных индустрий. Представители сферы управления культурными индустриями Екатеринбурга уверенно

демонстрируют свои компетентность и креативность, определяя формат необходимых новаций в сфере культуры и в сегменте администрирования культуры. Когда в марте 2018 года центре культуры «Урал» в Екатеринбурге открылся Уральский региональный форум Culturalica, он с первой минуты стал местом «приземления» высоких идей, определения актуальных направлений социально-культурного движения, площадкой для встречи власти, бизнеса и креативного класса. Форум Culturalica сформировал качественно новое пространство для обсуждения и презентации мировых трендов, масштабных проектов и глобальных проблем в сфере культуры, для участия в работе первого форума было зарегистрировано более 1000 участников – специалистов, экспертов в вопросах культуры и культурных индустрий. Название форума («Культура Урала») стало актуальным и очень притягательным, оно родилось здесь, в Екатеринбурге, участники форума определили его потенциал и возможности. Именно здесь, по единодушному мнению экспертов, Culturalica должна стать своеобразной лабораторией культурных проектов в пространстве Евразии. Рождению форума способствовала активная позиция всех креативных акторов сферы культуры уральской столицы. При этом стоит отметить большое количество экспертов, прибывших на форум, они органично включались в работу мероприятия, принимая участие в пленарных заседаниях в качестве спикеров: Bjorn Stenvers – директор ICOM, Darko Brlek – Директор Европейского Фестивального Агентства, его участие в форуме придает значимость и вес форуму Culturalica, Юрий Лейтен – директор Государственного концертного агентства Эстонии «Eesti Kontsert», который очень неплохо излагал свои концепции на хорошем русском языке, когда как первые два господина пользовались услугами переводчика. Юрий Лейтен показал большой культурный потенциал маленькой Эстонии в динамике и в цифрах. Не было, к сожалению, представителей культурных акторов дружественной Беларуси, будем ждать их на следующие форумы. Эксперты ректор ЕАСИ Инна Ахьямова и проректор по науке и инновационному развитию ЕАСИ Лариса Петрова говорили о роли и значимости проектной деятельности как технологии, которая из разряда инноваций давно перешла на уровень основного инструментария в системе управления [7].

Сегодня Екатеринбург успешно формирует инфраструктуру социальной памяти, это в первую очередь музеи и библиотеки, театры и галерейные пространства. В городе успешно функционирует

архивно-библиотечный сегмент, казалось бы, стандартный для региональной столицы. Следует подчеркнуть креативный потенциал библиотечных центров, который достаточно высок, и представлен не только научно-образовательными программами, уникальными проектами, различными фестивалями, такими как Библио-ночь. Данный проект позволяет находиться в библиотеке до 2 часов ночи, реализуя культурные и интеллектуальные запросы посетителей. В конференц-залах городских библиотек проходят различные культурные форумы, панельные дискуссии. Панельная дискуссия «Сколько стоит искусство» имела широкий резонанс, наделав много шума в интеллектуальной городской среде, тема обсуждалась в среде галеристов, художников, арт-критиков, менеджеров, дилеров. Вопрос был затронут актуальный и животрепещущий «сколько стоит искусство», инициаторами дискуссии выступила Екатеринбургская академия современного искусства. Библиотеки с успехом проводят тематические летние и осенние «читалки», встречи с авторами, неоднократно приглашались современные прозаики, поэты, драматурги. Поэтические дни пользуются особой популярностью у читателей, проходят различные выставочные проекты, лекции-презентации, клубные встречи, тематические экскурсии и многое другое...

Кластер государственных музеев в Екатеринбурге особый, художественный и краеведческий музеи обладают аномально разветвленными структурами из самых необычных подразделений, включая нумизматические, палеонтологические, этнографические экспозиции. Музей истории Екатеринбурга с сильным фотографическим подразделением «Дом Метенкова» представляет собой уникальные исторические и культурные артефакты. Музей истории камнерезного и ювелирного искусства собрал богатейшие минералогические коллекции. Объединенный музей писателей Урала знакомит жителей и гостей города с творчеством уральских писателей и в ретроспективе представляет эпоху, в которой жили и работали уральские писатели П. П. Бажов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Ф. М. Решетников, певец и трибун социально обездоленных. Музей архитектуры и дизайна УралГАХУ представляет уникальную возможность познакомиться с феноменом горнозаводской цивилизации на Урале, его экспозиции позволяют студенческой молодежи изучать эволюцию промышленной и гражданской архитектуры, а также благодаря образовательным и просветительским программам дает возможность познакомиться с богатым архитектурным наследием Уральского

региона. Проекты «Арх-ликбез» – уникальная возможность познакомиться с архитектурой забытых храмов на территории региона. Уральский филиал Государственного центра современного искусства (ГЦСИ – РОСИЗО) является драйвером современного искусства на Урале и инициатором Уральской промышленной биеннале.

Сегодня важно отметить огромный вклад в развитие культурных индустрий частных и корпоративных музеев, каждый из которых в той или иной степени собирает и выставляет современные визуальные искусства, это арт-галереи, музеи Наивного искусства, музей Миши Брусиловского, музей Невьянская Икона. Сегодня «Екатеринбург – один из немногих европейских городов, который вышел на новый уровень развития, став городом возможностей для каждого. Город – создающий бренды, опережающие время, где Культура является драйвером территорий, как отмечалось на форуме Culturalica, который с успехом прошел в 2018 и 2019 году. В своих выступлениях спикеры подчеркивали, что Екатеринбург с его культурным потенциалом, креативными акторами сферы культуры, высокими культурными ориентирами, амбициями и очень требовательной и искушенной публикой создает модель креативного города и становится масштабной лабораторией культурных проектов. Город выступает мощной платформой культурных индустрий, ему необходимы профессиональные ресурсы.

Екатеринбургская академия современного искусства (ЕАСИ) – один из немногих в России муниципальных вузов, который не только готовит квалифицированные кадры для сферы культуры, сам является тем драйвером и запускает новые культурные индустрии. ЕАСИ проводит прикладные исследования в области сохранения и совершенствования культурного потенциала региона, создает и реализует актуальные социокультурные проекты, а также занимает ведущие позиции в проектной исследовательской работе по проблемам реновации, брендинга и ребрендинга культурных объектов. Арт-менеджмент стремится моделировать сценарии, которые позволяют раскрыть причинно-следственные связи формирования спроса и предложения на арт-рынке, предугадать ситуации, которые позволяют коллекционерам активно совершать покупки, а художникам – изобретать альтернативные пути взаимодействия с рынком. Арт-менеджмент и арт-маркетинг работают с маркером «искусство» и постоянно сталкиваются с проблемой определения не только объ-

екта и предмета искусства, но и с вопросами роли и функции искусства и цены продукта на современном арт-рынке.

Сегодня, в целом, арт-рынок как динамичная система, дающая множество поводов для размышлений о ценности искусства, позволяет нам взглянуть не только на историю взаимоотношений предметов искусства и мира денег. Арт-рынок позаимствовал у модной индустрии понятие «бренда» и представляет сегодня тотальную схему брендинга. Арт-рынок понимается большинством культурных акторов не столько как механизм купли-продажи произведений искусства, сколько как пространство, где сталкиваются интересы экономики и бизнеса, социальной психологии и философии искусства [1, 91–95]. Порой мы забываем, что целью формального новшества, относящегося к предметам, является не идеальный мир предметов, а некий социальный идеал, идеал привилегированных классов [2, с. 40], который состоит в том, чтобы постоянно воссоздавать свою культурную привилегию. Усилия всех участников арт-рынка порой сводятся к созданию технологии по раскручиванию брендов. Бренд как миф превращается в маркер, помогающий покупателям ориентироваться в огромном количестве предлагаемых произведений искусства и справиться с неуверенностью относительно их качества. Таким образом, коллекционеры как покупатели зачастую становятся клиентами брендовых дилеров.

Создавать большие международные проекты вне столичной ситуации – работа сложная, она предполагает дополнительное взаимодействие с разными сообществами, которые, в свою очередь должны стать твоими единомышленниками, делилась своим опытом комиссар Уральской индустриальной Биеннале Алиса Прудникова. Как показал опыт Уральской индустриальной биеннале, основная задача масштабных форумов – обозначить Екатеринбург, да и Урал в целом, на культурной карте мира. Сложнее всего сделать своими союзниками бизнес-партнеров и убедить их в том, что такой путь к статусу глобального города самый эффективный и короткий. Следуя этой тенденции, ЕАСИ запускает проекты «Арт-Диалоги» и «Арт-Транзит», которые дают возможность объединить усилия культурных сообществ Европы и Азии.

Бесспорно, что большую роль в развитии креативной среды города играют галереи, музеи, форумы, фестивали и ярмарки современного искусства. Они активно поддерживают жизнь современного

искусства вдали от двух главных центров художественной жизни – Москвы и Санкт-Петербурга. Как в 1990-е годы в столице, сегодня арт-галереи оказались платформой культурных индустрий, демонстрирующие современное искусство, а заодно и образовательными центрами, часто единственным пространством, призванным создать в городе или регионе консалтинговую площадку по обсуждению коммерческих вопросов и рыночной ситуации на арт-рынке. Сегодня они становятся платформами культурных индустрий и инструментами привлечения капитала, инвестиций не только в галерейный бизнес, они становятся драйверами культуры территории.

Литература

1. Арутюнова, А.Г. Арт-рынок в XXI веке: пространство художественного эксперимента / А.Г. Арутюнова. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. – 2-е изд., испр. и доп. – 232 с.
2. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Д. Кралечкина. – М.: Академический проект, 2007. – 335 с.
3. Беляева, М.А. Азы имиджологии: имидж личности, организации, территории: учебное пособие для вузов // Имидж территории как объект управления / М.А. Беляева, В.А. Самкова. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. – 2-е изд., доп. – 228 с.
4. Лэндри, Ч. Креативный город / Ч. Лэндри; пер. с англ. В. Гнедовского, М. Хрусталева, М. Гнедовского. – М.: Издательство «Классика – XXI», 2018. – 399 с.
5. Самкова, В.А. Креативные города, креативные люди / В.А. Самкова // Science and Education materials of the international research and practice conference. – Westbaden, 2012. – 561 p.
6. Хестанов, Р. Креативные индустрии – модели развития / Р. Хестанов // Социологическое обозрение. – 2018. Т.17. – № 3. – С. 173–196.
7. Culturalica / Культурный Екатеринбург [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://culturalica.ru/>. – Дата доступа: 11.04.2019.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ	3
<i>А. Х. Мустафаев (Институт философии Национальной Академии Наук Азербайджана) Современная культура и стиль жизни</i>	3
В. А. Карпиевич (Белорусский государственный университет) Буржуазия Беларуси конца XIX – начала XX вв. И ее роль в жизни общества	11
<i>Т. А. Аргашкина (Дальневосточный федеральный университет) Россия и Китай в период реформ: сравнительный анализ</i>	19
<i>А. Ю. Большова (Кубанский государственный университет) Механизмы концептуализации действительности в современном поэтическом дискурсе</i>	27
<i>М. С. Джафарова (Бакинский Университет Бизнеса) Национальные культуры и значение сохранения принадлежащих им ценностей</i>	35
<i>А. А. Легчилин (Белорусский государственный университет) Немецкая философия в интеллектуальной культуре Северо-Западного края Российской империи: историографический обзор</i>	43
<i>Н. А. Гусейнова (Азербайджанский Университет Языков) Идеи толерантности в контексте межкультурных отношений</i>	50
<i>В. В. Зайдадь (Белорусский государственный университет) Базовый паттерн белорусской культуры: структура ценностных ориентаций</i>	57
Секция 2. НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	67
<i>А. Б. Шашкевич (Фонд «Культурное наследие и современность») Традиционные знания и практики как нематериальное культурное наследие</i>	67
<i>Т. А. Чикаева (Московский художественно-промышленный институт) Родина как общечеловеческая ценность национальной культуры</i>	74
<i>В. Ф. Кулеш (Белорусский государственный университет), В. В. Маврицев (Белорусский государственный педагогический университет) Парадигма охраны природного достояния Беларуси</i>	81
<i>Д. У. Філіпчык (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт) Змена музейнай парадыгмы ў захаванні нематэрыяльнай культурнай спадчыны</i>	91
<i>О. И. Кокорева, Ю. М. Васина, О. А. Асмаловская (Тульский государственный педагогический университет) Принципы создания культурно-образовательного пространства на базе специальных детских образовательных учреждений</i>	99
<i>Н. Г. Шпаковская (Белорусский государственный университет) Современная интерпретация эддических мифов в британской литературе: сказание от Геймана и «Евангелие от Локи»</i>	104
<i>Чжэн Чао (Белорусский государственный университет) Виды нематериального культурного наследия внутренней Монголии как художественная ценность</i>	112

Н. А. Телюк (Белорусский государственный университет) Проблемные аспекты формирования культуры безопасности жизнедеятельности	119
Е. И. Наймушина (Белорусский государственный университет) Основные дефиниции понятия «символика огня»	125
В. А. Прокашева, Н. А. Телюк (Белорусский государственный университет) Математика и безопасность жизнедеятельности: междисциплинарный аспект	131
D. V. Skivitski (Instytucja Naukowa «Centrum badań białoruskiej kultury») Poliglosja liturgiczna jako fenomen religijno-językowo-kulturalnej społeczności “pax slavia graeco-latina”	136
F.N. Daulet (Kazakh National University named after Al-Farabi) Features of Culinary Codes of Kazakh and Chinese Linguacultures	144
Д. С. Михайлова (Белорусский государственный университет) Исторические архитектурные памятники Беларуси в современном культурном контексте	151
К. И. Козлова (Белорусский государственный университет) Фрески и граффити Полоцкого Спасо-Преображенского храма	157
Секция 3. КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ И МЕНЕДЖМЕНТ КУЛЬТУРЫ	
И. В. Воробьева (Белорусский государственный университет) Система маркетинговых коммуникаций при продвижении культурной услуги	163
А. В. Зезюлевич (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы) Литературный текст в пространстве медиа: механизмы трансмедийного переноса	174
А. А. Касперук (Белорусский государственный университет) Кросс-культурный менеджмент и межкультурная коммуникация в современных бизнес-организациях	182
Л. В. Рычкова (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы) Взаимодействие лингвокультур в текстах современных СМИ	186
Д. Н. Караваева (Институт истории и археологии УрО РАН) Регенерация, бренд и туризм в постиндустриальных мультикультурных регионах (Северная Англия в Великобритании)	193
А. Д. Крывалап (Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт) Культурная гегемонія крэатыўных індустрый	201
Т. Е. Алексю (Белорусский государственный университет культуры и искусств) Роль культурных и креативных индустрий в формировании современной городской культуры	207
А. Б. Беловская (Белорусский государственный университет) Массовая культура и мифологизация в американских фантастических фильмах	212
К. С. Ващилко (Белорусский государственный университет) Репрезентация поколения X в романе Виктора Пелевина «Поколение “П”»	221
Секция 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
С.А. Важнік (Белорусский государственный университет) Канструкцыя ідэецца аб / пра ў беларускай мове	230

Т. Г. Дементьева (Минский государственный лингвистический университет) Эффективность культурологического подхода к обучению специалистов иностранным языкам	236
Д. О. Сидорович, А. О. Долгова (Белорусский государственный университет) С чем ассоциируют счастье и несчастье белорусы, русские и англичане? (На материале фразеологизмов)	242
Е. А. Михасёва (Государственное учреждение образования «Ясли-сад № 94 г. Могилёва») Воспитание ценностного отношения к национальным традициям у детей старшего дошкольного возраста в музыкальной деятельности	249
Т. Н. Кротова (Государственное учреждение образования «Ясли-сад № 94 г. Могилева») Формирование национальной культуры у воспитанников в учреждении дошкольного образования	255
Махмудов Матлаб Абдулала оглу (Институт Философии Национальной Академии Наук Азербайджана) Методологические аспекты развития социокультурных ресурсов в пространственно-временном контексте	259
С. В. Снапковская (Белорусский государственный университет) Общечеловеческий или национальный идеал: педагогический дискурс в начале XX ст.	268
К. А. Сухарева (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) Использование этнонимической лексики в межкультурной рекламной коммуникации	277
А. С. Васілеўская (Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка) Праблемы разумення інтэртэксту ў міжкультурнай камунікацыі	284
В.М. Сімановіч (Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка) Назвы беларускіх газет і часопісаў 1950–1960-х гадоў: структурна-граматычны аспект	289
Е. В. Борисевич (Белорусский государственный университет) Особенности передачи некоторых этнографических реалий в истории славянского библейского перевода	297
Т. А. Мотрэнка (Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка) Паэтычны слэм як спосаб камунікацыі «творца – чытач» у беларускім культурным дыскурсе	306
И. В. Пантюк, О. А. Воробьева (Белорусский государственный университет) Роль национальных культурных ценностей в воспитании здорового поколения в условиях глобализации	313
Секция 5. ИСКУССТВО И ДИЗАЙН В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	322
А. Н. Воцинчук (Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз) Трактовка дефиниций «тело» и «телесность» в психоанализе и искусстве (на примере лондонской школы живописи)	322
Г. А. Джохадзе (Тбилисский государственный университет Ильи) Перцепция грузинского искусства в дискурсе Осипа Мандельштама. Герменевтические интерпретации	327

И. В. Надольская (Минский городской институт развития образования) Прикладное искусство через арт-объект: презентация аутентичной культуры	338
А. С. Савченко (Харьковский национальный университет искусств им. И. П. Котляревского) Украинская симфония в контексте европейской музыкальной культуры XIX–XX вв.	345
Н. Ю. Фролова (Белорусский государственный университет) Некоторые проблемы дизайн-образования и пути их решения	352
Ло Чаопэн (Белорусский государственный университет культуры и искусств) Чуаньбэйский театр теней: исторический экскурс, характерные черты, межкультурные взаимодействия	356
В. Г. Кашуба (Киевский национальный университет театра, кино и телевидения им. И. К. Карпенко-Карого) Феномен «нового цирка»: анализ инноваций	364
А. В. Мончак (Белорусский государственный университет) Художественная система барокко и греко-католицизма в иконописи Беларуси XVII в.	371
Э. А. Усовская (Белорусский государственный университет) Имагинация Жюль Делёза	375
Секция 6. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	382
Н. С. Зеленская (Белорусский государственный университет) Культурно-исторический взгляд на мотив самоубийства в творчестве У. Шекспира	382
Т. С. Супранкова (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт) Фаўсіяна ў культуры беларускага Адраджэння	389
М. В. Романюк (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина) Комическое как средство раскрытия проблемы межкультурного взаимодействия в романах Дж. Барнса	396
Е. С. Гинак (Белорусский государственный университет) Репрезентация создания новостей в романе Умберто Эко «Нулевой номер»	403
Е. А. Шмык (Белорусский государственный университет) Веймарская классика как феномен немецкой и мировой культуры	411
Е. В. Андрианова (Белорусский государственный университет) Образы Румынии и Германии в произведениях Герты Мюллер	416
Д. В. Русецкая (Белорусский государственный университет) Явление метатеатра в белорусской драматургии	424
А. С. Рыдлевская (Белорусский государственный университет) Категория травмы в концепции личности С. Жермен	432
Е. К. Сельченко (Белорусский государственный университет) Гностические топосы в политической утопии и художественной практике С. Георге и его «круга»	440
Д. О. Половцев (Белорусский государственный университет) Переосмысление классики: роман Р. Гавелиса «Вильнюсский покер»	451
Л. А. Таран (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт) Маладая Вена як літаратурны канструкт Германа Бара	458

<i>Д. К. Давыденко (Белорусский государственный университет)</i> <i>Переводческая рецепция рассказов Юдит Герман «София»</i> <i>и «Музыка Хантера Томпсона» (особенности гендерного подхода)</i>	465
<i>В. Ч. Гронская (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)</i> <i>Вобраз-сімвал венскай Плошчы герояў у аднайменных вершы Э. Яндля</i> <i>і п'есе Т. Бернхарда: праблемы інтэрпрэтацыі і перакладу</i>	473
<i>Т. Р. Багарадава (УА «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт»)</i> <i>Адлюстраванне праблемы «чалавек – абставіны» ў ваенных аповесцях</i> <i>І. Новікава і І. Шамякіна 1990-х гг.</i>	481
<i>Н. М. Шахназарян (Белорусский государственный университет)</i> <i>Восток–Запад, Север–Юг в системе ценностей английских</i> <i>и русских романтиков</i>	490
<i>М. Ю. Шода (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)</i> <i>Асаблівасці выкарыстання баладнага стылю ў паэзіі У. Б. Ейтса</i>	501
Секция 7. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ	511
<i>В.Ф. Мартынов (Институт современных знаний имени А. М. Широкова)</i> <i>Динамика уникального и универсального в условиях</i> <i>глобализационных процессов</i>	511
<i>Л. А. Григорович, Е. Б. Качалина, Э. В. Кулешова (Московский институт</i> <i>психоанализа) Культурные коды языковой личности</i> <i>в транзитивном обществе</i>	515
<i>Е. А. Криштаносова (Белорусский государственный университет</i> <i>культуры и искусств) Специфика межкультурного многообразия</i> <i>в эпоху глобализации</i>	523
<i>Е. Н. Антамошкина (Волгоградский государственный аграрный университет)</i> <i>Организационные коммуникации в условиях глобализации</i> <i>и социокультурной дифференциации</i>	531
<i>В. И. Чушов (Академия управления при Президенте Республики Беларусь),</i> <i>Б. В. Марков (Санкт-Петербургский государственный университет)</i> <i>Некоторые диалогические особенности природы межкультурной</i> <i>коммуникации</i>	536
<i>Т. А. Працкевич (Белорусский государственный университет)</i> <i>Идентичность как прогностический фактор аккультурации</i>	547
<i>А. С. Голышко (Белорусский государственный университет)</i> <i>Мультикультурное образование в межкультурных</i> <i>адаптационных процессах</i>	555
<i>В. А. Самкова (Екатеринбургская академия современного искусства)</i> <i>Город как система, производящая смыслы и рождающая энергию</i> <i>культурных индустрий</i>	561

Научное издание

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НОВАЯ ПАРАДИГМА ОХРАНЫ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ)**

Сборник научных статей
по материалам
IV Международной научно-практической конференции

(Минск, 11–12 апреля 2019 г.)

На русском, белорусском, польском и английском языках

Ответственный за выпуск *Е. Пате́й*

Компьютерная верстка *А. А. Миклуевич*

Подписано в печать 17.12.2019. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл печ. л. 33,4. Уч.-изд. л. 27,0.

Тираж 60 экз. Заказ. 17702.

Издатель:

общество с ограниченной
ответственностью «Колорград» .

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных
изданий № 1/471 от 28.07.2015.

Пер. Велосипедный, 5-904, 220033, г. Минск,
www.сегмент.бел

